

Ирина Кнорринг

ЗОЛОТЫЕ МИРЫ

Избранное

Алматы, 2014

Ирина Кнорринг. Золотые миры. Избранное. –
808 стр. – Алматы, 2014 г.

Составитель Н.Н.Кнорринг
Редактор Н.М.Чернова
Фото из семейного архива Кноррингов
На обложке иллюстрация И.Билибина

«Золотые миры» - наиболее полное собрание стихотворений Ирины Кнорринг, известной поэтессы Русского Зарубежья 20-х – 40-х гг. XX века. Жизнь её, наполненная драматическими событиями и тяжёлыми испытаниями, рано оборвалась, но Слово Ирины Кнорринг осталось в истории отечественной культуры. Завершает издание очерк её отца, Н.Н.Кнорринга, «Книга о моей дочери».

«Золотые миры» будут интересны для тех, кто любит поэзию, кто изучает литературу Русского Зарубежья, где немало славных имён, и одно из них – Ирина Кнорринг.

ISBN 5-86020-054-14

БЕСПОЩАДНАЯ ПОВЕСТЬ

Передо мной шесть тетрадей, названных «Книгами». Тетради тесно заполнены стихами «поэта изгнания» – Ирины Кнорринг. Начаты записи в России, когда юной поэтессе было 8 лет, а большая часть написана в эмиграции. И хотя Ирина Кнорринг печаталась в эмигрантских изданиях, выпустила при жизни два поэтических сборника, общалась с известными литераторами, была, наконец, членом Союза русских писателей и поэтов во Франции, о себе, как о поэте, думала скромно: «Вот прошла я, подобная многим / (Так легко ведь идти за толпой)», «Когда я знаю, что не лучше / Таких же тысячи других...», «Мне смешно и не скучно жить / С длинным прозвищем – поэтесса!», «И прозвище надменное – поэт».

«Прозвище», а не звание! Может потому, что чувствовала она себя на чужбине человеком второго сорта («Я человек второго сорта»), оторванном от своего народа, от стихии родного языка, от Родины – вечной «беженкой», вынужденной ютиться у чужих порогов. И хотя сочинение стихов было её органической потребностью с раннего детства, хотя она то и дело признавалась: «И сердце гулко отбивает ямбы...», «А тиканье будильника порой / Совсем не ямб, а нервный амфибрахий...», «Я стала только рифмой мерить / Мои тоскующие дни», «Я люблю только крылья стихов», «Усиленным дактилем вяжут колёса / Какую-то страшную боль», «И жизнь меня несла поэмой плавной» и т.д., к стихам своим она относилась как к некой форме дневника, как к собеседнику в пронизанной холодом и одиночеством жизни. Друг-Дневник всегда выслушает, успокоит, поможет разобраться в запутанных хитросплетениях бытия, не предаст. Он всегда рядом. Всегда под рукой. Он – хранитель девичьих секретов, ночных фантазий и страхов – «окрылённых небылиц», бескорыстный, вечный спутник: «Здесь, на страницах заветной тетради / Горькие тайны лежат...» И ещё – стихотворный дневник стал её духовной родиной, где она могла говорить и думать по-русски.

Прозаический дневник тоже вёлся, и как бы дополнял стихи. Только в прозе – фактический материал её жизни, а в стихах – эмоциональный. Отец поэтессы, Н.Н.Кнорринг сказал о «шести тетрадях» её стихов, что это «памятник раскрытия человеческой души».

Дневник в прозе назвала она «Повесть из собственной жизни», а поэтическую часть дневниковой летописи величала по-разному: «Мой друг безмолвный – синяя тетрадь», просто – «Синяя тетрадь» (может быть, переключаясь со строкой Анны Ахматовой: «Вот эта синяя тетрадь / С моими детскими стихами...»), «Заветная тетрадь», «Нити пёстрых стихов», «Сердце говорит», «На распутьях», «Мучительный час», «Си-луэт души», «Беспощадные года», «Медные звенья стихов», «Томление по идеалу», «Ветер на песке», «Жизнь моя, забрызганная солнцем», «Я – только зритель», «Влюблённые стихи», «Рассказывая стихами...», «Золотые миры», «День за днём», «Дневник существования пустого», «Всё, что было», «Вечная даль», «В шелесте страниц», «Синий сон», «Когда душа цветёт», «Душа пополам», «Маятник сердца»...

Все эти строки из стихов могли бы стать названиями книг. Но самым, наверно, точным было бы это – «Беспощадная повесть». День за днём, «рассказывая стихами», писала Ирина Кнорринг повесть своей души («Душа – большая, путаная тайна, / Храм тихой нежности и чистоты»), не щадя себя, не заботясь о внешнем впечатлении, не подкрашивая свой облик:

*Жизнь темна и душа пуста.
– Может быть, я одна из ста
Говорю об этом открыто.*

*Мечты раскрашенной не надо,
Я правду свято берегу.*

*Только жалкой, измятой, униженной,
Я найду золотые слова.*

Именно это было для неё главным – пройдя сквозь житейские испытания, говорить правду «золотыми словами». И ещё – трепетное отношение к поэзии, к стихам.

Они отрадней, чем слова молитв.

Их повторять, ведь то же, что молиться.

Перечитывая любимые страницы А.Блока или А.Ахматовой, признавалась:

*Я, как Евангелие, страницы их
Целую с трепетом благоговенья.*

И вот ещё:

*Мы будем медленно читать стихи,
Ведь каждый, как умеет, славит Бога.*

И она пыталась читать «В небе бесконечном и бездонном, / Полном вдохновенья и огня», ибо «В этом мире нет противоречий, / В таинственной гармонии Творца». Чистым трепетом перед миром небесным, поиском «золотых слов», «Чтобы вечно струнами звучали / Жадные слова Богопознания!», она была всецело поглощена, мало думая о земном, в том числе, и о литературной славе, которая всё же сопровождала её, и на какое-то время освещала печальное бытие, заслоняла сомнения в значимости собственного таланта, но слава эта заканчивалась часто разочарованием, «отворачиванием к литературе, и в особенности, к стихам...», которые не могут равняться жизни, не могут её пересилить, не могут и небу равняться – вдохновение смертных меркнет перед вдохновением небесного Творца:

*Что прежде называла вдохновеньем,
Что прежде было счастьем и мечтой,
А после – тоже стало пустотой...*

Может, ещё и поэтому отводила она себе скромную роль в литературе («Верно, мне не сделаться поэтом...»), что понимала: никогда не станет великой, поскольку никогда не разгадает тайну небесной гармонии. И как бы не были чеканны её собственные строки (этим она иногда гордилась), стройность Божественной музыки ей не передать. Но она слышала её, музыка эта её волновала (у Ирины был безупречный музыкальный слух, она играла на пианино, и отец её был музыкантом-любителем).

Всё, что отвлекало от небесной гармонии, Ирину раздражало, особенно, шумные, хмельные вечера среди собратьев по перу, где было немало псевдо поэтов, или просто мало одарённых людей, но с большими претензиями. Для Ирины же слово Поэт всегда звучало с большой буквы. Звание Поэта было священным.

*Я никому не читаю стихов,
Я не срываю похвал.
Я разлюбила угар вечеров,
Душный, наполненный зал.
Но никому – ни за что – никогда –
Я не поведаю – нет,
Чем для меня в те живые года
Было названье – Поэт.*

Ирина старалась держаться в тени, в стороне от всегда праздничного, праздного Монпарнаса, где в ночных кафе любили собираться молодые русские поэты Парижа: спорили, читали стихи, делили лавры первенства, доказывали маститым «старикам», таким как Бунин, Мережковский, или более близким к себе Ходасевичу и Адамовичу, что имеют право на звание поэтов, что именно они глашатаи нового времени. Ирину утомляла нездоровая атмосфера этих вечеров, где ждут «злого, литературного анекдота», как возможности поглумиться над кем-то – просто так, от скуки, от того, что потерпели катастрофу, выброшены на чужой берег, где никому не нужны. Она видела «На привычно-равнодушных лицах / Острой злобы плохо скрытый яд» – неизбежный яд соперничества, зависти, вранья, дешёвого театра, что присуще для любой богемы. Ирина сторонилась этого яда: «Как уйти от путей лукавых? Как увидеть нетленный свет?». Она берегла «храм чистой нежности и чистоты» – свою душу, чутко слушая, «как растёт могучий звук», как в сердце «звучит струна». В такие минуты она чувствовала: «Душа сильна: в ней блещет вечный свет». Она искала «то, что бессмертнее и выше счастья», и только тогда «Слетают с языка / Неповторимые слова», только тогда «человеческой станет душа». Слова слетали с языка, как высверк молнии:

*Я не умею говорить слова,
Звучащие одними лишь словами.
Я говорю мгновенными стихами,
Когда в огне пылает голова.*

Ирина была, по словам Н.Н.Кнорринга, «летописцем своих переживаний», и недаром первую книжку назвала «Стихи о себе».

«Больше всего я люблю себя и стихи», – признавалась она. Но это была не эгоистическая любовь, не примитивное самолюбование. Этого как раз у неё никогда не было. «Люблю себя» – люблю тот свет в себе, который называют Богом. В каждого из нас Он вдыхает жизнь, и значит, частицу своего дыхания, частицу себя. Именно это любила в себе Ирина.

*Душа моя растёт,
Как стон морей, как ширь степей...
Растёт, цветёт, поёт и ждёт,
И ждёт грядущих дней...*

Стихи свои, где открывалась её душа, считала она «Богоспознанием», потому они были для неё чем-то сокровенным, тайным, как тайны все исповеди, когда человек предельно искренен, когда он открывается до самых стыдных глубин.

Она со страхом представляла, доверяя свои поэтические откровения только мужу, что «когда-нибудь кто-то третий» прочитает её стихи: «Тайник души мне грустно раскрывать», потому что «Почти всегда бывает больно, / Когда раскроется душа», и всегда тщательно отбирала она стихи для книг и публикаций. И когда впервые увидела «свои слова», напечатанные в парижском журнале, была не столько рада, сколько опечалена:

*Я первый раз прочла свои слова,
И ощутила горькую утрату:
Зачем, зачем другим я отдала,
Что мне одной лишь надо?*

И потом, когда уже стала активно печататься, не избавилась от горечи утраты, от чувства греха:

*И отвозить покорно и упорно
Своих любимейших и неповторных,
Литературных маленьких детей
На кладбище «Последних Новостей»*

«Требовательная строгость к себе», – говорил о ней Георгий Иванов, и считал настоящим поэтом, чьи стихи отмечены «неподдельной, благоуханной поэзией», далёкой от божественной суеты.

Она никогда не умела устраивать свои стихи.

*Писать стихи и прятать под замок.
Упрямо думать и молчать годами...*

*И печаль неотвратимая
Перед вечностью молчит.*

Но в этом молчании, наедине со своей тетрадкой и вечностью, чувствовала она себя счастливой: «О, в этой тихой, безысходной роли / Какая лёгкость и какая грусть!», «Молчу. Но сердце говорит». Она и «молчала» стихами.

Ей повезло: устройством её рукописей занимался обычно её отец, он же позаботился и о сохранении памяти о дочери.

Жил из последних сил, пока не увидел её книжку, изданную на родине. Книжка вышла в Алма-Ате, в 1967 году – Николай Николаевич Кнорринг умер в 1968-ом, немного не дотянув до девяноста лет.

Стихи её – это подвиг самопознания, упорное, трудное строительство внутреннего мира. Она писала, духовно созревая, вырастая, страдая, впадая в безверие, отчаяние, смертную тоску, но и возносясь к надежде, к ликованию жизни, подмечая любой, малейший сдвиг в своём пути к себе истинной, к Богу, к любви.

Путь был тернистым, полным отречений, душевных метаний, ценою в жизнь. И ещё – это было критическое наблюдение за собой – внешней, над своим двойником, о котором она то и дело упоминает и который ей не нравится. Двойник – двуличен, невзрачен, в бедном, замызганном платье, измучен бытом, вечно ноет и всех удручает своей тоской, он неизлечимо болен, он никчѐмен, жизнь его бесцельна и пуста. И двойник этот не совпадал с ней настоящей – внутренней, которая видела «золотые миры» и создавала их сама («Мы в пламенном воображенье / Плетѐм золотые миры»). «Золотые миры» поэтессы были истинной жизнью, а остальное бытие – ложь, мираж, чужие сны.

*Я только для одной себя жила,
И для себя созвучья рифм сплетала!
Я сделала, быть может, много зла,
А добрых дел моих так мало.
Я до конца сама себе лгала,
Быть может, с самого начала.*

*Чтоб начертать один звенящий стих,
Я вырву душу, сделаюсь Иудой,
Предам себя, но и предам других,
Но будет час – и я поверю в чудо!*

Когда она говорит, что готова на предательство ради одного «звенящего стиха», что «сама себе лгала», то ложь эту надо понимать не напрямую, а как ложь жизни против правды художественного вымысла, как верность своему творческому пути – в ущерб пути тварного, бесталанного

(вспомните у Марины Цветаевой: «Никто, в моих письмах
роясь, / Не понял до глубины: / Как мы вероломны – то есть,
/ Сами себе верны»).

Она переживала вечную муку поэтов – невозможность в слове выразить всю полноту чувств и мыслей («Мысль изреченная есть ложь»), когда «Вереницею послушной / Бегут бессильные слова», когда правда переживаний ускользает, оставаясь «В самых нежных, самых совершенных, / Нами не написанных стихах». Она признавалась: «Я не могу найти такое слово, / Чтоб передать безумие мечты». И тогда появлялись жестокие в своей прямоте строки: «Я пишу не стихи, а стишки, / Равнодушно-бездарно-пустые», «Вместо подлинной муки – простая тетрадь, / Сочинённые разумом строфы», «Я слишком много разбросала слов, / Которые раз в жизни говорятся», «Жизнь оказалась тетрадкой простою, / Только тетрадкой стихов», «Стихи? Всё равно их никто не читает, / И в них я одна...»

В такие минуты беспощадного суда над собой её не убеждали ни успехи в печати, ни восторженные отклики читателей, ни благосклонность известных в эмиграции критиков и поэтов. И всё же, помилование было! Всё же, в конце концов, она снова возвращалась к перу и «простой тетрадке», к томикам любимых поэтов – на свою духовную родину:

*Но устав от последней тревоги,
Подойдя к последней черте, -
Снова чтение стихов о Боге,
О бессмертье, о красоте.*

Обо всём этом она и писала. Внешне однообразная, скучная эмигрантская жизнь, где были нищета, постоянное унижение, серость будней, тяжёлая болезнь, жизнь эта в то же время духовно была насыщена и богата яркими эмоциями, томлением по идеалу, благородством чувств, христианским смирением, бесконечным терпением, когда и страдания принимаются, как дар Божий. Всё это и диктовало правдивые строки, и рождало «Золотые миры». И ещё – она помнила всегда о тех, кому хуже, чем ей, кто нуждается в духовной поддержке, и это подвигало её всё же печатать свои стихи. В трансе вдохновения, созерцая нерукотворный свет, слышала она голос свыше:

*Береги нетронутые силы,
Для других, бессильных – береги!*

.....
*Нищему над самой страшной бездной
Дай последний нищенский костыль...*

И когда она говорила, что мало молится, мало верит Богу, то объясняла это так: мало любит, мало хорошего сделала для других, мало принесла радости. Это мучило её всегда. Она просила судьбу дать ей ещё хоть немного жизни и сил, чтобы искупить вину за малолюбие, а потом она согласна на полное забвение. И предсмертные её слова – о любви: «В смертной боли, ломая суставы, / Обезумевши, крикну – люблю!»

Ирина Николаевна Кнорринг родилась 21 апреля (4 мая) 1906 года в селе Елшанке Самарской губернии, в родовом поместье своего отца, Николая Николаевича Кнорринга, историка, литератора, музыкального критика, получившего блестящее образование на историко-филологическом факультете Московского университета, где в то время преподавали светила российской науки. В предреволюционные годы он был директором гимназии в Харькове. Мать Ирины, Мария Владимировна Кнорринг (Щепетильникова), работала учительницей в Елшанке, окончив Высшие женские курсы в Москве. Она дочь статского советника, племянница легендарного генерала Скобелева.

Жили большим, дружным домом – вместе с сёстрами Марии Владимировны и семьёй брата Николая Николаевича, Бориса Кнорринга. Разъезжались кто куда, но летом непременно снова собирались все вместе, в Елшанке. Катались на лодке по озеру, бегали по лугам, с высокого берега любовались на разлив Волги, вспоминали семейные предания, или слушали печально-раздольные песни, которые пелись на деревне. Такой и осталась Россия в памяти Ирины Кнорринг, запечатлённая потом в сказочных иллюстрациях – чудесной красоты – художника Билибина, с которым Ирина Николаевна могла встречаться в Париже.

*Сошла с Билибинских картин
Полузабытая Россия...*

Умерла Ирина Кнорринг 23 января 1943 года в оккупированном гитлеровцами Париже и похоронена была на кладбище Иври (позже её перезахоронили в семейной усыпальнице Бек-Софиевых, её родственников по мужу, на Сент-Женевьев-де-Буа).

В «Книге о моей дочери» Н.Н.Кнорринг пишет, что извещение о её кончине можно было опубликовать только в единственной, выходящей тогда в городе русской газете «Парижский вестник», сотрудничавшей с фашистами, но близкие покойной на это не пошли, и потому, без извещения, на похороны собралось совсем немного народа. Среди присутствующих на отпевании в церкви была Мать Мария (Е.Кузьмина-Караваева). Сын Ирины Кнорринг, Игорь, помнил её. Как она положила большую, жёсткую руку на его голову – приласкала. Было холодно, промозгло, неприятно. Все торопились поскорее в тепло.

Девочкой Ирину Кнорринг увезли поздней осенью 1920 года из Севастополя, в который вот-вот должны были войти форсировавшие Перекоп красные войска. К трагическим событиям тех лет она не раз возвращалась в своём дневнике, который вела на протяжении всей своей жизни.

Дневник этот – в двух томах, названный ею «Повесть из собственной жизни», вышел в Москве в издательстве «Аграф» в 2009 г. при содействии Ирины Михайловны Невзоровой, исследователя творчества и судьбы семьи Кноррингов. Осталась неизданной другая документальная повесть Ирины Кнорринг – «Двадцатый год», где запечатлено начало гражданской войны, беженство на юг, в Крым, жизнь, полная неизвестности, близкое дыхание смерти, первые трагические потери (многие страницы повести перекликаются с прозаическим дневником, а также с «Балладой о двадцатом годе»). Небольшую эту повесть, написанную в Париже, И.Кнорринг посвятила своему сыну Игорю, названному в честь двоюродного брата Ирины Николаевны, Игоря Кнорринга, погибшего во время сталинских репрессий. Он приехал в родную деревню Елшанку, тоскуя по ней. Увидел разорённый барский дом, сожжённые постройки, озлобленные лица односельчан. Кто-то из них и выдал Игоря Кнорринга чекистам. Игорь был расстрелян. Его отец, один

из основателей заповедника «Аскания Нова», Борис Николаевич Кнорринг, тоже оказался в руках ЧК, и умер в одном из лагерей Казахстана, а его семья спешно бежала в Омск, под крыло Колчака, вскоре разбитого красными войсками. Беженцы пережили долгие скитания по глухим деревням, голод, нужду, унижения, постоянный страх гибели, пытаясь выжить при новой власти.

Подобная участь ждала бы и семью Ирины Кнорринг, если бы она осталась в России. Но Ирина до конца жизни не могла смириться со своим беженством, которое считала предательством:

*И только я средь пламенных людей,
Не возражая, не кляня, не споря, –
Твержу о несмываемом стыде
И о неискупляемом позоре.*

«Тоска по родине становится одним из главных мотивов в стихах, написанных в Тунисе, где нашла приют русская эскадра и где в эвакуированном Морском корпусе служил отец Ирины, и позднее во Франции, в которой суждено ей было закончить свою сравнительно недолгую, печальную жизнь...», – пишется в предисловии «Жизнь и судьба Ирины Кнорринг» профессора А.Жовтиса к книге Ирины Кнорринг «После всего» (Алма-Ата, 1993)».

Ирина была единственной девочкой, которая училась вместе с гардемаринами, поскольку ей было больше негде продолжить среднее образование.

В книге «Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (Нью-Йорк, 1956 г.) Глеб Струве следующим образом характеризует творчество Ирины Кнорринг:

«Поэзия её, очень личная – едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе. Через неё проходит тема тяжёлой эмигрантской доли (с 1928 г. – жены и матери), безысходной усталости и неприкаянности. Тема эта трактуется без всякой позы, без всяких формальных поисков».

«Во многих, удивительных в своей искренности и эмоциональной насыщенности стихах И.Кнорринг, звучит мысль о грядущем непременно возвращении на родину, – продолжает автор предисловия «Жизнь и судьба...» –

*Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далёкой ночной дорогой...*

Или в другом стихотворении:

*И больно вспоминая марш победный,
Я поклонюсь вчерашнему врагу,
И если он мне бросит грошик медный,
Я этот грош до гроба сберегу.*

Так писала она в свои неполные восемнадцать лет...

В середине двадцатых годов Николай Николаевич Кнорринг с женой и дочерью перебирается в Париж, где Ирина учится в организованном П.Н.Милюковым «Франко-Русском институте социальных и политических знаний».

Нелегко жилось семье в эмиграции. Приходилось перебиваться случайными заработками (некоторое время девушка с матерью работали в кукольной мастерской)...

Отец Ирины мыл полы в русской Тургеневской библиотеке, потом стал её сотрудником, писал заметки в эмигрантские газеты, играл на скрипке в небольшом оркестре, созданном выходцами из России, писал книги. Историк по образованию, он автор исторических этюдов о генерале Скобелеве, им написана книга «Сфаят», и позднее, уже в Алма-Ате – «Книга о моей дочери».

Будущий муж Ирины Николаевны, Юрий Борисович Бек-Софиев, потомственный военный, участник многих походов Белой Армии, мыл окна больших магазинов в Париже. Работа была опасная, иногда кто-нибудь срывался с большой высоты, калечился. И когда, вернувшись на родину, Юрий Борисович стал работать научным иллюстратором (он был неплохим художником) в Институте Зоологии Академии наук Каз.ССР, то посчитал это настоящим счастьем и наконец-то достойным применением своих сил. Но известный поэт в эмиграции, издавший там книгу «Годы и камни» (Париж, 1936), на родине он при жизни не напечатал ни одной книги: родина его приняла, но по-прежнему опасалась его прошлого, по-прежнему числила врагом. И только через тридцать лет после его смерти вышли поэтические сборники «Парус» (Алматы, 2003) и «Синий дым» (Алматы, 2013), а также дневник «Вечный юноша» (Алматы, 2012)

Николай Николаевич Кнорринг в Алма-Ате некоторое время работал в библиотеке Академии наук, а сын Ирины Кнорринг, Игорь Софиев, переводчиком (он знал французский и английский). Во Франции же Игорь трудился на заводе простым рабочим, вставая в пять утра и зарабатывая гроши.

«Приобщение Ирины Кнорринг к профессиональному творчеству определили её эпизодические контакты с К.Бальмонтом, Б.Зайцевым, М.Цветаевой. Н.Тэффи, Г.Ивановым и совсем молодыми русскими поэтами-эмигрантами, среди которых был и её будущий муж Юрий Борисович Бек-Софиев (умер в Алма-Ате в 1975 г.) Посещала она и собрания кружка «Зелёная лампа» у З.Гиппиус и Д.Мережковского. Однако сколько-нибудь заметной активности в политической и литературно-общественной деятельности эмиграции Ирина Кнорринг не проявляла, и кроме лирических стихов ничего не печатала. Кажется, лишь однажды, как писала И.В.Одоевцева, «Ирина Николаевна взяла на себя труд по редактированию» одной из её книг.

В 1927 году Ирина Кнорринг вышла замуж. Родился сын. Семейные проблемы в жизни и творчестве стали занимать всё больше места. В стихах молодой поэтессы находит отражение скромный и трудный быт русских парижан, тех, кто встаёт «в шестом часу утра», кто думает о простых и важных вещах – хлебе и работе. Она пишет о маленьком сыне, о его будущем, которое в чужой стране представляется туманным и проблематичным («Кто ты? Русский? Француз? Апатрид?»), о тихих домашних радостях, о своей болезни (диабет), которая была мучительной и неизлечимой...» («Жизнь и судьба Ирины Кнорринг»)

В эмиграции Ирина Кнорринг заболела тяжёлой формой диабета, подолгу лежала в больнице. Ей нельзя было рожать детей – это было смертельно опасно. Ей вообще было отпущено немного жизни, и муж Ирины Николаевны, поэт Юрий Бек-Софиев, знал об этом, когда женился на ней, что в семье Кноррингов расценили как благородство и своего рода подвиг. Но сам Юрий Борисович так не считал, потому что главным в своём порыве называл любовь и только любовь. Любовь эту он пронёс через всю жизнь, так боль-

ше и не создав новой семьи после смерти жены. Сбылось её предсказание давних лет: «Всё равно ты не сможешь меня разлюбить, / Никогда не полюбишь другую...»

Несмотря на все запреты, Ирина Николаевна всё же решила стать матерью. Почти всю беременность провела она в клинике под наблюдением крупного в то время специалиста, профессора Ляббе, который поддержал её в решимости выносить ребёнка. И вот, 19 апреля 1929 года она родила сына Игоря, которого тут же называли «чудом доктора Ляббе» – это был третий в мире младенец, родившийся от диабетички (он прожил 76 лет, умер в феврале 2005 г. в Алма-Ате). Игорь не раз вспоминал, что когда они с матерью проходили мимо здания родильного дома, она всегда говорила: «Это дом счастья!» Сын продлил ей жизнь, наполнил её смыслом. И одно из последних её стихотворений – сыну. Это – «Колыбельная, которую я тебе пела», написанная примерно в апреле 1942 года. Им кончается шестая тетрадь.

*Баю, баюшки-баю...
Как в далёком краю,
От весёлой земли
Уплывают корабли...*

Они плывут туда, где рай небесный: «круглый год весна», «нет врага» и всюду «красота, тишина». И всё бы хорошо, если бы капитану не снился сон про покинутую далёкую страну:

*Про большой тенистый сад,
Где берёзы шелестят,
Про родимый отчий дом
С расписным потолком,
Про любимого отца
У высокого крыльца,
Про покинутую мать
(Горько мне вспоминать),
И про то, что он туда
Не вернётся никогда...*

Это был сон-наваждение русских эмигрантов, отторгнутых от родины. Это был и последний сон Ирины Кнорринг.

В книгах своих «она вспоминает о бегстве из Крыма, об отрочестве, проведённом в лагере эмигрантов в Бизерте,

там, где донныне видятся ей «пересветы арабских костров», и – ещё, ещё! – о золотых кувшинках и голубой полыни родной недоступной земли, – пишет автор «Жизни и судьбы...». – Тема тяжёлой болезни и неминуемой близкой смерти, как справедливо замечает в своей рукописи «Книга о моей дочери» Николай Николаевич, «замыкала образы её поэтических переживаний в узкие рамки личной жизни, очень бедной внешними впечатлениями». Думаю, что именно это обстоятельство ограничило творческий диапазон Ирины Кнорринг. Можно только удивляться тому, что именно в последние годы, в промежутках между долговременными периодами пребывания в больнице, в больничной палате создаёт она самые яркие свои стихи, такие, как «Я человек второго сорта...», «Уверенный, твёрдый, железный...», или «Темнота. Не светят фонари...», произведения, которые становятся в ряд с лучшими образцами русской лирики первой половины XX столетия.

Лишённое броских примет версификаторского модернизма (разве что неточная рифма «в стиле» поэзии 20-х годов), творчество Ирины Кнорринг развивалось в русле классической русской поэзии. Из современников ей ближе всех Ахматова, да ещё, пожалуй, Бунин – с ясностью и завершённостью его лирических композиций, с безусловностью его реалистической, художественной детали. Известную роль в становлении таланта поэтессы сыграла Марина Цветаева, которая правила некоторые её стихи...», – замечает автор «Жизни и судьбы».

Должна сказать, «правка» эта не всегда нравилась Ирине, часто раздражала, и она в дневнике своём спорила с Цветаевой, что и понятно – слишком уж они были непохожи ни в творчестве, ни в житейском поведении, хотя в стихах нередко и перекликались, что неизбежно – они были современниками, жили рядом. Сын Ирины Николаевны вспоминает, как, прогуливаясь с родителями по Медонскому лесу, встречали Марину Цветаеву. Он запомнил её густую чёлку и холодные глаза.

«Годы второй мировой войны и гитлеровского нашествия – сначала на Польшу и Францию, а затем и на Советский Союз – дали новый стимул поэзии Ирины Кнорринг (мысль

о возможном бегстве в Америку пришлось оставить). Тяжелобольная, она с напряженным вниманием следит за ходом событий. Всей душой она с теми молодыми выходцами из России, которые присоединились к французским подпольщикам, с теми, чьё неприятие фашизма было озаменовано уже после смерти И. Кнорринг подвигом Матери Марии...» («Жизнь и судьба Ирины Кнорринг»)

Ирина Кнорринг записались на курсы сестёр милосердия, и даже воодушевилась, надеясь, что наконец-то станет и она полезной хоть чем-то. Отец её, Николай Николаевич Кнорринг, вместе с другими сотрудниками Тургеневской библиотеки спасал книги, в том числе несколько чемоданов рукописей И.Бунина, жившего тогда в Грассе, помогал ему в этом внук-подросток. Вывозили ночью, на такси. Русский таксист отказался брать деньги: «Я тоже хочу помочь!» Но спрятать удалось не всё. Вскоре библиотечные фонды, которые десятилетиями, по крупицам, собирались русскими эмигрантами, были изъяты немецкими оккупантами и вывезены в неизвестном направлении. После войны книги со штампами Тургеневской библиотеки находили в разных странах Европы.

Муж Ирины Кнорринг, Юрий Бек-Софиев тоже вёл свою войну с фашистами – он прятал у себя, а потом переправлял в безопасную зону евреев и бежавших из плена советских граждан. Дружил с одним из организаторов французского Сопротивления, поэтом и учёным Борисом Вильде. Вильде даже посылал больной Ирине Николаевне продукты – в оккупированном Париже был голод. Вскоре Борис Вильде был расстрелян фашистами, а Юрий Бек-Софиев угнан в Германию на принудительные работы на химическом заводе, где продолжал вести антигитлеровскую пропаганду, за что мог поплатиться жизнью. Вернулся в Париж только в 1945 году.

«В больнице Ириной Кнорринг были написаны стихи о чёрной ночи оккупации, о страшных минутах, когда,

*...устав от смутных дел,
Город спит, как зверь насторожённый,
А в тюрьме выводят на расстрел
Самых лучших и не примирённых.*

В январе 1942 г., когда немецко-фашистские войска ещё вгрызались в землю Подмосковья и наши союзники рассчитывали и гадали, сколько времени осталось Советскому Союзу до полного поражения, Ирина Кнорринг пишет одно удивительное стихотворение («Уверенный, твёрдый, железный...») Речь в нём идёт о «мечтательном немецком мальчике», которого тешит «недолгих побед торжество», который никогда уже не вдохнёт запах шварцвальдских сосен, ибо суждено ему погибнуть «под снегом холодной России» (лермонтовские строки стоят в эпитафии: «Под снегом холодной России, /Под знойным песком пирамид...») И из уст поэта и пацифиста вырывается короткое, исполненное боли и глубочайшего сочувствия: «Далёкий, обманутый, милый, /За что?..» («Жизнь и судьба Ирины Кнорринг»)

Позволю себе повторить размышления об этом стихотворении из моей книги «Птица, залетавшая к ангелам»:

В 1941 г., находясь в оккупированном Париже, написала она стихи о «немецком мечтательном мальчике», который «гуляет по карте земли», «неся разоренье и голод», написала не с ненавистью и проклятиями, а с состраданием:

*Зачем ему гибнуть и драться
Среди разрушений и бед,
Когда за плечами лишь двадцать
Восторгом обманутых лет?
Неужто такая отрада –
Недолгих побед торжество?
Ведь запах смолы из Шварцвальда
Уже не коснётся его...*

Она наблюдает, как он с детским любопытством рассматривает витрины парижских магазинов, как радуется ему каждый пустяк. Он полон жизни! И он, несущий гибель неповинным людям, сам погибнет, не успев понять: зачем? И она жалеет его:

*И над безымянной могилой
Уже не поплачет никто:
Далёкий, обманутый, милый...
За что?..*

Это – «милый», это – «за что?» возмутило литератора-эмигранта, участника Белого движения Владимира Сосинского (настоящее имя Бронислав Рейнгольд Владимир Со-

синский-Семихат), который воевал против таких «милых мальчиков». С началом второй мировой войны он пошёл добровольцем во французскую армию, попал в плен, бежал, в 1943 г. примкнул к Сопротивлению. Но и Вл.Сосинский, в конце концов, понял стихотворение Ирины Кнорринг: Ирина поглядела на немецкого солдата глазами матери:

«И сидит же во мне с 1933 г. нелюбовь к немецкому солдату, – пишет В.Сосинский в письме Юрию Софиеву 12 ноября 1967 г., получив тоненькую книжку И.Кнорринг, вышедшую на родине, и прочитав стихи «Уверенный, твёрдый, железный...». – И вот никак – даже в 1967 г. – не могу пожалеть «далёкого, обманутого, милого... за что?» Вот, что значит – женское сердце – материнское!»

У Ирины Николаевны тоже сын, как и у безымянной немецкой матери. В 1941 г. ему 12 лет. Его чуть не убил немецкий танк. Танк стрелял по людям на парижских тротуарах.

Война научила Ирину Кнорринг не только быть «проще и жёстче», но и – милосерднее. Война выявила настоящую высоту души, которая простиралась над враждой, над местью – над миром низменных страстей. Высота эта была освещена христианской любовью:

*Нам так понятна и близка печаль
Тех, кто сменил весёлые наряды
На траурную чёрную вуаль...*

«В то же время, – пишет автор «Жизни судьбы», – для Ирины Кнорринг, как для всей её семьи, было абсолютно невозможно какое бы то ни было сотрудничество с дьявольской гитлеровской системой. Даже во имя борьбы против Сталина. В «Книге о моей дочери» Н.Н.Кнорринг с осуждением вспоминает о немногочисленной группе русских литераторов-«пораженцев», вступившей в такой альянс...»

А.А.Ахматова, ознакомившись с шестью толстыми машинописными тетрадями, которые в середине 50-х годов привёз из-за рубежа репатриированный в Советский Союз Николай Николаевич Кнорринг, писала о стихах до того неизвестной ей поэтессы:

«По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи

Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно на Западе. Для неё судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далёкой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие, честные стихи».

«...В 1933 году, знаменитом миллионами безвинных жертв коллективизации, Ирина Кнорринг написала такие, пронзительной силы строки:

*Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатой году увезли?!*

«Этот упрёк дочери до сих пор отдаётся болью в моём сердце, – говорил мне Николай Николаевич, с которым я познакомился и подружился вскоре после того, как его «направили на жительство» в Алма-Ату, – вспоминает автор предисловия «Жизнь и судьба Ирины Кнорринг». – Но что было бы со мной, с семьёй, если бы я, член кадетской партии, дворянин и действительный статский советник, остался в Советской России? Без сомнения, погиб бы, как погиб в сталинских застенках мой старший брат... И какова была бы судьба самой Ирины?»

С глубоким волнением рассказывал Николай Николаевич о том, что последним желанием, последней надеждой и завещанием его покойной дочери были слова: «Напечатай мои стихи на Родине». Не надеясь на удачу, по его просьбе в середине 60-х годов я составил небольшой сборник её стихов, а Дементий Алексеевич Шмаринов (известный художник, двоюродный брат Ирины Кнорринг) в доме художника Оresta Вереysкого вручил рукопись А.Твардовскому (редактору журнала «Новый мир»). Как писал мне Шмаринов, Александр Трифонович прочитал её сразу же, «не отрываясь и не поднимая головы». Но ... помочь в издании в то время не смог: «белоэмигрантов» у нас не издавали. Рукопись вернулась ко мне.

История алма-атинского издания 1967 года может служить иллюстрацией того, как удавалось всё же преодолевать препоны цензуры и «руководящих указаний» – благодаря тому, что конкретные люди в конкретной ситуации осмеливались идти против течения.

В то время в казахстанском издательстве «Жазушы» («Писатель») была задумана серия книжек начинающих авторов под общим заглавием «Новые стихи». В издательском плане фамилии поэтов не указывались, и редактор серии Зоя Васильевна Попова решилась «подбросить» сборник Ирины Кнорринг в этот молодёжный «набор».

Задуманное предприятие отличалось несомненной дерзостью для начала «эпохи застоя». Сигнальный экземпляр книжки был уже готов, когда обман во спасение обнаружился. Главный редактор «Жазушы» Аманжол Шамкенов вызвал к себе Попову.

– Как вы осмелились на такое?! Вы понимаете, что вы сделали? – спросил он.

– Аманжол, – ответила Зоя Васильевна, – ведь вы поэт. Ведь вы же понимаете, какие это стихи!

И она произнесла пламенный монолог в защиту поэзии, русских эмигрантов 20-х годов, старика Кнорринга, который в свои 86 лет ждёт-не дожждётся выхода этой книжки, и, наконец, в защиту здравого смысла.

Шамкенов долго думал. А потом сказал:

– Ну, что ж! Пусть меня выгонят вместе с вами...

И подписал сигнальный экземпляр «в свет!»

Книжку я послал Твардовскому – и он тотчас же опубликовал отклик на неё в своём журнале.

Но и спустя десять лет, когда очередную попытку напечатать стихи Ирины Кнорринг сделал Борис Слуцкий, тогда один из соредакторов альманаха «День поэзии», ему это не удалось.

И только новое время сделало возможным то, что казалось невозможным ещё совсем недавно: стихи русского поэта возвращаются к русскому читателю («Жизнь и судьба Ирины Кнорринг»).

Два небольших сборника были подготовлены и опубликованы самой поэтессой («Стихи о себе», Париж, 1931, и «Окна на север», Париж, 1939). Сборник «После всего», содержащий стихотворения разных лет, составленный Н.Н.Кноррингом и с его предисловием, вышел также во Франции, в 1949 году. Общий тираж всех трёх книжек не превышал 750 экземпляров.

О парижском издании книги «После всего» весьма лестно отзывался поэт Георгий Иванов – он точнее других угадал суть творческого характера Ирины Кнорринг и сделал пророческое предсказание об её стихах:

«Покойная Ирина Кнорринг всегда, в последние годы жизни особенно, стояла в стороне от пресловутого «Монпарнаса», не поддерживала литературных связей, одним словом, не делала всего необходимого для того, чтобы печатали, упоминали в печати. Поэтому даже её последняя книга почти никем не была отмечена со вниманием и сочувствием, которые она заслуживает... Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Её скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оцененные, будут, я думаю, так же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить многие, более «блестящие» книги её современников. И возможно, что, когда иные из них будут давно «заслуженно» забыты, – бледноватая прелесть стихов покойной И.Кнорринг будет всё так же дышать тихой, не яркой, но неподдельной благоуханной поэзией».

В казахстанском издании книги 1993 г. «После всего», осуществлённом стараниями её внука Алексея Вышневецкого и на его средства, представлено небольшое количество стихов Ирины Кнорринг. Их – 137. И вот теперь, в 2014 году появилась возможность напечатать полностью все шесть рукописных книг Ирины Кнорринг, собранных её отцом, (за исключением совсем ранних, сочинённых в 8 лет, и некоторых вариантных).

Уже в стихах, написанных в детстве, виден её талант, хотя стихи и не всегда совершенны, порою корявы и наивны, что и понятно: это ведь только первые шаги в поэзии, но и в них уже звучит та нота печали, жажда идеала, духовной чистоты, которая красной нитью проходит через всё творчество поэтессы. И можно было бы говорить о поразительной прозорливости, о мистическом видении грядущих трагедий, если бы речь не шла о ребёнке 9-11-ти лет:

*О, печаль! Ты опять навестила меня
И тебя я узнала опять!*

.....
Наклонилась ко мне, говоришь и поёшь

*Всё печальные песни одни.
Но зачем же, печаль, ты тревожишь меня
В мои ясные детские дни?*

Или это, написанное в 12 лет («Мне долина приснилася вдруг...»):

*Мне приснилася чёрная даль,
Там повсюду летала печаль,
Травы сохли под небом грозы,
Не видать благодатной росы.
Буря рвала с деревьев листья,
Ветер злой разгонял все мечты.
Всё удушено было тоской,
Всё орошено было слезой...*

А за два года до исхода русских беженцев в Африку она видит, и снова во сне, а точнее в грёзах наяву, сидя на окне и созерцая ночную улицу, освещённую фонарём, такую картину:

*И снится мне даль, безызвестная даль.
Там море красюю своею блистает,
Меня греет солнце и нежно ласкает,
Но тайно на душу ложится печаль,
И море, и пальмы, и всё исчезает.
И снится мне снова... Широкое поле,
И я, одинокая, в поле стою.
Кругом тишь, безлюдье. Одна я на поле,
Одну, как безумная, песню пою...*

Она то и дело проговаривается в стихах о своих «странных видениях»: «Я правду смешала со снами», «Меня смущали чувства неземные», «Всё земное к небу просится, / За священную мечту», «И мысль моя над солнцем пронеслась», и т.д. Есть даже целое стихотворение, которое называется «Видения будущего». В холодной теплушке, где беженцы ехали в неизвестность, ноябрьским вечером 1919 года она, тринадцатилетняя девочка, отмечает: «Впервые лет грядущих гений / Явился в сумрачном углу». Это – её Чёрный Человек, призрак её запредельных видений. Кто знает, может быть, именно он показал ей далёкий апокалипсис, когда Земля:

*... Как тяжёлый, тёмный слиток –
Чертя уклонную черту,*

*Сорвётся со своей орбиты
В бесформенную пустоту.*

А пока – тяготеет над ней апокалипсис гражданской войны: «Уж сердце вещее сжималось / Предчувствием ужасных дней», «Я вижу весь мой жребий чёрный, / Тоске бесслёзной обречённый», «И предчувствие близкой трагедии, / Как проклятье над нами висит».

В точности описала она в стихах и последние минуты своей земной жизни, и то, что будет после неё – «после всего». Но жизнь – вечна. И видит Ирина себя во многих временах: «Я в прошлой жизни на земле была / Мечтательницей нежной...», была не однажды, и снова – будет. Она в этом уверена. Однако, отмеченная поэтическим даром, и значит, посланница Неба, которая видит «нетленный свет» («Кто-то жизнь мою горько возвысил»), она всегда и везде – чужая («И снова я чужая, / Как будто здесь не у себя, не дома...»), всегда – одинока, потому что «Всё о том же, о вечном томлюсь по ночам...» И заключает: «Лишь философ, дитя и поэт / Видят этот нетленный свет».

Только немного из литературного наследия Ирины Кнорринг попало к читателям. Большая часть осталась неизданной, и, может быть, сама поэтесса не всё захотела бы издать, но среди ежедневных стихотворных записей немало настоящих жемчужин, или таких откровений, которые открывают тайны её души – трепетной и нежной. Кроме того, даже в не самых лучших образцах есть ценная информация очевидца о трагических событиях первой половины XX века, о драме народа, расколотаго гражданской войной, когда Ирина с горечью говорит матери: «Ты видела создание идеалов, / А мне досталось лишь крушение их...».

Её принято считать камерным поэтом, который пишет, в основном, только о себе, о своих переживаниях, и потому диапазон её творчества слишком узок, – так и отец её считал, и многие эмигрантские критики. Но это не совсем так, ведь она остро чувствовала – до сердечной боли – своё время, она сказала о своём времени правдивые, честные слова. Она, может быть, одна из немногих, кто время своё сформулировал в поэтическом Слове – и это теперь, по прошествии XX века, хорошо видно:

*Наш век сухой. Наш век – пора молчанья.
Разорваны Гарольдовы плащи.
Нет патетического восклицанья,
И женственность не трогает мужчин.*

*Наш век такой, что судорогами пальцев
Измято всё, сплетённое мечтой.
И хочется невесело смеяться
Над Богом, над любовью, над собой.*

*Над нами тяготят тысячелетья,
Мы – искуплённые за их вину...
Наш век такой, что после даже дети
Не будут никогда играть в войну.*

Она неоднократно повторяет: «Видела я лишь одни поражения, / И никогда – побед...» Но среди этих поражений стихи её стали поддержкой для многих обездоленных, павших духом, сломленных. Страдая и сгорая бесцельно, как и они, на краю смерти, она находила в себе силы на сопротивление, на любовь, на благодарность Богу за каждое, подаренное Им, мгновение жизни, которое прекрасно, не смотря ни на что, даже в грусти. И она воспела бесконечную грусть жизни:

*Нет ничего совершенней,
Чем тихая грусть на земле...*

Некоторые стихи из «шести тетрадей» печатались в эмигрантских изданиях при жизни поэтессы, почти везде, где жили русские – от Парижа до Шанхая и Нью-Йорка. И в настоящее время публиковались в разных журналах и сборниках – в Казахстане, в России, за рубежом. Вот совсем недавние публикации: в 2012 г. в издательстве «Кругъ» в Москве вышла небольшая, изящно изданная книжка И.Кнорринг «О чём поют воды Салгира» (Беженский дневник. Стихи о России) – крымский период. Там же, в Москве, в издательстве «Вече» – 2011г., в объёмной антологии «Молитвы русских поэтов. XX – XXI век» представлены духовные стихи И.Кнорринг и выдержки из её дневника. И я уже упоминала двухтомник «Повесть из собственной жизни», изданный в Москве, в издательстве «Аграф» (2009-2013)

Творчество её не забыто. Имя Ирины Кнорринг и её стихи появляются в разных сборниках, статьях, научных работах. Часть наследия сберегается главным хранилищем культурных ценностей России – РГАЛИ. На родине поэтессы, в деревне Елшанка под Самарой силами местных энтузиастов и учителей школы устраиваются конференции, литературные чтения в память своей землячки. Задуман музей семьи Кноррингов. На месте Никольской церкви, разрушенной в годы революции, планируют установить Поклонный Крест. В Никольской церкви крестили Ирину Кнорринг, на погосте покоились её предки. А чудесная природа этого края осталась неприкосновенной, воспетая в её стихах и дневниковых записях: «Мой воздушный замок – семейный очаг, ключ от замка – Елшанка».

Как восстанавливаются разрушенные храмы, так же нынче нуждается в восстановлении человеческая Душа, которую Ирина Кнорринг считала «храмом нежности и чистоты», «большой тайной», и я надеюсь, что стихи её помогут в этом.

Ирина Кнорринг давно уже стала частью великой русской культуры. Она – своими стихами и прозой – вернулась на родину, как всегда мечтала, как писала в своей «заветной тетради»:

*Каждый том стихов – только новый ключ
От высоких дверей,
От глухих замков, от вечерних туч,
От души моей...
Каждый стон души – только новый дар,
Лучший дар земле...*

Надежда Чернова

КНИГА ПЕРВАЯ

**Харьков, Ростов-на-Дону, Кавказ, Крым
(1914 – 1920)**

Елшанка

*О, печаль! Ты опять навестила меня
И тебя я узнала опять!
Ты от мирного сна пробудила меня
И уселась ко мне на кровать.*

*Наклонилась ко мне, говоришь и поёшь
Всё печальные песни одни.
Но зачем же, печаль, ты тревожишь меня
В мои ясные детские дни?*

*О, вы светлые феи веселья и грёз,
Прогоните отсюда печаль,
И умчите меня вы от горя и слёз
В голубую прекрасную даль.*

*И умчалась я с феями весело в даль,
Где играет мерцание дня...
Уж ко мне не приходит печаль,
И мечта от неё охраняет меня.*

5/ XII, 1917 (11 лет)

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

*Была чудная ночь. Всё уснуло кругом.
В той пещере, где спали овечьи стада,
У Марии родился младенец Христос
И зажглася святая звезда.*

*Пастухи увидели звезду, и лучом
Поманила она их куда-то вперёд.
Удивились тогда пастухи: для чего
В эту ночь та звезда их зовёт?*

*И явился к ним ангел с великих небес,
Тихо пел и прекрасную арфу он нёс,
И сказал пастухам: «В эту тихую ночь
В Иудее родился Христос.*

*Поклонитесь ему! И звезда приведёт
Вас к Тому, кто родился в спокойную дрёму».
Удивились тому пастухи и пошли
Поклониться младенцу святому.*

20/ XII, 1917

*О, муза, муза! Вдохновеньем
Мне душу осветила ты.
В минуту тихого забвенья
Дарю тебе сии мечты.*

*В них много горя, много муки,
Но много счастья и любви.
Писала это я от скуки –
Дарю тебе листы сии.*

9/ IV, 1918 (12 лет)

*То был волшебный сон.
И звёзд небесное мерцанье,
Ручья весеннего журчанье,
Далёкой церкви звон.*

*Природа мирно спит.
Упала звёздочка с небес.
В оцепененье дремлет лес.
Вершинами шумит.*

*Кругом всё мирно спит.
Уж нету резвых мотыльков.
Роса на венчиках цветов
Алмазами горит.*

*Далёкий слышен звон,
Меня зовёт с собой летать.
Кругом святая благодать...
То был волшебный сон.*

15/ IV, 1918

НА БАШНЕ

*Мерцали звёзды. Было тихо.
Царила ночь над всей землёй.
Роса алмазами блестела.
Покрыто всё и сном, и мглой.*

*Вот на вершину башни древней
Восходит рыцарь, в даль глядит,
И дума тяжкая больную
Младую грудь его теснит.*

*Он вспомнил всё: дни светлой свадьбы,
За нею смерть молодой жены –
Всё промелькнуло, как виденье,
Как дни былые старины.*

*Живёт Адольф один, без друга,
Один на башне роковой.
Здесь пировал он шумно, здесь же
С женой расстался молодой.*

*Один Адольф. О, где вы, други!
Погибли все в одном бою,
Погибли все в жестокой битве,
Борясь за родину свою.*

*Но почему же благородный
Адольф на битву не пошёл?
Иль побоялся пасть сражённым?
Иль силы много не нашёл?*

*О, да! Адольф боялся смерти,
Любил девицу. Свадьбы ждал.
Он потому не шёл на битву –
И этим славу потерял.*

*Вот, наконец, Адольф женился,
Был счастлив он, но чрез два дня
Болезнью тяжкой заболела
И умерла его жена...*

*На грудь могучую, младую
Он тихо голову склонил,
И думу думая такую,
Слова печальные твердил:*

*«Я растерял всю волю, силу,
Как рыцарь, умер я для всех.
К чему я не пошёл на битву?
Боялся я! Позор и смех!
Пропала жизнь, погибла слава,
Погибло всё, что я любил...»*

*Вскочил Адольф, и меч тяжёлый
В младую грудь себе вонзил.*

16/ IV, 1918

*Мне долина приснилась вдруг –
Всё приветливо, тихо вокруг.
Там повсюду летали мечты
И разбросаны всюду цветы.*

*Мне приснился зелёный покров
Тех далёких родимых лугов,
Мне приснился простор, небеса
И вдали дорогие леса.*

*Мне приснилась чёрная даль,
Там повсюду летала печаль,
Травы сохли под небом грозы,
Не видать благодатной росы.*

*Буря рвала с деревьев листья,
Ветер злой разгонял все мечты.
Всё удушено было тоской,
Всё окраплено было слезой.*

16/ IV, 1918

СКАЗКИ

*Однажды я в страну чудес
И сказок заглянула –
Меня волна из той реки
Тихонько захлестнула.*

*Ко мне повеял ветерок,
Деревья чуть шумели.
На берегу рос старый дуб
И сказочные ели.*

*Там был прекрасный дивный сад
И в нём дворец высокий,
Сам домовой его стерёг
И леший красноокий.*

*Бродили сказки в том саду...
Вот феи-белоснежки,
Вот ведьма злая, серый волк
И гномы на тележке.*

*А по реке плыл лёгкий чёлн,
Украшенный цветами,
А в нём принцесса, с нею принц
С прекрасными кудрями.*

*Как куклы, за руки держась,
Герои нежной сказки
Плывут, то открывая вдруг,
То закрывая глазки.*

*А там, вдали, куда ведёт
Заглохшая тропинка,
В саду есть в дальнем уголке
Цветущая долина.*

*На ней есть холмик небольшой,
Покрытый муравою,
И «Слава сказок» там была
С крылами за спиною.*

*Вокруг лица был яркий свет,
И дивными лучами
Он падал на чудесный сад
С высокими дворцами.*

*Под светом чудная страна,
Играя, процветала.
На небе полная луна
Смеялась и сияла.*

23/ V, 1918

ХРУСТАЛЬНЫЙ БАШМАЧОК

*У одной царевны-сказки
Был хрустальный башмачок, –
И на нём небесной краской
Нарисован василёк.*

*И его хранили нежно
Между пышных опахал,
Но толкнули раз небрежно –
Он разбился и пропал.*

*В тёмном небе ночью порой
Догорела звезда золотая.
Переполнена тайной тоской,
Чья-то жизнь отлетела молодая.*

*Отлетела от хмурой земли,
От далёкого, грустного края,
Быстро скрылась в тёмной дали
И предстала пред аркою рая...*

*На земле же, под липой густой
Одинокая дева сидела
И о чём-то вздыхала порой,
И на небо со скорбью глядела.*

*И одною, одной лишь слезой
Помянула ту жизнь молодую,*

*Отлетевшую с ранней звездой,
В синеву заглядясь голубую.*

14/ VIII, 1918
Пуща-Водица

РОЗЫ

*Отчего благоухают розы
Пробуждающею утренней порой?
Отчего они роняют слёзы
С лепестков своих над мокрою травой?*

*Тихо всходит солнце и блистает,
Первый пышный луч бросает в сад,
А уж розы там опять благоухают,
Разливая тонкий аромат.*

*Все они так нежны и красивы,
В лепестках жемчужных много слёз –
Но зачем все розы горделивы?
Отчего нет кроткой между роз?*

24/ VIII, 1918
Пуща-Водица

*Воспоминанья дней былых
Наводят сладкое молчанье,
В кругу друзей моих
Привольно нам, Воспоминанья.*

*Теснятся тесною гурьбой
Вокруг меня и надо мной.*

*Давно знакомые картины
Я вижу – ряд весёлых дней...
Вокруг меня леса, холмы, долины...
Воспоминанья прежних дней
Отрада мне. В кругу друзей
Оно приходит, как желанье.*

*О, детских, светлых днях расскажет,
Навееет на меня мечтанье,
Картины радости покажет...
Ко мне, ко мне, Воспоминанье!..*

7/ VIII, 1918
Пуща-Водица

*Люблю тебя, заката луч прощальный,
Предвестника вечерней тишины,
Люблю твой алый цвет,
стыдливый и печальный,
Как первые цветы молодой весны.*

*Но скоро от реки потянутся туманы
И на цветах заблещет чистая слеза.
Умчится луч в неведомые страны,
Последний раз взглянув на небеса.*

*Последний раз огонь свой мимолётный
Он отразит на медленных волнах,
В последний раз с улыбкою невольной
Играет он на дремлющих полях.*

18/ IX, 1918

НОЧЬ

*Мне вспомнились тихие звёздные ночи
И снег, освещённый одним фонарём,
И серое, точно свинцовое, небо,
Нависшие тучи над снежным ковром.
Кого-то ждала я. В окошко глядела.
И лампа большая безмолвно горела.
Выл ветер порою, никем невидим.
Склонясь на окошко, я тихо дремала.
Вдруг издали, плавно, один за другим
Послышались сладкие звуки рояля,
Сильней и сильней трепетали они,
То громко, тревожно, то вновь замирая.
На улице медленно гаснут огни –
На них я гляжу, на окне засыпая.*

*И снится мне даль, безызвестная даль.
Там море красою своею блистает,
Меня греет солнце и нежно ласкает,
Но тайно на душу ложится печаль,
И море, и пальмы, и всё исчезает.
И снится мне снова... Широкое поле,
И я, одинокая, в поле стою.
Кругом тишь, безлюдье. Одна я на поле,
Одну, как безумная, песню пою.
Вдруг фея спустилася, лёгкая, нежная,
Эфирная фея спустилась ко мне,
И стала весёлая я, безмятежная.
И вдруг поняла я, что это – во сне...
Проснулась я. Месяц уж на небе всплыл,
И стал он огнями цветными блистать.
На улицу нашу гляжу я опять –
И снова я вижу там снег неглубокий
И им замечённый фонарь одинокий.*

23/ IX, 1918

ОСЕНЬ

*Отцветает краса беззаботного лета
И становится мне всё грустней и грустней.
Солнце тёплое светит теперь без привета
И становятся дни холодней.*

*Невесёлые ночи, осенние ночи!
Что нарушило их тишину и покой?
Собираются листья осенние в кучи
И уносит их ветер долой.*

*Заунывные песни, осенние песни.
Ветер долго поёт средь ночной тишины.
О, вернутся ли снова весёлые песни,
Беззаботные грёзы весны!*

ХРИЗАНТЕМЫ

*От родимого сада далёко,
В тесной вазе, на пыльном окне*

*Хризантемы стоят одиноко,
Увядая в ночной тишине.*

*Лепестки их так были красивы,
Ароматы нежны и свежи.
Хризантемы всегда горделивы,
Хризантемы всегда хороши.*

*Но теперь лепестки опадают,
Стебель гнётся почти до земли.
Хризантемы с мольбой увядают.
Для чего же они расцвели?!*

*Знать, они расцвели для страданий,
Чтоб в пыли, на окне умирать,
Чтоб в последний свой миг увяданий
Ароматы свои испускать.*

*Закат сгорел. Последний луч умчался
За горы и леса, в далёкую страну.
Спустилась тьма, и принесла с собою
Покой и тишину.*

*Но почему, когда кругом всё тихо,
Когда в саду едва колеблются листья,
Зачем тогда уносятся далёко
Любимые мечты?*

*Но ночь пройдёт томительно и скучно,
Заблещет солнца луч, желанный, светлый луч,
Уйдёт тоска, и улыбнётся радость,
Как солнце из-за туч.*

17/ XII, 1918

ПРОЩАНИЕ

*Там, где ельник начинался
Тёмной, тёмной бахромой,
Там шальной казак прощался
С украинкой молодой.*

*«Ты не плачь, моя Маруся, –
Он ей тихо говорил, –
Скоро с битвы я вернусь,
Полный славы, полный сил.*

*Заживём с тобой мы ладно
На берегу Днепровских вод,
Каждый вечер будем славно
Собираться в хоровод.*

*А тогда, когда вернусь я
Среди радостного дня,
Ты меня в саду, Маруся,
Дожидайся у плетня».*

*Уж звезда зажглась золотая,
А Маруся вся бледна.
«Ах, – промолвила, – какая
Доля горькая пришла.*

*Не езжай ты, мой Сергейко,
Не езжай в далёкий край,
Али без тебя людей-то
Мало? Ох, не уезжай!»*

*Но казак не слыша боле
Ни молений и ни слёз,
Быстро скрылся в тёмном поле
И с собою всё унёс.*

*Он унёс надежду, грёзы
От Маруси в этот день.
Та стоит, роняя слёзы,
Прислонившись на плетень.*

13/ I, 1919 (13 лет)

АККОРД

*Мотив затих. Аккорд ещё рыдает.
Трепещет он в душе, страдающей, живой.*

*О чём-то он душе напоминает
Своею непонятной, сладкою игрой.*

*И хочется любить, и верить, и страдать,
Как тот аккорд, что за душу хватает,
И хочется рыдать, рыдать, как он рыдает,
И жить, и никогда не умирать!*

18/ II, 1919

*Спи! Ещё ясное солнце
Дремлет во мраке ночном.
Ветер стучится в оконце,
Свищет на поле пустом.*

*Спи! Только ветер проснулся.
Серым туманом одет,
Лес вековой встрепнулся
И улыбнулся рассвет.*

*Спи, пока светит лампадка
Перед иконой святой.
Спи беззаботно и сладко
Утренней, свежей порой.*

*Спи! Ещё жизнь не успела
Счастье твоё унести...
Много священного дела,
Много трудов впереди!*

20/ II, 1919

*Я был сотворение ада,
Богиня меня сотворила,
И в грудь мою, полную яда,
Жестокое сердце вложила.*

*Я был бесподобно изящен,
Своей красотой блистая.
Мой лик был жестоко прекрасен,
И всех красотой поражал я.*

*И кудри мой лик окаймляли
Красивою, чёрной дугою,
А губы улыбкой играли,
Улыбкой змеиною, злою.*

*Под тонкою, чёрною бровью
Глаза мои искры метали.
Такие созданья, как люди,
Меня «божеством» называли.*

*Чей глас по долине летает,
Наполненный грозного яда,
Кто в жертву людей собирает?
То – я, сотворение ада!*

21/ II, 1919

РАБЫ

*Вот по большой, наезженной дороге
Идут усталые, голодные рабы.
В пыли босые утопают ноги,
Там стон стоит, их цепи тяжелы.*

*Там много, много их, работой изнурённых,
За ними их шагают палачи,
И их, рабов несчастных и голодных,
Не пощадят жестокие бичи.*

*Они идут, но силы истожились,
И сели все под сению лесов,
И низко бритые их головы склонились,
Но бич заставил встать измученных рабов.*

*Опять они идут, опять едва ступают
На пыль дороги слабою ногой,
Рукой свои же цепи поднимают...
И мы рабы перед своей судьбой.*

7/ III, 1919

НОЧЬЮ

*В старый сад выхожу я, и летняя ночь
Мне пахнула в лицо ароматом.
Я стою. Я душой поделиться хочу
С этим старым, задумчивым садом.*

*Кротко светит луна, молча липы стоят,
Тихо шепчутся листья берёзы,
И несётся кругом от цветов аромат,
И качаются алые розы.*

*О, зачем я одна в эту чудную ночь,
Отчего тебя нету со мною?
О, приди, милый друг, и утешь мою грусть,
И поплачем мы вместе с тобою.*

*О, зачем я должна одиноко страдать!..
Тихо катятся крупные слёзы,
И несётся кругом от цветов аромат,
И качаются алые розы.*

17/ III, 1919

ПРОШЛА ПОРА

*Прошла пора счастливых сновидений,
Уж не вернётся, не вернётся вновь,
Ушло надолго милое виденье,
Ушла надолго прежняя любовь.*

*И тихо от меня вспорхнули грёзы,
И взмах их крыльев душу надрывал.
Последние из глаз упали слёзы,
Последние в саду завяли розы,
И пыл души мятёжно остывал.*

20/ III, 1919

ОЖИДАНИЕ

*Ночь спустилась на землю. Сиж у пруда я
И безмолвно гляжу вдоль заросших аллей,*

*И внимаю, о счастье далёком мечтая,
Как в саду тихо-жалобно пел соловей.*

*Соловьиные песни печальны, певучи,
Гладь пруда так прозрачна, не плещет волна.
А по небу летят серокрылые тучи
И меж ними плывёт золотая луна.*

*Молча ивы стоят, наклонясь над водою,
И тихонько осина листьями шумит.
В эту ночь вся природа мечтает со мною,
Вся природа со мною без слов говорит.*

*Вижу я старый дом. Он наполнен гостями.
Много лиц, много пар, много радостных встреч.
Вся огромная зала сверкает огнями,
Вся цветами украшена, множество свеч.
Меня тянет туда. Я хочу веселиться.
Только вход в этот зал для меня не открыт.
К этим людям я больше не смею явиться.
Да, я презрен навеки, я всеми забыт.*

*Звуки вальса доносятся, нежные звуки.
Мне под звук голосов хорошо самому.
О, коснутся ль меня эти белые руки
И прильнёт ли головка к плечу моему?*

*Да, я верю, я верю, моя дорогая,
Моя милая девушка явится вновь!
Я стою я, задумчив, её ожидая,
И я верю в одно: верю только в любовь!*

14/ IV, 1919

ВЕЧЕР

*Мы долго гуляли. На крыльях могучих
Уж вечер спустился на сад.
По небу летали крылатые тучи,
Померкнул печальный закат.*

*При блеске заката сверкали оконца,
И тучи по краю небес*

*Пылали в лучах угасавшего солнца,
Шумел в отдалении лес.*

*И было всё тихо. Лишь ветер порою
Шептался с зелёной листвой,
Да речка плескала. Как чистой слезою,
Трава напилася росой.
И не было шума там с улицы слышно.
Огни зажигались в домах.
Уснули деревья угрюмо и пышно...
А мы всё гуляли впотьмах.*

*Мы бегали много, мы громко смеялись,
Кидались душистой травой,
Далёко наш говор и смех раздавались.
Как вечер прекрасен весной!*

15/ IV, 1919

*Где ты теперь? В лесу глухом,
В долине мрачной и унылой.
Ты бросил всё, и свет, и дом,
Ты бросил жизни путь постылый.
И вот теперь на путь иной
Ступаешь слабою ногой.
Чего жалеть? Ты бросил сон
Один, обманчивый и властный,
Тебе принёс страданья он,
И ты ушёл от жизни праздной.
Ты бросил славу и покой,
Ушёл далёко в лес глухой,
Ты променял свои чертоги
На келью мрачную, пустую,
Свою одежду дорожную
На ризы тёмные и чётки,
И научился в час ночной
Ценить молитвенный покой...
Чего же более желать?
Теперь оторван ты от мира.
Уж нету у тебя кумира
И больше нечего рыдать.*

*Зачем же в час воспоминанья
Ещё звучат твои рыданья?*

20/ IV, 1919

*Я верила в жизнь, но и жизнь обманула меня.
Я верила в детство, в счастливые детские годы.
Я жаждала ласки и правды любви и свободы,
Чтоб детские дни провести, беззаботно любя.*

*Но жизнь, я узнала, – тяжёлое, страшное бремя.
Оно подавило счастливые детские дни.
Зачем родилась я в такое несчастное время,
Зачем в моём сердце так рано потухли огни!*

*Не знала я счастья, невинного, детского счастья.
Н знала веселья в кругу дорогой тишины.
Росла я средь бури, в безумных порывах ненастья.
Росла я в печальном разврате любимой страны.*

1/ V, 1919

*Чей глас в печальный вечер лета
В бездонной неба глубине,
Как лира страстная поэта,
Звучит в вечерней тишине?*

*Чей зов призывный, зов могучий,
Печальный зов меня зовёт?
Чей голос нежный и певучий
В порыве горести поёт?*

6/ V, 1919

*Хорошо горевать, когда сердце болит,
Когда горе душой овладело,
Когда солнце на небе так бледно горит,
Когда туча на землю слетела.*

*Хорошо тосковать, когда песни мечта
Льёт унылые, грустные трели,*

*Когда жизни вопрос есть одна лишь черта
Бесконечно печальной свирели.*

*Хорошо горевать всей душою своей,
Когда горе так низко слетело,
Горевать средь ночей, средь безумных ночей,
Пока сердце остыть не успело.*

9/ V, 1919

*О, кто с ипподрома дерзнёт говорить
О славе и чести России,
О, кто её раны возьмётся лечить,
Кровавые, горькие, злые!
Кто скажет: «Мы – братья родимой страны,
Так дайте же, братья, мне руки,
Идёмте на битву, страдальцы-сыны,
Потерпим лишенья и муки.*

*Погибнем же, братья, в кровавом бою,
В бою за любовь и за славу,
Довольно врагам в нашем древнем краю
Чинить свои суд и расправу.*

*Восстаньте же, братья, смелее вперёд,
Спасём нашу землю родную,
Отыщем в потёмках заблудший народ,
Откроем всю правду святую!*

*Мы – гений, мы – слава отчизны родной,
Изгоним навеки обманы...»
Но, братья, на сердце России святой
Залечим ли горькие раны?
13/ V, 1919*

*Меня зовут к себе дубравы,
Их вечно дремлющий покой.
Уйти от суеты мирской
И бросить светские забавы.
Там монастырь меня манит.*

В тени дубрав его высоких
И толпы храмов одиноких,
И стройный ряд молодых раkit.
Кругом, повсюду лес кудрявый,
Ряд дымных келий, церкви, двор,
Плетённый, низенький забор,
Храм монастырский величавый...
И всё... Широкими ветвями
Лес осенил тот тихий холм,
Деревья шепчутся листьями,
Как будто молятся... о чём?
Там ввечеру, когда всё спит,
Под серой ночи пеленою
Прекрасный звон над всей землёю,
Как глас Всевышнего звучит.
Из дальних келий в скромный храм
Спешат монахи вереницей,
Спешат к растворённым вратам,
Идут душою помолиться.
А в храме полумрак, простор,
Пылая, свечи догорают,
Лампады кроткие мерцают,
Поёт молитвы стройный хор.
О, как хотелось мне тогда
Войти в тот храм уединённый
С прямой молитвою свободной,
Перед иконою Христа
Склонить колена и с мольбами
Склонить усталую голову,
И думать, думать ввечеру,
И плакать горькими слезами.

15/ V, 1919

Тихий шёпот ветвей.
Молчаливый камыш.
И прозрачный ручей.
И полночная тишь.
И страданье души
Мимолётной весной...
И стоят камыши

*Над уснувшей рекой.
И на небе луна.
Звёзд полуночный рой...
Я страданием полна
Быстрокрылой весной.
В звуках песни слышна
И тоска, и печаль.
А за лесом видна
Беспредельная даль...
Не манит тот покой,
Не зовёт тишина...
Смерть, явися за мной –
Я тебе отдана!*

24/ V, 1919

*Напрасна жизнь, напрасны увлечения,
Не надо более напыщенной любви:
Мы все во мраке, в бездне заблужденья,
Мы в омуте тоски, печали и крови...*

7/ VI, 1919

НОЧНЫЕ ГРЁЗЫ

1

*Бесприютная, безлюдная
Ночь глядела мне в окно.
На устах молитва чудная
Замерла давным-давно.*

*На душе моей напрасная
Пробудилась тоска,
Безответная, бесстрастная,
И от сердца далека.*

*Не стучи же, сердце милое,
Позови сюда мечты,
Брось всё глупое, постыдное,
Как помятые цветы.*

*Пожалей меня, о, милая, -
Я страдаю, я одна.*

*За окном же молчаливая
Ночь безумная темна.*

2

*Ночи бессонные, ночи бесстрастные
Тихим томленьем полны.
Слёзы беззвучные, слёзы напрасные
Льются, как жемчуг они.*

*Раны сердечные, раны незрелые,
Их не залечит покой.
Мысли ничтожные, мысли несмелые
Быстро несутся волной.*

3

*Тихо, печально, угрюмо
Сумрак и холод царит.
Тяжко сердечная дума
Смерти навстречу летит.*

*Холодно, грустно, тоскливо
Стон затаённый звучит.
Ночь за окном молчаливо,
Будто сердито, глядит.*

7-10/ VI, 1919

*Молчи, певец, пускай замолкнет лира,
Не надо песен, слёз, не надо красоты!
Не дёргай струны траурного мира,
Не нарушай угрюмой тишины.*

*Уйди, певец, сокройся в дальних странах,
Там пой, безумец, пой в толпе чужих людей,
И вспомни родину, затёртую в обманах,
И в тихой песне помолись о ней!*

21/ VI, 1919

МЕСТЬ

*Я буду мстить, о, злое племя,
Клянуся кровию людей,
Клянусь, когда настанет время,
Проснётся месть в душе моей.*

*Да будь ты проклят, род кровавый!
Я не могу тебя простить...
Месть – это долг святой и правый –
Я буду мстить, я буду мстить!*

23/ VI, 1919

*Я умереть хочу на крыльях упоенья,
Я брошу всё, как бросила мечты.
Жизнь – это сон пустой, безумное стремление
К добру, к любви и к счастью красоты.*

*Нет счастья на земле. Она во тьме суровой,
В долине смерти царствует всегда,
Где у людей начало жизни новой,
Где протекают вечные года.*

*В моей душе уж горе накалило,
Рыдания прервали мутный сон.
Страданий скрыть я больше не сумела...
И всё слилось в душевный, страстный стон.*

*Я смерти жду среди неверных тлений.
А новой жизни свет по-прежнему сиял...
Я умереть хочу, как умирает гений –
В борьбе за жизнь, за вечный идеал.*

23/ VI, 1919

*Исчезли мрачные сомненья,
Сомненья жизни роковой, –
Исчезли муки сожаленья,
Исчезли пытки вдохновенья, –
Всё снято мёртвою рукой.*

*И над могильною землёю,
Склонясь главой, стояла ты,
Слезу роняла за слезою
И исхудалою рукою
Бросала грустные цветы.*

*А над могилою шумели
В тоске, как погребальный зов,
Две вечно-траурные ели,
И тихо травы шелестели,
И слышен звон колоколов.*

*Исчезли мрачные сомненья,
Сомненья жизни роковой,
Исчезли страсти, увлеченья,
И все отрадные стремленья
Покрылись холодной землёй.*

10/ VIII, 1919, Славянск

СЕВЕР

*Где-то там, на севере холодном,
Меж снегов и льдов немых, и скал,
Где природа скудна, где свободно
Ветер плачем сердце надрывал.*

*Где весна – холодное лобзанье,
Где любовь – полузабытый сон,
Где минутных дней воспоминанье
Тяжелее, чем душевный стон.*

*Где мечты так бледны и неясны,
И тоска невольно давит грудь,
Ночь морозная надменно и бесстрастно
Освещает заметённый путь.*

*Но теперь, в чужом краю, на юге,
Всей душой стремлюся я туда,
В край родной, где бушевали вьюги,
В это царство холода и льда.*

*Мне милей та дикая природа,
Рыхлый снег, лиловые леса.
Там любовь, там вечная свобода,
Там холодная, но дивная краса.*

24/ X, 1919

Посвящается Тане Гливенко

*Прошли те дни, когда с тобою
Делили мы свои мечты,
Иль шаловливою весною
Любви печальные цветы.*

*Когда «субботы» ожидали,
Когда с тобой наедине
Весь вечер радостно мечтали,
В потёмках сидя на окне.*

*С тех пор прошло всего два года,
Ты уж совсем, совсем не та...
Явилась новая работа,
Уснула прежняя мечта.*

*Твой свежий взор, твой взор невинный
Глядит надменно, гордо, зло!
И в страсти тайные пучины
Далёко сердце завлекло.*

*Мы оттолкнули все желанья,
Мы друг от друга отошли,
Но помним старые мечтанья...
Прошли те дни, увы, – прошли!*

30/ X, 1919

*И ничто мне теперь уж не мило,
Пыл погас, в сердце нету огня,
Даже то, что так страстно любила,
Уж теперь не волнует меня.*

*Равнодушно, надменно, сурово
Я слежу за дыханьем весны,
И не жажду я радости снова,
Вас не жду, златокрылые сны.*

*Прочь летите в счастливые страны,
Улетайте в цветущую даль –*

*Здесь неволя, здесь только обманы,
Здесь безумная веет печаль.*

20/ XI, 1919,

Агитпоезд «Единая, Великая Россия».
(начало беженства)

МЕЛОДИЯ

*Мерно плескалось широкое море
Смелой волною о берег крутой,
Тёмные волны на бурном просторе
Быстро гонялись одна за другой.*

*Моря глубокого вздохи мятежные
Эхо уносит в ущелия гор,
Пены косматые, кудри небрежные
Слушают моря немой разговор.*

*Южное небо красой недоступною
Светит над пенистым гребнем волны,
Будто бы думает думы преступные,
Будто бы шлёт небывалые сны.*

*Ветер качал лепестки изумрудные,
Тронул немые цветы,
Песни пропел небывалые, чудные,
Тихо наваял мечты.*

*Чутко шептались деревья высокие,
Слушая ропот волны.
Спали аллеи и горы далёкие
В бледном сиянье луны.*

*В этом сиянии, в тихом забвении
Вижу я только печаль,
Сердце трепещет в порыве мучения,
Рвётся в цветущую даль.*

*В этой дали, за горою высокою
Вижу я север родной.
Рвусь я туда всей душой одинокою,
Мёртвой, забытой душой.*

*Грёзы нахлынули, сладкие, нежные,
Нет больше слёз, чтоб рыдать.
Юного сердца порывы мятежные
Нет больше слов, передать.*

3/ XII, 1919, Ростов-на-Дону

ПЕСНЯ

*Дайте мне кинжал булатный,
Дайте латы, щит и шлем,
Я пойду на подвиг ратный,
Я пойду на счастье всем.*

*Тёмной ночью я с весельем
Все доспехи разложу,
Заклинаньями и зельем
Свой кинжал заворожу.*

*Облачусь в мои доспехи,
Розу белую найду,
И для брани, для потехи
В поле чистое пойду.*

*Мой противник – статный воин,
Будет мчаться впереди,
Будет грозен и спокоен,
С алой розой на груди.*

*Он взмахнёт своим кинжалом,
Я же миг не упущу,
Свой кинжал одним ударом
Прямо в грудь ему вгоню.*

*Жуткой кровью он зальётся,
Пошатнётся, упадёт,
Больше сердце не забьётся,
Больше зла не принесёт.*

*Дайте мне кинжал булатный,
Дайте латы, щит и шлем!
Я пойду на подвиг ратный,
Я пойду на подвиг всем!*

25/ XII, 1919, Ст. Кавказская

ЧЁРНЫЙ ДЕМОН

*Когда бы зла поменьше было,
Когда бы правда не лгала,
То мир бы счастье осенило
И жизнь беспечная была.*

*Но Чёрный Демон над землёю
Широко крылья распростёр,
Сиял нетленною красою,
Невинный привлекая взор.*

*И становились люди злее,
Обман и ложь – вот их друзья,
И Чёрный Демон веселее
Глядел, как гибла вся земля.*

*И правде в мире тесно стало,
И счастья нет, печаль одна.
Любовь от мира отлетала
И злом душа упоена.*

*И становился мир темнее,
Любовь и правду забывал,
И сердце злое билось злее,
И Чёрный Демон ликовал.*

29/ XII, 1919, Ст. Белореченская

МГНОВЕНИЕ

*Пускай недавние мученья
Терзали грудь,
Сейчас – живые впечатленья
И новый путь.
Зачем, скажи, бунтует горе
И лжёт печаль? –
Передо мной ликует море
И блещет даль.
Зачем меня к себе напрасно
Зовёт тоска –
Жизнь хороша и так прекрасна,
И так легка!*

29/ XII, 1919, Ст. Белореченская

*Плачь, когда горе в душе извивается,
Пой, когда песня свободно слагается,
Плачь и рыдай!*

*Сердца разбитого стоны холодные,
Слово участия, ласки притворные,
Всё отвергай!*

*В душах людей только змеи голодные,
Вьётся и плачет там сердце холодное –
Правды в нём нет.*

*Громко зови свои думы-мучения.
Только найдёшь ты в тоске сожаления
Скорбный ответ.*

12/ I, 1920 (14 лет), Туапсе

ИЗГНАННИКИ

*В нас нет стремленья, в нас нет желанья,
Мы только тени, в нас жизни нет.
Мы только думы, воспоминанья
Давно минувших, счастливых лет.*

*К нам нет улыбки, к нам нет участия,
Одни страданья для нас даны.
Уж пережить мы не в силах счастья,
Для новой жизни мы не нужны.*

*У нас нет жизни – она увяла,
У нас нет мысли в немых сердцах.
Душа стремиться и жить устала –
Мы только призрак, мы только прах!*

22/ I, 1920, Туапсе

*Юность ли смелая, страсть безнадежная,
Думы ль тяжёлые, жизнь беспощадная,
Что зазвало тебя, доля мятежная?
Что не вернёшься, любовь безвозвратная?*

Прежние дни навсегда забываются.
Что ж так рыдает тоска непритворная?
Старость ли дряхлая мне улыбается?
Юность забытая, юность свободная...

30/ I, 1920, Туапсе

Там, у моря, моря дальнего,
За горой, горой высокою,
Там, у терема хрустального,
За большой рекой глубокою,

Где цветут леса заветные,
Где долины изумрудные,
Там, где птицы разноцветные
Распевают песни чудные,

Где плывёт луна открытая,
В тёмном море отражается, –
Там душа моя забытая
На просторе утешается.

Говорит с волной певучею,
С ветерком перекликается,
Горько плачет с чёрной тучею,
С ясным солнцем улыбается.

30/ I, 1920, Туапсе

К ДРУГУ

Если тебя одолели сомненья,
Если не в силах ты слёз удержать,
Смело ищи у меня утешенья:
Мне ли тебя не понять?

Ты поделись со мной думами чёрными,
Ты расскажи мне о горе своём,
Жизни неведомой бремя тяжёлое
Вместе с тобой понесём.

Если ж тебя в молодые объятья
Жизнь позовёт на неведомый путь,

*Смело ищи себе новое счастье
И обо мне позабудь.*

9/ II, 1920, Туапсе

*Хвала тебе, о, смерть всесильная
С твоим сражающим мечом!
Хвала тебе, печаль могильная
Над роковым моим концом.*

*Как в тёмном небе ночью звёздную
Звезда, померкнув, упадёт,
Так в ночь осеннюю, морозную
Душа от мира отойдёт...*

*И чьи моления, чьи страдания
Услышит небо в тьме ночной,
Чьи слёзы, чисты как мечтания,
Падут на камень гробовой?*

*Возьми меня, о, смерть всесильная,
К твоим сынам, к твоим рабам,
В твои дворцы, дворцы могильные,
Возьми меня в твой вечный храм.*

29/ II, 1920, Туапсе

*Напрасно ты ждёшь его ночью глухой,
Напрасно томишься в полуденный зной,
Напрасно ты слёзы холодные льёшь,
Зовёшь его, плачешь и снова зовёшь.
Где ветер гуляет на поле глухом,
В далёком краю, за высоким холмом
Лежит он в крови, одинок, недвижим,
И воронов стая кружится над ним.
Из раны сочится холодная кровь,
Как в сердце твоём молодая любовь.
Над ним шелестит серебристый ковыль
И ветер наносит горячую пыль.
Напрасно томишься в светлице своей
И ждёшь его с диких, безлюдных степей.*

*Не скоро осушишь ты слёзы о нём,
Как свежие раны на сердце твоём.*

1/ III, 1920, Туапсе

*Забудь печаль летучую,
Забудь её, молву,
Перед судьбой могучею
Склони свою главу.*

*Смири порывы страстные,
Сломи свой дух молодой,
Сдержи слезу напрасную
Тяжёлою порой.*

*Терпи ты жизнь холодную,
Всегда спокоен будь, –
Судьба рукой свободною
Тебе укажет путь.*

*Забудь тоску напрасную
И гордую молву.
Перед судьбою властною
Склони свою главу.*

9/ III, 1920, Туапсе

МОТИВ

*Холодные звёзды сияли.
Глядели жестоким обманом.
Угрюмые скалы молчали,
Окутаны синим туманом.*

*У берега море шумело,
Холодной волною плескало.
Разбитое сердце болело,
Безумное сердце стонало.*

*Тяжёлые страшные думы
Носились, как призраки ночи,
Бродили по скалам угрюмым,
Впивались в холодные очи.*

*В безумных порывах печали
Душа отдавалась обманам,
А гордые скалы молчали,
Окутаны синим туманом.*

11/ III, 1920, Туапсе

В РАЮ

*На небесах, в блаженствах рая,
Где счастья заплеталась нить,
Мне жизнь припомнилась иная –
Её, увы, не позабыть.*

*Там, на земле, где блещут дали
В тумане сумрачных ночей,
Там, где страданья и печали,
И смерть скликает палачей.*

*Там, что ни день, призыв могучий
Влечёт сердца в глухую даль,
Там, словно солнце из-за тучи,
Блестят и радость, и печаль.*

*Там жизнь цветёт одно мгновенье.
Безумный стон, немой упрёк.
И мчится до поры забвенья
Там жизни бешеный поток.*

*На небесах, в блаженствах рая,
Где счастья заплеталась нить,
Мне жизнь припомнилась иная –
Её, увы, не позабыть...*

21/ III, 1920, Керчь

*Сны – мечтанья, красивые, нежные, длинные,
Только сны.
И любовь – это сказка, глухая, бессильная,
Блеск луны.
Нет у мира холодного искры участия,
То – молва,*

*И слова обещания, громко звучащие,
Лишь слова.
31 / III, 1920, Симферополь*

*О, счастлив тот, кто жил украдкой,
Кто истину познал,
Кто жизни мрачную загадку
Невольно разгадал.*

*Кто бросил жизнь с её тоскою,
С холодной суетой,
И за могильною землёю
Увидел мир иной.*

*О, счастлив тот, кто жил мгновенье,
Ничтожен иль велик,
Кто бросил жизнь без сожаленья,
Кто цель её достиг.*

*Бороться с жизнью нет желанья,
На сердце тяжкий гнёт.
В холодном саване страданья
Смерть, как мечта, придёт.
27 / IV, 1920, Симферополь*

*Бесконечная, ровная даль.
Блеск луны над дрожащей листвою,
И широкого озера сталь,
И камыш над прозрачной водою.*

*Белых лилий уснули цветы,
Освещённые бледной луною,
И дрожат на деревьях листья,
И молчат берега над водою.*

*Догорали костры рыбаков,
Лай собак замирал в отдаленье,
Меркли звёзды в дыму облаков,
Всё молчало в холодном забвенье.*

*И вдоль берега лодка скользит,
Всплески вёсел покой нарушают,
Чья-то песня тоскливо звучит
И в глухих камышах замирает.*

*Чьё-то сердце, объято тоской,
В эту ночь безутешно рыдает,
А над озером дремлет покой
И туман берега одевает.*

*Беспредельная, милая даль,
Блеск луны над увядшей листвою,
И заросшего озера сталь,
И о прошлом немая печаль,
Что прошло быстrokрылой мечтою.*

8/ V, 1920, Симферополь

НАД МОРЕМ

Посвящается беженке Л.Р.

*Мы молча бродили над морем,
Смотрели в туманную даль.
Одним мы томились горем,
Одну мы знавали печаль.*

*Пред нами, на ровном просторе,
Бежали вперёд корабли,
Пред нами смеялось море
И чайки кружились вдали.*

*Нам вспомнились годы иные,
Когда мы встречались с тобой,
Мы видели сны золотые,
Мы жили весенней мечтой.*

*С тобою мы встретились снова,
Окутаны мёртвой тоской,
Далёко от края родного,
Над мутной морскою волной.*

*Мы долго с тобой вспоминали
О том, что минуло давно.*

*Два разные сердца страдали,
Но горе их слило в одно.*

*Мы жили одним лишь желаньем,
Дышали незримой мечтой,
Мы связаны были страданьем,
Безумной, унылой тоской.*

*Мы молча бродили над морем,
Смотрели в туманную даль,
Одним мы томилися горем,
Одну мы знавали печаль.*

8/ VI, 1920, Симферополь

*Не верю я красивым снам,
Лукавым, ласковым виденьям.
Не верю радужным мечтам,
Души восторгам и стремленьям.*

*Не верю, что награда есть
За все мученья и страданья.
Кто ж принесёт благую весть
На все мольбы и ожидания?*

*Не верю в чистую любовь,
В её порыв в молчанье сонном,
Не верю, что воскреснет вновь
Надежда в сердце утомлённом.*

11/ VI, 1920, Симферополь

*Скажи мне утешенье снова,
Чтоб стало на душе легко,
Чтобы твоё живое слово
Запало в сердце глубоко.*

*Скажи мне, что пройдут волненья
И голос грусти замолчит,
И вновь, как радость сновиденья,
Надежды призрак прилетит.*

*Кругом сомненья и раздоры.
Дай мне надежду и покой,
Утешь меня холодным взором,
Без слов волнение успокой!*

13/ XI, 1920, Симферополь

МЕЛАНХОЛИЯ

*Запад гаснул. Кровавое солнце пылало.
Чуть качались берёзы, вершины склоны.
Где-то скрипка вдали так тоскливо рыдала
В тишине догоревшего дня.*

*На окне, в тесной вазе цветы увядали,
Отряхнув лепестки, наклонившись к стеблям.
Они к солнцу стремились, к прощальным лучам,
Жить им хочется, жить, а они умирали.
Всё так мрачно кругом, так пустынно, уныло,
Нет простора, весь мир, как глухая тюрьма.
Ещё сердце усталое солнца просило,
А уж тьма, беспросветная тьма...*

2/ VII, 1920, Симферополь

*Мне жаль надежды луч холодный,
Что угасал в душе моей,
Мне жаль мечты моей свободной,
Былых восторгов и страстей.*

*Мне жаль минувших дней отрады,
Младого счастья прежних лет,
И нету к прошлому возврата,
И веры в будущее нет.*

8/ VII, 1920, Симферополь

*Моё сердце уснуло, как дитя в колыбели,
И во сне, как дитя, улыбнулось так сладко.
Убаюкано трелью отдалённой свирели,
Оно спит так спокойно и бьётся укладкой.*

*Моё сердце в неволе, в жизни так утомилось,
Дикой страстью не бьётся, не верит, не слышит.
Как невинный младенец в колыбели забылось,
Оно спит непробудно, не просит, не ищет.*

8/ VII, 1920, Симферополь

СЕВЕР

(отрывок)

.....
*Мне вспомнился вечер. В багряной заре
Кровавое солнце пылало.
Деревья склонялись ветвями к земле
И шумная жизнь затихала.*

*Всё было спокойно. Младая весна
Не сеяла горькой печали...
Я молча стояла в тени, у окна,
Смотрела в туманные дали.*

.....
*Зачем вспоминать? Не вернётся весна,
И прежняя жизнь не вернётся.
И в дальнем краю, где дышала она,
Печаль черноокая вьётся.*

*Там кровь и вино, точно реки, текут,
Смешались и смех и рыданья,
Там песнь погребальную ветры поют
В холодном тумане страданья.*

*Там слёзы и стоны, там ужас и страх,
Зловещее слышно проклятье,
Там горе проснулось в счастливых местах,
И смерти раскрыты объятья.*

*А сердце трепещет и рвётся вперёд,
Где север, забрызганный кровью.
Скорее туда, где страданье живёт,
Залить его светлой любовью!*

*Скорее туда, где страдают и ждут,
Где льются унылые слёзы,
Туда меня тяжкие думы зовут
И ясные, лёгкие грёзы.*

*А ночь? Как мечта, неземная свирель,
Чарующей полная силы,
Как сломанной лиры звенящая трель,
Как мрак безответной могилы.*

15/ VIII, 1920, Симферополь

ПЕСНЯ УЗНИКА

*Завтра – казнь. Так просто и бесстрастно
В мир иной душа перелетит.
Та же жизнь немая безучастно
На земле по-прежнему шумит.*

*То же встанет солнце золотое
И осветит мой родимый край.
О, прощай всё милое, родное,
Жизнь моя разгульная, прощай!*

*И не верится, что на заре унылой
Страшный миг несмело подойдёт...
О, скорей бы смерть! Ждать нету силы.
Жить нельзя, так что же смерть нейдёт?*

1/ IX, 1920

Симферополь. Семинарский пер.
На диване. Вечер. Никого нет.

ГОРЕ

*Как просто звучало признание
Безмолвною ночью, в глуши,
И сколько таилось страданья
В словах наболевшей души.*

*И сколько безмолвной печали
Скрывалось на сердце младом!
Слова же так просто звучали
В холодном тумане ночном.*

*И капали робкие слёзы –
Их не было сил удержать,
И сонно шептались берёзы,
И звёзды устали мерцать.*

*А горе так долго томило
И сердце устало страдать,
Печаль свою звездам открыло,
Хоть звёзды не могут понять, -*

*И горе цветам рассказало,
Хоть гордо молчали цветы,
Кой-где лишь слезинка дрожала,
Едва серебрила листья.*

*И ночь пролетала в молчанье,
И слёзы таились в глуши,
И сколько звучало страданья
В словах наболевшей души.*

30/ IX, 1920

Симферополь. Училищная ул. Во время
бессонницы. На дырявой койке.

ВРЕМЯ

*Быстро день за днём проходит,
Скучно час за часом бьёт,
И мрачней тоска находит,
Как за годом мчится год.*

*Время быстро, время строго,
Наши дни несёт оно,
А ведь этих дней немного
В жизни нашей сочтено.*

*Только к нам весна слетела,
Свой раскинула шатёр,
Всё вокруг зазеленело,
Всё кругом пленило взор.*

Только сердце, ожидая
Лучших дней, оно молчит...
Глядь, и осень золотая
Первый лист озолотит.

Так, в тоске о невозвратном,
Сердце будущим живёт,
А на милом и отрадном
Время быстрое идёт.

День пройдёт, тоска глухая
Исчезает без следа.
Так и юность удалая
Не вернётся никогда.

Надо смело жить желаньем,
Жить, не ждать в тоске глухой.
Будет мне напоминаьем
Первый листик золотой.

Я его беру украдкой
И в страницы дневника,
Там, где мрачная загадка,
Там, где хмурая тоска,
Я кладу его с тоскою...
Он живёт, он не увял –
И бегут года чредою,
Как за валом мчится вал.

30/ IX, 1920, Симферополь

Здесь всё мертво: и гор вершины,
И солнцем выжженная степь,
И сон увянувшей долины,
И дней невидимая цепь.
Всё чуждо здесь: и волны моря,
И полукруг туманных гор...
Ничто, ничто не тешит взор,
Ничто уж не развеет горя...

*Я знаю, в блеске красоты,
В тени унылого изгнания
Переживут меня мечты
Давно разбитого желанья.
И эта степь в тоске унылой
Мне будет мрачною могилой...*

25/ X, 1920, (14 лет), Севастополь

Ирина Кнорринг с детьми дяди, Б.Н.Кнорринга.
Елшанка

КНИГА ВТОРАЯ

**Константинополь-Бизерта (Сфаят)
(1920 -1923)**

Ирина Кнорринг с матерью

*Всё кончено. Разрушены желанья,
Поруганы заветные мечты.
Опять, опять забытого страданья
Я узнаю знакомые черты.*

*Я узнаю – в холодном сердце снова
Безмолвная тоска по-прежнему лежит,
Гнетут судьбы жестокие оковы,
Дыханье смерти душу леденит.*

*Нет воли у меня. Желанья безобразны.
Душа моя мне кажется смешна,
Мечты так грубы, пошлы и бесстрастны.
...И жизнь, как туча грозная, мрачна.*

7/ XI, 1920. Константинополь.
Дредноут «Генерал Алексеев»

НА ЧУЖБИНЕ
(Отрывок)

Посвящается Тане

.....
*Брожу по палубе пустынной,
Гляжу в неведомую даль,
Где небо серое, как сталь,
И вьются чайки цепью длинной.
Передо мною, сквозь туман,
Как серый призрак, как обман,
Видны строенья Цареграда,
Над бездной вод, в кругу холмов,
Мечетей, башен и дворцов
Теснятся мрачные громады...
А там, за бледной синей далью,
Чуть отуманенной печалью,
За цепью облаков седых,
Где чайка серая кружится,
В глухом тумане волн морских
Моё грядущее таится...*

17/ XI, 1920
Константинополь
«Генерал Алексеев», 20-й кубрик.
Темнота. Духота. Сырость. Крысы пищат.

НЕ ГОВОРИ

*Таи в себе глубокое страданье,
Не говори, что жизнь твоя пуста,
И пусть печать зловещего молчанья
Сомкнёт твои весёлые уста.*

*Не говори, о чём ты тосковала,
Под маской скрой унынье и печаль,
Не говори, что сердце жить устало,
Не говори, чего так больно жаль.*

*Таи в себе стремленья и желанья,
Не открывай своих заветных грёз,
Не жди от мира капли состраданья,
И пусть печать унылого молчанья
Смирит поток твоих душевных слёз!..*

28/ XI – 11/ XII, 1920.

«Константин», Мраморное море

*Для себя мне улыбки не нужно,
Я не жду для себя упоенья:
В этом мире мне тесно и душно,
В этом мире мне нет утешенья!*

*В мрачном мире, унылом, страдальном,
Средь волнений житейского моря,
Лишь в одном человеке печальном
Я нашла молчаливое горе.*

*Он душе моей близок тревожной,
Столько слёз в его жизни бесстрастной,
Перед ним все страданья ничтожны,
Перед ним и блаженство неясно.*

*Для него б я страданья забыла,
Я б ему отдала своё счастье,
Я б ему свои сны подарила,
И холодное слово участия.*

*Я б ему отдала свои грёзы...
Да у воли подрезаны крылья.
И унылые катятся слёзы,
Бесполезные слёзы бессилья.*

17/ XII, 1920. Наварин

*Воздух весенний бодрит и пьянит,
В светлую даль голубую манит,
В вольные степи, на зелень полей,
Там, где душе веселей, веселей!
Там, где привольная даль широка,
Там, где, волнуясь, летят облака,
Там, где вся радость весеннего дня...
Но далека эта даль от меня...
Душит тоска всё больней и больней,
Бедному сердцу грустней и грустней.
Светлые грёзы, минувшие дни
Были лишь звонкие песни одни.
Всё, что прошло быстрокрылой мечтой,
Кажется в жизни одной лишь чертой.
Вольная жизнь широка, широка,
Пышная степь далека, далека,
Юная жизнь в неизвестность манит,
Воздух весенний бодрит и пьянит.*

14 – 27/ XII, 1920. Бизерта.

«Константин». Под жёлтым флагом.

*В тот миг, когда душа полна сомнений,
Полна тревог, печали, суеты,
Когда глухие, грубые волненья
Оставили глубокие следы,*

*Когда в душе погублено святое
И мысль работает лениво, тяжело,
Иль в грустный час вечернего покоя
На сердце тайное унынье налегло,*

*Когда тоска холодная стремится
Вселить волненья грубой суеты –*

*В тот грустный миг приятно позабыться
В ленивом полусне, под крыльями мечты.*

*Лежать одной, без мысли, без волнений,
Забыть весь мир, всё прошлое забыть,
И там, в объятиях страстных сновидений
Свои страданья легче заглушить.*

6/ I, 1921. Бизерта. «Кронштадт».
Мастерская. Среди станков

В КАРАНТИНЕ

*Спустился вечер молчаливо,
Недвижный воздух сны дарит,
Молчит немая гладь залива
И месяц волны золотит.*

*Спокойно всё. Чуть волны плещут,
Повсюду мрак, объятый сном,
И маяки, как звёзды, блещут
В туманном сумраке ночном.*

*Едва освещены огнями,
Давно уснули корабли –
И там, под лунными струями,
Молчит угрюмый лик земли.*

*«Земля!» О, сколько это слово
Желаний радостных таит,
Оно звучит любовью новой,
Оно зовёт, оно манит.*

*Так тянет в рои, в степи, в горы,
Где зелень, счастье и цветы,
Уйти от праздных разговоров,
От скуки, сплетни, суеты...*

*Но жёлтый флаг тоскливо вьётся,
Но гладь морская широка, -
И сердце так уныло бьётся,
И всюду хмурая тоска.*

*Молчит корабль в тиши залива,
На мачте красный огонёк.
А чёрный берег молчаливо
Манит, таинственно далёк.*

17/ I, 1921. Бизерта. «Кронштадт»

ПЕСНЯ

*Всё это песня, но песня печальная,
Песня страданья и слёз.
Слышится в ней только ласка прощальная,
Ласка задумчивых грёз.*

*Тихо глухие желанья развеяны,
Грёза давно прожита,
Воля, что пылкой мечтою навеена,
Злой судьбой отнята.*

*Всё, что уснуло в душе, непробудное,
Горькой омыто слезой,
Всё, что разбито, прекрасное, чудное,
Кажется только мечтой.*

*Жизнь мне указана властною силою,
Горем та сила полна.
Пейте ж, усталые, пейте, унылые,
Чашу страданья до дна!*

*Всё это песня, но песня печальная
Жизненной страшной борьбы.
Смолкнет она, точно ласка случайная,
Жалкой изгрудкой судьбы.*

13/ II, 1921. Бизерта-Сфаят

*Помнишь ты осень, глухую, ненастную,
Серое небо, как сталь,
Помнишь холодную ночь безучастную,
Что подошла, как печаль?*

Слёзы, рыдания, ветры могучие,
Полные мрачной тоской,
Месяц за чёрной свинцовою тучею,
Мёртвый, зловеющий покой.

Ты покидал свою родину милую,
Счастье твоё покидал,
И, может быть, этой ночью унылою
Первое горе познал.

Ты покидал всё, что было прекрасного –
Бледную старую мать,
Помнишь её, как с тоскою ненастною
Вышла тебя провожать.

Помнишь – ты плакал. С неясной тревогою
Грусть к тебе в сердце вошла,
Как от тебя её тень одинокую
Скрыла вечерняя мгла.

Снова один ты, и в бурю ненастную,
С злобной, разбитой душой,
Губишь ты молодость, молодость ясную
Грубой, развратной рукой.

Всеми покинут, с тоскою глубокою
Плачешь ты, сердце губя.
Вспомнил ли ты свою мать одинокую,
Что ещё любит тебя?

Просит ли сердце, ничем не согретое,
Прежней любви и тепла,
Что от тебя навсегда, беспросветная,
Скрыла ненастная мгла.

Или от счастья, навеки уснувшего,
Порвана светлая нить?
Или боишься ты образ минувшего
В сердце твоём воскресить?
18/ III, 1921. Бизерга-Сфаят

*В дни моей печали смутной,
В дни моей тоски неясной
Чей-то голос, голос чудный
Раздавался в миг ненастный.*

*Это голос жизни новой,
Песня ветра на просторе,
Шёпот звёзд в тени суровой,
Безучастный ропот моря.*

*Голос нежный и печальный,
Он за каждый день ненастья
Обещал мне миг случайный
Упоительного счастья.*

21/ III, 1921. Сфаят

МАКИ

*Я сегодня маки собирала
В зелени высокой и густой,
Целый день в пустой траве искала
Яркий цвет, насмешливый и злой.*

*Но проходит день, и отлетают
Грёзы дня унылой чередой...
А в глазах насмешливо мелькают
Маки яркие весёлою толпой.*

*Стало сердцу грустно, одиноко,
Ночь прошла, всё тише и грустней...
Унесла меня мечта далёко,
В милый край давно забытых дней.*

*Где мелькали годы золотые,
Где погаснул пламень молодой,
А в глазах всё маки удалые
Кружатся средь зелени густой.*

*Те года далёкого мечтанья,
Всё, о чём так трудно позабыть,*

*Навсегда померкли, как желанье,
Как от счастья порванная нить.*

*И, как тучи в небе, думы вьются,
Стонет сердце, сковано тоской.
Только маки красные смеются
Над моей разбитой мечтой.*

20/ IV, 1921. Сфаят

*Что ты плачешь в тиши догоревшего дня
Под унылою тенью маслины?
Тихо шепчет она, свои ветви клоня,
И туманом покрылись долины.*

*Заползла к тебе в душу злодейка-печаль
И на сердце скрывается горе,
И невольно ты смотришь в туманную даль
На широкое синее море.*

*И напрасно ты ищешь за мутной волной
При унылом сиянье заката
Милый берег, тот берег, далёкий, родной,
На который уж нету возврата.*

*Не вернуть тебе светлых и радостных дней,
Не вернуть тебе прежнего счастья,
Как и здесь, среди чуждых и гордых людей
Не найдёшь ты хоть искру участия.*

21/ IV, 1921. Сфаят

*Катятся волны морские
Лениво, одна за другой,
Так дни мои, дни молодые
Унылой бегут чередой.*

*И слышу я смерти дыханье,
Стою над раскрытой могилой,
Но в душу иные желанья
Врываются с новою силой.*

*Мне чудится берег скалистый,
За синею дымкой ночью,
Где плещется вал серебристый
Под бледной, неясной луною.*

*Там плачет душа одиноко,
Там ждёт меня счастье иное,
Куда-то далёко, далёко
Влечёт меня счастье младое.*

*В тот край, где под маской былого
Забытое счастье скрывалось,
Где сердцу так много родного,
Где жизнь, где мечта пробуждалась.*

21/ IV, 1921. Сфаят

*Скажите мне, о звёзды золотые,
Когда же дни мои и годы молодые
Промчатся грустною, унылой чередой?
Когда тоска моя, омытая слезой,
Сольётся с вечною, безмолвною тоскою?
Когда же грусть моя, мой неизменный друг,
Свидетель тайных, молчаливых мук,
Невидимо расстанется со мною,
Где жизни вечная, холодная черта,
Последняя слеза, последняя мечта.*

28/ IV, 1921. Сфаят.

Поздно вечером, на топчане

*Вижу ль я девушки взор утомлённый,
Полный тоски, безответный, немой,
Смех её слышу, навек заглушённый
Вечно холодной тоской, -
Хочется тихо спросить мне тогда:
«Где твоя молодость, где красота?»*

*Дума ль тяжёлая сердце сжимает,
Или мечта, друг бессонных ночей,
Всё об одном она мне повторяет
С мёртвой улыбкой своей, -*

*Хочется тихо спросить мне тогда:
«Где твоя молодость, где красота?»*

*Ночь ли настанет, звездами играя,
Так далека от страданий и зла,
Вечно безмолвная, вечно немая,
Вечно холодная мгла, -
Хочется снова спросить мне тогда:
«Где твоя молодость, где красота?»*

5/ V, 1921. Сфаят

*В вечерней мгле рыдали звуки скрипки,
А я была одна в объятиях мечты,
Вокруг всё чуждые, всё мёртвые улыбки
И ни одной приветливой черты.
Душа была пуста, в ней не было желанья,
В ней не было мечты... Лишь миг воспоминанья
Всю душу взволновал... То миг невольных слёз,
Далёких дней и невозвратных грёз.
И в памяти моей невольно выплывают
Картины прошлого всё ярче и ясней,
И словно я опять те дни переживаю –
И сердце плачет тише и грустней.
А на земле злоеющее молчанье,
И дышит в нём безмолвная печаль.
Душа молчит, в ней больше нет желанья,
Ей нечего любить, ей ничего не жаль.*

7/ V, 1921. Сфаят.

Вечером, у окна

СПАСИБО, ДРУГ

Наташе Кольнер

*Спасибо, друг, за то, что вижу снова
К себе доверие, и ласку, и покой,
За первое приветливое слово,
За первый взгляд, невинный и простой.*

*За то, что здесь, к печальной, одинокой,
Среди унынья, пошлости и зла,*

*В чужой толпе, бесчувственной, далёкой,
Ты первая несмело подошла.*

*За первый миг наваянного счастья,
За тихий миг, несмелый и живой,
За всё участие, робкое участие
Со всей наивной детской простотой.*

12/ V, 1921. Сфаят

*Прощай, Сфаят, прощай, свобода!
Прощай последний майский день,
Где все мольбы и все невзгоды
Сошли в таинственную тень.*

*Передо мною блещут дали,
Где я, молитву сотворя,
Сойду под вечный свод печали
В глухих стенах монастыря.*

*Но в душной клетке заточенья
Меня, я знаю, также ждут
И там счастливые мгновенья,
Волненье, жизнь, борьба и труд.*

*Но нет тревоги, нет невзгоды,
Ни грозных бурь, ни злобных дней,
Ни упоительной свободы
Разгульной юности моей.*

31/ V, 1921

В автомобиле по дороге
в монастырь Notre-Dame de Sion

ПЕРВАЯ НОЧЬ В МОНАСТЫРЕ

*В эту ночь, как спустилась холодная мгла,
В эту ночь я так долго уснуть не могла.
На чужой стороне, среди чуждых людей
Я одна была с мёртвой печалью своей.
И так много тревожных, таинственных дум
Волновали мой пылкий расстроенный ум,*

*И так много тяжёлых, мучительных слёз
Мне навяли крылья таинственных грёз.
И седой полумрак был так страшно угрюм,
За окном грохотал дикий, уличный шум,
И в усталую душу, где мёртвый покой,
Он врывался неясной, безумной тоской.*

2/ VI, 1921. Бизерта

ДНЕВНИК

*Немые, пожелтевшие листы...
То миг уныния, то миг воспоминанья,
Кой-где, среди вседневной суеты,
Мелькнёт строка, достойная вниманья.
В ней чувства новые несмело говорят,
А дальше пыл невинных увлечений,
Язвительных насмешек длинный ряд,
Жестокых и нелепых обвинений...
Змеиная, ехидная молва,
Порывы счастья, счастья неземного...
Одна строка желания глухого...
Красивые, но мёртвые слова...
Кой-где мелькнут задумчивые грёзы
Среди пустых, однообразных строк,
А там опять проклятье и упрёк,
Опять тоска, и жалобы, и слёзы...*

7/ VI, 1921. Бизерта

*Высоких монахинь зловеющие тени,
Безмолвных, как сумрак ночной...
А в окна раскрытые воздух весенний
Врывается сильной струёй.*

*Органная песня в воздушном просторе
Под сводом капеллы гремит,
И будто какое-то страшное горе
Над всем этим храмом висит.*

*Все бледны, недвижны, склонили колени,
В угрюмой печали молчат.*

*Лишь бродят монахинь безмолвные тени,
Да звуки органа гремят.*

*В душе настоящее горе таится,
Не ложный, навеянный страх,
И хочется плакать и тихо молиться, -
И искрятся слёзы в глазах.*

*Повсюду унынье, лампады сиянье,
Монашенок сумрачный строй,
Всё то же притворство, всё то же молчанье,
Всё тот же злоеущий покой.*

14/ VI, 1921. Бизерта, Couvent

КОРАБЛЬ

Посвящается русскому флоту

*Плавно качаясь на гребне бесцветных валов,
Старый корабль отходил от родных берегов.
Ярко сверкала на солнце холодная сталь,
Медленно, важно он шёл в бесконечную даль.
Но не для битвы, для славных, могучих побед,
В дикое море бесшумно пускался он, – нет!
Сила иная, не слава, – позор и печаль
Гнали его в неизвестную, чуждую даль.*

*Вслед раздавались проклятья и крики врагов,
Спереди – небо, да серые гребни валов...
Слёзы, рыдания и стоны звучали на нём,
Правил им ужас и вёл его горьким путём.
В омут чужих, неприветливых, сумрачных волн
Робко вошёл он, унынья гнетущего полн.
Встал, опустел, в молчаливой тоске одичал,
Флаг опустил, почернел и навек замолчал.
Страшной могильной окутался он тишиной.
Спит непробудно над мутной морскою волной.
Только порой, когда шумно ликует земля,
Волны лениво ласкают борта корабля...
Много и битв, и лишений он гордо терпел,
Лишь роковой неудачи снести не сумел.
Знать, его старое сердце страданьем полно,
В мёртвой печали навеки разбито оно.*

22/ VI, 1921. Бизерта, Couvent

ВОЛНА

*Под солнцем, безжалостно-жгучим,
Под месяцем, тихо плывущим,
Катилась по морю волна,
Зловещею тайной полна.
Неслась она, всех обгоняя,
Все волны крутя и вздымая,
Стремилась она отдохнуть,
И бодро свершила свой путь.
Хотела она боязливо
Вернуться в родные заливы,
И там, на родном берегу,
Забить свою грусть и тоску.
И вот, с тихой радостью снова
Сверкает у берега родного
И бьёт у подножия скал,
Куда её ветер примчал.
Но скалы молчат равнодушно,
Вокруг всё пустынно и скучно.
Обломки лежат кораблей –
Развалины прожитых дней.
На всём гробовое молчанье,
Усталость, печаль и страданье,
Во всём неприветливый взор,
Во всём непонятный укор.
И там, как неведомый странник,
Всем чуждый, забытый изгнанник,
Тоской безутешной полна,
И плачет, и стонет она.*

2/ VIII, 1921. Бизерта

*Жизнь – одно лишь ожиданье,
Недоступное желанье,
Миг, украшенный мечтой,
Отуманенный тоской.*

*Жизнь – глухое сожаленье,
Недоступное стремленье,
Безучастный, мёртвый взор,
Беспощадный приговор.*

*Жизнь – один лишь миг игривый,
И весёлый, и тоскливый,
Только фраза, только сон,
Цепи, слёзы, смех и стон.*

15/ VIII. 1921. Бизерта

*Песнь в душе моей слагается,
Мысли бледные, неясные,
Радость блекнет и кончается,
Слёзы крупные, ненастные.*

*Много в песне недосказано,
Недосказано, забытое.
Крылья ветреные связаны,
Сердце сковано, разбитое.*

*Что-то светлое оставлено,
Невозвратное, далёкое,
Жизнь безмолвная восславлена,
Жизнь глухая, одинокая.*

*Нет в душе моей прекрасного,
Только песня похоронная,
И тоска, тоска неясная,
Необъятная, бездонная.*

21/ VIII, 1921. Бизерта, Couvent

*Я безумству отдал мои лучшие дни,
Я разбил моё счастье младое,
И без цели, уставши от мелкой возни,
Я стою над пучиной морскою.*

*Я устал. Истомился. Здесь пристань моя
Средь холодного моря страданья,
Здесь меня не коснётся немая струя
Бурной жизни, тоски и желанья.*

*Здесь уснут навсегда мои вольные сны,
Здесь уснут мои юные силы*

*До прекрасного утра, до новой весны,
За унылой чертою могилы.*

*Тут последние думы мелькнул чередой,
Безысходным томлением полны.
И услышит рыдания лишь ветер ночной,
Да уныло шумящие волны.*

28/ VIII, 1921. Сфаят

*Тяжелы мне бездонные пропасти света,
Эти злобно-шипящие души людей,
Этот мёртвый рассказ без конца, без ответа
О красивом страданье томительных дней.*

*Впереди безысходное горе таится,
Непритворной тоски бесконечная нить.
Сердце – мёртвое кладбище – хочет разбиться,
Разлюбить свою жизнь и весь мир позабыть.*

28/ VIII, 1921. Сфаят

*Лениво, тихо догорает день,
Дрожит и меркнет гаснущая тень,
Уныло гаснет солнце за горой
И мгла спустилась синей пеленой.*

*Чуть пробежал предсмертный ветерок,
Но где-то оборвался и замолк,
И чей-то стон глубокий пролетел
В глухую даль, в неведомый предел.*

*Последний день, последний день борьбы,
Последний стон над бременем судьбы,
Последний взгляд на вереницу дней,
Былых страданий и былых страстей.*

*Ещё звучат призывные слова,
Ещё во сне пылает голова
И мысль одна ещё стремится жить,
Но нить оборвалась, немая нить.*

*Её концов уж больше не связать,
Жизнь прожитую больше не начать.
Года прошли, прошли, как сон пустой,
Прошли унылой, быстрой чередой.*

*Вся жизнь была бесчувственный обряд,
Но в ней мечты красивые горят.
Их не вернуть, их больше не вернуть.
Окончен путь, тяжёлый, длинный путь.*

*Пылает ум, пылает голова,
Слова звучат – прощальные слова.
И тихо стон глубокий пролетел
В глухую даль, в неведомый предел.*

2/ X, 1921. Сфаят

*Я видела мир в его вечной, безмолвной тоске,
В оковах тупого бессилья.
Я видела счастье, я видела свет вдалеке,
Но мимо несли меня крылья.*

*Я знала немного лучей быстроекрылого дня
Меж дней бесконечных ненастья...
Могучие крылья судьбы уносили меня
От мира, от жизни, от счастья.*

*Везде пронеслась я быстро, как ветер степной,
Неслась я, не зная покоя,
Безмолвная, чуждая мгла впереди предо мной,
А там, позади, дорогое.*

*К нему не вернусь я, его не найду никогда,
Напрасны пустые усилия.
Всё там, позади, далеко, там увяла мечта,
И в бездну несут меня крылья.*

25/ X, 1921. Сфаят

*Есть в мире люди, они унылы.
У них желанья – в кровавых снах,*

*У них надежды – на дне могилы,
И счастье бьётся в глухих цепях.*

*Их речи едки, их речи злобны,
Их смех ужасен: в нём смерть и яд.
Виденью ада мечты подобны
И смотрит в бездну коварный взгляд.*

*Их думы мрачны, как ночь немая,
Их жизнь проходит, как страшный бред.
В их сердце холод, печаль тупая.
Им нет свободы, им счастья нет.*

*Над ними веет немое горе –
И песнь неволи, как стон звучит,
А сердце плачет и просит воли...
И цепь грохочет, и цепь звенит.*

17/ XII, 1921. Сфаят

*О, счастлив тот, кто понял совершенство,
Кто понял мир свободною душой,
Пред кем равно страданье и блаженство –
И жизнь есть сон, унылый и пустой.*

*Кто на былые дни не оглянётся,
Кто не страшится прихотей судьбы,
Кто на своём пути не отзовется
На слёзы, на страданья и мольбы.*

*Кто жизнь прошёл с закрытыми глазами,
Кто мир с его тоскою разлюбил,
Кто мог прожить одними лишь мечтами,
И жизнь свою молчаньем победил.*

1/ III, 1922. Сфаят

НА КОРАБЛЕ

*Взгляни вперёд – кругом покой.
Непобедимой красотой
Шумит и плещет на просторе
Печалью скованное море.*

Однообразная тоска.
Как будто морю нет предела:
Бушуют волны, дико, смело,
Да в небе вьются облака.
Быть может, там, в дали глухой,
Найдём мы ласку и покой,
И слово тёплого привета.
Но стонет море – нет ответа
И веры нет. Мечта лукава,
Неверный сон и пустота,
Одна немая красота,
Одна лишь скучная забава.
И ждёт нас мёртвая печаль,
Всё та же жизнь с её тоскою,
И блещет ложной красотой
Недосягаемая даль.

16/ III, 1922. Сфаят

ВЕСНА

Весёлый май. Цвети, ликуй, весна!
Цвети, заборный мак, средь зелени густой,
Резвитесь облака в лазури голубой
И для души одной
Откройся мир, покой и тишина.

Цвети, цвети, душа, пока весна цветёт,
Пока весёлый мак мелькает средь полей,
Пока так много сил, так много ярких дней,
Цвети, цвети, скорей,
Пока весна цветёт!

Цветут поля, ласкается волна,
Чуть веет тёплое дыхание ветерка...
А в сердце снова бьёт холодная тоска.
О, как ты далека,
Весна, моя весна!

1/ V, 1922. Сфаят

СЛАВА

*Кровавой ценою досталась она,
Из роз благовонных она сплетена,
Их вместе уныло страданье сплело
И гордо они украшают чело.*

*Но скоро поблекнул прекрасный венок,
Последний завял и распался цветок,
И только шипы всё сильнее и сильнее
Впивались в чело и давили больной.*

*Кровавые слёзы стекают с чела,
Последние розы печаль унесла.
Желанное в жизни свершилось давно
И мёртвой рукою разбито оно.*

7/ V, 1922. Сфаят

*Шумно год пролетел и исчез без следа.
Невозможное стало забытым.
Пронеслась, точно сон, длинных дней череда,
Что таилось, прошло неоткрытым.*

*Всё, что было, блистало, томилось, цвело,
Всё, как сон, промелькнуло, забылось.
И так много свершилось. Так много прошло,
И так мало в душе пробудилось.*

11/ V, 1922. Сфаят

*Не увидишь ты в жизни счастливого дня,
Не воскликнешь ты громко: как жизнь хороша!
Не зажжёт в тебе солнце святого огня,
И в бездействии вялом устанет душа.*

*В утомительной грусти промчатся года...
Только раз ты проснёшься, увидишь, поймёшь,
И в отчаянье страшном себя проклянёшь,
И безмолвное сердце уснёт навсегда.*

15/ VI, 1922. Сфаят

Ненавижу, ненавижу
Я унылые могилы.
Шёпот кладбища я слышу,
И во мне немеют силы.

Эти кладбища немые
Веют мёртвою тоскою,
Это – люди, хоть живые,
Но с умершею душою.

И во мне они убили
Сладость жизни и мгновенья
И надежду превратили
В отрицанье и сомненье.

И замолкли песни рая,
Страсть давно во мне остыла,
И душа моя – глухая,
Безымянная могила.

Жизнь меня за всё осудит,
Лучших дней я не узнаю,
Всё, что было, всё, что будет –
Ненавижу, проклиная.

2/ VII, 1922. Сфаят

Я себя ненавижу порой,
Как в тяжёлом, томительном сне.
С возбуждённой, усталой душой,
Я жалею о прожитом дне.

По дороге исканий глухих
Я в потёмках иду без огня,
Я путей не увижу иных
И никто не увидит меня.

В омертвелой душе, в темноте
Жажда жизни сверкнёт иногда,
И в прозрачной, красивой мечте
Бесполезно проходят года.

*Всё пройдёт, всё идёт увядать.
И, крылатое время сгубя,
Только я буду жить и желать,
И до слёз ненавидеть себя.*

2/ VII, 1922. Сфаят

НОЧЬ

*Шепчут травы сонные,
Воздух опьянён,
Очи утомлённые
Не смыкает сон.*

*Тишина заветная
Дремлет над землёй.
Думы безответные
Веют надо мной.*

*Шепчут что-то скорбное,
Как им не шептать!
Вечно непокорные –
Их не разгадать.*

*Даль страшит неясная –
В ней на всё ответ...
Есть желанья страстные,
Только силы нет.*

*Давит ночь унылая,
Тяжкая, как стон,
Мысли быстроекрылые
Не сплетает сон.*

16/ VII, 1922. Сфаят

*Люблю мечты глухое увяданье,
Неясное, как призрак, очертанье
Её последней, мимолётной ласки.
Люблю души холодное страданье
В иллюзии безумия и сказки.*

*Люблю сплестать поблекнувшие розы,
Сплестать в одно и радости, и слёзы.
Люблю терзать в безмолвии забвенья
Души моей померкнувшие грёзы,
Разбитые, распаянные звенья.*

22/ VII, 1922. Сфаят

*Душа моя так страстно хочет жить,
Могильный мрак в ней больше не проснётся.
Что было раз, то больше не вернётся,
Но след ещё глубок – его не позабыть.*

*И вторит жизнь унылым перезвоном,
Издаেকে коварный слышен глас:
«Виденье мрака было только раз!
Молчи, молчи, душа, твой день погас
И ночь твоя бездушным будет стоном».*

5/ VIII, 1922. Сфаят

*В тихой безмолвной могиле, под белым крестом
Смерть приютила страданье на ложе своём.
Злые сомненья и слёзы прорвали душевную тьму.
Холодно, тихо и просто страдать одному.
Кто-то засыпал могилу, ушёл и забыл,
Стоны последние вопль мировой заглушил.
Спит одинокий изгнанник, далёкий, забытый, чужой,
Скрыл глубоко все мечты и страданья – вечный покой.*

12/ VIII, 1922. Сфаят

*Мы пришли умирать.
Из холодных снегов, обжжённых в крови,
Унесли мы глухие терзанья свои...
Мы устали и жить, и мечтать.*

*Счастье наше давно прожито.
Окружающий мир нам и глух и далёк.
Мы – лишь тени бывшего, мы – жгучий упрёк...
Но кому и за что?*

*Мы страдали одни...
Мы устали от злобы, обид и борьбы,
Мы остались одни среди гордой толпы
В наши злые, предсмертные дни.*

*Мы устали томиться и ждать.
Нам остались проклятья да вещие сны...
Из холодных снегов в край цветущей весны
Мы пришли умирать.*

22/ VIII, 1922. Сфаят

ХАОС

1

*Есть место за пустынною горой,
Заваленное острыми камнями.
Там кактусы колючими ветвями
Сплелись с зелёной, свежеею травой.*

*Сухой, колючий куст над глыбой вековой
Обвит едва заметными цветами,
И стонет над холодными камнями
Безжизненной маслины ствол сухой.*

*Там мировой хаос. В коварные объятья
Сплелись шипы и нежные цветы.
Там мёртвый сон, предвестник темноты,
Там бродят жизнь и смерть – родные братья –
Там чьи-то страшные зловеющие следы
И тяготеет вечное проклятье.*

2

*Душа человека – холодное, тёмное море,
Он молод, в нём страсти безумная бьётся волна,
Терзанья любви он забыл, и порвалась струна,
Блаженство проклятья узнал он средь мёртвого
моря.*

*О жизни любил он мечтать, но не ждал ничего
От сумрачных дней, что пред ним расстилались далёко.
Он – жертва хаоса. О, люди, не смейтесь жестоко,
О, люди, не троньте, не троньте страданий его!*

*Промчатся года одинокие,
Века пронесутся, звеня,
Приблизятся грани далёкие
Последнего, страшного дня.*

*Всё светлое в мире разрушится,
Опустится тёмный покров,
Сомненья с надеждой закрутятся
В таинственной пляске миров.*

*Добро станет злом погибающих,
Мечты разобьётся звено,
И в песне веков умирающих
Все жизни сольются в одно.*

*И смерти аккорды несмелые
Из пурпура, смеха и слёз
Сплетутся в великое целое,
В бессмертный, безмолвный хаос.*

18/ IX, 1922. Сфаят

МЕЧТЫ И ЗВУКИ

Посвящается К.Д.Бальмонту

*Бесцветность сумрака, беззвучность тишины,
Неясность мысли, холодность желанья
Влекут ко мне грядущей сказки сны,
Грядущей песни звуков очертанья.*

*В душевной пропасти, в тревоге упованья
Дрожит несмелый зов моей весны,
И в даль манят таинственные сны,
К бесцельной красоте пустого обещанья.*

*Что скажет мне грядущий идеал?
Какой тоской он на душу повеет?
Какою выдумкой он сердце мне согреет?
Что принесёт с собой девятый вал?
Но вот неясность сумрака редееет
И хмуруются вдали вершины грозных скал...*

15/ X, 1922. Сфаят

*Мне снилось лёгкое, родимое, больное,
То, что слова не могут передать:
Нет этих чутких слов, чтоб рассказать
Всё, что видало сердце молодое.*

*Мне вспомнилось далёкое, родное,
Терзанья совести мне вспомнились опять...
Но для чего былое вспоминать,
Когда насмешкой кажется былое.*

*Бесплодное, погубленное семя.
В бесцельности утрачены года,
В них сон, бессмысленность, безумие, мечта...
На совести лежат они, как бремя...
Лишь узел дружбы связан навсегда –
Его не разовьёт безжалостное время.*

24/ X, 1922. Сфаят

ТОСКА

*В чёрном небе тучи вьются,
Жутко, холодно, темно,
Дождевые капли бьются
О холодное окно.*

*Ветер стонет за стеною,
Разгоняя мутный сон.
Всё смешалось с серой мглой,
Всё слилось в единый стон.*

*По углам скребутся мыши,
Кто-то плачет за стеной.
Барабанит дождь по крыше
С утомительной тоской.*

*Моноotonно, однозвучно
Капли брызжут на окно,
На душе, как в жизни, скучно,
Пусто, сыро и темно.*

4/ XI, 1922. Сфаят

Когда рыдает ветер за стеной
И тихий стон звучит, не умолкая,
То мысли, сон тяжёлый разгоня,
Смущают сердце странною мечтой.
Окутаны бесцветной темнотой,
Теснятся стены, давит ночь немая,
В душе слова поют, не умолкая,
Слова... слова... волненье и покой.

И верю я: тревога юных лет
Пройдёт, как сон, как взлёт воображенья,
Я вспомню молодость с улыбкою смущенья,
У жизни я потребую ответ:
Достойны ль те года тоски и сожаленья?
И жизнь ответит: «Нет!..»

29/ XI, 1922, Сфаят

Отчего так больно жгут воспоминанья?
Отчего ж к ним рвётся сердце молодое?
Отчего сквозь дымку тихого страданья
В них таится что-то вечно-дорогое?

Оттого ль, что в жизни встретились обманы?
Оттого ль, что в сердце боль не утихает,
И вдали клубятся серые туманы,
И в тоске бесслёзной юность расцветает?

Оттого ль, что сердце, сломанное шквалом,
Навсегда забыло первые моления,
Изменило детству, изменило в малом,
И не ждёт прощенья, и не ждёт забвенья...

29/ XI, 1922, Сфаят

НОЧЬЮ

Холодно. Ветер поёт.
Сердце устало и ждёт.
Кончился медленный день.
Блещет луна в стороне,

*И за окном, по стене
Бродит беззвучная тень.*

*Будто холодная сталь,
Врезалась в душу печаль.
Кончилась в жизни мечта.
Спуталось всё – не поймёшь,
Где начинается ложь,
Где роковая черта.*

*Что-то больное вокруг.
Как в заколдованный круг,
Мысль погружается в сон...
Где-то бушует метель,
Хмурится тёмная ель,
Льётся бубенчиков стон...*

*Город шумит и блестит,
Снег под ногами хрустит,
Смех бубенцов и саней...
Ветер безумный ревёт
И по стенам хоровод
Бродит беззвучных теней.*

9/ XII, 1922, Сфаят

*Ночь молчит беззвучная. Сердце дума жжёт,
Сонная, бездонная, как пучина вод.*

*Слышен моря шумного страстный, гулкий стон,
Точно ночь беззвучную укоряет он.*

*На приволье вольное льются волны в даль,
Страстная, неясная в них дрожит печаль.*

*Шёпот, ропот слышится... Дремлют берега...
Скучная, беззвучная, вечная тоска...*

10/ XII, 1922, Сфаят

*Спорили двое. Напрасно
Долго звучали слова.*

Страшно, злоеце-неясно –
Их понимала молва.

Спорили вечно – два брата,
Речи их полны тоской,
В них вековая утрата,
В них безнадёжный покой.

К страшной, единственной цели
Шли они разной тропой,
Что-то понять не сумели...
И запылали враждой.

Много обидного, злого
Брату придумывал брат,
В каждое мёртвое слово
Влит был мучительный яд.

Спорили двое, а время
Жуткой стрелой летит...
Страшное брошено семя.
Страшная жатва грозит.

12 декабря. Утром. 1922, Сфаят

Холодной ночью, в бездонной мгле
Я тихо плачу, мечту зову я,
И шумный ветер, прильнув к земле,
О чём-то страшном поёт, тоскуя.

В углу тихонько скребётся мышь.
Сфаят безмолвный уснул тревожно...
Средь стен дощатых и красных крыш
Всё так возможно, всё так ничтожно.

Обычны лица, их серый цвет,
Обычны фразы, мертвы желанья...
И страшной ночи злоеций бред
Звучит ответом на ожиданья.

Слова пустые смущают ум.
Чуть слышен шёпот маслин и сосен.

*И стонет в поле полночный шум, -
Так стонет совесть. Так стонет осень.*

*Чуть слышен шёпот из-за стены,
Воспоминанья о дне вчерашнем...
И снова вьются иные сны,
И плачет ветер о чём-то страшном.*

12 декабря, 1922. Ночью. Сфаят

*Я иду с закрытыми глазами.
Вкруг меня тоскующая мгла,
И впервые свет за облаками
Я душой смущённой поняла.*

*Я иду с испуганной душою.
В ней звенит мертвящая тоска,
Но больной, таинственной мечтою
Новый мир манит издалека.*

*Новый мир, неясный и широкий,
Как простор морей...
Предо мной – высокие пороги
И ключи таинственных дверей.*

13/ XII, 1922. Сфаят

*Душа моя растёт,
Как стон морей, как ширь степей...
Растёт, цветёт, поёт и ждёт,
И ждёт грядущих дней.*

*Коварно луч огня проник
В тюрьму души, где спит любовь,
И вырвался на волю крик,
Неистовый, как кровь.*

13/ XII, 1922. Сфаят

*Собрались, как безмолвные тени,
Подписали последний приказ,*

*Заглянули в разбитые звенья,
Оглянулись в последний раз.*

*И в шумящее море, без цели,
В даль ушли, где им слышалось: нет...
А за ними звенели метели,
Заметая кровавый след.*

21/ XII, 1922. Сфаят

*На сердце пусто, в мыслях скучно,
Ничто души не веселит,
И жизнь мертво и однозвучно,
Как верный маятник, стучит.*

*Покой смущён тоской ненужной,
В огне пылает голова,
И вереницею послушной
Бегут бессильные слова.*

*Они поют, они ласкают,
Красивой выдумкой влекут,
Надолго совесть усыпляют...
О чём они? О чём поют?*

*Зачем они часы ночные
Смущают странною мечтой?..
И дни гнилые и пустые
Проходят верной чередой?*

26/ XII, 1922. Сфаят

*«Всё пройдёт», – твердит мне разум,
«Всё пройдёт», – твердит душа.
И бесхитростным рассказом
Жизнь увянет, не спеша.*

*Будет много слов, желаний,
Впечатлений пёстрый ряд.
Всё пройдёт, как ожиданье,
Как бесчувственный обряд.*

*Скучно жить. С тоскою песен
Мне не слиться, не понять...
Мир и зол, и глух, и тесен,
И себя в нём – не узнать.*

27/ XII, 1922. Сфаят

*Мне снился шум тоскующего моря,
Вдали чернела сонная земля.
Спустилась ночь в каком-то странном горе
И прятала громаду корабля.*

*Сгущалась мгла, сливались очертанья,
Всё меркло в чарах мысли и тоски,
И вдалеке, как нежное прощанье,
Светились тускло маяки.*

*Меня смущали чувства неземные...
Стонали волны, колыхалась мгла...
И в эту ночь тоскующей стихии
Свою я душу отдала.*

*Мне снился вопль тоскующего моря,
Меня увлёл таинственный простор,
И надо мной в каком-то странном горе
Сплетался злой, бесчувственный укор.*

27/ XII, 1922. Сфаят

*В тишине осенней ночи
Много слов погребено...
Бледный свет сверкает в очи
Сквозь прикрытое окно.*

*Пробираюсь по дороге,
Вся облитая луной...
Зябнут руки, зябнут ноги,
Но не хочется домой.*

*Вдалеке, сквозь мрак бездонный
Ярко светятся огни...*

*Пробегают монотонно
Угасающие дни...*

*Пролетали, догорали,
След потерян и забыт...
И тоску моей печали
Ночь беззвучная хранит.*

27/ XII, 1922. Сфаят

СВЯТАЯ НОЧЬ

*Вернулась от всенощной. Будто спокойно
Стало на сердце в святую ночь.
Чувство неясное билось нестройно,
И, как виденье, умчалось прочь.*

*Словно чего-то кругом не хватало,
Было чего-то жаль...
Туча ненастная небо сковала
И омрачила даль.*

*Не было мира и не было счастья,
Только мечта одна...
Билась в слезах дождевого ненастья,
Билась в обломках она.*

*Вливалась в большие, холодные очи
Серого неба сталь.
Было темно, как в осенние ночи,
Было чего-то жаль.*

24/ XII, 1922 – 6/ I, 1923. Сфаят

*Покоя нет. Степная кобылица
Несётся вскачь...
А.Блок*

*Вокруг меня тоска и униженье,
Где человек с проклятьем на лице,
Забыв давно земное назначенье,
Мечтает о конце.*

Но где-то есть она, страна родная,
Она не умерла...
Напрасно сквозь снега, в тоске рыдая,
Гудят колокола.

Пройдут тревоги долгого страданья,
Пройдут они,
Из темноты тоски и ожиданья
Другие вспыхнут дни.

Пусть не для нас грядущие сплетенья
Её игры...
Мы для неё слагаем песнопенья
Для той поры.

Она взрастёт, величием играя,
Пора тревог прошла.
И в новой радости поют колокола:
Она жива, родная.
13/ I, 1923. Сфаят

Я узнаю тебя, мой милый, неизвестный,
Мой близкий друг.
Я узнаю тебя, как миг прелестный,
Души моей испуг.

Где ты? Кто ты? В тревоге неизбежной
Откликнись, поспеши...
Мне ль не понять твоей печали нежной,
Твоей тоскующей, мятущейся души?

Зову тебя, ищу тебя повсюду,
Но нет, но нет, –
Ищу тебя, готова верить чуду,
Лишь укажи мне след...

Ищу тебя, люблю тебя, неясный
Изгиб мечты моей.
Где ты, где ты, мой друг, как сон прекрасный,
Явись, явись скорей!..
12/ I, 1923. Сфаят

НОВЫЙ ГОД

*Мы встретили его с молитвой и крестом.
Молчала темнота в пустом бараке,
Лишь несколько свечей пред алтарём
Горели пламенно и ярко.*

*И дождь стучал по крыше и стенам,
И плакал ветер, ночь стонала..
И Новый Год принёс тревогу нам
И ярких дней начало.*

*Принёс немало пёстрых он минут,
Быть может, вспышки счастья.
Они пройдут, они пройдут,
И впереди у нас бесцветное ненастье.*

*Мы встретили его с молитвой и крестом.
Ненастный дождь стучал по черепице,
Всё было сыро и темно кругом
И ветра стон мешал молиться.*

1/ 14/ I, 1923. Сфаят

*День пролетает в печали осенней,
Небо закрыто обломками туч.
Скучно смотреть, как по крыше соседней
Прыгает редкий сверкающий луч.*

*Скучно смотреть из окна на дорогу...
Лужи да грязь, да прозрачный туман.
Будто бы сдержит на сердце тревогу
Этот сознательный, долгий обман!*

*Будто изменяются годы гнилые,
Будто бы снова согреет весна!..
С неба срываются капли немые,
Мерно спускаясь по стёклам окна.*

16/ I, 1923. Сфаят

НОЧЬ

*Плачет ветер. Стучит черепица...
А на сердце тоскливо, невмочь!
Будто разум чего-то боится
В эту шумную страшную ночь.*

*Страх взлетает всё выше и выше,
Думы стали пестры и смешны,
И стучит черепица по крыше,
Заглушая и мысли и сны.*

*И кругом что-то долго шумело,
На стене чуть белело окно...
Все мечтанья истлели давно,
Всё, что тешило, всё надоело.*

17/ I, 1923. Сфаят

УТРО

*В тёмное окошко белый свет струится,
Тускло очертились выступы стены,
Стало как-то холодно, трудно шевелиться.
Странно оборвались утренние сны.*

*За стеной, в тумане мглистого рассвета
Робко, неуверенно заиграл горнист,
Звуки обрывались, утопая где-то,
Будто обрывал их ветра шумный свист.*

*И горнист промокиший, посинев от стужи,
Тихо и уныло поплелся назад...
Поднимался ветер, на дороге – лужи,
Он шагал быстрее, кутаясь в бушлат.*

*А в холодном небе луч пронзил туманы,
Проскользнув лениво по сырой стене...
И в бараках люди видели обманы,
Кутаясь от холода в красивом сне.*

21/ I, 1923. Сфаят

ВЕЧЕР

*По склонившимся фигурам
И безжизненным предметам
Что-то грустное скользит.
Под зелёным абажуром
Лампа светит тусклым светом
И коптит.*

*Будто чем-то очарован
Иль замучен злой тревогой,
Мглой окутался Сфаят.
Неизбежностью закован,
Кто-то бродит по дороге...
Дни летят.*

*Мысли нет в тоске бесцельной.
Повинуясь снам мятежным,
Всё тоскует и молчит.
Только стук машины швейной
Всё о чём-то неизбежном
Говорит.*

*Монотонной жизни лепет
Оборвался в нежном звуке.
Что-то шепчет темнота...
Скрытых мыслей робкий трепет
Потонул в бессилье скуки
Навсегда!*

22/ I, 1923. Сфаят

*В холодной кабинке, и тёмной, и тесной
Мы молча сидели в тоске неизвестной,
И это молчанье нам было понятно.
На небе порой колыхались зарницы,
Как будто бы крылья невидимой птицы,
Дрожа, отряхали кровавые пятна.*

*И сумрак дрожал молчаливым забвеньем.
Скользили загадочно-лунные тени,*

*Как будто шептали о чём-то тревожном.
Какая-то истина мысли сковала...
И лунно-красивая сказка пропала...
И что-то безумное стало возможным.*

*Загадка пропала. Всё стало понятно,
И даже молчанье нам стало приятно –
Ведь часто приятными кажутся муки.
Мы будем молчать ещё долгие годы.
И в столах неволи, и в столах свободы
Нам будут звучать похоронные звуки.*

*Кровавые тайны нам стали известны
И не было страшно раскрывшейся бездны,
Лишь как-то неровно дрожали ресницы...
Прозрачные тени лениво скользили
И лунные сказки задумчиво плыли...
Далёко над морем дрожали зарницы.*

27/ I, 1923. Сфаят

*Кончился день. Разбрелись усталые тени.
Во мгле загорелось окно за холодной стеной.
Кончились шумы и стуки. В медлительной лени
Выполз из долины жуткий покой.*

*Было темно и сыро. Тусклыми лучами
Светились окна, прорезая мрак.
Играли меж собой огоньки, далеко за холмами.
На море, в темноте мигал красный маяк.*

*По шоссе мелькали порой чёрные силуэты.
Был загадочен звук далёких речей.
И странно в комнате чернели предметы,
И странно блуждали хороводы теней.*

30/ I, 1923. Сфаят

БИЗЕРТА

*Погасли последние отблески зари...
Далеко в горах залаяли шакалы.*

*Светлой нитью зажглись фонари
И новым шумом оживились кварталы.*

*Кричал разносчик, шагая по мостовой.
Арабчата дрались на тротуаре.
Яркие огни мешались с темнотою.
Гремела музыка в шумном баре.*

*В арабской кофейне стоял гул голосов.
Мешались светы и шумы,
Недвижные фигуры сидели у столов,
Спускались широкие, белые костюмы.*

*У белого квартала был загадочный вид.
Под сводом мглы не слышно весёлой публики.
Улиц и переулков тёмный лабиринт,
Белые дома, похожие на кубики.*

*Только под кровлей тускло светилося окно,
Белые, гладкие стены теснились мрачно.
На узких улицах было совсем темно,
И было злое, тихо и страшно.*

31/ I, 1923. Сфаят

*В тишине, когда ночи тоскливо звучат,
Мои мысли послушны и гибки,
И я чувствую долгий, пронзающий взгляд,
И я вижу лицо без улыбки.*

*Неизбежностью блещет тоскующий взор,
Веют сумраком звёздные дали,
И слагается слов разноцветный узор
И мелодии тихой печали.*

*И несутся звенящие дни без конца,
Жизнь сплетает красивую сказку, -
И я вижу прозрачную бледность лица
Сквозь холодную, чёрную маску.*

31/ I, 1923. Сфаят

*Туманны дали, как вечерний сон.
Свивается в капризное журчанье
Теней и звуков лёгкий перезвон.*

*Цветут мечты неясного желанья.
При блеске звёзд струится тихо мгла.
Во взорах звёзд ещё нежней молчанье.*

И сказка ночи в небе расцвела.

4/ II, 1923. Сфаят

*Есть в лунном вечере черта,
Когда кончается земное
И расцветает чернота.*

*Есть где-то грань в полдневном зное,
Когда обычное гнетёт
И рвутся мысли в роковое.*

То сон зовёт, то звук цветёт.

5/ II, 1923, Сфаят

*Гремели и падали цепи событий,
А в небе бездонном уснула тревога.
Сплетались блестящие звёздные нити.*

*Душа уносилась далёко, далёко.
Окрасились сумерки нежною лаской.
И плакало сердце, забывшись глубоко*

Над детскою сказкой.

5/ II, 1923, Сфаят

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

*Ты придёшь, тебя я молча встречу
И задую тусклую свечу.
И тебе одной, одной тебе отвечу,
Для чего безумное ищу.*

*Прозвучат слова, и дни, и годы,
Промелькнут, погаснут маяки.
Ты придёшь, средь вихря непогоды
У последней, роковой тоски.*

*Всё, что было – фразы, стоны, цепи
Упадут в крылатую мечту,
И ещё упрямей и нелепей
Жизнь ворвётся в пустоту.*

11 / II, 1923. Сфаят

*После долгих лет скитаний
С искалеченной душой,
Полны смутных ожиданий,
Мы вернёмся в дом родной.*

*Робко встанем у порога,
Постучимся у дверей.
Будет странная тревога,
Солнце станет холодней.*

*Нас уныло встретят стены,
Тишина и пустота.
Роковые перемены,
Роковое «никогда».*

*Жизнь пойдёт другой волною,
В новый гимн сольются дни,
И с измученной душою
Мы останемся одни.*

*Наше горе не узнают,
Нас понять не захотят,
Лишь клеймо на нас поставят
И, как нищих, приютят.*

12 / II, 1923. Сфаят

*На развалинах старого храма
Подняла улыбку весны...*

*Я люблю «Прекрасную Даму»,
Разлюбив свои мёртвые сны.*

*Чёрный плащ и чёрные ночи,
Безнадёжно-спокойный узор,
И осенней улыбки короче,
Я люблю тоскующий взор.*

*Уже вспыхнуло новое пламя
Недалёких, неожиданных встреч...
И люблю ещё скрытое знамя
И в руках заострённый меч.*

13/ II, 1923. Сфаят

*Пусть в жизни одна пустота,
Пусть в жизни – сверканье и ложь...
Пройдут однозвучно года,
И вновь этих дней не вернёшь...*

*В бездонности есть красота,
В бесцельности счастье цветёт.
Одна роковая мечта
Гнетёт, и страшит, и зовёт.*

*В тревоге тяжёлого дня,
В тоске беспощадных разлук –
Там, где-то, ты встретишь меня,
Далёкий, неведомый друг.*

18/ II, 1923. Сфаят. Прощенное Воскресенье

*В небытье, в красоте, в пустоте
Отцвели туманные дни.
В сумрак снов на последней черте
Уронили свой отблеск огни.*

*В переливных изгибах речей
На заре ещё морщится день.
И в сверканье закатных лучей
Всё сравнивает бесшумная тень.*

21/ II, 1923. Сфаят

*Падали сумерки. Туманились дали.
В углу дрожала чёрная тень.
Раздавались шаги и слова звучали.
Догорал нерасцветивший день.*

*Что-то кончилось и вновь начиналось.
В воздухе мглистом веял дурман.
Что-то в дрожащей мечте прижалось
И унеслось в туман.*

*Плакали сумерки. Тени дрожали.
Я безнадёжно искала мечту.
День крылатый с улыбкой печали,
Звения, уходил в пустоту.*

28/ II, 1923. Сфаят

НОЧЬ

*Сплетались тени надо мной,
Осеребрённые луною.
Опять всё тот же гость ночной
Вошёл и встал передо мною.*

*Мне стало страшно чёрных снов,
Мне страшно жуткого молчанья,
И понимала я без слов
Его тоску, его страданья.*

*Он уходил во тьму ночей
И был мне слышен стон железный.
То был проклятый звон цепей,
То был охрипший голос бездны.*

*Он говорил мне: «День далёк,
И вечно будет ночь немая».
И был ужасен злой намёк...
И тени падали, играя.*

*И долго различала я
В мечте заоблачной лазури*

*Бессильный шёпот небытья
И звон цепей, и холод бури.*

*Неудержимо темнота
Стремилась к жизни неизвестной,
И в вечность падала мечта,
И был ужасен холод бездны.*

2/ III, 1923. Сфаят

НОЧНЫЕ ЧАРЫ

*Ночь сверкает сомненьями чар,
Закрывая в туманы и грёзы
Шёпот дня и волненья души,
И обычные мёртвые фразы.
Плачет ветер в тоске,
И сквозь дымку тумана
Жгучей молнией вспыхнуло небо,
Будто огненный глаз
Заглянул, усмехаясь, в окошко.
Шевелятся ленивые тени
И дрожат в чёрном небе зарницы.
И сквозь чёрные ризы тумана
Обнажённые ветки деревьев,
Как усталые призраки ночи,
Шевелятся в туманном окне.
И на крыше стучит черепица,
Будто лязгают мёртвые кости,
Будто чёрные демоны бьются.
А в туманном углу
Кто-то чёрный во тьме притаился,
И мне чудится взгляд его долгий
И таинственный шорох.
Надо мной шевелятся виденья
И ночные мечты.
Вкруг меня заколдованный круг.
Я дошла до черты его мрачной,
Но её перейти не могу.
И сплетаются сонно дурманы,
И дрожат роковые сомненья.
Вдруг блеснул ослепительный свет*

В моём тёмном окне,
И в холодных объятиях тумана,
Как навстречу мечте моей лунной,
В брызгах слёз и в обломках цепей
Предо мной промелькнуло лицо,
Только чьё – не пойму я!
Помню только улыбку его
И растерянный взгляд...
Промелькнуло мгновенье,
И оно пронеслось
С той же тихой, несмелой улыбкой
В роковые объятия ночи,
Может быть, навсегда.
И опять шевелились виденья,
И опять трепетали зарницы...
Ночь смеялась в окошко моё
И грозила мне чёрная вечность.
А в далёком углу
Кто-то чёрный дрожал и смеялся,
Безнадёжно далёкий и чуждый.
Только где-то в душе
Пробуждалась печальная радость
И какая-то нежная грусть...
И дрожали бесшумные тени,
И неслись роковые дурманы,
И туманные ветви деревьев
Шевелились в окне.
Было всё, как всегда,
Только стали больше сомненья
И ещё безнадежней желанья...
Трепетали в окошке зарницы
И бросали они, усмехаясь,
Свой мучительный огненный взгляд
В мою тёмную душу...
И смеялись они
Над холодными чарами ночи.

6/ III, 1923. Сфаят

Издали пенье церковное слышится.
С небом земля говорит.

*В комнате сумрак холодный колышется,
Вечер мочит.*

*Радости солнца остались неведомы,
Скрылись в туман и печаль.
Вечно-покорные, тащимся следом мы
В вечную даль.*

*Давят какие-то мысли дурманные,
Давит молчанье земли.
Пенье священное, в святости странное,
Слышно вдали.*

15/ III, 1923. Сфаят

*Я верю в то, что будет ночь,
Что всё уйдёт к мечте, к лазури,
Что день, звеня, умчится прочь,
И будет тьма, и снова бури.*

*Я верю в то, что цели нет,
Ни в чём, нигде, что жизнь – сомненья,
Что всё, чем так прекрасен свет, -
Один изгиб воображенья.*

*Я безнадёжно верю в то,
Что жизнь – уродливая шутка,
И всё красивое – ничто
Перед безверием рассудка.*

15/ III, 1923. Сфаят

В ЦЕРКВИ

*У царских врат красная лампадка.
От неё тонкие лучи.
Хор поёт нежно и так сладко.
Чуть колышется пламя свечи.*

*Вокруг всё тихо, всё веет тайной.
Немного жутко, пусто, темно.
О чём-то шепчет ветер случайный.
Чёрная ночь смотрит в окно.*

*Всё тихо, тихо. Недвижны тени.
Над алтарём сплетенье лучей.
Недвижный в чёрном встал на колени
И тихо смотрит на пламя свечей.*

*В углу перед иконами святыми
Клубится ладан в неподвижной мгле,
Кто-то рядом шепчет святое имя,
И хочется мира на тревожной земле.*

*И чего-то страшно. В тоске безответной
Луч лампы пробежал и погас.
Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный,
Помилуй нас!*

16/ III, 1923. Сфаят

ХЕРУВИМСКАЯ

*В клубах ладана туманного
Ангел светел и могуч.
С недоступного, желанного
Уронил священный луч.*

*Все земные попечения
Потонули в тихой мгле...
Херувимов песнопения
Стали слышны на земле...*

*И душа в лазурь уносится,
В непонятную мечту...
Всё земное к небу просится,
За священную черту.*

*И пред вечностью задумчивой,
И пред ликом Божества
Льётся стон души измученной
В непонятные слова.*

*Всё в едином стоне ожило,
Всколыхнулось в песне слёз,
Всё, что было, что тревожило,
В беззакатность унеслось.*

*И печаль неотвратимая
Перед вечностью молчит...
Тишина неуловимая
В клубах ладана сквозит.*

26/ III, 1923. Сфаят

ПЕСЕНКА

*Это было, быть может, во сне,
Или в сумраке скучных и медленных дней.
Только ранней зарёю почудилось мне
Зацветанье вечерних огней.*

*И почудилось мне, будто небо цветёт,
И далёко, где вьётся гряда облаков,
Недопетую песенку кто-то поёт,
Позабытую песню без слов.*

*Звуки гасли вдали...
Опустилась недвижная мгла.
Всё, что мило и дорого в скуке земли,
В непонятные сны облекла.*

*Сны цвели и прошли в небытие красоты –
Отцветанья далёкого вестники.
И остались одни только звуки-мечты
Недопетой, непонятой песенки.*

27/ III, 1923. Сфаят

ЛУННЫЙ СВЕТ

*Я вглядываюсь в ночь, в её беззвучный гений...
В прозрачной тишине струится тишина.
Недвижно падают задумчивые тени
И в синей дымке высь и глубина.*

*В каких-то ясных очертаньях сна
Плывут узоры звуков и видений,
И очертанья каменных ступеней
Покрыла синей дымкою луна.*

*Какой-то силуэт неясный и склонённый
Лежит на белом выступе стены...
Какая-то мечта блуждает в дымке сонной...*

*Всё победил неверный свет луны.
И сквозь хрусталь его тоски бездонной
Струится сказка лунной глубины.*

30/ III, 1923. Сфаят

ТОСТ

*Я пью из чаши бытия
Холодный яд самозабвенья.
Сверкает ночь, и мысль моя
Несётся в жуткое сомненье.*

*Меня смущает чёрный сон,
Я вижу тягостные муки.
Из вихря песен и времён
Летят неистовые звуки.*

*А нити дальних вечных звёзд
Как бы уходят в бесконечность...
И будет мой последний тост
За Ночь, за Красоту, за Вечность!*

12/ IV, 1923. Сфаят

Лисневскому

*Ещё не раз в тревоге зыбкой
Ты вспомнишь пылкие мечты,
Не оскорбляй ты их улыбкой,
Страшись преступной высоты.*

*Ещё под звон тоски обидной,
Под веющий грохот дальних бурь
И ты взлетишь душой пустынной
В нерукотворную лазурь.*

*И в жизни дерзко-прихотливой,
Сомненья потопив в вине,*

*Ещё не раз порой тоскливой
Ты будешь думать обо мне.*

15/ IV, 1923. Сфаят

БЛОКУ

*Когда в вещании зарниц
Предвижу я тоску и муки –
В знакомом шелесте страниц
Ловлю я трепетные звуки.*

*В них я ищу тоски моей
Беззвучный взгляд и холод зыбкий
И в чёрном бархате ночей
Любимый образ без улыбки.*

*И в вечный сон, и в мощный стон
Слились печаль и боль сомненья,
И от страниц, где думал он, –
Ищу спасенья.*

21/ IV, 1923. Сфаят

*Мы – сухая, как осень, трава
На печальном заросшем болоте,
Повторяются дни и слова,
И теряются в мелкой невзгоде.*

*Безглагольность, покорность, судьба,
Монотонные, вечные звуки...
Здесь давно прекратилась борьба,
Опустились усталые руки.*

*И чем больше устала душа
И больнее сковала невзгода –
Тем отраднее стон камыша
И сильнее завлекает болото...*

10/ V, 1923. Сфаят

*Как много брошено камней
На путь, усеянный цветами,*

*Как много затерялось дней,
Залитых яркими лучами.*

*Как страшно не смотреть назад,
Взглянуть на призрачные звенья:
Там только слов унылый ряд,
Одни бездушные виденья.*

*Всё стало горько, как полынь...
Чего-то жду, иду куда-то,
И пробираюсь средь маслин,
Залитых заревом заката.*

*Как смутен стон души моей!
Как странно-тихо над полями!
Как много брошено камней
На путь, усеянный цветами!..*

11/ V, 1923. Сфаят

*Лежу в траве, под развесистой фигой
В полдень весенних грёз.
Ветер треплет страницы раскрытой книги,
Играет прядью волос.*

*Склон холма желтеет цветами,
Гляжу в беззакатную высь...
Нет ничего и там, за облаками,
Дни, как сны, пронеслись...*

*Нет оправданья жизненным ступеням,
Всё бесследно пройдёт,
Под палящим солнцем стелятся тени –
Слёз моих никто не поймёт.*

*Этих слёз не счесть и не измерить,
Моё безверье темно!
Всё равно, я буду ещё молча верить
В то, чему быть суждено.*

11/ V, 1923. Сфаят

МИНУТА

*Я не знаю, что мне надо,
Что мрачит мой яркий день,
Безнадёжная утрата,
Иль тоскующая лень?*

*Что разбило, что сломило
Крылья резвые весны?
Где в душе моей светила
Безымянной глубины?*

*Где звенящие напевы
И восторги бытия?
Всё, как в сказке.*

*Где вы, где вы,
Тусклой юности друзья?*

11/ V, 1923. Сфаят

НЕДОСКАЗАННОЕ

*Были в сиянии тонкие свечи,
И красные лампы, и тёмные лики...
Были туманны мимолётные встречи
И на белом платье вечерние блики.*

*Скрывалась сила в крови заката,
Бились в душе весенние звоны...
А ночью – острые лучи лампы,
И тревожный шёпот у тёмной иконы.*

25/ V, 1923. Сфаят

*Песня грусти озабоченной
Льётся медленно и странно,
Как весенний перезвон,
Как сонета стих утонченный,
Как неясный и туманный
Синий сон.*

*Много в сердце похоронено,
Что-то вспомнилось сквозь слёзы...*

*Звуки с грустью сплетены...
Много образов уронено
Там, среди крестов мимозы,
В сон весны.*

*Трепетала песня новая,
И опять мечтой лукавой
Сумрак в душу проникал...
Так смеялась даль лиловая
В час, когда закат кровавый
Догорал...
8/ VI, 1923. Сфаят*

«ШИШКОВЦАМ»

*Рано быть молодым стариком
И безвольно скорбеть о былом!*

*Где-то там, за упрямой чертой,
Кроме стен и печалей Сфаята,
Жизнь идёт переменной волной,
И тревогой, и счастьем объята.*

*Жизнь идёт и идёт, не спросясь,
Не жалея бездушных развалин,
И Сфаят зарывается в грязь,
Новым днём ослеплён и подавлен.*

*Всё гнилое уносится прочь
С беспредельно-ведущих ступеней,
И спускается вечная ночь
На безвольно-недвижные тени...*

*Безнадёжно скорбеть о былом!
Рано быть молодым стариком!
29/ V, 1923. Сфаят*

ИСПОВЕДЬ

Посвящается мамочке

*Высоко в небе – тучи летят,
Внизу, в долине – туман ползёт.*

*Иду туда, к миганью лампад,
Без тайной веры иду вперёд.*

*Иду печально, с пустой душой.
Вернусь, быть может, ещё бедней.
Сжимаю руки в тоске немой
Перед сияньем тонких свечей.*

*Темны иконы, мертвы слова.
Цветы упали на тёмный лик...
Чего-то жду я, душой мертва,
Солнца ищу в последний миг.*

*В окошко упала улыбка дня...
Больно бьёт в душу колокольный звон...
И жемчуг дней уходит, звеня,
И так случайны мысли у тёмных икон...*

*Шепчутся, шепчутся у креста цветы...
«Господи, помилуй», – хор поёт.
Ужасна тяжесть душевной пустоты,
Последняя улыбка здесь упадёт.*

*За всё, за всё, за первый разлад,
За муки безверья, за беспросветную тьму –
Я не дам ответа у зажжённых лампад,
Я уйду, не веря ничему...*

*А ночью, я знаю – пустая тишина,
И мысль о счастье, и дрожание теней,
И странные блики на полу у окна,
Как уродливый отблеск души моей.*

*И всё будет плохо и жутко-мертво,
И я прижмусь к холодной стене.
И не будет в жизни ничего,
И не будет света у меня на дне.*

*Солнце мне бросит луч издалека,
И острая мысль вернётся назад,
А ночь будет вечной, как вечна тоска,
И неверной, как сиянье лампад.*

11/ VI, 1923. Сфаят

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

I

*Как тяжело желать и знать,
Что в жизни всё неисполнимо.
Что всё, как сон, умчится мимо,
И всё начнёт надоедать.*

*Что жизнь черней вечерней тучи,
Опустится, как страшный сон,
И миг желанья, миг летучий
Давно на гибель обречён.*

II

*Ещё не раз с вечерними огнями
Чья-то тень мелькнёт за окном...
Ещё не раз, закрыв лицо руками,
Я буду плакать, не зная – о чём...*

*И когда всё устанет в скучном Сфаяте,
Я выйду навстречу весне,
И солнечный луч на синем платье
Мне напомнит о близком дне.*

III

*Сегодня день шёл медленно и вяло,
Всё было, как всегда...
И лишь одна мечта меня смущала,
Одна, одна мечта...*

*И что бы я ни делала в печали,
За что бы ни бралась,
Одни, одни слова назойливо звучали
И нить оборвалась...*

*И я сжимала руки боязливо,
Блуждая в тишине,
И не могла понять, зачем в тоске ленивой
Сверкнуло солнце мне?..*

IV

*Под маской кроется улыбка,
А под улыбкой спит печаль...
Дарит огонь сквозь холод зыбкий
Мечта, упрямая, как сталь...*

*Всегда бессильные обманы
И слов украшенная нить...
Как страшно знать, что сон дурманный
Ничто не может изменить!..*

V

*Никто не прочитает мой дневник,
Никто не разберёт задумчивые строки...
И не поймёт никто далёкий миг
Печали, счастья и тревоги...
Мой друг безмолвный – синяя тетрадь –
Хранит следы тоски и жалоб тайных,
И, может быть, когда я стану умирать,
Саму себя в строках случайных
Мне будет страшно узнавать...*

VI

*Какая-то загадочная тайна
Дрожит в окне...
Моя мечта безвольна и случайна,
Как шорох в тишине...*

*Я молча жду задумчивых мгновений,
Когда душа цветёт.
Но нет, но нет в душе моей стремлений,
И всё – идёт...*

VII

*Я растеряла жемчуг дней,
Меня сковала непогода.
Огонь горит в душе моей,
Но нет, но нет ему исхода.*

*Здесь для меня забавы нет,
Я рвусь в заоблачные дали...
А на руке моей – браслет,
Как символ рабства и печали...*

VIII

*Здесь, на страницах заветной тетради
Горькие тайны лежат...
Много ненужного было в Сфаяте,
Много вернётся назад.*

*Пусть будет снова темно и печально,
Пусть будет всё, как всегда...
Только лишь минуты случайной
Я не прощу никогда!*

12/VI, 1923. Сфаят

*Скрываю мученья раскола я,
И мысли идут невольно...
Всё чудятся речи весёлые,
И синий блуждающий взгляд...*

*И моря прибой умолкающий,
И мерно спадающий зной...
Прости меня, день догорающий,
Что я не простилась с тобой...*

*Забвенное стало забвеннее.
Что пело – прошло, отцвело...
Я знала, что солнце весеннее
Одно только будет светло.*

20/ VI, 1923. Сфаят

*Сквозь темноту, как призрак тайный,
Белеет на стене окно...
В тоске нелепой и случайной
Мне что-то было суждено...*

*Полна зловещею тревогой
Была, казалось, темнота.
Моя короткая дорога
Была бесславна и пуста...*

*И медленно сжимала руки
В тоске утраченного дня,
И всё ждала, чтоб первой мукой
Благословила жизнь меня...*

20/ VI, 1923. Сфаят

*Я небрежно сплетала волосы
В дальнем, тёмном углу.
Ложились светлые полосы
От лампы на тёмном полу.*

*Бросались дрожащими пятнами
В окошко струи луны.
Звучали слова непонятные
Там – у тёмной стены.*

*Всё было словно размечено:
Предметы, очертанья теней...
Одна я прошла незамеченной
В дурмане весенних дней.*

*И снова мне стало радостно,
Я встала у тёмной стены.
Весенние, первые, ясные
Меня опьяняли сны.*

21/ VI, 1923. Сфаят

*Я тайный час ждала давно,
Внимала шорохам Сфаята.
В моё туманное окно
Дышала чёрная прохлада.*

*Мелькали тени по шоссе,
Беззвучно, медленно, спокойно.
Мои мечты и страхи все
Так были смутны, так нестройны.*

*Мне было весело одной,
Я всё ждала и всё мечтала...
Случайный шорох за стеной –
И сердце медленно стучало.
Быть может – оборвалась нить?
Быть может – день настал далёкий?
Я только не могла простить
Глухой, мучительной тревоги.*

21/ VI, 1923. Сфаят

*Какая-то бессмысленная тайна
Шуршала в тихом шелесте страниц...
И робкая слеза задумчивости странной
Скатилась медленно с опущенных ресниц...*

*И дни идут надменно, величаво,
Последний день настал, последний час.
Я вся горю в огне его отравы,
И мысль моя над солнцем пронеслась.*

*Но поздний миг холодного желанья
Не окрылит моих последних бурь.
И я одна приму обет молчанья
И брошу вызов в синюю лазурь.*

22/ VI, 1923. Сфаят

*Как пустынно в сердце у меня.
Тишина немая без конца...
Лишь сверчков пустая трескотня,
Точно смех далёкий бубенца.*

*Ночь играет, плача и смеясь,
Мысли тонут в звонкой трескотне.
Так давно ждала я этот час,
Чтобы думать о последнем дне.*

*Слышу – мышь скребётся в тишине,
Да жужжит назойливо комар...
Как боюсь я в тёмном полусне
Потерять оковы синих чар...*

*Страшно мне от шорохов теней!
Душно мне под тонкой простынёй!
Для чего так много, много дней
Залила я горькою тоской?*

*Всё равно – темно и скучно мне!
Страшный круг не мне переступить!
Ах, зачем в кровавом небытье
Я старалась убедить?*

9/ VII, 1923. Сфаят

Не хочу я ни жалоб, ни слёз,
Всё – как было – так просто и ясно.
Только миг быстрокрылый принёс
Мне так много тревоги напрасной.
Только яркий, полуденный час,
Только вечер, на утро похожий,
Ещё вспомню, быть может, не раз.
Будет больно и грустно. Так что же?

Пусть красиво пройдёт небытьё
В дымке грустно-пустой и летучей!
Пусть весеннее солнце моё
Догорит не за тёмною тучей!

10/ VII, 1923. Сфаят

В комнате ленивый полумрак,
Всё устало в беспощадном зное.
На окне большой французский флаг
Натянулся, будто парус в море.

На столе учебник предо мной,
Шелестят знакомые страницы.
Сотней голосов щебечут птицы
И гнетёт неумолимый зной.

Я склонилась тихо на окно,
И ловлю смолкающие звуки.
Солнце светит жалящим лучом
На мои опущенные руки.

И веленью тайному послушна,
От страниц забытых далека,
Я твержу, что всё взяла тоска,
Что мне больше ничего не нужно.

10/ VII, 1923. Сфаят

Всё больней тоска в роковых мечтах,
Всё сильнее биение крови –

*Когда вижу насмешку в длинных глазах
И загадочный римский профиль.*

*Золотистых волос её нежная прядь
Упала на смуглые плечи.
О, как не понять мне, как не узнать
Её злые, весёлые речи!*

*Насмешка застыла на тонких губах,
В браслетах смуглые руки.
Для чего – не знаю – велит судьба
Называть её злой разлукой.*

*Её смех серебристый пронзает стрелой,
Её сердце залито ядом...
Как смеётся она над моей тоской,
Над моим беспощадным взглядом!..*

12/ VII, 1923. Сфаят

*Дышит зноем день томительный,
Поле солнцем сожжено.
В сердце тише и мучительней,
В мыслях – пусто и темно.*

*Вьётся пыль с площадки теннисной.
Утомлённый меркнет взгляд,
Зной томит, движенья медленны,
Сосны пыльные шумят.*

*И тогда уже я видела
Очертанья жгучих бурь,
Уж тогда я ненавидела
Тёмно-синюю лазурь.*

*Для чего так много сказано?
Для чего печаль в глазах?
Так уныло, так нерадостно
Раздаются голоса.*

*Скован у м тоскою цепкою,
Жалят острые лучи.*

*И сильнее в сетку крепкую
Бьются звонкие мячи.*

21/ VI, 1923. Сфаят

*Как эта ночь была светла!
Я в гамаке лежала.
Смотрела, как луна плыла,
Как туча убегала.*

*Ловила звонкие шаги,
Движенья быстрой тени.
Я узнавала стон тоски,
Тоски моей последней.*

*Звучали где-то голоса –
Я их не узнавала...
От светлых окон полоса
Так медленно дрожала.*

*Луна – как жёлтое стекло...
Дрожащий свет из двери...
Я поняла, что всё прошло,
И не хотела верить...*

21/ VII, 1923. Сфаят

*Безнадёжна озёрная гладь
Далеко, под неверной луною.
Так спокойно, так грустно мечтать
В гамаке, под листвою кружевною.*

*Над прозрачной водою огни
Сквозь недвижный туман загорелись.
Однозвучные, скучные дни
Потянулись без смысла, без цели.*

*А в полях ни темно, ни светло,
Так тоскливо за тёмною далью.
Что мне счастьем казалось – прошло,
Да и было ли счастье – не знаю.*

25/ VII, 1923

НА БУЛЬВАРЕ

(первое впечатление от Туниса)

*Над бульваром, над стройными зданьями
Ночь раскинула звёздный шатёр.
У стола, под стенами зеркальными
Оживлённый звучит разговор.*

*Шляпы, кружева, локоны чёрные,
Очертанья подмазанных лиц,
Будто цепи сдавили упорные,
Злые чары ночных небылиц.*

*Шумно-весело в сне электрическом,
Яркий свет ослепляет глаза...
Всё сильнее в тоске истерической
Стройных скрипок звучат голоса.*

*Мимо публика ходит нарядная,
Наполняет расчищенный сквер,
Всё мелькают костюмы парадные
И изысканность тонких манер.*

*Только будто всё больно обижено,
Будто веет невидимый рок...
Высоко, среди веток подстриженных
Тёмно-синего неба клочок.*

29/ VII, 1923

*Несётся звон далёкого костёла,
Густая мгла окутала поля,
А я всё вспоминаю день весёлый,
О чём-то светлом вспоминаю я.*

*И ночь красивой, синей сказкой веет,
Давно погасли тусклые огни...
Мне всё равно: ничто уж не изменит,
Ничто уж не заполнит эти дни.*

29/ VII, 1923

*Что без страданья жизнь поэта,
И что без бури океан...
М.Лермонтов*

*Я жить хочу, глядеть в глаза тревоге,
Изведать яд мучительной тоски,
Смотреть, как силуэт мелькает по дороге,
Ловить смолкающие, гулкие шаги.*

*Смотреть, как медленно сверкая, гаснет небо,
Смотреть на кружево бесчувственных теней,
И всё твердить, что сон мой даже не был,
Что нет мечты моей, что нет души моей.*

*Я жить хочу в дурмане ночи душиной,
Чтоб теплились в душе последние огни.
И страшно мне, что слепо-равнодушны,
Ползут пустые, гаснувшие дни.*

9/ VIII, 1923

*Бесцельный день прошёл, и снова
Лежу одна на гамаке,
И жизни странные оковы
Несу одна в немой тоске.*

*И странно мне, что ночь чернеет,
Что ярко блещут маяки...
Всё слышу слабый стук у двери
И торопливые шаги...*

*Давно не верю и не жду я,
Все дни равны, как связка бус.
И только на тоску глухую
Ещё, быть может, отзовусь.*

12/ VIII, 1923

*Я люблю смотреть на тени,
На узорчатые тени.*

Так сверкает день весенний,
Так погаснул день последний.

Я люблю ловить дурманы
Средь уснувшего Сфаята,
И нетронутые раны
Заливать холодным ядом.

Я люблю смотреть на море,
На огни у вод залива,
Знаю я: в морском просторе
Всё исчезнет боязливо.

Жду, не требую ответа,
Но прощать я не умею.
Всё коплю, коплю приметы
И тоской хмельной хмелею.

12/ VIII, 1923

Нас было четверо. Спокойно
Мы шли, окутанные мглой.
И забавлялись мы нестройной,
Пустой, весёлой болтовнёй.

Но страшно пробивалась дума
Сквозь звонко-колкие слова.
И ночь молчала так угрюмо,
В огне пылала голова.

Нам всё казалось так ненужно,
И мы средь шумной суеты,
Глухому жребию послушны,
От жизни прятались в мечты.

Один из нас спросил лениво
(Он был старик в семнадцать лет):
«Что дальше в этой жизни лживой?» -
«Смерть и ничто!» – звучал ответ.

Мы были странно-равнодушны,
Глухие тайны затая,

*Пытаясь этой ночью душевной
Решить загадку бытия.*

13/ VIII, 1923

*Я вижу весь мой жребий чёрный –
Тоске бесслёзной обречённый.*

*Я вижу всё, что мне дано,
Что мне судьбою суждено.*

*Всегда одной, всегда ленивой,
Мечтать о том, неисполнимом...*

*Смотреть на неба тёмный свод
И знать, что синий сон пройдёт...*

*Не раз упасть на камень твёрдый.
Просить ответные аккорды...*

*Искать в запаянном кольце
Несуществующую цель...*

*Томиться, ждать, ловить мгновенья,
И быть всегда, везде последней...*

15/ VIII, 1923

*Я помню – мы шли тогда по дороге,
И тёплый ветер нам слал привет.
Мы говорили о вере, о Боге.
И поняла я, что веры нет.*

*Мы говорили, что жизнь бесконечна,
Но жизнь не наша, а жизнь земли.
И было страшно пред бездной вечной,
И все желанья меркли вдали.*

*И мне хотелось сломить упорство,
Сломить иллюзии тяжких оков,
Разбить надежды печалью чёрствой,
Но не было власти, и силы, и слов...*

*Она шла рядом с улыбкой ясной,
В её лице я искала ответ.
Но поняла: яд тоски напрасной
На нём никогда не оставит след.*

*И я пьянела какой-то мукой,
Склонившись тихо к её плечу,
И чуть слышно сказала, сжимая руки:
«Довольно! Больше не хочу!»*

25/ VIII, 1923

ЖАЛОБА

*Все дороги искожены,
Все рассказы прослушаны,
На кого-то похожие,
Мои сказки разрушены...*

*Всё такое обычное,
Всё такое понятное,
Эти крыши кирпичные,
Эти стены дощатые.*

*Эти вечные жалобы
Утомлённого разума...
Ничего не желала бы,
Не искала напрасно бы...*

*Только сердце старается,
Сказка рано кончается...
Ах, ничто не изменится,
Ничего не меняется!*

27/ VIII, 1923

*Я закрыла тихо ставни
И огонь зажгла.
Чуть скрывая страх недавний,
Тихо села у стола.*

*Вечер был, как сон неясный –
Разве в первый раз?*

*И печалью безучастной
Трепетал вечерний час.*

*Где-то пели и молились,
Только – всё равно.
Тихо звуки доносились
Мне в раскрытое окно.*

*Бьенье сердца стало чаще,
Билась кровь сильнее!
Только вспомню – снова плачу,
Тяжело и горько мне.*

*Для чего так зло и больно
Оборвалась нить?
Разве этот стон невольный
Можно смехом заглушить?*

27/ VIII, 1923

УСПЕНИЕ

*Есть мечта, но я её не знаю...
Я молчу, своё окно открыв...
На дворе весёлый день играет,
Слышно пенье и слова молитв.*

*Я ловлю ласкающие миги,
Тихий шум замедленных шагов...
От страниц давно знакомой книги
Веет грустной нежностью стихов.*

*Я сама не знаю, что мне надо, -
Отчего такая пустота?
Редкий праздник серого Сфаята
Походил на будни, как всегда.*

*А кругом чего-то не хватало,
Будто жизнь тонула в пустоте...
Как в насмешку, «праздником» назвали
Этот скучный и обычный день.*

28/ VIII, 1923

СНЫ

*Бледные звёзды сверкали...
Я дрожала в лёгкой дремоте,
Лениво мысли молчали.
И было молчанье в природе,
И было молчанье в печали.*

*Я подняла ресницы,
Приподнялась на подушке.
В глазах мелькали страницы,
Сама я стала игрушкой,
И вокруг – одни небылицы.*

*Голова была, как пустая,
Становилось чего-то жалко...
Пронеслась крикливая стая...
Надо мною шептала гадалка,
Как жемчуг слова роняя.*

*Горела звезда Востока
На тёмно-синем просторе.
Вял душистый сирокко,
И, пенясь, шумело море,
Там, далеко...*

2/ IX, 1923

ТРИОЛЕТЫ

Посвящается Папе-Коле

*У скал синеокого моря
Холодные волны плескали,
И ветер на диком просторе
У скал синеокого моря
Рыдал в необъятной печали,
И острые камни молчали
У скал синеокого моря.*

*Сверкали солёные слёзы
И слышались стоны глухие,
На каменной глыбе утёса
Сверкали солёные слёзы.*

*И слышались песни морские,
И бились о камни немые,
Сверкая, солёные слёзы.*

*Ласкали песчаные косы
Игриво-шумящие волны,
И гребни, как белые розы,
Ласкали песчаные косы,
Нелепым томленьем полны,
И тёмные, шумные волны
Ласкали песчаные косы.*

*У скал синеокого моря
Сверкали солёные слёзы
И волны в таинственном горе
У скал синеокого моря
Ласкали песчаные косы...
И гордо молчали утёсы
У скал синеокого моря.*

2/ IX, 1923

*Мне осталось одно ожиданье –
Эта жгучая радость земли –
Всё смотреть, как сверкают в тумане
Убегающие корабли.*

*И тоскливо, порой предвечерней,
Не оглядываясь назад,
В даль глядеть, где узоры чертят
В море тонущие паруса.*

*Как на острове нелюдимом,
Жить мечтой о заветной дали,
Где, как ветер, проносятся мимо
Еле видимые корабли.*

3/ IX, 1923

*Я не верю в то, что после смерти
Будет жизнь, и радость, и покой,*

*Что и там года придётся мерить
Счастьем или дряхлою тоской.*

*Снова жить, и жить совсем без цели,
Знать, что вечным будет тихий день,
Что на это пресное веселье
Не опустится ночная тень.*

*Знать, что больше ничего не будет,
Что корабль – на тихом берегу!..
Нет, я верю в то, что не осудит
Смерть на эту страшную тоску.*

5/ IX, 1923

*Дай мне песен родины далёкой,
Неизвестной и несчастливой,
Чтобы не было так одиноко,
Так тоскливо и сиротливо.*

*Знаю что-то, похожее на жалость,
На неназванное желанье...
У меня от родины осталось
Только детское воспоминанье.*

*Страшно мне, что порвалась навеки
То, что нас соединяло прежде,
Что душа теперь уже калека
И не верит никакой надежде.*

*Дай мне песен родины далёкой,
Повесть жизни странной и чудной,
Чтобы не было так одиноко,
Так тоскливо и бесприютно.*

10/ IX, 1923

ДОМА

*На дырявом дощатом столике
Тетрадь небрежно лежит.
Там трапеций и треугольников
Непонятные чертежи.*

*Флаг цветной на окне колышется,
Свет и день за окном...
На стене, давно облупившейся,
Календарь, прибитый гвоздём.*

*На всём вялый след бездействия...
Полка с книгами разных сортов –
Обязательно путешествия
И маленький том стихов.*

*Здесь ничто не покажется новостью,
Надоело уж всё самой,
И тетрадь с неоконченной повестью,
И разбросанное письмо.*

*И вся эта жизнь однозвучная,
Как горький упрёк судьбе,
И сама я такая скучная,
Опостылевшая себе.*

11 / IX, 1923

СМЕРТЬ ГУМИЛЁВА

*Ужасный, страшный плен души,
Предсмертный, слабый крик...
Что в этот миг он пережил,
Что понял в этот миг?*

*Немой вопрос. Удар свинца.
Налитый кровью взор...
Судьбы, лукавой без конца,
Бесправный приговор.*

*Ему казался тесен мир,
Он сам себя не знал,
Он шёл на пир, на шумный пир,
И всё не попадал.*

*Полмира – песнь его стихов,
Пол жизни – ширь и даль,
Какой тоски, каких оков
Не сбросил он печаль!*

*Унижен, загнан и забыт,
Влача животный страх,
Среди насмешек и обид
Погиб в родных снегах...*

*Какой загадкой мир предстал
Пред ним в последний час?
Последний стон, ружейный залп,
И нить, что долго он вязал,
Навек перервалась...*

20 / IX, 1923

*Я попала в какой-то таинственный круг,
Из которого выхода нет.
Всё в сознание моём перепуталось вдруг
И смешалось в бессмысленный бред.*

*Всё, что было когда-то, бесследно ушло,
И одна я в ловце кругу.
Мне осталось лишь несколько стареньких слов,
А придумать других не могу.*

*Об одном лишь могу говорить и мечтать,
Даже мысли за круг не идут.
И сломать не могу роковую печать,
Перейти не могу за черту.*

*Всё о том же, о вечном томлюсь по ночам,
Под унылую песню сверчка.
И похожие дни монотонно звучат,
И в кругу меня водит тоска.*

21 / IX, 1923

*Было солнце и ласки лета,
То смицены, а то дерзки,
Начертили на сердце приметы
Непонятные арабески.*

*Их поддразнивал лёгкий ветер,
Море красило в голубое,*

*Как лучи, они в сердце светят
Неизведанной, сладкой болью.*

*Всё окрасилось цветом моря,
Всё ласкал бесшумный сирокко, -
И остались знаки, как горе,
Слишком яркие, слишком глубоки.*

*И теперь предосенний ветер,
Монотонный, сухой и резкий,
Не сотрёт ни за что на свете
Непонятные арабески.*

21/ IX, 1923

ИЗГНАНИЕ

*Я помню – это было в год ужасный,
В годину безотчётных бед,
Все были глухи, немые, безучастны
И слепо верили судьбе.*

*Вокруг нас море билось и шумело,
Возврата не было назад.
И надо мной, ребячески-несмелой,
Сплеталась первая гроза.*

*В каюте нашей, маленькой и тесной,
На верхней койке, у стены,
Я в первый раз увидела чудесно
Меня чарующие сны.*

*А подо мной, внизу, менялись люди,
Их разговор ловила я:
Никто тогда не знал, что с нами будет,
И где сойдём мы с корабля.*

*Любила я смотреть без слов, без цели
В иллюминатор предо мной,
Как море пенилось и зеленело
И отливало бирюзой.*

*И страх хватал, когда скрывался в море
Иллюминатор. И казалось мне,
Что прямо я смотрю на дно морское
И вижу солнце в глубине.*

*На палубу я редко выходила,
Мне было весело одной.
А море без границ казалось мне унылой
И утомительной тоской.*

*А время шло, и странно отражалась
На всех немая пустота –
И море по ночам зловеще грохотало
И с плачем билось о борта.*

*На палубу я вышла в тихий вечер
У тёмных скал Наварина.
Слегка ещё взметался свежий ветер
И билась ласково волна.*

*За бухтой спали выси гор ленивых,
Повисли скалы над водой,
И катера бесшумно и красиво
Боролись медленно с волной.*

*Французский флаг вился на тонкой мачте,
И любовалась я тогда,
Какой была красивой и прозрачной
Почти зелёная вода.*

*Когда же шторм над морем проносился,
И в бухте стало холодней,
И миноносец странно наклонился
И вдруг сорвался с якорей.*

*Когда всю ночь прожектор беспокойный
Скользил над тёмною водой –
Я в первый раз сказала: «Я довольна,
Я начинаю жизнь мечтой!»*

*И снова шёл в пустом открытом море
Едва заметный пароход,*

*Вокруг вздымались волны, словно горы,
И переливались через борт.*

*И показалась, наконец, в тумане
Полоска узкая земли.
Горел восток, и солнце в вихре пьяном
Всходило медленно вдали.*

*Какая-то мечта торжествовала
В крови высоких облаков.
Уж показался узкий вход канала
И очертанья берегов.*

*И волнорезы позади остались.
От моря поднимался пар.
И мимо шли, усталый взор лаская,
Дома и пальмовый бульвар.*

*Мне всё в тот день каким-то сном казалось
(Я много знала ярких снов),
Но жёлтый флаг на мачте развевался
У африканских берегов.*

*И потянулись снова дни и ночи
В тоске, бездействии и сне,
И вечер опускался, будто коршун,
К бесшумно плещущей волне.*

*Казалось, этот сон бесследно пронесётся –
Вокруг молчала тишина.
Вдали, из серой стали броненосца
Всходила медная луна.*

*И маяки – зелёный, красный, синий
Бросали длинный луч воде –
Переливаясь ярко и красиво,
Как звёзды с ёлочных ветвей.*

*Уже манила страстно, безотчётно
К себе далёкая земля,
И скучно проходили дни без счёта
В пустынных трюмах корабля.*

*Но тихого и бешеного моря
Уж я любила грустный шум, -
Он навевал в часы глухого горя
Напевы безотчётных дум.*

*И блеск волны, и свежая прохлада
Во мне всегда тоской звучат...
Я поняла, что ничего не надо,
Что стон волны – моя душа.*

23/ IX, 1923

*Подняла ленивые глаза,
Посмотрела пристально и вяло,
Провела рукой по волосам
И в ответ ни слова не сказала.*

*И молчанье было без конца,
Хоть в душе давно слова звучали,
И улыбка бледного лица
Не сказала о моей печали.*

*Это было в тот последний час,
О котором долго буду помнить,
И возникнет в памяти не раз
Тёмный силуэт каменоломни.*

*Мир казался грозен и жесток
От бесславной и бескрылой муки.
Я старалась спрятать под платок
Странно-холодеющие руки.*

28/ IX, 1923

*В ночь, когда кишат дороги жабами
И на камни выползают гады, –
В эти ночи раздавались жалобы,
Слышалось бессильное: «Не надо!»*

*И пока в дупле хохочут филины
И смеются робкие шакалы, –*

*Жизни медленной и обессиленной
Песня недопетая звучала.*

*И когда поля трещат цикадами
И бесшумен взлёт летучей мыши, –
Я опять промолвила: «Не надо мне,
Всё равно не вижу и не слышу».*

28/ IX, 1923

*Мне третью ночь одно и то же снится:
Какой-то сад в безлюдной тишине,
Где два крыла огромной чёрной птицы
Сметают пыль с безжизненных камней.
И что-то страшное, гнетущее, больное,
Как смутный бред измученной души,
И чьё-то имя, холодно-чужое,
И странно-близкое во всём звучит.*

*И первой муки медленная сила,
И радостная боль немой тоски,
Как будто смерти нежной и красивой
Прикосновенье женственной руки.*

30/ IX, 1923

*Я скажу тебе совсем немного
Запылённых и обычных фраз...
От туманной, вьющейся дороги
Не могу поднять усталых глаз.*

*А вокруг – неясная тревога,
Будто бьёт последний, жуткий час.*

*Я хочу. Боюсь назвать желанье.
Я хочу. Пусть всё – самообман.
Жизнь моя мне будет ожиданьем
И тоской едва заметных ран.
И тебе я в сказке без названья
Расскажу, как холоден туман.*

*Если ты напевы грустной песни
Очерствелою душой поймёшь –
Ты поймёшь, что эта грусть прелестней,
Чем тебя пленяющая ложь.
И о том, что только мысль чудесна,
Ты тогда узнаешь и поймёшь.*

*Я тебе скажу совсем немного,
Что пустая радость не для нас,
Что обманет долгожданный час,
Что и жизнь окончится до срока,
Что теперь на белую дорогу
Поднимать не надо грустных глаз.*

4/ X, 1923

НАД МОРЕМ

*Чуть слышный горький запах моря,
Солёный ветер щёки жжёт,
На дымно-голубом просторе
Дымится серый пароход.*

*Тяжёлый, шумный гул прибоя,
Блужданье чаек над волной,
И небо ярко-голубое
Над дымчатою бирюзой.*

*Какой-то сон несётся мимо
И возвращается назад,
И красотой неуяснимой
Слепит горящие глаза.*

6/ X, 1923

*Новый месяц тонкою подковою
Встал над синей дымкой гор,
Там, где небо розово-лиловое
Вышивало красками узор.*

*А над морем небо блещет золотом,
Сказкой новою манит,*

*И вчера вошедшего дредноута
Блещут яркие огни.*

*И над чёрной, спящею долиною
Временами искрится костёр,
И темны во мраке, еле видные,
Очертанья дальних гор.*

*Этот вечер, тихий и единственный,
Как последняя весна, -
Помоги ж моей тоске таинственной.
Примирающая тишина!*

11/ X, 1923

*Я не умею жить. Года идут,
И страшно мне душевное молчанье.
Крылатая мечта пустых минут
Мне кажется несбыточным желаньем.*

*Мне делать нечего. Ленивый час
Проходит, как тоскующая вечность.
И ощутила я не в первый раз
Во всём бессмысленность и бесконечность.*

*Хочу себе представить жизнь мою –
И вижу в даль бегущие мгновенья,
Глухих желаний робкую струю,
Бездействие, тоску и отвращенье.*

*Дни, как лазурь, бездонны и пусты,
И жизнь умрёт в бессмысленном страданье,
Как умерли осенние цветы,
Как умирают чувства и желанья.*

*А вечер так же будет свят и тих,
И ночь такой же будет многозвучной...
Мне кажется, что некуда идти,
И я сама не знаю, что мне нужно.*

11/ X, 1923

I

*Я свою жизнь разлюбила,
Мечта не придёт назад...
С какой я тревогой ловила
Ваш тёмно-синий взгляд!*

*Не знаю: любила ли крепко
Или ненавидела вас –
Только злоба в обиде цепкой,
Кажется, навсегда пронеслась.*

*Моя мысль уже неслась к Парижу,
А кругом такая тоска,
И я никогда не увижу
Синего воротника.*

II

*Нет у меня ничего,
Ни песен, ни доброго слова.
Я разлюбила его,
Но снова любить готова.*

*Страшно и жутко мне,
Опять брожу, как в дурмане,
И стало ещё больней
Теперь его невниманье.*

3/ IX, 1923

*Мне в тридцать пятом номере «Звена»,
Вчера полученного нами,
В глаза страница бросилась одна
С моими робкими стихами.*

*Я в первый раз прочла свои слова
И ощутила горькую утрату:
Зачем, зачем другим я отдала,
Что мне одной лишь было надо?*

6/ X, 1923

*Каждый день кончается болью,
Странной хандрой и скукой,
Думой о синеглазом Коле,
И о вечной горькой разлуке.*

*И о том, что меня не любил он,
Иль его не смогла удержать я,
Или время переменяло
Его долгое рукопожатье.*

*Теперь он уехал в Париж,
Или уедет скоро.
Во мне уже мёртвая тишь,
Я только боюсь разговоров.
Не хочу рассуждений о нём,
Не хочу, чтоб его упрекали...
А шумное время потом
Загладит мои печали.*

6/ X, 1923

ОКТЯБРЬСКОЕ УТРО

*Ни дождя, ни ветра, ни тумана,
Утро – будто личико ребёнка,
Лишь жужжание аэроплана
Тонкий воздух прорезает звонко.*

*Озеро спокойно и красиво,
Очертанья гор – ясней и ярче,
В бухте, на дредноуте массивном
Даже виден пёстрый флаг на мачте.*

*Катера бесшумно прорезают
Голубые, шёлковые воды,
Под сияющими небесами,
Как изгрушечные, пароходы.*

*Что-то в ярком небе пробудилось,
Облако плывёт, как белый лебедь...
И не знаешь, что в чём отразилось –
Небо в море или море в небе.*

*Воздух ясен и прозрачно-тонок,
Море отливает бирюзою,
И покрылись выжженные склоны
Первой зеленеющей травой.*

12/ X, 1923

*Набрела на тихий, белый скит,
На покой неожиданно набрела.
Как виденья гаснувшей тоски,
В небе рисовались купола.*

*Иглы ёлок устилали пни,
Проползла улыбка на губах...
«Кто там ждёт и верит, отомкни,
Отмкни свой терем-саркофаг!»*

*Здесь от бурь и холода покой,
Здесь печаль без песен и без слов.
И раскрылась дверь сама собой
Под далёкий звон колоколов.*

*И в бездонность яркую манит,
И влечёт в какой-то мощный сон
Этот белый, одинокий скит,
Этот однозвучный перезвон.
Так душа блуждает по ночам,
Так покоя ищет в забытье,
По глухим, неведомым скитам,
У холодных стен монастырей.*

13/ X, 1923

*Вокруг – мучительная тишь...
Смотрю на небо бледной осени,
На выступы соседней крыши,
На зелень траурную сосен.*

*Там, за окном, тоска и лень,
А у меня – загадка давняя.
И медленно блуждают тени,
И ветер прикрывает ставни.*

14/ X, 1923

ДОН-ЖУАН

*Сонны зданья тёмного Мадрида,
В лунном призраке – обман.
В парке, на скамье, тоской убитый,
Сын столетий – Дон-Жуан.*

*Веем безотчётное страданье
В жуткой бледности лица,
А в глазах – усталое блужданье,
Без начала и конца.*

*Шепчут струи белого фонтана,
Пахнут пряные цветы.
Тёмная фигура Дон-Жуана
Раздвигает гибкие кусты.*

*Он цветов задумчивых касался
Злым движением руки,
И сжимали судорожно пальцы
Увядающие лепестки.*

*В них скрывалась горькая обида
В том, что было и цвело.
По туманным улицам Мадрида
Позабывшее прошло.*

*Плотны зацелованные губы,
Брови сжаты ломаной чертой,
Тонкий профиль, сумрачный и грубый,
Веем жуткой немотой.*

*Он склонился к белому фонтану
В тёмной глубине аллеи,
Где любил он видеть Донну-Анну,
Где любил мечтать о ней.*

*В пьяном, как вино, благоуханье,
В монотонной песне струй
Слышит он последнее прощанье
И последний поцелуй.*

Гордый блеск блуждающего взора,
Горькая усмешка на губах...
Каменной улыбки командора
Вспомнил он злоеющий страх.

Тихий ропот белого фонтана...
Что-то шепчущая темнота...
Где теперь ты, где ты, Донна-Анна,
Отлетевшая мечта?

Тонкий месяц, молодой и стройный,
Над старинным замком встал.
Дон-Жуан, бессмертный, беспокойный,
Не нашедший идеал.

Неба потемневшего завеса
Отражала белые цветы.
Образ милой, ласковой Инессы
Выплывал из темноты.

Страстные, призывные объятья,
Предназначенность пути.
Грубо зацелованного счастья
Не вернуть и не найти.

Вечный бред бессмертного скитальца,
Вечное исканье красоты...
Нервно-шевелиющиеся пальцы
Мяли белые цветы.

Билась в нём назойливая мука,
Хмурилась упрямо бровь...
Поцелуи, женственные руки.
Быстро проходящая любовь.

И прошли года, прошли столетья.
Та же ночь и та же тишь...
Дон-Жуан, ты можешь ли ответить?
Дон-Жуан, молчишь?

Он молчит, не даст ответа,
Он, кто верил и искал...

*Дон-Жуан, бессмертный и воспетый,
Не нашедший идеал.*

16/ X, 1923

*Всенощная шла в пустом бараке,
Силуэты в сумраке окна...
Тонкий свет, недвижный и неяркий,
На дорогу пролила луна.*

*Доносилось медленное пенье,
Как всегда звучащее тоской.
Были ярки белые каменья
Под холодной, скользкою луной.*

*Тишина, о чём-то вспоминая,
Потонула в лунной глубине.
Отчего – я и сама не знаю –
Стало грустно и тоскливо мне?*

20/ X, 1923

*Опять мне грустно и опять мне жаль
Каких-то дней затерянные миги.
Красивая, бессильная печаль
Блуждает на листах раскрытой книги.*

*Я закрываю медленно глаза,
Мне стало душно, стало как-то тесно,
В полубреду я слышу голоса:
То плачет ветер, плачут чьи-то песни.*

*Мне скучно и мучительно одной,
В глухой, ещё не названной тревоге.
Я открываю дверь и под луной
Сверкают ярко белые дороги.*

*Упал прозрачно-тонкий свет луны
На белые облупленные стены,
А на столе – печальны и нежны,
Красиво увядают цикломены.*

Неясная, нетронутая грусть
Упала на недвижные ресницы.
Я тихо повторяла наизусть
Стихов любимых быстрые страницы.

Передо мной раскрытая тетрадь...
А за стеной тоскливо плачет ветер.
Закрыв глаза, я молча стала ждать,
Чего-то ждать, во что-то тайно верить.

21/ X, 1923

Я хочу быть мечтою,
Быть одной в целом свете,
Загореться с зарёю
И с зарёй догореть.

Быть мгновенною грёзой,
Быть свободной, как ветер.
На заре бледно-розовой
Не желать и не верить.

Но, сверкнув неумело,
Вдруг померкнули крылья.
И во мглу отлетела я,
В тихий омут бессилья!

И коснулась случайно
Солнце синего платья...
Не жалею, что нечаянно
Я сгорела в закате.

23/ X, 1923

Из былей, небылиц и снов
Вечер сплетал игру,
И были тусклы и темны
Свечи в сумраке окна,
Звучала ночь, звучала даль,
Тучи таяли, как сны.

Плеча коснулся моего
Луч, скользящий на стене.

25/ X, 1923

Было, пело, уходило
В золотом полубреду.
Что-то тихо и уныло
Уплывало в пустоту.

Солнце, солнце, луч заката
Над недвижной дымкой гор...
Вечер тихий и крылатый
Крылья в небе распростёр.

Было, билось, отцветало,
За моей стеной молчит...
Солнце в небе разбросало
Ярко-красные лучи.

Солнце, небо, луч извивый,
Ускользающий во тьму.
Сердце тихо, боязливо
Повинуется уму.

Ум какой-то цепью сдавлен,
Сонно шевелится мгла...
Сквозь притворенные ставни
Ночь пришла и унесла...

26/ X, 1923

МАМОЧКЕ

Смотри на закатные полосы,
На землю в красной пыли.
Смотри, как колеблет волосы
Ветер чужой земли.

Как сосны вершинами хвойными
Кольшут вихри лучей,
Смотри, как лучи беспокойные
Горят на твоём плече.

В недвижимом седеющем воздухе
Закат разлил красоту.

*Смотри, как арабы на осликах
В закатную даль идут.*

*Смотри, как маслины дуплистые
Не могут ветвей поднять,
Как искрится золотистая
Волос твоих светлая прядь.*

*И небо пурпурово-красное
Горит на краю земли,
И что-то хорошее, ясное
Клубится в красной пыли.*

28/ X, 1923

*Нет, не кровь в сиянии заката,
А густое, пьяное вино.
Веет предвечерняя прохлада,
И в моё открытое окно
Тихо льётся воздух розоватый.*

*Нет, не страшная, бессмысленная тайна
Красным флагом жжёт издалика!
Медленно теряют очертанья
С золотым обрезаом облака.
Жизнь звучит в каком-то вихре пьяном,
Странно-безотчётна и легка.*

*Нет, не кровь, не смерть и не проклятье,
В ярком догоранье – тишина.
Не могу холодных глаз поднять я,
Огненным закатом сожжена.
Тонкий луч играет в складках платья
И дорога белая ясна.*

29/ X, 1923

*День прошёл, в Сфаяте стало тише,
Всё укрылось в сон и тишину.
Черепица щёлкает на крыше,
Рыжий Чарли смотрит на луну.*

*А луна встаёт из-за Кебира,
Как большой кроваво-медный щит,
Будто страшный глаз следит за миром
И пускает по морю лучи.*

*Провода на чёрном небе стонут.
Люди спят под сводом красных крыш.
Может быть, приснились миллионы
Тем, кто собирается в Париж.*

*Или ветер жалобно принёс им
Грубый свист фабричного гудка.
Мокрая, заплаканная осень
Смотрит из-под серого платка.*

*Больше нет минувшего простора.
На шоссе не слышно голосов.
Плачущая осень распростёрла
Над Сфаятом сумрачный покров.*

*Медленные, гаснувшие миги,
Дрожь и холод плотно-сжатых рук...
На столе письмо, тетради, книги
И от лампы неподвижный круг.*

*Что? Зачем? Я знаю слишком мало.
Что ж, пора отдаться тишине,
С головой укрыться одеялом
И неловко вздрагивать во сне.*

*Страшно мне и грустно в этом мраке,
Сонный мир я не могу понять.
Всюду вопросительные знаки
Дразнят испытующе меня.*

*И в простой, неназванной печали
Бьенье сердца режет тишину...
Мимо пробежал мохнатый Чарли,
Потерявший в облаках луну.*

31/ X, 1923

*Довольно! Нет ни силы, ни желанья,
Пусть всё пройдёт, как бред.
Пусть не вернуть душевных содроганий
Легко минувших лет –
Ведь больше нет наивных оправданий
И смысла больше нет.*

*Я не хочу, сама себя боюсь,
Меня гнетёт каких-то сил избыток,
Ворвавшегося воздуха струю
Ловлю я, как живительный напиток.*

*А ветер, скрытым ужасом объятый,
Среди бараков мокрого Сфаята
Рассказывает длинные баллады...*

*И медленно дурманит тихий сон...
Стихи слагаются, как стон...*

Не надо!

1 / XI, 1923

*Пусть страшным бременем идут года
И давит непосильная невзгода,
Ведь ум и сердце знают, что всегда
Стремится к равновесию природа.*

*Что нет обид и прихотей судьбы,
Несчастных нет, неравной нет борьбы,
И яркий день возьмут ночные тени,*

*Что смех всегда теряется в слезах,
Что жизнь и смерть – две чаши на весах,
И вечность будет примиреньем!*

1 / X, 1923

*Я слышу, как во мне звучит струна
И сердце ждёт, готовое раскрыться.*

*Легла печаль на сонные ресницы,
Зловеще затихает тишина.*

*Я жду. Пусть даль туманна и темна,
Недаром сердце стало чаще биться,
Недаром мыслей белые страницы
Неясные покрыли письмамена.*

*Дыханье всё беззвучней и короче,
Я слышу, как растёт могучий звук.
Час настаёт, мне всё его пророчит:*

*Бесцельный взгляд и холод сжатых рук,
И сердца, кинутого в омут ночи,
Учащенный и беспокойный стук.*

3/ X, 1923

КЭР-ИС

(Бретонская легенда)

*В седой Арморике, где веший океан
Шумит, как отдалённый гул сраженья,
Где утром зарываются в туман
Валы старинных укреплений,
Где чайки грустно стонут над водой,
И в море паруса скользят без счёта, -
Там город был, великий, как герой,
Увенчанный победой и почётом.*

*У ног Кэр-Иса, у высоких стен,
Шумел прибой волны игривой.
Был стар годами, дряхл и сед
Король Граллон благочестивый.*

*Был другом короля великий Гвенноле,
Святой посланник Ватикана,
Им первый монастырь основан на скале,
Над ликом бога-океана.*

*И в скудной позолоте солнечных лучей
Страна цвела, как день весенний,*

*Под символом креста и рыцарских мечей,
Под шум пиров и шум сражений.*

*От океана город отделял
Большой канал, обложенный камнями,
И потайная дверь вела в канал
Из замка тайными путями.*

*Бог-океан, свирепый, как гроза,
Ревел и ждал за потаённой дверью -
Так в клетке хищные томятся звери,
Вращая беспокойные глаза.*

*Тяжёлые ключи Граллон носил
На шее, вместе с золотым распятьем.
И годы шли. И был весёлый пир.
Король сидел в парадном платье.*

*Пел трубадур об избранной своей,
Старались превзойти себя жонглёры,
О славных подвигах и о святой земле
Шумели боевые разговоры.*

*Когда же перестал звенеть бокал,
И позабылась бранная тревога,
С спокойной совестью и с твёрдой верой в Бога
Граллон усталый задремал.*

*Играли три весёлые луча
На красной мантии, в счастливой неге,
И кудри белые струились по плечам,
Белее утреннего снега.*

*Он спал. К нему неслышно подошла
Вся в белом женщина и обняла за шеею,
И с шеи цепь тяжёлую сняла
И ключ заветный вместе с нею.*

*Коварная Дагю, единственная дочь,
Ушла на гулкий шум приборя,
Чтобы впустить, когда наступит ночь,
Любовника в свои покои.*

*Того, чьи речи тихою струёй
Прозрачного ручья текли ей в уши,
Кому дала и волю, и покой,
И сделалась его рабой послушной.*

*Она открыла потайную дверь,
И океан, великий и воспетый,
Ворвался в город, будто дикий зверь,
Увенчанный последнею победой.*

*Кэр-Ис погиб. На дне глухих морей
Увял цветущий берег счастья,
И над пучиной старый Гвенноле
Шептал злоеущие проклятья.*

*Один лесник видал, как дикий конь
В воде погибшего Граллона,
Могучий, как гроза, и быстрый, как огонь,
Промчался в ночь, в ночные стоны.*

*А там, где в брызгах пен чернеется утёс,
Там, на груди у бога-океана,
Коварная, красивая Моргана
Расчёсывает золото волос.*

*Она поёт, но голос мукой полн,
Звучит сиреной в тающем тумане,
И песня, будто плеск тяжёлых волн,
Грустна, протяжна и печальна.*

*Прошли столетья. И теперь в тоске
Рыбак, затерянный в глухой Бретани,
Остатки башни видит на песке
В часы отлива бога-океана.*

*Когда же над морями бури стонут,
Он слышит, безысходным страхом полн,
Глухие, колокольные трезвоны
В седой пучине разъярённых волн.*

5/ X, 1923

ИЗ ДНЕВНИКА

*Гремит и гулко прорезает ночь
И в облаках так медленно грохочет.
Как быть? Что делать? Чем теперь помочь,
Когда рассудок больше не поможет?*

*Тетрадь я раскрываю в тишине,
Но песенка весёлая пропета,
Да прежних слов уж и не надо мне,
Как и не надо прожитого лета.*

*По крыше слышен монотонный стук,
И бьётся дождь мне в тоненькие стены.
Весь вечер будет мучить этот звук,
Он никогда не станет колыбельной.*

*Дождя и ветра однозвучный шум,
Как будто гул седого океана.
О, как тоскливо в дождевом тумане!
Не слышно даже дум, заветных дум...*

*Пусть будет всё: усталость, нищета
Там, далеко, в загадочном Париже,
Ни этот шум, ни эта пустота,
Ни шум дождя на черепичной крыше!*

*Я вижу, как во мгле растёт тревога,
Я слышу дрожь до боли сжатых рук,
И бульканье воды у низкого порога –
Такой назойливый, по нервам бьющий звук.*

7/ XI, 1923

*Всё отстанет, всё устанет, отойдёт...
Слышен тихий шёпот за стеной.
Шумный ветер ставни с петель рвёт,
Осень смотрит в тёмное окно.*

*И в мозгу сверлит, сверлит, сверлит,
Как назойливый и страшный винт,*

Что отравя пьяная земли
Завлечёт в лукавый лабиринт.

Тот же шёпот, тот же ропот за стеной.
Сумрак и молчанье – у меня.
Прошлого закатом сожжено.
О, не тронь застывшего огня!

11 / XI, 1923

ЗАКАТ

Не люблю только час пред закатом
А.Ахматова

Поднималась жгучая тревога
В золотой пыли.
Стук шагов по каменной дороге
Замирал вдали.

Не было ни счастья, ни утраты,
Пусто и легко.
Догорал скользящий луч заката
Где-то далеко.

Лился в душу острыми лучами
Звонко-красный час.
Что твердило новыми словами,
Было только раз.

День горит, он никому не нужен,
И его не жаль.
Пустотой мне захлестнуло душу
Пламенная даль.

На глазах давно остыли слёзы,
Бури позади.
Мимо тёмной зелени мимозы
Лучше не идти.

Под платком не вздрагивают плечи,
Луч в изломе губ.
Шорох дня и огненные свечи
Я не берегу.

*Пусть сгорят, мне ничего не надо,
Даль тиха, ясна.
Чаша больно-жгущего заката
Выпита до дна.*

11/ XI, 1923

КАРТИНКА СФАЯТА

*Слышатся редкие звуки рояля,
Детские руки играют гаммы.
Осень туманная небо печалит,
Ветер в оконную бьётся раму.*

*Вижу – Герасимов возится с шиной.
Быстро мелькает костюм арабский.
Стук нескончаемой швейной машины
Кажется долгою песнею рабской...*

*Ветер лениво качает маслину.
Мимо окошка мелькают лица.
В тонкой тетрадке упрямый синус
Хочет быть больше единицы.*

*Лезет на дерево чёрная кошка.
Мимо проносятся силуэты.
Солнце мне глупо смеётся в окошко.
Жадно сверлит глаза тангенс бета.*

*Западный ветер несёт непогоду.
В дверь заглянула собачья морда.
Слышен трескучий звонок на воду –
Загрохотали в Сфаяте вёдра.*

*Перечеркнувши упрямый синус,
Слышу, шипит аппетитно примус,
Но над таблицами логорифмов
Самые звонкие вьются рифмы.*

*Тихо доносится шелест сосен.
Мимо проходят с вёдрами люди...
Всё это тянется третьей осенью...
Долго ль последняя осень будет?*

13/ XI, 1923

На перекрёстке ветер
Режет глаза.
Кое-где звёзды светят
По небесам.

Каменная дорога
Вьётся змеей.
Бьётся глухой тревогой
Сердце моё.

Серая ночь легка мне.
Тихо кругом.
Сыплются звонко камни
Под башмаком.

Сердце как будто сжато
Сном забытья.
Руки в карман бушлата
Спрятала я.

В душу упал слезами
Только закат.
Скрашенные мечтами,
Дни пролетят.

Редкими огоньками
Светит Сфаят.

13/ XI, 1923

В закате что-то есть неуловимое,
Неясное, глухое и печальное.
И не могу пройти спокойно мимо я,
Когда в огне пылают горы дальние.

Есть скрытый смысл в строках стихотворения,
Что в сердце стонет золотыми струнами.
Так нежно пели только дни весенние,
Так грустно стонут только ночи лунные.

*Коль у мечты о счастье крылья связаны,
Так нежно думать думы безответные.
Та боль легка, которая не сказана,
Красива песня только недопетая.*

15/ XI, 1923

У МОРЯ

*В тёмный час, когда ветер шумит
И на крыше стучит черепица,
И назойливо ставни скрипят, -
В этот пасмурный час
Мне припомнилось жаркое лето,
Берег моря, сыпучие дюны,
Камни серых пещер,
Шум прибоя и мокрый песок.*

*Сверкает ярко шёлковое небо,
Журчит волна, взбегая на песок,
И тихо щекоча босые ноги,
Мне щёки жжёт солёный ветер с моря.
А золотой песок солёным слоем
Заносит бронзу обнажённых плеч
И тёмных рук, раскинутых лениво.
Простая шапка закрывает лоб,
И волосы упрямой мокрой прядью
Упали на солёное плечо.
И жалит солнце острыми лучами,
Окрашивая всё лицо и плечи
Густою тенью тёмного загара.
Я опускаю медленно ресницы,
И шум волны сливается с дремотой,
Ленивой, как сама волна.
Мне волосы колышет тёплый ветер
И обдувает мокрое лицо,
Как опахалом. А далёко,
А, может быть, и близко, голоса
Звучат весёлым смехом серебристым.
Иль то волна взбегает на песок,
Или песок засыпался мне в уши
И шепчет песни счастья и тоски.*

Я в стороне от всех. Мне как-то грустно,
Но эту грусть, единственную в мире,
Там, только там, на золотом песке
Мне приносил солёный ветер с моря.
Я думаю – о чём, сама не знаю,
Но только эти светлые мечты,
Наверно, мне нашептывали волны.
И кажется, что всё, что было раньше,
Всё дорогое, всё, что я любила,
Всё стало голубым, как это море,
И золотым, как дюны и песок...
Дремлю, и мысли легче облаков,
Так непривычно и немножко грустно.
Вдруг кто-то дёргает меня за руку
И слышу голос над собой: «Ирина,
Вставай! Ты знаешь – спать под солнцем
вредно!»

Смеётся кто-то громко надо мною
И тянет загорелая рука.
Песок пристал к костюму толстым слоем,
Забился в уши, волосы, и громко
Похрустывает на зубах.
Иду, едва передвигая ноги
И поправляя волосы и шапку,
И вот опять упала на песок,
Совсем сухой под яркими лучами.
Ленивые, весёлые слова,
Какие носит только ветер с моря,
Роняю, как волна роняет брызги.
И снова мне легко, и снова грустно,
И закрываю я глаза, но в шапку
Мне кто-то бросил сверху горсть песку.
Откуда-то взялась колода карт,
Засаленных и рваных, где шестёрка
С успехом заменяет даму треф.
И красненький батистовый платочек
Сейчас же был разложен на песке,
Чтобы хороших карт никто не прятал.
Пошла игра. Порхают быстро карты
И весело хрустит песок на пальцах
И на плечах. А из-под белой шапки

Упрямо лезут волосы на лоб.
Направо – сонные, ленивые движенья,
Полузакрытые глаза, и руки
Темнее рук араба, а напротив
Движенья быстрых загорелых рук
И тёмные, смеющиеся лица.
Вот девочка с весёлыми глазами
И косами, солёными от волн,
Всех козырей поспешно отбирает
И зарывает их в песок.

Её поймали,
И звонкий смех смешался с смехом волн.
Смеялось всё: смеялось море, солнце,
И золотой песок, и яркий полдень,
И купол неба ярко-голубого,
И тёмная прохлада острых скал.

Идём купаться. С шумом плещут волны
И обдают прохладой мелких брызг.
Солёное, ещё сухое тело,
Сожжённое горячими лучами.
Ещё минута – и вокруг меня
Встают, как будто водяные горы,
Шумит на них растрёпанная пена
И волны отливают бирюзой,
Играя под горячим синим небом
И ослепительно палящим солнцем.
Бороться с ними больше не могу.
И вот большая встречная волна
Меня весёлым рёвом оглушила
И опрокинула.

Солёная вода
Влилась мне в уши, в рот,
вздохнуть нет мочи,
И на колени встав на мелком дне,
В пяти шагах от берега, напрасно
Стараюсь приподняться:

сзади волны
Бегут и опрокидывают снова.
И, наконец, закрыв лицо рукой,
С трудом я встала над пучиной водной,

Хочу идти и не могу:

волна

Срывает с ног. Обидно и смешно мне.

Коса тяжёлой, мокрой прядью

Упала на плечо, а шапка

Качается на белых гребнях волн.

Усталая, бросаюсь на песок я,

Солёную распутывая косу.

И слышу над собой знакомый голос:

«Купаться больше не ходи, Ирина,

Устанешь только...»

Над морем вьётся тоненький дымок,

А скоро в голубой, заветной дали

Чуть показался контур парохода,

А там, где в море врезалась коса,

Там, где маяк стоит, как призрак белый,

Узор чертит случайный, белый парус,

Как будто облако в лазури неба,

Как будто в заводи прекрасный лебедь,

Как будто мысль в мучительном блужданье.

Но вот размеренней и тише стали волны.

Вершины гор почти коснулись солнца

И потянул чуть слышный ветерок.

Пора домой. Свернув под шапкой косу,

Иду за холм скорее одеваться.

Солёное как бы пылает тело

И уж пугает краснота и яркость

До боли обожжённых рук и плеч.

Мне хорошо и грустно. Я с собой

Несу в Сфаят суровый ропот волн,

Прикосновение морского ветра

И молодую грусть. Но эту грусть

Не променяла б ни на что на свете.

Теперь не то.

Шумит осенний ветер.

И скрипят надоедливо ставни...

Шум дождя за туманным окошком

Мне напомнил горячее лето,

Шум прибоя и ветер морской.

Это всё, что осталось

*От песка и от тени загара,
И от яркого, знойного солнца.*

16/ XI, 1923

*Там, над каналом, видно из Сафята –
Засыпаны алмазами огней,
Сверкают ярко-тёмные громады
Вчера вошедших кораблей.*

*Как много яркости, как много света,
Мигающих, сигнальных огоньков!
Как тусклы редкие огни Бизерты,
Как бледны звёзды маяков.*

*Темно в Сфаяте. Через ставни кисло
Роняют окна бледные лучи.
Седая ночь над крышами повисла,
На облаках колдует и молчит.*

*Здесь вечный бред. Здесь жизни слишком мало.
И в сердце мало солнечных лучей.
Невольнo смотришь в сторону канала,
На блеск случайных кораблей.*

*Ревёт во мгле тревожная сирена,
Скользит прожектор по воде.
Ненастный дождь лениво бьётся в стены...
Глухая злоба бродит в темноте...*

21/ XI, 1923

*Всё писем жду, а писем нет,
И дни почтовые так редки.
Сквозь пыль струится тусклый свет
В законопаченную клетку.*

*Здесь, в этой клетке, вянут дни,
Как нерасцветшие бутоны,
Дрожат вечерние огни,
Дрожат закатные трезвоны.*

*А я покорно жду весны.
Когда весёлый луч весенний
Скользнёт с небесной глубины
На облупившиеся стены.*

*Всё жду весёлых дней, когда
Без тени злобы и упрёка
Американский карандаш
Напишет солнечные строки.*

*Но нет ни писем, ни весны.
И дни идут, идут мгновенья...
А мне взамен всего даны
Звонящие стихотворенья.*

*На этом письменном столе,
Покрытом тёмным одеялом,
Не раз в сырой, осенней мгле
Я строки робкие писала.*

*Пространство, время, жизнь мою
Я рифмой меряю крылатой,
И медленно, по капле пью,
Как чашу горького заката.*

*Печально стонут вечера,
Минуты холодны и немые,
Сегодня – то же, что вчера –
Латынь, стихи и теоремы.*

*И в тесной клетке, как в скиту,
Из часа в час переползаю,
Жду писем, солнца, жизни жду,
И дней погибших не считаю.*

23/ XI, 1923

*Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи.
А.Блок*

*Ведь молодость, как утро воскресенья,
Как отблеск счастья, как пьяное вино.
И пусть мечта, как шум и блеск весенний,
Ворвётся шумно в раскрытое окно.*

*Пусть моя, надломлена, увянет,
Хмельное солнце, поблекнув, догорит.
Настанет время и для покаянья,
Настанет время – душа заговорит.*

*Ещё не раз под тень епитрахили
Забьётся совесть и заблестит слезой,
Горячий лоб ещё коснётся пыли,
И тронут губы оправу образов.*

*Настанет хмель последнего экстаза,
И в полумраке, не плача ни о чём,
У тёмных позолот иконостаса
Проснётся совесть и загорит свечой.*

24/ XI, 1923

*Коснувшись головой дверного косяка,
Я вглядываюсь в бледный вечер.
Под тёплой шерстью серого платка
Неровно вздрагивают плечи.*

*Седая темнота на низких облаках
Размерней дышит и тревожней.
Глухая дрожь в опущенных руках
Напоминает о возможном.*

*И этот вечер странно бледен и могуч,
А там, на каменной дороге,
Играет с облаков скользнувший луч
И поднимается тревога...*

*Собачий лай разносится в тиши,
Бледнее свет на красной крыше,
И тихие слова раскрывшейся души
Всё безнадежнее и тише.*

25/ XI, 1923

ПОРТРЕТ

*Ревматизмом согнутые пальцы,
В омертвелом взоре – пустота,
Сжатых губ, уставших улыбаться,
Тонкая, упрямая черта.*

*Над бровями старческие складки
И волос спадающая прядь:
Роковые, страшные загадки
Всё равно теперь не разгадать.*

*Как на дне глубокого колодца,
Холодно, и сыро, и темно.
Временами мелкий дождик бьётся
В тёмное, немытое окно.*

*Прежних слов, что струнами звучали,
Бодрости и веры больше нет.
За угрюмо сжатыми плечами
Пустота в туман ушедших лет.*

*Мыслей не распутанных обрезки,
Холод незаполненных страниц.
Пустота и жуткость в тусклом блеске
За вуалью спутанных ресниц.*

*Некрасиво стянутое платье,
Под глазами след недавних слёз,
Странный блеск играющих в закате,
Равнодушно собранных волос.*

*Больше нет ни силы, ни желанья,
Даже солнце в окна не глядит.
И сознание, жуткое сознание,
Что его не будет впереди.*

28/ XI, 1923

ВЕЧЕРОМ

*По шоссе струятся тени,
Над каналом – фонари,
Ярко прорезают темень
Два огня из Пешери.*

*Тихо и мертво в Сфаяте,
Улеглась дневная пыль,
Мутно на озёрной глади
Отражается Феррвиль.*

*А вдали, над морем, низко,
У изгибов тёмных гор
Светит одинокой искрой
Догорающий костёр.*

*Тёмно-серые маслины,
В даль манящий огонёк,
Резкий ветер из долины,
С плеч срывающий платок.*

*Так же грустно было раньше
(Но когда? Когда?)
Только больше не обманешь,
Тишина и темнота.*

28/ XI, 1923

17 НОЯБРЯ 1919 г.

*Метель крутила мокрый снег,
Туман окутал цепь вагонов,
И жизнь свою без слов и стонов
Ломал упрямый человек.*

*Глядела ночь в пустые стёкла,
В углу горели две свечи...
В короткий день вся жизнь поблекла,
Погасли яркие лучи.*

*Стучали ровные колёса,
Смеялся в окна тёмный час,
Сверкали жалостные слёзы
Ещё недавно ярких глаз.*

*Уж сердце вешнее сжималось
Предчувствием ужасных дней,
Уже тревога поднималась
В дрожанье гаснувших свечей.*

*Когда же все на колком сене
Неловко жались на полу –
Впервые лет грядущих гений
Явился в сумрачном углу.*

17/ 30/ XI, 1923

ВЕЧЕР

*Тень упала на белые стены,
Косяком уползла в потолок...
Завтра синее платье надену,
Руки спрячу под тёплый платок.*

*Знаю, будет неряшливо платье
И растрёпаны пряди волос.
Всё равно: в этом сером Сфаяте
Только холод, туман и хаос.*

*Дождь стучит в черепичную крышу,
Я не слушать его не могу!
В круглом зеркале завтра увижу
Очертанья неискренних губ.*

*Тень от полки, где свалены книги,
Чернотой неподвижной легла.
Знаю, странен мой облик двуликий
Разделённой души пополам.*

*Молча день наступающий встречу,
Буду ждать перед этим окном,
Если надо – весёлые речи
Разбросаю, не помня – о чём.*

*А потом, как всегда одиноко.
В непонятной тоске, не дыша,
Над испытанным томиком Блока
Человеческой станет душа.*

*Вечер бросит небрежные блики
В зачарованную темноту,
И проснётся мой образ двуликий
В соловьином звенящем саду.*

1/ XII, 1923

*Заткнула пузырёк чернильный,
Закрыла синюю тетрадь,
Откинула рукой бессильной
Волос растрёпанную прядь.*

*И от стены до тёмной двери
Отмеривала пять шагов,
И долго не хотела верить
В глухую тайну вечеров.*

*Но разноцветными стихами
Заговорила темнота,
И сказка о Прекрасной Даме
Упала в душу навсегда.*

*Лучей играющих – не надо,
Не надо прожитого дня!
Дрожит вечерняя прохлада,
Минуты тянутся, звеня.*

*В вечернем, тающем тумане
Легко и жить, и умирать.
Меня, наверно, не обманет
Перо и синяя тетрадь.*

5/ XII, 1923

*Над таблицей логарифмов,
Над латинскими словами,*

Над починкою бушлатов
 День прошёл, как сон.
В голове стучали рифмы,
Мысли падали стихами
И вились лучи заката
 В звонкий перезвон.

Так – от утреннего кофе
Скука до звонка в двенадцать,
И безделье от обеда
 До шести часов.
Как размеренные строфы,
Жизнь не может изменяться,
И уводит в даль от света
 В холод вечеров.

Дни, как белые страницы,
Залиты бесцветной ложью,
Скрыты в шёпоты и шумы...
 Только вечер свят.
Час, когда дрожат ресницы,
Руки сжаты колкой дрожью,
Голова в упрямой думе
 Падает назад.

Взгляд бесцелен, пальцы сжаты,
Нервно вздрагивают плечи,
Звонкие стихотворенья
 Шепчет темнота.
Под туманами Сфаята
День грядущий злобу мечет.
В омуте грехопадения
 Только ночь свята.

5/ XII, 1923

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной.
Н. Гумилёв

Лампа под зелёным абажуром
Разливает неподвижный свет.

*Вечерами холодно и хмуро,
Смысла им и оправданья нет.*

*Но едва заветные страницы
Тронет чуть дрожащая рука –
Ниже опускаются ресницы,
Снова возвращается тоска.*

*У неё так много звонких песен,
Столько окрылённых небылиц!
Тёмный вечер мы проводим вместе
В сумраке задумчивых страниц.*

*И когда она уходит снова
В час, когда светлеет темнота, -
Мне даёт магическое слово
Боль души и яркие цвета.*

5/ XII, 1923

ЖРЕБИЙ

*Бросать свой взгляд в бездонность чьих-то глаз,
Срывать улыбку с неподвижных губ...
Мне всё равно, что будет в этот час:
Я больше ярких слов не берегу.*

*Не вслушиваясь в путаную речь,
Сжимая пальцы неподвижных рук, -
В изгибах голоса, в дрожанье плеч
Угадывать смятение и испуг.*

*А ночью думать, думать без конца,
И рвать зубами скомканный платок,
И вспоминать движение лица
На перекрёстках каменных дорог.*

*И в холоде тяжёлокрылых снов
Испытывать неназванную ложь,
И бросить в омут равнодушных строф
Небрежный взгляд и колющую дрожь.*

7/ XII, 1923

Хочу, чтобы смелым и юным
Мучительно сердце боролось,
Чтоб тронул заветные струны
Глухой, изменившийся голос.

Чтоб вихрем промчались недели,
Украшены жуткой игрою,
Чтоб искрой глаза заблестели,
А, может быть, – скрытой слезою.

Хочу в этих гаснущих бликах
Прочесть несказанную повесть,
А после – упорно и дико
Дразнить беспокойную совесть.

Хочу, чтобы руки дрожали
Глухой, неизведанной дрожью,
Чтоб голос срывался печальный,
С умолкнувшим странно-несхожий.

Рассерженной, чёрною кошкой
По сердцу скоблить и пророчить,
Чтоб там, за туманным окошком
Горел огонёк до полночи.

А после испуганной мышью
В красивой печали зарыться,
Чтоб вновь опускались ресницы,
Всё тише, всё тише и тише.

9/ XII, 1923

Тихо я склонилась над работой,
Билась в пальцах лёгкая игла.
Я стихами говорила что-то,
А о чём – сама не поняла.

Было сердце острой болью сжато,
Я о ней старалась позабыть,
Ставила нелепые заплаты,
Поминутно обрывала нить.

*В стену мне уже ни раз стучали,
Звали, чтобы я туда пришла,
Но боюсь, что о моей печали
Скажет непослушная игла.*

*Подожду ещё одна немного,
Всё равно – за дверью дождь и тьма.
Может быть, рассеется тревога
Над знакомым почерком письма.*

*Этот вечер будет неизменным,
Как в каком-то гаснущем бреду...
Всё равно... Потом пальто надену,
Волосы поправлю и пойду.*

*Знаю, что там людней и светлее,
Там не трудно мне весёлой быть...
А о том, что сердце холодеет,
Никому не нужно говорить.*

17/ XII, 1923

*Лёгкий запах никотина.
Держит твёрдая рука
Деревяшку мундштука.
Чуть качаясь, паутина
Опустилась с потолка.*

*Взгляд открытый и задорный,
Морщится насмешкой лоб...
Разговоры за столом...
С галуном его погоны
Блещут ярко и светло.*

*Ни печали, ни страданья
В чуть расширенных зрачках...
Лёгкий запах табака...
Медленное колебанье
Синего воротника.*

21/ XII, 1923

СФАЯТ

Сцены в трёх картинах

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Около полудня. День хмурый. Налево – небольшой барак-камбуз. Перед ним несколько кадет носят кадки. Вдали, за бараками, видны долины, канал, озеро. За озером – горы. Над ними вырисовываются очертания Загуана. Над обрывом, на котором начинаются масличные рощи, стоят двое. Около бараков ходят фигуры, тяжело перешагивая через лужи. Бродят утки и куры. На верёвке развешено бельё. Сфаят – беженский лагерь около Бизерты.

ОНА

*Сегодня ясно виден Загуан,
Хоть тучами затянуто полнеба,
А из долины тянется туман...
Вы были в городе?*

ОН

Нет, не был.

ОНА

А будете?

ОН

*Погода... не того...
И выйти не успеешь, дождь застанет.*

ОНА (смотрит на часы)

*А! всё равно! В безделье да в тумане
Не надо больше ничего!*

ОН

Хотелось вам?..

СТАРШИЙ ДЕЖУРНЫЙ КАДЕТ

(выходя из дверей камбуза)

*Сюда тащи скорее:
Пока вода идёт – бери живее!*

(Двое кадет подносят кядку к крану)

ПЕРВЫЙ

Вот и пришла дождливая пора!

ВТОРОЙ

Вчера схватил я три часа винтовки.

ПЕРВЫЙ

За что же?

ВТОРОЙ

От наряда я словчил вчера,

Да наскочил на ротного.

СТАРШИЙ ДЕЖУРНЫЙ (иронически)

Что ж так неловко?

(Мимо барака проходит дама в тёплой, серой вязанке и танках. В дверях барака показывается молодая дама)

ДАМА В ТАНКАХ

Вот и дождались маленького дня,

А как назло – сегодня стирка у меня!

ДАМА В ДВЕРЯХ (рассеянно)

Да, плохо, холодно.

ДАМА В ТАНКАХ

Что ж хуже?

Да муж ещё ушёл на форт,

Вот и стирай теперь одна, без мужа!..

ПЕРВЫЙ КАДЕТ

Я разворачивался там за первый сорт.

СТАРШИЙ ДЕЖУРНЫЙ

Где?

ПЕРВЫЙ КАДЕТ

Там... у итальянца

(Проходят два офицера)

ПЕРВЫЙ (указывая рукой на канал)

Вот видите – дредноут тот стоит.

ВТОРОЙ

Но кто – американец?

ПЕРВЫЙ

Да, кажется. Однако, грозный вид.

(Проходят за угол)

ТРЕТИЙ КАДЕТ (второму тихо)

Полковник сердится опять.

ВТОРОЙ

Так что ж?

ТРЕТИЙ

Так что же? Ну, мой милый, врѣшь.

(Проходит господин в штатском ленивой походкой. Кадеты отдают честь)

ШТАТСКИЙ

Володя, здравствуйте! Что на обед?

КАДЕТ (громко)

Фасоль и винегрет!

(Двое над обрывом)

ОНА

Так жить, в тумане, в нищете убогой,

Бояться грязных сплетен и молвы,

Забуть себя. Утратить веру в Бога!

И жизнь прекрасною зовёте вы?

ОН

Смотрите в даль. Там – волны, море,

В глухой ложбине расцвели цветы...

Как мелки мы, как мелко наше горе

Перед величием гордой красоты.

Как хороша и как строга природа,

Взгляните – озеро, как бирюза...

(молчит)

Однако скверная погода,

И к ночи будет сильная гроза.

ОНА

И это – жизнь! Волненье, холод, ссоры,

Озлобленность, пустые разговоры,

Ненастье, сырость, ветра свист...

ПЕРВЫЙ КАДЕТ

Когда в Сфаят отправился горнист,

Дождь лил, как из ведра.

Не знаю, что-то будет в воскресенье...

ОНА (задумчиво)

И так теряются все лучшие мгновенья.

Да что! Давно мне замолчать пора!

Зачем бессмысленность в стенах Сфаята?

Зачем обман? Глухой тоской объята,

Я догорю, как сальная свеча...

ОН

Смотрите – три весёлые луча

Играют там, на черепичной крыше,

*На ветках наклонившихся маслин,
Когда вам душу тронет хоть один,
Светлее станет там и тише..*

(Около камбуза заметно движение. Из центра лагеря вы-
бегает толпа кадет в бушлатах, с жестяными баками в ру-
ках. Крики, шум, разговоры в очереди)

ПЕРВЫЙ

А ты сегодня ловко отвечал!

ВТОРОЙ

Представь – и книги-то не раскрывал!

А ведь и спрашивал меня он строже,

Чем, например, тебя.

ПЕРВЫЙ (с сомнением)

Положим...

ПРОХОДЯЩИЙ КАДЕТ (другому)

Но это отвратительная ложь!

ГОЛОС

На арестованных возъмёшь?

МАЛЕНЬКИЙ КАДЕТ (задорно)

По алфавиту до меня ещё далёко!

(Разговор в другой группе)

ПЕРВЫЙ

В кабинке у неё портрет.

ВТОРОЙ

Кого?

ПЕРВЫЙ

Да Блока!

ВТОРОЙ

Оригинально! Мило! Знаешь ли, что он

Новатор, футурист, социалист, масон

(Дежурный кадет выходит и звонит в подвешенную мед-
ную ступку. Слышен громкий, трескучий звон. Двери бара-
ков распахиваются и фигуры с кастрюлями поспешно на-
правляются к камбузу. Встречаются, раскланиваются).

ОДНА ДАМА (другой)

Вы в город не пойдёте ли случайно?

ДРУГАЯ

Иду, мне надо нитки покупать.

ПЕРВАЯ

Не трудно будет вам купить мне чайник?

ВТОРАЯ

Какой?

ПЕРВАЯ (через голову кадета, который проходит между ними)

Эмалированный, так, франков в пять.

(Скрываются за дверью. Подходит господин в штатском, с большой кастрюлей, вздыхая и раскланиваясь)

ДАМА (улыбаясь)

Сегодня вы дежурный?

ШТАТСКИЙ (со вздохом)

Да, дежурю,

И выдержал уже порядочную бурю.

(Входит в дверь)

ОДИН КАДЕТ (другому иронически)

Заметил, как она смеётся странно

Под томным взглядом Дон-Жуана!

ПЕРВЫЙ БАКОВЫЙ

Пойдёшь ты к итальянцу в воскресенье?

ВТОРОЙ

Нет, на эскадре проведу весь день я.

(Проходит группа арабов, босиком, в тёмных, рваных костюмах. Арабченок в красной феске забегает вперёд)

АРАБ

Бонжур!

АРАПЧЁНОК

Рюсс, рюсс, карош!

КАДЕТ (вдогонку другому)

Так, на лазарет берёшь?

(Начинается дождь. Сначала лениво, по капле, но скоро переходит в шумный ливень. Всё обесцвечивается, становится серым и мокрым. Все прячутся. Лагерь как бы пустеет. Из-за угла выходит человек, не то штатский, не то военный, в суконной рубашке, без шапки)

ГОСПОДИН

*Всё ждать, всё ждать, не видеть даже света,
В тумане, в сырости... О, вечный бред!*

*Нигде не видеть тёплого привета,
Нет силы, нет!*

*Упрямая, назойливая дума
В висках, как молотом, стучит, стучит...
О, сердце, не стучи так страшно и угрюмо,
Молчи!*

Я молодость оставил там, далёко!

Я всё сломал!

Как безнадёжно всё, как одиноко!

Мне кажется, что я схожу с ума...

ДРУГОЙ (подходя к нему)

Идёмте же обедать.

ГОСПОДИН

Я иду.

(Второй уходит)

Как холодно. В душе такой же холод.

В висках стучит тяжёлый молот.

(Решительно и спокойно)

Нет, никуда я больше не пойду!

(Стоит над обрывом, скрестив руки на груди. Взгляд безразличен, ничего не выражает, брошен в пространство. На лице равнодушие. Ветер колышет его волосы. Дождь струится по голове и плечам. Волосы липнут к вискам. Даль затягивается серой пеленой дождя)

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Вечер, Темно. Вырисовывается белое, каменное шоссе. По обе стороны – кривые стволы маслин и кактусов. Направо – гора. Наверху блестят тусклые огни Сфаята. Налево – высокая шелковица и каменный бассейн для стирки белья. Порыв ветра шелестит в суховатых листьях маслин. Тихо. Иногда доносится хохот шакала. Над каналом сверкают огни кораблей. Вдалеке слышится громкая, дружная песня. Доносятся слова: «И трепетал сильнейший в море враг, Андреевский увидя флаг». В темноте вырисовываются две фигуры. Голоса – мужской и женский)

ОНА

Дредноут в порт вошёл.

ОН

Американцы.

ОНА (мечтательно)

Там бал сейчас.

ОН

Да, блеск, веселье, танцы.

А здесь темно. Пустующий Сфаят...

ОНА

Как весело огни на кораблях горят!

А здесь... Сфаят... О, как я ненавижу!..

ОН

К чему стремитесь вы?

ОНА (восторженно)

К Парижу!

ОН (тихо)

Париж... да. Холод... Завод Рено.

Гудок визгливый автомобиля...

На крышу выходящее окно,

Или подвал в сырости и пыли.

И жить и думать, как заведено...

Об этом вы не позабыли?

Не вам раскрыт расчищенный сад...

Прячут вас фабричные дымы...

Гранд Опера... свет слепит глаза...

Но, торопясь, вы проходите мимо.

И зависти падает слеза

Совсем невольно и неуловимо.

Потом красивый, нарядный бульвар.

Вы – не в модном пальто, вы бедно одеты...

Улиц и фабрик вас задушит угар.

И когда настанет сухое лето,

Самый юный будет дряхл и стар...

Вы думали когда-нибудь об этом?

(Медленно проходят, скрываются в темноте. Раздаются звонкие шаги, и появляется вторая пара. Идут молча. Откуда-то сверху слышится песня)

ОНА (рассеянно)

Уже идут на форт... Темнеет рано...

Не то, что летом... даже странно...

(Молчание)

ОН (тихо напевая)

«И трепетал сильнейший вдвое враг...»

(Неожиданно)

Понравился вам Сирано-де-Бержерак?

ОНА (тем же тоном)

Да... Хорошо. Картины очень яркие...

(Молчание)

Достали вы мне Аргентины марки?

ОН

Нет, не достал, но я достану вам!

(Крик совы пререзает тишину. Она вздрагивает)

Что вы?

ОНА (взволнованно)

Нет, ничего... Сова...

ОН

С каких же пор бояться стали вы

Предчувствий, темноты, совы?

ОНА

Здесь посидим немножко у колодца.

ОН

Опять вы будете играть, смеяться и колотиться?

ОНА (насмешливо)

Вы принялись за старое опять?

А почему же мне не поиграть?

(Подходит к бассейну и садится)

ОН (задумчиво)

И здесь в былое время я не раз

С каким-то силуэтом видел вас.

ОНА (оживляясь)

Быть может... О, как время то далёко,

Когда мне душу захлестнул сирокко!

ОН (тихо)

Вам дорого то время?

ОНА

Да, оно

Вселило в душу странное веселье...

Потом прошло. Прошло в душе похмелье,
 И вот опять там пусто и темно.
 ОН (не слушая)
 Да, вас любил нечаянно встречать я...
 Он в белом был... Вы в лёгком синем платье.
 Смеялись вы, а смех ваш молодой
 В душе моей звучал смертельной тоской.
 (Внезапно, как бы очнувшись)
 Любили вы его?
 ОНА (задумчиво)
 И да, и нет.
 ОН (почти шёпотом)
 Когда услышу я ответ?
 ОНА
 Не всё ль равно? Вам это знать напрасно.
 (Задорно)
 Теперь играть хочу я!
 ОН
 Но игра – опасна...
 (Громко, как бы спохватившись)
 Играйте, да, во мгле пустых дорог,
 Пока покорность здесь, у ваших ног!
 ОНА (вставая)
 Идёмте дальше.
 (Они идут по шоссе)
 Знаете, когда я так иду,
 Здесь, по шоссе, в пустую темноту,
 В крови стучит какая-то тревога,
 Мне страшной делается белая дорога,
 И кажется, что близко здесь черта,
 А перейти её нет мочи...
 ОН
 Боитесь вы совы, тумана, ночи?
 ОНА
 Нет, нет, идёмте до конечного куста.
 ОН (тихо)
 Боитесь вы?
 ОНА
 До перекрёстка. Пусть темно!
 Хотя на Старый Форт, мне всё равно!

(Скрываются в ночь. Некоторое время дорога пустеет. Потом пробегает рыжая собака. Слышатся приближающиеся шаги. Появляются двое в гардемаринской форме)

ПЕРВЫЙ

*Нет, вот, сиди теперь и жди!
И, кажется, что безнадежно!
Ещё, вдобавок, начались дожди.*

ВТОРОЙ

*Да, больше верить невозможно!
Всё обещают, а надежды нет.*

ПЕРВЫЙ

*Что ж! Будем здесь, закиснем в этой яме,
Забудем всё, останемся глупцами
И не увидим университет.*

ВТОРОЙ

Так значит – никогда не верь надежде...

ПЕРВЫЙ (показывая на шелковицу)

Залезем же сюда, как прежде...

(Залезают на дерево и молчат. Появляется третья пара. Идут, разговаривая вполголоса)

ОНА

Что вас заставило покинуть Крым?

ОН

*Да то же, что и вас, там не было сомнений.
Грузили корабли, и я попал последний...
И вот мы в Африке сидим.*

ОНА

Что вы оставили?

ОН

*Отца и мать,
И косы длинные, любимые украдкой,
Уют, ребячий смех, зелёную лампадку...
Всё то, о чём мне больно вспоминать.
И грустно мне, что никогда
Уж больше не вернусь туда.*

ОНА

*Зачем такие мысли допускать?
Зачем себя настраивать? Конечно,*

*В семейный круг вернётесь вы опять,
И будет счастье – бесконечно.*

ОН

*Неискренен, неверен ваш ответ.
Пройдут года, быть может, много лет...
Моё предчувствие давно пророчит,
Что прошлому возврата больше нет.*

(Молчание)

ОНА

Какие пасмурные стали ночи.

ОН (задумчиво)

*Ещё сильнее воспоминанья этих мест!
Когда я в первый раз, печальный и убогий,
Шагал лениво по краю дороги,
Не думал я...*

ОНА (медленно)

Среди маслин я вижу крест.

ОН (испуганно)

*Опомнитесь, что с вами! О, волнение!
Теперь вам всюду чудятся виденья.*

ОНА (не поворачиваясь)

*Идёмте, сердце стало глуше биться,
Мне страшно поднимать ресницы.*

(На дорогу падают длинные, чёрные тени. Она вскрикивает)

ОН

Что с вами?

ОНА (тревожно)

*Тень, здесь тень легла...
Я не могу идти, дрожат колени...*

ОН

Здесь всюду от деревьев тени...

ОНА

Нет, здесь уронила тень живая мгла.

ОН

Что с вами?

ОНА

*Слышите, как шелестят маслины,
Как стон растёт всё ближе и ясней?*

ОН

Нет, это только ветер из долины.

ОНА

Назад, назад скорей!

(Яркая молния освещает белое шоссе, кудрявые масляные и тёмные фигуры. Гулкий и сдавленный гром прорезает ночь. Возвращается первая пара)

ОНА

*Как холодно. Уж руки колет дрожь.
Как жаль, что не накинула бушлата!
Пустынно, жутко всё, и не поймёшь,
Какой печалью сердце сжато.
Всё кажется, что ждёт уродливая ложь
В бараках деревянного Сфаята.
И отчего так страшны вечера?
Как будто в вечность падают мгновенья.
Все дни, как дни, всё то же, что вчера.
Что будет завтра?.. Те же тени...
Но жуткой кажется вечерняя игра,
Как будто этот день последний!*

(Уходят)

ВТОРОЙ ГАРДЕМАРИН (слезая с дерева)

Какой туман... какая тьма...

ПЕРВЫЙ

*Здесь скоро все сойдут с ума!
Не знаю, от чего: от скуки, от вина,
Но скоро общее безумие настанет.
В холодном дождевом тумане
Здесь близко поселился сатана!*

ВТОРОЙ

Но странно – днём тревоги я не вижу.

ПЕРВЫЙ (решительно)

Сходить с ума, так уж в Париже!

(По шоссе проходит одинокий силуэт без шапки, с опущенной головой. Ночь и туман поглощают его)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Поздний вечер. Маленькая, деревянная комната, почти сарай. Окно и дверь занавешаны одеялами, потолок тоже

из одеял. Пред окном – маленький стол, покрытый каким-то одеялом. У другой двери – низкая постель. На стене, против двери – полка с книгами. Рядом, на паспорту, портреты Чехова и Блока. На столе лампа под зелёным абажуром из бумаги, чернила в пузырьке, перья, карандаши, тетради и листки бумаги. В жестяных банках – два букета ирисов. Тихо. Временами дождь стучит по стенам и крыше. Ветер дёргает ставни. За стеной слышен шум и разговор. Иногда под окошком раздаются шаги. Я сижу перед столом, неподвижно, сжав руки. Взгляд устремлён на цветы. Передо мной раскрытый том Блока. Молчание.)

Я (тихо)

*И снова вечер. Снова этот стон,
Такой неясный и неуловимый.
Дрожит и веет легкокрылый сон,
Скользкий мимо.*

*Порывы ветра всё сильнее.
Всё – отцветанье, мгла и темень...
Зачем, зачем явились мне
Две тени!*

*Недвижные цветы
Мертвы и безутешны.
Виденья темноты
Так нежны.*

*Слышен
Далёкий звон...
И в сердце стон –
Тише.*

(Порыв ветра заглушает последние слова)

ГОЛОС ЗА СТЕНОЙ

*Ну, выучил французские глаголы?
Ты у меня смотри, прилежнее учи!*

Я

*Вот лампы огонёк весёлый
На стол бросает яркие лучи.
И над страницами любимой книги
Цветут красиво-гаснущие миги.*

(В соседнем бараке спевка. Доносятся мотивы и слова молитв. Занавеска на окне колышется и тени двигаются)

*Дрожат, дрожат загадочные тени,
Скользя во тьму...
Нет, никогда сверкающих мгновений
Я не пойму.*

*Скользят, скользят куда-то в бесконечность,
Туда, туда.
Нет, никогда мне не постигнуть вечность,
Нет, никогда!*

ГОЛОС ЗА СТЕНОЙ

Скажи, как будет parti cipe passé?

Я (рассеянно)

*Вот так скользили тени по шоссе...
И кровь настойчиво в висках стучала.
А я тогда хотела слишком мало.*

ХОР

Рождество Твоё, Христе Боже наш...

Я

*Как мучительно, как всё странно.
Холодный вечер душит туманом,
Дрожит в руке карандаш.
Мне кажется, что я сошла с ума,
Какой-то бред мне сердце сжал...*

ХОР

Воссия мирови свет разума!

Я

*И тени, тени молчат, дрожа.
Каких-то звуков сплетаются нити.
Мне хорошо в этом злом бреду.*

ХОР

Хвалите имя Господне, хвалите!

Я

Нет, я себя никогда не найду!

ГОЛОС В ПОРЫВЕ ВЕТРА

*Для чего здесь бьётся горячее
Сердце, скованное из огня?*

*В этих стенах глаза незрячие
Не увидят весеннего дня.*

*Никогда глаза молчаливые
Не увидят красивых снов.
Никогда эти пальцы лживые
Не напишут звенящих стихов.*

*Будет тише, будет беззвучнее,
Будут лживее блики глаз.
И последние фразы скучные
Бросят губы в полночный час.*

Я (рассеянно)

*Зачем, скажи, твой голос скользящий
Так странно похож на мой?
Зачем ты смущаешь покой дрожащий,
Вечерний покой?*

*Зачем ты жутко за тёмной ставней
Бросаешь свой веющий крик?
Кто ты, пугающий песней давней,
Кто ты, мой двойник?*

(Под окошком раздаются шаги)

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

Идите осторожнее, здесь лужи.

ВТОРОЙ

Я думаю, что завтра будет хуже.

А в город надо мне – дела.

Хоть выколи глаза – какая мгла.

ПЕРВЫЙ

Спросите, может быть, пойдёт в Бизерту мул?

Тогда и я бы к вам примкнул.

(Голоса замолкают)

Я (перелистывая книгу)

Что мне прочесть? Пылает голова.

Сильнее стало сердце биться...

Как помню я красивые страницы,

Загадочно звенящие слова!

*Здесь всё, как бы моё, всё мне родное,
Здесь похоронен мой двойник.*

*Я помню груды книг на аналоях,
Прекрасной Дамы нежный лик.*

*Через туманы тёмных лет я вижу
Метель, печаль, снега,
Дрожащий свет, когда в соборной нише
Блестят, играя, жемчуга.*

*Мне кажется, я слышу голос ломкий,
Его печаль мне так близка.
Загадочной прекрасной Незнакомки
Я вижу тёмные, упругие шелка.*

*Моей души, унылой и заброшенной,
Неверный образ узнаю опять.
А голос говорит: «Уменьем умирать,
Пойми, душа облагорожена!»*

ГОЛОС ЗА СТЕНОЙ

*Да всё не так, баранья голова!
Отдельно ты выписывай слова!
Я (беру синюю тетрадку)
Опять со мной ты, синяя тетрадь.
Но что писать? И стоит ли писать?
Всё о себе, да о своей печали
Мои стихи настойчиво звучали.
Теперь уже печали нет моей,
Не так меня пугает холод дней,
Печальный вечер тайною святыней,
Дрожа, касается моей гордыни.*

ГОЛОС В ШУМЕ ДОЖДЯ

*Беззвучных губ надменная печаль
О близкой гибели пророчит.
Глазам холодным ничего не жаль
В туманах ночи.
Бессильных рук, дрожащих плеч
Не тронет отблеск света.
И ночи путаная речь
Звучит ответом.*

(Тень пробегает по стене. Кажется, что портрет Блока шевельнулся. Губы складываются в насмешливую складку, глаза остаются безучастными)

ХОР

Святый бессмертный, помилуй нас!

Я

Зачем меня пугает тёмный час?

Мой голос, мой двойник, скажи, зачем

Сплелись две тени на моём плече?

Скажи, упало солнце навсегда?

ГОЛОС

Да.

Я

Когда закатом искрилось окно?

ГОЛОС

Давно.

Я

Когда я пела песни о весне?

ГОЛОС

Во сне.

Я

Смогу ли я понять весенний свет?

ГОЛОС

Нет.

Я

Скажи, я не увижу солнце никогда?

ГОЛОС

Да.

ГОЛОС ЗА СТЕНОЙ

Le te promene, tu te promene, il se promene...

Я

Бойтся сердце роковых измен.

Что делать, если холод тёмной ночи

В душе моей колдует и пророчит!

Пройдёт зима... Настанет вновь весна,

Звениящей станет тишина,

А что же дальше? Зацветёт Сфаят,

Лучи в оконном глянце заблестят.

А там – нет, и думать не могу я,

Чего там жду, о чём тоскую,

Что мне назначила судьба?

Я знаю миг, когда улыбка

На плотно сомкнутых губах

Сверкнёт загадочно и зыбко,

*Потом – пусть слёзы, пусть печаль.
Мне нечего терять в Сфаяте,
Когда душа горит в закате –
Мне больше ничего не жаль...
Как надоел мне этот вечный шум
Дождя,
стукающего по крыше...
Как много безответных дум...*

(Доносятся откуда-то крики. Стонет ветер. За стеной шипит примус. Задумчиво)

Но что же будет там, в Париже?

13-14/ XII, 1923

*Пришла расстроенная. Молча
Пальто суконное сняла.
Дышал туман холодной ночи
За жуткой чернотой стекла.*

*И на кровать упав в бессилье,
Я поняла, что счастья нет.
Все щели на стене сквозили
И пропускали тусклый свет.*

*Сжимались судорожно пальцы,
К подушке прикасался лоб.
А дождь не уставал стучаться
В моё туманное стекло.*

*Коса распущена небрежно
И перевязана рука...
Я поняла, что безутешна,
Что не нужна моя тоска.*

*Когда души коснутся звоны
И жадный взгляд скользнёт опять,
Я поняла, что глаз зелёных
Уже не нужно поднимать.*

*Не нужно слов, не нужно грубой
Игры с проверенным концом,
Когда до боли сжаты губы,
Гримасой скорчено лицо.*

23/ XII, 1923

*Дёргают порывы ветра ставни.
За стеной туманом дышит ночь.
В темноте блуждают мысли давние,
Бьётся сердце глуше и короче.*

*Для чего грустить о невозможном,
Для чего так больно упрекать?
Ведь давно в тумане сердце брошено
И сгорело в огненном закате.*

23/ XII, 1923

*Где-то снилась радость, где-то веселье,
Только здесь мертво и темно.
Западные ветры жалобно свистели
И задували в моё окно.*

*Было тоскливо, мертво и скучно,
Сердце сжалось глухой тоской.
Гаснущие шаги бились однозвучно
И отцветали там, далеко.*

*Там, за стеною холод тумана,
Темень и дождь, не видно ни зги.
Около окошка тихо и обманно
Жуткой тоской звучали шаги.*

25/ XII, 1923

*За стеной говорили долго
И слова их скользили в ночь.
Я старалась себя превозмочь,
И в руках дрожала иголка.*

Опьянял керосиновый чад
И дразнили чужие речи...
И, губами беззвучно крича,
Я неловко сжимала плечи.

Чуть склонённая над столом,
Оглушённая их словами,
Я до боли сжимала лоб
Забинтованными руками.

Уронила на пол платок,
Уколола иголкой руку.
И хотелось мне, чтоб никто
Не узнал безмолвную муку.

И хотелось кричать без конца,
Заглушая чужие речи,
Чтобы понял туманный вечер
Неподвижность злого лица.
И ждала я светлого чуда,
Чтобы мёртвой душе помочь.
За стеной звенела посуда
И слова ускользали в ночь.

23/ XII, 1923

Чад керосиновый...
Низенький потолок...
Руки бессильные...
Вязанный, серый платок...

Стена закоптелая...
За одеялом окно.
Мысли несмелые
О том, что прошло давно.

Светлые волосы...
Бледность усталых лиц.
Шёпот тихого голоса.
Холод пустых страниц.

*Тень прихотливая
Лежит на большом столе...
Мысли такие лживые
Тают во мгле.*

26/ XII, 1923

ЭГОИЗМ

*Я люблю сама себя
Больше всего.
День бесцельный погубя,
Вспоминаю его.*

*Буду думать, буду ждать
Светлую блажь.
Друг мой – синяя тетрадь
И карандаш.*

*Буду плакать по ночам,
Вечно одна.
Тень у моего плеча
И тишина.*

*В золотом полубреду
Мне хорошо.
Я сама себя найду
Карандашом.*

*Он на белизну страниц
Бросит печаль.
Окрылённых небылиц
Больше не жаль.*

*Пусть всё в жизни порвалось,
Что мне терять?
Спала на плечо волос
Светлая прядь.*

*Я сама с собой вдвоём
Буду сильнее.
Сердце ровное моё –
Маятник мне.*

26/ XII, 1923

*Я в этот час схожу с ума,
Пишу стихи и жадно внемлю,
Как ветер обнимает землю,
Как нервно шевелится тьма.*

*Роняют губы трепет жгучий,
Недвижен взгляд зелёных глаз.
Зловещей, грозовой тучей
За дверью стонет тёмный час.*

*Красивы белые страницы,
Душа бездонна и пьяна,
И уж не хочет, уж боится
Искать безумия до дна.*

26/ XII, 1923

УТЕШЕНИЕ

*Пройдёт эта шумная ночь,
Пройдёт это время тоски.
И можно ли горю помочь
Чуть видным движеньем руки?*

*И можно ли верить словам
В тот лживый и радостный час,
Когда заблестели едва
Зрачки чуть расширенных глаз?*

*Неискренних губ не понять,
Не вспомнить сочувственных слов.
Мертва и туманна тетрадь
Со звеньями звонких стихов.*

*В борьбе с переменной судьбой
Сотрётся вечерняя мгла,
Забудется тихая боль
У тёмного глянца окна.*

*Пройдёт с этим ветром тоска
И вспомнится только не раз*

*Жестокое что-то в зрачках
Зелёных расширенных глаз.*

27/ XII, 1923

*Я помню этот взгляд пронзающий,
Прикосновение тёплых рук,
И трепет мысли опьяняющей,
И сердца беспокойный стук.*

*Дрожанье плеч, движенья гибкие,
Волос спадающая прядь.
И губы с медленной улыбкою...
Их не узнать и не понять.*

*Молчанье... Им душа утешена...
Порой – чуть слышные слова,
Когда забилося сердце бешено
И закружилась голова.*

*Зелёных глаз уже не спрячу я...
Пусть душист хмель, идёт гроза!
Душа, по-новому горячая,
Упала в жгучие глаза...*

31/ XII, 1923

Ирина Кнорринг с матерью

КНИГА ТРЕТЪЯ

Сфаят
(1924 – 1925)

Среди литераторов. Париж.

*Гибкий стан передничком стянут,
Весь в кружевах.
Эти глаза наивно глянут
В бледность чужого лица.*

*В кружевах чепчик. Локон нежный
Падает на висок.
Совсем по-детски ещё безмятежен
Тоненький голосок.*

*Свежее личико. Губы с улыбкой.
Что-то чистит тонкой рукой.
Взгляд оловянный. Движенья гибки.
Хлопотлива. Довольна собой...*

*Молча смотрю в немые стёкла
За переплётом окна.
В танках тяжёлых, в вязанке тёплой,
И, как всегда, одна.*

*Волосы выбились из причёски,
Падают на плечо.
Взгляд мой пустой, холодный и жёсткий,
А на душе – горячо!*

*Ногти состираны. Пальцы кривые,
Ноют суставы рук.
Слушаю только чувства глухие,
Сердца тревожный стук.*

*Вечно в безделье. Всегда недовольна
И непокорна судьбе.
Только когда мне немножко больно –
Душу люблю в себе.*

1/ I, 1924

*Сквозь глухое окошко моё
Проникает нерадостный свет.
А в зелёных глазах – забытьё
И безумия медленный бред.*

Только сердца учащенный стук
Всё твердит, что хочу и могу.
Сжаты пальцы состиранных рук.
Плотны складки неискренних губ.

В круглом зеркальце вижу глаза
И туман за дрожаньем ресниц.
В первый раз опьяняет гроза
До сих пор равнодушных страниц.

И сильнее дурманил свирель
Ещё новых, не сказанных слов,
А в душе нарастающий хмель
Чертит контуры звонких стихов.

9 /I, 1924

После вечерней прогулки
Щёки пылают румянцем,
Бьётся размеренно-гулко
Тёплое сердце моё.

В комнате – холод и темень.
Блещут оконные глянца.
Падают сонные тени
В гаснущее забытьё.

Скрип отворяемой двери,
Топанье ног у порога.
Холодны думы безверья
И непонятны уму.

Будит уснувшую память
Дрожь безнадёжной тревоги.
Спички неровное пламя
Режет холодную тьму.

Свежестью пахнут ладони.
В мыслях – туманно и смутно,
Холод и сумрак бездонный
В глубинах неискренних глаз.

*Сердце сильнее и размерней
Такт отбивает минутам
После прогулки вечерней,
В первый мечтательный час.*

4/ I, 1924

ВАСЕ

*Без Бога, без мечты, без красоты,
Без звонких рифм, без тающих аккордов,
Идёте вы в бездонность пустоты,
Идёте в жизнь несмело и нетвёрдо.*

*В плену чужих, крикливо-громких фраз,
Нелепейших, пустых предубеждений,
Бойтесь вы поднять ресницы глаз,
Бойтесь медленного пробужденья.*

*Свой ум, свою печаль, свои слова
Вы подчиняете чужим законам.
И падает в бездумье голова,
И в сердце замирают перезвоны.*

*Без веры жить. В строю маршировать,
Скучать в стенах Кибира и Сфаята,
И ропот смелой мысли заливать
Стаканом сладковатого муската.*

*Вот – ваша жизнь. И то же – впереди.
Вы эту жизнь не перешили ни разу,
Как будто бы стыдитесь вы найти
Огонь поэзии, мечту фантазий.*

*Когда же вас взманил, играя, даль,
И сердце стукнет глухо и тревожно –
Вам станет жаль, до боли станет жаль
Того, что было близким и возможным.*

8/ I, 1924

*Глаза болят от слёз недавних
И не размерен взмах ресниц.*

*Едва поскрипывают ставни,
Гнетёт печаль пустых страниц.*

*Лежит недвижно на коленях
Бессильно сжатая рука.
Уж встрепенулась в отдаленье
Давно знакомая тоска.*

*Уже замолкли, отзвучали
За дверью тихие шаги.
Как тень, легли у глаз печальных
Большие, тёмные круги.*

.....

*Виновных нет, я знаю, верю,
И нет друзей, и нет врагов.
А сердце ждёт ещё за дверью
Глухих замедленных шагов.*

10/ I, 1923

*Слишком тёмный опущенный взгляд,
Слишком бледен нахмуренный лоб.
Дождевые потоки стучат
Моноotonно в глухое стекло.*

*Взгляд скользит над печатью страниц,
Над загадочным гляncем стекла.
Шевелится холодная мгла
За неровным размахом ресниц.*

*Эти стены – смешны и темны,
Эти стёкла, как взгляд мертвеца,
Не похожи на нежность весны
Эти злые гримасы лица.*

*Этой странно-холодной руки
Неуверенный, дрогнувший жест...
А в душе только холод тоски,
Только чёрный, бессмысленный крест.*

Голос слишком тревожен и тих,
Слишком ломаны линии губ.
Только ропот желаний глухих
Как святыню в душе берегу.

И зрачки, устремлённые вниз,
Отражают вечерний туман.
А дрожащие пальцы впились
В золотой медальон-талисман.

11/ I, 1924

Больные верят в розы майские
И нежны сказки нищеты...
Н.Гумилёв

Я в розы майские не верю,
Не верю в тёплый луч весны.
Я знаю, что глухие сны
Меня зовут за тёмной дверью.
В моей тоске и нищете
Так много роковых загадок.
Мой день в беззвучной пустоте
Жесток, нерадостен и гадок.
Созвучья рифм, сплетенья строк
Так беспощадны, злы и грубы,
Кому-то медленный упрёк
Бросают сдавленные губы.
И жуткий блеск в зрачках бездонных
Твердит, что солнца больше нет.
Вся жизнь – беззвучный силуэт,
В оконном глянце отражённый.

11/ I, 1924

Настежь дверь открыта,
Согнута рука.
На столе забыта
Пачка табака.

Солнечны и тонки
Вихри облаков.

*Так задорно-звонки
Крики петухов.*

*Ярко, как весною,
Блещут небеса.
Звонко за стеною
Слышны голоса.*

*Луч скользит по краю
Стен и потолка.
Пальцы загибают
Край воротника.*

*И сильнее тревога,
И нежнее печаль.
Белая дорога
Ускользает в даль.*

13/ I, 1924

*Лежат прозрачные, лунные пятна
На тёмном холодном полу.
Таинственный шорох, глухой и невнятный,
Прорезал сонную мглу.
Открыла бессильной рукой занавеску,
И сделалось как-то грустней.
Дрожали таинственные арабески
На белой дощатой стене.*

*Я сжала до боли холодные руки,
Небрежно раскрыла тетрадь,
Хотелось исчезнуть в вечерние звуки
И долго беззвучно рыдать.*

*Казалось, сегодня исчезну, умру я –
Но день догорает, и вот –
Опять я одна, дожидаясь, тоскуя,
И медленный вечер плывёт.*

.....

13/ I, 1924

НОВЫЙ ГОД

*Сначала молчали в пустом бараке.
Горели лампы у царских врат.
Пламя свечей разливалось во мраке...
Сжаты губы. Недвижен взгляд.*

*А вечер был – синий, лунный вечер.
Звёздные тайны приникли к земле.
Пред аналоем трепетали свечи
И отражались в чёрном стекле.*

*Потом, у ёлки, грустной и бедной,
В грубых стаканах колыхалось вино.
Лунный свет, прозрачный и бледный,
Лежал на дороге, за тёмным окном.*

*Мигали свечки в сосновой хвое.
Написала в Россию три письма.
Что-то вспомнилось... дорогое,
Что скрыла туманом ночная тьма.*

*Горели свечки. Слова звучали.
Примус шипел. Кипятился чай.
Было больно думать о будущем, дальнем,
Последнему месяцу прошептать: прощай!*

*А после в широкой, холодной постели,
Под грудой свернутых одеял,
Мне казалось, что звёзды на стене синели,
Что месяц сквозь раскрытые ставни сверкал.*

*Кусала пальцы, тупо и рьяно,
Хотелось думать про лунный обман.
За окном раздавались возгласы пьяных,
И крики, и хохот ускользали в туман.*

14/ I, 1924

*И голос тих, и голос глух.
Слова рассеянны и редки.*

Неясный шорох режет слух.
Шуришание засохшей ветки.

Скользкий взгляд уныл и тих...
Когда ж настанет вечер синий,
Возникнет разноцветный стих
И сочетанья пёстрых линий.

И голос медленной тоски,
И бледных ирисов в стакане
Узорчатые лепестки,
И плеч неровное дрожанье –
Всё брошу я в звенящий стих,
В сплетенья рифм, залитых ядом,
И бьенье сердца свяжет их,
Уже звучащие набатом.

Бесцветная, пустая мгла,
Давно знакомые предметы,
За гляncем тёмного стекла
Мелькающие силуэты –
Всё будет петь, всё будет жить...

Когда же зацветут страницы –
Я молча опуцу ресницы
И оборву сознания нить...

16/ I, 1924

Как я узнаю, что будет солнце,
Что будет солнце в оконном глянце?
Как я узнаю, что день вернётся,
Что загорится запад румянцем?

Глухие тени чертят зигзаги.
Сухие листья шуришат невнятно,
И, как обрезки белой бумаги,
Ясны и ярки лунные пятна.

В душе так просто и так тревожно,
Зрачки недвижны и губы сжаты,

*А всё, что близко, что так возможно,
Уж загорелось лучом заката.*

*Лучом прощальным, лёгким и гибким
Уж загорелись грязные стёкла,
Уж искривились губы улыбкой,
Улыбкой нежной, грустной и блёклой.*

*Как я поверю, что день вернётся,
Что тень растает в узорном танце?
Как я поверю, что будет солнце,
Что будет солнце в оконном глянце?*

18 / I, 1924

*С катехизисом Филарета
У стола в четырёх стенах
Я слежу на бликах окна
Отражённые силуэты.*

*Отражает меня стекло,
Опьяняет запах нарциссов,
И готовлю я злобный вызов,
Повторяя сплетенье слов*

*О прекрасном, далёком рае,
О прохладных райских садах...
Только сердце моё скучает
И трепещет, как никогда.*

*И тоскует, не о небесном,
А, прикованное к земле,
Всё стучит о простом, телесном,
Утонувшем в вечерней мгле.*

*Трепеща, уплывают миги.
Хорошо следить и молчать.
И пестреет в глазах печать
На зелёной обложке книги.*

24 / I, 1924

За дверью – отдалённые шаги,
Стук экипажа долетел невнятно.
Уже скользили солнечные пятна
И расплывались тёмные круги.

Горел закат кровавой багрянницей,
Дрожал на стёклах грязного окна.
Печальна, безответна и грустна
Передо мной раскрытая страница.

А я смотрю на белые цветы,
На купол неба ярко-голубого.
Я не могу найти такое слово,
Чтоб передать безумие мечты.

26 / I, 1924

Последний луч скользнул по красной крыше
И потонул в сосновой хвое.
И сразу сделалось темней и тише,
И потускнело небо голубое.

Тень расплылась у низкого порога,
Совсем другими сделались предметы.
На потемневшей каменной дороге
Трещит мотор мотоциклета.

Вечерний холод обжигает плечи.
На сердце – смутно, холодно и жутко.
И опускается безумный вечер
Уродливой и страшной шуткой.

А небо мутно отражает тени,
Облепленные облаками.
Душа отравлена безумным, теми,
В тоске произнесёнными словами.

26 / I, 1924

Хотелось нарциссов – белых цветов.
Хотелось свободы, хотелось счастья.

*Струились нити пёстрых стихов
И разрывались на неравные части.*

*И падали ночи. И падали сны.
Звучали минуты. Звучали струны.
Душа пьянела дыханьем весны,
Дыханьем тленным, тленным и юным.*

*Хотелось солнца, аромата земли.
Боялось сердце. Скучало. Слабело.
Было грустно думать о заветной дали
И плакать о нежном, красивом и белом.*

29 / I, 1924

ВЕЧЕР

*Бессильно согнутые руки.
Во мгле заката жадный взор.
Сплетаются глухие звуки
В пустой, небрежный разговор.*

*В лучах закатного пожара
Сверкает тёмное стекло.
Ничто не промелькнуло даром,
Ничто бесследно не прошло.*

*Слова всё тише, всё короче
Звонят во мгле пустого дня.
Он правды всё ещё не хочет
И молча смотрит на меня.*

*Полупущены ресницы,
А что за ними – не поймёшь.
Ещё не перестала биться
В руках мучительная дрожь.*

*Ещё болят воспоминанья
В лучах сгорающей зари,
И губ неровное дрожанье
О чём-то прошлом говорит.*

Слова спокойны и покорны
В тоске пустых, условных фраз.
Нет, не забыл он взгляд задорный
Жестоко обманувших глаз.

Ещё легко и нежно верить
В красивую, как счастье, ложь,
И ощущать при скрипе двери
Незабываемую дрожь.

Смотреть, как искрится страница
Зигзагами карандаша.
Ещё не хочет пробудиться
В нём опьянённая душа.

Закат сгорел. Темнеет вечер.
Лучи последние скользят.
Платком я закрываю плечи,
Дразня тоскливый, жадный взгляд.

В ответ, пронзённый дерзким взглядом,
Убитый роковым концом,
Он ждёт речей, залитых ядом,
Смотря в знакомое лицо.

Но без задора своеволя,
Ломая пылкую мечту,
С невыразимой, страшной болью
Я посмотрела в темноту.

Всё ниже опускались веки
И задрожала складка губ.
В душе чужого человека
Читать я большие не могу.

Пусть будет ждать и будет верить
В тревожный сон забвенья. Пусть
По-своему он станет мерить
Мою непонятую грусть.

Что я скажу и что отвечу
В тоскливый час перед столом,

*Когда ползёт тревожный вечер
И блещет чёрное стекло?*

3 / II, 1924

ВЧЕРА

*В душе поднималась досада
За тихий потерянный вечер,
За то, что в томительной скуке
Уходят беззвучные дни.*

*Казалось, что солнца не надо,
Не надо закутывать плечи,
Сжимая распухшие руки,
В зрачках зажигая огни.*

*Смеяться, задорно и смело,
И тихо, как будто случайно,
Весёлое, звонкое имя
Бросать, осторожно дразня...*

*Но всё отошло, надоело...
Но сердце темно и печально...
И мучает вечер пустыми
Мечтами сгоревшего дня.*

*Мечтала над томиком Блока,
Стихи наизусть повторяя,
А после опять пробегала
Знакомые строки письма.*

*И где-то далёко, далёко
Проснулась тревога глухая,
И снова душа тосковала
Под гордым безверьем ума.*

*А там, за стеной, говорили,
Чтоб я приходила, кричали,
И как-то была я не рада
Звениящему ямбу стихов.*

*Дрожали вечерние были,
Неровно, мертво и печально.
В душе закипала досада
На холод растраченных слов.*

4 / II, 1924

*Не верю. Не молюсь. Не знаю.
Молчу. Но сердце говорит.
Мечта ушедшая сгорает
В лучах немеркнувшей зари.*

*Не жду. Не помню. В жуткий путь я
Иду с улыбкой на лице,
Чтоб на глухих, ночных распутьях
Искать мучительную цель.*

4 / II, 1924

*Расчёсывая на ночь волосы,
Рассыпанные по плечам,
Смотрела я на теневые полосы,
На три сверкающих луча.*

*Прозрачный воздух лёгкой дремою
Коснулся стен и потолка.
Здесь всё прошло: тревога, зло моё,
Мечты, и слёзы, и тоска.*

*Глухие ветры стоны спутали,
На завтра – шум и ропот дня...
Задор тоски, безумья, удали
Ещё помучают меня.*

4 / II, 1924

*По-весеннему светит солнце,
Зеленее в полях трава.
На холодные руки клонится
Закружившаяся голова.*

*И дрожат холодные пальцы
На немой белизне листов,
Когда солнце мне улыбается
И смеётся даль облаков.*

*И манящие злою шуткой,
Зацветаньем мечты дразня,
Вечера догорают жуткие,
Утомительные для меня.*

5 / II, 1924

НОЧЬЮ

*Думы грешные, глухие,
Недоконченные думы.
Снятся шорохи ночные,
Снятся шорохи и шумы.*

*Запах вянущих нарциссов,
Пряный запах сон дурманит,
В темноте скребётся крыса
В зачарованном тумане.*

*Сумрак бледный и зловецкий
Еле трогает ресницы.
Что-то нежное трепещет,
Что-то ласковое снится.*

*Сны – всё ярче и нелепей,
Всё безумнее желанья...
Только слышен тихий трепет
Размеренного дыханья.*

5 / II, 1924

*Хочу, чтоб совсем не завяли вот эти нарциссы,
Чтоб свежими были они до другого букета.
Чтоб вечно желаний моих недоступные выси
Цвели и звенели, каким-то безумьем согреты.*

*Хотелось бы мне, чтобы тихий, медлительный вечер
Слетел, и взглянул, и сорвал равнодушную маску,
Чтоб спрятать от холода нервно-дрожащие плечи,
И думать. И плакать. И слушать красивую сказку.*
6 / II, 1924

.....
*В этой комнате убогой,
У холодных, бледных стен,
Жду в мучительной тревоге
Невозможных перемен.*

*Но сгорел он, день последний,
Не законченный ничем.
Я молчу. И шепчут тени
На откинутах плече.*

7 / II, 1924

*Я твёрдо знаю, что вольна сама
В судьбе упрямой и нелепой.
Душа боится холода ума,
Инстинкту доверяясь слепо.*

*Слепой душе не мил кратчайший путь,
Не радуют известные дороги,
Она бросается в глухую муть
Задора, счастья и тревоги.*

*Душа сильна: в ней блещет вечный свет,
Душа – огонь ума и тела.
Но только – если этой силы нет,
Как быть? Где взять её? Что делать?*

*Тогда душа безумна и больна,
И грубым жестом своеволья
На много страшных лет обречена
Ещё никем не вынесенной боли.*

7 / II, 1924

Над равнодушно-серым переплётом
Спадала прядь волос.
В молчании моём возникло что-то,
И что-то пронеслось.

Боялась я, что эта ночь разгонит
И жесты, и слова.
Покорно на холодные ладони
Упала голова.

Закрыв лицо, я что-то повторяла,
Не плача ни о чём.
А ночь зловецей дрожью целовала
Холодное плечо!

9 / II, 1924

Я поверила в нежную сказку,
Что, смеясь, рассказала весна.
Я сняла равнодушную маску
И теперь я одна и сильна.

Не боюсь я ни зла, ни ошибки,
И закатная даль не страшна,
Как же быть, если этой улыбке,
Трепеща, улыбнулась весна?

Что понять, когда сумрак струится
И под утро светлеет стена?
Теплым солнцем легла на страницы
Начинающаяся весна.

9 / II, 1924

ДОН-ЖУАН

Бледных рук заломленные кисти,
Страстью искажённое лицо.
Набросала шелестящих листьев
Осень на широкое крыльцо.

*И дрожали гаснущие взоры
В глубине сверкающих зеркал.
На окне, сквозь спущенные шторы
Луч заката догорал.*

*На лице тоскующем и странном
Только страсть, разбитая концом.
У окна склонилась Донна-Анна,
Донна-Анна спрятала лицо.*

*А над ней едва дрожащий мускул
И расширенная прорезь глаз.
От заката жалобно и тускло
Штора тёмная зажглась.*

*Он дышал порывисто и грубо
И до боли в пальцах пальцы сжал.
И сверкали сдавленные губы
В глубине тоскующих зеркал.*

*У окна безумной дрожью сжата,
Слышит ядовитый звук речей:
«Этот луч – не твоего ль заката
Блещет на опущенном плече?»*

*И склонились, жили и дрожали
Искривлённые его черты.
За окошком вечерели дали,
Ветер с веток обрывал листья.*

*И холёные ломая пальцы,
Он о счастье думал, чуть дыша...
У него, у гордого скитальца,
Разве может быть ещё душа?*

*На лице – задор любви и воли...
Только взгляд о чём-то тосковал,
Перекошенный нездешней болью
В глубине темнеющих зеркал.*

10 / II, 1924

ДОННА-АННА

*Над ней склонилась тишина,
А над постелью – пышный полог.
Упал на переплёт окна
Луны сверкающий осколок.*

*И пятна бились на полу,
В окно проникшие украдкой.
Дрожала в сумрачном углу,
Таясь, зелёная лампадка.*

*Ах, жизнь страшна, и ночь страшна,
Безумны роковые встречи.
Нежны у тёмного окна
Её опущенные плечи.*

*В бездонной глубине зрачков
Тоска о скрывшемся, о дальнем.
Холодный яд небрежных слов
Ещё звучит в просторной спальне.*

*Ползёт по сердцу холодок,
И губы бросили проклятье.
А там, в углу, перед распятьем
Дрожит зелёный огонёк.*

*На завтра – холод новых встреч
И жадный взгляд в зеркальной глади.
Легли на нежный мрамор плеч
Волос распущенные пряди.*

*В неверном свете фонаря
В саду захлопнулась калитка,
А завтра – новая заря,
Чтоб снова начиналась пытка.*

*Чтоб снова ждать, закрыв лицо,
В платок закутываясь серый,
Смотреть на белое крыльцо
И слушать шорохи портьеры.*

*Цветы склоняются, шуриша,
Ночь внемлет шороху и стуку...
О, разве вынесет душа
Такую дьявольскую муку?*

10 / II, 1924

ЗАПОВЕДИ

I

*Не бойся жить. Смотри в глаза беде.
Молвы не устрашайся двуязычной.
Сорви повязку с глаз. Хватай везде
Лишь холод правды грубой и циничной.*

*Пей кубок весь до дна. Не строй мечты.
Не бойся тьмы, позора и падений.
Иди смелей. И жизнь полюбишь ты,
Всё заменив тревогой впечатлений.*

II

*Верь в самого себя: душа сильна.
Не делай зла и не проси участия.
Верь и твори, пока душа полна,
Пока возможно истинное счастье.*

*Работай день. Придёт тоска – молчи.
А ночью – думай, верь и слушай ветер.
Познай себя. И ты найдёшь ключи,
Которых не нашли тысячелетья.*

III

*Будь в жизни прост. Силён будь сам собой.
Не повторяй заученные фразы.
Сам создавай закон. Борись с судьбой.
Таи от всех безумие экстаза.*

*Когда в твоей душе единства нет –
Раскрой её и разорви на части.
И ты найдёшь в тумане страшных лет
То, что бессмертнее и выше счастья.*

19 / II, 1924

*Иду в потёмках. Мир меня страшит.
Как бледный вор, ползу украдкой.
Везде пугают страшные загадки,
Тоска мятущейся души.*

*Как ночь страшна. В дрожанье сжатых рук
Растёт и ширится тревога.
Какой нелепой показалась вдруг
Ещё короткая дорога.
Мучительны минуты у стола,
За еле скрипнувшей дверью.
Давно уж раскололась пополам
Душа, объятая безверьем.*

*Всё страшно и мертво. Душа темна.
Дышать – мучительно и душно.
Не тронь! Уйди! Пусть буду я одна.
Мне больше ничего не нужно.*

19 / II, 1924

*Со мной никто не говорит.
И я одна. Совсем одна.
Не жду сверкающей зари.
Ах, ночь темна, душа темна!*

*Холодный взгляд. Немой упрёк
На плотно-сдавленных губах.
А боль, как вянущий цветок,
Поблекла в брошенных стихах.*

*За что? За то, что сердце – зверь?
Что не поверила уму?
Пусть будет вечер. Никому
Я больше не открою дверь.*

*Не боль страшна – страшна тоска,
Когда в тумане голова,
Когда сжимается рука,
Когда слетают с языка
Неповторимые слова.*

24 / II, 1924

*Возможно ли счастье
В тревоге летучей,
В дыханье весны?
Душа – силуэт у стены –
Порвалась, как туча,
На части.*

*Возможны ли светлые миги
Здесь, в комнате странной,
В просторном гробу?
Я здесь истязую судьбу.
Лежат на столе деревянном
Все новые книги.*

*И кажется – света не будет.
Как жалки стихов моих трели,
Ушедшие сны.
А там, в аромате весны,
Проходят без смысла, без цели
Угрюмые люди.*

*Дрожащему сердцу не верю:
Не жду сокровенного чуда,
Тоске не пытаюсь помочь.
Дождливая ночь,
Безумие, юность и удаль –
За хлопнувшей дверью.*

24 / II, 1924

*Бьются звенящие градинки
В красную крышу.
В сердце чуть видные ссадинки
Нюют всё глуше и тише.*

*Еле заметная трещина,
След одинокого горя...
Светлая радость обещана
Где-то за морем.*

*Стёртый, затерянный, маленький
Путь мой я сделаю сказкой...
Падают звонкие градинки
В бешеной пляске.*

24 / II, 1924

*Каждый том стихов – только новый ключ
От высоких дверей,
От глухих замков, от вечерних туч,
От души моей.*

*Каждый стон души – только новый дар,
Лучший дар земле.
В предвечерний час всё сильнее пожар
На моём стекле.*

24 / II, 1924

*Что мне до вечности, до вселенной,
Когда всё так бледно, мелко и тленно...
Весь мир зажат
В одном комочке,
И точка –
Сфаят.*

*Под черепичной красной крышей
Звонящих гимнов совсем не слышу,
Лишь вянут зори.
И льются думы
В ночные шумы
За море.*

*Я шумной жизни совсем не знаю,
А где-то живёт она и играет
Борьбою жаркой,
И тускло светит
В синем конверте
С нездешней маркой.*

24 / II, 1924

*Ты моей души владетель тайный,
Новый бог, меня повергший в трепет,
Ты, меня запеленавший тайной,
С бледных губ сорвавший жалкий лепет.*

*Влей мне в сердце новые желанья,
Озари темнеющие дали,
Чтобы вечно струнами звучали
Жадные слова богопознания!*

24 / II, 1924

*Надоело мне улыбаться,
Когда кошки по сердцу скребут,
Над собою же издеваться
И коверкать свою судьбу.*

*Надоело мне пить отравы,
И ничто не даёт ответ,
Как уйти от путей лукавых,
Как увидеть нетленный свет?*

*Вот за этой обложкой белой
Светит солнце чужого дня,
Что-то бьётся дерзко и смело,
Непонятное для меня.*

*Ах, бездонный мир не пойму я,
Яркий день не могу понять!..
Отражает тоску глухую
Моя клетчатая тетрадь.*

24/ II, 1924

*За приотворённой дверью,
У загадочных бликов стекла
Шевельнулась тоскливая, гордая мгла,
И душа – умерла.*

*Умерла для всего. И окутала плесень
Её тайной греха.*

*Но могучей, звенящей, кованой медью стиха
Из-под древнего серо-зелёного мха
Прозвучало – воскресни!*

26 / II, 1924

*Как величественный голос пророка,
Гром прокатился шаром.
Наступает исход рокового срока –
Сердце зажглося пожаром.*

*Дождь. Черепицы лязгают, как кости,
Как сабли, свистит ветер.
Сейчас мой тёмный двойник придёт и спросит
О счастье на этом свете.*

28 / II, 1924

*Мы – забытые следы
Чьей-то глубины.
А.Блок*

*Не широка моя дорога,
Затерянная в пыльной мгле...
Да что ж? Я не одна. Нас много,
Чужим живущих на земле.*

*Нам жизнь свою прославить нечем,
Мы – отражённые лучи,
Апостолы или предтечи
Каких-то сильных величин.*

*Нас неудачи отовсюду
Затопчут в грязь, швырнут в сугроб...
Нас современники забудут,
При жизни заколотят гроб.*

*Мы будем по углам таиться,
Униженно простершись ниц...
Лишь отражением зарницы
Сверкнём на белизне страниц.*

*И, гордые чужим успехом,
Стихами жалобно звеня,
Мы будем в жизни только эхом
Вдали рокошущего дня.*

28 / II, 1924

*Ночью бродит туман,
Всё становится белым.
Холод утра несмело
Прорезает зловещий дурман.*

*Разбросала тоска
Смех глухой и беззубый.
Шевелились безмолвные губы
И сжималась рука.*

*Но разлился везде
Запах пряного марта...
Ведь пройдёт он, угар-то
Двух последних недель.*

*Зацветает весна,
Голубея тоскующей далью.
В сердце, скованном сталью,
Натянулась до боли струна...*

*Только миг – и стихов в исступленье
Звякнул медные звенья...*

И сквозь боль улыбнётся весна.

11 / III, 1924

*Двенадцать дней скучала без стихов я,
Прошла охота, тронул холод дней,
И стёрлись знаки, писанные кровью
В глухой светлице души моей.*

*Скучали дни, тоскуя, гасли миги,
Мне стали чужды образы стихий,*

*Покрылись пылью тоненькие книги,
Я разучилась складывать стихи.*

*Но март завлѣк. И захотелось жить.
Ведь жизнь дана, чтобы её любить,
А не на тихое существованье.*

*В далёком солнце расцвела весна.
Мне хорошо: звучит струна,
Ещё сильны крылатые желанья!*

12 / III, 1924

НА ЗАВТРА

*На завтра – космография:
Зенит, склоненье, азимут,
И толстая тетрадь.
Раскрою, молча взяв её,
Гоняя скуку праздную,
И стану изучать.*

*Пусть много непонятного,
Все формулы решительно
Запомню наизусть.
Пусть много неприятного,
Работа утомительна,
Трудна, так что же? Пусть!*

*Из формул математики
Легко искать нетленное,
Хоть до потери сил...
А вечером слагать стихи
Про вечную вселенную,
Про шествие светил...*

13 / III, 1924

*Тѣплым солнышком согрета,
Нежной думой создана,
Подошла, играя светом,
Синеглазая весна.*

*Душу тронула улыбкой,
Синим небом расцвела,
Крылья изогнула гибко
У немытого стекла.*

*И когда за плотной ставней
Шевельнулась тишина,
Проскользнула песней давней
Тихо-грустная весна.*

*А вдали, где чад лампадный
Душу-бурю обманул,
Кто-то грустный, кто-то жадный
Ищет девочку весну.*

13 / III, 1924

БЛОКУ

*С тёмной думой о Падшем Ангеле,
Опуская в тоске ресницы,
Раскрываю его евангелие,
Его шепчущие страницы.*

*И у храма, где слёзы спрятаны,
Встану, робкая, за оградой.
Вознесу к нему мысли ладаном,
Тихо сердце зажгу лампадой.*

*Всё, что жадной тоской разрушено,
Всё, что было и отзвучало,
Всей души моей стоны душевные
Положу к его пьедесталу.*

*И его, красивого, падшего,
Полюблю я ещё сильнее.
Трону струны его звучащие
И замолкну, благоговая.*

13 / III, 1924

*Дрожащий сумрак бледен и угрюм.
Окно завешано.
В душе так много грубых, тёмных дум,
Одна – безгрешная.*

*Ворвавшегося воздуха струи
Скользнули в комнату.
Надломлены желания мои,
Одно – не тронута.*

*Смеются ямбы брошенных стихов,
Жгут мысли праздные...
В моей душе так много звонких слов,
Ещё не сказанных.*

17 / III, 1924

МАМОЧКЕ

*Над маслинами месяц двурогий.
На шоссе – большие круги.
Затишают в дали дороги
Звонко щёлкающие шаги.*

*Чуть качаются звонкие прутья,
По-человечьи кричит сова.
Тихо звякает на распутье
Уходящий в ночь караван.*

*Бесшумно шагающие верблюды.
Тихий стон ботал и бубенцов...
С затаённым предчувствием чуда
Я взглянула в твоё лицо.*

17 / III, 1924

*Я смотрела под маски смешливые,
В непритворную бледность лица.
Я смотрела в глаза молчаливые,
Узнавая тоску мертвеца.*

*Тихим взглядом, глухим и пронзающим,
Я смотрела в чужие глаза.
Я следила, как в сердце незнающем
Зажигалась, взметалась гроза.*

*Средь слепых я искала оракулов,
Средь могил находила живых.
Я поверила в душу других.
Посмотрела в себя – и заплакала.*

17 / III, 1924

ДОННА-АННА

I

*В своём чертоге позабытая,
Во мгле широкого окна.
Струится ночь в окно раскрытое,
В гостиной бьют часы. Одна.*

*И кисти рук бессильно падают,
В висках стучит и бьётся кровь...
Святой, мигающей лампадаю
Сгорела грешная любовь.*

II

*Грубой страсти тихая жертва,
Прозвучавшая грустной песней,
Да воскреснет она из мертвых,
Да воскреснет!*

*В жгучем вихре его дурмана,
Непорочная и святая,
Неразумная Донна-Анна,
Промелькнувшая грёзой мая.*

*Грубой страсти тихая жертва,
Непонятная, сокровенная...
Да воскреснет она из мертвых,
Благословенная!*

18 / III, 1924

ТЕРЦИНЫ

*Ты говоришь – не опошляй души.
Сама душа ведь, пошлая, трепещет.
А разум ждёт в тоскующей тиши.*

*На сердце холод, жуткий и зловецкий,
И как не слушать шёпота земли?
На свете есть диковинные вещи.*

*Ползут в морском тумане корабли.
Зачем теперь на них смотреть украдкой,
Когда в душе все струны порвались?*

*Ты говоришь: там холодно и гадко.
Пусть так. Но это – тёмный храм.
Лампадами горят мои загадки.*

*Все чувства и мечты хранятся там.
Пусть нет сокровищ там. Без содроганья
Его ключей я никому не дам.*

*А я молчу, хочу великой дани
С земли, с травы, с деревьев и камней,
Где цвёл мой взгляд наивного незнанья.*

*Да, хорошо не знать. Души моей
Тогда бы яд не разделил так быстро.
Но как не знать тоску весенних дней,
Прильнув к земле, холодной и душистой.*

21 / III, 1924

*Перед маленькой иконкой
Притаилась тишина.
Луч сверкающий и тонкий
Лёг на переплёт окна.*

*День мой – хоровод без песен,
Храм без восковой свечи.
Губы молятся: «Воскресе!
Подойди и научи!»*

*Но молюсь – у чьей иконы?
Даль тиха, душа пуста...
Мне остались только стоны
Не воскресшего Христа.*

26 / III, 1924

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ
(Псалом 136)

*На реках Вавилонских мы сидели и плакали,
А у ног шелестели струи.
Мы повесили арфы свои – и плакали...
Аллилуйя!*

*Нам твердили: «Воспойте нам песни Сионские!»
Сердце жадно тоскует.
Как споём на чужбине мы песни Сионские?
Аллилуйя!*

*Как забудем тебя, о, Сионе возлюбленный?
Да погибнет, тоскуя,
Кто, утешась, забудет свой дом погубленный...
Аллилуйя!*

*О, блажен, кто младенца на камни холодные
Бросит в полночь глухую,
Кто всю душу расколет о камни холодные.
Аллилуйя!*

26 / III, 1924

*Всю ночь поскрипывала дверь.
Рассвирепел шумливый ветер.
Теперь легко на этом свете,
Ведь больше не было потерь.*

*Дрожащий, позабытый свет
Струится в маленькую щёлку.
Бегите, мысли! Что в вас толку,
Когда души, души-то нет!*

*Как просто и легко теперь!
Как сладко плакать втихомолку!
Дрожащий свет струился в щёлку
И медленно скрипела дверь.*

26 / III, 1924

*Зацветает Иудино дерево,
Распускаются листья фиги,
Зацветает миндаль.
Дней крылатых не жаль.
Улыбнулись страницы книги
В первый раз после сумрака серого.*

*И узнала я вдруг,
Что желанье давно поблекло
И в тоскующий омут заброшено,
Что двойник мой с лицом перекошенным,
Тот, что плакал у тёмных стёкол, –
Мой единственный друг.*

*Что окрепнули крылья весны,
И, взмахнув, уронили звенящие сны.
И, как шорох пустой дороги,
В тихом танце теней
Вяжут звенья цепей
Сотворённые словом боги,
Неразумные боги.*

30 / III, 1924

КОШМАР

*Стоят колонны длинными рядами,
Торчит какой-то угрюмый дом.
А на скамейке сидят три дамы:
В лиловом, в жёлтом и в голубом.*

*Зачем-то тихо все трое встали.
Взлетели юбки, легли опять.
А та, что в жёлтом, в густой вуали,
От других отвернулась и стала ждать.*

*Суровым камнем за дамой в жёлтом
Торчал ненужный и страшный дом.
Кто-то в чёрном оцупью тихо прошёл там.
Прошёл. Вернулся. И встал под окном.*

*И было страшно, что к жёлтой даме
Придёт Неведомый бледных стран.
Было страшно думать о ней стихами
И за жёлтым платьем скользить в туман.*

31 / III, 1924

НА ВЕНЕРЕ

В.Матвееву

*На Венере есть жизнь, я верю.
В дынном омуте облаков
Так же люди есть на Венере,
Копошится там жизнь, я верю.
И в тропическом сне лесов
Блещут камни – по крайней мере,
Сотен бешеных городов,
И красива там жизнь, я верю.
Но что делается на Венере,
Что живёт миллионы лет,
Никакой трубой не измерить,
Математикой не проверить,
Инструментов и формул нет.
Чтоб увидеть жизнь на Венере,
Лишь философ, дитя и поэт
Видят этот нетленный свет,
И томятся они, и верят,
Что узнают в тумане лет
Ту – другую – жизнь на Венере.*

9 / IV, 1924

ВСЕЛЕННАЯ

В.Матвееву

*Небесный свод – к земле склонённый плат,
Грозящий мир тысячеглазый.
В немую гладь ничей пытливый взгляд
Ещё не проникал ни разу.*

*Глухая даль, где каждая звезда –
Великий мир, предвечный и нетленный,
И мы – песчинки – падаем туда,
В пасть ненасытную Вселенной.*

*И только меня одно мирит,
Что всё великое от века и до века,
Пространства, вечность, времена, миры –
Живут в сознание человека.*

9 / IV, 1924

БЛОК

*Об одежде его метали жребий
И делили между собой.
А он был жив, и о чёрном хлебе,
Может быть, тосковал порой.*

*У высокого пьедестала
Заставляли струны звучать,
А над ним, дрожа, догорала
В церкви тоненькая свеча.*

*Неподвижный, бледный и строгий,
Освятит он вечерний снег.
В тихих звуках явившись богом,
Умирал он, как человек.*

*А его святое наследье
Шумно делят между собой,
Восхваляют его, как дети,
И возносят перед толпой.*

*Я не знаю, он был или не был,
И какой он песней звучал.
Чёрным ангелом в чёрном небе
Он взошёл на свой пьедестал.*

9 / IV, 1924

*Я ласкала чёрную кошку,
Шевелила тёплую шерсть.*

*У меня есть цветы у окошка,
Много жёлтых ромашек есть.*

*На столе лежат в беспорядке
Перья, книги, карандаши.
Я давно отдала тетрадке
Тихий ропот моей души.*

*Я люблю облаков очертанья,
И цветы, и солнечный свет.
У меня есть много желаний, –
Как не быть им в семнадцать лет!*

*Если взгляд скользит со страницы –
Значит, в сердце стучит апрель.
Всё мне чаще и чаще снится
Тихий холод пустых недель.*

*По шоссе шевелятся тени,
Слышен смех и шаги кадет.
А на следующее воскресенье –
Гладь шоссе и велосипед.*

11 / IV, 1924

*Подойди к узорной тени,
Покорясь ночной тиши.
Здесь растает стон последний,
Тихий стон твоей души.*

*На безлюдном перепутье
Чутко вслушивайся в ночь.
Мыслей пёстрые лоскутья
Пробегут, играя, прочь.*

*Прошуришат воспоминанья
В тихом шелесте листвы.
В зачарованном дыханье
Колыхнувшейся травы.*

*Обойди по лунным пятнам
Прутья голые мимоз.*

*Всё покажется понятным
Без печали и без слёз.*

*Брось тревогу в тёмный омут,
Глянь, как блещут фонари.
Погрузись в ночную дрему,
Подожди, не говори.*

*Подойди к листве узорной,
Жар волнения потуши –
Здесь растает холод чёрный,
Тихий стон твоей души.*

4 / IV, 1924

*Неуютно, неряшливо смята постель,
В этой комнатке хмуρο и тесно.
Надо мной запекает родимый апрель
Колыбельную, грустную песню.*

*Он поёт, он поёт восемнадцатый раз
И тоскою мучительной дышит.
И я слушаю тихий, знакомый рассказ
Про какую-то юную душу.*

*Я легла и заплакала. Сны отцвели,
В диком вихре мелькнули недели.
Я лежала и слушала сказку земли –
Тихий шёпот родного апреля.*

16 / IV, 1924

*Не о прошлом, не о мучительном,
Что в душе и сейчас болит –
Я шептала о том, что видела
В синеватом тумане земли.*

*Слишком мало в душе оставлено.
Больше нет ни жалоб, ни слёз.
Мгла окутала белым саваном
Ряд колючих кустов мимоз.*

*Чуть белеют кривые линии
Убегающих в ночь дорог.
Раздувается платье синее
Веером над очертаньем ног.*

*Нервно дёргаю кисти пояса,
Стало жаль былой глубины,
Ах, оно тоже скоро скроется,
Моё солнце ранней весны!*

26 / IV, 1924

МАМОЧКЕ

*Я одна. Мой день бесцветен.
Жизнь моя пуста.
Тяжело на этом свете
Дышит пустота.*

*Кроме жалоб и печали
Больше песен нет.
Тихим стоном прозвучали
Восемнадцать лет.*

*Но моей глухой тревоги,
Милая, не тронь.
Слишком много, слишком много
Брошено в огонь.*

*Не разгонишь, не развеешь
Пепел тёмных дней.
Тихой лаской не согреешь
Холода ночей.*

*Будет тише, будет лучше,
Всё пройдёт, как чад.
То, что больше, то, что мучит,
Не придёт назад.*

*Нет, не встанет на дороге
Мой ретивый конь!
Только много, слишком много
Брошено в огонь.*

17 / IV, 1924

На ромашке всё ясней
Жёлтое колечко.
Силуэт мелькнул в окне –
Дрогнуло сердечко.

Нервно бросила платок,
Всё припоминая.
Плечи тронул холодок,
Отчего – не знаю.

Дёрнула поспешно дверь,
Не смеясь, не плача.
Пожелайте мне теперь
Боевой удачи!

18 / IV, 1924

На тихую песню,
На пёструю сказку –
Я в сердце лелею
 Холодный яд.
Нет мига чудесней,
Нет ласковей ласки,
Нет зова страшнее,
 Чем тихий взгляд.

Не вечно безверье,
Не вечно томленье,
Легко эту муку
 Перенести.
У скрипнувшей двери
Моё пробужденье.
Схватившему руку
 Скажу – пусти!

Губам, слишком дерзким,
Не вечно смеяться.
Привыкло к обманам
 Сердце моё.

*У той занавески,
Где звуки мне снятся,
Ночь веет дурманом
И забытьём.*

18 / IV, 1924

*Слишком многое не досказано,
Слишком много сгорело в огне.
Если слабые крылья связаны –
Так о чём ещё думать мне?*

*Оттого тихим часом утреним
Я с тоской смотрела в окно,
Оттого у святой заутрени
Было буднично и темно.*

1 / V, 1924

*Я рано перестала верить,
Забыла песни литаний,
Я стала только рифмой мерить
Мои тоскующие дни.*

*А там, где белые страницы
Пронзил зигзаг карандаша,
Упала раненой орлицей
Моя тревожная душа.*

*Терзаясь муками безверья,
Пугливо кутаясь в платок,
Я рано закрываю двери
И запираю на крючок.*

*Мечты раскрашенной не надо,
Я правду свято берегу.
Перед иконою лампы
Рукой дрожащей не зажгу.*

*Мне жизнь – тревожная борьба.
Змеится белая дорога,
Куда одна, без слёз, без Бога
Уйду с насмешкой на губах.*

1 / V, 1924

*Мне, как женщине, знакома жалость,
Я иду на звон чужих цепей.
Мало что в душе теперь осталось
От того, что прежде было в ней.*

*Всё сожгла, спалила, раздала
И своих святынь не сберегла.
Не напрасно я тогда томилась
У глухого, тёмного стекла.*

*Только голос мне звучит уныло,
Как звучат далёкие шаги:
«Береги нетронутые силы,
Для других, бессильных – береги!*

*Уже слышен, слышен звон железный.
Много их. Идут, взметая пыль.
Нищему над самой страшной бездной
Дай последний нищенский костыль».*

3 / V, 1924

*Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далёкой ночной дорогой.*

*Я верю в Россию. Там жизнь идёт,
Там бьются скрытые силы.
А здесь – у нас – тёмных дней хоровод,
Влекущий запах могилы.*

*Я верю в Россию. Не нам, не нам
Готовить ей дни иные.
Ведь всё, что свершится, так только там,
В далёкой святой России.*

7 / V, 1924

*Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.
Анна Ахматова*

*Я девочкой уехала оттуда,
Нас жадно взяли трюмы корабля,
И мы ушли – предатели-Иуды –
И прокляла нас тёмная земля.*

*Мы здесь всё те же. Свято чтим обряды,
Бал задаём шестого ноября.
Перед постом – блины, на праздниках – парады:
«За родину, за веру, за царя!»*

*И пьяные от слов и жадные без меры,
Мы потеряли счёт тоскливых лет,
Где ни царя, ни родины, ни веры,
Ни даже смысла в этой жизни нет.
Ещё звенят беспомощные речи,
Блестят под солнцем Африки штыки,
Как будто бы под марш победный легче
Развеять боль непрошенной тоски.*

*Мы верим, ничего не замечая,
В свои мечты. И если я вернусь
Опять туда – не прежняя, чужая, –
И снова к жёлтой двери постучусь, –*

*О, сколько их, разбитых, опалённых,
Мне бросят горький и жестокий взгляд, –
За много лет, бесцельно проведённых,
За жалкие беспомощные стоны,
За шёпоты у маленькой иконы,
За тонкие, блестящие погоны,
За яркие цветы на пёстрых склонах,
За дерзкие улыбки глаз зелёных,
За белые дороги, за Сфаят.*

*И больно вспоминая марш победный,
Я поклонюсь вчерашнему врагу,*

*И если он мне бросит грошик медный –
Я этот грош до гроба сберегу.*

7 / V, 1924

*Как он спокоен, говорит и шутит,
Бессмысленный убийца без вины,
Он, оглушённый грохотом орудий,
Случайное чудовище войны.*

*Как дерзок он, как рассуждает ловко,
Не знающий ни ласки, ни любви.
А ведь плеча касался ствол винтовки
И руки перепачканы в крови.*

*О, этот смелый взгляд непониманья,
И молодой, задорно-дерзкий смех!
Как будто убивать по приказанью
Не преступленье, не позор, не грех.*

7 / V, 1924

*В глухой горячке святотатства,
Ломая зданья многих лет –
Там растоптали в грязь завет
Свободы, равенства и братства.*

*Но там восстанет человек,
Восстанет он для жизни новой,
И прозвучит толпе калек
Ещё не сказанное слово.*

*И он зажжёт у алтаря
Огонь дрожащими руками.
И вспыхнет новая заря,
Как не оплёванное знамя.*

8 / V, 1924

МАМОЧКЕ

*Всё не сидится, всё тревожится,
В душе – холодный яд.
Пойдём со мной до бездорожицы,
Потом – назад.*

*Какой тоской к земле приколота?
Дай руку! Говори!
О, посмотри, как много золота
В лучах зари.*

*О, глянь, какая кровь на западе...
А мы с тобой – вдвоём.
Мне душно, душно в тихой заводи!..
Давай – уйдём?*

8 / V, 1924

*Мечтательный дактиль,
Стремительный ямб –
Все братья, все братья,
Мои друзья!*

*Весёлые крылья,
И братьев – пять, –
Как жизнь не отдать
За это всесилье?*

8 / V, 1924

*У богомольных есть красная лампадка,
В углу притаились образа Пречистой.
Дрожа, горит огонёк лучистый.
Придут из церкви – распивают чай.*

*У домовитых – во всём порядок,
На окнах – белые занавески.
В вазочках цветы, и ветер резкий
Их касается невзначай.*

*У вечно-мудрых есть страшные загадки,
Есть толстые книги и умные фразы.
У вечно-дерзких есть восторг экстаза,
Заменяющий светлый рай.*

*У меня нет красной лампадки,
У меня нет белой занавески,
Нет писаний мудрых и веских,
А комната у меня – сарай.*

*У меня есть синяя тетрадка,
У меня есть белые книги.
У меня зато есть пёстрые миги
И неистовый месяц – май.*

17 / V, 1924

*Станет больно – не заплачу,
Станет грустно – не вздохну.
Мне ли не найти удачу,
Не найти свою весну!*

*Или плох мой пёстрый жребий,
В омут кинувший меня?
Иль не виден в тёмном небе
Отблеск прожитого дня?*

*Сердце не устанет биться,
В нём звучит, звучит струна.
Я на белые страницы
Нанизала имена.*

*С каждым именем – начало
Новых дней и новых грёз.
Много плакала ночами,
А теперь – не стало слёз.*

*Мне ль не встретится удача?
Дни звенят, как связка бус.
Станет больно – не заплачу,
Станет грустно – улыбнусь.*

19/ V, 1924

Мне не нужно горьких оправданий
Прежних дней, разбросанных святынь.
Я не требую жестокой дани –
Данью будет горькая полынь.

Я сама теперь уж не такая,
Я совсем не прежняя, не та,
Что тогда, тоскуя и мечтая,
Слушала, как стонет темнота.

Злобных слов в моём круговороте
Больше нет. Всё злое – позади.
Эти полированные ногти
Не скребут цепочку на груди.

И волос зачёсанные пряди
Не ползут на загорелый лоб.
В этом странном – не моём – наряде
Мне ясней, что прежнее прошло.

Я, бросая взгляд непониманья,
По ночам – бесстрашна и черства,
Я твержу арабские названия,
Имена... и числа... и слова.

19 / V, 1924

Ведь прежде – такая мука,
Такая была тоска.
Смотрю на тёмную руку –
Моя ли это рука?

На мне ли – белое платье,
На пальце блестит кольцо.
Волос завитые пряди,
Напудренное лицо.

Теперь не дрожат ресницы,
Не кружится голова.
А там, на белых страницах,
Совсем другие слова.

*Где следы от печали грубой?
Где эта страшная боль?
Сложила улыбкой губы –
Мне нравится эта роль.*

*Со всеми проста и спокойна,
А плакать не буду ни с кем.
Ведь больно ещё мне, больно
Твердить о прошлой тоске.*

19 / V, 1924

*Рано каяться. Жизнь занесёт
Этот бешеный хмель покаянья.
Ведь не всё же прошло, не всё
Будет в жизни моей – без названья.*

*А когда назову имена,
Я пойму не прощённую муку –
Всё равно оборвётся струна.
И тогда холодна и бледна
Для креста подниму я руку.*

*И кладя за поклоном поклон,
Проклиная всей жизни угарность, –
Я вплету еле слышимый стон –
В покаянии – благодарность.*

19 / V, 1924

*Засыная, повторяла имя,
Просыпаясь, твердила другое.
В щель смеялось небо голубое,
Бочку с водой провозили мимо.*

*Эта бочка мне помешала,
Нежный сон сорвала так грубо.
Надуваю капризно губы,
И скорее – под одеяло.*

*И смешалось в воображенье
Всё, что было и не бывало.*

*Было счастье, но слишком мало.
Так и жизнь пролетает в томленье
По высокому идеалу.*

19 / V, 1924

*Больше дерзаний! Смелей вперёд!
Ведь жизнь не ждёт*

*Смелее! Лукавей!
В наивном незнание,
В смелом дерзание
Пусть к славе.*

*Нелепость? Что ж!
Долой размеры!
Есть чувство меры –
Не упадёшь!*

*За всё, что просто,
За самого крайнего,
За Марину Цветаеву –
Мой первый тост!*

*Инстинкт направит.
Смелее будь!
Там – верный путь
К славе!*

19 / V, 1924

*Я в этот мир вошла несмелой
Девчонкой.
А из него уйду умело –
Сторонкой.
И, уходя, скажу: прощайте!
Я не такая.
Вам не увидеть на свете счастья,
А я узнаю*

20 / V, 1924

СОНЕТЫ

I

*У двери, в темноте, сидела я одна.
Взметался ветер, листьями играя,
И слышались шаги, тревожно замирая,
Их жадно поглощала тишина.*

*Моя кабинка, тесная, темна,
В ней притаилась тишина немая.
Мне было больно. Я была одна.
И ветер пел, тревогу заглушая.*

*Я знала: вечер мне не даст ответа.
Я знала: боль – один короткий миг,
Когда тот стих в душе моей возник.*

*Теперь мне странно вспоминать об этом.
И звонко-кованым стихом сонета
Я эту боль вплету в победный крик.*

II

*Я не умею говорить слова,
Звучащие одними лишь словами.
Я говорю мгновенными стихами,
Когда в огне пылает голова.*

*Мой слух не ранит острая молва,
Упрёк не тронет грязными руками.
А восемнадцать лет, как ураган, как пламя –
Вступили, наконец, в свои права.*

*И если кто-нибудь войдёт ко мне,
И взглянет мне в глаза с улыбкой ясной, –
Он не таким уйдёт назад. Напрасно
Он будет думать о своей весне.
Я так беспомощно, так безучастно
Томлюсь в каком-то жутком полусне.*

III

*Мне всё равно – себя или других
Широкой кистью рисовать в сонете.
Мне всё равно, кому дать строки эти,
Кому отдать мой выкованный стих.*

*Мне безразлично – добрых или злых
Я буду видеть при вечернем свете.
Мой взгляд спокоен, голос слишком тих.
Опять тоску напоминает ветер.*

*В моей кабинке грустно и темно.
Чуть светит лампа. Бледные звезды
Ещё цветут. На занавесках блики.*

*Блуждает боль в душе моей двуликой.
И мне припомнилось: давным-давно
Я ранним утром глянула в окно...*

IV

*Я видела нерукотворный свет,
Проникший сквозь затворённые ставни.
Я видела, как утро песней давней
Мне слало братский, радостный привет.*

*И я узнала, что восстал поэт
В моей душе. И сразу стало явным,
Что в жизни всё – утонченный сонет,
Суровый гимн, торжественный и плавный.*

*Я стала ждать, тревожно цепenea,
Того, что будет лучше и яснее.
Я полюбила холод снов моих.*

*Но знаю я: средь звонких и глухих
Суровых стоп – всех ярче и сильнее
Один неконченный, не выкованный стих.*

V

*Молчание мне сказку рассказало,
Мне что-то нашептала тишина.
Ведь для меня здесь веяла весна.
Я прежде этого не понимала.*

*Ведь для меня – немая гладь канала.
Весёлый воздух, утро, тишина,
И на песок прикишая волна.
Мне этого казалось слишком мало.*

*А дома, жарким солнцем разогрета,
Весь день не говорила я ни с кем.
Сидела в темноте, не зажигая света.*

*Потом я стала думать о тоске.
И вот теперь, как ветер на песке –
Весь вечер буду рисовать сонеты.*

26 / V, 1924

В БИЗЕРТЕ

*Я ехала по пальмовой аллее
На быстром, словно конь, велосипеде.
Мне дул в лицо солёный ветер с моря
И солнце жгло меня своим лучом.
Там, как всегда, какой-то резвый мальчик
Учился ездить на велосипеде,
И падал, не умея руль держать.
И бегала за ним толпа мальчишек,
Придерживая за седло.
Когда-то по узорной тени листьев
И я здесь так же начинала ездить
Там, где теперь несусь легко и смело,
Одной рукой придерживая руль.
...На пляже вырос длинный ряд кабинок.
Едва шурило ласковое море,
И раздавались радостные крики,
И громкий смех, и звонкие слова.
Я повернула влево, где дорога
Была покрыта пылью и камнями.
Дома теснились, как грибы. И дети
Играли на пустынной мостовой.
И толстая, босая итальянка
На куст колючек вешала бельё.
Я въехала на ровную дорогу
И быстро заскользила по асфальту.
С небес безоблачных жгло солнце,
И раскаляло камни мостовой.
По главным улицам я ехала одна,
Лишь в угловых кафе и шумных барах,
На ровном тротуаре, под навесом,*

Сидела публика у маленьких столов
С бокалом ледяного пива.
А у дверей высокого костёла
Шумела пёстрая, воскресная толпа.
Мелькали канотье, пестрели банты
И голубые шапки офицеров,
И яркие костюмы хрупких женщин,
И белизна открытых рук и плеч.
Я быстро ехала на треугольник,
Где гордо к нему устремлялись пальмы
И где вокруг извозчики лениво
Под козлами дремали на жаре.
Не встретив там того, кого искала,
Я снова быстро повернула к морю.
Завешены витрины магазинов,
На тротуарах не было прохожих,
Пыхтя, не ползали автомобили,
Навстречу никого не попадалось,
И улицы, напуганные зноем,
Так были странно глухи и пустынно,
Пустынны – как душа моя пустынна.
Способная вместить в себя стихи,
И жгучесть солнца, и дыхание ветра,
И шорох моря, и напевы слов, –
Как та душа, которая преступно
Не сберегла случайного богатства.

26 / V, 1924

Всё бежим – и не убегаем,
Будто белка в колесе.
Отчего – и сама не знаю –
Вдруг мне вспомнилось Туансе.

Вечер. Берег мокрый и низкий.
И в душе бессильная месть.
Миноносец из Новороссийска
Нам принёс роковую весть.

И ушли мы – но не укрылись,
И к концу четвёртой весны –

*В безнадёжном тупом бессилье
Снова ждём могучей волны.*

*Среди белых шоссе Бизерты
Слишком тихих дней и не счесть.
Вдруг принёс роковую весть
Из Парижа листок газеты...*

30 / V, 1924

БАЛЛАДА О ДВАДЦАТОМ ГОДЕ

I

*Стучали колёса:
«Мы там... мы тут...»
Прицепят ли, бросят,
Куда везут?*

*Тяжёлые вещи
В тёмных углах.
На холод зловеций
Судьба взяла.*

*Тела вповалку
На чемоданах.
И не было жалко,
И не было странно.*

*Как омут бездонный,
Здание вокзала,
Когда по перрону
Толпа бежала.*

*В просторных залах
Валялись солдаты...
Со стен вокзала
Дразнили плакаты.*

*На сердце стоны:
Возьмут. Прицепят.
Вагоны, вагоны –
Красные цепи.*

Глухие зарницы
Тревожных боёв.
Тифозные лица
Красных гробов.

Свистки паровозов,
Грязь на путях.
Берут, увозят,
Кого хотят.

Куда-то увозят
Танки и пушки...
Кругом паровозы,
Теплушки, теплушки.

Широкие двери
Вдоль красной стены.
Не люди, а звери
Там спасены.

Тревожные вести
На мокрых путях.
Безумие мести
В сжатых руках.

Лишь тихие стоны,
Лишь взгляд несмелый,
Когда за вагоном
Толпа ревела.

Сжимала сильнее
На шее крестик.
О, только б скорее,
О, только б вместе!

Вдали канонада.
Догонят? Да?
Не надо, не надо!
О, никогда!

Прощальная ласка
Весёлого детства –

*Весь ужас Батайска,
Безумие бегства.*

II

*Как на острове нелюдимом,
Жили в маленьком Туансе.
Корабли проходили мимо,
Тайной гор дразнило шоссе.*

*Пулемёт стоял на вокзале...
Было душно от злой тоски.
Хлеб по карточкам выдавали
Кукурузной жёлтой муки.*

*Истомившись в тихой неволе,
Ждали – вот разразится гроза.
Крест зелёный на красном поле
Украшал пустынный вокзал.*

*Было жутко и было странно
С наступленьем холодной тьмы.
Провозили гроб деревянный
Мимо окон, где жили мы.*

*По-весеннему грело солнце,
Тёплый день наступал не раз.
Приходили два миноносца
И зачем-то стреляли в нас.*

*Были тихи тревожные ночи,
Чутко слушаешь, а не спишь.
Лишь единственный поезд в Сочи
Резким свистом прорезывал тишь.*

*И грозила кровавой расплатой
Всем, уставшим за тихий день,
Дерзко-пьяная речь солдата,
В шапке, сдвинутой набекрень.*

III

*Тянулись с Дона обозы,
И не было им конца.*

*Звучали чьи-то угрозы
У белого крыльца.*

*Стучали, стонали, скрипели
Колёса пыльных телег.
Тревожные две недели
Решили новый побег.*

*Волнуясь, чего-то ждали,
И скоро устали ждать.
Куда-то ещё бежали
В морскую, мутную гладь.*

*И будто бы гул далёкий,
Прорезав ночную мглу,
Тоской звучали упрёки
Оставшихся на мону.*

IV

*Ползли к высокому мону
Тяжёлые корабли.
Пронизывал резкий холод
И ветер мирной земли.*

*Дождливо хмурилось небо,
Тревожны лица людей.
Бродили, искали хлеба
Вдоль керченских площадей.
Был вечер суров и долог
Для мартовских вечеров.
Блестели дула винтовок
В пьяном огне костров.*

*Сирена тревожно и резко
Вдали начинала выть.
Казаки в длинных черкесках
Грозили что-то громить.*

*И было на пристани тесно
От душных, скорченных тел.
Из чёрной, ревущей бездны
Красный маяк блестел.*

V

Нет, не победа и не слава
Сияла на пути.
В броню закованный дреднаут
Нас жадно поглотил.

И люди шли. Их было много,
Ползли издалека.
И к ночи ширилась тревога
И ширилась тоска.

Открылись сумрачные люки,
Как будто в глубь могил.
Дрожа не находили руки
Канатов и перил.

Пугливо озирались в трюмах
Зрачки не знавших глаз.
Спустилась ночь – страшна, угрюма,
Такая – в первый раз.

Раздался взрыв, тяжёлый, смелый.
Взорвался и упал.
На тёмном берегу темнела
Ревущая толпа.

Все были, как в чаду угара,
Стоял над бухтой стон.
Кровавым заревом пожара
Был город озарён.

Был жалок взгляд непониманья,
Стучала кровь сильнее.
Волнуясь, что-то о восстанье
Твердили в стороне.

Одно хотелось: поскорее
И нам уйти туда,
Куда ушли, во мгле чернея,
Военные суда.

*И мы ушли. И было страшно
Среди ревущей тьмы.
Три ночи под четвёртой башней,
Как псы, ютились мы.*

*А после в кубрик опускались
Отвесным трапом вниз,
Где крики женицин раздавались
И визг детей и крыс.*

*Там часто возникали споры:
Что – вечер или день?
И поглощали коридоры
Испуганную тень.*

*Дрожа, ощупывали руки,
И звякали шаги.
Открытые зияли люки
У дрогнувшей ноги.*

*Зияли жутко, словно бездны
Неистовой судьбы,
И неизбежно трап отвесный
Вёл в душевные гробы.*

*Всё было, точно бред: просторы
Чужих морей и стран,
И очертания Босфора
Сквозь утренний туман.*

*По вечерам напевы горна,
Торжественный обряд.
И взгляд без слёз, уже покорный,
Не думающий взгляд.*

*И спящие вповалку люди,
И чёрная вода.
И дула боевых орудий,
Умолкших навсегда.*

*Ах, не надо больше душных зелий,
Ах, не надо больше ярких крыльев.
На душе – холодное веселье,
На душе – дрожащее бессилье.*

*И не надо фраз, глухих и зыбких,
И не надо больше лести грубой.
Скованы спокойною улыбкой
Прежде не улыбчивые губы.*

20 / VI, 1924

*Когда я душу ломала,
На столе смеялись нарциссы.
Когда душа опустела –
В траве хохотали маки.*

*Как пусто и скучно стало,
Когда мраком оделись выси.
Я вышла легко и смело:
Мне были условные знаки.*

*Когда я звонко смеялась,
Спускался бесшумный вечер.
Когда я с тоскою слюбилась,
Плескало на берег море.*

*И в глуби небес отражались
Мимоз золотые свечи.
И снова душа приоткрылась
Для радости и для горя.*

*О, эта безумная жалость,
Послушная мысли гибкой!
Нет, ты не напрасно явилась –
На сжатых губах – улыбка.*

20 / VI, 1924

БЕДУИНКА

*Как будто на пёстрой картинке
Далёких, сказочных стран,
Красавицы бедуинки
Отточенный, гибкий стан.*

*Из древних легенд и преданий,
Из песен степей и гор
Возникли синие ткани
И пламенный, дикий взор.*

*Как в статуе древней богини,
В ней дышат величье и мощь.
В ней слышится зной пустыни
И тёмная, душная ночь.*

*Над ней – колдовства и обманы,
Дрожанье ночного костра,
И звон, и хохот тимпана
Под тёмным сводом шатра.*

*И вся она – сон без названья
У серых стволов маслин,
Глухой Атлантиды преданья,
Лукавый мираж пустынь.*

*Блестящи на ней браслеты,
И взгляд величав и дик,
Как кованые силуэты
Из ветхозаветных книг.*

23 / VI, 1924

*Нет, не простит мне этот взгляд весёлый
Дождливых вечеров и тихих слёз!..
У ярко-жёлтых шариков мимоз
Лёг вечер напряжённый и тяжёлый.*

*Как жуткий бред, ползёт за часом час,
Трещат в полях звенящие цикады.*

*Нет, не простить мне медленного взгляда
Уверенных и неподвижных глаз*

1 / VII, 1924

*Я люблю на белых страницах
Полированный блеск ногтей.
Я люблю, когда вечер струится
Через щели ставни моей.*

*И у тёмной, раскрытой двери
В миг мучительных вечеров
Снова ждать, и жалеть, и верить
Над любимой книгой стихов.*

*И уставившись в тёмный угол,
В прихотливый узор теней, –
Уходить из тесного круга
Нелюбимых, неярких дней.*

11 / VII, 1924

*В тот час, когда опять увижу море
И грязный пароход, –
Когда сверкнёт надежда в робком взоре
И якорь поползёт.*

*В тот час, когда тяжёлый трап поднимут
И просверлит свисток,
И проскользнёт, уж неозвратно, мимо
Весь белый городок.*

*И над рулём, журча, заплещет ровно
Зелёная вода, –
Я всё прощу, я всё прощу любовно,
Как прежде – никогда.*

*И пробегая взглядом крест костёла,
Бак и маяк большой, –
Я снова стану девочкой весёлой
С нетронутой душой.*

11 / VII, 1924

НЕВЕДОМОМУ ДРУГУ

*Мой странный друг, неведомый и дальний,
Как мне тебя узнать, как мне тебя найти?
Ты мне предсказан думою печальной, –
Мы встретимся на вьющемся пути.*

*Обещанный бессолнечными днями,
Загаданный печалью без конца,
Ты мне сверкнул зелёными глазами
Случайного, весёлого лица.*

*Прости за то, что самой нежной лаской
Весенних снов и песен был не ты.
Прости, прости, что под весёлой маской
Мне часто чудились твои черты.*

20 / VII, 1924

*Руки пахнут мясом после кухни,
Волосы зачёсаны назад.
Лампа керосиновая тухнет
И слипаются глаза.*

*В крепком теле лёгкая истома,
Вьются вихри безотчётных дум.
Вечер душен. Никого нет дома,
У соседей – ровный шум.*

*В гамаке красиво будет ночью
При сверкающей луне.
Через день, по вечерам, до почты,
Сердце бьётся чаще и больней.*

22 / VII, 1924

ХЕДДИ

(Арабский мальчик)

*Кусочек природы, как ветер, как птица,
Подвижный, как пламя высоких костров,
Весёлый, как день, никого не боится,
В какие-то тряпки одетый пестро.*

*Приветлив, как солнце, беспечный ребёнок,
Задорен и весел смеющийся взгляд,
Ослаблены зубы, а голос так звонок,
Как писк воробьёв, как трещанье цикад.*

*Как будто сошёл он с рекламы летучей,
Как будто бы создан из этой земли.
Сродни ему змеи и кактус колючий,
И белые камни в мохнатой пыли.
Простой и беспечный, как юные годы,
От мыслей и фраз бесконечно далёк.
Он – часть этой яркой и дикой природы,
Колючих растений нелепый цветок.*

23 / VII, 1924

НОЧЬ НА КЛАДБИЩЕ

*Чугун оград. Могильные кресты.
Теней подвижных бледные узоры.
У статуи высокой командора
Несмелых ног чуть видные следы.*

*Лукаво подползающий туман.
Неверный свет лампы в тёмном склепе.
И у ограды бледный Дон-Жуан,
Узнавший страх и ощутивший трепет.*

27 / VII, 1924

*Вечером, в грязные окна
Бьётся румяный закат.
Блещет распуценный локон,
Меркнет растерянный взгляд.*

*Ночью лукавые тени
Пляшут на белой стене.
Отсветы новых видений
Начали грезиться мне.*

*Дни, как свободные птицы,
Больше не знают оков.
Реже пестреют страницы
Рифмами новых стихов.*

*Нет ни тоски, ни удачи,
Ровно, тепло, хорошо...
День прозябанья прошёл,
А настоящий – не начат.*

4 / VIII, 1924

*Шатаюсь, будто пьяная,
И места не найду.
Такие мысли странные
Ползут в полубреду.*

*Лукавых формул пленница –
Я вольная опять.
Последняя бездельница –
Я начала скучать.*

*И жжёт в мозгу то самое,
Что страшно помянуть.
И тянет, тянет за море,
В неведомую жуть.*

4 / VIII, 1924

*А с каждым вторником Сфаят пустеет,
Прощаются, спешат на пароход.
Два-три лица серьёзней и грустнее,
И снова время тихое плывёт.*

*Есть где-то мир, и все идут вперёд.
И только, ничего не понимая,
Зачем-то – сильная и молодая –
Ненужным дням я потеряла счёт.*

5 / VIII, 1924

НАТАШЕ П.

*Из сочетаний закруглённых линий
Возникнет стих, как пёстрая змея.
Мохнатой тушью ляжет вечер синий,
И сочетанья закруглённых линий
Совьёт в мечты, волнение затая.
И ярко выкуется жизнь твоя
Из сочетанья закруглённых линий.*

9 / VIII, 1924

*Эти лилии пахнут дурманяще –
Восковые, немые цветы.
Где найду своим мыслям пристанище,
Если лишним окажешься ты?*

*Если всё дорогое – унижено,
Если день мой на вечер похож?
И глядишь мне в глаза неподвижные,
Ты, моя не прощёная ложь.*

12 / VIII, 19

«ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ» МЕРЕЖКОВСКОГО

*Вечная, божественная мудрость,
Красота и роковые числа...
Ах, над этой книгой встрепелась
Не одна беспомощная мысль!*

*Он, сверкнувший взором Иоанна,
Призрачной улыбкой Моны-Лизы,
В душу мне взглянул светло и странно,
Как глаза, опущенные вниз.*

*И, познав безумие желанья,
Он – как бог не созданного храма.
Ах, не одному лишь Джиованни
Душу он расколет пополам!*

19 / VIII, 1924

ЧТО БУДЕТ

*Пусть будет мир шуметь и волноваться,
Пусть будет падать созданная цель!
Я буду только кротко улыбаться,
Безропотно качая колыбель.*

*Из злой девчонки, дерзкой и капризной,
Стремившейся весь мир пересоздать,
Я стану самая простая в жизни,
И самая безропотная мать.*

*За детский крик, за тонкий луч лампадки
Всё брошу, что прошло передо мной.
И станет для меня такой чужой
Растрёпанная синяя тетрадка.*

19 / VIII, 1924

*Не смотри в глубь расширенных глаз,
Не пугайся ни боли, ни страсти.
Не забрасывай хищные сети
С неизбежной истомой в крови.*

*Будь простой и покорной, не раз
В нервной боли сжимая запястья,
Не играй, как наивные дети,
В кущи райских садов не зови.*

*А, как жертву, без огненных фраз,
Без иллюзии пышного счастья,
Повтори эту сказку столетий,
Эту тихую сказку любви.*

20 / VIII, 1924

*Такой скучающей и молчаливой
Ведёт её судьба.
Она – мучительно самолюбива
И жалобно-слаба.*

*Проходят дни туманной вереницей
И плачет в них тоска.
По вечерам, над белою страницей
Дрожит её рука.*

*В её глазах – бессмысленно и скучно,
Душа её – мертва,
И потому так однозвучны
Её слова.*

*С гримасою развенчанной царицы
Беспомощно живёт.
А что порой в душе её творится –
Никто не разберёт.*

*Глядит на всё с неискренним презреньем,
С беспомощной душой.
Вот почему с таким ожесточеньем
Смеётся над собой.*

*Пусть говорит, что ей во всём удача,
Что в жизни нет «нельзя»,
Ведь часто по утрам красны от плача
Бесслёзные глаза.*

*Ведь жизнь одна. Ведь юность хочет дани,
И некуда идти.
И даже нет лукавых оправданий
Бесцельного пути.*

21 / VIII, 1924

*Немного сентиментализма,
Сарказма и штрихов карандаша –
И вот та призма,
В которой преломляется душа.*

*Когда же мир одеть тревогой,
То он создаст мечту.
Ещё немного –
И жизнь совсем сорвётся в пустоту.*

23 / VIII, 1924

Да, я лгала, как лгут все женщины.
Был день мой жалок и суров.
Мне радость пышная обещана
Ненастьем зимних вечеров.

Я надевала платье синее,
Слагала однозвучный стих,
Я на столе чертила линии,
Тоску изображая в них.

А сердце билось зло и бешено,
Ненастный дождь стучал в окно,
И я лгала, как лжёт лишь женщина,
Когда ей больно и темно.

28 / VIII, 1924

Как я устала ждать украдкой
И говорить себе: молчи...
Я там, на теннисной площадке
Бросала белые мячи.

Но надоело хохотать,
Бессмысленные слушать речи...
Я смутно знала, что опять
Настанет тихий, тёмный вечер.

Когда туман вставал с долин
В лукаво-грустный час заката
И красил воздух розоватый
Дуплистые стволы маслин, –

Я шла испытанной тропой,
Упрямо сдерживая слёзы,
Туда, где шелестят листвою
Колючие кусты мимозы.

И я узнала, что вдали
Вставал тяжёлый, тёмный вечер,
Зажгли огонь, – и все ушли,
И смолкли шорохи и речи.

*Пустая темнота страшна,
Так странно-тихо за стеною...
Я молча села у окна,
Уж опьянённая тоскою.*

*О, эта страшная тоска!
О, эти медленные миги!
Лежала сильная рука
На переплёте скучной книги.*

*Слегка кружилась голова,
Скользнула книга на колени,
И пронеслись в воображенье
Тоской звучащие слова...*

*И задыхаясь, не дыша,
Я поняла, что всё отравя,
Что стала нищенкой лукавой
Когда-то сильная душа.*

29 / VIII, 1924

*Тоска по уюту, по дому.
Томленье без смысла, без веры
О том, что совсем не вернётся.*

*А я погрузилась, как в омут,
В теории рифм и размеров.
Забыла про яркое солнце.*

*Тяжёлый и душный сирокко
Сковал мои робкие думы,
Раскинул ленивые руки.*

*И чудилось мне, что далёко
Опять всколыхнулись угрюмо
Мои позабытые муки.*

*Я в сосны ушла от тревоги,
Но губы шептали: не надо.
А сердце им вторило: поздно.*

*И ярко сверкали дороги,
И звонко звенели цикады,
И пахли смолистые сосны...*

6 / IX, 1924

*Пела ночь голосами цикад,
Тихим шелестом сонной листвы,
Звонким смехом чужих голосов.*

*Будто вымер пустынный Сфаят.
Оттого так скучны и мертвы
Были цепи ненужных часов.*

*Ночь цвела миллионами звёзд,
Очертаньями белых камней,
Кое-где освещённым окном.*

*Всё, как было: покорно и просто,
Только сердце стучало больней,
Искушённое прожитым днём.*

*Ночь лгала огоньком у стола,
Звонким шелестом быстрых шагов,
Мутным блеском расширенных глаз.*

*В первый раз я так грустно плела
Бестолковые строки стихов...
И, быть может, – в последний раз.*

6 / IX, 1924

*Я слишком много разбросала слов,
Которые раз в жизни говорят.
Я слишком много рассказала сказок...*

*Но в тихий час дождливых вечеров,
Когда хотелось плакать и смеяться,
Ни в прятный миг безумного экстаза,*

*Ни тихою мечтательной весной –
Чуть слышных слов, обвеянных тоской,
Я этих слов не слышала ни разу.*

6 / IX, 1924

ВЕЧЕР

*Бледные, душные дали
Скрылись под синюю мглой.
Долго о чём-то шептались
Там, под узорной листвою.*

*Падали чёрные крылья
Быстрых летучих мышей.
Новую сплетню пустили
И потешались над ней.*

*Звонко цикады трецали,
Гулко стучали шаги,
Красные искры бросали
Гаснущие утюги.*

*Тускло светилося окошко
На деревянной стене,
Гибкая, чёрная кошка
Кралась вдоль белых камней.*

*Искрились волосы Ляли,
Цвёл абажур кружевной.
Имя моё повторяли
Там, под узорной листвою.*

*Звонко заплакал ребёнок,
Где-то залаял шакал,
Белый, весёлый козлёнок
С чёрной собакой играл.*

*И как виденье немое,
Думы бессмысленных дней,
Стыли над тихим покоем
Брошенных за борт людей.*

12 / IX, 1924

МАМОЧКЕ

*День прошёл – и, слава Богу.
Жизнь ясна и хороша.
Ты не вслушивайся строго
В то, над чем скорбит душа.*

*Подожди – и перед нами
Заблестит морская даль...
Будь, что будет! Не годами,
Днями счёт ведёт печаль.*

*«Пера-Гюнта» вслух прочту я,
Пролетит за часом час.
Стол тебе освобожу я –
Ты раскладывай пасьянс.*

*Ведь не могут по-другому
Пролетать пустые дни...
Хочешь плакать? – Выпей брому,
Ляг спокойно – и усни.*

12 / IX, 1924

*Мне хочется смелого взгляда,
Весёлых смеющихся глаз.
О Боже! Не много мне надо,
Не много прошу я у вас.*

*Лишь смейтесь, болтайте, шутите,
И я буду тоже шутить,
Чтоб рвались последние нити
Того, что нужно забыть.*

.....
*И ночью, глухой и тяжёлой,
Сомкнуть не могу своих глаз...
Мной созданный призрак весёлый –
Не много прошу у вас.*

23 / IX, 1924

*Я закрыла плотно ставни,
Молча села у стола.
Так недавно, так недавно
Я весёлая была.*

*Слепо верила надежде,
Не считала скучных дней,
А теперь, опять, как прежде,
Я молчу в тоске моей.*

*Не пестрят мои страницы,
Звонко рифмы не звенят.
Однозвучной вереницей
Дни ненужные летят.*

*Если станешь вольной птицей –
Не оглянешься назад!*

23 / IX, 1924

*Я только для одной себя жила,
И для себя созвучья рифм сплетала!
Я сделала, быть может, много зла,
А добрых дел моих так мало.
Я до конца сама себе лгала,
Быть может, с самого начала.*

*Чтоб начертать один звенящий стих,
Я вырву душу, сделаюсь Иудой,
Предам себя, но и предам других.
Но будет час – и я поверю в чудо,
Со всем порву и обо всём забуду,
И в ночь уйду – искать путей ночных.*

23 / IX, 1924

*Осень блещет зарницами
Над зигзагами гор.
Дождь ведёт с черепицами
Надоедливый спор.*

*Осень тучи навесила,
Как тяжёлые сны.
Всё, что ярко, что весело,
Было в сказках весны.*

*Тихим смехом смущённая,
Я осталась одна.
Серым дням обречённая –
Я опять – у окна.*

*И над строчками плавными
Бледной ночи печать.
Осень хлопнула ставнями
И велела молчать.*

27 / I X, 1924

ВИДЕНИЯ БУДУЩЕГО

I

*Я шла мимо ярких витрин,
Морозному вечеру рада.
Со мною мой мальчик, мой сын,
Весёлый, как май, и нарядный.*

*За ручку вела я его,
Бросала весёлые шутки.
Всё в звёздах, сошло Рождество
В раскрытую душу малютки.*

*Скрипели полозья саней,
Блестели вдоль улиц витрины,
Мы шли мимо ярких огней
В игрушечные магазины.*

*Дрожал несмолкаемый гул
Трескучих трамваев и конок.
Он ручки свои протянул –
Весёлый и ясный ребёнок.*

*Я в вечность его привела,
Нарядного первенца сына.*

*Игрушки ему я дала
Красивей, чем в ярких витринах.*

*Живых набросала цветов
В нарядном глазетовом гробе,
Накрыла парчовый покров,
Венок положила на лобик.*

*Затешила тихо огни
У белого гробика сына.
(Стояли морозные дни,
И ветер свирепствовал сильно)*

*И в белые руки его
Вложила я маленький крестик,
Так шёл он справлять Рождество,
Мой первенец, мой буревестник.*

II

*Я прошла, на других не похожая,
С белой прядью на впалом виске.
И дивились, дивились прохожие
Небывалой моей тоске.*

*В мокром воздухе вечера синего
Стыли мёртвые взгляды чужих.
И сверкали промёрзшие линии
Тротуаров и мостовых.*

*Ветер бил меня снежными хлопьями,
Диким вихрем срывая вуаль.
Шли трамваи с визгливыми воплями
И срывались в мгlistую даль.*

*И прошла я бульварами гулками
Неуверенным шагом туда,
Где чуть искрилась за переулками
Замерзающая вода.*

*Мне светили, на вечность похожие,
Искры мелких, мерцающих звёзд...
И меня сторонились прохожие,
Как взошла я на чёрный мост...*

29 / IX, 1924

Я нашла осеннюю отраву
У стола в двенадцатом часу.
Смотрит холодно и величаво
Профиль женщины на медном су.

Чуть сверкает стёртая монетка
В золотистых, солнечных лучах.
Эти яркие лучи так редко
Прикасаются к моим плечам.

Потому – без смысла и без цели
Я устала молча тосковать.
Ведь недаром целых три недели
Я не трогала мою тетрадь.

А теперь, слегка открыв окошко,
Я за каждым облаком слежу.
На столе колышется немножко
Мой цветной, бумажный абажур.

19 / X, 1924

Слушай, сердце глупое моё!
Ты о чём так неутешно плачешь?
Ты зачем так бьёшься и поёшь,
Как на теннисной площадке мячик?

Ведь ещё сплетаются лучи
Для тебя невидимого света.
Ты от злой обиды не скачи,
Словно от натянутой ракеты.

И над чем так горько стонешь ты,
Маленький, уродливый комочек!
Есть ещё ведь у тебя мечты
В самой глубине осенней ночи.

И с тобой осуждена во мгле
Под удар последний умереть я...
По ошибке ты досталось мне,
Достоянье прошлого столетья!

*Ты устало плакать и тужить?
Счѐт вести моим часам свободным?
Ах, давно ты перестало быть
Маятником верным и холодным!*

19 / X, 1924

*Опять дожди по ночам начались,
Яркие грозы опять...
Я нашла в тетради сухой нарцисс,
Чтобы поцеловать.*

*Сильней и тесней, замыкаясь кольцом,
К ночи ползѐт гроза.
Если войдѐшь – я спрячу лицо
И опущу глаза.*

*Миг моей радости – он далѐк.
Мучает день за днѐм...
Мне хотелось найти ещѐ цветок,
И ночью плакать о нѐм.*

24/ X, 1924

*Весна в том году ничего не дала мне,
И жду я другой весны.
А в сердце давно уж на острые камни
Рассыпались нежные сны.*

*Покорствовать? Ждать? По ночам молиться?
И думать, думать вновь?
Мне кажется – сердце расхочет биться,
Похолодеет кровь.*

*И может – в волос моих светлые пряди
Вплетѐтся белая прядь, –
Когда на моѐм холодном закате
Мне нечего будет ждать.*

26 / X, 1924

I

*Я одна в моей маленькой келье,
Где всегда молчаливый покой.
Мне не надо другого веселья,
Мне привольней и легче одной.*

*На меня недовольные взгляды
Устремлялись из тёмных углов.
И теперь ничего мне не надо,
Кроме ясных и сильных стихов.*

*Всюду пыль и хаос. Паутина
Лёгкой тканью висит по углам.
Скучный вечер, томительно-длинный
Я сама для себя создала.*

*Каждый вечер грустней и печальней.
А когда я устану молчать,
То тебе, моей милой и дальней,
Буду длинные письма писать.*

*Я не стану сметать паутины,
Пусть под ней моё время ползёт!
А потом я из памяти выну
Этот лишний, потерянный год.*

II

*С неразгаданным именем Блока
На неловко-дрожащих губах
Я останусь совсем одинокой
В четырёх деревянных стенах.*

*С каждым днём – молчаливей и суше,
И люблю только крылья стихов.
Но теперь уж ничто не нарушит
Красоту моих девичьих снов.*

*А душа – всё темнее и шире,
Будто в лунную ночь облака...*

*– То тоска о неведомом мире,
По не начатой жизни тоска.*

27 / X, 1924

РОССИЯ

*Россия – плетень да крапива,
Ромашка и клевер душистый,
Над озером вечер сонливый,
Стволы тополей серебристых.*

*Россия – дрожащие тени,
И воздух прозрачный и ясный,
Шуршание листьев осенних,
Коричневых, жёлтых и красных.*

*Россия – гамаши и боты,
Гимназии светлое здание,
Оснеженных улиц пролёты
И конок замёрзших сверканье.*

*Россия – базары и цены,
У лавок голодные люди,
Тревожные крики сирены,
Растущие залпы орудий.*

*Россия – глубокие стоны
От пышных дворцов до подвалов,
Тревожные цепи вагонов
У душных и тёмных вокзалов.*

*Россия – тоска, разговоры
О барских усадьбах, салазках...
Россия – слова, из которых
Сплетаются милые сказки.*

1 / XI, 1924

ВЕЧЕР

*Играет Таусон чувствительный романс,
Поёт кларнет томительной истомой,*

*А на столе – испытанный, знакомый
И, в сотый раз, разложенный пасьянс.*

*Так странно всё: и горсть кокард в руке,
И то, что спущен флаг с обидой крепкой,
И гость с эскадры в хулиганской кепке,
В чужом, смешно сидящем пиджаке.*

*А за стеной – бутылок и стекла
Весёлый звон смешался в пьяном споре...
Наш чай остыл. Горнист играет зорю.
И разговор стихает у стола.*

3 / XI, 1924

*Подняли неторопливо сходни,
Отошёл тяжёлый пароход.
Стало как-то тише и свободней,
Разошёлся с пристани народ.*

*Ни по ком мне тосковать не нужно,
Никого отъехавших не жаль.
Отчего же так темно и скучно
И такая страшная печаль?*

*Словно там, на грязном пароходе,
Где огни вечерние зажгли,
Все надежды навсегда уходят
От забытой и чужой земли.*

12/ XI, 1924

*Я их не повторю ни разу
И тихо в сердце сберегу,
Те, злобно брошенные фразы,
Тоскою сорванные с губ.*

*Но в диких бреднях своеволья
Встаёт всё тот же злой вопрос,
Не разрешённый терпкой болью
Жестоких и ревнивых слёз.*

13 / XI, 1924

*Забывать нас стали там, в России,
После стольких безрассудных лет,
Даже письма вовсе не такие,
Даже теплоты в них больше нет.*

*Скоро пятая весна настанет,
Вёсны здесь так бледны и мертвы...
Отчего ты мне не пишешь, Таня,
Из своей оснеженной Москвы?*

*И когда в ненастный день и ветер
Я вернусь к друзьям далёких дней, –
Ведь никто, никто меня не встретит
У закрытых наглухо дверей.*

14 / XI, 1924

ВЕЧЕР

*– Давай, сыграем в кабалу?
– Ты думаешь? Давай, сыграем.
Сажусь к широкому столу.
Молчу мучительно за чаем.*

*– Ну, отчего тоскуешь ты,
Томишься всё? Чего ты хочешь?
– О, лишь не этой пустоты,
Не этой страшной длинной ночи.*

*Придёт и прыгнет на диван,
Вертя хвостом, занятный Бибка,
И прозмеится сквозь туман
Над ним весёлая улыбка.*

*– Ну, потерпи же, подожди!
– Да я ведь жду! – И бьётся ветер.
И стонут серые дожди...
Что я могу ещё ответить?*

18 / XI, 1924

*Капает дождь монотонный.
Тучи, как змеи, ползут.
В церкви, пустой и холодной,
Всё панихиды поют.*

*Новым торжественным трупом,
Грязью, тоской, небытьём,
Новым предчувствием глупым
Сдавлено сердце моё.*

*Пусть будет ночью уныло,
Холодно, сыро, темно!
Только б собака не выла
Перед закрытым окном.*

5 / XII, 1924

ЗОЛОТОМУ ПЕТУШКУ

*Был у царя Додона петушок,
Полон света, шума, звона, – золотой.
(Песни «Золотого Петушка»)*

*В лапотках, с весёлой пляской
В африканский городок
Залетел из русской сказки
Звонкий, русский петушок.*

*В мир усталых наших стонов,
В мир тоски, дождя и гроз
Петушок царя Додона
Искру яркую занёс.*

*Мы – устали. Мы – уснули
В жизни серой и пустой.
Дни ненужные тянулись
Утомительной тоской.*

*Но туман дождливой ночи
Светлым сделал петушок –
Показались нам короче
Ленты вьющихся дорог.*

*И с души спадала плесень,
И растаяла тоска
В сказках, шёпотах и песнях
Золотого Петушка.*

18 / XII, 1924

*Я не скажу, чего хочу,
Мне нечего желать.
Огонь вечерний засвечу,
Возьму мою тетрадь.*

*И расцветёт над белизной
Нетронутых страниц
И сердца равномерный бой,
И тихий взмах ресниц.*

*И снова станет жизнь ярка,
Красива и полна,
Пока лукавая тоска
Не затемнит окна.*

*Я только сухо улыбнусь
И подойду к окну,
В пустое небо загляжусь,
На круглую луну.*

*Я, как седой, больной старик,
Скажу, что жизнь пуста.
То, что цветёт в страницах книг –
Не будет никогда.*

*Что есть минуты, иногда
Длиннее длинных лет,
Что могут пролетать года,
В которых смысла нет.*

*Что мысли тяжелей свинца,
Что свет страшнее тьмы...
И только горю нет конца
И холоду зимы.*

20 / XII, 1924

Догорая, лампы меркли,
В темноте уставая мерцать.
Вы вошли в полутёмную церковь,
Чтобы шёлковым платьем шуршать.

Вы вздыхали, и губы шептали
У загадочных строгих икон,
Для того чтобы все увидали
Ваш красивый земной поклон.

И какая бездна проклятий,
Едкой злобы и гнусных фраз
В этом скромном опушенном взгляде
Ваших светлых мигающих глаз!

Не хочу с вами рядом стоять я.
Ваш изящный, покорный вид,
Ваше тёмно-шуршащее платье
Не по-Божьему говорит.
Ваша свечка перед распятым
Неправдивым огнём горит.

20 / XII, 1924

Меня гнетут пустые дни
Под серым дождевым навесом,
И тайно мысль меня манит
В туман таинственного леса,

Где блещет ярко, как свеча,
Сверкающей луны осколок,
Где чёрной бахромой торчат
Зубчатые верхушки ёлок,

Где златоглавый монастырь
Весь полон светлым перезвоном,
Туда, где стонет птица Вирь,
Сливаясь с ворохом зелёным,

Где в зачарованных снегах
Стоит изба на курьих ножках

*И дремлет старая Яга
У освещённого окошка,*

*А на заборе черепа
Глядятся в ночь огнём палящим,
И чуть заметная тропа
Неотвратимо манит в чащу.*

*А дальше – тихие скиты
И перезвоны колоколен,
Где не боятся темноты,
Где день печален и безболен...*

*Там, не считая тихих дней,
Забывать себя, забыть о мире,
И слушать древний звон церквей,
И шум сосны, и песни Вири.*

30 / XII, 1924

*Бери меня! Целуй! Замучай!
Смотри в глаза, смотри смелей!
О, позабудь тот странный случай
Уже давно минувших дней.*

*Раздень меня! Что хочешь, делай.
Я для тебя добра и зла.
Я душу вырвала из тела,
Безумьем совесть залила.*

*Лишь полюби меня раздетой,
Униженной и смятой тут.
А после не глумись над этой,
Над самой лучшей из минут.*

30 / XII, 1924

*С Новым Годом, дожди и туманы,
Опостылевший, мокрый Сфаят!
С Новым Годом, далёкие страны,
Где найду я потерянный клад.*

*Пусть и вся наша скучная повесть
Станет яркой, как день, с этих пор.
С Новым Годом, проклятая совесть,
Неотвязный педант-гувернёр!*

1 / I, 1925

*За тяжёлой занавеской
Хорошо грустить.
Машинально арабески
На столе чертить.*

*Думать, что на вольной воле
Шумно и светло,
Что бушует ветер в поле
И стучит в стекло.*

*Тихий дождь тоску наводит.
Скучен сон бытия...
Друг мой, в жизни всё проходит,
И любовь моя.*

7 / I, 1925

МАМОЧКЕ

*Ты, как призрак, встала предо мной,
Я сквозь сон тебя лишь угадала.
Белая, с мигающей свечой,
Надо мной ты, тихая, стояла.*

*Крепкий сон и крепкая тоска –
Всё слилось с твоей улыбкой милой.
Я спала. И бледная рука
Надо мной задумчиво крестила.*

7 / I, 1925

ПОРТРЕТ

*Старая, как мир, старушка,
День-деньской с утра ворчит,
Косо смотрит на игрушки,
На весёлые лучи.*

*Звонкий шум ей режет ухо,
Яркий свет глаза слепит.
Смотрит холодно и сухо,
Неохотно говорит.
Надоел ей мир лукавый,
Опостылела земля.
Ноют хрупкие суставы,
Кости старые болят.*

*Лишь порой сверкнёт, как зная,
Как неотвратимый бред,
Что за хмурыми плечами
Только восемнадцать лет.*

*Но сильны, сильны отравы,
Вечно стар ленивый взгляд.
Ах, болят, болят суставы,
Кости старые болят.*

8 / I, 1925

ТРЕПЕТ

I

*Как тяжесть страшного недуга,
Тоска всё шире и темней.
Тебя, неведомого друга,
Опять я видела во сне.*

*Пусть страшен день и ночь тревожна,
Ведь в жизни – пусто и темно,
Душа, в тоске о невозможном,
Всё чаще просится на дно.*

*И всё сильнее запах тленья
От комьев вспаханной земли.
И, как безумные виденья,
В даль уползают корабли.*

*И всё мучительней и чаще
Я вижу чувственные сны...
Ты будешь мне вином пьянящим,
Дурманным воздухом весны.*

*Так что ж? Люби, целуй, замучай,
Сотри в моих глазах испуг,
И будь мне радостью певучей,
Загадочный далёкий друг!*

II

*О том, что было, и о том, что будет,
Я долго думаю, пока не сплю.
Я верю: где-то есть другие люди,
Которых я уж и сейчас люблю.*

*И жизнь мне даст красивые созвучья,
Слова, ещё которых в мире нет,
И самый робкий день мой будет лучше
Всех самых длинных и тревожных лет.*

*И в мыслях о грядущем, о Париже,
Душа цветёт и кровь стучит больней...
Вот почему я ничего не вижу
За вереницей однозвучных дней...*

III

*Я дала обет молчанья.
День без слов и ночь без сна.
А за хмурыми плечами
Начинается весна.*

*Пусть дожди тоской дурманыт, –
Пахнут травы, даль ясна,
И в предутреннем тумане
Начинается весна.*

IV

*Я заснуть не могу – так взволнована
Этим длинным и нервным письмом.
Словно яркой мечтой очарована –
Я тоскую над прожитым днём.*

*Я – несмелая девочка скромная,
С мутным блеском потушенных глаз,
Я, в тоску безнадёжно влюблённая,
О, я знаю мучительный час!*

*Слишком много хотела от жизни я,
И в безумстве я буду права.*

Только жалкой, измятой, униженной
Я найду золотые слова.

16 / I, 1925

День цветёт загадочно и просто,
Чья-то тень упала на порог.
Ах, скорее на пьянящий воздух,
В даль блестящих, вьющихся дорог!

Я молчу. Я всё храню и помню,
Только боль растаяла, как дым.
Здесь, у маленькой каменоломни,
Мы всегда тревожно говорим.

На тачанках где-то камни возят.
Озеро спокойное блестит.
Кружевными листьями мимозы
Что-то радостное говорит.

Здесь всегда спокойно и красиво,
Мир отсюда ярче и пестрей.
Я недаром стала молчаливей
В невесёлой комнате моей.

Ах, скорей, скорей на пьяный воздух!
Стихнет боль испуганной души.
Кружевными листьями мимозы
Что-то радостное прошуршит.

21 / I, 1925

Над глухими черепицами
Сонно плавает звезда.
Всё больней и чаще снится мне
Роковое «никогда».

Приходи ко мне, незванная,
Тихим шорохом теней.
Обведи улыбкой странную
Стены комнаты моей.

*За притворенными ставнями
Чутко слушай и молчи.
Освети дрожащим пламенем
Белоснежный ствол свечи.*

*Нежно, в ткани паутинные,
Словно в саван, заверни...
А над тёмною долиною
Пусть качаются огни.*

*Погрусти со мной, о бедненькой,
О душе, смотревшей ввысь.
И на завтра, за обеднею
Безыскусно помолись.*

*Хрустни хрупкими запястьями,
Вылей жизнь мою до дна.
Дай последнего проклятья мне
И последнего вина.*

*И придёт тоска безвременья,
И настанет «никогда»...
А над жалобным и временным
Всё качается звезда.*

*Спой мне песню, странно-белая,
Чтобы слаще было спать.
Положи меня, несмелую,
На железную кровать.*

*Ночью звёздной, ночью светлою
Так легко и просто умирать.*

31 / I, 1925

*Ветер с запада слёзы сушит,
Больно мне от грустного взгляда.
На стене – батарея катушек,
Невесёлая колоннада.*

*Мысль тупа, но острее иголки,
Глаз своих не хочу поднять я.*

*А бумажные куклы и ёлки
Нарядились в пёстрые платья.*

*Всё так смутно у бледной ночи,
Всё так тихо и больно тоскует.
И последних, звенящих строчек
Подобрать теперь не могу я.*

9 / II, 1925

БИЗЕРТА

*Пустынно, тихо, темно.
Большие, длинные тени.
Только у тира и у кино
Вечернее оживленье.*

*Светлой нитью горят фонари,
Афиши на белых стенах:
«Le petit moinence de Paris»
И шестой эпизод «Mandrin'a».*

*Освещён многолюдный бар,
Слышны звуки модного танца.
Меряют шагами тротуар
В белых шапках американцы.*

*У входа в кино – яркий свет.
Крикливые толпы народа,
И шапки русских кадет
Под афишей у входа.*

*Всё по-новому хорошо
В этот тёплый февральский вечер.
И крики: «Les marrons Chauds!»,
И слова незнакомых наречий.*

*Как должно быть всё ярко вокруг,
Если здесь метеором промчатся...
Я хотела бы сделаться вдруг
Вот этим американцем.*

12 / II, 1925

*Так невесело под этим небом,
А слова неискренни и грубы.
Не пойму – обидой или гневом
Перекошены так нервно губы.
Дни мои ещё темнее будут...
Впереди – тревоги и потери...
Оттого, что надо верить в чудо...
Оттого, что я в него не верю.*

16 / II, 1925

*Я давно увидела убожество
Этой жалкой маленькой души.
Я давно поверила в ничтожество
Грустных слов, придуманных в тиши.*

*Над прозрачной белою страницю
Пусть блуждает ещё много раз
Тихий взгляд за длинными ресницами
Никогда не заблестевших глаз.*

*Всё равно – изломанная, странная –
Под дрожащий, нервный ход минут,
Я одна такая бесталанная,
Даже в бездне мрака, даже тут.*

18 / II, 1925

СОБАКИ

1. Чарли

*Придёт и станет у дверей,
Мохнатой лапою скребётся,
И шерстью рыжею своей
Блестит под африканским солнцем.*

*А взгляд, как будто полный слёз,
Печально-жалобный и горький.
Он самый старый, верный пёс
Сфаятской удалой пятёрки.*

*Теперь он стар, теперь он худ,
Но любит суету и драки,
Когда, подняв хвосты, бегут
Вдали арабские собаки.*

*Как изувеченный герой,
Шатается с подбитой мордой,
Но гордо держит хвост трубой
И лает хрипло, зло и гордо.*

*Когда же к ужину звонят –
Он тихо жмётся под ногами,
И долго смотрит на меня
Такими грустными глазами.*

2. Ятька

*Большой и чёрный. Рыжий взгляд,
Всегда ленивый и спокойный.
И имя громкого «Сфаят»
Совсем он даже недостоин.*

*Всегда хромает, хвост трубой,
И с мутным блеском белых пятен,
Он – недоделанный герой –
Глупее всех собак в Сфаяте.*

3. Рында

*Она – морячка с первых дней
И внучка дуровской собаки.
Резва и шаловлива, с ней
Всегда готов возиться всякий.*

*Идём гулять. Она бежит,
За камнем, брошенным, несётся,
Пригнётся, нюхает, дрожит,
И в гладкой шерсти блещет солнце.*

*Пока идём мы не спеша,
Едва передвигая ноги,*

*Она успеет обежать
Раз двадцать белые дороги.*

*На стройных, молодых ногах
Летит легко, красиво, гибко,
И на больших её зубах
Скользит ехидная улыбка.*

*Летит, как ветер, всех быстрее,
Так, чтоб другие не поспели,
И сколько жизни бьётся в ней,
В её живом и нервном теле!..*

4. Бибка

*Труслив, послушен и умён.
Прикрикнешь – и с хвостом поджатым
Ползёт, к земле пригнувшись, он
И жжёт подобострастным взглядом.*

*В его глазах – беззвучность слов,
Как будто жалобы и стоны...
Один из всех сфаятских псов
Он знает одного патрона.*

*Ему он предан всей душой,
Собачей, маленькой, но верной,
И если раз пройдёт за мной –
И то с опаскою безмерной.*

*Он сладко ест и сладко спит,
Ему тарелку содой моют.
Он баловень и сибарит,
Привыкший к ласке и покою.*

*Он любит сахар, шоколад,
С изюмом сладкие ватрушки,
Он любит, как аристократ,
Лежать на мякотькой подушке.*

*Лишь на прогулке резв и прост,
Шумит, гоняет коз арабских...*

*А крикнешь – снова книзу хвост,
И взгляд приниженный и рабский.*

5. Бимс

*Занятный, маленький щенок,
Неповоротливый, культяпый,
Мохнатый, чёрненький комок
И только рыженькие лапы.*

*Мне утром скучно без него.
Зову, и он идёт без страха.
Я на диван кладу его,
Даю ему блестящий сахар.*

*Он так смешно его грызёт,
Что даже хочется смеяться,
Вертит хвостом, чего-то ждёт
И долго лижет, лижет пальцы.*

*Я иногда играю с ним
С какой-то нежностью унылой.
Мы с ним подолгу говорим:
«Что, Бимсик, скучно? Грустно, милый?»*

*И рада я насмешкам дня,
И другу маленькому рада.
А он всё смотрит на меня
Обиженным и робким взглядом.*

*Потом спрыгнёт. На дверь глядит,
Скулит несмело и беззвучно.
– Ну, что же, маленький, иди...
Тебе и то со мною скучно...*

19 / II, 1925

*Я пальцы себе исколола
Неистовым жалом иглы.
Растаял мой день невесёлый
В таинственном шорохе мглы.*

*Шумят и качаются сосны,
Как будто сейчас упадут...
О, призрак, жестокий, несносный,
Бессмысленный призрак – ты тут...*

*Я низко склонялась над бязью,
Над тонким, извилистым швом.
А мысли мучительной вязью
Меня оплетали кругом.*

*И ветер, и вещи, и люди
Смеялись, жестоко дразня:
«Не будет, не будет, не будет
Большого и яркого дня!»*

26 / II, 1925

МЫСЛИ ВСЛУХ

*Ахматова сказала раз:
«Мир больше не чудесен!»
Уже теперь никто из нас
Не станет слушать песен.
И день настал, и пробил час,
И мир покрыла плесень.*

*И Гиппиус в статье своей
С тоской твердит в газете,
Что все поэты наших дней –
Сплошь – бездарь или дети,
Что больше нет больших людей,
Нет красоты на свете...*

*Скребутся мыши. Ночь молчит,
Плывёт в тоске бессвязной.
Несмелый огонёк свечи
В углу дрожит неясно...
О, злое сердце, не стучи:
Жизнь больше не прекрасна!*

27 / II, 1925

*Зябко кутаясь в ночной рубашке,
Я лежу под мокрою стеной.
Временами стон, глухой и тяжкий,
Борется с ленивой тишиной.*

*Тонким холодом упал на шею
С голубой эмалью образок.
Я о счастье думать не умею
В этот час бессмысленных тревог.*

*И, сжимая тонкую цепочку,
Ёжась на холодной простыне,
Я, как звуки, подбираю строчки
В призрачном, неясном полусне.*

27 / II, 1925

*Как японский флаг –
Огненный закат.
Как волшебный маг –
Солнечный Сфаят.*

*Проникает взгляд
За вуаль ресниц.
Искрится Сфаят
Блеском черепиц.*

*Всё темнее даль
Пьяного огня.
Больше мне не жаль
Прожитого дня.*

*Жизнь пойдёт не та!
Даль смеётся мне!
Солнцем залита –
Я стою в окне.*

27 / II, 1925

НАТАШЕ П. (Пашковской)

*Зимние сумерки серым пятном
Смотрят в окно столовой.
Бьётся метель. Мы опять вдвоём
В мире родном и новом.*

*Я говорю о своей судьбе,
Яркой, тревожной и странной.
Хочешь – я расскажу тебе
Бред о далёких странах?*

*Видишь ту сказку – в комнате той?
Там – уголок Китая.
Всё что я привезла с собой
В память о знойном Шанхае.*

*Падают мерно стрелы ресниц,
Губы смеются лукаво...
Видишь – те чучела пёстрых птиц –
Гости с солнечной Явы.*

*Эта тетрадка. В ней рифмы звон,
Белые строки Памира.
Этот сонет – он возник, как сон,
Лунною ночью в Каире.*

*Здесь о далёком глухая печаль,
Медленные аккорды.
Здесь – молчаливая, снежная даль,
Чары холодного фьорда.*

*Дальше – баллады узорный свод,
Песнь о тропических странах...
Этот ковёр? – я купила его
В белых стенах Керуана.*

*Хочешь – возьми мой толстый альбом,
Сколько в нём солнечных блёсток!
Я тебе расскажу о том,
Как всё красиво и просто.*

*Что в мире лучше судьбы моей,
Этих альбомов и строчек,
Что в жизни лучше оснеженных дней,
Душной, тропической ночи!*

*Звучен мне город, свистки и езда,
В снег уходящие люди...
— Друг мой, так не было никогда,
Так никогда не будет.*

7 / III, 1925

*Опять дожди. Болит колено
И ноет левая рука.
Опять привычно, неизменно
Ползёт бессильная тоска.*

*Опять темно, мертво, уныло,
И жизнь пуста, и больше нет
Того, что мне давало силы,
Что в душу проливало свет.*

*И больше нет желанья жизни
В тумане жутком и пустом,
Как будто бы, смеясь капризно,
Я сердце потопила в нём.*

7 / III, 1925

*Я книгу раскрыла. В ней – белые дюны,
Бесшумно-глухие шаги верблюда.
В ней – синие блёстки сверканий лунных,
Большие, далёкие, дикие чуда.*

*Я в сердце скрываю одну обиду –
Сплетенье нарочно-запутанных линий...
Наташа, как хочется в Атлантиду,
К миражам пустыни!*

*Но бросим романтику, это – вздор.
Кругом всё реальней и ближе.*

*Там, в диких долинах и в складках гор –
Картинки из детских книжек.*

*Там город, весь белый, как летний туман,
Холодный под солнцем пламенным...
Наташа, как хочется в Керуан,
В белокаменный!*

22 / III, 1925

*Я теперь не гляжу на зарю
Напряжённю, упрямо и строго.
Я теперь спокойно люблю
Мой отточенный розовый ноготь.*

*Я проворно верчу иглой,
Я опять подружилась с ракетой,
Я вошла в тревожный покой,
Непонятный и невоспетый.*

*Я теперь ни о чём не грущу,
И печали моей не вижу.
И ещё – стихов не пишу
И не думаю о Париже.*

22 / III, 1925

*Всё бледней изломы линий
Мутно-синих гор.
Над Сфаятом вечер синий
Крылья распростёр.*

*Что-то слышно в звонком споре
Шатких черепиц.
А над морем блещет горе
Крыльями зарниц.*

*Бьются вещице зарницы –
Стрелы и мечи.
На столе, в углу, змеится
Огонёк свечи.*

*В затаённом, тихом горе
Молча вянут дни.
И дрожат, дрожат над морем
Вещие огни.*

25 / III, 1925

*Я люблю прошлогодние думы
И стихи прошлогодней весны,
И в печали, нелепо-угрюмой,
Навсегда отошедшие сны.*

*Небо было так солнечно-ярко,
Так красиво мимозы цвели,
И травкою пряной и жаркой
Пахли влажные глыбы земли.*

*И в кабинке, унылой и грязной,
У раскрытого настежь окна –
Праздник солнца, смеющийся праздник,
И большая, большая весна.*

8 / IV, 1925

*Небо, небо, улыбнись,
Расцвети весёлым солнцем!
Невозвратное – вернись!
Нет, теперь уж не вернётся.*

*Солнце, узел развяжи,
Тот, что злой зимой запутан!
Дай мне снова пережить
Солнцем полные минуты.*

*В прорезь тёмного окна
Загляни весёлой шуткой.
Зацвети в полях, весна,
Синеглазая малютка!*

*Ветер с запада – не дуй!
Что твои проклятья значат?*

*Небо, небо, не тоскуй,
Сероглазое, не плачь ты!*

*Сердце глупое – молись
В тучах спрятанному солнцу!
Злое, светлое – вернись!
Нет, теперь уж не вернётся...*

14 / IV, 1925

*Сонно падают ресницы
В жутком шорохе тоски.
Тихо вслед за плащаницей
Уплывают огоньки.*

*Как мигающие свечи,
Даль прозрачна и чиста
В этот тихий, звёздный вечер
Погребения Христа.*

*Нежный ветер треплет локон,
Тихо стонет и звенит.
И в разрезах чёрных окон
Отражаются огни.*

*И по стенам пляшут тени,
Ускользая в темноту,
Обещая воскресенье
Отошедшему Христу.*

*Лишь в душе, как буревестник,
Шевелится гнёт глухой:
«Не воскреснет, не воскреснет
Всё, убитое тоской».*

*И блестящей вереницей,
Трепеща, как мотыльки,
Тихо вслед за плащаницей
Уплывают огоньки.*

17 / IV, 1925

БАЛЛАДА О ЛИКВИДАЦИИ

I

1 МАЯ

*Сыграл горнист в последний раз отбой
И замолчал.
Рванул по соснам ветер удалой
И закачал.*

*Звучит, звучит весёлое «ура»,
Поёт кларнет.
И раздаются за окном с утра
Шаги кадет.*

*Как саваном, закутал небосвод
Седой туман.
Что впереди? Какой зловещий сон?
Какой обман?*

*Те ждут и не дождутся перемен
Издалека.
Скользит тревожно вдоль холодных стен
Взгляд старика.*

*Глухой тоски больных и серых дней
Прошла пора.
В четвёртой роте громче и сильнее
Звучит «ура».*

*В глухую даль, туда, в морскую муть
Ты не гляди.
Какой-то новый, длинный, трудный путь
Там – впереди.*

II

2 МАЯ

*Ползут по дороге тени,
Сливаясь в ряд.*

*В периоде разрушенья
Лагерь Сфаят.*

*На сердце думы упали,
Будто свинец.
Всегда нестерпимо печален
Всякий конец.*

*Слышишь там грохот чёткий
И треск, и рёв?
Там рушат перегородки
Из топчанов.*

*Всё рушат теперь, послушай,
Всё валят вниз.
И звонко кричит Илюша,
И лает Бимс.*

*И в клубах мохнатой пыли
Кипит Сфаят.
Мы, кажется, позабыли,
Что это – ад.*

*Мне грустно, когда смеются
Теперь, сейчас...
– Сегодня всё соберутся
В последний раз.*

III

*Наступают последние дни
И последние ночи.
Ветер западный в соснах звенит
И пророчит.*

*Виснет в воздухе нервная жуть,
Вздых и трепет.
Впереди – неизвестный путь...
– Будем слепы.*

*Словно делают всюду гробы –
Щепки, стружки...*

*Всё равно – не уйдёшь от судьбы.
– И не слушай!*

*Мы хороним, хороним Сфаят.
Вянут влажные ночи,
Только вещие совы кричат
И пророчат.*

*Только толпы арабов босых,
Словно коршунов стая,
Жадно бродят вдоль окон пустых,
Озираясь.*

*Верно – чуют добычу они,
Чуют падаль!
...Догорают последние дни,
Как лампада.*

IV

5 МАЯ

*Как с похорон, вернулись с провод.
Вставала круглая луна.
Звенел на небе тонкий провод
И поражала тишина.*

*Нас с визгом встретили собаки,
Сливаясь в тёплой, лунной мгле.
И стали страшными бараки,
Теперь похожие на склеп.*

*Мы молча шли. И в каждом шаге
Звучали вещие слова.
Слетела ночь на мёртвый лагерь
И громко плакала сова.*

*И где звенели звуки горна,
Где было шумно и светло,
Там, в чёрном мраке окон чёрных,
Казалось, что-то умерло.*

*Уже тревога сердце сжала
И небывалая тоска.
Те, кто остались, – как их мало –
Все собрались у гамака.*

*И ночь цвела. И колыхалась
На небе синяя звезда.
– Немного времени осталось,
И нас проводят навсегда.*

V

*Всё в прошлом. Весёлые шумы,
На стенах – сплетенье лучей.
Тревожные, тихие думы
Холодных, дождливых ночей.*

*Тоски моей, душевной и томной,
Мне кажется, сделалось жаль,
Обиды, казалось, огромной,
Огромной, как синяя даль.*

*Так было. И сердце дрожало,
И взгляд был тревожен и строг,
И в сердце возникло немало
Больших, ненаписанных строк.*

*Мне жалко вас, книги на полке,
Катушки вдоль белой стены,
И куклы бумажные с ёлки,
И страшные, нервные сны...*

*Вот пачка бумаги, тетрадок,
Я всё отнесу и сожгу.
Мой мир был здесь жалок и гадок,
Он – новый – на том берегу.*

*Большой, равнодушный, угрюмый,
Без слёз и без ярких лучей,
Без вас, мои грустные думы,
Под шум однозвучных дождей.*

VI

*За морем – новая тревога,
Большой, тревожный и новый мир...
Совсем заглохшею дорогой
Мы поднимались в Джебель-Кебир.*

*Места знакомые, родные,
И каждый камень в белой пыли,
Быть может, ближе, чем Россия,
Родней и ближе родной земли.*

*Пустые стены и казематы,
Мертво и пусто, тихо, темно...
Здесь помещался класс когда-то...
Здесь танцевали ... не так давно...*

*В конце глухого коридора,
Где в церкви лился дрожащий свет –
В душе сплеталось столько споров,
Так много мыслей... Теперь их нет...*

*Молчат арабы часовые,
По коридорам тюремный мрак...
И воскрешают дни былые
Здесь каждый камень и каждый шаг.*

*А там, за входом – яркость моря,
Куда-то тянет морская даль...
Здесь было счастье, и много горя,
И много мыслей, которых жаль.*

11/ V, 1925

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

ПАРИЖ
(1925 – 1928)

*Какой же нежданной тревогой,
Какой же тоской одаришь,
Ты, серый, холодный и строгий,
Так долго желанный Париж?*

Ирина Кнорринг с Юрием Софиевым

*Шумят мне ветвистые клёны
В широкую прорезь окна.
Под сенью сфаятской иконы
Опять я осталась одна.*

*Гляжу – огоньки в отдаленье,
Как звёзды на небе горят,
И пахнет лиловой сиренью
Туманом окутанный сад.*

*И было ли грустно – не знаю,
Но было мучительно жаль.
Далёко визжали трамваи
И плыли в дождливую даль.*

*Какой же неожиданной тревогой,
Какой же тоской одаришь,
Ты, серый, холодный и строгий,
Так долго желанный Париж?*

22 / V, 1925, Севр

ХИМЕРА НА НОТР-ДАМ

*Как будто погружённый в вечный сон,
Таинственный, уродливый и тощий,
Столетье за столетьем смотрит он
На шумную асфальтовую площадь.*

*Рога закинув, высунув язык,
Облокотясь на твёрдые перила,
Он ловит каждый звонкий крик,
И шум боёв, и стон тоски унылой.*

*Проходят годы. Век сменяет век,
Бунтует жизнь бессмысленно и тленно.
И там, внизу, страдает человек...
А он всё тот же, твёрдый, неизменный.*

*И, погружённый в тихий, мёртвый сон,
Как мученики в тёмных, древних нишах,*

*Столетье за столетьем смотрит он
На улицы и площади Парижа.*

23 / V, 1925

*В этот мир, холодный и старый,
В духоту вечерних метро
Я несу вам бронзу загара,
Едкий дым арабских костров.*

*Я несу вам отблеск заката
С искривлённых стволов маслин,
И ночное молчанье покатых,
Солнцем выжженных, серых долин.*

*Я с собой привезла издалёка
Тихий шелест колючих мимоз,
На лице – дыханье сирокко,
Под глазами – следы от слёз.*

*И ещё, в город серых зданий,
В город новых, странных тревог
Привезла я стихи о тумане
И о лентах белых дорог.*

24 / VI, 1925, Париж

*За рассеянный взгляд в пространство,
За тоску, за непостоянство,
За нелепый всегда вопрос,
За бессонные, душные ночи,
И за то, что сердце не хочет
Разукрашенных, светлых грёз,
За беспомощный взлёт печали
В жаркий день, когда листья шуршали
На аллеях и в парке Сен-Клю,
И за то, что когда вонзала
Жизнь в меня своё острое жало –
Я тебе ничего не сказала –
Я так горько себя люблю.*

27 / VI, 1925

*Да, я забыла тебе рассказать:
Солнце сегодня сверкало,
Светлых волос разметённая прядь
Золотом отливала.*

*Ярко, так ярко смеялась в кустах
Светлая, светлая зелень,
Капли дождя на больших проводах
Бусинками висели.*

*Кажется – вдруг поняла я душой
Прелести русского лета,
С дождиком, солнцем, росистой травой –
Я ведь забыла это.*

*И захотелось несказанных слов,
Тех, что как птицы звенели б,
Ярких, как мокрая зелень кустов
Над закоптелым туннелем.*

13 / VII, 1925

МОГИЛА НАПОЛЕОНА В ИНВАЛИДАХ

*Не там, в аляповатом, пышном,
Огромном мавзолее он,
Где статуи в холодных нишах
Оберегают вечный сон.*

*Где в жёлтых стёклах блестит солнце
И мягко бродит на стенах, –
Там, будто бы на дне колодца,
Не сам Наполеон, а прах.*

*А там, направо от капеллы,
От старых выцветших знамён,
Где свет струится сине-белый –
Там ближе чувствуется он.*

*Всё говорит о нём – лучами,
Холодным, траурным венцом,*

*Его большой могильный камень
И белое его лицо.*

*Он сам, невидимый и страшный,
Себе ревнивый часовой.
Часы негромко бьют на башне
Над мрачной статуей его.*

17 / VII, 1925

*Я не знаю – тебе всё мало,
Ты чего-то хочешь опять.
Я тебе вчера написала,
И теперь не буду писать.*

*Так – хочу я дешёвой славы?
И торгую самым святым?
Ты, запутанный, ты, лукавый,
Стал давно ли судьёй моим?*

*Для тебя я в пыльном Тунисе –
Лёгкий сумрак над синью гор.
От твоих бестолковых писем
Веет юношеский задор.*

*Но над белым Сиди-Бу-Саидом,
Там, где солнце бросает смех,
Ты накапливаешь обиду
На Париж, на меня, на всех.
Потому, как глаза зажмуришь –
Ярко видишь усмешку мою.
Ты теперь и к стихам ревнуешь,
Потому что я их люблю.*

*Мне с тобой не трудно проститься,
Мне-то солнце будет сиять.
Я люблю опускать ресницы,
Раскрывая мою тетрадь.*

*– А тебе, картонажный рыцарь,
Больше не о ком тосковать.*

19 / VII, 1925

*Вечер был такой пустой,
Скучный, тёмный, как осенний.
Ливень падал за стеной,
Молча округлялись тени.*

*Мы сидели на полу
И играли в кабалу.*

*Мне казалось – прошлый год
Встал в немом оцепененье.
Время медленно ползёт,
Время любит повторенья.*

*Ты тревожилась грозы.
Двойки клались на тузы.*

*А зарница за стеклом
Яркой трещиной змеилась.
Разве новое пришло?
Разве жизнь переменилась?*

*Тени ёрзали в углу.
Дождь струился по стеклу.*

23 / VII, 1925

В ВАГОНЕ

*Уткнувшись в диваны, я чутко ловила
Ускоренный дактиль колёс.
Откуда такая тревожная сила
И солнца, и смеха, и слёз?*

*В окошке – ряд улиц, уныло знакомых,
И тающий пар от реки.
Что было вчера неприятного дома?
Ах, да – ощущение тоски.*

*Посёлки, заводы, туннели, откосы,
Мохнатая, серая пыль.
Рассеянным дактилем вяжут колёса
Какую-то страшную быль.*

23 / VI, 1925

*Я здесь не та. Не плачу о весне.
Любимых книг не трогала ни разу.
А дни идут. И холод в каждом дне.
Далёкий, нелюбимый, черноглазый –
Люби меня и думай обо мне!*

29 / VII, 1925

*Нам не радуга в небе сияла
В тот желанный и радостный день,
Нас дождливая даль провожала
И чертила круги на воде.*

*И когда потекли над волнами
Все знакомые близко места,
В тишине не звучало над нами
Легендарное имя Христа.*

*И когда поднималась усталость
И забилась с тревожной тоской,
Только небо над нами шаталось
И взлетала земля за кормой.*

29 / VII, 1925

*Ты говоришь, что я живу тоскливо,
Что я стара, инертна и мертва,
Что нет в моей душе благих порывов,
Не радуют красивые слова.*

*Да, в девятнадцать лет ты больше знала,
Хотела большего в мечтах своих.
Ты видела создание идеалов,
А мне досталось лишь крушение их.*

*Куда идти? К какой заветной цели?
Ведь цель и смысл мне не укажешь ты,
Когда упрямо в каждом дне недели
Я вижу только горечь пустоты.*

5 / VIII, 1925

*С улыбкою неотвратимых дней
Теперь смотрю в мои воспоминанья.
Я не люблю восторженных людей,
И не люблю крикливых восклицаний.*

*Но были дни, когда душа цвела,
И жизнь меня несла поёмой плавной.
Ты думаешь – тогда весна была?
Нет, осень мутная шатала ставни.*

6 / VIII, 1925

*Испуганный бой часов на башне.
За тонкой иголкой – блестящая нить.
Бессвязные фразы о дне вчерашнем...
Тебе иногда не бывает страшно?
Ты иногда не боишься жить?*

17 / VIII, 1925

УТРО

*В сердце лёгкий дурман.
Всё простое, послушное.
На перроне – туман,
Фонари не потушены.*

*Склон, заросший травой,
С желтоватою проседью.
Смочен яркой росой,
Словно дождиком осенью.*

*И шаги так легки,
Тешат мысли случайные.
Ну – а горечь тоски?
А безумье отчаянья?*

18 / VIII, 1925

*Всё медленней ночи глухие
И мыслей назойливый шум.*

*Всё реже тоска о России
Тревожит испуганный ум.*

*Без света, без смысла, без цели,
Без веры в какой-то исход,
Плывёт за неделей неделя,
За годом мучительный год.*

*Дождливые дни раздавили
Предчувствием, страхом, бедой.
И больше не хочется лилий
Над тихой и чистой водой.*

29 / VIII, 1925

К КНИЖКЕ ХОДАСЕВИЧА

*Упрямый ямб, размерный гул,
Звучащий холодом всезнанья.
Быть может, он перешагнул
Те, мне неведомые, грани.*

*Так – сильный, твёрдый, ясный и сухой,
Холодный, как лежащий камень,
Он смотрит вдаль перед собой
Своими узкими глазами.*

29 / VIII, 1925

В ВАГОНЕ

*Холодный ветер сух и рьян.
Сижу, смотрю в стекло, и вижу
Один всклокоченный туман,
Лежащий густо над Парижем.*

*И высоко, над головой,
В тоске унылой и всегдашней,
Торчит над сизой пеленой
Верхушка Эйфелевой башни.*

8 / IX, 1925

МЫСЛИ ЗА РАБОТОЙ

*Что длиннее моей полосы?
Что скучнее осенних минут?
Я боюсь посмотреть на часы:
Слишком медленно стрелки ползут.*

*А иголка острее тоски.
Но больнее тоска, чем игла.
Всё размернее взмахи руки,
А в окошке – дождливая мгла.*

*Надо кончить работу к пяти.
Нитка рвётся, свиваясь в узлы.
До метро без дождя бы дойти
Через облако тающей мглы.*

*В жизни есть безнадёжный изъян.
Ливни хлеиут и ветры метут...
В мутно-синий, холодный туман
Слишком много уходит минут.*

8 / IX, 1925

*С тёмной думой о Падшем Ангеле
Опуская в тоске ресницы,
Раскрываю его евангелие,
Его шепчущие страницы.*

*В тучи дымное солнце клонится
За неровным гляncем окошек,
И по сердцу скребёт бессонница
Голосами голодных кошек.*

*Подожди: будет небо хмуриться,
Хлынет ливень дико и рьяно.
На безлюдных и тёмных улицах
Защатаются клочья тумана.*

*И когда закричит отчаянье
Криком сдавленным и негромким, –*

*Вспомни мысли мои случайные,
Обращённые к Незнакомке.*

10 / IX, 1925

*В мире тающем и старом
Светит ровный свет.
Вот откроет Алькантара
Скоро свой секрет.*

*Вот рекламы с новым вздором.
Ярко и пестро
Расцвели по коридорам
Гулкого метро.*

*В мир понятный и не страшный
Пусть ведёт дурман.
Блещет Эйфелева башня
Сквозь ночной туман.*

*Всё, как было, всё, как надо.
Вечер. Дождик. Тьма.
Мутно слитные громады –
Серые дома.*

*И на всём оцепененье
Многих сотен лет...
В мире таянья и тленья
Светит ровный свет.*

10 / IX, 1925

В ВАГОНЕ

*Мучительная, как ночной сирокко,
Нелепая, как мой к нему вопрос,
Моя тоска. Блестят огни далёко,
Ловлю спокойно ровный стук колёс.*

*Не страшно мне, напрасно мысли спорят.
Ведь из всего, что в жизни сожжено,
Люблю я только ночь зимы одной,
Холодную, как Северное море.*

10 / IX, 1925

*В моей душе есть много пятен
И роковых пустот.
Мне каждый шорох неприятен
И каждый шум гнетёт.
Быть может, слишком много пятен
На мне оставил тот.*

*В моём окне дожди косые
Сплели свою вуаль.
Ни детских сказок, ни России –
Мне ничего не жаль.
Уже давно дожди косые
Мне затемнили даль.*

*Холодной ночью я не плачу
В глухом полубреду.
Я не люблю большую дачу
В неубранном саду,
Но больше ни над чем не плачу
И ничего не жду.*

16 / IX, 1925

*Всё беззвучнее сердце колотится,
Всё плотнее туман голубой,
Испугаю тебя безработицей,
Задыхаясь, поднявшись домой.*

*В тесной комнате взглядами жалкими
Ты мне скажешь, что жизнь прожита.
Я тебя не утешу фиалками,
Ни словами о вере в Христа.*

*А над тихими душными стонами
Ярко-праздничный воздух разлит.
И деревьями позолоченными
Осень тихо в саду шелестит.*

*Посмотри, как виденьями странными
Сжались тени, и тая во мгле,*

*Голубыми, как небо, туманами
Скрыты дали осенних аллей.*

6 / X, 1925

ДОМОЙ

*Завернула влево. Шевелясь,
Тень за мной бесшумно побежала.
У моста чуть освещает газ
Узкий путь от тёмного вокзала.*

*Ромбы, и квадраты, и круги
Наполняют темноту, и гулко
Раздаются звонкие шаги
В тишине глухого переулка.*

*Разве радость в жизни сожжена?
Разве всё так скучно и туманно?
– В белом доме мрак и тишина,
Горькая, как дикие каштаны.*

9 / X, 1925

*Электрический свет потух,
Я тихонько зажгла свечу.
Не напрасно мой голос глух,
Я не первый месяц молчу.*

*Я одна, и кругом темно,
Тихо пахнут цветы и духи.
Я, качаясь, смотрю в окно
И читаю свои стихи.*

*У меня унесла печаль
Много дней из календаря,
И горит на столе свеча,
Как у тихого алтаря.*

9 / X, 1925

ВЕЧЕР

*Молчу и стыну в тишине пустой
И сдавлен мозг цепями дум унылых,
Как будто полон дом нечистой силы
И завелся в камине домовой.*

*Шуришит обоями, стучит по крыше,
Ползёт в углу мохнатым пауком...
В осенней мгле шаги как будто слышу,
Но где-то бесконечно далеко.*

*Я подожду, пусть тихий ливень хлынет.
Мне хорошо в осеннем полусне.
Мохнатый домовой сидит в камине
И неутешно плачет обо мне.*

9 / X, 1925

*Над гулким грохотом бульваров
Часы звонят на башне девять раз.
В намокших, скользких тротуарах
Отсвечивает лиловатый газ.*

*Роняет небо мелкий дождик
И виснет дождь разорванным шатром,
И, путаясь в толпе, прохожий
Спешит на красный огонёк метро.*

*А там, над грудой ступенек,
Засаленной рукой сгребая пыль,
На безобразные колени
Безногий молча положил костыль...*

*Да. Страшно знать, что спала тайна,
И вот решён неистовый вопрос
Ещё до ужаса случайным,
Седьм дымком двух тонких папирос.*

21 / X, 1925

Я говорю: не знаю и не помню,
Хочу забыть далёкие слова...
А вижу тёмную каменоломню,
И слышу, как кричит сова.
Зачем, зачем я так тревожно помню
Ту, тёмную, как ночь, каменоломню?
Тайник души мне грустно раскрывать.
А дни идут всё глуше и неленей.
В моём портфеле есть одна тетрадь –
Одно звено тяжёлой цепи.
Нет, отчего мне страшно раскрывать
Ту роковую, синюю тетрадь?

2 / XI, 1925

Я совсем на себя не похожа,
И своих же стихов не люблю.
Безобразны изгибы дорожек
В оголившемся парке Сен-Клю.

Ну, а что же
До сих пор я упрямо люблю?

2 / XI, 1925

Зачем ты бьёшься и тоскуешь
И зло смеёшься над собой?
Ведь ты не первую целуешь
В тумане улицы пустой?

Ведь в глубь арабского квартала,
Таинственного, как мечта,
Тебя давно уж засосала
Пугающая темнота.

Ты жизнь увидел шумным баром
И встретил блёстками вина,
Твоя задумчивость над старым
Совсем темна, совсем пьяна.

*Что ж? В скучных оргиях разгула
Пройди слепую жизнь скорей,
Пока она не обманула
Ночным безлюдьем пустырей.*

3 / XI, 1925

ОСЕНЬ

*И шумела в парке осень
Древним шумом старых сосен,
По ночам шумела осень
В глубине пустых аллей.*

*Там дрожали силуэты,
И как страшные скелеты,
Трепетали силуэты
Оголённых тополей.*

*Лёг туман над лесом рыжим,
Ветер рвался над Парижем,
И ночами Бобка рыжий
В конуре своей визжал.*

*А в окне чернели прутья,
Перенизанные мутью,
И под ветром гнулись прутья
В брызгах тонкого дождя.*

5 / XI, 1925

*Нет, я всегда была такой.
Не надо знать, ах, и не надо помнить
Тот тихий дождь, когда нас было двое,
И круг от лампы в полутёмной комнате.*

*В те дни тяжёлый луч бросал закат
В пустые шапки тонконогих сосен.
И, как сейчас, душа была измята
Землёй и небом мутной осени.*

13 / XI, 1925

*...Пуст кинематограф Гарибальди.
На канале блещут огоньки.
И солёный ветер с моря гладит
Синие воротники.*

*Белизна арабского квартала
Кажется ещё белей.
Мы идём, и робкие шакалы
Завывают в тишине полей.*

*Кактусы в серебряном тумане
Вспыхивают блёстками луны,
А потом – мечтой, как на экране,
Зацветут разорванные сны.*

*А на завтра – вновь тоска начнётся,
Жалоба, что некуда идти...
– Жизнь моя, забрызганная солнцем,
Тихая, ненужная – прости!*

13 / XI, 1925

ТАМ

*Там даль ясна и бесконечна,
Там краски знойны и пестры,
И по долинам в душный вечер
Горят арабские костры.*

*Там иногда, далёко где-то
Звучит прибой взметённых волн,
Там в синих форменках кадеты
Играли весело в футбол.*

*Там счастье было непонятно,
И был такой же серый день,
Как те разбросанные пятна
Арабских бедных деревень.*

*Там безрассудные порывы
Мешались с медленной тоской.*

*Оттуда мир, пустой и лживый,
Казался радостной мечтой.*

*Там сторона моя глухая,
Где горечь дум узнала я,
Пусть ненасытная, пусть злая,
Вторая родина моя.*

14 / XI, 1925

*Когда огни вечерние горят,
Всё делается проще и грустнее.
Скрипит перо. Шуришит колода карт.
И красный уголь в печке тлеет.*

*Тогда тревожно холодеет грудь,
Тогда глаза спокойны и суровы.
И хочется самой себе швырнуть
Обидное, язвительное слово.*

19 / XI, 1925

*На стене легли пятном кривым
Тени от руки и головы.
Было тихо. За полночь далёко.
Я лежала и читала Блока.*

*Уж себе я не могла помочь.
Неспроста околдовала ночь
И впились недвижные ресницы
В бледные, знакомые страницы.*

*В этот час казалась страшной мне
Тень от полотенца на стене.
И над книгой, мертвенно лежащей,
Грудь мне раздирал упорный кашель.*

*И себе сказать я не могла,
Что былая радость – отцвела,
Что давно заменено другими
Несравнимое как будто имя.*

24 / XI, 1925

*Я старости боюсь – не смерти,
Той, медленной, как бред, поры,
Когда озлобленное сердце
Устанет от пустой игры.*

*Когда в волненьях жизни грубой
Ум станет властен над душой
И мудрость перекосит губы
Усмешкой медленной и злой.*

*Когда тревога впечатлений
Сухой души не опалит
Ни очертаньем лунной тени,
Но бодрым запахом земли.*

*Когда вопросов гулкий ропот,
Ошибки, грёзы и печаль
Заменит равнодушный опыт
И уж привычная мораль.*

*Когда года смотреть научат
На всё с надменной высоты,
И станет мир наивно-скучным,
Совсем понятным и простым.*

*И жизнь польётся без ошибки,
Без впечатлений и тревог,
Лишь в снисходительной улыбке –
Чуть уловимый холодок.*

24 / XI, 1925

*Нет больше слов о жизни новой –
Есть холодок в груди.
Уже звучит тоской суровой
Чуть слышное – не жди!*

*Земля не стала светлым раем,
Не расцвели цветы.
Нас жизнь коснулась самым краем,*

*И мы её не понимаем,
Ни я, ни ты.*

30 / XI, 1925

СТИХИ О ПАРИЖЕ

I

*В туманно-серой, душной мгле
Его столетия проплыли.
Хранит музей Карнавале
Его таинственные были.*

*Ревниво сберегая дни,
Залитые мечтой и кровью,
На Сен-Мишель стоит Ключи,
Хранилище средневековья.*

*Хранят преданья старины,
Традиции веков сожжённых,
Былым величием полны,
Аудитории Сорбонны.*

*Эпоха пламенной зари,
Красивых слов и гильотины,
Подвалами Консьержери
Кричит о славном и о сильном.*

*И – символ гордого «всегда»,
Над тёмным ларем букиниста
Две серых башни Нотр-Дам,
Как два крыла на небе мгlistом.*

II

*Над рекой, под мостом, над бульварами
Лиловеют во мгле фонари,
И идут прохожие парами
Мимо тёмного Тюльери.*

*Мрачны зданья с тёмными нишами,
И чернеют выступы стен.
В час, когда трепещет над крышами
Семь сверкающих букв Ситроен.*

*И сгребая огни и улицы,
И вливаясь в гулкий аккорд,
Всё грохочет, блестит и кружится
Заводная игрушка – Конкорд.*

30 / XI, 1925

*Мы бездомные, глупые дети
Из далёкой, далёкой страны.
На холодном, на мглистом рассвете
Нам не снятся красивые сны.*

*И блуждаем мы, злые, больные –
Повторяя чужие слова,
Что себя бережём для России,
Что Россия, как будто, жива.*

*Мы в душе – и не ждём, и не верим,
По привычке – и верим, и ждём.
Ведь приятно грустить о потере
Под холодным и мутным дождём.*

*Но протянутся десятилетия,
За весною считая весну.
Мы – бездомные, глупые дети,
Возвратимся в родную страну.*

*Без надежды, без света, без силы,
Научённые долго молчать,
В край чужой, не понятный, не милый,
Мы покорно придём умирать.*

7 / XII, 1925

*Кто не помнит сказку о Синей Птице?
Кто не любит нежность старинных песен?
Счастливому в свете радость снится,
Счастливому мир и глух и тесен.*

*А я вот не знаю такого слова,
И некуда мне теперь стремиться.*

*И нет у меня ничего святого,
И я не пойду за Синей Птицей.*

7 / XII, 1925

*Наш век сухой. Наш век – пора молчанья.
Разорваны Гарольдовы плащи.
Нет патетического восклицанья,
И женственность не трогает мужчин.*

*Наш век такой, что судорогами пальцев
Измято всё, сплетённое мечтой,
И хочется невесело смеяться
Над Богом, над любовью, над собой.*

*Над нами тяготят тысячелетья,
Мы – искуплённые за их вину.
Наш век такой, что после даже дети
Не будут никогда играть в войну.*

10 / XII, 1925

*Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.
Н.Гумилёв*

*И вдруг слова о чести и о крови,
О доблести невозвратимых дней,
Швыряя пафосом средневековья,
Звения напевом скрещённых мечей.*

*Тоска о том, что жизнь смеётся глухо,
И нет любви и томных взоров нет.
И голос ласковый под самым ухом
Мне говорил: «Восторженный поэт».*

*А у меня ровны все дни недели,
Жизнь холодна, как ворохи камней...
Раз хочется подраться на дуэли,
Раз подвиги ещё не надоели, –
Наверно, жить и легче и светлей.*

10 / XII, 1925

*Ещё мы говорим стихами,
И спорим над столбцом газет,
Ещё дрожит в оконной раме
Дневной, обыкновенный свет.*

*Ещё мы чайник медный греем,
В чугунной печке уголь жжём,
Ещё дрожим и холодеем
Под мелким снегом и дождём.*

*Лишь иногда бывает скучно,
Душа пустеет, ум молчит,
И всё становится ненужным,
Как днём мерцание свечи.*

*И что-то больно душу режет
Обидным ядом звонких слов,
Под исступлённый тихий скрежет
До боли стиснутых зубов.*

16 / XII, 1925

*Пуškai метель захлещет душу,
И в жизни всё сойдёт на нет,
И астрономы пусть нарушат
Упрямый механизм планет.*

*Пусть беспричинное волнение
Заменит невесёлый смех,
И тихое недоумение
Застынет на лице у всех.*

*Весь мир в тревоге встрепенётся,
И станет зол, и станет пьян.
В тот день не будет видно солнца
Сквозь нарастающий туман.*

*Тогда под рёв автомобилей,
Всклокоченный и дикий чёрт,
Явившейся из сказки-были,
Пройдёт по площади Конкорд.*

16 / XII, 1925

Есть в жизни час, простой и яркий,
Когда заколет руки дрожь,
И взгляд затравленной собаки
Ты молча в угол отведёшь.

Тогда захочешь как-то разом
Всё пережить, испепелить.
И горло перехватит спазма
И медленно начнёт душить.

Ты будешь робкими глазами
Смотреть на лампу, на огонь,
Впиваясь острыми ногтями
В похолодевшую ладонь.

И вдруг поймёшь в оцепененье,
Что в жизни пусто и темно,
И что в душе одним мгновеньем
Всё лучшее пережито.

Ты скажешь: «Больше жить не надо,
Ужасна горечь пустоты».
И вниз опущенного взгляда
До ночи не поднимешь ты.

16 / XII, 1925

На всём лежит оцепененье
И тишина.
Передо мной бегут две тени,
А не одна.

Иду пустынным переулком
Вдоль спящих дач.
Лишь слышится в молчанье гулком
Далёкий плач.

Каких-то мыслей тёмный слиток
Лежит во мне.
И колокольчики калиток
Звонят во тьме.

*Над головой смеётся Вега –
Кошачий глаз.
Над синеватым, рыхлым снегом
Чуть светит газ.*

*А там туман, как приведенье,
Растёт в глуши.
И в нём опять сошлись две тени
Моей души.*

16 / XII, 1925

*Дням прошедшим не завидуй,
Всё равно прошли.
Мы измаяны обидой
Неба и земли.*

*Старых песен ты не слушай –
В них тоска веков.
Тихий вечер тронул душу
Мутью облаков.*

*Ждём мы тихо, ждём мы долго,
Прежде и теперь.
Если ты не веришь в Бога,
В выдумку поверь.*

*Начинай, как новый подвиг,
Каждый новый день.
Слов о силе и свободе
Не ищи теперь.*

*В мире старом, в мире скучном
Новых истин нет.
Ты пойми – не будет лучше
Через много лет.*

18 / XII, 1925

*Клубится дым у печки круглой,
Кипит на керосинке чай.*

*Смотрю вокруг глазами куклы –
Ты этих глаз не замечай!*

*Всё так же ветер в парке стонет,
Всё та же ночь со всех сторон.
А на стене, на красном фоне –
Верблюды, и бедуины, и слон.*

*Ведь всё равно, какой печалью
Душа прибита глубоко.
Я чашки приготовлю к чаю,
Достану хлеб и молоко.*

*И мельком в зеркале увижу,
Как платье синее мелькнёт,
Как взгляд рассеян и принижен
И нервно перекошен рот.*

18 / XII, 1925

*Я говорю о долгих ожиданиях
Несуществующих, но светлых дней,
О тёмных переулках без названья
И о неровном свете фонарей.*

*Я говорю о жизни нерасцветшей,
Но безнадежной и уже пустой,
О том, как невесёлый ветер хлещет
И брызжет дождь за тонкою стеной.*

*Я говорю о тёмной, белой даче,
Где у порога стережёт тоска,
О судорогах, когда в бессильном плаче
Сжимается бессильная рука.*

*Проходят дни, ползут года пустые,
Мы снова ждём, и долго будем ждать.
И далека холодная Россия –
От нас давно отрекшаяся мать.*

23 / XII, 1925

РОЖДЕСТВО

*Я помню,
Как в ночь летели звёздные огни,
Как в ночь летели сдавленные стоны,
И путали оснеженные дни
Тревожные сцепления вагонов.*

*Как страшен был заплёванный вокзал,
И целый день визжали паровозы,
И взрослый страх беспомощно качал
Мои ещё младенческие грёзы
Под шум колёс.*

*Я помню,
Как отражались яркие огни
В зеркальной глади тёмного канала,
Как в душных трюмах увядали дни,
И как луна кровавая вставала
За тёмным силуэтом корабля.
Как становились вечностью минуты,
А в них одно желание: «Земля!»,
Последнее – от бака и до юта –
Земля, но чья?*

*Я помню,
Как билось пламя восковых свечей
У алтаря в холодном каземате,
И кровь в висках стучала горячей
В тот страшный год позора и проклятья,
Как дикий ветер в плаче изнемог,
И на дворе рыдали звуки горна,
И расплывались линии дорог
В холодной мгле, бесформенной и чёрной,
И падал дождь...*

24 / XII, 1925

*Отговорил, отскандалил,
Остановил колесо.
Ушёл в бестелесные дали
Раскольник из древних лесов.*

*И минуты в тревожной смене
Стали темны и страшны,
Когда закачался вдоль голой стены
В страшной петле Сергей Есенин.*

30 / XII, 1925

*Вы видели меня всегда такой –
Весёлой и непринуждённой,
С насмешливой улыбкой, а порой –
Усталой и немного сонной.*

*Вы часто слышали мой громкий смех
В сыром тумане Сен-Жермена,
Вы знали про меня, что я из тех,
Которым море по колено.*

*И вы меня не видели, когда,
Кусая губы, пальцы я ломала,
Когда боялась и не понимала...
И вот о том, как в ночь идут года –
Со мной не говорите никогда.*

4 / I, 1926

*Пусть хлынет дождь, и капли застучат
По мутным стёклам запотевших окон.
Пусть станет мгlistым огненный закат
В отчаянье огромном и широком.*

*Пусть навсегда исчезнет яркий свет
И крыши дач, и ветер на панели.
Зачем вся жизнь, когда уж силы нет
Считать пустые, тихие недели.*

7 / I, 1926

*Я жизнь люблю за то, что даль темна,
Что тихий ливень хлещет в стёкла,
Что есть в году и осень, и весна,
За то, что улица намокла.*

*За то, что страшен заглушённый крик,
А мысли – скользкие, как слизи,
За то, что ни один унылый миг
Не будет вычеркнут из жизни.*

7 / I, 1926

*Разве жизнь моя не пуста?
Разве сердце – не тёмный слиток?
Разве нет на груди креста,
Как эмблемы медленных пыток?*

*Жизнь темна и душа пуста.
– Может быть, я одна из ста
Говорю об этом открыто.*

11 / I, 1926

*Как женщина, которую целуют,
Как дрожь ресниц, которых не поднять,
Вся жизнь похожа на игру пустую,
В которую невесело играть.*

*Я не люблю спокойствие и скуку,
И страшно мне, когда идёт гроза.
Так нищенка протягивает руку,
Стыдливо пряча жалкие глаза.*

*Я в жизнь вошла, волнуясь и тоскуя,
И вот её я не могу понять.
Как женщина, которую целуют,
Как дрожь ресниц, которых не поднять.*

16 / I, 1926

Я НЕ ПОМНЮ

*Переплёски южных морей,
Перепевы северных вьюг –
Всё смешалось в душе моей
И слилось в безысходный круг.*

*На снегу широких долин
У меня мимозы цветут,
А моя голубая полынь
Одинакова там и тут.*

*Я не помню, в каком краю
Так злое еще красив закат.
Я не знаю, что больше люблю –
Треск лягушек или цикад.*

*Я не помню, когда и где
Голубела гора вдали,
И зачем на тихой воде
Золотые кувшинки цвели.*

*И остались в душе моей
Недопетой песней без слов
Перезвоны далёких церквей,
Пересветы арабских костров.*

19 / I, 1926

*Отчего в дыму от ладана
Под напев колоколов
Так неожиданно, так нежданно
Вдруг становится светло?*

*Отчего манят проталинки
Пряным запахом весны?
А когда была я маленькой –
Снились мне глухие сны?*

*Отчего у неба низкого
Ширь так девственно чиста?
Отчего в стихах Ладинского
Есть такая теплота?*

19 / I, 1926

СТАРИННЫЙ РОМАНС

*Как сумрак, распростёрлась тишина
По мебели в чехлах в просторном зале,*

*И сквозь окно высокая луна
Посеребрила клавиши рояля.*

*В саду мертво. В саду совсем темно.
Лишь под окном белеется берёзка.
Прабабушка с высокою причёской
Из рамы смотрит в тёмное окно.*

*Дрожит звезда на небесах высоких,
Несёт бодрящей сыростью земли.
Над озером задумалась осока,
И яблоки в саду налились соком,
И розы у террасы расцвели.*

*В ручье журчит прозрачная струя,
Да лай собак несётся на деревни.
И в парке, под шатрами сосен древних,
– Весна, любовь и трели соловья.*

19 / I, 1926

АННЕ АХМАТОВОЙ

*Над горами – спокойные вспышки зарниц,
На столе – карандаш и тетрадь,
Ваши белые книги и шелест страниц,
И над ними – дрожанье косматых ресниц –
Разве всё это можно – отдать?*

*И пушистую прядь золотистых волос,
И туманное утро в росе,
И шурианье колючих цветущих мимоз,
И гортанные песни, что ветер разнёс
По безлюдным и гулким шоссе.*

*Разве можно не помнить о юной тоске
В истомлённый, полуденный зной,
О шуриании пены на мокром песке,
О беззвучности лунных ночей в гамаке
Под широкой узорной листвой.*

*Это первое лето в мечтах и слезах,
И злоеющее солнце в крови,*

*И какой-то наивный, ребяческий страх –
Всё лежит в Вашем имени, в тихих стихах,
В непонятной тоске о любви.*

22 / I, 1926

*Когда в саду шуришит весна,
Когда глаза глядят упрямо, –
Душа торжественно мрачна,
Как католические храмы.
В саду канавки и кусты
Сдавили узкие дорожки,
И смотрит жизнь из темноты
Безумными глазами кошки.*

*Но что до жизни, до души!
Ведь ветры зимние задули,
Ведь смерть назойливо шуришит
По разрисованному тюлю.*

*Ведь не понять мне всё равно,
Куда идти, звеня стихами,
А жить и пусто, и темно,
И тихо, как в старинном храме.*

26 / I, 1926

В РОССИЮ

*Я туда не скоро возвращусь.
Ты скажи – что эти годы значат?
Изменилась ли шальная Русь,
Или прежнюю кликушей плачет?*

*Так же ли подсолнухи луцит,
В хороводе пёстрой юбкой пляшет,
Вековыми соснами шумит,
Ветряными мельницами машет?*

*Край, который мыслью не обнять,
Край, который мне и вспомнить нечем.
Там меня рожала в столах мать,
Там у гроба мне поставят свечи.*

27 / I, 1926

*Не в первый раз и не в последний
Я выхожу из этого метро,
Отсчитывая звонкие ступени.
Не в первый раз и не в последний
Я говорю ненужные слова,
Рассеянно следя за дрожью тени.
Я прячу задрожавшие колени
И безобразные от слёз глаза –
Не в первый раз и не в последний.*

2 / II, 1926

*Жена и мать останутся в Довиле,
Вертеться в безысходном колесе.
А он помчится в даль прямых шоссе
На собственном автомобиле.*

*Они останутся покорным эхом
В нормандском домике – жена и мать –
Потрёпанными картами гадать –
Благополучно ли доехал?*

*И будет ночь, и будет даль всё та же,
И будет ветер биться, как и раньше,
И серо-жёлтая вода Ляманша
Взбегать на опустевший пляж.*

*Они останутся – жена и мать –
Чтоб слушать ветер и ловить сквозь шторы
Далёкий шум случайного мотора,
Сидеть у саламандры и гадать.*

3 / II, 1926

*Улыбка, беспечальная когда-то,
Кривит лицо, приподнимая бровь.
А на губах запечатлелась кровь
Огромного холодного заката.*

*Вот почему улыбка так тиха,
Застенчив взгляд и равнодушны губы.*

*Вот почему коробит смех беззубый
В разорванных, неконченных стихах.*

6 / II, 1926

*Надеть открытое, короткое платье,
Намазать губы и танцевать фокстрот.
Узнать на губах терпкий привкус счастья,
А на сердце – равнодушный гнёт.*

*И в зимний вечер, который слишком долог,
Паденьем тела сломать речную сталь –
За один короткий, сухой некролог,
За равнодушно брошенное «жаль».*

6 / II, 1926

ЦВЕТАЕВОЙ

*Целый день по улицам слонялась,
Падал дождь, закручивая пыль.
Не пойму, как я жива осталась,
Не попала под автомобиль.*

*На безлюдных тёмных перекрёстках
Озиралась, выбившись из сил.
Бил в лицо мне дождь и ветер хлёсткий
И ажан куда-то не пустил.*

*Я не знаю, сердце ли боролось,
Рифмами и ямбами звеня?
Или тот вчерашний, женский голос
Слишком много отнял у меня?*

8 / II, 1926

*Будет утро и свет заструится
Сквозь прикрытые ставни окна.
Мне тревожное что-то приснится,
И проснусь я от страшного сна.*

*Я проснусь. И, глаза протирая,
Вдруг почувствую холод и страх.*

*И вокруг ничего не узнаю
И не вспомню, что было вчера.*

.....

*Так исполнится чьё-то проклятье,
И не день, и не месяц, не год –
Будет мир сочетанием пятен
И зияньем зловещих пустот.*

8 / II, 1926

*Так что же? – плачь, неистовее плачь!
Захлёбывайся, бейся, как кликуша.
И пусть молчание соседних дач
Твой крик придавленный нарушит.*

*Вой голосом, сжимая кулаки,
Вой голосом, как на погосте баба,
И повались, беспомощной и слабой,
Как жертва молодости и тоски.*

10 / II, 1926

*Это будет сегодня. Я в это верю.
Я не знаю, где и зачем,
Но сегодня скажу о моей потере,
О тревоге моих ночей.*

*Я не знаю, зачем, и кто в этом волен,
И когда этот час придёт,
Но предчувствием счастья, обиды и боли
Иступлённо кривится рот.*

*Это будет сегодня, я знаю, верю.
Будет вечер суров и нем.
Я кому-то скажу о моей потере,
И сама не пойму, зачем.*

13 / II, 1926

*Пусть брошены те нежные слова,
Как звон тысячелетней колокольни.*

*От них не закружилась голова,
Не сделалось ни радостно, ни больно.*

*В глазах, должно быть, искрится тоска,
А губы слишком сухи и упрямы.
И кровь назойливо стучит в висках,
И сердце гулко отбивает ямбы.*

*Я всё отдам больному февралю,
Всё вырву, брошу, растопчу, развею.
Я только молодость мою люблю,
Я только молодость мою жалею.*

18 / II, 1926

НОЧЬ

*В окно сквозит ночной, туманный свет
И зеркало рассеянно сверкает.
Хоть музыканта, знаю, дома нет,
Но слышу я – виолончель играет.*

*Стоит в углу, раздув свои бока,
Звонят, гудят натянутые струны.
А я твержу, что вот – пришла тоска
Холодной ночью, матовой и лунной.*

*Не жаль того, что кончилось вчера.
Не жаль себя, и боль, и горечь эту.
Я буду тихо думать до утра,
Я буду тихо плакать до рассвета.*

*И ветер гулко стонет за стеной,
И бьётся кровь, и сердце замирает,
И в первом этаже сама собой
Виолончель безумная рыдает.*

21 / II, 1926

*Есть верный путь к упрямой петле
На крепко ввинченном крючке,
Когда слова перекипели
И горький вкус на языке.*

*Жить в золочёной женской рамке,
В кольце каких-то сильных рук.
Жить для того, чтоб взглядом самки
Рассеянno смотреть вокруг.*

*Ронять слова о ярком счастье
И рабски отражать в глазах
Безумное желанье страсти,
Безумный и блаженный страх.*

*И, тихо опустив ресницы.
Изведав тёмные пути,
Ушедшей юности молиться,
Кому-то говорить: прости!*

*И дом свой будет неприветлив,
Напоминаям о тоске.
Так – верный путь к упрямой петли
На крепко ввинченном крючке.*

*И только б смерть всю душу стёрла
В торжественный и вечный миг,
Когда верёвкой стянет горло
И грубо вытянет язык.*

28 / II, 1926

*Какая грустная весна!
Мне эта грусть почти приятна.
В прямоугольнике окна –
Одни бесформенные пятна.*

*Щекой касаясь косяка,
Облокотившись на перила,
Гляжу я нынче свысока
На мир огромный и унылый.*

*Туман всё шире и темней.
Тоска всё глуше и капризней.
А за спиной так много дней,
Как будто вырванных из жизни.*

*О, сердце глупое – не плачь
И не стремись к лукавой цели!
С меня довольно неудач
Последней глупенькой недели.*

6 / III, 1926

*Тогда цвели кудрявые каштаны,
Тогда цвели над выставкой огни,
И дымкою весеннего тумана
Окутывались солнечные дни.*

*Я к вам пришла с наивными стихами.
Я к вам пришла, как входят в дом чужой,
С доверчиво-раскрытыми глазами,
С высоко поднятою головой...*

7 / III, 1926

*Пусть молодая поэзия
Мягче церковного воска,
Вырастет стройно и весело
Светло-зелёной берёзкой.*

*Не молотом с наковальней,
Вымыслом хитрого разума,
А колоколенкой дальней,
Светлым туманом повязанной.*

*В жизни унылой и жёсткой
Есть ещё дали раздольные,
Листья весенней берёзки,
Строки её белоствольные.*

*Тянутся к небу молитвы,
Им отвечают созвездья...
– За беспокойные ритмы!
– За молодую поэзию!*

9 / III, 1926

RUE DES ECOLES

*Я люблю эту тихую улицу,
Уходящую в тихий туман.
Не тревожится, не волнуется,
Не гнетут большие дома.*

*Переулки тёмные, страшные,
В них – розетки старинных церквей.
А у замка с зубчатыми башнями
Так спокойны глаза детей.*

*Здесь идёшь разумницей, скромницей,
И не знаешь – куда идёшь.
Неужели потом не вспомнится
Никогда эта тихая ложь?*

*Солнце ласково корчит рожицу,
Озирая большие дома.
Не волнуется, не тревожится,
И туман, голубой туман...*

15 / III, 1926

*Там мне запомнился кричащий голос,
Дым папирос и колкие слова,
Как выкрики сплетались и боролись,
И как потом кружилась голова.*

*А за воротами, мигая кротко,
Фонарь маячил, и была весна...
...Ещё мне там запомнилась решётка
Высокого и тёмного окна.*

17 / III, 1926

*Дома ждёт меня бессонница,
Сторожит ночную тьму.
Ночь молитвенно наклонится
К изголовью моему.*

*На подушке лягут волосы
Размотавшейся косы.
Ночь прорвут железным голосом
Где-то бьющие часы.*

*Будут тени тихо корчиться,
Подползёт туман к окну.
Буду медленно ворочаться,
Вслушиваться в темноту.
Думать: «Вот, мол, завтра пятница,
Ехать в город, а потом...»
И обои затуманятся
Над нависшим потолком.*

*А когда у неба мглистого
Луч протянет лезвиё –
Проклянц в стихах неистовых
Одиночество своё.*

19 / III, 1926

*Я буду письма писать
Про вещьцую пустоту.
Их некому отсылать,
И я их сама прочту.*

*Я выйду навстречу тому,
Кого в этой жизни нет.
И зубы до боли сожму –
Не по моей вине.*

*Перелистаю тетрадь –
Недлинный, пройденный путь,
И буду упрямо ждать
Кого-то, кого-нибудь.*

*И, подавляя грусть,
Которой пьяным-пьяна,
Застенчиво улыбнусь
И тихо скажу: «Одна!»*

21 / III, 1926

*Я в сумерках синих зажгу свечу
И резким движеньем её потушу.
Не жалости я хочу.
Не милостыни прошу.*

*Я помню только мой вчерашний сон,
Я помню только мой вчерашний плач,
И бледный, лиловый фон
Над силуэтом дач.*

*Я буду думать о себе одной.
Ночь бросит тени на моё плечо...
Не говори со мной.
Не спрашивай ни о чём.*

21 / III, 1926

ПРОСТЕНЬКОЕ

*Было это в мае.
Дождик падал с крыши:
И сама не знаю,
Как всё это вышло.
Разлеталась жалость
Корабельной сажей.
Ну, и как прощалось –
Вам и не расскажешь.*

*Вы не знали ветер,
Небо рвущий в клочья,
Стон тысячелетий
Августовской ночью.*

*Солнечные пятна
В летний полдень жаркий.
Вам ведь непонятны
Серые бараки.*

*Я бы рассказала
Про далёкий лагерь,
Про тоску шакалов,
Воющих в овраге.*

*О головках лилий,
О тревожной скуке,
Как собаки выли
Утром на побудке.*

*Как синело море
И дразнили дали,
Как играли зорю,
Как отбой играли.*

*И о том, как мало
В жизни было силы.
Всё бы рассказала,
Да сама забыла.*

24 / III, 1926

МАРТ

*... А там нарциссы отцвели
В долине, за Джебель-Кебиром –
И пахнет весело и сыро
От свежевспаханной земли.*

*Уже рассеялся туман,
Прошла пора дождя и ветра,
И чётко виден Загуан
За девяносто километров.*

*И девственною белизной,
Под небом, будто море, синим,
Белеет в зелени густой
Цветок венчальный апельсина.*

*Шуршит трава, басит пчела,
А скоро зацветут мимозы
У той тропинки, под откосом...
Тропинка, верно, заросла...*

30 / III, 1926

Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита.
А.Блок

Не любовь, а лёгкая влюблённость,
Не тоска, а смутное томленье
В молодой, бушующей крови,
Оттого, что это небо юно,
Оттого, что эта жизнь прекрасна.

Выйти в лес, окутанный туманом,
Не январским, а весенним, светлым,
Пахнущим и сыростью, и тленьем.
К ласковой сырой земле прильнуть,
Телом всем прижаться к ней, и слушать
Шорохи, и шёпоты, и стоны.

И цветут фруктовые деревья,
Белые, мохнатые, смешные,
И манит весенний, тёмный лес
Девичьей стыдливостью берёзки.

Оттого, что в мире есть бездонность
Неба, красоты, воспоминаний,
Тихой человеческой печали
И манящих неподвижно глаз.

Тонкие, весенние берёзки!
Клейкие зелёные листочки!

Оттого, что родилась я в мае,
Тихим утром на рассвете дня,
И на встречу мне взглянуло солнце
Северной, холодной улыбкой,
Оттого, что я вчера читала
Кованные, звонкие стихи,
От которых сердце холодело,
От которых становилось больно,
И, прочтя которые, хотелось
Крикнуть: «Больше ничего не надо!»

*И потом весь мир казался звонким,
Пряным, пёстрым, в разноцветных бусах,
Точно в брызгах летнего дождя.*

*Оттого, что есть в короткой жизни
Молодость, поэзия и счастье –
Эта жизнь мучительно прекрасна.*

6 / IV, 1926

*Движение дней, трагедия борьбы,
Утрата родины – всё мимо, мимо...
Одна мечта, одно желанье – быть
Встревоженной, влюблённой и любимой.*

*Как мало надо: власти над собой
Жестокого и сильного чего-то.
И в тесный, узкий, глупый мир порой
Врываются трагические ноты.*

*Так нарастает роковое. Так
Подходит то, чего нельзя поправить.
Ведь сердце захлестнула пустота,
А даль весенняя светла ведь?*

*Вот почему и горечь на губах,
И тёмная дорога за плечами.
О, женщина, о, тихая раба,
Сосуд нечеловеческой печали!*

8 / IV, 1926

*Прежде тоска была,
Стала потом чужою.
Так сирень цвела
В прошлом году весною.*

*Тихо твержу – прости.
Прошлой весне? – Не знаю.
Ветер сухой свистит
На остановке трамвая.*

*Хочется что-то сказать,
Хочется в чём-то открыться.
О, как близки глаза,
И как далёки лица!*

*В новом прошла новизна –
Странная мысль о чуде.
И так привычно знать,
Что ничего не будет.*

20 / IV, 1926

*Целый день я наряжаю кукол,
И без дум за часом бьётся час.
Вечером – люблю любить науку,
А ночами думаю о вас.*

*И по улицам, по грязи липкой,
В коридорах гулко метро
Прохожу с неискренней улыбкой,
Как мои печальные Пьеро.
Стала боль рассеянной и тише,
Жизнь взяла, швырнула, понесла...
Острый дождь опять стучит по крыше,
Капает с оконного стекла.*

*Прогляжу конспект вчерашних лекций,
Загляну в потрёпанный словарь...
А ночами глухо ропщет сердце
На мои упрямые слова.*

22 / VI, 1926

*Что мне мешает броситься в окно –
Обидеть друга – выбросить билеты...
На улице безлюдно и темно,
В тумане фонари мигают где-то.*

*Впились в туман молящие глаза –
Теперь никто не видит их печали.
Мне хочется кому-то рассказать
О нежности, накопленной молчаньем.*

*Напрасно говорят, что я отдам
Всё за любовь, которая дурманит,
Ведь я не забываю никогда
Обидных слов, ошибок, невниманья.*

*А, может, правда, что хочу зажечь
В себе я тихую, как сон, истому,
И в подсознательном желанье встреч
Иду по улицам, давно знакомым.*

*Кто знает – вдруг все чувства и слова
Поднимутся неудержимо стаей,
И выйдет так, что расскажу я вам
О том, чего ещё сама не знаю.*

29 / IV, 1926

ДОННА-АННА

Этюд

*В саду цвели высокие каштаны
И веяла зелёная весна.
В своём саду томилась Донна-Анна,
Молчала у раскрытого окна.*

*И наклоняя низко профиль тонкий,
С улыбкою печального лица,
Она ласкала локоны ребёнка,
Не знавшего далёкого отца.*

*А по ночам, когда душа устанет,
Под душным пологом ей снились сны
О кораблях на тёмном океане,
О женщинах, прекраснее весны.*

*И годы шли. И проходили сроки.
Стонало море. Падала гроза.
И так же всё таинственно глубоко,
Как у еврейки, грустные глаза.*

*А вечером к ней тихо шёл прохожий.
Пусть он другой – не всё ли ей равно?*

*В глазах мужчин всегда одно и то же,
Пьянящее, как старое вино.*

*И по ночам, в назойливом дурмане,
Под тихий шум его влюблённых фраз,
Ей снились корабли на океане
И женщины с ревнивым блеском глаз.*

*И на кремнистом дне, в измятом платье,
Она – с лицом, забрызганным, в крови,
Не вынеся душного проклятья
Своей огромной, давящей любви.*

3 /V, 1926

О ТОМ, КАК КОШКА ПРОПАЛА

*Постой, вот этот ящик отодвинь-ка!
Молчи! Она скребётся за дверьми?
Там холодно и сыро. Минька, Минька,
Минь!*

*Под шкафом – нет! На чердаке – там страшно,
Там в паутине скользкий домовой.
И от свечи косое пламя пляшет
По лестнице крутой.*

*Сбежала! Вот! Ах, чтоб ей пусто было!
Теперь не спать всю ночь! Из-за неё!
И холод по ступенькам и перилам
Ползёт, оттачивая лезвиё.*

*И бьёт в окно ночной, холодный ветер,
Рвёт над виском растрёпанную прядь...
Мяукает? – Нет, это у соседей...
Мне холодно. Я спать хочу. Я – спать...*

Минька! Минька!

10 /V, 1926

*Пусть вы не любите моих стихов,
Пусть вы не помните моих вопросов.*

*Мои глаза спокойней синих льдов,
И больше ни о чём не спросят.*

*Но, если обо мне заходит речь –
Меня, вы думаете, вспомнить нечем?
А недосказанность коротких встреч?
А узко сдвинутые плечи?*

*И голосом намеренно сухим
Вы бросите без злобы и печали,
Что вам не нравятся мои стихи,
Что вас они не волновали.*

17/ V, 1926

*Лежит в распахнутом окне
Спокойное, ночное небо.
Так было всё в далёком сне,
В том сне, который был и не был.*

*Я слышу голос – тихий шум,
Я слышу шум – но слов не слышу.
Я лекции не запишу –
Другие за меня запишут.*

*Что делать мне в чужом краю?
Я в мир вошла тихонько, с краю.
Я – только зритель. Жизнь мою
Другие за меня сыграют.*

25 / V, 1926

*Сегодня вечер слишком сух,
И как-то пасмурно в лесу.*

*И не спадает душный зной,
И пахнет пылью и весной.*

*А в городе – тревожный гул,
Стучащий молотом в мозг.*

*И раскалённые торцы,
И фонари, как близнецы,*

*И воздух пылью нагружён,
И душит пыль со всех сторон.*

*И в лицах встречающих что-то есть
Жестокое, как слово – мечь.*

27 / V, 1926

*Тени у калиток,
Листья смотрят ввысь...
Мы с тобою квиты,
Глупенькая жизнь.*

*Нечего сердиться,
Плакать, тосковать.
Опищу ресницы,
Разверну тетрадь.*

*Пусть распались цели,
Мысли не сбылись.
– Всем мы надоели,
Маленькая жизнь.*

*Тихий сумрак сада,
Матовая даль.
Ничего не надо.
Ничего не жаль.*

31 / V, 1926

*Туча небо кругом обняла,
Набухает и рвётся на части.*

*Как больная, всё жду я тепла
И почти невозможного счастья.*

3 / VI, 1926

В МЕТРО

*Совсем устал угрюмый контролёр
Процёлкивать зелёные билеты.
И девушка метёт с панели сор,
Мертва от электрического света.*

*И мельком в зеркале – который раз –
Я вижу бледное изображение.
А пара чьих-то беспокойных глаз
Хватает каждое моё движение.*

*Вон, в красном женищина бокал несёт
И белого медведя обнимает...
Сквозь матовый туман я вижу всё,
И ничего не понимаю.*

3 / VI, 1926

*Слепая ночь прильнёт к земле
Огромною холодной жабой,
Когда верхом на помеле
Я вихрем полечу на шабаш.*

*И будет ночь кошмарным сном,
И будет ночь хулой на Бога.
Кривым, уродливым пятном
Тень расплывётся у порога.*

*И ты всю ночь не будешь спать
В предчувствии недоброй вести.
Пустую тёмную кровать
Рукой нетвёрдой перекрестишь.*

*И не узнаешь никогда
В печали тайну роковую,
Что дни, недели и года –
Уже давно не существуют.*

*Что время память замело,
Что сердце – только тёмный слиток,*

*Что я, сжимая помело,
Хватаю месяц за копыта.*

7 / VI, 1926

НОЧНОЙ БРЕД

I

*Фонарь отсвечивает в луже,
Пятном ложится по траве.
А в том окне бессильно тужит
Владыка жизни – человек.*

*Глаза скользят по всем предметам,
По пятнам выцветших обой.
Глаза болят от слёз и света,
От вспышки молнии ночной.*

*И жизнь прошла, смеясь брезгливо,
Свалили мертвенные дни...
А на дворе – фонарь тоскливый
И лужи чёрные под ним.*

II

Фонарь

*Ничего нет ужасней на свете,
Чем слегка прорезающий мглу,
Точно светоч невидимой смерти –
Одинокий фонарь на углу.*

*Что-то чудится в нём колдовское,
Ворожившее с тёмной судьбой,
Что-то мёртвое в нём, неживое,
И тупое, как тихая боль...*

*А кругом темнота наступает
На несмелый, светящийся круг.
Ночь – огромная, злая, слепая –
Обнимает и давит вокруг...*

*Ночью душат меня небылицы,
В сердце – тёмная, ржавая гарь.*

*Мне безлюдная улица снится
И на ней – одинокий фонарь.*

III

*Темнота колдует
Будто бы я на quixi de Conde
около pont des Arts.*

*Фонари стоят, как солдаты,
И горят себе грустно, без цели.
Здесь ходили в плащах крылатых
И ножи в темноте блестели.*

*Что-то сказочное, из Андерсена,
Сердцу близкое и родное,
И, шуриша, пробегает Сена,
Бьёт о камень жёлтой волною.*

*Сказка была давно, в России,
Горела у иконы лампада...
Огоньки – красные, синие...
Не жди! Не люби! Не надо!*

IV

*– И всё мне чудится бессонной ночью,
Что я иду по улицам пустым,
И чёрный ветер разрывает в клочья
Густые тучи – серый дым.*

*А на углу фонарь мигает кротко,
И пахнет розами в ночном саду.
И всё хожу я нервно вдоль решётки
И в сад калитки не найду.*

V

*Да, я помню тот страшный миг,
Тот надрывный экстаз печали.
Круг от лампы, обложки книг –
Только я уж – не замечала.*

*А за дверью неслась гроза,
Дождь упрямо стучал по крыше.*

*Было страшно слово сказать.
Не хотелось ни жить, ни слышать.*

VI

(Полу воспоминанья, полу пророчества)

*В трамвае шумно. Светит ровный свет.
Со мною никого нет рядом.
Но чувствую – невидимый сосед
Меня сжигает неподвижным взглядом.*

*И с ужасом сквозь дым от папирос
В стекле окна я вижу профиль грубый.
– Прямой, высокий лоб, горбатый нос
И быстро шепчущие губы.*

*Слезаю. Ухожу в туман ночной –
Со мной на остановке он слезает,
Совсем бесшумно следует за мной –
И прожигает мёртвыми глазами.*

VII

*Завтра я письмо получу,
Или злые тревожные вести.
Прижимался к груди и плечу
Мой холодный маленький крестик.*

*Ни о чём не могу гадать,
Ни о чём не хочу молиться.
Пусть и так проползут года
Бестолковою вереницей.*

VIII

*Возвращаюсь ночью из Парижа,
Прохожу по улицам пустым,
И на каждой тёмной даче вижу
Белые тревожные кресты.*

*И ползут, ползут по небу тучи,
Тени расстилая по земле.*

*И в дыму, над месяцем плывучим
Вьётся смерть верхом на помеле.*

(И так можно было до бесконечности)

Ночь с 12 на 13 / VI, 1926

*И тень моя по улицам бродила,
По набережным тёмным и пустым,
И, крадучись, рассеянно всходила
На тёмные и гулкие мосты.*

*Считая дробные шаги прохожих,
Металась бешено у фонарей.
А фонари выстраивали рожи
И языки показывали ей.*

*Бездомной нищенкой из сказки-были,
Исчезнувшей, растаявшей, как дым,
И окна освещённые дразнили
Далёким чем-то и давно чужим.*

30 / VI, 1926

У МЕТРО

*Тень моя осталась у решётки,
Где туман рассеянный вставал,
Где остался чей-то голос чёткий
И прощальные его слова.*

*Взгляд, в котором не было печали,
Голос без волненья и мольбы,
И шаги внимательно считали
Жуткие фонарные столбы...*

30 / VI, 1926

В КАФЕ

*Вы смеётесь, милый мой сосед?
Вас пьнянт смеющиеся лица?
Электрический, тяжёлый свет,
Женские мохнатые ресницы?*

*Вы смеётесь? Отчего у вас
Смех такой подчёркнуто-счастливый?
Чокнемся за одного из нас,
Здесь кричащих за бокалом пива.*

*Здесь светло, крикливо и смешно.
Губы в медленной улыбке стыннут.
– А на севских улицах темно.
– А на севских улицах пустынно.*

*Змейкою дымок от папирос,
Взгляд весёлый и огни в тумане, –
Этот тонкий, медленный наркоз
Рано или поздно одурманит.*

*Воздух бьёт в раскрытое окно,
Таёт смех, и дерзкий и несмелый.
– Друг мой или недруг, всё равно –
Чокнемся, пока не надоело!*

1 / VII, 1926

*На этот раз никто не обманул,
Никто не лгал, не притворялся нежным,
И только сердца однозвучный гул
Твердил о чём-то жутко неизбежном.*

*Напрасен был таинственный намёк,
И холодок неискреннего взгляда,
И радость песенная тихих строк...
– Мой друг и недруг! Ничего не надо.*

*А мне казалось, что моя тюрьма
Вдруг превратилась в светлое жилище,
А мне казалось, что и я сама
Была светлей, и женственней, и чище.*

8 / VII, 1926

*Мы никогда не будем близкими,
Сполна друг друга не поймём.*

*Пусть это небо блещет искрами
И дышит ласковым теплом.*

*И пусть так много, много сказано, –
Вы всё далёкий и чужой.
Случайный спутник, чем-то связанный
С моей крылатою тоской.*

*И больше нечего печалиться,
Ведь справедлив закон бытья,
И мы уйдём – не прощаемся –
Направо – вы, налево – я.*

*И в вашей тихой грустной комнате,
В круговороте ярких дней,
Вы никогда меня не вспомните
И не увидите во сне.*

*И, крепко сжав руками голову,
В сedom кошмаре, наяву
Ведь вас – спокойного, весёлого –
Я никогда не позову.*

9 / VII, 1926

*Тосковала, дни считала,
Тайно верила – и вот
Начинается сначала
Тихих дней круговорот.*

*Снова верю, дни считаю,
И сжимается рука,
А в окошке пролетают
Перистые облака.*

*И опять, смеясь сквозь слёзы,
Снова верю, плачу, жду.
Ночью тёплой, ночью звёздной
Хорошо в моём саду –*

Ты пришёл, но слишком поздно.

13 / VIII, 1926

*По садам пестреют георгины,
Гордые, осенние цветы.
С невесёлым именем Ирины
Всё светлей и радостнее ты.*

*Оттого ли так светло без меры,
Оттого ль так знойны эти дни...
Эту лёгкость, эту боль и веру,
Господи, спаси и сохрани!*

19 / VIII, 1926

ВЕЧЕР

*В саду – святая тишина,
Огни над лесом догорели.
Скользя, запуталась луна
В ветвях зубчатой, тёмной ели.*

*И в мир таинственный маня,
В седую полосу тумана,
Плывут под Вегой два огня
Жужжащего аэроплана.*

*Шумят и блещут поезда –
Неясное напоминанье –
И светит каждая звезда
Своим особенным сияньем.*

*– И я поверила в мечты,
И в те огни, и в сны, и в шумы...
Не может быть, чтобы и ты
Вот так же обо мне не думал.*

25 / VIII, 1926

*Я всё оставила, чем я жила.
Всем, прежде близким, сделалась чужая.
И не оглядываясь, отошла,
И ни о чём не вспоминаю.*

*Я всё забыла: горечь пустоты,
И тихий лязг нетвёрдой черепицы,
И все мои восторги и мечты,
И письма те – на десяти страницах.*

*Я даже не пишу теперь стихов,
Моих унылых и наивных жалоб...
– Всё отдала я за твою любовь.
Неужто – мало?*

27 / VIII, 1926

*Мы расстанемся тихо и просто,
Слишком просто, чтоб стало темно.
И большие, мохнатые звёзды
Будут медленно падать в окно.*

*И по-прежнему душны ночи
Будут мучить в тревожном бреду...
Ты не бойся, что я пророчу
И накаркиваю беду.*

*Но последней, короткой встречей
Мы искупим невольную ложь.
Я тебе ничего не отвечу,
Друг мой нежный, – и ты поймёшь...*

*И не станет больных вопросов,
И запутанной, глупой игры.
Мы расстанемся тихо и просто,
Слишком просто, чтоб плакать навзрыд.*

11 / IX, 1926

*Принимаю все твои упрёки,
Всё, что будет, – будет хорошо.
Только б ты не сделался далёким,
Из моей бы жизни не ушёл.*

*Захлебнусь я тонким сладким ядом,
Задохнусь я в песенном хмелю.*

*Тихий друг, мне ничего не надо.
Знаешь сам, как я тебя люблю!*

14 / IX, 1926

*Ещё дурманит в полдень яркий зной,
И зелены развесистые клёны,
Ещё волнует радостью простой
Суровый ритм моих стихов влюблённых.*

*Ещё мерещится везде
Тревожный взгляд (уже такой знакомый!)
И, словно нехотя, сгорает день,
Слегка подёрнутый осенней дрёмой.*

*И ширится красивее закат,
Подкрашивая неподвижный воздух.
А вечером по-прежнему горят
Спокойные, большие звёзды...*

*– А ты вернёшься – будет тихий дождь,
Седой туман забьётся в щели ставень.
И никогда ты больше не найдёшь
Того, что так легко оставил.*

*А осень-плакальщица унесёт
Последние, доверчивые мысли...
И ты поймёшь, как опустело всё
И в белом доме, и в душе, и в жизни.*

20 / IX, 1926

*Убывают заметно дни.
Заползают туманы в сад.
О Господи, хоть на час верни
То, что было месяц назад!*

*И с тревожной моей тоской
Я бодрее к зиме пойду –
Только б нежно вспомнить душой
Утро то – в Люксембургском саду.*

*Видеть вновь нарастающий день
На безлюдье улиц пустых.
Посмотреть, как на тихой воде
Отражались чётко мосты.*

*Только б снова мне испытать
Ту хорошую, светлую грусть.
А потом – пусть дожди опять,
Одиночество, холод... Пусть!*

23 / IX, 1926

РОССИЯ

(вариации на старое)

Там чудеса, там леший бродит...

А.Пушкин

*Там лес, и степь, и тишина,
И серо-дымчатые дали.
И медной денежкой луна
На тёмно-голубой эмали.*

*Там пятна серых деревень.
Собачий лай. Печаль. Безлюдье.
Там серый, блеклый, тихий день.
Таким он был. Таким он будет.*

*Там не боятся, не бранят,
Не вспоминают, не тоскуют.
Ночами филины кричат,
С зарёю лешие бунтуют.*

*Там златоглавый монастырь
Весь полон светлым перезвоном.
И тихо стонет птица Вирь,
Сливаясь с шорохом зелёным.*

*Там в зачарованных снегах
Стоит изба на курьих ножках,
Где дремлет старая Яга
У освещённого окошка.*

*А дальше тихие скиты,
И перезвоны колоколен,
Где не боятся темноты,
Где день печален и безволен.*

*И листья медленно шушат,
Свиваясь в жалобы и стоны,
И кротко теплится душа
Грошѐвой свечкой у иконы.*

*И липа белая цветѐт,
И пахнет ель смолою клейкой.
И бабьим голосом поѐт
В лесу пастушечья жалейка.*

*И в глушь лесов, и гор, и дол
Тропинка узкая змеится.
По ней Иван-царевич шѐл
За несказанною Жар-Птицей.*

*И седовласый богатырь,
Непобедимый, хмурый, строгий,
Всѐ в ту же даль, всѐ в ту же ширь,
Всѐ той же маленькой дорогой.*

*Такой мне встала на пути,
Такой в мои стихи пустые
Сошла с Билибинских картин
Полузабытая Россия.*

3 / X, 1926

*Уйди! Я буду ревновать.
Я стану бледной и унылой.
А ты боишься потерять
И то немного, что было.*

*Глядишь внимательно в глаза...
Зачем? В наш век ничто не вечно.
Не ты ли сам в тот раз сказал,
Что не доволен прошлой встречей?*

*И вянет лес. И нет цветов.
Клубятся синие туманы.
И глушь промёрзлых вечеров
Уж близится... Какой ты странный...*

*Уйди, пока сырая мгла
Не задушила веру в чудо,
Пока душа твоя светла,
Пока ещё я плакать буду!*

5 / X, 1926

*Не километры разделяют нас,
Не тёмные парижские предместья.
Страшнее блеск полузакрытых глаз
И то, что никогда не будем вместе.*

*Ты на меня ни капли не похож.
Ты весь другой, и жизнь твоя другая.
Ты что-то думаешь, чего-то ждёшь,
Тоскуешь, может быть, – и я не знаю.*

*Какой же силой в сердце удержать
То нежное, что ускользает мимо?
Я не могу тебя поцеловать.
Я даже не могу назвать любимым.*

13 / X, 1926

Косте

*Стала жизнь наивной сказкой,
Даже грусть легка.
В небе низком и неласковом
Виснут облака.*

*Все дома в тумане спрятаны,
Всё сравнила мгла...
– Друг мой, издавна-загаданный, –
Я тебя нашла!*

4 / XI, 1926

*Над площадью синяя муть,
И дождик назойливый, частый.
Под сыростью больно вздохнуть.
Я знаю, что буду несчастна.*

*В большом освещённом бистро
Меняются краски и лица.
Всё в жизни светло и пестро,
Мне хочется в ней утонуться.*

*Не завтра и не через год, –
Но врежутся в душу изломы,
И радость – смеяться – пройдёт,
И дрогнет беспомощно рот,
И осень в окошке зайдёт
Отчаяньем, мне незнакомым.*

*Я так захотела сама,
Так будет понятней и проще...
Мне нравится этот туман
И мелкий рассеянный дождик.*

6 / XI, 1926

*Мне нравилось солнце и душный сирокко,
И мягкие линии дальних гор,
И синее море, когда с востока
Пылал широкий, багряный костёр.*

*Любила библейность, когда на закате
Арабы водили овечьи стада,
И ветер трепал моё синее платье,
И кровью отсвечивала вода.*

*Но море, закат и маслинные рощи
Так просто, так радостно я отдала
За мелкий, ненастный, ленивый дождик,
За мутные капли по гляncy окна.*

11 / XI, 1926

*Шла я долго, злая, непохожая,
Ночь была мучительно страшна.
Улицы, автобусы, прохожие –
Посмотрите, как я бледна!*

*Упаду в пыли на шумной площади,
И по-бабьи заголошу.
Я хотела быть счастливой, Господи,
И большого счастья не прошу!*

*Соберутся тени молчаливые,
Их окутает густая ночь.
Посмотрите на юродивую,
Не жалейте и уходите прочь!*

11 / XI, 1926

*Стучались волны в корабли глухие,
Впивались в ночь молящие глаза.
Вы помните – шесть лет тому назад
Мы отошли от берегов России.*

*Я всё могу забыть: и боль стыда,
И эти годы тёмных бездорожий,
Но страшных слов: «Да потопи их, Боже!»
Я в жизни не забуду никогда.*

12 / XI, 1926

ЮРИЮ БЕК-СОФИЕВУ

*Для вас по ночам оживают игрушки,
У вас по ночам, наверно, светло.
О вечности с вами беседует Пушкин,
О нежном и грустном – Блок.*

*Для вас расцветает молитвенный лотос
И никнут деревья в чистых слезах.
Наверно, вы можете скрытое что-то
У каждого видеть в глазах.*

*Вам нравится нежно, упрямо и просто
Касаться запретных и страшных тайн.
– А помните ветер? А крупные звёзды?
И поздний визгливый трамвай?*

18 / XI, 1926

ТРОЕ

*Где-то песни чужие звенят,
День смеётся ленивый, серый.
И стоят на столе у меня
Утка с ярмарки и химера.*

*Здесь нас трое, и мы – друзья.
Скучно нам и немножко жутко.
Здесь о нежном тоскую я,
О Монмартре тоскует утка.*

*И, высовывая язык,
Взглядом мудрым, высокомерным,
Затая неистовый крик,
Нас оглядывает химера.*

*И проходит за часом час.
И сверкает моя иголка...
Тишина и покой у нас,
Благодать во всём. Скучно только.*

*И до боли чего-то жаль,
Ведь у каждого есть потери:
Утке хочется на Пигаль,
На Сите – премудрой химере.*

*Будет тихий, серый туман.
Будет вечер – ненужный, длинный.
Вероятно, и я сама
Тоже стала игрушкой из глины.*

19 / XI, 1926

*Переполнено сердце моё
Песней звонкой, неудержимой.*

*Мы не будем больше вдвоём –
Весёлый, нежный, любимый.*

*Буду письма твои беречь,
Буду в сердце накапливать жалость.
Это всё, что теперь осталось
От коротких, осенних встреч.*

*Будут мглистые зимние дни,
В окнах – дождик, ленивый, частый.
Как мне радость мою сохранить?
Я ведь знаю, что буду несчастна.*

*Вот теперь тебе нечего ждать,
Будет каждый вечер, как вечер,
Вот теперь я тебе отвечу
На вопрос – к кому ревновать.*

*Звонким камнем лечу в неизвестность,
Яркий свет на моём пути.
– Ну, а ты не сердись и прости,
Что я не умела быть нежной.*

1 / XII, 1926

ЭПИЛОГ

*Так просто? Будто я была чужая?
Не опустела без меня земля?
А женщины, мой милый, не прощают
Вот эту лёгкость, этот светлый взгляд.*

*Ты знаешь всё, и мне смешно лукавить.
Ты знаешь то, чего не знала я...
Всё можно было удержать, поправить.
Ты не хотел? Так Бог тебе судья!*

6 / XII, 1926

*Тревожна осенняя муть.
Зловещи осенние тучи.
Длинный, гористый путь
И мной, и тобой изучен.*

*Глаза впились в темноту,
Как струна, натянуты нервы,
По плану я знаю – тут
Холодное кладбище Севра.*

*Дальше – спуск и подъём,
А там полдороги скоро.
Обратно с тобой вдвоём
Пройдём мы вдоль тёмных заборов...
Бросает фонарь копьё,
Теряясь в тумане где-то.
Несу тебе счастье моё,
Чтоб стал ты весёлым и светлым.*

13 / XII, 1926

*Снова буду терпеливо ждать
Этот светлый, синеватый вечер.
Снова ты начнёшь перебирать
Все детали предыдущей встречи.*

*Что-то расскажу тебе, смеясь,
Только будет голос мой не звонок.
Станешь тихим, потому что я
Для тебя всегда чуть-чуть ребёнок.*

*А обратно мы пойдём вдвоём
И простимся у высокой двери.
И опять – ленивый день за днём,
В каждом – незаметные потери.*

*Или я томлюсь в глухом бреду?
Не пойму, что этот вечер значит?
– Вот когда-нибудь я так приду,
Сяду на пол и заплачу.*

18 / XII, 1926

*А старушка кормила кошек
У ограды Пале де Жюстис.
Наверху горели окошки.
Я глаза опустила вниз.*

*И под сводом вечерней пыли
Мы бродили вдоль серых стен.
На Конкорде фонтаны били,
И пахло ёлками на Мадлен.*

*А большие, лиловые тучи
Заглушали наши шаги.
Ведь и мы не сделались лучше,
Ведь и город не стал другим.*

*Я к земле опускала ресницы,
Было больно от пёстрых огней.
Мне сегодня, наверно, приснится
Чёрный Генрих на чёрном коне.*

23 / XII, 1926

СТИХИ

Юрию

*Они отрадней, чем слова молитв.
Их повторять, ведь то же, что молиться.
Я вижу, как туман встаёт с земли.
Я опускаю тихие ресницы.*

*И за стихом я повторяю стих,
Звучащий нежным, самым нежным пеньем.
Я, как Евангелие, страницы их
Целую с трепетным благоговеньем.*

*И в синий холод вечеров глухих,
Когда устанем мы от слов и вздохов,
Мы будем медленно читать стихи,
Ведь каждый, как умеет, славит Бога.*

*Я буду слушать тихий голос твой,
Перебирать любимые страницы.
Я буду тихо-тихо над тобой
Склонять густые, длинные ресницы.*

27 / XII, 1926

Б.К.ЗАЙЦЕВУ

*Было света и солнца не мало.
Было много потерь – и вот –
Говорят, что я взрослой стала
За последний, тяжёлый год.*

*Что же? Время меняет лица,
Да оно и не мудрено.
Невозможное реже снится,
Дождь слышнее стучит в окно.*

*Жизнь проходит смешно и нелепо.
Хорошо! А каждый вопрос
Разлетается лёгким пеплом
Чуть дурманных папирос.*

*Я не стала больной и усталой,
И о прошлом помню без зла:
Я и лучшие стихи писала,
И сама я лучше была.*

*Жизнь короткая – вспомнить нечем.
День дождливый за мгlistым днём.
А уж где-то в душе намечен
Еле видный, тихий надлом.*

31 / XII, 1926

*...А мне напряжённо ждать,
Когда написанной, новой
Страницей наполнишь тетрадь...
Ю.Софиев*

*На стене – неподвижные тени.
Ветер свищет в каминной трубе.
Весь мой день – это только томленье,
Напряжённая мысль о тебе.*

*На камине часы. Плохо виден
В первой комнате их циферблат.*

*Если даже меня ты обидел,
Всё равно, ты мне ближе, чем брат.*

*Сам не знаешь, чего ты бормочешь,
Только чувствуешь смутно: не то.
Будешь помнить: таинственность ночи,
Тихий голос и белый платок.*

*Весь мой день – это жалобный ветер
Долго свищет в каминной трубе...
Неужели кому-нибудь третьему
Я потом расскажу о тебе?*

7 / I, 1927

*Я не забыла тёмный свод моста,
И статую, и чёрную решётку.
Ведь я тогда была совсем не та.
Уж целый год прошёл. А помню чётко.*

*Всё помню: каждое движение рук,
И каждое уроненное слово,
В душе – тупая боль, почти испуг,
И гул Парижа – странного, чужого.*

*Как оскорблял меня тот тихий страх,
Как бил по нервам рёв автомобилей...
Уж год прошёл. А помню, как вчера,
Всё то, что вы давно забыли.*

18 / I, 1927

*Ты ушёл. И сгустились тучи.
Ветер бросил свой резкий свист.
Ты оставил мне томик Тютчева
И исписанный мелко лист.*

*В этой комнате – сумрак серый,
Тёмно-жёлтые пятна обой.
Жадно смотрят четыре химеры,
Напряжённо следят за мной.*

*Я в себе заглушала жалость,
Послезавтра – знаю – придёшь.
А на ставни, мне показалось,
Вдруг посыпался крупный дождь.*

*И ведь завтра не станет лучше,
Будет день больным и сухим.
Я подклеила томик Тютчева
И вложила твои стихи.*

19 / I, 1927

*Ты принёс мне стихи о Версале,
О Версале под сеткой дождя:
Вечерели свинцовые дали,
Старый парк оголел, обнищал.*

*Это правда: промокли до нитки,
Всё бродили под мелким дождём.
Уже заперли в парке калитки,
И пошли мы окружным путём.*

*Мне сутулила плечи усталость,
Всё мерецился прежний, другой.
И сама я себе показалась
Нехорошей, жестокой, дурной.*

*Разве сердце не грызла тревога,
Разве боль не томила остро
За бокалом горячего грога
В небольшом, опустелом бистро?*

*Ты читал мне стихи о цыганах,
– Как цыганка варила ежа...
Помню – было и смутно, и странно,
Билось сердце, и голос дрожал.*

*Мы друг другу так мало сказали,
Но понятен был каждый намёк...
Ты принёс мне стихи о Версале –
Бледно-синий, блокнотный листок.*

*Вот спасибо! Мне долго не спится,
Что-то помнится, бьётся, звенит...
Этой первой Версальской страницей
Начались мои новые дни...*

19 / I, 1927

*Говорят, что нежность тиха,
А любовь – быть может – сурова.
Ты от меня даже не слышал
Ни одного ласкового слова.*

*Я смеюсь задорно и зло.
Видишь взгляд мой – спокойный и жуткий.
Люблю твой болезненный излом,
Твои нервные руки.*

*Ты жизнь мою наполнил до краёв,
Сердцу больно так часто биться...
Люблю имя твоё,
Похожее на крик хищной птицы.*

30 / I, 1927

*Ты сказал: «Что я дал тебе?»
Помнишь – огни горели ярко в кустах.
Эйфель и мартовская темнота.
Ветер потом всю ночь бормотал в трубе.*

*Утром – дождь. Всё у меня, как всегда.
Стая бессильных, голодных и жадных дней.
– Ну, и я, – что я тебе дам,
Кроме самой себя и любви моей.*

2 / II, 1927

*Проходят школьники. Стучат сабо,
Бормочут незатейливые шутки.
А я опять одна сама с собой,
С химерами и с ярморочной уткой.*

*И с мыслью о тебе. И это всё.
Я – самая последняя из нищих.
И лёгкий ветер в щелы разнесёт
Построенное на песке жилище.*

*И лёгкий ветер разнесёт мой дом –
Мои стихи, и тёмный взгляд химеры,
И мутный день, который за окном
Печально стелется туманом серым.*

*Но дорог мне вот этот зыбкий свет,
Вечернее отсвечиванье стёкол,
И эти дни, нежней которых нет,
Без мудрости, без цели и без срока.*

*Когда-нибудь найду душе приют
В пустой и жуткой тишине тумана...
Но никогда любить не перестану
Тебя, стихи и молодость мою.*

3 / II, 1927

PONT NEUF

*Здесь Чёрный Генрих стынет на коне,
Рисуясь в небе силуэтом чётким.
Здесь, на мосту, во мраке, у решётки –
Дрожат воспоминанья обо мне.*

*Не знаю, с кем сейчас ты говоришь,
Какими нежными словами,
А я сегодня влюблена в Париж,
В его огни, в его туман и камень.*

*И в Генриха, который на меня
Внимательно глядит, согнув колена.
И под копытами его коня
Лежат огни Самаритена.*

*На Сен-Жерменской колокольне семь
Пробило. Плечи тронула усталость...
Он даже мне не нравился совсем,
С которым здесь я нежной притворялась.*

11 / II, 1927

*Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.
Анна Ахматова*

*Ночью слишком натянуты нервы.
Проступают виденья и лица.
Дорогой, отчего ты не первый
В этой смутной, немой веренице?*

*Слишком много рассказано было,
Много брошено ласки на ветер.
Был ты первый, второй или третий –
Я не знаю. Не помню. Забыла.*

*Много нежных растратила слов я,
Притворялась влюблённой и нежной,
Называя печаль неутешной,
Называя влюблённость – любовью.*

*Отчего же тебя не нашла я
В эти годы тревоги и муки?
Взял бы ты мои слабые руки
И сказал мне: родная...*

*Ты один, на других не похожий –
Не уйдёшь, не отдашь, не обманешь.
Что ж сказать тебе, милому, что же,
Если всё уже сказано раньше?*

*Ты не первый, так будь же последним!
Пусть теперь перестанут мне сниться
Эти – слишком любимые – тени,
Эти – памятью стёртые – лица.*

16 / II, 1927

В ПОЕЗДЕ

*За окошком сплелись пути,
За посёлком скользит посёлок.
Разве трудно себя завести,
Как игрушку, и быть весёлой!*

*Если вечером снова спросят
Про круги у зелёных глаз –
Я отвечу: стучали колёса,
Через край душа пролилась.*

*И в платок – будто в снег – заруюсь.
О, моё неизбывное зло!
Всё неистовей мчится поезд,
Дребезжит оконным стеклом.*

Хоть бы в щепы его разнесло!

20 / II, 1927

*Я пришла к тебе вечером.
Ты спросил, улыбаясь:
«Отчего ты такая?
Ведь тревожиться нечего?»*

*И сверкая глазами,
Нервно дёргая волосы,
Изменившимся голосом
Я сказала: «Экзамены».*

*Понадвинулся тучей,
Хлынул горькою лавой.
А любовь-то могучее
Философии права.*

*И прошли, как в тумане,
Три последние месяца.
– Гром не грянет –
Мужик не перекрестится.*

3 / III, 1927

*Но кроме нас с тобой есть мир другой,
Огромный мир, где надо делать что-то.
Ведь как-то надо жить, мой дорогой,
Сдавать экзамены, искать работу...*

*Как будто бы повязка спала с глаз.
О, этот мир, назойливый и лишний!
Вот почему, прощаясь прошлый раз,
Я вдруг расплакалась... Так глупо вышло.*

*Зачем? Какие там ещё пути?
Какие там печали и потери?
И каждый раз мне страшно отойти
Вот от твоей полураскрытой двери.*

3 / III, 1927

X ARRON DISSEMENT

*Гул моторов в груди.
Подворотня и двор.
Все дома, как один,
В каждом доме – контора.*

*В каждом доме – дела,
Слева – надпись: «conciérge».
Так бы мимо прошла.
Где же радость-то, где же?*

*И сейчас же встают
Впечатленья былые:
Безработица тут,
Дни пустые-пустые.*

*И противно душе
Это острое жало...
Нет, бульвар Сен-Мишель
Лучше этих кварталов.*

4 / III, 1927

*Чуть проступают фонари из тьмы.
Глухие улицы сдавили стены.
Прохожие. Автобусы. И мы –
Два неврастеника – над чёрной Сеной.*

*Я слушала взволнованную речь,
В воротнике лицо пугливо пряча.*

*И только по дрожанью нервных плеч
Ты угадал, что я бессильно плачу.*

*В гранит плескала мутная вода.
В ней огонёк, как золотые нити.
Направо – бледный камень Нотр-Дам,
Оттуда нас благословлял Мыслитель.*

*Ты побледнел, и постарел ты, – вот
За два часа. Глаза совсем большие.
А у меня кроваво-красный рот
Сломала безобразно истерия.*

*Стояли мы, не поднимая глаз,
Бессильные и жадные, как дети.
И уж ничто не разделяло нас –
Двух неврастеников – ничто на свете.*

8 / III, 1927

УСТАЛОСТЬ

*Губы шептали. Склонялись ресницы.
Голос, срываясь, дрожал.
Снились какие-то чёрные птицы,
Тихие глади зеркал.*

*Что же ты смотришь так строго-тревожно?
Мы теперь будем вдвоём.
Всё невозможное станет возможным,
Только давай – отдохнём...*

*Сердце чуть бьётся – всё глуше и тише.
Ласково небо весны.
Чёрные птицы – летучие мыши –
Тихие, нежные сны.*

*«Тихие» – новое странное слово
В тихих напевных стихах.
Вот и любовь – из тревожно-суровой
Станет безбурно-тиха.*

14 / IV, 1927

*Помню вечер: летучие мыши
Тихо в небе чертили зигзаг.
Ты склонялся нежнее и тише,
И к земле опускал глаза.*

*В облаках зажигались свечи.
Падал в душу вечерний покой.
Я теперь раздражённой и резче,
Но ведь я не стала другой.*

*В этом взгляде – так много ласки,
В тихом голосе – столько мольбы...
О, любовь моя, нежная сказка,
Моя тихая сказка-быль!*

14 / IV, 1927

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

*– Ты заметил – летучие мыши
Чёрной тенью над нами взвились?..
Разве стала покорней и тише
Наша, лишняя, может быть, жизнь?*

*Ведь и в самом последнем бессилье
Есть какая-то сила в душе.
– А какие зубчатые крылья
У бесшумных летучих мышей!*

*И не страшно теперь, и не жалко,
Будем вместе – так близко – вдвоём.
В чёрном небе Немая Гадалка
Начертила мне имя твоё.*

15 / IV, 1927

*Стали яркими звёзды над крышей.
В тихой дымке зарылся Версаль.
И над нами летучие мыши
Тихо скрылись в вечернюю даль.*

*Этот мир стал мне радостно-новым
И такая нежность в душе.
Я люблю летучих мышей
И твой голос, когда он взволнован.*

15 / IV, 1927

*Зацветают в Париже каштаны,
Как венчальные, строгие свечи.
Опускается вечер туманный –
По-весеннему дымчатый вечер.*

*За оградой туманного сада
Сумрак полон томленьем и ленью.
Лиловеют за ржавой оградой
Чуть расцветившие кисти сирени.*

*А уж сердце быть прежним не может,
Стало новым, взволнованно-странным
Оттого, что в аллеях каштаны
На венчальные свечи похожи.*

25 / IV, 1927

*В окно смеётся синеватый день,
Ложатся на постель лучи косые,
Лиловая, мохнатая сирень
Напоминает детство и Россию.*

*Стук сердца и похожий стук часов.
А в теле – дрожь, усталость и безволие.
И захотелось вдруг до слёз, до боли
Каких-то нежных, ласковых стихов.*

2 / V, 1927

*Всё вспомнила, всё вновь пережила,
Все встречи, и оброненные фразы,
Все лица в памяти перебрала,
А вот о нём не вспомнила ни разу.*

*Как будто не был он, и я сама
В то время не жила на свете.
И сохранились только два письма –
Свидетельства о невозвратном лете.*

*Мне весело, что я теперь не та,
Сама к себе внимательней и строже,
И та весна – крылатая мечта –
На прошлую так странно не похожа.*

*И пусть меня возьмут в круговорот
Глухие, нарастающие грозы.
Я не боюсь, что счастье отцветёт –
На столике больничном – тёмной розой.*

11 / V, 1927

Paris L'Hopital de la Pitie

*А время, подающему надежды,
Старательно выводит: неудачник
Юрий Софиев*

*Казалось мне, что я и не жила,
Что впереди и молодость, и счастье.
А уж душа разделена на части,
И за плечами – дымчатая мгла.*

*Когда устанем мы с тобой от слов,
Когда начнём играть в другие игры –
Твои слова возьму я за эпиграф
К тетради незаконченных стихов.*

12 / Y, 1927, Госпиталь

*Затуманились мгlistые дали,
В фонарях загорелись огни.
– Хорошо, что они миновали, –
Неспокойные, жуткие дни.*

*Снова начали губы смеяться,
И печаль моя стала ясна.*

*Душиным запахом белых акаций
По земле расстелилась весна.*

*И она никогда не обманет,
Никогда не обманет меня,
Оттого, что в закатном тумане
Есть зачатые грядущего дня.*

17/ V, 1927, Севр

ВЕРСАЛЬ

*Мы миновали все каналы,
Большой и Малый Трианон.
Над нами солнце трепетало
И озаряло небосклон.*

*Мы отходили, уходили,
Под сводом сросшихся ветвей,
Не слышали автомобилей,
Не видели толпы людей.*

*И там, в глуши, у статуй строгих
Под взглядом из незрячих глаз
Мы потеряли все дороги,
Забыли год, и день, и час...*

*Мы заблудились в старом парке –
В тени аллей, в глуши веков.
И только счастье стало ярким,
Когда рванулось из оков.*

12 / V, 1927

*С каждым днём всё больше в жизни красок,
С каждым утром – радостней рассвет.
И часы, похожие на сказку,
Тяготеют радостью примет.*

*Мысли мимолётны и случайны.
Стынет смех в углах весёлых губ.
Только грусть, волнующую тайно,
Для чего-то в сердце берегу.*

*Оттого, что больше нет ненастья,
Оттого, что ничего не жаль,
И легко рассказывать печаль,
И так трудно говорить о счастье.*

29 / V, 1927

СЧАСТЬЕ

*Больше не о чем мне тосковать,
Неспокойные дни миновали.
И счастливое сердце опять
Задрожало тоской о печали.*

*Счастью нет ни конца, ни преград,
Счастье тянется няниной сказкой.
Так смешно про него говорят.
Я надену весёлую маску
На цветистый его маскарад.*

*Помню: ветер, бараки, оливы...
Помню: мост, и туман, и огни...
Непривычны мне светлые дни.
Я не верю, что стала счастливой.*

*И когда-нибудь в пьяной мечте,
Задыхаясь, сжимая запястья, –
Упаду на последней черте
Моего невозможного счастья.*

31 / V, 1927

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

*В низких тучах, нависших уныло,
В нежных думах весёлой любви,
В нарастанье потерянной силы
Мне послышалось слово: живи!*

*И как крик у развёрнутой бездны,
Как раскаты звериной грозы,
Как бодрящий напев Марсельезы –
Этот бешеный к жизни призыв.*

*Я теперь поняла: не недели –
Месяцы потерялись в бреду...
И ещё поняла, что дойду
К настоящей, единственной цели.*

*Что, как прежде, горят маяки
Не обманным и радостным светом,
И за ночью последней тоски
Есть звериная радость рассвета.*

7 / VI, 1927

*Всегда всё то же, что и прежде:
И пестрота больших витрин,
И кукольные лица женщин,
И жадные глаза мужчин.*

*Под сеткой закопченной пыли,
На тихом берегу руки
Скользящие автомобили
Швыряют наглые рывки.*

*Вдоль стен, расхлябанной походкой,
С улыбкой лживой и ничьей,
Проходит медленно кокотка
В венце из солнечных лучей.*

*И в головном уборе клином
Монашка – Божья сирота –
С ключами на цепочке длинной
Влачит распятие Христа.*

*А я хочу до боли – жить,
Чтоб, не кляня, не хмуря брови,
Весь этот подлый мир любить
Слегка кощунственной любовью.*

10 / VI, 1927

*Облокотясь на подоконник,
Сквозь сине-дымчатый туман,*

*Смотрю, как идолопоклонник,
На вьющийся аэроплан.*

*И вслед стальной, бесстрашной птице
Покорно тянется рука.
И хочется в слезах молиться
Ей, канувшей за облака.*

*А в безвоздушном океане
В такой же предвечерний час,
В большие трубы марсиане
Спокойно наблюдают нас.*

*И видят светлые планеты,
И недоступные миры
Случайной, выдуманной кем-то,
Нечеловеческой игры.*

*И вот, седым векам на смену,
Из голубых, далёких стран,
Весёлый Линдберг с Чемберленом
Перелетели океан.*

*И уж, быть может, странно близок
Блаженный и проклятый час,
Когда раздастся дерзкий вызов
Кому-то, бросившему нас.*

*Когда могучей силой чисел,
Под громким лозунгом: «Вперёд!»
Желанья дерзкие превысив,
Земля ускорит свой полёт.*

*И, как тяжёлый, тёмный слиток, –
Чертя уклонную черту,
Сорвётся со своей орбиты
В бесформенную пустоту.*

10 / VI, 1927

ПИЛИГРИМЫ

*Мы долго шли, два пилигрима –
Из мутной глубины веков,
Среди полей необозримых
И многозвучных городов.*

*Мы исходили все дороги,
Пропели громко все псалмы,
С единственной тоской о Боге,
Которого искали мы.*

*Мы шли размеренной походкой,
Не поднимая головы,
И были дни, как наши чётки,
Однообразны и мертвы.*

*Мы голубых цветов не рвали
В тумане утренних полей.
Мы ничего не замечали
На этой солнечной земле.*

*В веках нерадостно и строго,
День ото дня, из часа в час,
Мы громко прославляли Бога,
Непостижимого для нас.*

*И долго шли мы, пилигримы,
В пыли разорванных одежд.
И ничего не сберегли мы, –
Ни слёз, ни веры, ни надежд.*

*И вот, почти у края гроба,
Почти переступив черту,
Мы вдруг почувствовали оба
Усталость, боль и нищету,*

*Когда в тумане ночи душевной
Нам обозначился вдали
Пустой, уже давно ненужный,
Неверный Иерусалим.*

*Я в прошлой жизни на земле была
Мечтательницей нежной. Всё смотрела
В высокое, торжественное небо,
И умерла легко и незаметно,
И не было мне жаль
Весёлую, покинутую землю.*

*Когда же я готовилась опять
Мир этот обновить своим рождением,
Когда меня вынашивала мать,
Когда, бессильную, кормила грудью,
Накапливая нежную любовь
К земле – весёлой, тленной и красивой...
И снова я чужая,
Как будто здесь не у себя, не дома...
И вот – должна я снова умереть,
Чтоб в третий раз родиться человеком.*
19 / VI, 1927

*Я не в силах сказать: «Если надо – уйди
Далеко. Навсегда. Без возврата».
Пусть одна только терпкая боль впереди
И отчаяньем сердце объято.*

*Даже если порвётся весёлая нить,
Нас связавшая в осень глухую,
Всё равно ты не сможешь меня разлюбить,
Никогда не полюбишь другую.*

*И когда ты уйдёшь – далеко, навсегда –
Без возврата уйдёшь в бездорожье –
Всё равно – не поверю тебе никогда,
Что минувшее сделалось ложью.*
20 / VI, 1927

*Солнце тихо катится к полдню,
Солнце прячется в сером тумане.
Ничего не боюсь сегодня,
– Разве сердце меня обманет?*

*Мелкий дождик, почти осенний,
Будто слёзы, повис на ресницах.
Это мглистое воскресенье
Уж давно начало мне сниться.*

*В этот день, безнадёжно дождливый,
В этом сером, мглистом тумане
Буду я бесконечно счастливой,
– Разве сердце меня обманет?*

*Сердце тихо и ярко светит,
Приобщённое дню Господню.
Ничего не боюсь на свете,
Всё с улыбкой приму сегодня.*

26 / VI, 1927

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

*Полюбить этот город туманов,
Эти площади и бульвары,
И развесистые каштаны
Вдоль асфальтовых тротуаров.*

*Навсегда полюбить позолоту
В городском невесёлом закате,
И себя с напряжённой заботой
В этом простеньком, бедненьком платье.*

*И когда-нибудь после – не скоро –
Вечерком погрузить о старом.
Вспомнить серый, туманный город,
Эти площади и бульвары.*

6 / VII, 1927

I

*Ни стихов, ни боли, ни мучений.
Жизнь таинственно упрощена.
На дороге – заметные тени,
Над садами – тихая луна.*

*В ночь уводят длинные дороги.
Свет, уют и нежность позади.
Руки плотно сжаты на груди,
А глаза внимательны и строги.*

*И в душе такая белизна
От большого, истинного счастья.
Ночь светла. А разве нужно знать,
Что наутро – мглистое ненастье.*

II

*Всё, что кануло в прошлом году,
Зачеркнул ты. А белую дачу?
Я тебе говорила: жду.
И ждала – невозможного, значит.*

*Но когда отцветут цветы
В мутный, мглистый, осенний вечер,
Неужели не вспомнишь ты
Молчаливые наши встречи?*

III

*Папоротники, тонкие берёзки,
Тихий свет, вечерний, тихий свет,
И колёс автомобильный след
На пустом и миистом перекрёстке.*

*Ни стихов, ни боли, ни мучений,
Жизнь таинственно упрощена,
За спиной – лесная тишина,
Нежные, взволнованные тени.*

*Только позже, на лесной опушке
Тихо дрогнула в руке рука.
– Я не думала, что жизнь хрупка,
Как фарфоровая безделушка.*

28 / VIII, 1927

*Тихий сумрак спустился над нами.
День сгорел. Но не надо огня.*

*И не надо больными стихами
В этот вечер тревожить меня.*

*Сколько глупых, наивных предчувствий,
Сотни самых нелепых примет,
С неизбывной и путаной грустью
Я вложила в невольное «нет».*

*Слишком много скопилось тревоги –
Всё безумье последнего дня,
В эту ночь даже тень на дороге,
Даже тень испугает меня.*

*И в рассеянном уличном мраке, –
Всё давя, как всегда, как вчера, –
Силуэтом бездомной собаки
Безнадёжно привяжется страх.*

8 / VIII, 1927

БЕССОННИЦА

*Сейчас поют, должно быть, петухи,
Пора им петь, поднявшись спозаранку.
Весь прошлый день был нежен, как стихи,
Но после вывернулся наизнанку,
И дома долго пили валерьянку
И говорили голосом глухим.*

*Я в эту ночь беспомощно-больная.
Нет сил уснуть. Часы пробили три.
Сейчас, должно быть, жалобно мигая,
На улице потухнут фонари.
И долго ждать спасительной зари
И первого звенящего трамвая.*

8 / VIII, 1927

*Минут пустых и вялых не считаю.
Смотрю в окно, прильнув к холодной раме,
Как бегают весёлые трамваи,
Уже блестя вечерними огнями.*

*Среди случайных уличных прохожих
Ищу тебя: с трамвая ли? С вокзала?
Темнеет вечер, грустный, и похожий
На тысячи таких же захудалых.*

*Напротив, в доме, вымазанном сажей,
Сосед-чудак, склоняясь к оконной раме,
Как я, сосредоточенно и важно
Ворочает раскосыми глазами.*

*Он мне сейчас мучительно несносен:
Ну, что глядит? Наверно, злой и хмурый,
И равнодушно думает раскосый:
«Вот, дура!»*

10 / VIII, 1927

*Вот в такие минуты могу
Говорить про себя небылицы.
Вот в такие минуты могу
Головой о косяк колотиться.*

*И могу без конца заплетать
Неспокойные, злобные речи.
Всё любимое оклеветать,
От всего дорогого отречься.*

*И потом, стиснув зубы, без слов,
Задыхаясь от боли и муки,
Хладнокровно и радостно в кровь
Расцарапать покорные руки.*

12 / VIII, 1927

*Какая б ни была вина,
Ужасно было наказание.*

А.Пушкин

*В расчётливом, высоком кабинете
Семь лет – семь лет – вести на эшафот.
Зачем же мы одолевали гнёт
Безумных девятнадцати столетий.*

*Зачем же был Христос, зачем страдал?
Чтоб снова – зуб за зуб, за око – око?
Чтоб снова – казнь? И мир ещё не знал
Такой утонченной, такой жестокой.*

*Семь лет казнить! И мы ещё могли
Своей цивилизацией гордиться!
Уж не блещут ли хищные зарницы
Над первобытным хаосом земли?*

*И нет имён печальнее на свете,
Чем два звенящих – Сакко и Ванцетти.*

23 / VIII, 1927

*В душный вечер, безлунный и чёрствый,
Под упрямые думы мои,
Эти руки играли в покорство,
Извиваясь, как две змеи.*

*А когда в самой нежной печали
Загорался в глазах вопрос, –
Эти руки нервно дрожали
И тихонько касались волос.*

*А ведь это же было: весна,
Роковое предчувствие лета.
Воля к жизни, пьяней вина,
И звериная радость рассвета.*

*Осень давит предчувствием зла,
И тоской о не бывшем лете,
Оттого, что никто не заметил,
Как я этого лета ждала.*

*Воля к жизни покорно слабеет,
В сердце едкий и злобный испуг,
Оттого, что никто не жалеет
Этих слабых и чувственных рук.*

3 / IX, 1927

*Потянуло вечерней прохладой,
Самой нежной и грустной порой.
Тишина Люксембургского сада
Зашуришала опавшей листвою.*

*А над Сеной – огни и туманы.
Стынут шумы на том берегу.
И впервые мне сделалось странно –
Для чего я себя берегу?*

*И дома, и мостов очертанья
Ровно скрыла осенняя мгла...
Напряжённая радость молчанья,
Для чего я тебя сберегла?*

5 / IX, 1927

*Быть только зрителем безмолвным,
Смотреть на мир и наблюдать,
Как море воздвигает волны
И волны рушатся опять.*

*Торжественно и безучастно
Читать печаль чужих страниц,
И взглядом ровным, взглядом ясным
Следить за трепетом ресниц.*

*И в самом ярком, самом знойном –
В своей изломанной судьбе
Быть только зрителем спокойным
Происходящего в себе.*

*Взлететь бы лёгкой синей птицей,
Зарыться в солнечной дали.
И незаметно притулиться
На самом краешке земли.*

5 / IX, 1927

*Слова любви тогда цвели в душе,
И были дни торжественно-прекрасны,*

*И жили мы, как будто в шалаше,
И лес шумел ветвями сосен красных.*

*Но дни текли. И подошёл тот час,
Когда шалаш нам показался тесен,
Когда рванулись голоса у нас
В ещё неведомой безумной песне.*

*А осенью так холодно душе.
Огонь не греет под промёрзлой крышей,
И всё живём мы в старом шалаше,
Не видим солнца и дождя не слышим.*

5 / IX, 1927

*Осень мутной ржавчиною метит
Присмиривший Люксембургский сад.
И невесело играют дети,
И печально о не бывшем лете
Листья, опадая, шелестят.*

*Дни всё радостнее, всё нежнее,
Станет жизнь до ужаса проста.
Ветер мечется в пустой аллее,
И слепые статуи белеют
В зелени высокого куста.*

*Им – всегда покорно красоваться
Мраморной, покорной наготой.
Ну, а мне пора идти домой,
И пора бы перестать смеяться
Над своей, не бывшей высотой.*

5 / IX, 1927

*Я не нашла торжественное слово,
Движение нужное карандаша,
Когда уже на всё была готова
Встревоженная, жадная душа.*

*Казалось, что уж ничего не надо,
Что жажда дикая утолена,*

*Но всё росла и ширилась она,
Как тихая, вечерняя прохлада.*

*Тогда цвели над нами вечера,
Синея куполом большим и звёздным,
И если б ты тогда сказал: «Пора»,
Наверно бы, я прошептала: «Поздно...»*

6 / IX, 1927

*В гостиных строгих, с душистыми коврами,
Под солнцем пляжа, под глухим дождём –
Томясь под уличными фонарями,
Тебя мы ждали. Ждём.*

*Стремясь к одной, к одной безумной цели,
Ненужную свободу разлюбя,
Всю жизнь, всю жизнь, быть может, с колыбели
Мы ждём тебя.*

*Душа – большая, путаная тайна,
Храм тихой нежности и чистоты,
В который, может быть, почти случайно
Приходишь ты.*

*И, скованные злым оцепененьем,
Мы жадно ждём, когда в неверный час
Ты подаришь случайное волненье
Одной из нас.*

7 / IX, 1927

*Потеряла дорогу назад.
Не уйти, не забыть, не вернуться.
Я боюсь приоткрыть глаза
В неизбывной боязни проснуться.*

*Как в безвольном, горячем бреду,
Силы нет ни хотеть, ни верить:
Ты не бойся, что я уйду, –
Я вернусь к этой тёмной двери.*

*Сам ведь знаешь, что нет пути,
Никуда от тебя не уйти.*

8 / IX, 1927

*Часто я люблю бродить одна
По туманным набережным Сены,
Слушать, как играет тишина
Ласковым, мучительным и тленным.*

*Жизнь моя! Уж мне себя не жаль,
Милая! Я этого не стою.
Пусть одна бессменная печаль
Непробудно ляжет надо мною.*

*В мире есть одна большая грусть,
Лишь она – жива и неизменна.
Я когда-нибудь не возвращусь
С опустевшей набережной Сены.*

9 / IX, 1927

*Отяжелела душа.
Мелко-мелко дрожат ресницы.
На мосту замедлю шаг –
Мне ведь некуда торопиться.*

*Жутким кажется Нотр-Дам.
А внизу чернеет вода.*

*Спотыкаюсь на каждом шагу,
На холодном ветру коченя.
Только знаю, что не смогу,
Всё равно – не сумею.*

*Над Парижем небо в крови...
– Мыслитель, благослови!*

10 / IX, 1927

*День прошёл без меня.
День прошёл. И беде не помочь.*

*Но мне жаль бесполезного дня,
Соскользнувшего в тихую ночь.*

*Завтра – время кляня –
Снова ждать роковой темноты,
Отцветанья ненужного дня,
Чтоб назвать его снова пустым.
– Ведь и ты
Без меня.*

18 / IX, 1927

ИЗ ДНЕВНИКА

*В тот день ни купол неба мутно-синий,
Воздвигнутый над городом, как храм,
Ни красота архитектурных линий,
В туман закутанного Нотр-Дам,
Ни глубина Латинского квартала
Не радовала и не волновала.*

*И не было трагедии, ни фраз,
Звучащих патетически. А просто
Мне было скучно. И в ресницы глаз
Вплетался мутный, синеватый воздух.
И долго я стояла на мосту,
Уныло вглядываясь в пустоту.*

*И вызвал вдруг впервые цепкий страх
Среди фигур у левого портала
Святой, которого не раз видала,
Держащий голову свою в руках.
За мной следил, как некий тайный зритель,
И, может быть, благословлял Мыслитель.*

*А дома – знала – безнадёжный круг,
Где время крутит часовые стрелки,
А на столе – немые тарелки,
На лицах – боль и на губах – испуг.
А я люблю весёлый, звонкий смех,
Быть может, больше всех, сильнее всех...*

*В тот день без шляпы, с спутанной причёской,
Бродила я по берегам реки,
И на мосту в лицо мне ветер хлёсткий
Хлестал и жутко холодил виски.
И ничего как будто не случилось,
А просто всё ушло, переменилось.*

*На набережной там, в последний раз
Я ощутила странное волнение,
При сочетанье пёстрых слов и фраз,
Что прежде называли вдохновеньем,
Что прежде было счастьем и мечтой,
А после – тоже стало пустотой.*

*Я в этот день не понимала – где я?
Мне всё хотелось что-то рассказать,
Быть с кем-то ласковее и нежнее,
Кому-то письма длинные писать,
И лечь в постель, сжимая нервно пальцы,
Чтоб больше никогда не просыпаться.*

.....

19 / IX, 1927

*Ясней и ясней синяки под глазами
И яркость накрашенных губ,
С тех пор, когда губы впервые сказали:
«Зачем я себя берегу?»*

*Он горек, мой жребий: в тоске подневольной,
Жечь день за мучительным днём,
Чтоб вечером снова обидно и больно
Клеймить себя страшным клеймом.*

*На всех перекрёстках упрямо и долго
Кричать о неистовом зле,
Что я не исполнила страшного долга,
Что страшно мне жить на земле.*

*Что больше нет силы, нет силы, нет силы.
Я стала покорно слаба,*

*И глупой гримасой улыбка застыла
На сжатых, безмолвных губах.*

*И буду кричать я, и буду томиться,
Скую себя тихой тоской,
А счастье, как милая Синяя Птица,
Так близко и так далеко.*

20 / IX, 1927

*Побледневшая, встала у зеркала.
В коридоре, за дверью – шаги.
И зачем я себя исковеркала
На забаву себе и другим?*

*Беспощадную повесть слушая,
– И жалея меня, и любя –
Ты мне только скажи, что не хуже я
Многих женщин, любивших тебя.*

23 / IX, 1927

*Взгляд в пролёты улиц брошен.
Темнота и тишина.
Эта жизнь опять роскошна
От любви и от вина.*

*Не ломай ночные чары,
Ничего не говори.
Вдоль блестящих тротуаров
Убегают фонари.*

*Убегают, пропадают,
Зарываются в туман.
И, как скалы, нависают
Непробудные дома.*

*Завтра станет жизнь понятна,
И душа укрощена.
Под глазами лягут пятна
От тоски и от вина.*

*И ничто не будет странным,
И погаснет на заре
Свет тревожный, свет обманный
Лиловатых фонарей.*

1 / X, 1927

*В Сен-Сюльпис, где всегда тишина,
В пределе строгом святой Женевьевы,
У самого алтаря
Озарить весёлым дрожащим пламенем
Бледную свечку,
За больную, маленькую Жинетт.*

1 / X, 1927

*За все обиды и упрёки,
За зло, в котором я жила,
За все просроченные сроки
И не свершённые дела,*

*За бесполезное шатанье,
Как белка в глупом колесе,
За дни ненужные, за все
Не сдержанные обещанья.*

*За всё, чем я была жива,
Чего ждала и что жалела,
За очертанья улиц белых,
Когда кружилась голова,
И за твои, твои слова,
Звучащие легко и смело...*

1 / X, 1927

ПЕРЕД ЗАРЁЙ

*Перед зарёй охватывают сны,
Тревожат беспокойные упрёки,
Всем разуверенным и одиноким
Дана печаль рассветной тишины.*

*О, только б никогда не измениться,
Не разлюбить весёлых звонких слов,
Не позабыть бы имена и лица,
Названья улиц, номера домов.*

*А мысли замечает тишина.
Лишь сердце и часы – наперегонки.
Но я лежу под маленькой иконкой,
И от лукавого ограждена.
О, не бояться только бы зари!
А за тяжёлой красною портьерой
Рукой фатальной тушит фонари
Рассвет октябрьский в переулке сером.*

3 / X, 1927

I

*Третью ночь нехорошее снится,
Жгут кошмары до самой зари:
Равнодушные, стёртые лица,
Фонари, фонари, фонари.*

*И в тоске беспощадно-жестокой –
Уж не раз, и не два, и не три –
Мне приснилось, что я одинока...
Фонари, фонари, фонари...*

II

*Третью ночь нехорошее снится,
Жгут кошмары до самой зари:
Равнодушные, стёртые лица,
Фонари, фонари, фонари...*

*Дня пустого ничем не отмечу,
Позабуду, что было вчера.
Будет вечер, мучительный вечер,
Вечера, вечера, вечера...*

*Вот октябрь беспощадно-суровый,
Раздражение, дожди, холода.
И ещё одно глупое слово –
Никогда, никогда, никогда...*

10 / X, 1927

Виктору Мамченко

Не затем ведь мы стали врагами,
После стольких неискренних дней,
Чтобы мерить большими шагами
Расстоянье меж наших дверей.

После дней неуверенно-зыбких
Не затем я ответила Вам,
Чтобы верить радушной улыбке
И спокойно звенящим словам.

Мы сходились в нелепом союзе
Не затем ведь, чтоб жаром в крови
Затянуть не распутанный узел
Нашей ненависти и любви.

Мы играли достаточно в прятки.
Разжигалась молчаньем вражда.
Мы сойдёмся в решительной схватке,
Чтоб потом разойтись навсегда.

11 / X, 1927

Неправда, что я жизнь свела
На степень скользкого моллюска,
Ведь мне в лицо дышала мгла
И холод в переулке узком.

Неверным взглядом фонарей
Пронизано больное тело.
Я просыпалась на заре,
В окно туманное смотрела.

И знала – улица темна,
И знала – я не одолею.
Да, жизнь теперь упрощена,
Но стала мягче и теплее.

Я лишь шарахаюсь с тоской
От взглядов пристальных и строгих.

*В душе торжественно-пустой –
Нет силы, говорить о Боге.*

20 / X, 1927

УТРО

*Снова день. Пустые начинанья.
Неуютно смятая постель.
Где-то мысль об утреннем тумане,
И в непоправимой пустоте.*

*В этот ранний, в этот мгlistый час
Так бездомно, холодно и страшно.
Только бы не помнить этих глаз,
Ничего не помнить о вчерашнем.*

*Как же этот бледный день прожить,
Если ты, так больно и неожиданно,
Уличил меня вчера во лжи,
В жутком холоде самообмана.*

*Медленно смотрю на образа:
Не встрелят ли ангельские трубы?
У меня усталые глаза
И слегка подкрашенные губы.*

20 / X, 1927

БЕССОННИЦА

В.М.

*За занавешенным окном лежала
Пятном октябрьская ночная муть,
А я ворочалась под одеялом
И почему-то не могла уснуть.*

*Казалось – будет ночь веками длиться,
Рассвет на улицах не расцветёт.
Я вспоминала тёмные ресницы
И чувственный, упрямо сжатый рот.*

*Случайные рывки автомобилей,
Глухие, одинокие шаги.*

*В мозгу стихи назойливо долбили,
И слово равнодушное – враги.*

*А на стене сплетались мутной тенью
Последних дней густые кружева:
Случайно выдуманные слова,
Нарочно созданные положенья.*

*И Вы, укор неомрачённых дней,
Грозящий призрак ревности и боли.
Мне было холодно. А на стене
Светлели полосатые обои.*

21 / X, 1927

*Ты не бродил по набережной Сены,
Ты не стоял над чёрною водой.
Не замечал тревожной перемены,
Произошедшей будто бы со мной.*

*По улочкам Латинского квартала,
По тем местам, где счастье зацвело,
Ты не бродил бессильный и усталый,
Окутанный парижской серой мглой.*

*Ты не терзался мыслью об утрате,
Тоской предельной не был опьянён,
Ты никому не посылал проклятья.
Не верь! Ты видел только страшный сон,
И вот – проснулся.*

23 / X, 1927

*Над чёрной, блестящей Сеной,
Под уличными фонарями –
За столиками Ротонды
Сутулится мой двойник.*

*И гаснут усталые взгляды,
И вьются нервные руки,
И губы – жадные губы –
В непомнящих зеркалах.*

*А жизнь ведь была загадкой,
Тоской железнодорожной,
Отсвечиваньем стали
Далёких, призывных рельс.*

*А жизнь ведь была дурманом,
Туманом осенней ночи,
Неверным и тусклым светом
Рассеянных фонарей.*

*Смотри в зеркала Ротонды,
Сжимай усталые руки,
Но облик в дыму папиросы
Не принимай за меня.*

3 / XI, 1927

*Всегда, всегда рассказывать стихами
О днях моих и о моих ночах.
Душа цветёт, как тонкая свеча.
Шатается беспомощное пламя.*

*А тени мечутся под потолком,
Слегка дрожат склонённые ресницы,
И тонкий, седенький дымок змеится
Над длинным, тростниковым мундштуком.*

*Залёг туман на улице пустой,
В нём копошатся маленькие страхи.
А тиканье будильника порой
Совсем не ямб, а нервный амфибрахий.*

*И пусть сегодня то же, что вчера,
И мы опять беспомощны, как дети, –
Я не забуду эти вечера
И не отдам их ни за что на свете.*

3 / XI, 1927

*Должно быть, поздно. Тишина вокруг.
Во всём отеле смолкли разговоры.*

*Кольцом огромным сильных рук
Сырая ночь охватывает город.*

*Бессонница – миганьем фонаря –
Когда не думается и не спится,
Пока заря – бесстрастная заря –
Кольцом оцепит тёмную столицу.*

*Зажжётся луч у тихого плеча,
И вновь – стихи с рассветной, новой силой,
О сердце том, которое вместило
Высокий гнев и светлую печаль.*

4 / XI, 1927

*Я устала быть больной,
Быть больной и быть усталой.
Время встало надо мной,
Время медленное встало.*

*Будто некуда идти,
Ночь – бессонна, день – несносен.
Осень спутала пути,
Все пути смешала осень.*

*Все пути переплела
Мгла тревоги и бессилья.
И молчали зеркала,
Зеркала не говорили.*

*А дыхание земли
Всё мучительней и слаще.
Я устала быть вдали,
Быть во всём ненастоящей.*

9 / XI, 1927

*За окошком тускнеющей сталью
Предзакатная муть залегла.
От беспомощных взглядов устали
За сегодняшний день зеркала.*

*Хоть бросайся в холодную воду!
Хоть повесься на первом крючке!
Так, в ноябрьскую непогоду
Сердце бьётся в бессильной тоске.*

*А весна никогда не настанет.
Я, должно быть, навеки больна.
Оттого в предрассветном тумане
Побеждает меня тишина.*

*И, сплетая покорную скуку,
В длинной цепи моих вечеров,
Тихий дождь мне по стёклам настукал
Утомительный ритм стихов.*

13 / XI, 1927

НОЧЬЮ

*Вижу –
 осенняя ночь в серебре.
Переливается блеском,
Тусклым отсвечиваньем фонарей
Сквозь кружева занавески.*

*Светлая мгла. И звенящая тишь.
И наболевшее горе.
Думаешь долго и долго не спишь.
После – холодные зори.*

*Переливается светлая муть
Бликами в створчатой раме.
Хочешь уснуть. Всё равно – не уснуть.
И – начинаешь – стихами.*

*Нервно отсвечивают зеркала,
Ёжатся тихие тени.
– Я никогда, никому не лгала
О предрассветном томленье.*

*Ночью тревога острей, чем всегда,
И безнадежнее слово,*

*Что никогда, никогда, никогда
Больше не буду здоровой.*

15 / XI, 1927

*Я жалости не хочу.
Сердце бьётся задорно и звонко.
Но, тихонько склоняясь к плечу,
Все жалеют меня, как ребёнка.*

*Ночью душит меня тишина,
Печаль о большом и малом.
Ничего. Я просто больна.
Я устала. Просто – устала.*

*Так бывает всегда во сне,
В предрассветном, седом тумане.
С напряжённой тоской о весне
Сердце, кажется, вовсе устанет.*

*Только б мне навсегда сберечь,
Пронести сквозь закаты и зори
Эту радость и сладкое горе
Никому не рассказанных встреч.*

22 / XI, 1927

УТРО

*– За дело, за дело, за дело! –
Так утром задорно кричи.
В тумане рассветном и белом
На стёклах зажгутся лучи.*

*Сегодня не сделалось хуже,
Так будь же бодрей и смелей.
Кому-нибудь ты ещё нужен
На этой любимой земле.*

*Сутуль же усталые плечи
Под ношей труда и борьбы.
Не думай, что ты искалечен
Руками нелепой судьбы.*

*Мы в вечном, мы в диком круженье
Какой-то случайной игры.
Мы в пламенном воображенье
Плетём золотые миры.*

*Зажги себя огненным словом,
С зарёю молись об одном,
Чтоб только ты день этот снова
Не назвал потерянным днём.*

*А в прошлом – большом и глубоком –
Так много зачёркнуто лет...
По стёклам светящихся окон
В истерике бьётся рассвет.*

22 / XI, 1927

*Не люблю я казаться странной,
Класть загадку в сплетенье слов.
Я гостям – случайным и жданным –
Не читаю моих стихов.*

*Я боюсь задавать вопросы,
Громким криком прожечь тишину,
Я в тоске на пол не швырну
Недокуренную папиросу.*

*Я устала себя томить
И играть безнадёжную пьесу.
Мне смешно и не скучно жить
С длинным прозвищем – поэтесса.*

28 / XI, 1927

*Мы – неудачники. Совсем, как дети.
Мы неуверенны ни в чём.
На длинных улицах вечерний ветер
Швыряется туманом и дождём.*

*Мы жадно ждём, сутуля зябко плечи,
И вдруг поймём: сполна и до конца,*

*Что в этом мире нет противоречий
В таинственной гармонии Творца.*

*Вот так бывает: если вдруг случится
В осенний день унынья и тоски
Увидеть траурную колесницу
И металлические венки.*

1 / XII, 1927

*Мы твёрдо знали: жизнь нас обожжёт.
И мы привыкли, потому не плачем,
И уж давно мы потеряли счёт
Обидам, жалобам и неудачам.*

*Среди соседей – хороших и плохих –
Люблю я жадно верящих в бессмертье.
И посвящаю лучшие стихи
Всем неудачникам на свете.*

2 / XII, 1927

*Весь день болела голова.
Был острый запах валерьянки.
Звучали грустные слова
Однообразной перебранки.*

*Дрожали кисти слабых рук,
Мешая ложечкой в стакане,
И замыкался тёмный круг
Обиды и непониманья.*

*Весь день молчали зеркала,
Уставшие от мутных взглядов.
А к вечеру я поняла:
Ни правды, ни добра не надо.*

7 / XII, 1927

*Зажигались слова летучие
В мутно-сером, ночном тумане.*

*Я подумала: в лучшем случае
Сердце бедное просто устанет.*

*Были зданья тёмными пятнами,
Заполняя сгущённый воздух.
И казались мне непонятными
Все слова твои и вопросы.*

*Сердце билось легко, по-старому,
И хотелось громко смеяться.
А над скверами и бульварами
Бились блики галлюцинаций.*

*И когда это было – не помню я,
Наяву это было, во сне ли?
Только улицы – тёмные-тёмные –
Были призрачны в самом деле.*

7 / XII, 1927. Ночь.

БРЕДОВОЕ

*Легко по тёмной лестнице сбегаю,
Стрелою – в дверь, и ускоряю бег.
А за углом меня подстерегает
Высокий и безмолвный человек.*

*Я только вспомню стиснутые пальцы,
Пытливый взгляд, тоску и – тот.
Отдать ему бы этот страшный гнёт,
И всё отчаянье галлюцинаций.*

7 / XII, 1927. Ночь.

*Быть странником, без жалоб и без стонов, –
Пьянеть простором незнакомых мест,
Увидеть новый мир в окно вагона –
Ведь это никогда не надоест.*

*Теряя день за днём и год за годом,
Лишь впечатленьями разбогатеть.
Любить одну бессмертную свободу
И никогда о прошлом не жалеть.*

*Всю жизнь идти дорогой незнакомой,
По зарослям, пустыням, городам,
И жить одной, одной тоской о доме,
О нежности, не бывшей никогда.*

17 / XII, 1927

*Мне, как синице, моря не зажечь.
Ты будешь жить, беспомощно сгорая,
И будут дни мерцаньем тусклых свеч,
И никогда мы не построим рая.*

*Мы в жизни ничего не сотворим.
Пора признать, что мы слабей, чем дети.
Пусть будет на лице задорный грим –
На сердце будет гнёт тысячелетий.*

*Ты будешь говорить о глубине,
О долге, искренности, о началах,
А я – молчать, как до сих пор молчала,
И грустно думать о вчерашнем дне.*

*И не поднять уже усталых глаз,
Как и мечту о невозможном рае.
Не верю я, что будет в жизни час,
Оправдывающий обоих нас,
Тот, о котором вспомним, умирая.*

17 / XII, 1927

*Я зубы стискиваю, ставлю точку
Под этим взглядом, пристальным и злым,
Я думаю, что так глядят козлы,
Не разошедшиеся на мосточке.*

*Мы никогда не спорим ни о чём,
Не говорим о близком и тревожном,
Не потому, что это невозможно,
Нет – это было б слишком горячо.*

*Лишь колкость шпильки, брошенной украдкой,
Когда касается рука руки,*

*Когда смешно и больно от тоски,
Когда мы сходимся в безмолвной схватке.*

*Когда я до глубин потрясена
Внезапной ненавистью, жадной, жгучей.
Но если бы дать только волю нам...
Не надо лучше!*

22 / XII, 1927

*Я не пишу давно стихов,
Мне надоело быть поэтом,
Жить в мутной глубине вечеров
И никогда не видеть света.*

*Мне надоело в темноте,
Ощупываясь осторожно,
Искать неведомых путей,
Бессмысленных и невозможных.*

*Мне надоело рассуждать
О мудром и о непонятном,
И без того есть в жизни пятна,
Которых не пересчитать.*

*Я ненавижу нервом каждым
Уныло-равнодушный зал,
Где каждый верит, что сказал
О самом главном, самом важном.*

*В душе тоска от мелких ссор,
От слов о красоте и Боге,
Но я не знала до сих пор,
Что нет из тупика дороги.*

7 / I, 1928

*Твои стихи – подарок разума,
Мои – скользкий день за днём.
Быть может, всё узнаем сразу мы,
Всё непонятное поймём.*

*Всё то, что жуткими минутами
Нам накаплил упрямый рок,
Все нити длинные распутаем
Незабываемых тревог.*

*И станет жизнь совсем утонченной,
Но даже с матовых вершин
Того, что как-то не закончено,
Мы никогда не довершим.*

*Твои стихи – подарок разума,
Мои – скользкий день за днём.
И то, что кем-то не досказано,
Мы никогда не назовём.*

9 / I, 1928

*У меня в комнате совсем темно,
Тускло светит маленькое окно.
Рисунков обой не различает глаз,
Хотя ещё только второй час.*

*В окошке – крыши и чердаки,
Символы бедности и тоски.
Страшно на улицу смотреть вниз,
И стонет колокол на Сен-Сюльпис.*

*И под низким, нависшим потолком
Я сижу и думаю всё об одном –
И в стекло стучит тёмный дождь,
Издавается: «Ничего, подождёшь!»*

*В комнате, на шестом этаже,
Я – недоумевающая – настороже...
Я – знающая, что не одна,
Зацветающая, как весна.*

3 / II, 1928

НА ШЕСТОМ ЭТАЖЕ

*Мысли тонут в матовом тумане.
День за днём проходит, как в бреду.*

*Нет конца беспомощным скитаньям,
Никуда, должно быть, не приду.*

*День за днём, неделя за неделей...
За окошком очертанья крыши,
Улицы, как тёмные ущелья,
Старый, заколдованный Париж.*

*По ночам – разгул, свистки и крики,
Сердце замирает и дрожит.
Тянется по лестнице безликий,
Медленно считая этажи.*

*И глотая запылённый воздух,
С напряжённой мыслью о тебе,
Я гадаю здесь по мутным звёздам
О своей изломанной судьбе.*

*Днём туман, внимательный и серый,
Жизнь ясна, безвинна и проста.
На стене – премудрая химера
И изображение Христа.*

*А на башне старого собора
Мощной болью вздрагивает медь.
Кажется, что скоро – слишком скоро –
Я смогу покорно умереть.*

5 / II, 1928

*Я пуглива, как тень на пороге
Осторожно раскрытых дверей.
Я прожгла напряжённой тревогой
Много ярких и солнечных дней.*

*Оплету себя вдумчивой грустью,
Буду долго и страшно больна,
Полюблю эту горечь предчувствий
И тревожные ночи без сна.*

*И когда-нибудь, страшно сутулясь,
В час, когда умирают дома,*

*Я уйду по расцелинам улиц
В лиловатый вечерний туман.*

*Где я буду в тот матовый вечер?
Кто мне скажет, что я умерла?
Кто затеплит высокие свечи
И повесит мои зеркала?*

*Так исполнится чьё-то проклятье,
И не день – и не месяц – не год –
Будет мир сочетанием пятен
И зияньем злоеющих пустот.*

6 / II, 1928

*Всё тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар.
А.А.*

*Тебе – без корысти и лести,
Тебе, мой единственный друг,
За наше весёлое «вместе»,
За цепкость протянутых рук.*

*За дождик, ленивый и мелкий,
И чёрные своды мостов,
За переведённые стрелки
Безумных, как сердце, часов.*

*Тебе – мои дни, мои ночи
В весеннем, звенящем хмелю,
И горечь рифмованных строчек,
И жадное слово «люблю».*

*И в жизни тревожно-суровой,
Склоняясь в неравной борьбе,
Последнее – нежное – слово,
Последнее слово – тебе.*

22 / II, 1928

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

*Занавески на окнах. Герань.
Неизбежные вспышки герани.
В предрассветную, мгlistую рань
Тонут улицы в сером тумане.*

*День скользит за бессмысленным днём,
За неделей – бесследно – неделя.
Канарейка за тёмным окном
Заливается жалобной трелью.*

*Резкий ветер в седой вышине
Бьётся в стёкла, мешая забыться.
Иногда проступают в окне
Неприметные, стёртые лица.*

*А в бистро нарастающий хмель
Замечает покорные стоны.
И над входом в убогий отель
В тёмной нише смеётся Мадонна...*

13 / II, 1928

*Заставить сердце быть сухим, как камень,
Всё позабыть и разучиться петь,
Глядеть на мир застывшими глазами –
Ведь это же не значит – умереть.*

*Стереть своё лицо, совсем стереться,
Сойти на нет, смирить безумный бег,
И всё-таки, пока трепещет сердце,
Ещё достойно имя – человек.*

23 / II, 1928

*Руки крестом на груди.
Полузакрыты глаза.
Что там ещё впереди?
Солнце? Безбурность? Гроза?*

*Снится лазоревый сон,
Снится, что я не одна.
В матовой пене времён –
Сон, тишина и весна.*

*Больше не будет утрат,
Всё для тебя сберегу,
Верно, скривится с утра
Тонкая линия губ.*

*Не уходи, подожди.
Знаешь, что будет потом? –
И неспроста на груди
Слабые руки крестом.*

19 / II, 1928

*Ни радости многоголосой,
Ни песен, ни звенящих строк.
Ажурный дым от папирасы
В нависший низко потолок.*

*А за окном – густые дымы
Слетают с закоптелых труб.
Как хорошо шептать: «любимый»
Одним движеньем сжатых губ.*

*Мечты растут, горят и тают,
Уже твои, а не мои,
И жизнь, до ужаса простая, –
Не выбита из колеи.*

*Не назовёшь её ошибкой,
Всё знает место, срок и цель.
Самоуверенна улыбка
На не улыбчивом лице.*

*Ночами не пугают грозы,
Тревожно тени не шушат.
Могучим, сладостным наркозом
Уже отравлена душа.*

15 / II, 1928

ДНИ БЕЗ СОЛНЦА

*И что же делать? В Петербург вернуться?
Влюбиться? Или орера взорвать?
Георгий Иванов*

*Надо было зачем-то вставать,
Одеваться, идти, торопиться,
И ронять, по привычке, слова,
И склонять, по привычке, ресницы.*

*Погружаться на самое дно
Никому не нужных вопросов,
Неохотно глотать вино,
С отверщеньем курить папиросы.*

*А вернувшись домой – опять
Захотеть одного: забыться.
И во сне без конца вспоминать
Никогда не любимые лица.*

*И скользят однозвучные дни,
Замирая в покорной скуке,
Над любовью, над счастьем – взгляни –
Непривычно заломлены руки.*

*Этим дням нет конца, нет числа,
Дням без солнца, без мысли даже.
Я, должно быть, давно умерла,
И никто мне об этом не скажет.*

9 / III, 1928

*Молчанье громким словом не нарушу.
Какой упрёк я обращаю тебе?
Сама я стала сдержанней и суше,
Сама я стала резче и грубей.*

*Меня жалеть, а не бранить. Жива
Во мне непобеждённая усталость,*

*И с губ твоих срываются слова,
Так не похожие на жалость.*

15 / III, 1928

*Пора, пора, мой нежный друг,
Мой тихий друг – пора.
Здесь только крест из цепких рук
Над «завтра» и «вчера».*

*Здесь только матовый рассвет –
(Который день подряд),
И бред, неповторимый бред,
И тонкий, сладкий яд.*

*И утром, чуть сверкнёт заря,
Кричит на башне медь,
Что больше нечего терять,
И нечего жалеть.*

*Пусть гордо лжёт её набат
Над площадью пустой.
Но взгляд твой, неподвижный взгляд,
Уже совсем не твой.*

*Пора, пора! Как пуст наш дом,
Безмолвны вечера,
И руки сложены крестом
Над «завтра» и «вчера».*

*И вновь над площадью с утра
Кричит, рыдая, медь,
Что нет ни «завтра», ни «вчера»,
Что нечего жалеть.*

*Есть только боль тупых утрат,
Пустые вечера,
И взгляд – недвижный взгляд с утра,
И грустное – пора!*

16 / III, 1928

*Я накопила приметы –
Много тревожных примет:
Будет холодное лето,
Матовый, облачный свет.*

*Будут задорные блески
В землю опущенных глаз,
Ветер запутает дерзко
Смысл незаконченных фраз.*

*Не повторённые встречи,
Не утаённая грусть,
Слабые, узкие плечи
Примут непрошенный груз.*

*В новой, приниженной жизни,
В неумолимой борьбе
Будут рассказы о ближних
И никогда о себе.*

*Длинные, цепкие руки
Сдавят до боли виски.
Мир потускнеет от скуки
И небывалой тоски.*

*Встанут забытые лица,
Кто и зачем – не пойму.
Дом, где так трудно забыться,
Станет похож на тюрьму.*

*Будут бессонные ночи –
Много тревожных ночей –
И неразборчивый почерк
При осторожной свече...*

*В полдень томленья и лени,
Как и в былые года,
Вдаль от парижских строений
Будут скользить поезда.*

*И на поляне в Медоне
У белоствольных берёз
Сердце впервые застонет
От накопившихся слёз.*

*Горечь, обиды и цепи.
Кто их сумеет нести!
И не услышанный лепет:
«Было. Не будет. Прости!»*

3 / IV, 1928

*Воздух светлый и пряный. Осталась ли
В этом сердце былая весна?
Я опять говорю об усталости,
Я опять безнадежно больна.*

*Дни и ночи мои исковерканы,
Застывает бессильная кровь.
Разобью своё круглое зеркало
И осколками брошу в любовь.*

*Прихотливая жизнь обошла меня,
Я сама (но об этом молчи!)
Озарю себя маленьким пламенем
Одинокой и бледной свечи.*

3 / IV, 1928

*Сохрани мои горькие бредни,
Как бесценный подарок прими.
В тот безумный. Постыдный. Последний,
Так случайно загаданный миг.*

*Всё прости, всё, что будет и было,
Сам ведь знаешь, что скоро уйду,
Иссякает последняя сила,
Как вода в обмелевшем пруду.*

*Я уйду – навсегда, без возврата –
От тебя, от родных, от друзей.*

*Вспомнишь: красные перья заката
И отчаянье серых камней.*

*Ты останешься – друг суеверный,
Неуверенный, бледный, ничей –
Чтобы плакать за тёмной вечерней
И бояться бессонных ночей.*

*И, слоняясь путями ночными,
В мёртвой схватке с печальной судьбой,
Сохрани моё горькое имя,
Как последнюю, вечную боль.*

8 / IV, 1928

*Жизнь идёт – и, слава Богу.
Дни безбурны и ясны.
Заползает к нам в берлогу
Запах пыли и весны.*

*Мы вдвоём молчим часами,
Ты устал, а я – больна.
И сплетается над нами
Темнота и тишина.*

*За иголкой шёлк змеится,
Золото и бирюза, –
А когда сомкнёшь ресницы –
Нити яркие в глазах.*

*Где-то светит вера в чудо
И в безумие весны.
Пусть теперь другие будут
Видеть огненные сны.*

*Нам с тобой навек – заботы
И бескрылые мечты.
И ещё – боязнь чего-то,
Что страшнее пустоты.*

*И порой со дна ущелий,
Жутко леденя виски,*

*Лезет в двери, в окна, в щели
Запах пыли и тоски.*

27 / IV, 1928

Лиле

*Всюду пахнет мохнатой сиренью,
Даже в пыльном и душном метро.
Боль обид и тупые хотенья
Изживаем мы слишком остро.*

*Всё забыть, даже ложь и ошибки,
И в себе, и во всяком другом,
И встречаться спокойной улыбкой
С тем, кто прежде казался врагом.*

*Разве сердце – не жалкое слово?
Разве тяжесть весной не легка?
Ничего, если в рифму «весёлый»
Больно врежется слово – «тоска».*

*Ничего, если давит усталость
Молодой и улыбчивый рот,
Если душная, острая жалость
В беспокойное сердце вползёт.*

*Только дождик бесшумный и мелкий,
И безволие опущенных рук,
Часовые, покорные стрелки
Обегают положенный круг.*

*Мы ночами беспомощно бредим,
Мы дрожали от мелких обид.
И предчувствие близкой трагедии
Как проклятье над нами висит.*

1/ V, 1928

*Я не спутаю строгие ритмы,
Я не выйду на дикий простор,*

*И никто уже не объяснит мне
Непонятное слово – «восторг».*

*Я не крикну неистовым криком
На безлюдье больших площадей.
И в пролёты разрозненных дней
Никогда я не стану великой.*

*И в тумане последнего дня,
Без причины сгущая тревогу,
В тёмном зеркале, ровном и строгом,
Кто-то встанет – сильнее меня.*

*И с беспомощным, жалобным «грустно»
Больно шаркнет по глади стекла,
И промолвит смущённо и грустно:
«Умерла...»*

1 / V, 1928

*Мне о грустном хочется писать,
Всё о смерти, о тоске последней.
Ты не трогай синюю тетрадь,
Не читай пугающие бредни.*

.....
*Я когда-нибудь переменюсь,
Станет всё размеренно и просто,
И сменю волнующую грусть
На простое, ясное довольство.*

1/ V, 1928

*По тёмным расщелинам улиц,
В седых и бескрылых веках,
Проходит, неловко сутулясь,
Высокий, безликий монах.*

*Густеют и вьются туманы,
Над городом гаснет заря,
И серые крылья сутаны
Трепещут в пятне фонаря.*

Высоким – крылатым – безумным,
Вселяющим путаный страх, –
Скользит он по улицам шумным,
Как чеховский Чёрный Монах.

И это был он тем скитальцем,
Пришедший великим постом,
Меня научивший бояться
И складывать руки крестом.

Я правду смешала со снами,
Забыла, что было вчера.
Я часто одними губами
Кому-то бросала: пора!

И в час, когда кружатся блики,
При бледной бескровной заре,
Я знаю, что этот Безликий
Стоит у закрытых дверей.

И сердце налито свинцом,
И я цепенею от страха,
Когда-нибудь встретить монаха
С закрытым навеки лицом.

7 / V, 1928

Веди меня по бездорожью,
Куда-нибудь, куда-нибудь.
И пусть восторгом невозможным
Тревожно захлебнётся грудь.

Сломай положенные сроки,
Сломай размеренные дни!
Запутай мысли, рифмы, строки,
Перемешай! Переверни!

Так, чтоб в душе, где было пусто,
Хотя бы раз, на зло всему,
Рванулись бешеные чувства,
Не подчинённые уму.

25 / V, 1928

*В вечер синий и благословенный,
В городской, звенящей тишине,
На мосту, над почерневшей Сеной –
Генрих вспоминает обо мне.*

*Зданья в мглу безлунную зарыты,
Свет скользит с шестого этажа.
Поднял конь железные копыта,
Тяжело и крупно задрожал...*

*А в кафе, под звонкий лязг бокалов,
В глубине, у крайнего стола,
Облик мой – весёлый и усталый –
Сонно вспоминают зеркала...*

*А на скамьях, милых и тяжёлых,
Под сияньем свешенных огней,
В тёмном зданье коммунальной школы
В этот час не помнят обо мне.*

*И никто не видит, как смущённо,
В опустевшей, тихой темноте,
Там, на лестнице неосвещённой
Притаилась плачущая тень...*

6 / VI, 1928

Всё это было, было, было...
А.Блок

*Всё это было, было, было –
Моря, пространства, города.
Уже надломленные силы
И беспощадные года.*

*Сначала – смех и своеволие,
Потом – и боль, и гнев, и стыд,
И слёзы, стиснутые в горле,
От не прощаемых обид.*

*Всё это было, было, было,
Как много встреч, и слов, и дней!
Я ничего не сохранила
В убогой памяти моей.*

*Проходит жизнь в пустом тумане,
И надо мной – клеймом стыда –
Не сдержанные обещанья
И жалобное – никогда.*

21 / VI, 1928

*Так вянут медленные дни
Под знаком строгого молчанья.
От зноя, пыли и возни
Устало отдыхают зданья.*

*На небе миллиарды звёзд
Горят таинственно и мудро.
А на лице – следы от слёз
Покрыты матовою пудрой.*

*И призрачные вечера
Хранят высокое бесстрастье.
А сердцу скучно от добра
И невнимательного счастья.*

21 / VI, 1928

*Ты погружён в иное бытие,
Ты ищешь письменных единоверцев,
При чём тут я? Зачем тебе моё,
Скупое и расчётливое сердце?*

*Иди, иди в туман пустых дорог,
На новые, широкие просторы,
Ведь близок он, тот страшный час, в который
Ты вдруг почувствуешь, что одинок.*

24 / VI, 1928

Безвольно уронены слабые руки,
Зажат не улыбчивый рот,
А сердце гнетёт
Предчувствие близкой и страшной разлуки.

Напрасная нежность – такая смешная.
Оборвана мысль. Пустота. Тишина.
Стихи? Всё равно их никто не читает,
И в них я одна...

Тяжёлый, насыщенный копотью воздух,
И вновь, как когда-то давно –
Напрасная нежность, вино,
И слёзы, и слёзы...

29 / VI, 1928

Вот придёт и уткнётся в газету.
Так над книгой ползут вечера.
Это было вчера,
И на завтра повторится это.

А мне хочется тихо сказать,
Что мне скучно, тревожно и больно,
Что я стала устало-безвольной,
Опускающей в землю глаза.

Что-то шепчет бессильная жалость,
Только разве моя вина,
Что на сердце моём – тишина,
Что оно никогда не дрожало.

Что срывается тихий вздох
Из-под нищих духовных рубиц:
Далёкий, суровый Бог,
Отчего Ты меня не любишь?

29 / VI, 1928

Опять печаль, опять печаль без меры
Покрыла всё, чем я ещё жива,

*И жадно захотелось детской веры
В наивные и милые слова.*

*– Давай, мы будем искренни и близки,
Давай откроем душу до конца,
И в этой жизни, пошленькой и низкой,
К высокому мы вознесём сердца!*

*А разум повторяет с тихой злобой,
Что уж давно, уж много, много дней
Мы – взрослые, наученные оба,
И непонятен нам язык детей.*

1 / VII, 1928

*Звенели острые дожди.
Палило солнце в полдень ясный.
Дни проходили... Подожди,
Я сделаю тебя несчастным.*

*Должно быть, в поле есть цветы,
В лесу – прохлада, птицы, пчёлы.
Должно быть, прежде был и ты
Свободным, сильным и весёлым.*

*Но всё забудешь, всё сожжёшь
Огнём последнего заката,
И мне простишь былую ложь
О счастье, созданном когда-то.*

*И будешь следовать за мной,
Молчать угрюмо за плечами.
И будешь пьян моей тоской
И терпкой сладостью печали.*

*День ото дня грустней, бледней,
И стиснешь зубы, сдвинешь брови,
Убитый радостью моей,
Отравленный моей любовью.*

2 / VII, 1928

*И стали дни покорны и легки,
И после вспоминаются без жалости,
Днём время нет для мыслей и тоски,
А вечерами плачу от усталости.*

*Лежит на всём нетронутый покой,
И даже сны безбурны и беспламенны.
А где-то безнадёжно далеко
Товарищи, учебники, экзамены.*

*Я не мирилась с этой пустотой,
Не замыкалась в тесном круге женщины.
Я всё отдам за счастье быть иной,
За радость ту, которая обещана.*

6 / VII, 1928

ГОСПИТАЛЬ

*Давит медленно растущий зной.
Даже воздух стал какой-то липкий.
Пахнет свежесрезанной травой
И землёю, влажной от поливки.*

*И, как кто-то сильный предсказал,
Наверху, в углу, за ширмой белой
Вздрагивает маленькое тело
И закатываются глаза.*

*И когда взметнётся солнце выше
И запахнет пылью и тоской,
Будет всех пугать предмет недвижимый,
Второпях закрытый простынёй.*

12 / VII, 1928

*Не сделалась интересней,
Не сделалась жизнь иной.
Всё те же старые песни,
И тот же старый покой.*

*Я утром отдёрнула шторы,
Раскрыла настежь окно:
Вот – день начался, в котором
Всё будет повторено.*

*А руки висят, как плети,
Я будто совсем не жива,
И нечего мне ответить
На ласковые слова.*

12 / VII, 1928

*Счастье, может быть, пустое слово...
Ю.С.*

*Ты говоришь, что скуки ты не знал
И ощущение провала.
И будто душу не опустошала
Тебя волнующая новизна.*

*Но больше я твоим словам не верю.
Кого обманываешь? Ведь и ты
Ещё сильнее меня и суеверней
Боишься мёртвой пустоты.*

*Я отравлю тебя своей отравой
На многие, на многие года.
И от познания пустоты лукавой
Ты не отделаешься никогда.*

*Я научу тебя бояться тени,
Бояться звуков и ночей без сна,
Чтоб ты не прикрывал опустошенья,
Когда душа твоя больна.*

*Чтоб ты отрёкся от всего святого,
И жизнь запутал в безрассудный бред, –
Ведь счастье – может быть – пустое слово?
Ведь счастья – может быть – и нет?*

17 / VII, 1928

УСТАЛОСТЬ

*Это всё, что мне теперь осталось:
Тесный, цепкий, неразрывный круг –
Звон будильника, метро, усталость
И уроненные кисти рук.*

*Даже ночью снится мощный профиль,
Нагоняя неподвижный страх.
Дёргая за веки, Мефистофель
Продвигает стрелки на часах.*

*И на утро – куклы, куклы, куклы,
Мутный, безнадёжный циферблат,
И заброшенный в далёкий угол,
Неподвижный и безумный взгляд.*

*И не надо никаких исканий,
И уже печаль не отогнать.
Непреодолимое желанье –
Спать.*

7 / VIII, 1928

*Для кого я надеждой была?
Светлой радостью, солнечным пленом?
Отражают меня зеркала,
Тень легко пробежала по стенам.*

*Только горечь ненужных недель,
В сердце холод, тупой и упрямый.
Тускло светится надпись: «отель»
За широкой, оконною рамой.*

*И, быть может, подходит гроза
В мутном образе давящей скуки,
Оттого некрасивы глаза
И устало опущены руки.*

*Как бесцельны дневные дела!
Сколько страшных и грустных пробелов!*

*Оттого, что я жизнь начала,
А построить её не сумела.*

10 / VIII, 1928

БАБЬЕ ЛЕТО

*Тянется по ветру паутина.
Воздух звонок еле слышной песней.
Стала жизнь безбурна и невинна,
Стала жизнь грустней и бесполезней.*

*Где моё печальное веселье?
Где мои задорные печали?
Давит зной последние недели,
Дымкой заволакивает дали.*

*Как теперь свои надежды бросить,
Перестать томиться, ждать и верить?
А уже непрошенная осень
Топчется у приоткрытой двери.*

*Стали дни спокойны и невинны,
И ничто покоя не нарушит.
Только жизнь осенней паутиной
Ласково окутывает душу.*

10 / VIII, 1928

*Ещё никто ничего не видит,
И не поверит горькой обиде.*

*Ещё всякий – дальний и ближний –
Будет завидовать дружной жизни.*

*Ещё по утрам заметны не очень
Круги под глазами бессонной ночи.*

*Ещё мой смех, задорно звенящий,
Принимают за настоящий...*

*А где-то в потёмках, так глупо, так странно
Уже назревает рана.*

15 / VIII, 1928

*Вот уже половина седьмого.
Как бесцельно прошло воскресенье.
Завтра – вновь за ненужное дело:
Куклы, куклы, игла, циферблат...*

*Не сказала я нужного слова,
Не поймала мятущейся тени,
И себя оградить не сумела
От обидных и мелких утрат.*

19 / VIII, 1928

Мой любознательный потомок...
Ю.Софиев

*Для правнуков, которых нет,
Которых никогда не будет, –
Вся эта жизнь, весь этот бред
И жуткие мечты о чуде.*

*Всю жизнь идти, терпеть и ждать,
И не роптать – «за что? откуда?»
И быть больной, и горько знать,
Что никогда не будет чуда.*

*Нести, накапливать, стареть,
Понять, что жизнь проходит даром,
И столько дней в календаре
Спалить беспламенным пожаром.*

*И всё наследье страшных лет
Хранить любовно на безлюдье –
Во имя тех, которых нет,
Которых никогда не будет.*

21 / VIII, 1928

*Ещё мы любим в беглом взоре
Ловить возможность перемен.
Ещё выдумываем горе,
И суету, и нежный плен.*

*Ещё не стыдно и не странно
Смотреть в бездумные глаза.
И жадно ждать, и верить жадно –
Пока не грянула гроза.*

27 / VIII, 1928

ЖЕЛАНЬЯ

*Я двух желаний не могу изжить,
Как это не обидно и не странно:
Стакан наполнить прямо из-под крана
И крупными глотками воду пить.*

*Пить тяжело и жадно. А потом
Сорвать своё измызанное платье,
И, крепко вытянувшись на кровати,
Заснуть глубоким и тяжёлым сном.*

28 / VIII, 1928

*Ночами острая тревога,
Ночами тоска больней.
И мы стоим у порога
Безумных и страшных дней.*

*Мне холодно – дай согреться.
Мне страшно, и боль в груди.
Возьми моё глупое сердце,
От зла его огради.*

*И будь моей горькой славой
В тумане такого дня,
Когда Господь и Дьявол
Отступятся от меня.*

5 / IX, 1928

*Я не спрашивала: «зачем?»
Не таила тревожных взглядов,
Не боялась в глуши ночей
Ни возмездия, ни награды.*

*И когда станет радость – мечтой,
Когда сердце сожмёт тревога, –
Я не спрошу – «за что?»
Ни у тебя, ни у Бога.*

10 / IX, 1928

*И разве жизнь моя ещё жива?
Ещё не перетёрлась, не истлела?
И разве не устало это тело
Любить отяжелевшие слова?*

17 / IX, 1928

*За большие круги под глазами,
За глухую тоску по ночам,
За тетрадку с больными стихами,
За минуты в приёмной врача.*

*За рассветные, бледные тени,
И впервые рождённый испуг,
За невыдуманные движенья
Утомлённых отчаяньем рук.*

*И за то, что тончайшей отравой
Стало сердце в тоске и хмелю, –
В смертной боли, ломая суставы,
Обезумевши, крикну – люблю!*

11 / IX, 1928

*Не жаловаться и не говорить,
Что скоро оборвётся эта нить.
Быть с каждым днём внимательней и тише.
Любить свой дом, слова и дни любить,
И плакать так, чтоб даже ты не слышал.*

17 / IX, 1928

*Когда-нибудь мы вспомним этот день,
Торжественный и страшный день разлуки:*

*Беспомощно уроненные руки,
И Нотр-Дам, и блики на воде.*

*Тогда ты сделаешься вновь ничей.
Тогда тебя я брошу камнем в бездну.
За тихий плач октябрьских ночей,
За страх позорный перед неизвестным.*

24 / X, 1928

*Милый друг, пока не надоело
Просыпаться на рассвете мутном
И нести измученное тело
Радостям и горестям минутным.*

*Милый друг, пока ещё не спится
По ночам от беспокойных мыслей,
И загадки – вещице зарницы –
Напряжённой радостью нависли.*

*И пока в неистовом сгоранье
Кажется, что время в жизни мало,
И весь мир – лишь мрамор для ваянья –
Сильный друг, живи! А я устала.*

31 / X, 1928

*Ты пойми, что я устала.
Я совсем больна.
Зданье старого квартала
Скрыла тишина.*

*Ни вопросов, ни исканий, –
Только б отдохнуть.
Не стереть мне эти грани,
Не перешагнуть.*

*Сколько раз от близкой цели
Кто-то уводил.
Ты пойми, что в этом теле
Не осталось сил.*

*Что по пропастям бездонным
Жизнь меня вела,
Что из пальцев с лёгким звоном
Падает игла.*

*И боюсь я ночи тёмной,
Снов и пустоты.
Но не надо ничего мне,
Да пойми же ты!*

*Заметён туманом разум
И стучит в мозгу
Жалкая, смешная фраза:
«Больше не могу!»*

6 / XI, 1928

*Я не знаю, что я люблю
В этом имени, странно певучем.
Вероятно, влюблённость свою,
И весну, и весенние тучи.
И лиловую цепь фонарей,
Цепь огней, уходящих куда-то.
И тоску на туманной заре
О любви большой и крылатой.*

*О любви, уносящей ввысь.
Изменились вещи и лица,
Изменилась и самая жизнь.
И могла ли не измениться?*

*Только память о прошлом слилась
Навсегда с теплотой невольной,
Оттого, что единственный раз
Сердцу не было стыдно и больно.*

8 / XI, 1928

*Два счётчика минут пустых,
Два верных спутника, два брата:
Два механизма заводных,*

*Отсчитывающих утраты, –
Часы и сердце.*

*Скользили мутные года,
Ломалась жизнь. Менялись лица.
Лишь неизменны навсегда
Не прекращающие биться
Часы и сердце.*

*Всё вымерено, сочтено,
И жизнь – ясна. И жизнь – напрасна.
И сердце сделалось давно
Таким же точным и прекрасным,
Как ход часов.*

15 / XI, 1928

*Я брошу всё: стихи, слова и строки,
Мечты о том, чего на свете нет,
И матовый, встревоженный рассвет,
Такой любимый и такой далёкий.*

*И все мои печали и упрёки
Пустых, тяжёлых и напрасных лет,
И стыд за все просроченные сроки,
И прозвище надменное – поэт.*

*Мне ничего не жаль. И я готова
Закрыть навек заветную тетрадь,
Чтоб больше никогда не раскрывать
Дневник существования пустого
– За тихое, коротенькое слово,
За самое простое слово – мать.*

*К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.*
М.Лермонтов

*Я только повторяю – «всё равно»,
Когда на узких улицах темно*

*И девочка с улыбкою задорной,
С мольбой в глазах, с лицом, как полотно,
Мелькает деловито тенью чёрной
На перекрёстке.*

*И мне бесстыдно всё равно, когда
В Париже наступают холода
И дети мёрзнут в переулке сером,
И стынет в Сене чёрная вода,
И снятся мне костлявые химеры
На Нотр-Дам.*

*И всё равно, когда во мне самой
С беспечной и весёлой быстротой
Растёт дыханье тленья и распада.
Я повторяю с медленной тоской:
«Уйдите все! Мне ничего не надо.
Я так устала!»*

19 / XI, 1928

*Час пробьёт торжественно и звонко –
Час последней гибели. И я
Побреду последней собачонкой
Вдоль чужого, тёмного жилья.*

*Буду думать, что не всё – чужое,
Буду горько плакать, и в ответ
Я услышу трижды роковое,
Трижды унижительное «нет».*

*Ни тоски, ни ада и ни рая –
Уж не будет больше ничего.
Кто-то пожалеет, приласкает
В мир подкинутое существо.*

*А потом – потом сожжёт, закрутит
Медленный, губительный пожар.
И на шее обовьётся туже
Ранним утром разноцветный шарф.*

27 / XI, 1928

Поняла, что большие не ребёнок,
Ощутила горечь бытия.
Слышала и жалобы, и стоны,
Поняла, что я – давно не я.

Стала равнодушной и унылой,
Научилась думать и молчать.
В будущем и прошлом всё простила,
Так что большие нечего прощать.

И с каким-то радостным покорством
Жду конца туманных, мутных дней.
В сердце – рассудительном и чёрством –
Только жалость о не бывшем сне.

И не страшно, и давно не больно
Жить без жизни, оголяя стыд,
И уже не вздрагивать невольно
От больших и маленьких обид.

29 / XI, 1928

Друг другу приходят на смену
Бесцветные, серые дни.
А каждый несёт перемену
И тушит ночные огни.

И в каждом – зародыши муки,
Большой и великой тоски.
Беспомощно сложены руки,
Пульсируют нервно виски.

Но с мыслью о солнце, о лете
Улыбка разгонит испуг...
А ты ничего не заметишь,
Мой мало внимательный друг.

29 / XI, 1928

*За просторы степей зелёных,
За дыхание весенней земли,
За церковные встречные звоны,
За торжественные знамёна
Отдавали вы жизнь – и шли.*

*За какой-то тревожной зарницей,
Ярко вспыхнувшей в тёмной дали,
За прекрасною Синею Птицей,
С возбуждённой улыбкой на лицах
Вы легко и уверенно шли.*

*Вам запомнилась ночь огневая,
Сумасшедший восторг до утра,
На пороге ада и рая
Сердце билось, не рассуждая,
И отстукивало – пора!*

*И – всё стало ненастоящим,
Только мутным, ненужным сном.
И расплёснуты жизни ваши,
Эти, прежде кипящие чаши,
С драгоценным, живым вином.*

5 / XII, 1928

LA BOLLEE

*Грубые, тяжёлые стаканы,
Запах никотина и духов,
И тончайшая отравы пьяной,
Сладострастной музыки стихов.*

*Что-то пьётся, что-то говорится,
Голоса рассеянно звучат.
На привычно-равнодушных лицах
Острой злобы плохо скрытый яд.
И скрывают возбуждённый взгляд
Длинные, спокойные ресницы.*

*С лиц усталых облетает пудра,
С плеч покатых падают меха.
И над всем – торжественно и мудро –
Музыка чеканного стиха.*

5 / XII, 1928

*Говорили о злобе пожарниц,
В чёрном небе густела гроза.
Говорили при встрече: «товарищ»,
Никогда не смотрели в глаза.*

*Узнавали по голосу вести,
Мимоходом на остром ветру.
В мутном мраке фабричных предместий
Находили ограбленный труп.*

*Рано, в сумерках, дом запирали,
Спать ложились и света не жгли.
По утрам, в гимназическом зале
Повторяли: «вчера увели...»*

*И за наглым, разбойничьим свистом
Опьяневших от крови солдат
Ясно слышался в воздухе мгlistом
Непрерывный и жуткий набат.*

*В расплескавшейся, мутной стихии,
В первобытной, запутанной тьме –
Были ночи, как сны – огневые,
Были лица – белее, чем мел.*

*И в рассветном, молочном тумане,
В час, когда расточается мгла,
Где-то вспыхивала и росла
Напряжённая радость восстанья.*

7 / XII, 1928

*С новым годом,
С новым счастьем!*

*Сон, полумрак и покой.
Ходит бесшумно сиделка.
Слиться спешит с часовой
Минутная стрелка.*

*Год задувает огни.
Неравноценные дни...
Неравномерные части...
– Новый, тревожный, – верни
Мне моё старое счастье!*

31 / XII, 1928

Квартал, где жила И.Кнорринг

КНИГА ПЯТАЯ

Париж
(1929 – 1933)

Иллюстрация «Париж»

*Покориться неизбежности,
Подчинить себя больничным будням.
Знать, что это будет очень долго.
И – читать.*

*И порой, полу закрыв глаза,
Вытянувшись, улыбаясь тихо,
Чувствовать в себе движенье новой
Жизни.*

*И не допускать – избави Бог! –
Жечь, ломать, уничтожать в зачатье,
Продлевать усилием страшной воли
Мысль о доме,
Так же, как когда увозят мёртвых –
– Искушение – приоткрыть глаза.*

6.01.1929

*Я не знаю, кто был застрельщик
В этой пьяной, безумной игре?
Чей холодный, мудрый и вещей
Силуэт на мутной заре?*

*Кто сказал слова о свободе?
Кто сменил свой убогий наряд?
Кто зажжёт в покорном народе
Непокорный и жадный взгляд?*

*И кому в бездне ночи чёрной
Страшной истиной чётко предстал
Нерушимый, нерукотворный,
Откровенный пьедестал?*

7.01.29

*С такой тяжелой головой,
С таким тяжелым животом,
Беспомощной, полуживой
Живу, не помня ни о чём.*

*Живу, нанизывая дни,
Как нитку одноцветных бус.
Зажгу вечерние огни,
Зажгу и жалко улыбнусь.*

*Из-за чего? И для чего?
Пусть я сама не подошла,
Не рассказала ничего,
Стихов последних не прочла.*

*Но камень давит жизнь мою,
И неподвижная тоска.
Я прошлого не узнаю
В твоих расширенных зрачках.*

*Как страшно – невесёлый друг, –
Как трудно жить с такой тоской,
В кольце бессильно сжатых рук,
Неверующей и больной,
С такой свинцовой головой.*

3.П.29

*Я плачу над пестрою маской,
Разорванной мною в клочки.
Я плачу над детскою сказкой,
Над радостью прежней тоски.*

*Глухими, как осень, ночами
Считаешь ты бьенье минут.
За сжатыми хмуρο плечами
Тревожные тени растут.*

*Читаешь, твердишь про искусство,
Скрываешь беспомощность рук.
А сердце узнало, как пусто
Тебе, мой обманутый друг.*

3.П.29

*Отошло, отпело, отзвенело.
Жизнь замедлила неровный шаг.*

*До смешного изменилось тело
И смешно состарилась душа*

*Ни высот, ни мудрости не надо.
Раздавило чувство пустоты.
За проржавленной оградой сада
Мокнут оголённые кусты,*

*Пусть с беспомощною простотой
Первому идущему навстречу
Я сейчас скажу, как в этот вечер
Мне не хочется идти домой.*

5.ІІ.29

*Склоним устало ресницы
В сумерках синего дня.
В комнатах будем томиться,
Не зажигая огня.*

*И за большим самоваром
Возле оплившей свечи,
Может быть, вспомним о старом,
И, повздыхав, замолчим.*

*Бросим нескладные фразы,
Полные дряхлой тоски.
Взглянем в пространство, – и сразу –
Вместе – поймём: старики...*

9.ІІ.29

*Будут ночи, – сквозь плотные шторы
Бросят матовый свет фонари.
Будут ночи, стихи, разговоры,
Разговоры со мной до зари.*

*Станет солнце роднее и ближе,
Станет жизнь напряженно-полна.
Над душой, – над судьбой, – над Парижем –
Настоящая будет весна.*

*Будет всё прощено и забыто,
Даже дни этой цепкой тоски.
По исшарканным уличным плитам
Веселей застучат каблук.*

*И в надежде святой и лучистой,
Наблюдая смертельный испуг,
Упадут безнадёжные кисти
Непривычно заломленных рук.*

17. III. 29

*Молчанье ничто не нарушит –
Я сделала жизнь простой.
Ввела я и тело, и душу
В давно желанный покой.*

*Без мысли, без слов и проклятий
Огромные дни скользят.
И синий, больничный халатик
Удобней, чем всякий наряд.*

*А руки висят, как плети,
Я будто совсем не жива.
И нечего мне ответить
На ласковые слова.*

17. IV.29

*Забыть
Беспомощные голые кусты,
Припавшие к железному забору,
И ощущение мёртвой пустоты
От неоконченного разговора.*

*И цепкий, разъедающий недуг
В недавно сильном и здоровом теле,
И жуткие, безмолвные недели,
И взлёты нервных, беспокойных рук.*

*И страх, и стыд. Листы ненужных книг,
Пытливый взгляд, подхваченный украдкой,*

*И старческую, жалобную складку
У губ, скрывающих жестокий крик –
Простить, простить.*

17. IV.29

*Шепчет ночь, колдунья и пророчица,
Шепчет ночь тревожные слова.
Больше думать ни о чём не хочется,
Но от дум пылает голова.*

*Синий сумрак в незнакомой комнате,
Смесь теней и шорохов глухих.
И всю жизнь, должно быть, буду помнить я
Эти ночи, мысли и стихи.*

*Шепчет ночь слова такие страшные,
Припадает к синему окну.
Вот оно – хорошее, желанное,
Свято окрылившее весну.*

*Только б это сердце не устало бы,
Если б только жизнь не солгала...
Вторит ночи тоненький и жалобный
Детский плач из тёмного угла.*

27. IV.29

Maternite

*Там завелись осторожные черти,
Сумрак шушит и колдует за печкой.
Жизнь догорает копеечной свечкой.
Белые девушки грезят о смерти.*

*Шепчутся в окнах: «Мы ждали, мы ждали...»
Вторит им улица: «Верьте, о верьте!»
Тихо смеются горбатые черти.
Девушкам снятся лиловые дали.*

*Сомкнуты губы, уронены руки.
Дни одиноки и ночи бездонны.*

*Хрупкие девушки с ликом Мадонны
Слушают нежно вечерние звуки.*

*– Где это будет? Когда это было?
– Где повторяется? Верьте, о, верьте!
Жалко ласкаются с миной унылой
Злые, трусливые, липкие черти.*

22.V.29

*В Люксембургском саду, у газона,
Против серого зданья Сената,
На часы я смотрела когда-то,
Притворяясь наивно влюбленной.*

*В Люксембургском саду, у фонтана,
В жаркий август (возек не забуду!)
Я поверила в яркое чудо.
Было тихо, безлюдно и рано.*

*Зелень свежая, воздух недвижный,
Воробышек пугливая стая...
– Хорошо, что всё это бывает,
Только раз в нашей маленькой жизни.*

30.V.29

*С каждым днем, с каждым часом всё тише.
Я едва ли способна любить.
И не вслушивайся – не услышишь,
Как порвётся тончайшая нить.*

*За листы неотвеченных писем,
За подушку в неслышных слезах,
За стихи про лиловые выси –
Честно взглянем друг другу в глаза.*

*А на жизни – тяжёлою грудой
Напряжённое слово – молчать.
Никогда я не верила в чудо,
Никогда не умела мечтать.*

*И, должно быть, просрочены сроки,
Губы сжал одичалый испуг,
И мы снова с тобой одиноки,
Мой случайно замеченный друг.*

*Но не надо ни слез, ни томленья,
Ведь слова, и раздумья, и мы
Это только пустые виденья
Для меня не пришедшей весны.*

*И, должно быть, мой голос напрасен,
Я сказала всё то, что могла.
– Пожалей о потерянном часе
И примись за чужие дела.*

13.VI.29

*Неужели кому-нибудь третьему
Я потом расскажу о тебе?
1927*

*Потупив тусклые глаза,
В пустой, обыкновенный вечер
Мне захотелось рассказать
Кому-нибудь о нашей встрече.*

*О том, как было хорошо
Смотреть в широкие закаты,
И не висело над душой
Сознание скуки и утраты.*

*Горели бешеные дни,
Над болью сердца торжествуя,
Горели красные огни
Там, где чинили мостовую.*

*Бродил по улицам туман,
Окутывая сад и зданья...
Ведь я отравлена сама
Отчаяньем воспоминанья.*

*Вот так, среди пустых полей,
В густую ночь поспешно кроясь,
Сверкая множеством огней,
Проходит одинокий поезд.*

23.VI.29

*Верно, мне не сделаться поэтом,
Никогда, должно быть. Никогда.
Отливает розоватым светом
Тихая вечерняя вода.*

*Обволакиваясь пеной белой,
Шелестит рассеянно фонтан,
И впервые в мыслях прозвенело:
– Жизнь проиграна и прожита. –*

*Сквозь узорчатую чащу листьев
Засветили разные огни.
Пальмы в бочках грезят о Тунисе,
Вспоминая солнечные дни.*

*И в высоком небе сумрак зыбкий
Обволакивает купола.
Тихой, незамеченной улыбкой
Молодость ненужная была.*

*Отойду, к прошедшему остыну,
Замолчу, исчезну в мутной мгле,
Завещая маленькому сыну
Мысль о счастье и любовь к земле.*

21.VI.29

*Я простила вздорные мечты,
Я забыла страстные упрёки.
Верно оба мы – и я, и ты –
Навсегда остались одиноки.*

*Вспыхнули вдоль улиц фонари,
Сумрак заволакивает дали.*

*Словно безрассудное пари
Счастье мы так глупо проиграли.*

10.VII.29

*Счастья было мало?
Были мы не рады?
Или кто-то сглазил?
– Дали глубоки!*

*Друг мой, друг усталый,
Ничего не надо,
Ни твоих фантазий,
Ни моей тоски.*

10.VII.29

ДВУМ ЮРИЯМ

*Вы строите большие храмы,
Вы кораблю даёте ход,
Вы равномерными стихами
Изображаете полёт.*

*И с безрассудным постоянством,
Из непомерной пустоты
В междупланетные пространства
Вы устремляете мечты.*

*И я для вас чужда, – не тем ли,
Что умной правды не молю,
Что я люблю простую землю,
До боли огненной люблю.*

*Под пламенные разговоры
О вечности и божестве
Я вижу – ветер лижет шторы,
И солнце плещется в траве.*

*И вижу я, как жизнь играет,
И несравненно хороша
Моя несложная, пустая,
Обыкновенная душа.*

11.VII.29

(вариант)

*Мне, как синице, моря не зажечь.
Ты будешь жить, беспомощно сгорая,
И будут дни мерцаньем тусклых свеч,
И никогда мы не построим рая.*

*Мы в жизни ничего не сотворим.
Пора сказать, что мы слабей, чем дети.
Пусть будет на лице зазорный грим,
На сердце будет гнёт тысячелетий.*

*Ты будешь говорить о глубине,
О долге, искренности, о печалях.
А я – молчать, как до сих пор молчала,
И грустно думать о вчерашнем дне.*

*И не поднять уже усталых глаз,
Как и мечты о невозможном рае.
Мы будем жечь за часом длинный час,
И не простим крылатых, звонких фраз,
И ни о чём не вспомним, умирая.*

11.VII.29

*Я думаю – о медленном конце.
Живу спокойно, холодно и мудро,
Старательно скрывая на лице
Следы от слёз под матовою пудрой.*

*Я больше не тоскую о былом,
И о надеждах неосуществлённых.
И мне не жаль, когда желтеют клёны
И жизнь идёт, теряя день за днем.*

*И чуть томит в уставшем теле кровь
Моя последняя игра в любовь.*

25.VII.29

ДОЖДЬ

*Мочит дождик детскую коляску,
Сад шумит зелёною листвою.
Я сняла рассеянную маску,
Но совсем не сделалась иной.*

*Вижу георгины за решёткой,
Вижу рябь на дрогнувшей воде.
А в мозгу, непоправимо-четко,
Прожитой, непоправимый день.*

*Я опять обидно-одинок,
Скомкана, измучена, больна.
Мне опять в молчании глубоком
Снится не пришедшая весна.*

*И, должно быть, потому что слишком,
Слишком долго билась и ждала, –
В этот день я робкому мальчишке
Все стихи и слёзы отдала.*

4.VIII.29

*Я как-то сделалась старей.
Я разлюбила талый ветер.
Всё чаще плачу на заре,
Всё чаще думаю о смерти.*

*Не потому, что давит грудь
Тупая боль. – Я буду стойкой.
Я бодро кончу трудный путь.
Но, если б только отдохнуть,
Хотя бы на больничной койке.*

27.VIII.29

*Отдохнуть бы от пламенных слов,
От сплетений запутанных линий!
Отдохнуть от тяжёлых стихов,
От высокой и трудной святыни.*

*Что-то больно сдавило виски,
Патетически вскинуты руки.
Отдохнуть бы от этой тоски
И еще неосознанной скуки!*

1.IX.29

НАГРАДА

*За то, что нет у меня друзей,
И с детства я была одинокой, –
За то, что за морем, в стране далекой
Осталось так много ненужных дней, –*

*За то, что нечего мне терять, –
За то, что звонкий смех разлюбила,
За то, что днём ваюсь на кровать
Без мыслей, без слов, без слёз, без силы –
За больные стихи, за эту тетрадь, –
За сжатые губы и взгляд унылый, –*

*За горечь длинных, пустых недель, –
За сердце холодное в терпкой злобе –
Дана мне тихая колыбель,
Глаза голубые и детский лобик.*

4.IX.29

*Я теперь уже совсем не та,
Да и жизнь, должно быть, изжита.*

*Не беда, что мне немного лет –
Только молодости больше нет.*

*Жизнь была уж чересчур проста,
Без надежды, мысли и креста.*

*И не стоила моя душа
Ломаного, медного гроша.*

6.IX.29

*Я смогу примириться с тоской,
С недалёким, бесславным концом,
Даже с этим унылым лицом,
Даже с умным и чуждым тобой.*

*И покорно, без пламенных слов
С благодарностью нежной приму
И холодную эту тюрьму,
И жестокую эту любовь.*

23.IX.29

*Я не могу остановиться,
Я буду падать до конца,
Пусть дрожь пройдет по сонным лицам
От жутко-бледного лица.*

*И в час последнего ответа
Всё расскажу, чем я жила:
О днях, где расточалась мгла,
О днях без солнечного света.*

*Я вспоминаю, как в бреду,
Что жизнь была ясней и чище,
Что я накликала беду
На наше мирное жилище.*

*И слёзы, тяжелей свинца,
Лежат на дрогнувших ресницах.
– Я не могу остановиться,
Я буду плакать без конца.*

23.IX.29

*Я никому не читаю стихов,
Я не срываю похвал.
Я разлюбила угар вечеров,
Душный, наполненный зал.*

*Но никому – ни за что, никогда –
Я не поведаю, – нет, –*

*Чем для меня в те живые года
Было название: поэт.*

23.IX.29

*Всё о том же – о мутных глазах,
О неловко дрожащих ресницах,
О ночах в непрерывных слезах,
О ночах, по которым не спится.*

*Всё о том, что на сердце темно,
И от боли – мучительно сладко.
Всё о том, как светлеет окно,
И о маленькой детской кровати.*

*Неразрывный и замкнутый круг.
Кроме этого синего взгляда,
Этих детских беспомощных рук –
Ничего мне на свете не надо.*

3.X.29

*Не нужно слов – один лишь голос,
Один восторг зелёных глаз,
Чтоб сердце радостно боролось,
Чтоб пролетел за часом час.*

*Пусть смысл речей его невнятен
И тёмен путанный вопрос –
С улыбкой оправляю платье
И прядь растрёпанных волос.*

*Так принимать без пониманья
И взгляд, и пламенную речь,
И сберегать своё молчанье
Для новых дней, для новых встреч.*

*А по ночам, во мраке зыбком,
Когда душа совсем чиста,
Твердить, что это всё – ошибка,
Что сердце – холодней, чем сталь.*

1.XI.29

*Мне некогда смотреть на облака.
Весь день в работе согнута рука.*

*Нет сил поднять отяжелевший взгляд
И разобрать, кто прав, кто виноват.*

*Я никогда счастливой не была, –
Весь день большие, нужные дела:*

*Любить, растить, заботиться, стареть
И некогда на небеса глядеть...*

3.XI.29

*Отдам мои голые руки
И робкий, застенчивый взгляд
За те непонятные звуки,
Которые в жизни звучат.*

*Мой голос, веселый когда-то,
Всё то, что умела любить –
Отдам, как ничтожную плату,
Сумею жестоко забыть.*

*Отдам моё сердце земное
И право смеяться и петь
– За то, чтобы мгlistой зимою
Мне не дали умереть.*

9.XI.29

*Не гадайте – и так знаю всё наперед:
И обиды, и жалкие слезы,
И о том, как голодное сердце замрёт
Под сознательным, долгим наркозом.*

*Жизнь ясна и тиха. Я завидую тем,
Кто упорен, горяч и тревожен,
И спокойные будни в моей пустоте
Заменяю торжественной ложью.*

*Вместо подлинной муки – простая тетрадь,
Сочинённые разумом строфы.
А чтоб сердце забылось, чтоб ночи не спать –
Чашка крепкого, чёрного кофе.*

14.XI.29

*Я не смотрела в заревое небо,
Не спрашивала – «почему?», «зачем?»
И для простого, для земного хлеба
Вставала рано, не спала ночей.*

*Я никогда, должно быть, не смеялась,
Со мной всегда и всюду на земле –
Замызанное платье и усталость,
Немытая посуда на столе.*

*Я никому не обещала рая,
Я не бралась за важные дела,
И маленькие дни переживая,
Я счастья никому не принесла.*

25.XI.29

*За обыкновенные слова,
За короткое рукопожатье,
За насмешку, скрытую едва, –
Многое могла пообещать я*

*Было сердцу нечего беречь,
Было сердцу ничего не надо.
Слышать не расслышанную речь,
Чувствовать невидящие взгляды.*

*И отчётливее и ясней
Видеть мир пустым и не крылатым,
Оттого, что в самом ясном дне
Есть невозместимые утраты.*

12.XI.29

*Я одна. И какое мне дело
До того, что состарится тот,
И что этому жизнь надоела...
– Я одна, и какое мне дело
До чужих повседневных забот.*

*Что мне тысячи и миллионы
Обездоленных, слабых, больных,
Их привычно-покорные стоны,
– Что мне тысячи и миллионы,
Если я не сильнее других.*

*Что мне гибель, хоть целого света,
Не пугает меня, не страшит,
Если прожито звонкое лето,
– Что мне гибель хоть целого света.
Перед гибелью – просто души!*

17.XII.29

*Я пью вино. Густеет вечер.
Весёлость – легкость – мишура.
Я пью вино за наши встречи,
За те – иные – вечера.*

*И сквозь склоненные ресницы
Смотрю на лампу, на окно,
На улыбочивые лица,
На это горькое вино.*

*И в громких фразах, в скучном смехе
Самой себя не узнаю.
Я пью за чьи-нибудь успехи,
За чью-то радость, – не мою.*

*А там, на самом дне стакана,
Моя душа обнажена...
– И никогда не быть мне пьяной,
Ни от любви, ни от вина.*

21.XII.29

*За мутный день у мутного окна –
Огромный день неумолимой скуки,
За эту грусть («опять одна, одна...»),
За слабые уроненные руки –*

*Неужто никогда в своём уме
Ты не отыщешь слов – простых и нужных?
Ведь трудно жить в не озарённой тьме
И быть сухой и сдержанной наружно.*

*Потом – усталость, чтобы, не грустя,
По мелочам больную жизнь растратить.
Стихи о скуке («так себе, пустяк...»),
О ветре, о разлуке, об утрате.*

*О мутном дне, непоправимом дне
У мокрого окна (на раме – плесень), –
И никогда ты не придёшь ко мне
Ни с тихим словом, ни с весёлой песней*

27.XII.29

НА ЗАВТРА

*Чтобы завтра небо сияло
Незапятнанной синевой,
Чтоб с утра не казаться усталой,
Измученной и больной.*

*Чтобы встретить добрые лица
Вместо сдержанных и сухих,
Чтоб в газете, на третьей странице
Увидеть свои стихи.*

*Чтоб никто ни на что не дулся,
Чтобы стало смешно хандрить,
Чтобы в ровном и чётком пульсе
Билась дикая воля – жить.*

*Чтоб суметь рассмеяться звонко
Над тоской предыдущих дней.*

*Чтобы выпуклый лоб ребёнка
Стал хоть чуточку розовой,*

*Чтобы стало легко и приятно
Мыть тарелки и чистить ножи...
– Словом – всё, что невероятно,
Что совсем не похоже на жизнь.*

15.I.30

*И вовсе не высокая печаль
И не отчаянье сдвигало брови...
– Весь вечер долго пили чай,
И долго спорили о Гумилеве.*

*Бросали столько безответных слов.
– Мы ссорились с азартом и без толку.
Потом искала белый том стихов
Повсюду – на столе, в шкафу, на полках,*

*И не нашла. И спорили опять.
Стихи читали. Мыкались без дела,
И почему-то не ложились спать,
Хоть спать с утра мучительно хотелось.*

*День изо дня – и до каких же пор?
Всё так обычно, всё совсем не ново,
И этот чай, и этот нудный спор
О Блоке и таланте Гумилева.*

31.I.30

*Забывать о напряжённых днях,
О трудном детстве, о России,
Не мудрствуя и не кляня
Пережигать года пустые, –*

*Не замечать больших утрат
(Какое мертвенное слово),
Не понимать, что дни летят
Бессмысленно и бестолково.*

*Совсем и навсегда простить
Все заблужденья и ошибки,
И губы твёрдо заклеить
Почти естественной улыбкой.*

*Тогда и жить в простом тепле
Среди давно привычных вздохов
На этой солнечной земле
В конце концов, – не так уж плохо.*

1. II. 30

(вариант)

*Ты погружён в иное бытиё.
Ты ищешь пламенных единоверцев.
– При чём тут я? Зачем тебе моё
Скупое и расчётливое сердце?
Тебя манит пустая даль дорог.
Тебя пьянят широкие просторы.
И близок тот последний день, в который
Ты вдруг почувствуешь, что одинок.*

1. II. 30

ТВОРЧЕСТВО

(Двум Юриям)

*Без лишних строк, без слов плохих
(Неточных или слишком резких)
Слагать упрямые стихи,
Их отшлифовывать до блеска.*

*Всё созданное разрушать,
И вновь творить – до совершенства.
И смутно верить, что душа
Познает гордое блаженство.*

*Так – за пустые вечера,
За пятна слез, за пятна крови
Смиренно строить грозный храм,
Как каменищик средневековья.*

*Все трудности преодолеть,
Сломить сомнение и неверье.
И самому окаменеть,
Подобно сгорбленной химере.*

10.II.30

*Ты мечтаешь: «Вот вернусь домой.
Будет чай с малиновым вареньем.
На террасе – дрогнувшие тени,
Синий – вечерающий покой.*

*Ты с мальчонкой ласково сидишь...
Занят я наукой и искусством...
Вспомним мы с таким хорошим чувством
Про большой и бедственный Париж.*

*Про неповторимое изгнание,
Про пустые мертвенные дни...
Загорятся ранние огни
В тонком нарастающем тумане.*

*Синий вечер затемнит окно,
А над лампой бабочки ночные...»
– Глупый друг, ты упустил одно:
Что не будет главного – России.*

5.III.30

Ночь

*Всю жизнь тоскливо думать про искусство,
Писать стихи о том, что очень грустно.*

*День изо дня назойливо молчать,
И, не дождавшись, терпеливо ждать,*

*И отвозить покорно и упорно
Своих любимейших и неповторных*

*Литературных маленьких детей
На кладбище «Последних Новостей».*

14.III.30

*Без моего вниманья проживёт,
Без моего участия обойдётся.
За годом тянется огромный год,
И много дел, больших, дневных забот,
А сердце медленно и ровно бьётся.*

*И нет борьбы. И ничего не жаль.
«За всё – спасибо». И томиться нечем.
И только каждый, каждый вечер
Привычная, ненужная печаль.*

28.III.30

*Опять о том же: о годах войны,
О грохоте уродливых орудий.
О чёрном дыме в синеве весны,
О том, что было и чего не будет.*

*Как шли в атаку, брали города,
Снаряды рвали вспаханную землю,
О пафосе, который навсегда,
– До самой смерти – свеж и неотъемлем.*

*И только я средь пламенных людей,
Не возражая, не кляня, не споря, –
Твержу о несмываемом стыде
И о неискупаемом позоре.*

2.IV.30

*За то, что правда солона и зла,
За то, что я весёлой не была,*

*За все стихи, любимые когда-то;
За все невозместимые утраты,*

*За то, что неизменно каждый раз
При встрече я не поднимаю глаз,*

*За неуверенность и за усталость,
За то, что я всегда, всего боялась,*

*За вечер без любви и без огня
– Вы никогда не вспомните меня.*

5.IV.30

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

*Баю, баиньки-баю,
Спать укладываю
Мою крошечку,
– Игорёшечку.*

*Возле дома ходит сон,
Спотыкается,
У завешенных окон
Всё шатается.*

*Дрёма падает кругом,
Куралесится,
Поднимается в наш дом
Тёмной лестницей.*

*Глазки сонные закрой,
Баю, баиньки,
Я всегда, всегда с тобой,
Игорь маленький.*

*Я всегда с тобой, одна,
Где мы спрячемся?
Я такой уж создана
Сторонящейся.*

*Сколько режет эту тьму
Снов безрадостных,
Никому-то, никому
Не рассказанных.*

*Неприглядной и ничьей
Приживалкою –
Бьётся в глубине ночей
Сердце жалкое,*

*В жизни сделать ничего
Не сумевшее...
Никого-то, никого
Не согревшее ...*

*А – баю, баю, баю,
Полчаса тебе пою,
Спи, котёночек,
Игорёночек.*

14.V.30

НИНЕ

*Моим стихам не верь. Они пустые.
Не верь тоске, звучащей, как набат.
Ведь мне не жаль оставленной России,
Не жаль больших и мертвенных утрат.*

*Не жаль бросать взволнованные взгляды
В глаза не отвечающих людей.
И даже тот, со мной сидящий рядом,
И тот не помнит жалости моей.*

*Не жаль стихов, беспомощных и зыбких,
Самой себя я в них не узнаю,
И провожаю с радостной улыбкой
Стареющую молодость мою.*

30.V.30

*Считаю тихие пустые будни,
Тоску о празднике в душе тая,
Едва ли есть на свете бесприютней
И жалобнее кто-нибудь, чем я.*

*Не забываю прожитого счастья –
И медленных, болезненных утрат.
В глаза без нежности и без участия
Мои глаза доверчиво глядят.*

*И по ночам, в бескрылых небылицах,
Когда душа наполнена свинцом,*

*Всё реже, всё неуловимей снится
Случайное, далёкое лицо...*

13.VI.30

*В ладони опускаю голову,
Как холодно и скучно мне!
А мысли плавятся, как олово
На расцветаемом огне.*

*И рассказать покорно хочется
На языке совсем простом
О пустоте, об одиночестве,
Об этом вечере пустом.*

*А память, хмурая и строгая,
Меня корит сквозь толщу дней,
Что я простила слишком многое
Того, что не простите мне.*

20.VI.30

*А я живу. Лениво говорю,
Пишу стихи о пустоте и скуке.
Встречаю хмуро по утрам зарю,
С зарёй вечерней опускаю руки.*

*А я смотрю в бесформенную тьму,
В ночную тьму, и я томлюсь и плачу.
И никогда, должно быть, не пойму,
Что этот мрак, что этот холод значит.*

*Я буду жить пустынные года,
Расстрачу молодость, любовь и силы,
И даже не узнаю никогда,
Чего хотела и кого любила.*

23.VI.30

*О всём, о чем хочешь: о средневековье,
О вечности и о себе,*

*О прошлой войне, о сраженьях и крови,
И об эмигрантской судьбе;*

*О скучных дождях не пришедшего лета,
О том, что нелепо живем,
О старых поэтах,
Но только ни слова – о нём.*

26.VI.30

*А я не хотела танцевать
И не смотрела фейерверк на Сене.
С утра мечтала лечь пораньше спать
И дома просидела воскресенье.*

*Весь праздничный, смеющийся Париж,
Всё уличное, пестрое веселье
Я променяла с радостью на тишь
И одиночество в пустом отеле.*

*Мне хорошо без слов и без огня
В безрадостном и неживом покое.
Не жалуясь, не плача, не кляня,
Так постепенно выхожу из строя.*

15.VII.30

*Что я знала? Только радость – верить,
Только маленькое счастье – ждать.
Закрывая за минувшим двери,
Так легко и просто забывать.*

*Что я помню? Нищие заботы,
Вечный город славы и беды,
За глухими копыями решёток
Мокрые, осенние сады...*

*И во всём надломленные силы...
Жизнь в пустом и замкнутом кругу.
Что могла – я всё уже свершила,
Большого я сделать не могу.*

*С жалостью, с тицеславьем, со стихами
В целом мире – ничего не ждать.
Длинными, огромными годами
Так легко и просто умирать.*

37.VII.30

*Ясней, чем весной, небеса
Над шапками синих сосен,
И свежестью пахнет сад,
А всё-таки это – осень.*

*Живи. Говори. Пиши.
Томись о высоком чуде.
А прежней, веселой души
Уже всё равно не будет.*

1.VIII.30

*Никогда ни с радостью, ни с болью
Не коснешься ласковой руки.
Навсегда к больному изголовью
Прилегло безумие тоски.*

*Навсегда – печальные встречи,
Тишина осенних мглистых дней,
И в пустой, обыкновенный вечер
Отсветы лиловых фонарей.*

*Никогда не задрожат ресницы
Над неровным почерком письма.
Я ночами вам не буду сниться,
Долгим взглядом не сведу с ума.*

*И за все улыбки глаз надменных
Будет память благостно-тиха
В самых нежных, самых совершенных,
Нами не написанных стихах.*

2.IX.30

*Спокойные зарницы
Над очертаньем крыши.
В далёких странах снится
Чарующий Париж.*

*В далёких странах снятся
Усталые глаза.
Блестит в оконном глянце
Спокойная гроза.*

*Над маленькой иконкой
В мечтании зарниц –
Высокий лоб ребенка
И щёточка ресниц.*

*За зло и за ошибки,
За неизбывный страх –
Спокойные улыбки
На пухленьких губах.*

*Ни зла, и ни тревоги,
Черты, как день, ясны.
– Теперь его не трогай,
Он спит и видит сны ...*

7.IX.30

ОСЕНЬ

*Околдовала осень
Рассеянным дождем.
Мы ничего не просим,
И ничего не ждём.*

*Нам ничего не надо –
Ни счастья, ни утрат.
Кружит в аллеях сада
Ленивый листопад.*

*И кажется крылатой
Бескрылая тоска.*

*На хлопья грязной ваты
Похожи облака.*

*А вечером, в отеле
Завешено окно,
И на большой постели
Нам скучно и темно.*

*– За матовые дали,
За пряный тлен земли,
За то, что мы устали,
За то, что не дошли.*

*И на пустых страницах
Подводит горький рок
Всем былям-небылицам
Трагический итог.*

6.IX.30

(вариант)

*Третью ночь нехорошее снится,
Жгут кошмары до самой зари.
Равнодушные, стертые лица,
Фонари, фонари, фонари.*

*И в тоске безысходно-жесточкой
Уж не раз, и не два, и не три
Мне приснилось, что я одинока ...
Фонари, Фонари, Фонари.*

*Всё, что было тревожно и ново –
Проиграла тебе, как пари.
А по городу тенью лиловой –
Фонари, Фонари, Фонари.*

8.IX.30

*Мы в жизни мучительно-разные,
Иными не стать никогда.*

*Мы тоненькой ниточкой связаны
На не золотые года.*

*Не честные в счастье, не лучшие,
Не верные в долгой борьбе,
Покорны обидному случаю,
Нелепой и трудной судьбе.*

*И в ночи, высокие, синие,
И в зимние мгlistые дни,
Как две параллельные линии –
Навеки – без цели – одни.*

28.XII.30

*Можно всё друг другу рассказать,
Всё открыть до самого святого.
Заглянуть нечаянно в глаза –
Угадать несказанное слово.*

*Можно все условности стереть,
Как своё, принять чужое имя,
Вместе жить и вместе умереть
И остаться всё-таки чужими.*

8.I.31

*Пар над чашками, тетрадь, вязанье...
Вечер скуден, как огонь свечи.
– Ну, поговорим о «несказанном»,
Или так стихи побормочи.*

*Расскажи, кого сегодня встретил,
Что видал на матовой заре.
Поворчи, что трудно жить на свете
В этом проклятущем январе.*

*И о том, что завтра на работу
Нужно встать в шестом часу утра.
Рабская, тревожная забота
Оплетает наши вечера.*

*Голос твой – нерадостный, не звонкий,
Взгляд усталый, скучный и больной.
Если б не было у нас ребёнка,
Мы давно бы умерли с тобой.*

17.I.31

*В этом старом, убогом отеле,
В никому ненужных трудах,
За неделей скользит неделя,
За годами скользят года.*

*Здесь мы медленно забываем,
Что вся жизнь могла быть иной.
Никогда необещанным раем
Не смущали нас сон и покой.*

*Здесь мы плачем, смеёмся, стонем,
Здесь мы старимся – я и ты.
В этом старом, ненужном доме,
В безысходности пустоты.*

*Вот луна поднялась на крыши...
Как печален вечерний час.
Оттого, что и Бог не слышит.
Никогда не услышит нас.*

18.I.31

*Мне надоело быть простоволосой, –
Намажу губы, волосы завью,
Надену кольца, – и швырну с откоса
Стареющую молодость мою.*

*Сотру о лица беспомощные складки,
Задорным смехом изломаю рот...
– Мне не идёт причесываться гладко,
Ах, эта бледность тоже не идёт.*

*Шарф на груди свяжу узлом покрепче,
Забуду всё, и вновь пойду туда,*

*Где свет и музыка, стихи и встречи...
– А для чего? И – стоит ли труда?*

1.П.31

*Печального безумья не зови,
Уйдём опять к закрытым плотно шторам,
К забытым и ненужным разговорам
О вечности, о славе, о любви.*

*Пусть за стеной шумит огромный город –
У нас спокойно, тихо и тепло,
И прядь волос спускается на лоб
От ровного и гладкого пробора.*

*Уйдём назад от этих страшных лет,
От жалких слёз и слов обидно-колких,
Уйдём назад – к забытой книжной полке,
Где вечно – Пушкин, Лермонтов и Фет.*

*Смирить в душе ненужную тревогу,
Свою судьбу доверчиво простить,
И ни о чём друг друга не просить,
И ни на что не жаловаться Богу.*

11.П.31

Стихотворение, в котором все выдуманно.

*Только память о страшной утрате,
Неживой и покорный недуг!
Я люблю моё тёмное платье
И усталость опущенных рук.*

*Я люблю мою комнату-келью,
Одиночество и пустоту,
И моё неживое похмелье,
И мою неживую мечту.*

*Кто-то жизнь мою горько возвысил,
Стали дни напряжённо-тихи.*

*Только – пачка нетронутых писем
И мои неживые стихи.*

27.II.31

*Так – кружусь в назойливом круженье:
Приготовлю вечером еду.
Точным, методическим движеньем
Перед сном будильник заведу.*

*И, убрав последний чай и ужин,
Оборву листок календаря...
Вот и всё. И кончен день ненужный,
Прожитой бессмысленно и зря.*

*Вот и всё. И поздняя усталость
Мне не даст ни думать и ни спать.
А на утро – все опять сначала
Правильно и точно повторять.*

*Хоть бы раз один явилось чудо
Дерзкой, невозможною игрой,
Хоть бы раз немытую посуду
Выбросить в помойное ведро.*

*И потом, в неповторимой лени
Лечь в большую тёплую кровать.
И хотя б до светопреставленья
– Спать!*

13.III.31

*Я научилась терпеливо ждать
Не только месяцы, но даже годы.
Я научилась больше не считать
Утраты, неудачи и невзгоды.*

*И ни о чём на свете не жалеть,
Не плакать над листьями старых писем.
И за пределы мира не лететь
Отчётливой и трезвой мыслью.*

*А прежде я такой ведь не была:
Была нетерпеливой, злой и жадной.
Я никогда не забывала зла
И не прощала доли безотрадной.*

*Но, заплатив огромную ценой
За право жить, за право быть усталой,
Я поняла, что мне совсем не мало
Вот этой жизни, бедной и пустой.*

28.III.31

*Жизнь, это рай? Рассыпанные звезды?
Цветущий сад, весна и мотыльки?
– А звон будильника? А пыльный воздух?
Все эти дни неверья и тоски?*

*А жалобы задавленных нуждой,
Расчет, подсчет («на вечер бы хватило...»)?
– Такой вот неприглядной и пустой
Я жизнь увидела – и полюбила.*

23.IV.31

БУДИЛЬНИК

Юрию

*Человек изобрел Петуха,
Чтобы утром вставать на работу,
Чтобы ночь не томила заботой,
Чтобы ночь была сладко-тиха.*

*Когда воздух тревожен и глух,
И пугают сплетения линий,
Тишину стережёт на камине
Металлический, звонкий Петух.*

*Ночью комната спит. И во сне
Её сердце спокойно и точно.
Её сердце всегда непорочно
В напряжённой пустой тишине.*

*Только шёпот упрямых часов,
Металлический блеск на камине,
И судьба, и тоска, и любовь
В напряжённой до боли пружине.*

*А когда безобразным пятном,
Никогда не закрывшейся раной
Посветлеет (до ужаса рано)
Голубое, большое окно, –*

*Веки сдавит назойливый сон,
(Утром сны тяжелей и тревожней)
И по всей по земле – безнадёжный
Отвратительный звон.*

30.IV.31

*Губы шептали, склонялись ресницы,
Голос, срываясь, дрожал.
Снились какие-то белые птицы,
Тихие глади зеркал.*

*О, не гляди же так зло и тревожно
И никого не вини:
Всё невозможное было возможным
В те отошедшие дни.*

*Сами ли в нашей судьбе виноваты,
Только прошли стороной,
Только – большие, пустые закаты
Над равнодушной землей.*

*Снова утетишься ласковым словом,
Тихим напевом стиха.
Видишь, как жизнь из тревожно-суровой
Стала безбурно-тиха.*

? .V.31

*Всё глубже и неотвратимей
Провалы в памяти моей.*

*Всё чаще в папиросном дыме
Сквозит печаль ушедших дней.*

*И с каждым днем и с каждым словом
Всё дальше, всё туманней ты,
И чем-то беспощадно-новым
Искажены твои черты.*

*И я теряю всё, что было:
И волю, и желанный плен,
И новой, непомерной силы
Уже не требую взамен.*

*Всё тише в теле бьенье крови,
Всё ниже никнет голова,
И всё спокойней и суровей
Звучат житейские слова.*

*Так – сквозь унынье и несмелость
Большой и светлую мечтой
Приходит вдумчивая зрелость
На смену юности пустой.*

27.VI.31

*Ни клясть и ни благодарить
Не стану скупю и устало.
И не спрошу – как дальше быть?
И не скажу, что страшно стало.*

*Я всё, как должное, приму,
Как хлеб земли, как стон, как воздух,
Как прорезающие тьму
Большие огненные звезды.*

*И как привычные права,
Как тягостную неизбежность,
Приму жестокие слова,
Приму нечаянную нежность.*

3.VII.31

Только клубы едкого дыма,
Да густая, сизая сталь.
Только – радость, летящая мимо,
Чья-то радость, летящая вдаль.

За последним мелькнувшим вагоном
Что-то кончилось, оборвалось.
Лишь далёко, в чащах зелёных, –
Затишающий грохот колес.

Помнишь страшные дни и недели,
Те, которым прощенья нет?
Помнишь, как мы с тобой смотрели
Отишумевшему счастью вслед?

5.VII.31

МОНПАРНАС

...А сказать друг другу было нечего,
Разговор был скучный и скупой...
Шумный, долгий монпарнасский вечер
Вдунул жизнь в «Ротонду» и «Куполь».

Громкоговоритель надрывался
Над большой и пестрою толпой.
Звуки резкие танго и вальса
Путались с трамвайной трескотнёй.

Мы сидели молча на диванах,
Скучные от пива и вина.
– «Тот уехал?» – «Да», – «А этот?» – «В Каннах».
И опять надолго – тишина.

И в тяжёлом папиросном дыме
Поднимали взоры к потолку.
Кто у нас вот эту боль отнимет,
Эту безнадежную тоску?

Становилось скучно, страшно даже.
Ждём, что кто-нибудь сейчас придет

*И со вкусом в сотый раз расскажет
Злой литературный анекдот.*

*Так под сонным, неподвижным взглядом
Пролетал за часом мёртвый час.
«Так и надо... Значит, так и надо...»
И ревел немолчимый джаз.*

15.VII.31

*Ни восторженно-звонких стихов,
Ни заломленных к небу запястий,
Ни желаний, безумных, как ветер,
Ни ленивой истома в крови...*

*А покорно, без пламенных слов,
Без мечты о несбыточном счастье,
Повторить эту сказку столетий,
Эту грустную сказку любви.*

7.VIII.31

*Глядишь на звезды взором вдохновенным
С откинутой красиво головой.
Тревожно мыслишь о судьбе вселенной.
– «Ведь, в сущности, не знаем ничего!*

*И из каких таинственных расчетов
Явился воздух, и тепло, и свет?»
А у меня одна, одна забота:
Куда поставить твой велосипед?*

15.VIII.31

*Уже не девочка – жена и мать.
Суровый опыт, а не мысль о чуде
Уже пора бы, кажется, понять,
Что это – жизнь, и что другой не будет.*

*А всё-таки еще бывает жаль
Забытых слов, разрушенных желаний,*

*И о не бывшем поздняя печаль
Мешает спать в предутреннем тумане...*

*Уж создан быт, свой дом, своя семья,
– Ну, пусть не так, как думалось когда-то.
Пусть не дорога жизнь, а колея,
Не зори в ней, а ранние закаты*

*Пусть большего не будет никогда,
Но то, что есть – сурово и велико,
И беспощадно-трезвые года
Прекрасней нашей юности двуликой.*

– А всё-таки...

IX.31

*Просто, без слёз и проклятий,
С горстью наивных стихов,
В стареньком ситцевом платье,
В тёмной тоске вечеров,*

*С запахом лука и супа,
В кухонном едком чаду –
Женищиной слабой и глупой
Тихо к тебе подойду.*

*И без упрёка и стоны
Острую боль заглушу.
Снов твоих страшных не трону
И ни о чём не спрошу.*

*– Всё, что копила годами,
Молча отдам навсегда.
И заструятся над нами
Не золотые года.*

2.X.31

РОЗА ИЕРИХОНА

*Вдруг стало ясно: жизнь полна
Непоправимой угрозой,*

Что у меня судьба одна
С моей Иерихонской розой.

Вот с той, что столько долгих дней
Стоит в воде, не расцветая,
В унылой комнате моей
Безжизненная, неживая.

Будильник, пудра, пузырьки,
Игрушки – рядом на камине.
Её корявые ростки
Окутывает сумрак синий.

И я, над страшным и сухим,
Неумирающим растеньем
Слагаю мёртвые стихи
О не бытие, о не цветенье.

И из сплетенья длинных строк,
Из неожиданных созвучий
Встаёт уродливый цветок,
Сухой, бесплодный и колючий.

Но словно в огненном бреду,
С упрямой, безрассудной верой
День ото дня я жадно жду,
Что зацветёт комочек серый...

Себя стараюсь обмануть,
Другим – сплетаю небылицы.
О, только бы, хоть как-нибудь,
От пустоты освободиться!

Проходят дни и вечера,
Я с каждым днём скупей и строже.
Сегодня – то же, что вчера,
А завтра – заново всё то же.

И мой цветок не расцветёт.
Быть может, и бывают розы,
Что зацветают дважды в год,
И что не вянут на морозе,

*Но только это не для нас,
Не для таких, как мы, должно быть.
Томит вечерний, синий час
Томленьем напряжённой злобы.*

*И вот с безжизненной тоской
Склоняюсь грустно и влюблённо
Над неудачливой сестрой,
Над розою Иерихона.*

9-IX-31

НОЧЬЮ

*Два будильника ночью стучат,
Чётко слышен двойной перебой.
Тянет левую руку с плеча
Притуплённая, нудная боль.*

*На полу – неподвижная рябь,
За окном – мёртвый свет фонаря...
Где-то Богом забытый корабль
Укачали чужие моря.*

*Где-то долго гудит паровоз
В чёрном холоде мёртвых полей,
С усыпляющим ритмом колёс,
С переливом призывных огней.*

*Утомлённая память легка,
Память медленно клонит ко сну...
Где-то в небе скользят облака,
Закрывая над крышей луну.*

*В неподвижной, таинственной мгле
Умирают большие слова.
Два будильника там, на столе...
Но зачем же их всё-таки два?*

*И над горечью счастья и слёз,
Над сомнением – любовью – тоской –
Где-то в детстве гудит паровоз,
Далеко, далеко, далеко...*

10.IX.31

МЫШИ

*Мыши съели старые тетрадки,
Ворох кем-то присланных стихов.
Мыши по ночам играют в прятки
В сонном сумраке углов.*

*Мыши съели письма из России,
Письма тех, кого уж больше нет.
Пыльные обгрызочки смешные –
Память отошедших дней и лет.*

*Мыши сгрызли злобно и упрямо
Всё, что нам хотелось сохранить:
Наше счастье, брошенное нами,
Наши солнечные дни.*

*Соберём обгрызенные части,
Погрустим над порванным письмом:
– Больше лёгкого земного счастья
По клочкам не соберём...*

*Сделает живым, ненастоящим
Этот мир вечерняя заря.
Будет в окна падать свет мертвящий
Уличного фонаря.*

*Ночью каждый шорох чутко слышен,
Каждый шорох, как глухой укор:
Это гложут маленькие мыши
Всё, что было до сих пор.*

24.X.31

*Надоело скитаться без цели,
Примитивный, непрочный уют,
Одиночество тёмных отелей,
Одиночество тёмных минут.*

*Закоулки глухие, кривые,
Нищета, теснота, полутьма,*

*И облупленные, неживые
Двухсотлетние эти дома.*

*Ни романтики старых кварталов,
Ни фальшиво-восторженных слов!
Слишком много я в жизни видала
Этих грязных и тёмных углов.*

*Жить подобно бродячей собаке,
Не приткнуться нигде, никогда...
– Надоело мне на бивуаке
Прожигать неживые года.*

*А над жизнью тугой, неизменной,
Навсегда заколдованный круг...
...Ночью снятся мне белые стены
И широкие окна на юг.*

2.XI.31

Уж не мечтать о нежности, о славе.
А. Блок

*Я всё ещё верила в чудо,
Упрямо чего-то ждала,
Готовила, мыла посуду,
И думала, что не жила.*

*Ласкала любимого сына,
Пила валерьянку и бром.
А ночью томительно-длинной
Томилась о чём-то ином.*

*Мне снилась высокая жалость,
Большая, как небо, любовь...
Одна только горечь осталась
От этих возвышенных слов.*

*И маленьким сердцем сгорая,
Как трудно мне было понять,
Что, в сущности, только – жена я,
И только – ревнивая мать.*

*Прости мне пустые угрозы,
Моё поражение в борьбе,
И эти жестокие слёзы,
И эти стихи – о себе.*

17.XII.31

РАССВЕТ

*Будильник резко прозвонит: пора!
И оборвёт, не досказав чего-то.
Как автомат, в шестом часу утра
Ты встанешь и уедешь на работу.*

*На мертвых улицах велосипед
Запутает уродливые тени,
От фонаря прольётся красный свет
В тебя засасывающую темень.*

*А дома, в нестерпимой духоте
Проснётся и замечется ребенок,
Забьётся в долгом кашле. Словно тень
Ночь соскользнёт с соседнего балкона.*

*И где-то дробно застучат сабо...
И с каждым днём суровее и строже,
Над чёрным городом проснётся Бог,
Но никому на свете не поможет.*

17.XII.31

ПОЭТУ

*Так бывает: брови нахмутив,
Зверем смотришь по целым дням.
Отвращенье к литературе,
И в особенности – к стихам.*

*Ненасытная злоба к фразам,
К разговорам о пустяках,
Да к шатаньям по Монпарнасам,
Да к сидениям – в кабаках.*

*И кому это только нужно,
Чтоб от споров ночей не спать.
Ведь полезней сготовить ужин,
Чем пустые стихи написать.*

*Скажут мне: «Не единым хлебом...».
Но без хлеба не проживешь.
Вся земная тоска по небу –
Вековая, большая ложь...*

*– Ты бы лучше занялся делом,
А не вылуценным стихом.
Ты бы встал на рассвете белом
Да в метро побежал бегом.*

*И работал, работал, работал...
Целый день в жестоком труде,
Не отмахиваясь от заботы,
От земных, от священных дел.*

*Не гнушался бы скромным заданьем,
Не витал бы в бездне времён,
Лучше – каменичик, строящий зданье,
Чем хранящий тайну масон.*

*...Но, устав от последней тревоги,
Подойдя к последней черте –
Снова чтение стихов о Боге,
О бессмертии, о красоте.*

5.I.32

*– Уж лучше на необитаемый остров,
Куда-нибудь в Северный океан,
И там безнадежно, сурово и просто
Сплетать разноцветный обман.*

*Там будет одно несравненное счастье –
Тоска об оставленных городах,
О конченной жизни, о чьем-то участье,
О неповторимых годах.*

*Там будет казаться, что где-то в Париже
Ещё не забыли, и любят, и ждут.
И мысль эта будет реальней и ближе,
Чем тут...*

*Там легче поверить, что жизнь не напрасна,
Что есть, о чём помнить и страстно жалеть.
А с этой мыслью, такой прекрасной,
Не жалко и умереть.*

9.I.32

*За много дней, ушедших без меня,
За много слов, невыслушанных мною,
За теплоту далёкого огня,
За всё неуловимое, чужое...*

*За всё, что в жизни было – для других,
За холодок подавленного взгляда,
За тёмный стыд, за тихие шаги,
За всё, за всё, – мне ничего не надо.*

30.I.32

*Забыть про далёкие встречи,
Про горечь рифмованных строк,
Закутать озябшие плечи
В уютный пушистый платок.*

*Без жалобы и без упрёка –
Не плакать, не верить, не ждать.
Как встарь над страницами Блока
О девичьих снах вспоминать.*

*За чашкой остывшего чая
О скучных делах говорить.
Так – страшно не замечая –
Сурово и праведно жить.*

*И неумолимо и резко
Сказать себе раз навсегда,*

*Что мало заложено блеска
В летящих навстречу годам.*

*Что больше не будет свершений,
Ни новых огромных ролей.
Что нет ничего совершенней,
Чем тихая грусть на земле...*

*И, не называя ошибкой
Свой невозмутимый покой,
С чужой и бесстрастной улыбкой
Следить за бесславной судьбой.*

8.П.32

*Я знаю, как печальны звёзды
В тоске бессонной по ночам,
И как многопудовый воздух
Тяжёл для слабого плеча.*

*Я знаю, что в тоске слабея,
Мне тёмных сил не одолеть,
Что жить во много раз труднее,
Чем добровольно умереть.*

*И в счастье призрачном и зыбком,
Когда в тумане голова,
Я знаю цену всем улыбкам
И обещающим словам.*

*Я знаю, что не греют блёстки
Чужого яркого огня,
Что холодок, сухой и жёсткий,
Везде преследует меня.*

*Что в этом мраке нет просвета,
А голос слаб и одинок,
Но тайно знаю – где-то, где-то
Мерцает чистый огонек.*

*И мир таинственно светлеет,
И жизнь становится легка,*

*Когда, скользя, обхватит шею
Худая детская рука.*

9.II.32

БЕССОННИЦА

*На столе записка белеет:
«Никого прошу не винить».
За гардинами небо светлеет,
В фонарях потухают огни.*

*Необычно, резко и ново
Тень легла на паркетном полу,
И на половине шестого
Омертвели часы в углу.*

*И впились в полоску рассвета,
В щель гардин неживые глаза...
В жизни день начинается где-то.
Положили в ящик газеты
И кухарка ушла на базар.*

*В детской спят, улыбаясь, дети,
Сладок крепкий, утренний сон.
Только в закрытом кабинете
Надрывается телефон.*

28.II.32

*Я до конца измучена
(И виноваты ль мы?)
Тоскою слов заученных
И холодом зимы.*

*Дождями безнадёжными
На фоне серых стен.
Приметами тревожными
Каких-то перемен.*

*И пусть не всё потеряно,
И близится весна, –*

*Я больше не уверена,
Что я тебе нужна.*

12.III.32

*Давно не говорим «спокойной ночи»,
Всё горше жизнь от постоянных ссор.
И с каждым днём всё резче и короче
Наш деловой, несложный разговор.*

*Я не спрошу – где проведёшь ты вечер,
И не скажу, кому пишу письмо.
Я часто жду какой-то яркой встречи
И часто дом мне кажется тюрьмой.*

*Нам трудно жить, самих себя скрывая,
И всё мучительнее быть вдвоем.
Мы оба сердимся и оба знаем,
Что больше мы друг друга не вернём.*

12.III.32

*Всегда нахмуренные лица,
Всегда сурово сжатый рот.
Уж так привыкли мы сердиться,
Что нам улыбка не идёт.*

*Мы здесь живём, мрачнее тучи,
Без незатейливых утех,
И нам уже брезгливо-скучен
Ворвавшийся в окошко смех.*

*Глухой зимой и жарким летом,
Невозмутимо день за днём
Мы о возвышенных предметах
Беседу умную ведём.*

*И ждём, не подавая виду.
Как тяжёк этот вечный гнёт, –
К каким придуманым обидам
Глухая злоба приведёт...*

*И только больно мне и стыдно,
Что средь уныния и зла
Я подрастающему сыну
Весёлых слов не сберегла.*

22.III.32

*Я люблю безобразные тучи,
Резкий ветер и колющий дождь.
Ничему ты меня не научишь,
Ни к чему меня не приведёшь.*

*Всё напрасно: искание страсти,
Ожиданье слепых перемен.
И тебя обманувшее счастье
У моих неподвижных колен.*

*Я останусь навек суеверной,
Одинокой, ненужной, ничьей.
Чтобы плакать за тёмной вечерней
И бояться бессонных ночей.*

*Чтоб любить неприступные кручи
Да когда-то согревишую ложь...
Ничему ты меня не научишь,
Ничего от меня не возъмёшь.*

*Ты живёшь в своих книгах и думах,
(Разве можно об этом забыть?)
Что же ищешь ты в сердце угрюмом,
Не умеющем даже любить?*

22.III.32

*Плакать так, чтоб никто ничего не услышал,
Плакать так, чтоб никто, никогда не узнал.
Будут падать слова безнадежней и тише,
Будет мёртвый закат неестественно ал.*

*Будет болью последней – стеклянная крыша
И последнею памятью – чёрный вокзал.*

*Засвистят поезда. Засверкают окна.
Задрожат, заскользят, неизвестно куда.
И прощальные блики холодного солнца
Зацелуют рванувшиеся поезда.*

*И в усталых глазах в первый раз пронесётся
Навсегда, ...Навсегда....*

15.IV.32

*Всё это – я ещё, быть может,
Но только – не совсем и я.
В нём всё понятно, всё похоже,
В нём жизнь кончается моя.*

*Всё это – я наполовину,
Я, но без моего лица.
Я не родившемуся сыну
Уже дала черты отца.*

*Зачем? Как странно и как дико,
Когда он – мой, и только – мой.
Ведь жизнь ему с последним криком
Давала я, а не другой.*

*И всё любимое, родное,
Всю душу тёмную мою,
Всё, не содеянное мною,
Ему сейчас передаю.*

*Всё, чем жила, чего хотела,
Всю жизнь без завтрашнего дня,
И это маленькое тело
Всё – продолжение меня.*

*А я? А все мои – затеи?
О чём грустить? О чём молчать?
Чем старше мы, чем он сильнее, –
Тем больше умирает мать.*

15.IV.32

*Я люблю заводные игрушки
И протяжное пенье волчка.
Пряди русых волос на подушке
И спокойный огонь камелька.*

*Я люблю в этом тихом покое,
После бешеной суеты дня,
Свое сердце, совсем ледяное,
Хоть немножко согреть у огня.*

*Здесь могу я смеяться, как дети,
И не помнить жестоких утрат.
Здесь мне кто-то спокойно ответит
На тревожный, беспомощный взгляд.*

*И в бессоннице лоб мой горячий
Тронет ласково чья-то ладонь...
– А в углу – закатившийся мячик
И бесхвостый, облупленный конь.*

*Это всё, что мне в жизни осталось,
Всё, что в ней научилась любить.
Остальное – тупая усталость,
И тупое желанье – не быть.*

25.IV.32

*Ещё о Боге можно говорить,
И о политике, и об искусстве.
– А вот о том, что страшно в жизни жить,
О пустоте, ненужности и грусти,*

*О сыне и о тишине лесной,
О том, что много холода и злобы,
О нас двоих, и о себе одной –
И некому, и незачем, должно быть.*

20.VI.32

ЧТО С НАМИ БУДЕТ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ
(Ответ на анкету)

*Всё, как было, так и будет,
Ровное для всех:
Где-то втайне – вопль о чуде,
А наружно – смех.*

*Те же жалобы и слезы,
И нужда, и страх.
Лишь, пожалуй, меньше позы,
Да огня в глазах.*

*А на небе те же тучи,
В жизни тот же бред.
И ничто не станет лучше
Через десять лет.*

22.VI.32

ТИШИНА

*Я не забуду дымных зданий,
Больших нагромождённых лет,
Ни тёмных встреч, ни расставаний
Я здесь не позабуду, нет.*

*Я говорю, что не покину,
Не променяю никогда
На эту тихую равнину
Мятущиеся города.*

*Но потаённым знаньем знаю,
Себе безмолвно говорю,
Что жадно я в себя вбираю
Густую, тихую зарю.*

*Пусть суета проходит мимо,
А дни по-новому полны
Почти до боли осязаемой
С ума сводящей тишины.*

*И больше ничего не надо –
Ни встреч, ни жалоб, ни стихов,
Когда в траве высокой сада
Мелькают зонтики цветов.*

*Когда в кустах белеют розы,
И так безмолвны вечера,
И запах тёплого навоза
Летит с соседнего двора.*

*Когда стихает голос ветра,
И дышит пьяная земля,
Когда на много километров –
Одни пшеничные поля.*

19.VI.32

Бужеле

ВЕТЕР

Е. А. Голенищевой-Кутузовой

1

*Навеки:
 вот эти обои,
Тарелки на круглом столе,
И небо – такое седое –
Над ширью несжатых полей.*

*За садом – мычанье коровы,
И в дымчатых тучах закат,
А крики мальчишек в столовой
Из мира иного звучат.*

*Рассеянность в каждом ответе,
Удушливый дым папирос
Да ветер, озлобленный ветер,
Как с цепи сорвавшийся пёс.*

II

*Все эти дни беспутный ветер
Шумел в саду, шумел в полях.
Взметались ветки, словно плети,
И зябла старая земля...*

*Сидели дома, толковали
Всё об одном: да что, да как?..
И заволакивались дали
В сырой, вечерний полумрак.*

*Должно быть, стал совсем несносен
И тихий сад, и тихий дом.
И дым от крепкой папиросы
Висел, как ладан, над столом.*

*За эти дни покрылись лица
Непоправимой белизной.
А в поле тихая пшеница
Казаться стала золотой.*

*И над жестоким расставаньем, –
Над грудой равнодушных дел, –
Над человеческим страданьем –
Холодный ветер свирепел.*

28.VII.32

В ДЕРЕВНЕ

Игорю Софиеву

*Пробежимся со мной до Распятья
Средь сухих, оголённых полей.
На ветру моё пёстрое платье
Замелькает ещё веселей.*

*Будут дали ясны и привольны
И на западе чист небосклон.
Вдалеке, с городской колокольни
Будет падать размеренный звон.*

*Я сгрызу недозревшую грушу,
Ты – хрустящий, сухой шоколад.
И в твою нерасцветишую душу
Перельётся широкий закат.*

*А обратно наперегонки
Побежим без оглядки домой.*

*Будет голос твой тонкий и звонкий
Разрезать предвечерний покой.*

*И, завидя наш маленький домик,
Ты забьёшься в густую траву, –
Ну, совсем белобрысенький гномик,
Чудом сбывшийся сон наяву.*

*Зацелую любимые глазки,
Обожжённое солнцем плечо.
И в ответ на привычные ласки
Ты обнимешь меня горячо.*

*И потом, опуская ресницы,
Ты задремлешь в кровати своей,
И тебе непременно приснится
Белый зайчик с колючих полей.*

30.VIII.32
Бужеле

*Стало холодно. Рано смеркается.
Дуют ветры и хлещут дожди.
– Это только теперь начинается,
То ли будет ещё, подожди!*

*Вздохи. Жалобы. Мысли бездомные,
Неуверенный шорох пера.
Ставни плотные, комнаты тёмные,
Нескончаемые вечера.*

*– Ну, к чему эти злые пророчества?
– Да, конечно, ты прав: ни к чему.
Это только моё одиночество,
Не нужное никому.*

28.IX.32
Париж

*Всё падает в пустом осеннем сквере,
Кружит неторопливый листопад.*

*Всё падает. И больше нет потери,
И жизнь уже не повернёт назад.*

*Всё падает. И жалобные руки.
Две слабых, не умеющих руки.
Всё падает. Но больше нет разлуки,
И медленно пронзающей тоски.*

*Всё падает. Под равнодушным взглядом
Склоняется привычно голова.
И падают в круженье листопада
Спокойные и грустные слова.*

6.X.32

*С улыбкою насмешливой и колкой
Уже не будешь никогда читать
Моих стихов: с твоей высокой полки
Я убрала унылую тетрадь.*

*Я убрала и спрятала далёко
Уверенной и твердою рукой,
Чтоб тяжестью ненужного упрёка
Не разбивать твой призрачный покой.*

20.X.32

*Не спасут тебя мудрые книги
От отчаянья и пустоты.
Горы, думаешь, сможешь ты двигать?
Или мир переделаешь ты?*

*А на месте твоих утверждений –
Будет время – останется вдруг
Только горечь ненужных сомнений
И беспомощный, жалкий испуг.*

*Станешь тихим, простым, человеческим,
Будешь плакать – один, без меня,
Будешь плакать о том, что не вечны
Очертанья ушедшего дня.*

*И впервые (без мудрости тонкой)
Ты припомнишь о завтрашнем дне,
Об озябнувших детских ручонках,
О разбитом в столовой окне.*

*Будет время, и в яростной скуке
Ты заломишь (совсем, будто я!)
Твои крепкие сильные руки
Над безвыходностью бытия.*

*И, взглянув на портрет Новикова
И на груды растрёпанных книг,
Ты уронишь придушенный крик
Вместо нужного, умного слова.*

24.XI.32

*Я стала сдержанней и суше.
А жизнь безбурна и чиста,
И больше не волнуют душу
Бессмысленность и пустота.*

*И каждый путанный вопрос
Решён спокойно, твёрдо, мудро.
А на лице следы от слёз
Покрыты матовою пудрой.*

*Мне в меру удаётся смех,
Такой простой и человечный.
А взгляд такой же, как у всех,
Опустошённый и беспечный.*

*И я не вспомню никогда
О самом злом и потаённом:
О не пришедшем никогда,
О никогда несовершённом.*

24.XI.32

*«Сентиментальностей не нужно,
Ни пошлых чувств, ни громких слов!»*

*А на столе – остывший ужин
И тиканье твоих часов.*

*Который час? Должно быть – полночь,
А, может быть, и два, и три.
А одиночество-то? Полно.
Ведь так проплачешь до зари.*

*О чём? О призрачной надежде,
Растаявшей, как синий дым?
О том, что мы не те, что прежде,
И прежнего не повторим?*

*Что всё равно мне – где ты, что ты,
Куда ушёл, когда придёшь?
Что у меня свои заботы,
Которых ты не разберёшь?*

*Холодный суп. Тарелки рядом.
Пять лет сегодня? Целых пять? –
– Сентиментальностей не надо!
Устала я. Скорее спать!*

14.I.33

*Спасибо за жаркое лето
И дали несжатых полей.
За проблески сильного света
На слишком несветлой земле.*

*За письма почти человечьи,
Без литературных прикрас,
За радость нечаянной встречи,
Друг к другу подвинувшей нас.*

*За шум урагана ночного
И тяжесть последней любви.
За неповторимое слово,
Жестокое слово: «живи!»*

16.I.33

*Если ты никуда не уходишь –
Посидим вечерок у огня.
Пронесутся в немом хороводе
Отошедшие призраки дня.*

*За остывшею чашкою чая
Долгий вечер с тобой проведём.
Посидим, помолчим, поскучаем
(Ведь давно мы скучаем вдвоём).*

*Будет в мокрые стёкла столовой
Падать мертвенный свет фонарей
И, быть может, почудится снова
Смутный запах исчезнувших дней.*

*И мы вспомним о горькой потере,
О призыве протянутых рук,
О свободе, о счастье, о вере,
Обо всём, чего не было, друг.*

9.I.33

*Ещё не раз в тревоге зыбкой
Ты вспомнишь глупые мечты.
Не оскорбляй же их улыбкой,
Не отрицай, что это – ты.*

*Ведь это молодость простая
Тебя томила и вела.
Ведь это молодость, играя,
Как конь, кусала удила.*

*И в жизни путаной и стыдной
Ещё не раз, устав от бурь,
И ты взлетишь душой пустынной
В нерукотворную лазурь.*

*И, может быть, назвав ошибкой
Свой долгий, кропотливый путь,
С простой и радостной улыбкой
Захочешь прошлое вернуть.*

9.II.33

*Устав от трезвости и воли,
От непреклонной высоты,
От этой непосильной роли,
От напряжённой суеты,*

*От твёрдых, педантично-строгих
Непоколебленных основ,
От неуступчивых, жестоких –
Когда-то выдуманых слов, –*

*Как хочется вдруг опуститься
Куда-то в сумерки, на дно.
Безвольно опустить ресницы
И тихо бросить: «Всё равно!»*

16.II.33

ПАМЯТИ ЖЕРМЭН

*Был день, как день. За ширмой белой
Стоял встревоженный покой.
Там коченеющее тело
Покрыли плотной простынёй.*

*И всё. И кончились тревоги
Чужой, неласковой земли.
И утром медленные дроги
В туман сентябрьский проползли.*

*Ну что ж? И счастье станет прахом.
И не во сне и не в бреду –
Я без волненья и без страха
Покорно очереди жду.*

*Но только – разве было нужно
Томиться, биться и терпеть,
Чтоб так неслышно, так послушно
За белой ширмой умереть?*

20.II.33

*Спи, не думай о долгах:
Как-нибудь уладим.
Не убьют же нас впотьмах,
Притаившись сзади.*

*В жизни света больше нет,
Ни пути, ни цели.
Завтра матовый рассвет
Тихий снег расстелет.*

*И уйдёшь опять один...
Каждый день всё то же,
Тут тебе уж и кальмин
Больше не поможет.*

*Спи и обо всём забудь.
В думах толку мало –
Всё устроим как-нибудь,
Всё начнём сначала.*

*Ну и что ж? Весь путь земной
Соткан из печали.
Разве прежде мы с тобой
Этого не знали?*

*Так учись на всё смотреть
Без волнений грозных.
А не хочешь – умереть
Никогда не поздно.*

24.II.33

*Всё забыто – и радость и горе
Тех бессмертных, казалось бы, дней:
Ледяное Эгейское море,
Ледяные огни кораблей.*

*Ледяные от холода руки,
Ледяные – от боли – сердца.
Всё забыто – и радость, и муки,
И печаль, и любовь без конца.*

*Стало ясно, что жизнь отшумела,
Отдразнила, прошла, отошла,
Только ветром осенним задела,
Только в тёмный тупик завела.*

*Сердце брошено где-то далёко,
Воля к жизни обидно-мертва,
И слова о «просроченных сроках»
Не совсем уж пустые слова.*

4.III.33

*Мы мало прожили на свете,
Мы мало видели чудес.
Вот только – дымчатые эти
Обрывки городских небес.*

*И эти траурные зданья
В сухой классической пыли,
Да смутные воспоминанья
Мы из России привезли.*

*В огромной жизни нам досталась
От всех трагедий мировых
Одна обидная усталость,
Невидимая для других.*

*И всё покорнее и тише
Мы в мире таем, словно дым.
О не пришедшем, о не бывшем
Уже всё реже говорим.*

*И даже в мыслях, как бывало,
Не рвёмся в огненную даль,
Как будто прошлого не мало,
И настоящего не жаль.*

III.33

*Мы опять с тобой одни остались.
К нам никто сегодня не придёт.*

*Вновь – дневная, грубая усталость,
Тишина (уже который год?)*

*Ты устал – набегался немало.
Спать тебя в кровать уложу.
Заверну пушистым одеялом,
Сказку про медведей расскажу.*

*Хорошо, что ты не понимаешь
Этой бедной жизни. Ведь и ты
Никогда, должно быть, не узнаешь
Жизненной, счастливой полноты.*

*Никогда! А сердце жадно бредит
Только этим – долгие года.
Ты во сне увидишь трёх медведей,
Я – тупое слово – никогда.*

*Никогда... А вечер длинный-длинный,
Тишина придёт меня пытаться.
В лампе нет, наверно, керосина
И придется свечку зажигать.*

*И под пламенем белесоватым
Стану я опять сама собой –
Слабой, одинокой, виноватой,
С жалкой и обиженной душой.*

5.III.33

*Я знаю: нужно верить в Бога,
Любить людей, не помнить зла,
И в жизни благостно и строго
Творить хорошие дела.*

*Я это знаю. Но ни разу
Мне в душу свет не пролился.
Не сердце, а спокойный разум
Дает мне веру в чудеса.*

*Ведь никого ещё на свете
Не назвала я словом «брат»,*

*И никому – десятилетия –
Ещё не сделала добра.*

*А дни идут, изнемогая,
А дни идут, – и в каждом дне
Одна лишь ненависть глухая,
Моя – к другим, других – ко мне.*

*И с каждым годом всё ничтожней
Уходит жизнь в потоке слов.
И всё трудней, всё невозможней
Простая, светлая любовь.*

7.III.33

*Не те слова, не те, что прежде,
Когда в азарте молодом
Мы глупо верили надежде
И думали: «переживём!»*

*Что ж? Пережили? Своевольем
Сломили трудные года?
И что ж? В тупой, обидной боли –
Тупое слово «никогда».*

*И с лихорадочным ознобом,
Приподнятая сгоряча,
Рука, дрожащая от злобы,
Бессильно падает с плеча.*

*И в безалаберном шатанье
Судьба (уже который раз?)
За безрассудные желанья
Так зло высмеивает нас.*

*И всё, что нам ещё осталось
Всё, чем душа ещё жива, –
Слова, обидные, как старость,
Как жизнь, жестокие слова,*

*О том, что не нашли мы рая,
О том, что преданы в борьбе,*

*О том, что стыдно погибает
От горькой жалости к себе.*

5.IV.33

*В этих комнатах я вечерами
Не люблю оставаться одна.
В окна мёртвыми смотрят глазами
Темнота – пустота – тишина.*

*И сплетаются мысли ночные
О пустой и бескрылой судьбе.
И мне кажется, что домовые
Шевелятся в каминной трубе.*

*Я пугаюсь бесшумных видений
И темнеющих выступов стен,
И тревожно отпрянувшей тени
У моих неподвижных колен.*

*Всё мне чудится шорох невнятный,
Будто кто-то стоит у дверей.
А за окнами тусклые пятна
Неживых городских фонарей.*

*Я одна в полутёмной квартире,
И мне кажется в призрачной мгле,
Что одна я в покинутом мире
На усталой и грустной земле.*

5.IV.33

А.А.

*Проходили года за большими, как волны, годами
В окнах девичьей спальни покорно погасли огни.
Призрак лёгкого счастья растаял с наивными снами
И тяжёлая радость наполнила трудные дни.*

*Я уже не найду той скамейки под синей сиренью,
Ни весеннего леса, ни светлых внимательных глаз.*

*Но не знаю, зачем, отчего, – по чьему науценью
Я в Страстную Субботу всегда вспоминаю о Вас.*
16. IV.33

*О том, что жизнь нехороша
И горько старится душа;
О том, что средь пустой возни
Проходят медленные дни;*

*О том, что быть всегда больной;
О том, что быть всегда чужой;
О том, что столько длинных лет
В холодном доме смеха нет...*

*– А всё-таки ещё жива
В лесу весенняя трава,
И около седых домов
Каштаны зацветают вновь.*

*И чудится благая весть,
Что где-то в мире счастье есть.
И, может быть, еще оно
Не мне, так сыну суждено.*

24. IV.33

*Мне приснился опять ряд больничных кроватей
И на башне большие часы.
Безнадёжная боль о последней утрате,
И навеки оставленный сын.*

*Где-то жизнь волновалась, томила, шумела,
Только стала жестокой, чужой.
И сиделка в халате безжизненно-белом
Приносила мне вечный покой.*

*Не боюсь я тупой, одинокой кончины
(Ведь и жизнь веселей не была)
Только мысль о беспомощном брошенном сыне...
Только... И я всю ночь не спала.*

*Всё смотрела на пухлые детские губы,
Суеверно крестила кровать.
Нет, сейчас, в этой жизни, и стыдной и грубой,
Не хочу, не могу умирать.*

25.IV.33

*Так или иначе, а жизнь ушла.
Так или иначе, мы постарели.
Дневные, торопливые дела
Нас отвлекли от самой главной цели.*

*А, может быть, и не было её?
А, может быть, – всё миф и наваждение, –
Всё это бессловесное кружение,
Всё это жалобное бытие?*

*Так или иначе... В годах глухих
Мы сами стали сдержанней и строже.
Уже нам стали не нужны стихи,
Уже любить мы разучились тоже.*

*И стала жизнь трагически-тиха.
И только разум сетует порою,
Что не было ещё грешней греха,
Чем примиренье с горькою судьбою.*

29. IV.33

*Таким, как я – физически больным,
Неверующим, глупым, одиноким,
Таким, кто стелется, как серый дым –
Я отдаю беспомощные строки.*

*Всю безнадежность вечеров глухих,
Всю скопленную нежность и тревогу.
Пусть никому ненужные стихи
Таким, как я, хоть чуточку помогут.*

29. IV.33

О СМЕРТИ

*О смерти, это значит – о не бывшем,
О не пришедшем в ледяных годах,
О том, что мы всю жизнь так жадно ищем
И не находим никогда,*

*«О смерти», это – о несовершенном,
О том, чего мы сделать не могли,
О сердце, без любви опустошённом,
И о легчавшем запахе земли.*

*«О смерти», это – вовсе не о смерти,
Не о конце, – о горечи стыда,
О том, что нужно, наконец, ответить
За долгие и страшные года.*

18.V.33

ПИСЬМО

(Которое никогда не было послано)

*Я не просила ничего,
Я годы долгие молчала.
А для чего? Из-за чего?
Но – правда? – Вам я не мешала...
(А жизни не начнешь сначала.)*

*Я не мешала никогда.
Да мы почти и не встречались.
А стало трудно – я тогда.
– Ведь я ушла, а вы остались.*

*Я знала счастье и любовь
(Но счастье ускользало мимо)
Я написала тьму стихов
Другим, влюбленным и любимым.*

*Жила другими и собой.
Вы где-то шли своей дорогой,
Всегда далёкий и чужой,
Не замечающий и строгий.*

*Вы людям не прощали зла
И чуть задетого покоя.
А я – я глупенькой была,
Томясь безтворческой тоскою.*

*Но вас мне не в чем упрекнуть;
Хоть с каждым днём я к людям строже.
Когда-нибудь и где-нибудь
Меня вы вспомните, быть может.*

*Но только никогда (кривить
Душой нельзя!) я, с сердцем сжатым,
Вам не прощу своей любви.
Но в этом вы не виноваты.*

29.VI.33
Эрувиль

Ирина Кнорринг с сыном. Эрувиль.

КНИГА ШЕСТАЯ

(1933-1942)

Ирина Кнорринг

*В нами не услышанных созвучьях,
В нами не написанных стихах –
Небо в молнийных гремящих тучах,
Небо в кудреватых облаках.*

*Там живут крылатые драконы
Или ангелы светлее дня,
В небе бесконечном и бездонном,
Полном вдохновенья и огня.*

*А в глухих незвучных наших строчках
Жалобно трепещут тополя,
Полевые, бедные цветочки,
Милая и грустная земля.*

*Не кляни её, – погладь, потрогай.
Вот она, усталая, в пыли.
И змеится белая дорога,
Тонущая в дождевой дали.*

*Полюби её! В своей невзгоде
Нам она так благостно-легка.
И дорога белая уводит,
Пропадая где-то в облаках.*

29.VI.33 Эрувиль

БЕЛАЯ ДОРОГА

I

*Книги мёртвые разлюбя,
Став простой, свободной и строгой,
Я вверяю себя
Белой дороге.*

*И пойду по полям,
По холмам, деревням, перелескам.
Будет влажно пахнуть земля,
Будет бить меня ветер резкий.*

*И пойду, и пройду
Длинной белой дорогой*

*Сквозь слёзы, борьбу и беду,
Сквозь радости и тревоги.*

*Я узнаю, как светел свет,
Я узнаю, как он прекрасен.
И пойму я, что много лет
Прожила я совсем напрасно.*

*Будет радость нежней вина,
Будет ввысь уходить дорога.
Будто в небо ведёт она,
– Прямо к Богу.*

II

*Ты цветов придорожных не трогай,
Их ногами топтать перестань.
Над широкою белой дорогой
Ночь расправила звёздную тканьь.*

*А когда станут светлыми дали
(Ночь протянется несколько лет),
Я стяну ремешки у сандалий
И покорно пойду на рассвет.*

*Ты останешься, бледный и строгий,
– Не томись, не кляни, не вздыхай –
Будешь ты охранять у дороги
Наш земной, невозделанный рай.*

*Я тогда назову тебя братом
(В первый раз я скажу тебе: брат),
И уйду далеко, без возврата,
И забуду дорогу назад.*

29.VI.33 Эрувилль

*Жужжит комар назойливо и звонко,
Ночь голубеет в прорези окна.
Спокойный облик спящего ребенка,
И тишина. Навеки – тишина.*

*Мне хочется, чтоб кто-то незнакомый,
В такой же напряжённой тишине,*

*В таком же старом деревянном доме
Сидел один и думал обо мне.*

*В его окне – сиянье летней ночи,
От сердца к сердцу – ласковая грусть.
И несколько чужих, прекрасных строчек
Я нараспев читаю наизусть.*

12 VI.33 Эрувиль

О РОССИИ

В.А.Подгорному.

*Я в жизни своей заплутала,
Забыла дорогу домой.
Бродила. Смотрела. Устала.
И быть перестала собой.*

*Живу по привычке, без цели.
Живу, никуда не спеша.
Мелькают, как птицы, недели,
Дряхлеет и гибнет душа.*

*Однажды, случайно, от скуки
(Я ей безнадежно больна)
Прочла я попавшийся в руки
Какой-то советский журнал.*

*И странные мысли такие
Взметнулись над сонной душой.
Россия! Чужая Россия!
(Когда ж она стала чужой?)*

*Россия! Печальное слово,
Потерянное навсегда
В скитаньях, напрасно суровых,
В пустых и ненужных годах.*

*Туда – никогда не поеду,
А жить без неё – не могу.
И снова настойчивым бредом
Сверлит в разъярённом мозгу:*

*– Зачем меня девочкой глупой,
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли!?*

13.VII.33 Эрувиль.

ЭЛЕГИЯ

*У нераскрытого окна,
В спокойном деревенском доме
Доверчивая тишина
Томит сладчайшею истомой.*

*От тишины, от пустоты
Душе спокойнее и проще.
(Так медленно в осенней роще
На землю падают листья.)*

*И тихих мыслей череда,
Не торопясь, проходит мимо.
– Что жизнь напрасно прожита,
Напрасно и – непоправимо.*

*Что грустно падают года,
(Как листья осенью туманной)
– Что я не так уж молода,
Не радостна, и не желанна...*

*Звонит комар. Да вдоль стены
Паук плетёт седые пути.
И грустной нежностью полны
Мои вечерние минуты.*

24.VII.33

*Уже прошла пора элегий,
Спокойных и усталых лет.
К далеким снам любви и неги,
Должно быть, возвращенья нет.*

*И с каждым днём трезвей и строже
Слова, желанья и дела.*

*Ну, что ж? И я была моложе,
И я счастливее была.*

*Но всё туманней дни и лица,
Хмельнее память бытия.
– Пора, пора и нам проститься,
Пустая молодость моя*

*Прости – за жадные желанья,
За всё содеянное зло,
За то, что горьким было знание,
За то, что мне не повезло...*

*Теперь я знаю слишком много,
Что счастье – не прочней стекла,
И что нельзя просить у Бога
Благополучья и тепла...*

*Теперь, устав в напрасном беге,
Покорно, замедляя шаг, –
Печальной музыкой элегий
Пускай потешится душа.*

29.VII.33

СОБАКИ

О, лай – о чём-то знающих собак!
Д. Кнут

*В тяжёлом сгустившемся мраке,
На тёмном пустынном дворе,
О чём они знают, – собаки?
Что видят они в конуре?*

*Мне страшно, мне тесно, мне скучно
От мыслей, желаний и слёз,
А там, на дворе – неотлучно
Лохматый, взъерошенный пёс.*

*Приподняты чуткие уши,
По-волчьи сверкают глаза...
И снова мне тесно и душно
В бессильных, безвольных слезах.*

*И хочется крикнуть: «Мне больно!
Я долго, я страшно больна!»
Над чёрной, ночной колокольной
Блестит неживая луна.*

*И первым раскатистым лаем
Мне вторит бессонная ночь...
Я слабая, глупая, злая,
И кто мне посмеет помочь?*

*Я вижу, как длинные тени
Трепещут под белой стеной.
Я знаю: ползёт по ступеням
Безликий – жестокий – чужой.*

*Он может смеяться беззвучно,
Пройти сквозь закрытую дверь.
И снова мне страшно, мне скучно
От невыразимых потерь!*

*Молчанье, пустое молчанье.
Тяжёлый, бесформенный мрак.
И тяжело – глухое рычанье
Кого-то узнавших собак.*

10.VIII.33

*Я пишу не стихи, а стишки,
Равнодушно-бездарно-пустые.
Мои замыслы не глубоки,
По ночам мне не снится Россия.*

*Я о Боге не спорю ни с кем,
Никому не бросаю проклятий.
Я одна в своей мёртвой тоске,
В тесном круге наивных понятий.*

*Я высоких идей не несу,
Не гонюсь за возвышенной целью.
Я коплю только медные су,
Да пустые, как счастье, недели.*

*Жизнь моя так пошла и смешна
(Только всё не могу умирать я)
И такой я давно не нужна,
Как помятое, старое платье.*

30.IX.33

*Мы давно потеряли дорогу
К напряжённой и призрачной цели.
Мы не верили детскому Богу,
А другого найти не сумели.*

*Мы совсем перестали смеяться
И любить непонятное небо.
Видишь: нервно-сведённые пальцы
Ищут корку тяжёлого хлеба.*

*Мы не ждём сокровенного чуда
И давно разучились молиться.
И глядят, и томят отовсюду
Равнодушные, скучные лица.*

*В этом мире огромных свершений,
В мире неповторимых созвучий.
Кто нам тихого Бога заменит?
Кто нас детскому счастьем научит?*

9.X.33

*Всё брошено и ничего не жаль.
Всё отнято – и «ничего не надо».
Ползёт на жизнь тончайшая печаль,
Как тишина из дремлющего сада.*

*Проходит день в спокойном полусне, –
Больной, уже заранее уставший.
И где-то там, в последней глубине,
Бессмысленный вопрос: «А что же дальше?»*

*Не хочется ни правды, ни тепла,
Ни счастья, ни свободы, ни удачи.*

*Ведь жизнь меня обидно обошла,
И я в ней больше ничего не значу*
17.II.34 Питье (Госпиталь)

*Будет день – мы уйдём и забудем
Наш непрочный и жалкий уют.
Мы такие же бедные люди,
Как и те, что повсюду живут.*

*И никто, никогда не узнает,
Как печален был зимний рассвет.
Как мечте о несбыточном рае
Мы смотрели беспомощно вслед.*

*И никто уже нам не напомнит
– Где, и как, и когда зацвело
В глубине первобытной и тёмной
Это непоправимое зло.*

12.III.34

ТЕБЕ
(вариант)

*Тебе – без упрёка и лести,
Тебе, мой доверчивый друг,
За наше усталое «вместе»,
За лёд не протянутых рук.*

*За ночи у детской кровати
(Покорное тельце в огне),
За ночи в больничной палате,
В пустой, неживой тишине.*

*За то, что по-разному верим,
И разное видим вокруг,
За радость и за потери –
Тебе, мой обманутый друг.*

*Моё не прощённое счастье,
Моё поражение в борьбе...*

– Без боли, без гнева, без страсти,
Последнее слово – тебе.

12.III.34

Должно быть, так всегда бывает,
Я лучшей доли не ищу.
Пустая жизнь бесследно тает,
Подобно летнему дождю.

Проходят в будничных заботах
За часом час, за годом – год.
И лишь порой взметнётся где-то,
Тревогой сердце захлестнёт.

Мир станет узким, скучным, серым,
А там, за тридевять земель –
Какие дикие размеры!
Какая огненная цель!

Но, как мираж, неуловимы,
Тоской маниящею полны –
В спокойной жизни – мимо, мимо
Плывут волнующие сны.

И снова день – больной и трудный,
Обвитый множеством забот,
Торжественный, привычный, будний
Затянет в свой круговорот.

12.III.34

Я не боялась, не ждала, не знала,
Не отводила напряжённых рук.
Я всё готова повторить сначала –
И долгий страх, и силу адских мук.

Но если... если?.. О, за все страданья,
За боль, за гнев, за давящую грусть –
К твоим годам, к своим воспоминаньям,
В твой страшный дом я больше не вернусь.

1.IV.34

*О тех, кого я не любила,
О тех, кто меня позабыл...
О тех, кого я не простила,
Кто не был ни близок, ни мил...*

*О тех, кому в яростной скуке
Бросала я громко: лови!
О тех, что счастливей в разлуке,
Чем в путах тяжёлой любви...*

*О тех, равнодушно счастливых,
Которым везде хорошо...
О женщинах злых и красивых
С больной и усталой душой....*

*Мне память давно изменила,
И больше молиться – нет сил...
...О том, кого я разлюбила,
О том, кто меня не любил.*

22 IV.34

*Я снова верю пышным фразам
О чистоте, о глубине,
Я верю пошленьким рассказам
О глупом счастье и весне.*

*И снова – тяжесть медленной утраты,
Усталость, горечь, звезды, тишина.
И снова мы – любовь сестры и брата –
Всё те же мы – у моего окна.*

11.VIII.34

НАТАШЕ

*Новой, странною сделалась ты,
А глаза, как Бизертское море.
И цвели неживые цветы
У тебя на венчальном уборе.*

*Падал дождь за церковным окном,
Свечи тонкие тускло горели.
Рано, поздно – не всё ли равно, –
Мы придём к одинаковой цели.*

*Помнишь море, Бизерту, Сфаят?
Помнишь красные маки по склонам?
Твой счастливый, невидящий взгляд
Торопливо скользил по иконам.
Это только – весёлый обряд
Для уверенных, в счастье влюблённых.*

*Но никто не напомнил и тут,
Сколько трудных разочарований,
Сколько страшных, обидных минут
Встретит каждая – после венчанья.*

*И из всех приглашённых гостей
(Или все притворялись искусно?)
На торжественной свадьбе твоей
Мне не радостно было, а грустно.*

23.VIII.34

О СМЕРТИ

*Как страшно умереть, – сойти на нет,
Безропотно исчезнуть, раствориться.
И сон о смерти – этот страшный бред –
Всё чаще, всё мучительнее снится.*

*Я просыпаюсь в ледяном поту.
Всё та же комната, всё те же тени,
Но всё мерещится сквозь темноту
Меня преследующее виденье.*

*Пустая церковь, тихо хор поёт,
Цветы в гробу и бледных свеч мерцанье,
И где-то рядом мечется моё,
Ещё живое, чёткое сознание.*

4.IX.34

*Истлеет день, и будет ночь,
Та ночь, в которой нет просвета.
Никто не сможет мне помочь
Дожить до будущего лета.*

*Мне каждый вечер – злой намёк,
И каждый день – подарок Божий.
На розовеющий восток
Смотрю я пристальней и строже.*

*Как будто там, в пустой дали,
В холодном, мраморном рассвете,
Быть может, на краю земли –
Победа разума над смертью.*

6. IX.34

*Всё равно ведь никто не поверит,
Что недолго осталось мне жить.
Не такая и будет потеря,
Чтобы много о ней говорить!*

*От обиды по-детски бледнею:
Ведь уйду навсегда, навсегда...
Кто потом за меня пожалеет
Облетевшие даром года?*

*Пусть другие меня не осудят,
Пусть мой брат меня тихо простит.
Для меня уже скоро не будет
Ни тревоги, ни зла, ни обид.*

24.IX.34

Прости! Не помни дней паденья!
Н. Некрасов.

*Забудь, что я жила без света,
Скучала, плакала, ждала.
Что званье трудное поэта
Я слишком просто отдала.*

*Не вспоминай меня с улыбкой.
Когда умру – не говори,
Что наша жизнь была ошибкой,
Обманом утренней зари.*

*Но только вспомни, чуть бледная,
Осенний, догоревший день,
Версаль, поникшие аллеи,
Рябь на темнеющей воде...*

29.IX.34

*Приди. Возьми. Люби. Запомни.
Не позабудь и не предай.
Увидишь мир чужой и тёмный, –
Отвергнутый тобою рай.*

*Узнаешь гнев и горечь власти,
Когда, под взглядом трезвых глаз,
Слова отчаянья и страсти
Не свяжут, а разделят нас.*

*И в год последнего обмана
(С последней пыткой не спеши!)
Рукой коснёшься черной раны
Тобой развенчанной души.*

8.X.34

*Писать стихи и прятать под замок.
Упрямо думать и молчать годами.
И знать: никто не тронет этих строк
Внимательными, добрыми глазами.*

*Никто не вспомнит даже наизусть
Печальных строк о пустоте и боли...
О, в этой тихой, безысходной роли –
Какая легкость и какая грусть!*

15.X.34

ИЗМЕНА
(Воображаемому собеседнику)

*Измены нет. И это слово
Ни разу не слетало с губ.
И ничего не стало новым
В привычно-будничном кругу.*

*Измены нет. Но где-то втайне,
Там, где душа совсем темна,
В воображаемом романе
Она уже совершена.*

*Она сверкнула жгучей новью,
Жизнь подожгла со всех сторон.
Воображаемой любовью
Реальный мир преображён.*

*И каждый день, – и каждый вечер –
Томленье, боль, огонь в крови,
Воображаемые встречи
Несуществующей любви.*

*А тот, – другой, – забыт и предан
(«Воображаемое зло!»)
Встречаться молча за обедом
Обидно, скучно, тяжело.*

*Круги темнее под глазами,
Хмельнее ночь, тревожней день.
Уже метнулась между нами
Воображаемая тень...*

*А дом не убран. Сын заброшен.
Уюта нет. Во всём разлад.
В далёкий угол тайно брошен
Отчаяньем сверкнувший взгляд.*

*Так, – проводя, как по указке,
На жизни огненный изъян –
Ведёт к трагической развязке
Воображаемый роман.*

13.XII.34 Ночь

(вариант)

*Нам не радуга в небе сияла
В тот седой, обезумевший день –
Нас дождливая муть провожала
И чертила круги на воде.*

*И когда потекли над волнами
Чем-то близкие сердцу места –
В этот час не звучало над нами
Легендарное имя Христа.*

*Но с тех пор суеверно храним мы
Всю тоску этих призрачных дней –
Очертания смутного Крыма,
Силуэты ночных кораблей.*

14. I.35

*Спичка. Дрожащее пламя, –
Отсвет на чёрном окне.
Книжка с моими стихами
В зеленоватом огне.*

*В огненной, жаркой могиле
Всё уничтожить дотла:
Всё, что я в жизни любила,
Прятала и берегла.*

*Письма, стихи, сувениры, –
Карточки и дневники,
Всё, что царило над миром,
Полном любви и тоски.*

*Жизни, напрасно мне данной,
Жизни сгоревшей не жаль.
А за окошком – туманный,
Мутный, парижский февраль.*

*Перед остывшим камином,
Перед сожжённой тоской*

*Станет светло и пустынно,
Ожесточённо-легко.*

*Горечь упрямой потери
Молча и гордо стерплю.
Вот – ни во что я не верю,
И ничего не люблю.*

27.II.35

*Уж всё равно никак не спрячешь
Предательских морщин у глаз.
И всё дороже Богу платишь
За каждый день, за каждый час.*

*И как ещё не надоело,
Дивишься иногда себе –
Влачить своё больное тело
Навстречу медленной судьбе!*

*Ведь ничего не совершится –
Не будет ни добра, ни зла.
Жизнь перекраивает лица,
Глядишь – а молодость прошла.*

*Глядишь – а мир, чужой и строгий,
Тебя при жизни позабыл,
А жить осталось так немного,
И то уж – из последних сил.*

22.III.35

*Никогда ничего не просила
И тебе ничего не дала.
И о жизни – пустой и унылой –
Ни тебе, ни себе не лгала.*

*Оставалась всегда одинокой,
Никогда до конца не любя,
Но в борьбе равнодушно-жестокой
Неизменно встречала тебя.*

*Всё больное, что в сердце скопилось,
Всё растает с годами, как дым.
И что б в жизни со мной ни случилось,
Никогда ты не станешь чужим.*

22.III.35

*День прошёл без меня.
День прошёл, и ему не помочь.
И мне жаль бесполезного дня,
Соскользнувшего в тихую ночь.*

*Завтра, время кляня,
Снова ждать неживой темноты,
Отцветанья усталого дня,
(Чтоб назвать его снова пустым.)*

*Завтра брошу кому-то: «прости!
Облетели, как листья, года.
Ухожу, чтобы сбиться с пути.
Не вернусь никогда».*

*Всё равно никуда от тебя не уйдёшь,
Моя не вдохновенная ложь!*

4.IV.35

Б. У.

*Что будет дальше – всё известно,
Уж так в веках заведено.
И потому неинтересно
Скользить на илистое дно.*

*Ни слез, ни гнева, ни упреков,
Душа прозрачна, как стекло.
В романе, конченном до срока,
Всё так привычно одиноко,
И так безрадостно светло.*

*В нём всё намечено заранее;
Ничто не обмануло нас:*

*Усталость, разочарованье
От поцелуев на диване,
От слишком откровенных глаз.*

*И подсознательная жалость,
Что жизнь не повернёт назад,
Что света было слишком мало,
И что игра не оправдала
Всех, ею созданных утрат.*

26.V.35

*Стихи о том, что молодость прошла.
Печаль о том, что света было мало.
Слова о том, что мало я жила, –
А уж совсем – по-старчески – устала.*

*Тревога о не наступившем дне
И сны о небывалой тишине.*

?V.35

*Бедность, недомоганье, усталость,
Никому не созвучная грусть,
Никого не согревшая жалость,
Тишина, и стихи наизусть.*

*Поздно ночью в затихшей квартире,
У раскрытого настежь окна,
В этом Богом покинутом мире
Я одна, я, как прежде, одна...*

*По какой-то усталой привычке
Равнодушно слагаю стихи.
Раскрываю покорно кавычки,
Чтобы спрятать чужие грехи.*

*Как всегда – не о счастье, – о боли,
Как всегда – неизвестно о чём,
О каком-то усталом безволье,
О тоске, о тумане ночном.*

*Тот, кто любит – уснул, и не слышит,
Видит, может быть, сон про меня.
А вдали, над покойною крышей, –
Зацветанье усталого дня.*

далекого (?)

последнего (?)

30.VI.35 Ночь

*Не для счастья, – для злобной тревоги,
Для усталых бессонных ночей,
Навсегда позабуду о Боге,
Стану вновь равнодушно-ничьей.*

*Это, может быть, будет не скоро,
Я не знаю, не знаю, когда,
Я покину мой дымчатый город
И уйду из него навсегда.*

*Чтоб на долгой, усталой дороге,
Задыхаясь в горячей пыли,
Тосковать о потерянном Боге,
О потерянной горсти земли,*

*Где свою не воскресишу душу,
Всё, чем жадно и вольно жила,
Человеческому равнодушью
Так бессмысленно я отдала.*

30.VI.35 foret Lu Meudon

*От Бога спасенья не жди,
За боль огневую в груди,
За то, что у воли подрезаны крылья,
За сладкое и неживое бессилье,
За то, что теперь не поймёшь,
Где правда, где ложь,
За все неживые, пустые года,
За испепеляющее «никогда»,
За трудное, страшное слово «уйди»,
За всё, что тебя стережет впереди –
Спасенья, прощенья – не жди!*

17.VIII.35

*Зачем я прихожу в ваш тёмный дом?
Зачем стою у вашей страшной двери,
Не для того ли, чтоб опять вдвоём
Считать непоправимые потери?*

*Опять смотреть беспомощно в глаза?
Искать слова? Не находить ответа?
Чтоб снова было нечего сказать
О главном, о запутанном, об этом?..*

*Вы скоро уезжаете на юг.
Вернётесь для меня чужим и новым.
Зачем я вас люблю, мой тайный друг,
Мой слабый друг, зачем пришла я снова?*

*Простим ли мы друг другу это зло?
Простим ли то, что ускользнуло мимо?
Чтобы сказать спокойно: «Всё прошло,
Так навсегда и так непоправимо».*

II

*Я вас люблю запретно и безвольно...
Полгода проползли, как смутный бред,
За боль, за ложь, за этот гнёт невольный
Ни вам, ни мне уже прощенья нет.*

*Я не кляню и не волную память,
Но видеть вас я больше не хочу.
За этот смех, за эту встречу с вами
Какой тоской я Богу заплачу?*

*За трепет риска и за радость тайны
Я не предаю ушедшие года.
Такой любви – запретной и случайной –
Доверчивого сердца не отдам!*

*Пусть тяжело. Пусть мой покой надломан.
Я вас люблю. (Ведь оба мы в бреду.)
Но в этот дом, где всё мне так знакомо,
Мой тайный друг, – я больше не приду.*

*За что? За то, что слишком мало
Там было блеска и борьбы?
За то, что я не понимала
Своей беспомощной судьбы?*

*За полудетское не знание
Простых вещей – добра и зла?
(Ведь даже в пошленьком романе
Я точку светлую нашла.)*

*За проблеск подлинного чувства?
За ласковое слово «друг»?
Или за то, что неискусно
Вела я сложную игру?*

*За что? За что так зло и чёрство,
Всё предавая, всё кляня,
С таким бессмысленным упорством
Вы отрекались от меня?*

ПОЭМА ДОРОГИ
(ЮРИЮ)

*Вечер пыльных, далёких дорог.
В.Мамченко*

*Толкуем над картою рваной:
– Отсюда свернули сюда,
Вот здесь проезжали рано
Посёлки и города.*

*– А помнишь – вот здесь отдыхали.
Какая была тишина,
А дали, осенние дали,
А воздух, пьянее вина!*

*И снова, как за победой,
За радостной новизной
Скользили велосипеды
Под гору дорогой лесной.*

*За каждым крутым поворотом,
За каждым холмом вдалеке,
Манящее, новое что-то,
Так чуждое зимней тоске.*

*– Да, да. Ну, а вспомним, как зябли,
Как кутались в полы плаща.
Как били холодные капли
Безжалостного дождя!*

*Навстречу ветрам из Ламанша
Не ехали даже, а шли!
...А всё-таки – дальше, дальше...
Компъен... Бове... Андели...*

*Как милы названия эти...
– А помнишь, вот здесь, за Маньи,
Презрев всех жандармов на свете,
Мы даже костёр развели...*

*И снова шины шуришали,
Был в сердце задорный угар.
Над Сеной вечерней блуждали,
Взбирались на замок Гэйяр.*

*Снимались у тёмных развалин,
Снимались в густых камышах.
И не было больше печали,
По-детски светилась душа.*

*Париж нас не ласково встретил.
Мы снова тихо живём.
Нам кажется милым и ветер,
И самый трудный подъём.*

*Теперь нам осталось немного:
Лишь карта на тёмной стене,
Да чёрною ниткой дорога,
И пёстрые флаги над ней.*

17.XI.35

*Такой же день, как девять лет назад.
Всё тот же дождь и в небе те же тучи.
Молчи, молчи! И посмотри в глаза:
Всё тот же день, не хуже и не лучше.*

*Переменились только я и ты.
И стали мы среди суровых будней,
Среди пустой и лживой суеты
Старей, скучнее и благоразумней.*

*Нас напугала дождевая даль.
Мы не поедem в этот день в Версаль
Бродить в глухой, осенней, мокрой чаще
Пустого парка (а пруды, как сталь),
Чтоб вспомнить вновь влюблённую печаль,
Глухую память молодости нашей.*

28.XI.35

*Сегодня день – совсем вчерашний,
В пустом окне – пустой рассвет.
Бормочет дождь с тоской всегдашний
О том, чего на свете нет.*

*Навстречу солнцу и свободе,
В туманной, утренней дали,
За счастьем призрачным уходят
В пустое море корабли.*

*О не свершившемся тоскуя,
Маня в чужие города,
Звения надеждой, в даль пустую
Скользят стальные поезда.*

*И призрачно-неуловимы,
Из темноты, из тесноты,
В пустое небо синим дымом
Летят последние мечты.*

*И так легко, с сознанием ясным,
Не сбившись с трезвого пути,*

*Из жизни тёмной и прекрасной
В пустую вечность перейти.*

8.XII.35

*Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю....*

*Помню – поезд бесшумно рвануло,
Твой последний растерянный взгляд...
(Средь вокзального шума и гула
Ничего не веротишь назад.)*

*Пустота и безжизненность улиц...
(Что мне делать с такой пустотой?)
Об игрушки твои споткнулась,
В темноте возвратившись домой.*

*Вот опять – дожди, непогода,
Гнёт ничем не оправданных дней...
Вот опять – пустота и свобода,
Уже горько знакомые мне.*

*На лазурно-седом океане
Ты во сне встречаешь зарю –
И я слышу твоё дыханье,
На пустую кроватьку смотрю.*

*Твои письма всего мне дороже,
(Не читать их – любовно беречь),
Хоть не сам ты их пишешь, быть может,
Хоть мертва в них французская речь.*

*И мне чудится, как вечерами,
Среди мирно уснувших детей,
Ты тоскуешь о доме, о маме,
Об уютной кровати своей.*

27.I.36

*Этим летом опять поедем
Вдоль далёких дорог – ты и я.*

*Снова будем на велосипеде
Проезжать чужие края.*

*Мы должны побывать в Бретани,
Мы должны... но скорей, скорей!
Как нам страшно в мёрзлом тумане
Умигающих фонарей.*

*Ведь потом ничего не будет.
Мы должны ещё много узнать.
Ведь уходят и годы, и люди,
Торопись, торопись не отстать*

*Мы должны... но молчи об этом!
Только лето у нас с тобой.
Больше мы не увидим света,
Никогда не вернёмся домой.*

*Это наше последнее лето
Перед смертью или войной.*

12.II.36

АНДАЙ

*Ревёт вечерний океан.
Таинственная даль темнеет,
И в нарастающий туман
Вершины прячут Пиренеи.*

*Мигают ярко маяки
На каменных, отвесных кручах.
А небо всё в тяжелых тучах
Полно тревожной и летучей,
Нечеловеческой тоски.*

*Безжизненность пустынных дач,
Пустые улицы, аллеи...
И гул прибоя, будто плач,
Взывает к тёмным Пиреням.*

*А в лиловеющей дали,
Над гладью сонного залива,*

*На узкой полосе земли,
В горах, раскинутых лениво*

*Смешались в прихотливом танце
Огни Испании и Франции.*

15.III.36

*День догорит в неубранном саду.
В палате электричество потушат.
Сиделка подойдет: «Уже в бреду...»
Посмотрит пульс: всё медленней и глуше.*

*Сама без сна, мешая спать другим,
Не буду я ни тосковать, ни биться.
Прозрачный, синий полумрак. Шаги...
А жизни-то осталось – в белом шприце.*

*Ещё укол. В бреду иль наяву?
Зрачки расширяются, окостенеют.
Должно быть, никого не позову,
Должно быть, ни о ком не пожалею...*

*Блеснёт заря над крышами вдали.
Туман дома окутает, как саван.
И в это утро я уйду с земли.
Безропотно. Бестрепетно. Бесславно.*

29.I.36

Ни жить, ни петь почти не стоит...

В.Ходосевич

*Так жить. Почти ни во что не верить.
Почти ничего, ниоткуда не ждать.
Так жить, приближаясь к незаметной смерти.
Так жить, это значит – почти умирать.*

*Уйти от всех. Быть всеми забытой.
Ни о чём не жалеть. Никого не винить.
Никого не прощать. Ведь всё пережито –
И радость, и горе... И не стоит жить.*

*И в душный вечер, который жесток и долог,
Падением тела сломить речную сталь...
За один короткий, сухой некролог,
За равнодушно-брошенное: «Жаль!»*

19.I.36

*Вот стихи о смерти, о разлуке,
О тиши кладбищенской зари.
Вот – мои измученные руки,
– Посмотри...*

*Ничего я сделать не сумела,
Ничего достичь я не могу.
Видно, ты с твоей душою смелой,
Мне не по плечу...*

*Ты не можешь быть простым и грубым,
Не томишь и сердца не губи.
И другим целованные губы,
Если можешь, разлюби...*

*И когда уйду я ночью зыбкой
В мой последний, одинокий путь,
За последней, призрачной улыбкой,
За моей последнею ошибкой –
Посмотри мне вслед – и позабуди...*

20.IV.36

*Будет больно. Не страшно, а странно.
Слишком просто и слишком легко.
Вот расплата за годы обмана,
Вот обещанный «вечный покой».*

*Ни печали, ни слёз, ни тревоги.
Равнодушие во всём и везде.
Будет трудно подумать о Боге,
И неловко смотреть на людей.*

*А потом – (но не всё ли равно?)
Очень холодно, сыро, темно.*

5.VII.36

*Под тёмным полночным покровом
Чуть светит пятно фонаря,
Над городом средневековым
Тяжёлые звёзды горят.*

*Старинные стены и башни,
Прижатые в вечность дома.
На улочке древней и страшной
Тяжёлая древняя тьма.*

*Сплетает усталость ресницы,
В руке неподвижна рука.
Вдали полыхают зарницы
И смотрят из чёрной бойницы
Нам вслед неживые века.*

*Над городом – вечным сияньем –
Тяжёлая звездная твердь.
И где-то – тяжёлым молчаньем –
Уже недалёкая смерть.*

7.VII.36

*Усталой честностью усталый друг,
Последней честностью усталых рук,
Последним мужеством (а силы – нет),
Последней бодростью усталых лет.*

*За всё отчаянье, за боль, за ложь,
За всё ответил ты, и вот живёшь...
За то, что предан был и одинок –
Последней нежностью (как только мог)...*

30.VII.36

*Над широкой вечерней равниной
Память незабываемых дней.
Да в улыбке подросшего сына
Слабый отблеск улыбки моей.*

*Груды старых тетрадок на полке,
Пачки писем (когда? от кого?)
Чьей-то жизни слепые осколки.
А потом – ничего. Ничего...*

*Много скудных стихов,
Да ещё
Крест, обвитый зелёным плющом.*

20.VIII.36

Виктору Мамченко

*Ты знаешь сам – таков от века
Закон, нам данный навсегда:
От человека к человеку –
Дорога боли и стыда.*

*За проблеск теплоты минутной –
Цена невидимых утрат,
И непреодолимо трудно
Сказать простое слово: брат.*

*И если для тебя дороже
Твой невзволнованный покой,
– Не отзывайся на тревожный
И жадный зов души другой.*

*Очнись от жалости невольной,
Останови последний шаг:
Почти всегда бывает больно,
Когда раскрывается душа.*

21.VIII.36

*...И каждый новый промелькнувший город,
И в Сен-Мало торжественный прибой,
И силуэты башен над водой,
И кружева Руанского собора –*

*За эти три опустошённых дня
Так страшно вдруг поблекли для меня.*

15.IX.36 Эрувиль

*Мои слова о верности и боли,
Мои слова, нежней которых нет,
Не растеряй в своей слепой неволе,
Мои слова, похожие на бред.*

*От жарких слёз опухнувшие веки,
Стихи о том, что невозможно жить...
Я знаю, как жестоко в человеке
Желание – всё поскорей забыть.*

*Припомни всё в короткий миг утраты,
Когда в вечерний, в неурочный час
Притихшею больничною палатой
Пройдёшь ко мне. Уже в последний раз.*

25.XI.36

*Я покину мой печальный город,
Мой холодный, неуютный дом.
От бесцельных дел и разговоров
Скоро мы с тобою отдохнем.*

*Я тебя не трону, не встревожу,
Дни пойдут привычной чередой.
Знаю я, как мы с тобой несхожи,
Как тебе нерадостно со мной.*

*Станет в доме тихо и прилично, –
Ни тоски, ни крика и ворчли...
Станут скоро горестно-привычны
Без меня кружащиеся дни...*

*И, стараясь не грустить о старом,
Рассчитав все дни в календаре,
Ты один поедешь на Луару
В призрачно-прозрачном сентябре.*

*И вдали от горестной могилы,
Где-то там, в пути, на склоне дня,
Вдруг почувствуешь с внезапной силой,
Как легко и вольно без меня.*

11.XII.36

*Я хочу, чтоб меня позабыли,
Не жалея и не кляня.
Даже те, что когда-то любили,
Ведь любили когда-то меня.*

*Я хочу умереть одиноко,
Как последние годы жила.
Самым близким и самым далёким
Я всегда только лишней была.*

*Я хочу без упрямства и злобы
(Ведь ни друга нет, ни врага),
Чтоб за белым некрашенным гробом
В день унылый никто не шагал.*

*Я хочу, чтоб меня позабыли
(Ведь при жизни не помнит никто)
И чтоб к тихой моей могиле
Никогда не приблизился тот.*

11.XII.36

*Пока горят на ёлке свечи
И глазки детские горят,
Пока на сгорбленные плечи
Не давит тяжестью закат,*

*Пока обидой злой и колкой
Не лжёт придушенная речь,
И пахнет детством, пахнет елкой
И воском разноцветных свеч, –*

*Я забываю все волненья
И завтрашний, тяжелый день,
И от весёлой детской лени.
Впадаю в старческую лень.*

*Смотрю на детскую улыбку,
Склоняюсь к нежному плечу,
Не называю всё ошибкой
И даже смерти не хочу.*

29.XII.36

*Всё пережить: холодный голос,
Мысль о бессмысленном конце,
И сквозь предательство и подлость
Пройти, не изменясь в лице.*

*От глупой и нестрашной раны,
От униженья и стыда,
Должно быть, никогда не встану
И не оправлюсь никогда.*

*Уже давно без слёз и злобы
Могу спокойно говорить,
Но не сумею (и за гробом)
Ни оправдать, ни позабыть.*

*Я эту боль приму навеки,
Не жалуясь и не кляня,
Боль о ничтожном человеке,
Который не любил меня.*

30.XII.36

*Что скажу я маленькому сыну?
Чем себя посмею оправдать?
– Если я сейчас тебя покину,
Значит, я была – плохая мать.*

*Значит, сердцу было очень больно,
Значит, силы не хватало жить.
Значит, сердце стукнуло: довольно!
Как же быть?*

*Я оставляю не большую память
(Жизнь моя большою не была),
Вспоминая о покойной маме,
Будешь думать: «мама не могла».*

*Не согнись от первого страданья
(Еще много горя впереди),
А когда большим и сильным станешь –
Слабую меня не осуди.*

18.II.37

Считать толково километры,
На карте намечая путь,
Учесть подъёмы. Силу ветра.
Что посмотреть. Где отдохнуть.

Решить внимательно и строго,
Что нужно брать с собой, что – нет.
Вязать пуловеры в дорогу
И чистить свой велосипед.

Мечтать о воздухе хрустальном,
О тишине лесов и рек,
О городке провинциальном,
Где будет ужин и ночлег.

И в настроении прекрасном
На карту заносить пути.
Пока не станет слишком ясно,
Что больше некуда идти.

30.II.37

Проходят дни – во сне, как наяву.
И с каждым днём устало стынет сердце.
Ласкает солнце влажную траву.
А я всё равнодушнее живу
И всё спокойней говорю о смерти.

Шумит в лесу весенняя листва
Над золотом неяркого заката.
Слетают с губ усталые слова...
Мне холодно. И руки без перчаток
По-зимнему я прячу в рукава.

Сгорают медленные дни.

И вдруг

Приходит неожиданная старость...
– За дни любви, за немощный недуг,
За очертания любимых рук,
За все слова... Ещё за слово: «друг»,
За всё, что у меня ещё осталось.

*Я всё люблю: лесную тишину,
И городов широкое движенье.
И, пережив последнюю весну,
Я в жизни ничего не прокляну,
Но и отдам её без сожаленья.*

21.V.37

*Есть такое слово: «не могу».
Глупое такое слово.
Словно стон, оно слетает с губ
В тишине отчаянья глухого.*

*«Не могу»... и слёзы на глазах,
Жалкие, беспомощные слёзы.
И отчаянье, и стыд, и страх,
И кому-то скрытая угроза.*

*Руки жалобно спадают с плеч
И висят безжизненно, как плети...
– Значит, больше нечего беречь,
Кроме призрачной мечты о смерти.*

*Но в каком-то дьявольском кругу
Сердце бьётся и тоскует снова...
Глупенькое слово: «не могу»,
Грустное такое слово.*

8.VII.37

*Лета не было в этом году.
Лето кануло в тёмном бреду.*

*В жутком мраке пустых и бессолнечных дней,
Где теперь с каждым днём холодней.*

*Ты один в ореоле бесснежной зимы,
Где навеки несхожие мы.*

*Я одна в темноте, где надежда и ложь.
Ты в мою темноту не сойдёшь.*

*Лета не было в этом году.
А зимой я тебя не найду.*

23.VII.37

*Вот прошла я, подобная многим,
(Так легко ведь идти за толпой)
По прямой и бесславной дороге,
С одинокой и бедной душой.*

*Жизнь прожить хорошо не сумела,
Ничего не оставила в ней,
Волоча своё слабое тело
Через толищу бессмысленных дней.*

*И печаль моё сердце тревожит,
Сердце, ставшее камнем давно:
– Что же я донесу Тебе, Боже,
Если мне ничего не дано?*

4.VIII.37

*К чему теперь высокомерье,
Мой честный, безупречный путь?
Кого и в чем я разuverю,
Кого сумею обмануть?*

*И кто найдёт меня прекрасной
В недостижимости такой,
С такой непогрешимо-ясной
И слишком трезвою душой.*

*И для чего теперь певучий,
Мой правильный, чеканный стих,
Когда я знаю, что не лучше
Таких же тысячи других.*

*Когда я знаю (втайне где-то,
Наедине сама с собой),
Что жизнь моя была согрета
Одной бессмысленной мечтой.*

4.VIII.37

*Живу – а чем? – сама не понимаю.
Уходят в ночь ненужные года.
Ни об Испании, ни о Китае,
Ни даже о России – никогда
Не думаю. В безжизненном покое
Лежит опустошённая душа.
Уходит жизнь.*

*И вся она не стоит
Поломанного жалкого гроша.*

6.I.38

МОЙ ДОМ

*Я ненавижу мой угрюмый дом,
Ненужных дней усталое круженье,
И в зеркале своё изображение,
И тот хаос, в котором мы живём.*

*Я не сумела (просто не сумела)
Создать тепло, весёлость и уют.
Как скучно всё, как всё не мило тут,
Как нестерпимо надоело.*

*Я часто чувствую себя чужой,
Обидно обездолённой и жалкой.
Не матерью, не другом, не женой –
Любовницей, кухаркой или нянькой.*

*И в этом доме жизнь моя прошла,
Здесь обносилась и душа, и тело,
Но ничего я сделать не смогла,
И ничего поправить не сумела.*

26.I.3

(Это не совсем верно, конечно.
Я хотела кончить его словами:
«Единственная точка на земле,
Где я нужна, где, всё-таки, я – дома»,
Да не могла подобрать рифмы...)

*Целый день, целый вечер – тревога.
Всё равно ничему не помочь.
Целый день я просила у Бога
Дать мне добрую, тихую ночь.*

*И во сне, задыхаясь, кричала.
(Не услышал расчётливый Бог!)
Я устала. Я очень устала
От безделья, от слёз, от тревог.*

*Я устала от медленной скуки,
От бессильной и злобной тоски.
Я до крови царапала руки
И до боли сжимала виски.*

*Впереди ничего не осталось.
(Беспокоить не стоит Творца!)
Только день, равнодушие, усталость
Вез конца, без конца, без конца...*

1. II. 38

ЛИЛЕ

*Свой дом. Заботы. Муж. Ребёнок.
Большие, трудные года.
И от дурашливых девчонок
Уж не осталось и следа.*

*Мы постарели, мы устали,
Ни сил, ни воли больше нет.
А разве так мы представляли
Себе вот эти десять лет?*

*Забыты страстные «исканья»,
И разлетелось, словно дым,
Всё то, что в молодости ранней
Казалось ценным и святым.*

*Жизнь отрезвила. Жизнь измяла.
Измаяла. На – нет свела.*

*В кафе Латинского квартала
Нас не узнают зеркала.*

*– А где-то, в пылком разговоре
Скользит за часом шумный час.
А где-то вновь до ссоры спорят –
Без нас, не вспоминая нас...*

*Уходит жизнь. А нас – забыли.
И вот уж ясно навсегда,
Как глупо мы продешевили
Испепелённые года.*

1.П.38

*Растерять всех друзей и врагов не нажить.
Всё копить и хранить – и остаться вдруг
нищей,
– Это жить в пустоте, это – в холоде жить,
В никогда не целованном солнцем жилище.*

*Это значит, что жизнь умерла навсегда,
Что её заменила большая усталость,
Это значит, что кроме любви и стыда
Ничего не осталось.*

*Это значит, что сердце застыло навек,
И что я уже – не человек.*

2.IV.38

*Я – человек второго сорта,
Без «широты» и «глубины».
И для чего, какого черта,
Такие люди рождены?*

*Зачем? – Чтоб нищенкой унылой
Топтаться на чужом пути?
От колыбели до могилы
Себе приюта не найти?*

*Всегда никчёмной и забытой
Всего бояться, всё терпеть,
Чтоб у разбитого корыта
Последней душой умереть?*

*Чтоб ничего не понимая,
Смотреть в любимые глаза,
За бесконечной чашкой чая
Весь вечер слова не сказав...*

*Молчать весь вечер, дни за днями,
Молчать всю жизнь, молчать всегда,
Чтоб никомушными стихами
Вились ненужные года.*

*Так жить, – смешно и неумело,
Не сделав ровно ничего,
Прислушиваться в мире целом
Лишь к бьенью сердца своего.*

*И на кровати, в ночь глухую,
В ночь униженья, ночь без сна,
В давно привычном поцелуе
Испить отчаянье до дна.*

2.IV.38

*Если эта тетрадь
После очередной неудачи
Не сверкнёт новой рифмой опять,
– Это значит – мучительно значит –
Что давно уже сердце не плачет,
Что оно научилось молчать.*

5.V.38

*От женских слёз – до нежности мужской,
От слов тоски – до исступлённой страсти.
Не трудно утешать в беде большой
Словами одиночества и счастья.*

*Но трудно даже помогать в борьбе
Хорошим, умным и спокойным словом.
Ты дал мне столько нежности суровой
За все стихи и слёзы о тебе.*

*Но – если грозы напряжённой стаей
Давно уж пронеслись над головой?
Но – если жизнь, бессмысленно-пустая,
Плывёт без драм, без бурь, без ничего?*

*Ты жизнь прошёл – дорога-то большая!
Всё жадно чувствуя, всё замечая,
И не увидел сердца моего.*

6.V.38

*Я хочу человеческой жалости,
Хоть немножко чужого тепла.
Я заплакать могу от усталости
(Я которую ночь не спала!)*

*Мне не стыдно признаться в бессилии,
В неудачах во всём и везде.
Всё равно: и не вырастут крылья,
И рука не окрепнет в труде.*

*Всё равно: ничего не изменится,
Всё, как было, везде и всегда.
Доживу добровольною пленницей
Бесполезно-пустые года.*

*И в тоске по ненужной свободе,
По каким-то забытым словам,
Жизнь уходит, уходит, уходит...*

16.VI.38

ОКНО В СТОЛОВОЙ

*Снова – ночь. И лето снова
(Сколько грустных лет!).
Я в накуренной столовой
Потушила свет.*

*Папироса. Пламя спички.
Мрак и тишина.
И покорно, по привычке
Встала у окна.*

*Сколько здесь минут усталых
Молча протекло!
Сколько боли отражало
Тёмное стекло.*

*Сколько слов и строчек чётких,
И ночей без сна
Умирало у решётки
Этого окна...*

*В отдаленье – гул Парижа,
(По ночам – слышней).
Я ведь только мир и вижу,
Что в моём окне.*

*Вижу улицу ночную,
Скучные дома,
Жизнь бесцветную, пустую,
Как и я сама.*

*И когда тоски суровой
Мне не превозмочь,
Я люблю окно в столовой,
Тишину и ночь.*

*Прислонясь к оконной раме
В темноте ночной,
Бестолковыми стихами
Говорю с тобой.*

*И всегда тепло и просто
Отвечают мне
Наши камни, наши звёзды
И цветы в окне.*

26.VI.38

Ещё госпиталь снится ночами,
Ещё дома, как будто в гостях.
Непривычно и странно вначале...
И усталость... Но это пустяк.

Напряжённые слухи. Газеты.
Разговоры о близкой войне.
И тревога, сверлящая где-то,
И бессилье, как будто во сне...

И, сплетая привычные строфы,
Смутно чувствуя в хаосе тьмы
Приближенье большой катастрофы
И, быть может, – последней зимы...

Я брожу по осеннему парку,
Разгоняя ненужную грусть.
Жду письма со швейцарскою маркой
И уже ничего не боюсь.

14.II.38

Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию.
«Новую жизнь» всё равно уже мне не начать.
Годы прошли беспощадно-бесцельно-пустые
И наложили на всё неживую печать.

Жизнь прошаталась в тумане обманчиво-сером,
Где даже отблеск огня не сверкал вдалеке.
Нет у меня ни отчизны, ни дружбы, ни веры –
Зыбкое счастье на зыбком и мёртвом песке.

А впереди – беспощадная мысль о расплате:
Боль отречения, позор примиренья с судьбой
Белая койка в высокой и душной палате.
Крест деревянный, сколоченный верной рукой.

23.XI.38

Я Богу не молюсь и в церковь не хожу.
России не люблю, не плачу об утрате.

*Нет у меня друзей... И горько я слежу,
Как умирает день на медленном закате.*

*Как умирает жизнь, – спокойно, не спеша,
Как каждый день ведёт навстречу смерти.
Умрут мои стихи. Умрёт моя душа.
Зароют глубоко истерзанное тело.*

*Конец? – Так что ж? Ведь мне себя не жаль.
Последний, тайный стон последней грусти.
О чём моя тоска? О ком моя печаль?
Зачем моя любовь и боль ночных предчувствий?*

*От неподвижных дней, от равнодушных встреч
– Одна лишь пустота, усталость и досада.
Мне нечего жалеть, и нечего беречь.
И некуда идти, и ничего не надо.*

9.XII.38

*Мне холодно. Мне хочется согреться.
Сесть ближе к печке. Пить горячий чай.
И слушать радио. И сквозь печаль
Следить, как стынет маленькое сердце.*

*Как стынет это сердце. А в ответ –
Огромный холод в равнодушном мире,
Да музыка, скользящая в эфире
С прекрасных и невидимых планет.*

*С «прекрасных и невидимых»? – Едва ли.
...Большой концерт в большом парижском зале.*

*Мне очень холодно. Не превозмочь
Моей, ничем не скрашенной печали.*

*– И там, на улице, где стынет ночь,
– И там, где музыка, в притихшей ложе, –
Там холодно и одиноко тоже.*

21.II.39

*Ещё лет пять я вырву у судьбы.
С безумием, с отчаяньем и болью.
Сильнее зова ангельской трубы –
Неумирающее своеволие.*

*Ещё лет пять, усталых, грустных лет,
Всё, что прошу, что требую у Бога,
Чтоб видеть солнечный, весёлый свет,
Ещё смотреть, ещё дышать немного.*

*Чтобы успеть кому-то досказать
О жизни торопливыми словами...
Чтоб всё, что накопила, растерять
Под не прощающими небесами.*

Ещё лет пять хотя бы...

А потом –

*Тяжёлый воздух городской больницы,
Где будет сердце стыннуть с каждым днём,
Пока совсем не перестанет биться.*

17.IV.39

*Мне всё равно – куда и от кого
Я ухожу бесцельною дорогой.
Мне всё равно...*

От счастья моего

Осталась только смутная тревога.

*Тоска и жалость. Больше ничего.
Слепая жалость. Да и той немного.*

30.IV.39

*С каждым годом всё дальше и дальше
Так и будет – больней и больней.
Сероглазый, беспомощный мальчик
Скоро выйдет из жизни моей.*

*Станет скоро большим, своенравным,
Плох, хорош ли – не всё ли равно?*

*Будет брать он у жизни по праву
Всё, что только ему суждено.*

*Расшибётся ли или добьётся, –
Загорится ли ярким огнём, –
Но уже никогда не вернётся
В свой задорно покинутый дом.*

*В дом холодный, безмолвный, пустынный,
Где осталась навеки молчать
Ничего не принеся сыну,
Ничего не сумевшая мать.*

2.V.39

PENTECÔTE

Юрию

*Два быстрых дня, вернее – полтора,
И между ними – ледящий ветер.
Кафе, да улицы – так до утра,
И холод у вокзала на рассвете,*

*Прозрачный сумрак в улицах пустых,
Когда мы снова шли, – и коченели.
И первый луч, проникший сквозь кусты,
Застывший на стволе высокой ели.*

*Пустынный лес. И холод без конца.
И радость, наполняющая сердце.
Две тени у дворцового крыльца,
В бессмысленной надежде – отогреться.*

*Потом – большой, торжественный дворец.
(Ведь это стоит многих километров!)
И это солнце, солнце, наконец,
Наперекор отчаянью и ветру!*

*Огромный лес, таинственный в глуши,
Где дьяволом разбросанные скалы.
И снова хруст велосипедных шин,
И двое нас – весёлых и усталых...*

*И – всё! Чтоб много месяцев потом
Мне вспоминать о ночи у вокзала,
О холоде, о радости вдвоём,
И сожалеть бессмысленно о том,
Что этого не повторить сначала.*

30.V.39

*Обвей мой крест плющом зелёным,
Чертой могилу обведи.
И всё! Ни жалости, ни стоны,
Не поминай церковным звоном,
И никогда не приходи.*

*Пусть зарастёт моя могила
Колючей, сорною травой.
Ведь ты на кладбище унылом
Уже не встретишься со мной.*

*И только у окна, в столовой,
В ночной, томящей тишине,
Пусть будет тихой и суровой
Скупая память обо мне.*

24.VI.39

*Пасьянс не сошёлся. Я снова одна.
За плотною ставней большая луна –
Ясней фонарей освещает весь город.
Все в доме уснули. И полночь скоро.*

Как трудно подумать: война.

*Я знаю, что надо бороться и жить,
Почти – против силы. Почти – против воли.
Что многое надо принять и простить.
Ну, что ж? Я прощу. И приму – поневоле.*

*Я знаю, что надо быть твёрдой, как сталь,
Что нужно поднять непокорные руки.
И трепет – быть может, последней – разлуки
Бесследно нести в равнодушную даль.*

Так надо. Я знаю.

*А я – я готова без счёта платить
За зыбкое счастье не бывшего рая,
За ветошь почти нелюбимого дома –
Любым пораженьем, позором, разгромом –
.....
Конечно, об этом нельзя говорить.
Я знаю.*

30.IX.39 Шартр

*Это значат – никогда на свете,
Ни на этом свете, ни на том.
Это значит – только чёрный ветер
За большим заклеенным окном.*

*Это значит, что во всей вселенной –
Безнадёжный, бесконечный дождь.
Значит, – ветры воют, как сирены,
(Или – шум в ушах, – не разберёшь!)*

*Это значит, что не спится ночью,
– Как-то нудно, холодно, темно...
Ах, завывать бы с ветром заодно,
Не по-человечески, – по-волчьи.*

14.X.39

*Когда сердце горит от тревоги,
А глаза холоднее, чем сталь, –
Я иду по парижской дороге
В синеватую, мгlistую даль.*

*Начинает дождливо смеркаться,
Тень длиннее ложится у ног.
Никогда не могу не поддаться
Притязательной власти дорог!*

*Как люблю я дорожные карты,
Шорох шин, и просторы, и тишь...*

*А куда бы ни выйти из Шартра –
Все дороги уводят в Париж.*

*И часами безмолвно и строго,
Плохо скрыв и волнение, и грусть,
Я смотрю на большую дорогу,
По которой назад не вернусь.*

14.X.39 Шартр

*О чём писать? О лете, о Бретани,
О грузном море у тяжёлых скал,
Где рёв сирен (других сирен!) в тумане
На берегу всю ночь не умолкал.*

*О чём ещё? О беспощадном ветре,
О знойной и бескрайней синеве,
О придорожных столбиках в траве,
Считающих азартно километры?*

*О чём? Как выезжали утром рано
Вдоль уводящих в новизну дорог.
И как старик, похожий на Бриана,
Тащился в деревенский кабачок?*

*Как это всё и мелко, и ничтожно
В предчувствии трагической зимы.
И так давно, что просто невозможно
Поверить в то, что это были мы.*

*Теперь, когда так громко и жестоко,
Сквозь нежный, синевеющий туман,
На нас, потерянных – летит с востока
Тяжелый вражеский аэроплан.*

22.I.39
Шартр

*К чему, к чему упрямая тревога?
Холодный год уж клонится к весне.
Мой сын здоров. Мой муж не на войне...
О чём ещё могу просить у Бога?*

6.I.40

*Нас разделяют двадцать лет,
И столько разочарований!
И ветры горестных скитаний
Там – замели мой слабый след.*

*А здесь его и вовсе нет.
Но здесь кончается дорога
Скитаний, бедствий и труда.
Я притулилась у порога
Чужого дома – навсегда.*

*И с благодарною любовью
Твержу, забыв мой старый дом:
– Да будет мир над этой кровлей,
Над этим тихим очагом!*

9.I.40

*Грустно думаю. Пишу. Тоскую.
Повторяю скучные дела.
Вспоминаю молодость пустую,
Оттого, что молодость прошла.*

*Больше ничего не проклиная.
И не жду. И не схожу с ума.
Солнечное лето вспоминаю,
Потому что за окном – зима.*

*И одна, считая километры,
По дороге в тающую мглу, –
Я кричу отчаянью и ветру,
Оттого, что больше не могу.*

31.I.40

*Мне всё давно уже не мило –
Ни день, ни ночь, ни свет, ни мгла.
Я всё, что некогда любила, –
Забыла или предала.*

*Мне надоело быть печальной,
И всё прощать, и всё терпеть,
Когда на койке госпитальной
Так просто было умереть*

*В тоске, блаженной и крылатой,
Я задыхалась и – спала.
Мелькали белые халаты,
Вонзалась острая игла...*

*Чтоб снова, из последней силы
Влачить бесцельно день за днём,
Чтоб вновь войти в свой дом унылый,
В холодный, неуютный дом....*

*А в памяти всё неотступней –
Прозрачная, ночная мгла,
Где смерть была такой доступной
И почему-то обошла.*

10.III.40
Париж

*Ночь прошла. За окном рассвело.
– Милый друг, я сегодня уеду.
Всё, что было, – прошло, отошло,
Уподобилось глупому бреду.*

*Я давно ничего не хочу –
Ни тепла, ни любви, ни улыбки:
Слишком крупной ценой я плачу
За желанья свои и ошибки.*

*Будто след от весла на воде –
Были годы бесцельно-пустые.
Даже этот трагический день
Догорит, как и все остальные.*

*Я устала. Мне время уйти.
Слишком трудно шагать в непогоду.
Нам давно уже не по пути,
Милый друг, ты оценишь свободу.*

*Ты увидишь большие года
Напряженья, борьбы и победы...
Рассвело. Я сегодня уеду,
И уже не вернусь никогда.*

31.III.40
Париж

*Дотянуть бы еще хоть три месяца,
Из последних бы сил, как-нибудь.
А потом – хоть пропасть, хоть повеситься,
Всеми способами – отдохнуть...*

*Я устала. Хожу, спотыкаясь,
Мну в полях молодую траву.
И уже безошибочно знаю,
Что до осени не доживу.*

*Здесь так тихо, так просто, так ясно,
Но так трудно томиться и ждать.
И в мой город – чужой и прекрасный –
Я в июле вернусь умирать.*

*Там, в палате знакомой больницы –
Примиренье с нелёгкой судьбой.
Мне ночами настойчиво снится
Койка белая, номер шестой.*

*И, проснувшись, – вдали от Парижа –
В розовеющей мгле, поутру,
Я, взглядевшись, отчётливо вижу
Свой тяжёлый, уродливый труп.*

8.IV.40
Шартр

*В маленьком, чистом, пустынном сквере
Чуть зеленеет листва.
День, по-весеннему тёплый и серый.
Воздух, пьянящий едва.*

*Этой весной, неустойчиво-зыбкой,
Кончен какой-то срок.
Маленький мальчик с маленькой скрипкой
Мимо прошёл на урок.*

*Больше не стоит ни ждать, ни верить.
Жизнь – невесомо-легка.
...В маленьком, тихом, безлюдном сквере
Маленького городка.*

14.IV.40

Шартр. В сквере, за лицеем

Белеет парус одинокий...

М.Лермонтов

*Ещё томят воспоминанья,
Во взгляде грусть и пустота.
А за окном плывут в тумане
Уже знакомые места.*

*И с каждым поворотом круче
Упрёк свивается узлом...
Дорожной грустью неминучей
Большие стёкла занесло.*

*Давно перемешались сроки,
Вся жизнь – какой-то чад, угар.
– Как в море – парус одинокий,
В полях скользящий автокар.*

*И пусть ему уж нет возврата
В покинутые города,
А сердце сковано и сжато
Железным словом «никогда».*

*Вот всё бы так, без слез, без смеха
– Не находить, не покидать, –
А просто ехать, ехать, ехать...
И никуда не приезжать!*

14.IV.40

Шумный ветер деревья ломит,
Резкий ветер с холодных полей.
Мы не спим в нашем маленьком доме,
Будто в бурю на корабле.

Наверху прикорнули дети.
Дверь во тьму заперта на ключ.
И шумит оголтелый ветер,
Нагоняя обрывки туч.

Напряжённые и строги лица:
Все испробованы пути,
Всё равно – никуда не скрыться,
От отчаянья не уйти!

За окном ничего не видно.
Чёрный ветер шатает дом.
– Как бессильны мы, как беззащитны
В урагане, в жизни, во всём.

Одиноко, холодно, сыро.
Стынет чайник на длинном столе...
...Будто выброшенные из мира
На потерянном корабле...

19.IV.40
Ночью

(вариант)

Белеет парус одинокий.
М.Лермонтов

*Деревья редкие мелькают,
Да телеграфные столбы.
Рулём упрямо управляет
Рука бессмысленной судьбы.*

*И с каждым поворотом – круче
Упрёк свивается узлом.*

*Дорожной грустью, неминучей
Большие стёкла занесло.*

*Давно перемешались сроки,
Вся жизнь какой-то чад, угар...
Как в море – парус одинокий,
В полях скользящий автокар.*

*И пусть ему уж нет возврата
В покинутые города,
А сердце сковано и сжато
Железным словом «никогда».*

*И пусть ещё в порывах ветра
Звучит прощальное «вернись».
И с каждым новым километром
Всё дальше конченные дни.*

*Ведь так легко, теряя память,
Среди безжизненных полей,
Нестись спокойно и упрямо
Навстречу гибели своей.*

1.V.40
Шартр

*Зачем меня девочкой глупой
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?*

*Сбываются сны роковые,
Так видно уж мне суждено –
Америка – или Россия –
О Боже, не всё ли равно?*

*За счастьем? Какое же счастье.
Ведь молодость вся прожита.
Разбилась на мелкие части
О маленьком счастье мечта.*

*Так кончилось всё. Неужели
Сначала весь нищенский путь?
Без веры, без смысла, без цели,
С последней мечтой – отдохнуть.*

*...От голода, тюрем и стонов,
От холода бледной зимы,
От грузных ночных авионов
Среди напряжённейшей тьмы...*

*Сначала – дорогой унылой,
(Как гонит нужда и тоска!)
Сгребая последние силы
Для третьего материка...*

*А там (это время настанет),
За эту невольную ложь,
За годы бездомных скитаний
Ты также меня упрекнёшь.*

17.X.40
Париж

*Жизнь прошла, отошла, отшумела,
Всё куда-то напрасно спеша.
Безнадёжно измучено тело
И совсем поседела душа.*

*Больше нет ни желанья, ни силы,
Значит, кончено всё. Ну, и что ж?
– А когда-нибудь, мальчик мой милый,
Ты стихи мои все перечтёшь.*

*После радости и катастрофы, –
После гибели, – после всего, –
Весь мой опыт – в беспомощных строфах –
Я тебе завещаю его.*

21.X.40

*Живи не так, как я, как твой отец,
Как все мы здесь, – вне времени и жизни.*

*Придѣт такое время, наконец, –
Ты помянешь нас горькой укориной.*

*Что дали мы, бессильному тебе?
Ни твёрдых прав, ни родины, ни дома.
Пойдѣшь один дорогой незнакомой
Навстречу странной и слепой судьбе.*

*Пойдѣшь один. И будет жизнь твоя
Полна жестоких испытаний тоже.
Пойми: никто на свете (даже – я!)
Тебе найти дорогу не поможет.*

*Иди везде, ищи в стране любой,
Будь каждому попутчиком желанным.
(Не так, как я. Моя судьба – чужой
Всю жизнь блуждать по обречѣнным странам!)*

*Будь твёрд и терпелив. Неси смелей,
Уверенней – свои живые силы.
И не забудь о матери своей,
Которую отчаянье сломило.*

21.X.40

*Где-то пробили часы.
– Всем, кто унижен и болен,
Кто отошёл от побед –
Всем этот братский привет
С древних, ночных колоколен.*

*Где-то стенанье сирен
В мёрзлом и мутном тумане.
Шум авионов во мгле,
Пушечный дым на земле
И корабли в океане...*

*– Господи, дай же покой
Всем твоим сгорбленным людям:
Мирно идущим ко сну,
Мерно идущим ко дну,
Вставшим у тѣмных орудий!*

3.XI.40

*...«Земля надела белое платье ...»
– Так начала я писать стихи.
И уж давно не могу понять я
Милой своей чепухи.*

*Так начала я юные годы,
– Война – скитания – борьба, –
Призрак весёлой и странной свободы,
Значит – такая судьба.*

*Жизнь прошаталась в глухом напряжении
Трудных и страшных лет.
Видела я лишь одни поражения
И никогда – побед.*

*Рушились зданья, рушились страны,
Всё обращалось в прах.
Снова и снова летят ураганы,
Снова – сомненья и страх.*

*Знала я труд, болезни, усталость,
Ложь утешающих слов...
– А от всего лишь тетрадка осталась,
Только тетрадка стихов.*

*Эти бескрылые, грустные строчки
Даже неловко читать.
Что же? Пора уж поставить и точку,
Просто и трезво – кончать.*

*Ведь и не надо даже усилий,
Чтоб и меня отвезли
В чёрном, уродливом автомобиле
К аэродрому Орли.*

*(А в темноте прилетят англичане,
Сбросят снаряды, – и тут
В тихое кладбище, остров печали,
Вместо Орли попадут.*

*Так, и в могиле не видно покоя,
Значит, мой жребий таков).
...Жизнь оказалась тетрадкой простою,
Только тетрадкой стихов...*

*В новом предчувствии новых скитаний,
В хаосе белой зимы,
Снова мы смотрим, как рушатся зданья,
Только – устали мы.*

*Холодно. Страшно. Пора умирать
Мглистой парижской зимой,
Лучше, чем ехать куда-то «домой»...
...«Земля надела белое платье»...*

3.XII.40

*Войной навек проведена черта,
Что было прежде – то не повторится.
Как изменились будничные лица!
И всё – не то. И жизнь – совсем не та.*

*Мы погрубели, позабыв о скуке.
Мы стали проще, как и всё вокруг.
От холода распухнувшие руки
Нам ближе холенных, спокойных рук.*

*Мы стали тише, ничему не рады,
Нам так понятна и близка печаль
Тех, кто сменил весёлые наряды
На траурную чёрную вуаль.*

*И нам понятна эта жизнь без грима,
И бледность просветлённого лица,
Когда впервые так неотвратимо,
Так близко – ожидание конца.*

12.I.41

*Только вина во многом
Перед людьми и собой,*

*Перед взыскательно-строгой
Не обделившей судьбой.*

*Близость жестокой расплаты
За неживые года.
Руки беспомощно сжаты,
Сердце стучит: «никогда!»*

*И неживая усталость
Клонит к последнему сну.
Жизни немного осталось,
Чтоб искупить вину.*

21.I.41

*Просыпались глухими ночами
От далёкого воя сирен.
Зябли плечи и зубы стучали,
Беспросветная тьма на дворе.*

*Одевались, спешили, балдели,
И в безлюдье широких полей
Волочили из тёплой постели
Перепуганных сонных детей.*

*Поднимались тропинкою в гору,
К башкам прилипла земля.
А навстречу – холодным простором –
Ледяные ночные поля.*

*В темноте, на дороге пустынной,
Зябко ёжась, порой до утра,
Подставляя озябшую спину
Леденящим и острым ветрам.*

*А вдали еле видимый город
В непроглядную тьму погружён.
Только острые башни собора
Простирались в пустой небосклон,*

*Как живая мольба о покое,
О пощаде за чью-то вину.*

*И часы металлическим боем
Пробуравливали тишину.*

*Да петух неожиданно-громко
Принимался кричать впопыхах.
А в руке ледяная ручонка
Выдавала усталость и страх...*

*...Так – навеки: дорога пустая,
Чернота неоглядных полей,
Авионов пчелиная стая
И озябшие руки детей.*

23.I.41

*Бледной, неряшливой, очень и очень усталой
Снова, как прежде, я молча к тебе подошла.
Видишь, какой я теперь некрасивую стала.
Жизнь обтрепала, обжулила и – предала.*

*Только порой задыхается подлая жалость.
Сладостно жжёт, поднимается с мутного дна.
Только подумать, что жизни так мало осталось,
Страшно подумать: она никому не нужна.*

*Друг мой... когда-то мы были большими друзьями,
Друг мой, подумай: я будто давно умерла,
Много ли верст и столетий легло между нами,
И не меня отражают твои зеркала.*

*Это – не я. Это только забытая кличка,
Стёртая память ушедших и проданных дней.
Боль моя стала твоей равнодушной привычкой,
Жизнь моя стала привычною болью твоей.*

8.II.41

*Такие сны, как редкостный подарок,
Такие сны бывают раз в году.
Мой день сгорал, Да он и не был ярок,
День догорал в неубранном саду.*

*Проходят дни, как злобные кошмары,
Спаленные тревогой и тоской.
А ночью сны о лавках и базарах,
Где сыр без карточек и молоко.*

*И вдруг среди заботы и обмана,
Средь суеты, в которой я живу,
Приснится то, что близко и желанно,
Что никогда не будет наяву.*

25.II.41

ИГОРЮ

*«Двенадцать лет без перерыва!
«Двенадцать лет! Огромный срок!»
А сердце бьётся терпеливо,
Твердит заученный урок.*

*Двенадцать лет – без перемены –
Толчками сердца – вновь и вновь –
Бежит в твоих упругих венах
Моя бунтующая кровь.*

*И в жизнь войдя большим и смелым,
Сквозь боль отчаянья и ложь,
Слова, что я сказать не смела,
Ты за меня произнесешь.*

9.V.41

*Очень большая усталость,
Очень простые слова –
Всё, что от жизни осталось,
Всё, чем ещё я жива.*

*Всё, что осталось от звонких
И патетических слов.
Жизнь оказалось лишь тонкой,
Чёрной тетрадкой стихов.*

*Прошлого было так мало,
В будущем – холод и жуть.*

*– Господи, как я устала!
Как я хочу отдохнуть!*

22.V.41

*Километр за километром,
Бодро, с самого утра,
Против бешеного ветра,
По горам, да по горам.*

*По крутым холмам Шампани,
Где везде – следы войны,
(Той и этой), где в тумане
Дали смуглые видны.*

*Где бескрайние просторы,
По дорогам скрип телег,
И ещё совсем не скоро –
Скучный ужин и ночлег.*

*Но сильней всего на свете
Я люблю такие дни.
Впереди подъём и ветер.
Делать нечего! Гони!*

19.VIII.41

Route Reims-Eperney

*Ты не вспомнишь уютного детства,
Знал ты только сумбур и хаос.
Без любви к обстановке и месту,
Будто в таборе диком ты рос.*

*Без понятия о родине даже
(Кто ты? Русский? Француз? Анатрид?)
Никогда ты не встанешь на страже
У могильных торжественных плит.*

*Ты не знал «беззаботного детства»,
Дать тебе его я не смогла,
– Но другое, другое наследство
Для тебя я всю жизнь берегла.*

*И дано оно очень немногим:
Ты полюбишь сильнее и сильнее
Шорох шин по пустынным дорогам
И свободу несчитанных дней.*

*Ты полюбишь большие просторы,
Ты научишься в сердце беречь
Каждый новый посёлок и город,
Новизну неожиданных встреч.*

*Каждый день, неизвестный заране,
Каждый новый, крутой поворот,
И на карте огромных скитаний –
Нити властно зовущих дорог.*

*И, взлюбив, как бесценное благо,
Землю, землю под твёрдой ногой,
В жизнь войдёшь ты бездомным бродягой,
С беспокойной и жадной душой.*

7.IX.41 Ночью

НА ВОКЗАЛЕ

*Сутолока вокзальная.
Все дороги – дальние,
Все дороги – новые
Трудные пути.*

*Веселей и радостней,
Горестней – печальнее
Места не найти.*

*Всё – недолговечное,
Мимолетно-встречное,
Очень человеческое,
И чего-то жаль.*

*И всегда – извечные,
Радости тревожные,
Устремленье в даль.*

*Вечно над вокзалами,
Рельсами и шпалами
Рвётся едкий дым.*

*И тоска дорожная,
И тоска железная
Тянется за ним.*

Ночь с 15 по 16.IX.41
Gare Le Lyon

*Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
М.Лермонтов*

*Уверенный, твёрдый, железный,
Презревший лишения и страх,
Взлетающий в звёздные бездны,
Ныряющий в тёмных морях,*

*Ещё – победитель-удачник
(«Куда только мы не зашли!»)
– Немецкий мечтательный мальчик
Гуляет по карте земли.*

*Он так подкупающе молод,
Так бодро шагает вперёд,
Неся разоренье и голод
Повсюду, куда не придёт.*

*Его на бульварах Парижа
Так радует каждый пустяк:
Он губы застенчиво лижет,
Косясь на французский коньяк.*

*У пёстрых витрин магазинов
Часами стоит, не идёт,
Совсем по-ребячьи разинув
Свой красный, смеющийся рот.*

*А завтра – послушный приказу –
С винтовкой на твёрдом плече*

*Пойдёт...И не бросит ни разу
Простого вопроса: «Зачем?»*

*Зачем ему русские вьюги?
Разрушенные города?
На севере или на юге
– Везде – непременно – всегда.*

*Зачем ему гибнуть и драться
Среди разрушений и бед,
Когда за плечами лишь двадцать
Восторгом обманутых лет?*

*Неужто такая отрада –
Недолгих побед торжество?
Ведь запах смолы из Шварцвальда
Уже не коснётся его.*

*И над безымянной могилой
Уже не поплачет никто:
– Далёкий, обманутый, милый...
– За что?..*

18.I.42

*Темнота. Не светят фонари.
Бьют часы железным боем где-то.
Час, ещё далекий до зари.
Самый страшный час – перед рассветом.*

*В этот час от боли и тоски
Так мучительно всегда не спится.
Час, когда покорно старики
Умирают в городской больнице.*

*Час, когда, устав от смутных дел,
Город спит, как зверь насторожённый,
А в тюрьме выводят на расстрел
Самых лучших и не примирённых.*

3.III.42

Сияла ночь...

Фет

*В раскрытом окне трепетали холодные звёзды,
Скользили, клубясь, над зигзагами крыши облака,
Был гулом моторов насыщен томительный воздух
И мягкие взрывы, как гром. И сжималась рука.*

*Сверкающий луч опоясывал небо сияньем.
Назойливо шарил, и снова соскальзывал прочь.
И, камень за камнем, огромные, серые зданья
Беспомощно рушились в истинно звёздную ночь.*

*В глубоких подвалах не спали усталые люди.
Над городом тёмным сияла бесстрастная твердь.
И в звёздное небо громоздкие дула орудий
Со злобой плевали тяжёлую, страшную смерть.*

13.VI.42

БЕССОНИЦА

*Тяжкий, плотный, пропылённый воздух.
(Как ещё далёко до зари.)
За окном – пылающие звёзды
И притушенные фонари.*

*Мысли, мысли напряжённым строем –
О еде, усталости, войне,
О последнем, наконец, покое,
О ненарушимой тишине.*

*Так наедине с собой, без позы,
Рушится последний идеал.
И не успокаивают слёзы
Тех, кто страшно, навсегда устал.*

*Разве только – в очень сильной дозе
От всего поможет веронал.*

16.VI.42

КОЛЫБЕЛЬНАЯ,
которую я тебе пела

*Баю, баюшки-баю...
Как в далеком краю,
От весёлой земли
Уплывают корабли.
Чуть зарделась заря –
Поднимают якоря.
Шелестят паруса,
Голубеют небеса.
Есть зелёные моря,
Зори, цвета янтаря,
На морях – острова,
Изумрудная трава,
Розы алые цветут,
Люди чёрные живут.
Все из кружев шалаши,
А вокруг – ни души.
Там живут дикари,
Ночью пляшут до зари.
В бубны звонкие бьют,
Песни громкие поют.
Жгут высокие костры.
У них копыя остры.
Копья мечут легко,
Попадают далеко.
Льют цветы аромат.
Звёзды ясные горят.
Ночь тепла, хороша.
А под сводом шалаша –
Дети маленькие спят,
Много чёрных ребят.
Снятся каждому сны
Про тяжёлый плеск волны,
Про большие корабли
Из неведомой дали...
Шелестят паруса,*

Голубеют небеса.
Детям хочется спать.
А вокруг благодать.
Круглый год там весна.
Красота, тишина.
На земле нет врага,
А в лагунах – жемчуга.
И нигде нет пестрей
Драгоценных камней.
И вот к этим островам
По зелёным морям
Из туманной дали
Приплывают корабли.
Будто крылья – паруса,
А над ними – небеса.
А на мачте высоко
Вьются флаги широко.
А на палубе – матрос
Вытирает красный нос,
Песню длинную поёт
Про пучину мёртвых вод;
Про оставленную даль,
Про тоску и печаль.
И в каюте – капитан,
Открыватель новых стран,
Всё над картою сидит,
Всё ночами не спит.
И полна голова
Дум про те острова,
Про чужие берега,
Про чужие жемчуга,
Про сокровища лагун –
Мысли жадные в мозгу.
А когда заря сверкнёт –
Дрёма сильного возьмет,
И приснится сон ему
Про далёкую страну,
Про большой тенистый сад,

*Где берёзы шелестят.
Про родимый отчий дом
С расписным потолком.
Про любимого отца
У высокого крыльца,
Про покинутую мать
(Горько мне вспоминать)
И про то, что он туда
Не вернётся никогда ...
.....*

Ирина Кнорринг с сыном

НИКОЛАЙ КНОРРИНГ

КНИГА О МОЕЙ ДОЧЕРИ

«Книга о моей дочери»... Судя по всему, автор рукописи озаглавил ее вполне обдуманно. Это не художественное произведение (вымысел полностью исключен), это не очерк, не жизнеописание поэтессы Ирины Кнорринг, чьи стихи возвращаются постепенно на многострадальную ее родину. Можно было бы определить жанр рукописи как широкомаштабное исследование творчества и личности, стоящей за ним, но и это недопустимо: исследователь не беспристрастен в своих оценках – он отец поэтессы, потомственный русский дворянин, историк Николай Николаевич Кнорринг.

Перед нами книга отца о его дочери. Одновременно это книга историка о судьбе таланта в сложных исторических обстоятельствах.

Читатель, способный думать о настоящем и будущем своего отечества, найдет в «Книге о моей дочери», обращенной в прошлое, немало обнадеживающих нравственных моментов – блестяще исследованных и, помимо задачи автора, обобщенных, – которые укрепляют нашу надежду на оздоровление, казалось бы, безнадежно больной современной русской культуры, пережившей эпоху большевизма.

«Не оружие победит большевизм, он сам пройдет. Это болезнь. Но не к смерти приведет она Россию, а к цветущей славе. Большевизмом переболеет весь мир. Россия будет передовой страной, великой, славной и могучей, куда лучше, чем прежде, и Запад перестанет хвалиться перед нами, потому что Русский народ – самый лучший народ на земном шаре».

Отнесемся снисходительно к заимствованному пророчеству четырнадцатилетней девочки, улыбнемся перехлестнувшему в ней через край патриотическому чувству, но – да станет хоть на момент неловко нам, живущим и творящим на родной земле, за не столь обостренную любовь к ней.

Валерий Антонов

НИКОЛАЙ КНОРРИНГ

КНИГА О МОЕЙ ДОЧЕРИ

Писал я эту книгу о моей Ирине очень тяжело, с большими перерывами. Это объясняется, конечно, не только сутолокой нашей жизни, но и мучительными переживаниями печальных воспоминаний, связанных с этой книгой. Но я сознавал, что должен был собрать эти листочки литературного наследства моей дочери – дневники, заметки, письма – и рассказать о ее жизни, которая вся прошла перед моими глазами.

Я не претендую на безошибочность моих выводов и суждений и, тем более, на верность моей характеристики ее, как поэта, хотя я и старался быть объектным и даже порою суровым повествователем, – эта книга является, по своему значению, главным образом, собранием (далеко не полным) материалов о жизни и творчестве моей дочери и попыткой связать ее стихи с фактами ее жизни, т. е. дать комментарии к ее стихам.

Конечно, эта книга не рассчитана на широкое распространение, ее вероятная судьба – остаться семейной реликвией...

Но... все может быть... У каждого человека своя судьба, своя история, свой духовный мир, обычно скрытый. Но стоит только, по каким-либо причинам, открыться душе человека, как начнут звучать струны и запоеет мелодия, своя, неповторимая, свойственная только ему одному.

Мне думается, что красота душевной песни Ирины, отмеченная за границей, может привлечь внимание читателей и на родной земле, и издание ее стихов и моих комментариев к ним было бы подлинным возвращением ее, как поэта, на родину, по которой она тосковала всю свою недолгую, скорбную жизнь...

Алма-Ата, авг. 1959 г.

I. НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

ЕЛШАНКА. ХАРЬКОВ

Ирина родилась 26 апреля 1906 г. (ст. ст.) в селе Елшанке Самарского уезда. Это было наше маленькое поместье, наше родовое «гнездо». Там родился и умер мой отец, там родился и я и провел свое золотое детство и юность. Но, в жизни Ирины Елшанка не занимала того места, как у меня или у моих племянников, живших там круглый год, потому что, кроме первых лет младенчества, Ирина бывала там только во время моих летних каникул.

Эту зиму я как раз прожил дома, то есть в Елшанке, потому что Московский университет, где я учился, после студенческих волнений 1905 года был закрыт. Летом в университете был организован летний семестр, и я ездил в Москву, помнится, на месяц, чтобы прослушать ряд курсов, хотя все-таки из-за забастовки потерял год.

Весна стояла очень теплая. Я помню эти апрельские дни. Я жил в доме брата, который находился рядом с отцовским, в котором отец жил один. Мы жили очень дружно. Жена моего брата была сестра моей жены. У брата был менее спокойный и мнительный характер, чем у меня. В тяжелых случаях жизни, например, болезни и проч., я всегда находил в нем нужную опору. И теперь, помню, когда начались роды у жены – дело было ранним утром, – мы с братом находились в его кабинете. Я, слыша выкрики жены, очень волновался и все пытался послать за доктором в Кандабулак (село в 15 верстах), потому что нашего доктора в это время в селе не было. Брат некоторое время успокаивал меня, но, видя мое волнение, сказал: «Ну, посылай!» Я пошел к работнику, и когда возвратился, Нина, сестра жены, вбежала в кабинет с радостной вестью о рождении девочки. Послали остановить работника, который уже поскакал верхом и по дороге задавил курицу...

Ребенок был вполне благополучный, и вообще, все шло очень хорошо... Прошло лето. Осенью я поехал в Москву, в университет, а жена поступила учительницей в нашу сельскую школу. Школьные постройки были расположены тут же, на берегу озера, где и наша усадьба, саженях в пятидесяти от дома. Когда жена была в школе и давала уроки, то, в случае какой-либо надобности, в окне вывешивались опре-

деленные знаки, вроде платка, обозначающие, что в доме требуется ее присутствие. В школе уже знали это, и иногда, среди урока, мальчики, увидев соответствующий знак, кричали: «Мария Владимировна, вас зовут!» и т. д.

Первые годы Ириночка росла в семье брата, а потом, когда я, по окончании университета поступил на службу в Харьков, мы каждое лето приезжали в Елшанку проводить там вакационное время. Племянники звали меня «дядя Коля», и, очевидно, не без влияния этой словесной конструкции, Ирина стала звать меня «папа Коля», и так осталось на всю жизнь...

Говоря о детских годах Ирины, нельзя не упомянуть про ее няню, крестьянку нашего села Фроловну (Дарья Шишова). По виду она была очень невзрачна, с обезображенным от болезни лицом, прихрамывала. Но эти недостатки покрывались у нее необыкновенно трогательной любовью к ребенку. Она была вообще очень хорошая няня. Она знала много песен и всяких прибауток, которые и распевала у колыбели. Ирина прекрасно знала весь ее репертуар, и когда, качая кроватку, няня сама задремывала, то Ирина, баюкая сама себя, подсказывала слова песни. Например, растягивая слова, няня тянула: «Пошел по водичку»... и засыпала, и Ирина продолжала: «Нашел молодичку» и так далее. Вероятно, этим объясняется словесный сказочный запас у Ирины и умение рассказывать сказки. Впоследствии она этим отличалась, и, когда ей было года три-четыре, можно было в детской наблюдать такую картину: Иринка, окруженная детьми, что-то рассказывает с увлечением, фантазируя, и ее внимательно слушают не только дети, но и другая няня (детей брата) – Никоновна, которая даже не скрывает своего интереса к рассказу.

Фроловна несколько лет служила у нас и ездила с нами в Харьков. Между прочим, она однажды получила письмо из дому с таким адресом: «Город Харьков. Барину Николаю Николаевичу. Для Дарьи Шишовой». Благодаря адресному столу, письмо дошло.

Несмотря на внешнюю неказистость, Фроловну мы очень любили, и она очень любила Ириночку. Впоследствии, когда мы приезжали в Елшанку, уже с бонной-немкой, она всегда приходила к нам в гости, принося Ириночке какой-нибудь гостинец, вроде яичка, сладкого пирога и проч.

В Харькове кровать Ирины стояла то в нашей спальне, то в детской. Она росла одна. Ее маленький братишка, Глебчик, умер в 1911 г. годовалым ребенком. Впоследствии у нас жил поступивший в гимназию мой племянник Игорь (ныне покойный). Большая разница в годах не создавала между ними большой близости, но она его очень любила и впоследствии этим именем назвала своего сына.

Разумеется, у нее не было недостатка в игрушках, но я не помню, какие она больше всего любила, но помню, что в числе ее игр куклы не занимали никакого места, потому что жена их никогда не покупала. Потом жена об этом сожалела, признаваясь, что куклы, отвечая женскому инстинкту, недаром занимают большое место среди детских игрушек, особенно, у девочек.

Со временем, когда стала подростком и перестала нуждаться в няне, Ирина как-то незаметно выучилась читать, по-видимому, при помощи своего двоюродного брата, Игоря, рядом с которым она любила сидеть, когда он готовил уроки.

Словесным искусством она стала интересоваться очень рано. Это неудивительно: здесь было что-то наследственное. Мой отец очень любил стихи и прекрасно их читал, особенно Лермонтова, его «Демона» знал наизусть. Его любовь перешла ко мне, а я начал свою литературную карьеру стихами, напечатав в пятом классе гимназии свое первое стихотворение в «Самарской газете». Жена мелодекламировала и пела. Среди наших частых гостей было много лиц, интересующихся поэзией, и среди них один из моих коллег по гимназии Михаил Павлович Самарин, человек с очень тонким литературным вкусом, сам писавший стихи, большой знаток и поклонник новой русской стихотворной литературы, кое-кто бывал из академической среды, благодаря моей близости к ней, почти каждую неделю была музыка, чуждая всего вульгарного и пошлого. Когда Ирина подросла и стала выходить к чаю и к ужину, то в разговорах гостей о поэзии и т. д. много слов и выражений, хотя и непонятных ей, западало в ее душу. В частности, М.П.Самарин уже потом много направлял Ирину в писании стихов, и даже несколько его писем к нам за границу были наполнены специальным обращением к Ирине на стихотворные темы.

Научившись писать, когда ей было восемь лет, 19 ноября 1914 года в мой старый альбом, подаренный когда-то мне

моей знакомой, крупными буквами по двум линейкам она вписала свое первое стихотворение:

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

*Зима надела белое платье,
Пушистое, мягкое, с оборкою льда;
То платье похоже на платице льна.
Но чуть солнышко пригрело,
На лугах показались цветочки.
Настала весна, и даже
На деревьях показались листочки.
Но вот собрались летние сестрички.
Летом везде и всегда простота.
В полях и лугах неstreют цветочки,
Куда ты ни глянь, везде нестрота.
Но вот настала желтая осень.
На деревьях везде беднота.
Осенние сестрички уже погибают,
Потому что настает и зима.*

Что это за «сестрички», которые упоминаются здесь, – я не знаю, помнится, что это так и не было выяснено.

Некоторое время она сама записывала свои стихи своим «чистописанием», но потом это стали делать вперемежку бонна, жена, пока не занялся этим делом я, регулярно, до самого Парижа, записывавший ее стихи.

По-видимому, слагать стихи она стала давно, признаваясь в этом своим подружкам, маленьким девочкам, дочерям Шаповалова (сотрудника нашей гимназии), в доме которого мы жили. Впоследствии обнаружилась даже такая история. Время было военное (начало войны 1914 г.), в Харькове уже появились первые раненные с Галицийского фронта, был общий подъем при первых успехах на фронте. Наши дети, оказывается, собирались на войну. Для этой цели они копили сухари, еще какие-то продукты, а чтобы были деньги, Ирина писала стихи и продавала каждое стихотворение О. Владимиру за несколько копеек.

Узнавши про эти стихотворные опыты, я, насколько мог, познакомил Ирину с правилами стихосложения, которые она, обладая в этом отношении прекрасным слухом, очень быстро

схватила, и с тех пор размер никогда не хромал в ее стихах. После этих уроков дело с сочинением стихов пошло гораздо быстрее. Сюжетом для ее стихов сначала служили действительно «времена года» – это так понятно: от погоды многое зависело в ее детской жизни. «Зима», «Осень», «Летняя ночь» и т. д. – вот темы ее восьмилетних стихотворений. Иногда, впрочем, попадались стихи и на злобу дня, например:

*Утром просыпаюсь я,
Не хочу вставать.
Вспомню: ведь в гимназию
Надо мне бежать и т. д.*

Годы 1914–1916 шли довольно ровно и для ее развития совершенно нормально. Ирина поступила в приготовительный класс очень хорошей гимназии (Покровской). Способности у нее были очень большие. Стихов она читала много, много знала наизусть, играла Царевну из «Конька-Горбунка» на домашнем спектакле, участвовала на елках и детских праздниках. Кроме того, она свободно говорила по-немецки. К сожалению, немку-бонну пришлось оставить до того, как Ирина научилась читать по-немецки, и впоследствии, не имея практики и не умея поддерживать знание языка чтением, она его забыла совершенно...

Лето во время войны мы проводили то в Жеребятникове, Симбирском имении моего друга В.В.Каврайского, который жил с нами, то в Южном, под Харьковом, то в Пуще-Водице, под Киевом, у Шмариновых (родственников по жене), где Ирина познакомилась со своим однолетком Дёмой, будущим известным художником, и только одно лето провели в Елшанке. Но Елшанка, наше старое гнездо, где мы были «дома», оставила в памяти Ирины неизгладимые следы. Когда она начала осенью 1917 г. писать свой дневник, она записала сразу, что «мелодекламация (ее мать хорошо декламировала) – моя мечта, моя любимая мечта вместе с Елшанкой».

«Я строю воздушные замки. Мой воздушный замок – семейный очаг. К нему длинная трудовая дорога ведет, а ключ от замка – Елшанка. Я буду жить среди добрых и веселых людей и буду писать романы и стихи и буду безгранично счастлива. Таков мой воздушный замок»

ЧАСЫ

*Тихо ночь летит над миром.
Всюду тихо, тихо так.
Только звук однообразный
Слышится: тик-так, тик-так.*

*Это тиканье – тоску ли
Гонит нынче на меня,
Или мне напоминает
Радость нынешнего дня?*

*Вспоминается бывшее...
И совсем малютка я,
Уж лежу в своей кровати,
Рядом – мамочка моя.*

*Но что это? Я в Елшанке,
Тут же Ниночка со мной.
Я сижу уже в коляске,
Уезжаю я домой.*

*Но очнулась я и слышу
Вновь тик-так, тик-так,
А как вспомнила бывшее –
Стало грустно, грустно так.*

18.1X.1917

Когда мы в 1915 г. переехали с ул. Тюремной на Чайковскую, 16, то там у Ирины нашлись очень милые подружки, которые были последними детскими лучами в ее воспоминаниях не только о Харькове, но и о России вообще. Вскоре после нашего переезда в этот дом в него въехала семья проф. И.И.Гливенко, у которого была прелестная дочка Танечка, сверстница Ирины. К ним присоединилась Леля Хворостанская (из первого этажа), и это трио в течение 4–5 лет было неразлучно и составило дружбу, которая при нормальных условиях могла длиться всю жизнь. Эта милая тройка жила так, как живут вообще подружки, связанные домом и общностью своих занятий и интересов. Учились все три, впрочем, в разных гимназиях. Две из них, в том числе Ирина, бра-

ли уроки игры на рояле и, кроме этого, брали уроки танцев у одного видного местного балетмейстера, ходили друг к другу в гости, временами с ночевкой, что бывает в детстве особенно весело, участвовали в вечеринках, поступали в герл-скауты, ездили за город и т. д. И, конечно, издавали журнал, насколько могло хватить их энергии. Считая себя литератором, Ирина много писала, преимущественно большие поэмы на романтические сюжеты, по которым можно было догадаться об их первоисточнике. В ее дневнике имеются начала разных повестей и «Устав» Общества с таинственными цифрами, и газета «Секрет». Сотрудницы этой газеты пытались писать и в какие-то другие газеты, причем остался черновик письма.

«Милостивый Государь Господин Редактор.

Покорнейше просим Вас принять в Ваш журнал стихи от двух одиннадцатилетних гимназисток. Пишем мы под псевдонимами «Ундина» и «Русалка», очень, очень просим принять эти стихи.

P. S. Если хотите, пришлем других стихов».

И в этот мир нормального детского развития вошла война страшным кошмаром. Лишения военного времени, холод, недоедание и проч. расстраивали, осложняли жизнь, лишая ее прежних, уже насиженных удобств. Недостаток сахара, например, сразу же стал отражаться на детской психологии. Но это было бы еще полбеды – к этим лишениям детям можно было бы привыкнуть, их переносить, как они переносят временные лишения в пути, на охоте, в длительных прогулках и т. д. Военные неудачи, а с ними и внутренние, волнения, которыми мы все, взрослые, были заражены, переходили на детей, особенно, любимых и впечатлительных. Много значило еще у нас, в маленькой семье, детское одиночество Ирины. Ее маленький братец умер, когда ей было пять лет. Все, что говорилось и переживалось взрослыми, она болезненно переживала и отражала в своих стихах. Во время революции, уже при большевизме, нам, вследствие реквизиции дома, пришлось несколько раз менять квартиру, что влекло за собой разорение ее детского угла и при том не пожаром или каким-либо стихийным бедствием, а злою волею людей, что наносило непоправимую рану в сердце Ирины.

Но один эпизод навсегда запал в ее жизнь, как роковой.

«9 апреля, вторник (н.с.) 1918 г. Вчера пришли в Харьков немцы. Всю ночь мы слышали пушечные выстрелы и на Холодной Горе видели огонь. Утром я слышала канонаду, но пошла в гимназию. С двух уроков за мной пришел папа Коля с Валиным отцом. И я, Валя и Галя Запорожец ушли домой. А днем уже пришли немцы. Без боя, без жертв сдали город! Когда я глянула с полянки на город – предо мной разостался дивный вид. Город был залит солнцем. Блестели кресты на церквах. И так все было мило и дорого мне, насколько я привыкла к милой Чайковской. И страшно подумать, что все это немецкое. Мы за границей. Прощай, Нюсенька, прощайте все! Мы уже не в России. Вечером немцы убрали, вычистили вокзал до неузнаваемости и на Павловской площади раскинули палатки. Сама я не видела. Так говорили. Что будет сегодня – никому неизвестно. Будет ли когда-нибудь Харьков русским городом?»

В сущности, начиная с войны, Ирина перестала жить своими детскими радостями – в мысли, в ее душевный строй врезался мир жестокий, а, главное, непонятный для детского сознания. Мы можем сказать, что он был в значительной степени непонятен и нам, взрослым, – мы все жили в это время (как, вероятно, и вообще в такие эпохи) как-то по инерции. Основного жизненного стержня не было – наставшая гражданская война внесла не только смутные программы, недоступные детскому восприятию, но создала атмосферу человеческой вражды. Ужасные сцены арестов, обысков, расстрелов, увода арестованных, разруха всюду – на железной дороге и по улицам, холод в квартирах и темнота, и проч. Нормальная школьная жизнь расстроилась.

Будучи по природе крайне впечатлительной девочкой, Ирина внимательно присматривалась ко всему, что происходило, вслушивалась в разговоры старших, которые велись при ней, не стесняясь, разделяла настроение, гражданские чувства. Теперь патриотические мотивы сменили детские созерцательные стихи. Налет безнадежной обреченности тяжелым грузом лег на ее творчество, сказываясь часто в риторике. Вот несколько примеров.

РАБЫ

*Вот по большой наезженной дороге
Идут усталые, голодные рабы.*

*В пыли босые утопают ноги,
Там стон стоит, их цепи тяжелы.*

*Там много, много их, работой изнуренных,
За ними их шагают палачи,
И их, рабов несчастных и голодных,
Не пощадят жестокие бичи.*

*Они идут, и силы истожились,
И сели все под сению лесов,
И низко бритые их головы склонились,
Но бич заставил встать измученных рабов.*

*Опять они идут, опять едва ступают
На пыль дороги слабою ногой,
Рукой свои же цепи поднимают,
И мы рабы перед своей судьбой.*

7.III.1919

*О, кто с ипподрома дерзнет говорить
О славе и чести России,
О, кто ее раны возьмется лечить,
Кровавые, горькие, злые!*

*Кто скажет: «Мы братья родимой страны,
Так дайте же, братья, мне руки,
Идемте на битву, страдальцы-сыны,
Потерпим лишения и муки.*

*Погибнем же, братья, в кровавом бою,
В бою за любовь и за славу,
Довольно врагам в нашем древнем краю
Чинить свои суд и расправу.*

*Восстаньте же, братья, смелее вперед,
Спасем нашу землю родную,
Отыщем в потемках заблудший народ,
Откроем всю правду святую!*

*Мы – гений, мы – слава отчизны родной,
Изгоним навеки обманы!*

*Но, братья, на сердце России святой
Залечим ли горькие раны?*

13; V. 1919

В тринадцать лет она уже упорно заявляет:

*Песни безрассудные, ласковые, нежные,
Я ловлю в лобзании ночи голубой,
Грезы отуманены, страстные, мятежные,
Что ж меня покинули вы ночной порой?*

*Где ты, юность смелая, полная желаний,
Полная безумного, страстного огня,
Где вы, мои радости, вера, упование,
Для чего вы, милые, бросили меня?*

*Ночь прекрасна лунная, тишина заветная,
Тихо небо шепчется с грешною землей,
И слилось в объятиях с нашей жизнью бедною,
И святой, неведомый, воцарил покой.*

*Что ж, душа разбитая, ты трепещешь, милая,
Ночи убаюканной отравляя след?
Жизнь тебе наскучила, глупая, постыдная,
Прошлое погублено, будущего нет.*

21.X.1919

Ирина мечтает о мести, о подвигах, о жертве, начинает мечтательно по-детски любить Колчака, потому что чувствует к этому лицу обращение всеобщих чаяний, как к некоему далекому сказочному персонажу, призванному дать жизненной сказке счастливый конец.

Школьная жизнь Ирины в это время тоже претерпела существенные изменения. За всеми заботами и разрухами я уже стал замечать, что ее прежние успехи в гимназии Покровской стали слабеть. Привыкшая сравнительно легко заниматься и встречать высокую оценку со стороны преподавателей, она сама была глубоко задета собственной слабостью. Помимо общей запущенности по урокам, одно обстоятельство начало охлаждать ее прежнюю любовь к этой гимназии. Вознесенская гимназия (немецкая) закрылась

и была преобразована в гимназию «Общества родителей и учителей» (такие организации были не новостью в Харькове), и директором ее сделался проф. И.И.Гливенко. В этой же гимназии стала учиться и Таня, подруга Ирины. Так как мы были близки (даже территориально) с семьей Гливенко, то очень понятно, что Ирине захотелось учиться в той же гимназии, где, между прочим, предполагалось, будет работать и моя жена по окончании Высших женских курсов. Я решил не препятствовать этому желанию Ирины и взять ее (не без сожаления) из гимназии Покровской, тем более как педагог знал, что в некоторых случаях перемена гимназической обстановки необходима. Все эти жизненные неполадки будоражили впечатлительную душу девочки, у которой ломалось детство. Она стала, что называется, много «воображать», поверять своему дневнику тайны своей, конечно, «никем не понимаемой жизни», она уже и стихов писала меньше, потому что их тематика становится однообразной. Отсюда, разумеется, и некоторые размолвки со своей любимой подругой. Ее последнее стихотворение, записанное мною в ее тетрадь в Харькове, посвященное Тане, носит печать какой-то затаенной обиды.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТАНЕ ГЛИВЕНКО

*Прошли те дни, когда с тобою
Делили мы свои мечты,
Иль шаловливою весною
Любви печальные цветы.*

*Когда «субботы» ожидали,
Когда с тобой наедине
Весь вечер радостно мечтали,
В потемках сидя на окне.*

*С тех пор прошло всего два года,
Ты уж совсем, совсем не та...
Явилась новая забота,
Уснула прежняя мечта.*

*Твой свежий взор, твой взор невинный
Глядит надменно, гордо, зло!*

*И в страсти тайные пучины
Далеко сердце завлекло.*

*Мы оттолкнули все желанья,
Мы друг от друга отошли,
Но помним старые мечтанья...
Прошли те дни, увы – прошли!*

30.X.1919

Но, будучи необыкновенно верной своим привязанностям, Ирина свою любовь к подруге детства пронесла через всю жизнь.

«Милая Таня, – пишет она 3 января 1920 г. уже в Бизерте, – почему ее нет со мной? Почему судьба так жестоко разлучила нас! Но я верю, что каждое дело судьбы – необходимо. Необходим и большевизм, и все страдания, и еще суждено перенести много тяжелых испытаний, чтобы достигнуть полного счастья, необходима и эта разлука».

И 12 января, в Татьянин День, она сделала маленькую свою визитную карточку, на другой стороне которой написала: «С днем Ангела, милая Таня!» Незадолго перед смертью, как бы прощаясь с жизнью, она в присутствии своего маленького сына сожгла письма Тани, полученные в свое время из России.

БЕЖЕНСТВО

В новой гимназии Ирине проучиться пришлось очень недолго. 20 ноября 1919 г. моя жена с нею уехала из Харькова в Ростов-на-Дону. Об этом эпизоде пусть расскажет сама Ирина в своей книге «Двадцатый год», написанной уже в Париже и посвященной своему сыну.

«Было теплое ноябрьское утро. Легкий синеватый туман окутывал все своей бледной пеленой, но потом рассеивался и таял под утренними лучами зимнего солнца. В неподвижном воздухе чувствовалась влажность и теплота. Снег таял, капал с крыш домов, с деревьев и заборов, блестел и искрился на солнце. Это теплое утро предвещало теплый и мокрый день, каких много бывает в первую половину украинской зимы.

Было воскресенье. Я еще лежала в кровати, нежась и греясь под теплым одеялом. Откуда-то издалека, из первых

этажей дома, донесся до меня бой часов: пробило восемь. Ленивым, еще сонным взглядом окинула я всю свою комнату, посмотрела в окно – какая погода, – и задумалась.

Это было 17 ноября ст. ст. 1919 года.

Вдруг раздался стук в дверь. В соседней комнате слышались шаги и голоса, тревожные и взволнованные.

– Белгород взят, – сказал твердый и уверенный голос, – вы должны ехать, иначе вы только свяжете Николая Николаевича. Вот вам два билета на агитпоезд и уезжайте. Поезд уходит через три часа.

Послышались робкие протесты мамочки.

– Вы упустите момент, – повторил тот же голос. – Николай Николаевич один успеет выехать, а с вами это будет уже невозможно. Решайтесь, пока не поздно.

Дверь захлопнулась. За стеной слышались беспокойные отрывочные фразы, суэта и волнение. Я остолбенела. Я не могла поверить в действительность, иначе бы я разрыдалась. Быстро одевшись, я вышла в столовую.

– Как же... едем? – спросила я, а в то же время подумала: «да нет же, как же, не может быть... так неожиданно...»

– Едем, едем! Скорее собирайся, а то мы не успеем. Я совершенно растерялась и не знала, за что взяться. То я подбегала к буфету, то бросалась к столу и переставляла стаканы, то бегала в свою комнату и в недоумении останавливалась. Я совершенно не знала, за что мне приняться.

– Сбегай лучше к Николаю Егоровичу (знакомый), – сказала мне мамочка, – позови его сюда.

Перепрыгивая с кочки на кочку, я бежала по мокрому растаявшему снегу на соседнюю улицу. А сама все не могла себе представить, как это через три часа мы уедем из Харькова. «Так когда же собираться-то?.. так неожиданно...»

– Николай Егорович, мы бежим, – взволнованным голосом сказала я, ворвавшись к нему в комнату. Тот даже испугался.

– Когда?.. Куда?

– Сейчас, сию минуту. В Ростов едем.

– Да вы шутите, – начал, было, он, но, очевидно, мой вид красноречивее меня говорил, что мне не до шуток...

А в доме в это время царил полный беспорядок. Посредине комнаты стояли раскрытые чемоданы, корзины и картонки, на кроватях и стульях лежало вынутое из комода бе-

лье и платье, на стол сваливалось серебро, стаканы, вазы и т. д. Тут же, на полу, валялись веревки, ремни для подушек, книги и разные мелочи. Теперь обсуждался трудный вопрос: что брать с собой и что оставлять на произвол судьбы. Поручить квартиру было некому, – кроме Николая Егоровича никто не знал о нашем отъезде. Мне было грустно видеть этот беспорядок, грустно было покидать свой уголок, к которому я так привыкла, но я все еще не верила в отъезд.

– Надо брать как можно меньше, – говорил папа Коля, – только самое необходимое, что может понадобится недели на две, а мы опять вернемся.

Мамочка нервничала, суежилась, хватала все, что попадало под руку, и бросала в чемодан.

– Это не надо, – останавливал папа Коля, – зачем тебе летние кофточки? Зима, холод, надо брать теплое. Простыней тоже не бери, они много места занимают. А стаканы зачем? Ты не знаешь, что это за агитпоезд. Там все есть: прекрасные спальные вагоны, электрическое освещение, буфет, там ты всегда сможешь достать чаю, закуски, бывают горячие обеды... – А пока он расписывал нам прелести этого поезда, время все уходило. Мамочка нервничала, на глазах ее блеснули слезы, а я ходила из комнаты в комнату, во все совалась, всем мешала. Пробовала помогать, за все хваталась и в нерешимости останавливалась перед каждым предметом. Мне все было жаль оставлять: и занавески на окнах, и пианино, и каждую мелочь.

Наконец, через два часа все было уложено, связано, и мы тронулись. В последнюю минуту я складывала в необъятные карманы моей шубы все, что попадалось под руку. Зачем? – не знаю. В последний раз оглянула всю квартиру. На полу, на стульях и окнах разбросаны разные предметы, всюду остались следы неожиданных сборов, а на столе так и остались немытые стаканы.

Быстро шли мы, хлюпая по мокрому снегу, и вот уже свернули на Пушкинскую улицу. Тут я в последний раз остановилась и глянула на милую Чайковскую, с которой связано было столько воспоминаний. И так ясно запечатлелась она у меня в памяти: тающий снег, широкая поляна, а вдали, едва окутанный легким туманом, – большой красный дом. Как полюбила я его в этот миг. Как мне хотелось вернуться туда и никуда, никуда не уезжать. И тут я в первый раз тихонько всплакнула...»

Через несколько дней и я выехал в Ростов. Эти дни – роковые в жизни моей семьи – стоят сейчас перед моим сознанием то непоправимым укором, то давят кошмаром тяжелых переживаний, открывая собою страшную страницу моей судьбы, которая, несмотря на то, что теперь сомкнулся круг и я опять на родине, – еще не дописана и не перевернута. В судьбе моего поколения я не был исключением. Это не избавляет меня сейчас, когда этапы кончились, ответить на вопрос, нужно ли было мне уезжать в эти зарубежные дали, где я проблуждал более тридцати лет, или нужно было остаться на родине? Я думаю, что постановка такого вопроса была бы делом вообще праздным, если бы не было объективных данных для ответа на него. Все, кто меня знал по моей общественно-педагогической деятельности в Харькове, по моему характеру («Николай Николаевич – самый принципиальный человек в Харькове», – говорила обо мне одна учительница-коллега), по политическим симпатиям того времени не только не удивлялись, что я собираюсь уезжать, но несказанно удивились бы, если бы я остался. По своему положению в городе и в педагогическом мире, по своим резким и непримиримым выступлениям против тогдашнего большевизма, мне было бы, вероятно, необыкновенно трудно, почти невозможно, удержаться на поверхности обычной жизни, и я, если бы не погиб в условиях политической неразберихи, в дальнейшем, так сказать, по академической линии, в лучшем случае, очутился бы в ссылке. Тот школьный режим, который я оставил, был для меня совершенно непереварим, и я не мог бы с ним бороться. Таким образом, обо мне нет речи, хотя тоже – вопрос, как бы перенесла сама Ирина мою катастрофу. Но нужно ли было и Ирину подвергать этой же участи? Этот вопрос сложнее (в сущности, он тоже бесплодный), потому что Ирина уезжала четырнадцатилетней девочкой, которая могла бы в детстве пережить ужасы переходного времени и выйти на здоровую дорогу жизни в родной стране. Ее слова, брошенные уже потом, в 1933 году

*Зачем меня девочкой глупой
От страшной родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли!*

больно бьют мне в сердце, несмотря на свою риторичность. Тут нас с Ириной, кажется, один Бог рассудит...

Выброшенные из своего гнезда, мы были предоставлены, более чем когда-либо, самим себе и должны были надеяться только на свои силы. И здесь я хочу остановиться на некоторых чертах натуры Ирины, как они сложились перед этим трагическим моментом.

Учитывая всю детскую фразеологию ее дневников, нельзя не остановиться на некоторых ее признаниях, очень характерных для ее же отравленной известной идеологией души. В дневнике от 3 дек. 1919г. у нее есть такая запись: «Заметки о самой себе. Я додумалась, что я не только двуличная, но и троеличная.

1. Ирина поэтесса. Я живу настоящим, хотя у меня есть и прошедшее, но я никогда не опускаюсь в скучные воспоминания. Будущее пугает меня своею неизвестностью. Я живу и наслаждаюсь жизнью. Я слышу дыхание смерти, но не боюсь его. Я живу только один день, каждое утро я рождаюсь и каждый вечер умираю.

2. Я Ирина патриотка: я живу только будущим. В будущем я могу исполнить мои великие идеи, пойти на помощь воскресающей России...

3. Ирина лентяйка: я живу только прошедшим. Мою теперешнюю жизнь составляет прошлая. Каждый момент прошлого я перерабатываю, вновь переживаю и понимаю по-другому. Другие называют такое занятие «ленью». Меня никто не понимает, да я и открываюсь только самой себе. Никто не понимает моей любви к поэзии, моего патриотизма и моего погружения от действительности».

Несмотря на всю путаницу и как бы нарочитые противоречия этой записи тринадцатилетней девочки, на ней следует остановиться, потому что она глубоко верна, эта «троеличность» осталась у нее на всю жизнь. Стихотворная жизнь – это была стихия, вне которой она не могла существовать, как не может птица не петь, когда ей поется, причем, несмотря на различные формы стихотворений, лирика осталась для нее наиболее близким родом поэзии; у нее она была сугубо индивидуальна – она всегда писала только о себе, недаром ее первый сборник стихов назван: «Стихи о

себе». Предоставленная, вследствие своего детского одиночества в семье, самой себе, Ирина постоянно прислушивалась к себе, анализируя себя и отмечая это в стихах. Правда, эта летописная черта появилась у нее не сразу. С момента отъезда из Харькова она в течение нескольких месяцев пережила столько изменений в своей жизни, что в обыкновенное время их хватило бы на несколько лет. Отсюда ее потребность отмечать малейшие изменения в «днях своей жизни» – в дневнике, в стихах. Это был один из стимулов ее творчества, сильной и слабой стороной ее поэзии. Эта черта впоследствии явилась причиной ее многих огорчений и разочарований, потому что замыкала образы ее поэтических переживаний в узкие рамки ее личной жизни, очень бедной внешними впечатлениями. Но не только внешними. И тут мы подходим к ее третьему самоопределению, которое она не совсем точно обозначила: «лентяйка». Под этим свойством она подразумевала преимущественное стремление жить в настоящем и даже в прошлом, не стараясь работать для будущего, это она называла «ленью». Действительно, эта черта довольствоваться настоящим, хотя бы и очень скромным, относиться к жизни инертно, не строить себе больших планов в жизни, в смысле, например, улучшения материальной жизни, имеющей в беженстве такое большое значение, это у нее было. Надо признаться, что эта черта в высокой степени была присуща и мне и, к сожалению, оказалась у ее будущего мужа. (Конечно, говоря об улучшении жизненных условий, я не имею в виду так называемого мещанского счастья и проч.) Если бы эта черта Ирины касалась только внешней стороны ее жизни, это было бы полбеды, но, благодаря ее «лентяйству», она, овладевши с достаточным совершенством своим поэтическим инструментом, продолжала оставаться в рамках личных поэтических воспроизведений, обнаруживая этим свой малый кругозор писателя вообще. Едва ли, впрочем, можно было сомневаться, что при ее живом и, по существу, веселом характере, она со временем вышла бы из этого замкнутого круга своих субъективных переживаний, если бы неизлечимая болезнь не приковала ее к мрачной действительности, сделавшей ее обреченной...

И теперь мы подходим к общей причине всех зол и к корню трагедии всей ее жизни. «Ирина – патриотка». Весь ее дневник того времени наполнен мыслями о спасении Рос-

сии. «Куда нам бежать? Лучшего я не найду, но хуже, может быть, и будет во много, много раз хуже, если Россия будет покорена каким-нибудь другим государством. Пережить такое унижение родины я не могу». Она ищет утешения в Евангелии, которое открывает наудачу и читает «слова Христа о том, что не надо унывать, что Господь всегда поможет верующим в Него, и если Он не делает это теперь, то сделает после».

Конечно, слова о спасении России и всевозможные комментарии к событиям гражданской войны в устах девочки – фразеология, в значительной степени со слов других, но в данном случае – чувство любви к родине, к России явилось для Ирины тем ядом, который отравил, довел до отчаяния всю ее душу и, в разных формах, повлиял на содержание ее стихов. Теперь, особенно после отъезда за границу, она жила под наложенным на себя обетом, что у нее не может быть личных радостей, пока не воскреснет Россия, что даже стыдно думать о собственном благополучии в такое время, что наше собственное мизерное существование есть необходимая и единственная, доступная нам жертва, которую мы приносим судьбе в деле возрождения России. Большинство ее стихотворений этого периода (и отчасти африканского) полно этим содержанием – тоской по России, в частности, по Харькову, по своей подруге – Тане...

Приведу несколько из них.

ИЗГНАННИКИ

*В нас нет стремленья, в нас нет желанья,
Мы только тени, в нас жизни нет.
Мы только думы, воспоминанья
Давно минувших счастливых лет.*

*К нам нет улыбки, к нам нет участия,
Одни страданья для нас даны.
Уж пережить мы не в силах счастья,
Для новой жизни мы не нужны.*

*У нас нет жизни – она увяла,
У нас нет мысли в немых сердцах.
Душа стремиться и жить устала –
Мы только призрак, мы только прах!*

22.1.1920. Туапсе

ГОРЕ

*Как просто звучало признание
Безмолвною ночью, в глуши,
И сколько таилось страданья
В словах наболевшей души.*

*И сколько безмолвной печали
Скрывалось на сердце младом!
Слова же так просто звучали
В холодном тумане ночном.*

*И капали робкие слезы –
Их не было сил удержать,
И сонно шептались березы,
И звезды устали мерцать.*

*А горе так долго томило,
И сердце устало страдать,
Печаль свою звездам открыло,
Но звезды не могут понять.*

*И горе цветам рассказало,
Хоть гордо молчали цветы,
Кой-где лишь слезинка дрожала,
Едва серебрила листья.*

*И ночь пролетала в молчанье,
И слезы таились в глуши,
И сколько звучало страданья
В словах наболевшей души!*

30. IX.1920.

Симферополь. Училищная ул.
Во время бессонницы. На дырявой койке.

А вот ее первое «беженское» стихотворение:

*И ничто мне теперь уж не мило,
Пыл погас, в сердце нету огня,
Даже то, что так страстно любила,
Уж теперь не волнует меня.*

*Равнодушно, надменно, сурово
Я слежу за дыханьем весны,
И не жажду я радости снова,
Вас не жду, златокрылые сны.*

*Прочь летите в счастливые страны,
Улетайте в цветущую даль –
Здесь неволя, здесь только обманы,
Здесь безумная веет печаль.*

20.XI.1919

Агитпоезд «Единая, Великая Россия».

РОСТОВ. КАВКАЗ

С ноября 1919 г. по март 1920 г. мы странствовали, катились, как беженцы, от Харькова до Туапсе. Ростов был первым этапом нашего странствия. Приехавшие за несколько дней до меня жена с дочерью не без труда нашли там старого знакомого, профессора (мед. химии) Ростовского Университета (быв. Варшавского) С.М.Максимовича, и поместились у него. Это был старый друг жены (еще по Казани, где он был студентом, носившим жюльверновскую кличку «Поганель»), на нашей свадьбе он был шафером. Несколько дней мы отдохнули в этой дружеской атмосфере, и, между прочим, в лаборатории профессора нам всем троим была сделана сыпнотифозная прививка, только что входившая тогда в практику, сослужившая нам в течение всего нашего беженства огромную роль. Сознание, что мы иммунизированы против этой болезни, придавало нам много бодрости и, может быть, даже, действительно, в какой-то степени, спасало нас от заражения среди той тифозной эпидемии, которая царила вокруг. После чудесной и милой передышки в Ростове мы тронулись дальше, через Азов, в составе Харьковского Учебного Округа.

Рождество встретили мы в теплушках на ст. Тихорецкой. Затем мы выбрали направление на Туапсе. Точно я не могу сказать, почему я на нем остановился, – многие из наших «окружных» выбрали Майкоп, как более спокойный и «хлебный» пункт Кубанской области, но мне захотелось солнца и моря, и мы направились к Туапсе. Настроение несколько поднялось, даже у Ирины оно сказалось в бодрых, редких для того времени, стихах.

МГНОВЕНИЕ

*Пуškai недавние мученья
Терзали грудь,
Сейчас – живые впечатленья
И новый путь.*

*Зачем, скажи, бунтует горе
И лжет печаль –
Передо мной ликует море
И блещет даль.*

*Зачем меня к себе напрасно
Зовет тоска –
Жизнь хороша и так прекрасна,
И так легка.*

29.XII.1919. Ст. Белореченская.

В день приезда была сильная гроза с ливнем. Мы стояли на путях и слышали, как раскаты грома отдавались в горах, словно поздравляли нас, по выражению Ирины, «с Новым Годом, с Новым Горем». Под самую «встречу» Нового Года мы перебрались в Греческое училище. «Мы начали устраиваться, – пишет Ирина. – Одну парту вынесли на галерею, одну приставили к стене, а две другие составили скамейками вместе, а поверх положили доску, снятую со стены. Достали из чемодана примус и вскипятили чай. Чашек не было. Попросили у гречанок. Подошел вечер. Мамочка с папой Колей постелили на доску шубы и устроили там постель. Я легла на корзине. Папа Коля расхварывался: у него был жар. Я была кислая и усталая. Когда мы легли, мамочка еще долго сидела одна, – читала при свечке Евангелие и плакала...

Это было 31 декабря, в последний день старого года». (Ир. Кнорринг. «Двадцатый год»).

В Туапсе мы пробыли около двух месяцев. Это было довольно суровое испытание. Жили мы в Греческом училище, в полном смысле «в тесноте, да не в обиде», в маленьком классе. Скоро приехал к нам мой университетский товарищ

Д. М. Давидов с женой, с которым я встретился еще в Ростове, и мы стали устраиваться впятером в одной комнате. Лишние парты вынесли, а из парт сделали себе лежа: спали в три этажа – на полу, затем на сдвинутых партах, а потом наверху, на классной доске. Разумеется, это было неудобно, но на это никто не обращал внимание. Лампа была маленькая, и когда со стеклом произошла авария, то дырку заклепили бумажкой. Холод был отчаянный, печка растапливалась с трудом, а дрова чуть ли не подворовывали где-то. На беду зима в этот год стояла здесь, как говорили, исключительная, и дул свирепый норд-ост – он на улице валил с ног, задувал в щели окон и заставлял кутаться в шубы. Случалось, что подоконники покрывались слоем льда и вещи, стоявшие на них, примерзали. Помню, как курьез, когда к перилам крыльца примерзла самоварная труба и на кране образовалась льдинка, в то время как вода в самоваре кипела...

Невероятная погода заставляла всех сидеть дома. Мы с Давидовым по вечерам играли в пикет, но больше насыщались нашими университетскими воспоминаниями (мы оба, между прочим, участвовали в студенческой московской экскурсии в Грецию под руководством проф. С.Н.Трубецкого). Словом, все было так, словно мы застряли в непогоде на какой-то станции и ждали поезда. Были совсем маленькие радости, но зато большие тревоги. Кто-то занес сыпняк в Тургеневское училище (там тоже жили беженцы), а оттуда – в наше. Было жутко, когда стали умирать товарищи по несчастью, с которыми успели сжиться в пути. Хоронили Зубкова (учителя с Дона); над его могилой сказал несколько слов А.М.Никольский (из Харькова), цитируя Пушкинское: «и хоть бесчувственному телу» и т. д., сам уже зараженный страшной болезнью. Невыносимо больно было смотреть, как он бежал по всему городу, отыскивая камфору, с верой в спасительную силу которой люди ложились в госпиталь. Через несколько дней хоронили и его. Но мы твердо верили в нашу прививку, и это поднимало наш дух.

Взрослые, мы могли говорить о многом, даже обсуждать наше положение с некоторыми деталями, происходящими на глазах, но на Ирину тяжело было смотреть. Лишенная своей детской среды, она слушала наши разговоры и малоутешительные политические прогнозы, по обыкновению трагические. Вынужденное безделье, трудность чем-либо

себя занять по целым дням в комнате убийственно действовали на ее психику. «Целый день я сидела на партах, закутанная в шубу, – пишет она, – и смотрела в окно или раскладывала пасьянс. Я тосковала о Харькове, о гимназии, о подругах и не могла отвлечься. Недели через полторы папа Коля устроил меня в гимназию. Я ликовала. С радостным чувством я в первый раз пошла туда в смутной надежде найти там потерянное, чего так недоставало мне при такой жизни. Это была уже третья гимназия, куда я поступила, и поэтому, сразу, как только я попала в класс, в шумную толпу гимназисток, я почувствовала себя дома. Я быстро познакомилась с девочками и скоро узнала все дела класса. Мне показалось, что я опять попала в свой мир...» Как иллюстрацию приведу один эпизод, занесенный ею в дневник 10 янв. 1920 г.: «Класс очень шумный. Сегодня начальница говорила: «Как вы шумите! Вот и новенькой вы покажетесь с плохой стороны!» А затем, обращаясь ко мне, меня спросила: «Видели ли вы, чтобы так шумели?» – «Видела, – говорю, – и еще больше видела». За спиной раздались дружные голоса: «Молодец, поддержала класс!» И класс уже смотрел на меня, как на верного товарища». Но уже на другой день наступает некоторое разочарование, в связи с порядками гимназии, с отсталой пятибалльной системой и проч.

Стихи и дневники Ирины за этот период полны невыносимой тоски. Эти настроения в связи с тифозной эпидемией, которая продолжала вырывать свои жертвы из наших знакомых, живших с нами рядом, в таких же условиях, как мы, должны были естественно приводить к мысли о смерти, которую Ирина впервые в своей жизни увидела близко. Достойно удивления, что она ее не напугалась, наоборот, Ирина склонна была рассматривать смерть, как известный «выход из положения».

*Хвала тебе, о смерть всесильная,
С твоим сражающим мечом.
Хвала тебе, печаль могильная,
Над роковым моим концом.*

*Как в темном небе ночью звездною
Звезда, померкнув, упадет,
Так в ночь осеннюю, морозную
Душа от мира отойдет...*

*И чьи моления, чьи страдания
Услышит небо в тьме ночной,
Чьи слезы, чисты, как мечтания,
Падут на камень гробовой?*

*Возьми меня, о смерть всесильная,
К твоим сынам, к твоим рабам,
В твои дворцы, дворцы могильные,
Возьми меня в твой вечный храм!*

9.XI.1920. Туапсе

Приведу для полноты картины нашего пребывания в Туапсе некоторые записи Ирины того времени. Вот, например, почти фотографическая картина нашей жизни – 15.1.1919:

«Небывалая для Туапсе погода. Снег и мороз. В гимназии нет занятий, очень уж холодно. Было 3 урока по 15 минут, и нас отпустили. Расскажу кое-что о нашей жизни. Спим на классных досках, положенных на парты. Под простыню постилаем шубу. Вздвигаться на наше ложе можно только со стороны столов, но не скамейки. Около 8-ми часов встает папа Коля, идет на базар, мамочка варит на примусе кофе. Я, обыкновенно, не дожидаясь его и иду в гимназию, которая очень близко. Прихожу в 1/2 второго. Начинаем с мамочкой на примусе варить обед. Папа Коля или бывает дома, или на заседаниях, больше для препровождения времени. Часа в 2–3 обед. На первое – жареная картошка. Тарелок у нас нет (нам здесь дали сковороду, кастрюлю и вилку), едим прямо со сковороды. На второе – пшенная каша. Потом начинается пора ничегонеделания. В это время я обыкновенно раскладываю пасьянс или пишу дневник. Уроков учить не могу – нет книг. Потом чай. Стаканов у нас нет. Мы купили одну эмалированную кружку и две жестяных баночки из-под консервов с припаянными ручками и из них пьем. Чайника у нас тоже нет, завариваем чай в специальной ложке, которой пользовались в дороге. Ложек у нас две, чередуемся. Наше обычное питание – сало, каша и картошка. Воду для умывания и для чая папа Коля тащит из колодца. Умываться подаем друг другу той же знаменитой кружкой над лоханью тут же в классе и разводим сырость. Комнату у нас ни разу не топили, холод и сырость невероятные. Спать довольно жестко и холодно, ноги болтаются на воздухе, но

это ничего. Спать ложимся в 9 часов. Класс у нас маленький, а живут в нем пока пятеро. Теснота невероятная. Обувь у нас рваная, одежда тоже, белья почти нет, это лишь одни лохмотья. Папа Коля такой ободранный ходит! У нас с собою только шубы, из верхнего платья только, что на нас, тоже теплое. Сейчас это хорошо, но когда потеплеет, что мы будем делать!? Вот она жизнь русского интеллигента...» Интересна запись следующего дня: «Сейчас мамочка рассказывала о своей свадьбе, как это было хорошо, просто и весело. И я подумала: у меня вся жизнь впереди. Может быть, мне суждено пережить много счастливых минут. Давидов говорит: «Наши дети несчастные. Они этого не переживали, они выросли в тяжелых условиях». Но я другого мнения. Мы, будущее поколение, будем очень счастливы, если, конечно, Россия будет приведена в надлежащий вид. Мы выросли патриотами, мы привыкли к лишениям, мы оценим покой. И прошлое у нас будет. Даже об этом бегстве в распроклятом Туапсе у меня останется много милого и хорошего, как о давно забытом, давно минувшем горе. Правильно Пушкин сказал: «Что пройдет, то будет мило...»

...Но наше сидение на «пересадочной станции» приходило к концу. Сменялись режимы: сначала зеленые, потом красные, потом появились отступающие с Дона казачьи части, вступившие в город под звуки рубинштейновской «Березки». Отчаянные холода сменились теплыми днями, вместо норд-оста наступили приятные дни, и мы совершали прогулки по шоссе в горы.

Весть о падении Новороссийска заставила двигаться дальше.

КРЫМ

В конце марта (1920) нам удалось переправиться в Крым, благодаря тому, что мы трое (Владимирский, Донников и я) оказались хранителями большого ящика – архива Харьковского Учебного Округа, который мы в Туапсе разбирали. Под этим соусом – хранителей – мы добились разрешения погрузиться на транспортное судно «Дооб» и приехать в Керчь. Когда мой коллега отправился искать подводу, а мы, сложив вещи, поздней ночью легли спать, ожидая, что вот-вот подъедет подвода, – мы так намучились и так сладко задре-

мали, что у всех была мысль, что, может быть, подводы не оказалось, и мы можем хорошо выспаться!!! До того надоело это печальное, бесконечное странствование без определенной цели и назначения!..

В Керчи мы пробывали страстную неделю у наших новых знакомых и неплохо провели время. Ходили на раскопки курганов, побывали в местном очень интересном музее, директором которого был К.Э.Гриневич, мой знакомый еще по Харькову – там я познакомился с проф. Довнар-Запольским, который тоже был на беженском положении и жил в квартире директора музея. Для меня эти встречи были очень приятны – я еще тогда был близок к науке.

После томительных дней Туапсе, в Керчи Ирина несколько ожила. Переезд через пролив, археологические экскурсии, посещение музея, новые люди (семья художника, где мы жили) и проч. подняли ее жизненный тонус и как бы вернули ее от бесплодных мечтаний и тоски к действительной жизни, шумной и интересной. Это настроение было выражено ею в замечательном, для ее возраста, стихотворении, очень оригинальном по мысли.

В РАЮ

*На небесах, в блаженстве рая,
Где счастья заплеталась нить,
Мне жизнь припомнилась иная –
Ее, увы, не позабыть.*

*Там, на земле, где блещут дали
В тумане сумрачных ночей,
Там, где страданья и печали,
И смерть сзывает палачей,*

*Там, что ни день, призыв могучий
Влечет сердца в глухую даль,
Там, словно солнце из-за тучи,
Блестят и радость и печаль.*

*Там жизнь цветет одно мгновенье,
Безумный стон, немой упрек,
И мчится до поры забвенья
Там жизни беженный поток...*

*На небесах, в блаженствах рая,
Где счастья заплеталась нить,
Мне жизнь припомнилась иная –
Ее, увы, не позабыть.*

21.III.1920. Керчь

На Пасху (март 1920) мы приехали в Симферополь, который на нашем беженском пути был значительной станцией. Некоторое время мы жили на вокзале, расположившись на диване и даже на столе. По утрам мы могли наблюдать работу буфета, где хозяин «подслюнивал» бутерброды и т. д. В комнате 1-го класса можно было заниматься «регистрацией беженцев», потому что мы были покрыты насекомыми. Несколько дней я пробегал по городу в поисках какого-нибудь угла и, наконец, на Бетлинговской ул. нашел что-то вроде курятника, где можно было хоть как-нибудь устроиться. Ирина даже могла спать в доме, в комнате хозяйской родственницы.

В городе были случаи холеры, даже на нашем дворе, так что пришлось сделать холерные прививки. Обедали в столовых. Лишения вроде отсутствия сахара и проч. уже печалили мало.

Вскоре проф. А.Н.Деревицкий, уезжавший с семьей на дачу на Южный берег Крыма, предоставил нам свою квартиру. Это было уже положительным отдыхом для всех нас.

Симферополь, стоявший сравнительно далеко от центра революционной борьбы, имел вид нормального города, в котором еще не угасла культурная жизнь. Здесь были газеты, в которых я вскоре начал сотрудничать, действовали театры, функционировал университет. Все это нами было использовано полностью. Лично для меня существование большой университетской библиотеки, в которой, между прочим, находился интереснейший Тавельский Архив В. С. Попова (сподвижника Потемкина), и наличие академической жизни вообще явилось сущим духовным отдыхом. Я был избран членом Исторического Общества при университете, где прочел доклад на тему об Екатерининской Комиссии 1767 г., а затем я написал несколько исторических работ. До сих пор я вспоминаю с удовольствием это время, проведенное мною в радушной и гостеприимной академической среде.

И для Ирины Симферополь дал очень много. Она имела возможность часто посещать театры, что для нее было от-

кровением, потому что в Харькове по своему возрасту она бывала в театрах лишь на детских спектаклях.

Нужно было подумать о школе. Одна моя знакомая по Харькову любезно взялась подготовить Ирину к экзамену в гимназию. Ирина принялась за дело с большой охотой – ведь она была способная девочка, развитая, и школьная наука ей всегда давалась легко и, конечно, за вступительные экзамены я не беспокоился, хотя курсы и были запущены. По древней и русской истории я, в саду, прошел курс в несколько дней, и с большим наслаждением смотрел, как она быстро схватывала и осмысливала мои схемы.

Но внутреннее состояние Ирины по-прежнему смутное и подавленное. Все страницы ее симферопольского дневника полны жалобами на свою судьбу. Мрачным отчаянием звучит «Песнь нищеты»:

*Сквозь холодный туман загорелась заря,
Бледный свет в полутьме расстилается,
От молчанья ночного очнулась земля
И в безмолвной тоске пробуждается.*

*И сильнее печаль мое сердце гнетет,
Тихо песня звучит безответная...
Раб житейской нужды, раб житейских невзгод,
Я люблю тебя, ночь беспросветная.*

*Ночь в холодном тумане укроет меня,
Когда в мрачном лесу укрываюсь я,
Когда с острым ножом, свою долю кляня,
Над добычей ночной насмехаюсь я.*

*Пусть лишь ночью, во тьме, льются кровь и вино
И блещут груды злата холодного,
Пусть от взоров людских будет скрыто оно,
Это зло всего мира голодного.*

*Это зло и мечта, золотая мечта...
Проясняются дали туманные.
О, замолкни унылая песнь навсегда,
Смерть, приди же скорее, желанная!*

1.IX. 1920. Симферополь

Тема смерти вообще часто встречается в стихах Ирины, во все времена, причем она трактуется несколько необычно. Иногда смерть рассматривается, как желанная избавительница, как переход в лучший мир и т. д. В этом отношении интересно одно стихотворение, написанное ею в Симферополе. Ирине очень нравился мотив похоронного марша «Вы жертвою пали», который она много раз слышала, начиная с Харькова. Это стихотворение, написанное, правда, в другом размере, вносит в печаль смерти примиряющие ноты.

ТРАУРНЫЙ МАРШ

*То не печаль, тоска немая,
Летит над хладною землей,
То смерть, великая, святая,
Красой незинною сверкая,
Уносит душу в мир иной.*

*Увяла юность удалая,
Холодной жизни красота,
Поблекла радость молодая,
Печать молчанья роковая
Легла на мертвые уста.*

*Чело не дышит вдохновеньем,
Не блещет страсть в его очах.
За погребальным слышно пеньем,
Как плачет ветер с сожаленьем,
Как плачет туча в небесах.*

*Но тот, чье сердце не забьется,
Кто тайну мира разгадал,
Кто на мольбы не отзовется,
Кто спит и больше не проснется,
Тот узы жизни разорвал.*

*Не видит день весенний мая,
Не слышит погребальный звон.
Пред ним предстала цель иная,
Он зрит красу святого рая,
Иное счастье видит он.*

*Он спит на крыльях упоенья,
Он видит ряд желанных снов.
Не пробудят в нем сожаленья
Ни слезы ближних, ни моленья,
Ни грустный звон колоколов.*

29. V. 1920. Симферополь

Этому стихотворению предшествовала следующая запись в дневнике 22 мая: «...Завтра мы, должно быть, с папой Колей пойдем прививать холеру. Говорят, что с этой прививкой можно получить холеру и в несколько часов умереть. Вот, если бы мне получить ее! Сейчас это, кажется, самое искреннее желание. Да, я хочу умереть. Жизнь мне не дала того, что от нее требуется. Самое прекрасное, самое святое в мире – это смерть. И я жду ее, жду с нетерпением! Как бы хорошо сейчас умереть, тихо, незаметно; похоронят меня на уютном симферопольском кладбище, где-нибудь рядом с бабушкой; поставят черный крест с моим стихотворением (для этого можно сочинить надгробное слово), и ничего не буду я слышать, не видеть, ничего не чувствовать. Но зато я постигну великую тайну мира, узнаю то, что не знают живущие. Ах, как хорошо умереть!!»

Конечно, это «литература», но именно поэтому она интересна, как комментарий к этому стихотворению.

По дневнику Ирины можно узнать о беженских настроениях в Симферополе в ту эпоху. Добровольческое наступление уже было приостановлено, и положение Крыма стало угрожающим. В связи с этим в сознании Ирины преломлялись разные мысли о судьбе России. Ирина имела возможность говорить с лицами разных политических ориентаций, и это отразилось в ее дневниковых записях. У нее начали появляться оптимистические ноты, возвышающиеся над ее собственными настроениями. Вот, например, запись от 19 мая 1920 г.: «...Не оружие победит большевизм, он сам пройдет. Это болезнь. Но не к смерти приведет она Россию, а к цветущей славе. Большевизмом переболеет весь мир. Россия будет передовой страной, великой, славной и могучей, куда лучше, чем прежде; и Запад перестанет хвалиться перед нами, потому что Русский народ – самый лучший народ на

земном шаре...» Приведя эти чьи-то (по-видимому, одного знакомого) слова, она прибавляет: «Так гласят мудрые слова истины»... «Но, к сожалению, я не увижу великой России, и очень, очень не скоро, даже никогда, не вернусь в Харьков. Прощай, прощай навсегда, Таня!» И опять она попадает на свое больное место, начинается бред наяву – она обращается к Тане как к своей собеседнице с исповедью, что «трагедия не в том, конечно, что жизнь идет в собачьих условиях, а в том, что разрушен внутренний мир, честность, совесть и т. д.», «О, Господи, зачем я это пишу, ведь ты все равно не прочтешь!» – спохватывается она...

Становясь взрослее, слушая разговоры старших и размышляя, Ирина начала понемногу отвыкать от мысли, что мы вот-вот вернемся в Харьков, но это ее уже не так пугает. Желтый листочек лежит на одной из страниц ее дневника, где имеется такая запись: «Этот первый осенний лист, который я заметила, я нарочно кладу в эти страницы, чтобы он мне всегда напоминал об этом осеннем дне, об этом настроении, об этих думах. И пусть он мне всегда будет напоминать, что жизнь только одна, что время не останавливается, что каждый день, каждое мгновение нужно жить. Жить полной жизнью, а не ждать».

Между тем наше пребывание в Симферополе становилось все затруднительнее. «Земля», еженедельная газета, в которой я был секретарем, прекратила свое существование, в другой газете я вообще помещал статьи лишь случайно; деньги уходили, пришлось продавать кое-что из того малого ценного, что у меня имелось. Ушли маленькие золотые часы, старинные серебряные рубли и, наконец, мой заветный, золотой, подарок отца... С приездом Деревницких с Южного берега пришлось оставить их квартиру и переехать в очень глухую часть города, в очень плохонькое помещение, в комнату почти без мебели – пришлось спать на полу. Но самый большой недостаток этой квартиры были ее хозяева, пожилые люди, какие-то сектанты. «Хочу жить по Евангелию», – говорил мне хозяин, почти совсем неинтеллигентный человек, часто читавший Библию. Своих двух маленьких детей (один был хроменький) они били за малейшие провинности, и потом говорили: «Поцелуй руку мамаше, скажи спасибо...»

Начиналась осень с очень тяжелыми перспективами. Из нашего логовища Ирина уходила отдыхать, словно в парк, на ближайшее кладбище.

Как бы повернулась наша жизнь в дальнейшем, если бы не приход моего коллеги по Харьковцу Д.З.Имшенецкого, который устроился преподавателем в Морском Корпусе в Севастополе. Он предложил мне занять место преподавателя истории в этом Корпусе. Это было кстати и очень приемлемо. Быть преподавателем своего предмета, жить в отдельной квартире (с ванной и проч. удобствами), в великолепном, только что выстроенном помещении на берегу моря! Чуть ли не на следующий день я поехал в Севастополь, где все сразу устроилось, и я вернулся за женой и Ириной.

Через несколько дней мы с нашим несложным багажом были уже в Севастополе. Импозантное главное здание Корпуса еще не было закончено, но уже кое-где были размещены роты. Нам дали две комнаты в одном из преподавательских корпусов, еще не вполне приведенных в окончательный вид, так что мы ютились на бивуачном положении, почти не распаковывая наш багаж. Так мы прожили десять дней. Но Ирина уже успела побывать в севастопольской гимназии – это была уже пятая гимназия, в которой она училась на протяжении этого года. Впечатления ее от этой гимназии были самые невеселые – город жил ненормальной жизнью, классы были сборные, на уроках сидели в шубах и проч. В гимназию с Северной стороны она ездила на катере.

До теплых дней в Севастополе нам дожить не удалось, ни погреться на южном солнце, ни покупаться в русском море...

Отсюда мы начали наш новый скорбный путь и, главное, – покидали Россию... Когда я объявил своим об эвакуации, Ирина заплакала...

*Все кончено. Разрушены желанья,
Поруганы заветные мечты.
Опять, опять забытого страданья
Я узнаю знакомые черты.*

*Я узнаю – в холодном сердце снова
Безмолвная тоска по-прежнему лежит;
Гнетут судьбы жестокие оковы,
Дыханье смерти душу леденит.*

*Нет воли у меня. Желанья безобразны.
Душа моя мне кажется смешна,
Мечты так грубы, пошлы и бесстрастны:
...И жизнь, как туча грозная, мрачна.*

7. XI. 1920. Константинополь.
Дредноут «Генерал Алексеев».

II. ЭМИГРАЦИЯ

БИЗЕРТА

Этот переход от Севастополя до Африканских берегов подробно описан в моей книге «Сфаят» (Париж. 1935).

*Нет, не победа и не слава
Сияла на пути...
В броню закованный дредноут
Нас жадно поглотил.*
(Ир. Кнорринг. «Баллада о двадцатом годе»)

Броненосец «Генерал Алексеев» (б. «Александр III», «Слава»), вобравший в свое огромное, мрачное нутро весь Морской Корпус, был в ужасном состоянии. Загрязненный донельзя, он был наполнен крысами, которые по ночам вылезали из своих нор и смело гуляли по спящим людям. В кубрике, куда были помещены мои жена с Ириной, в первую же ночь пришлось спугивать крыс со спящей Ирины. Часто не было света. Ирина замкнулась в себе, одиноко сидела где-нибудь в углу, в стороне от шумной толпы, одна со своими думами, не имея возможности даже писать, как следует, свой дневник: тетрадь была в чемодане, заложенном где-то, среди чужих вещей. Она все же ухитрилась, достала карандаш и на маленьких листах, на которых теперь с трудом можно разобрать пожелтевшие строки, записывала кое-что из своих наблюдений. Помимо хронологического рассказа и описания некоторых фактов, это – отражения разговоров и настроений взрослых. Но это была совершенно не та среда моих знакомых, к которой она привыкла в Харькове, даже в Симферополе. Здесь были военные моряки, и на военном корабле я был человек, по своим мировоззрениям отличавшийся от общей офицерской массы, понесшей поражение

в гражданской войне, крайне озлобленной и уже деклассированной. Лично я в эти дни чувствовал себя совершенно одиноким, а про Ирину и говорить нечего. Ее замкнутый, скрытный характер мешал ей сходить с девочками ее возраста, которых на корабле, помнится, было немного. События, которые проходили перед ее глазами, трудно осваиваемый корабельный быт смущали ее душу. Конечно, молодость брала своё: при первых же теплых лучах солнца она оживала, становилась веселой и доступной детским радостям. Это томление и смена настроений сказывались в ее стихах в виду земли, которая с начавшимся теплом африканской зимы неудержимо влекла к себе и завораживала.

Вот, например, отголоски ее корабельных настроений.

*Быть может, снятся в ночь глухую
Тебе далекие края,
Где я в унынии тоскую
В угрюмой жизни корабля,
Брожу по палубе пустынной,
Гляжу в неведомую даль,
Где небо серое, как сталь,
И вьются чайки цепью длинной?
Передо мною, сквозь туман,
Как серый призрак, как обман,
Видны строенья Цареграда
Над бездной вод, в кругу холмов,
Мечетей, башен и дворцов
Теснятся мрачные громады...
А там, за бледной синей далью,
Чуть отуманенной печалью,
За цепью облаков седых,
Где чайка серая кружится,
В глухом тумане волн морских,
Мое грядущее таится...*

17. XI. 1920. Константинополь.

«Генерал Алексеев», 20-й кубрик.

Темнота. Духота. Сырость. Крысы пищат.

НЕ ГОВОРИ

*Таи в себе глубокое страданье,
Не говори, что жизнь твоя пуста,*

*И пусть печать зловещего молчанья
Сожмнет твои веселые уста.*

*Не говори, о чем ты тосковала,
Под маской скрой унынье и печаль,
Не говори, что сердце жить устало,
Не говори, чего так больно жаль.*

*Таи в себе стремленья и желанья,
Не открывай своих заветных грез,
Не жди от мира капли состраданья,
И пусть печать унылого молчанья
Смирит поток твоих душевных слез!..*

28. XI (11. XII.). 1920.

«Константин». Мраморное море.

*Воздух весенний бодрит и пьянит,
В светлую даль голубую манит,
В вольные степи, на зелень полей,
Там, где душе веселей, веселей!
Там, где привольная даль широка,
Там, где, волнуясь, летят облака,
Там, где вся радость весеннего дня...
Но далеко эта даль от меня...
Душит тоска все больней и больней,
Бедному сердцу грустней и грустней.
Светлые грезы, минувшие дни
Были лишь звонкие песни одни.
Все, что прошло быстрокрылой мечтой,
Кажется в жизни одной лишь чертой.
Вольная жизнь широка, широка,
Пышная степь далека, далека,
Юная жизнь в неизвестность манит,
Воздух весенний бодрит и пьянит*

27. XII. 1920. Бизерта.

«Константин». Под желтым флагом.

В КАРАНТИНЕ

*Спустился вечер молчаливо,
Недвижный воздух сны дарит,*

*Молчит немая гладь залива,
И месяц волны золотит.*

*Спокойно все; чуть волны плещут,
Повсюду мрак, объятый сном,
И маяки, как звезды, блещут
В туманном сумраке ночном.*

*Едва освещены огнями,
Давно уснули корабли, –
А там, под лунными струями,
Молчит угрюмый лик земли.*

*«Земля!» О, сколько это слово
Желаний радостных таит!
Оно звучит любовью новой,
Оно зовет, оно манит.*

*Так тянет в роицы, в степи, в горы,
Где зелень, счастье и цветы,
Уйти от праздных разговоров,
От скуки, сплетни, суеты...*

*Но желтый флаг тоскливо вьется,
Но гладь морская широка, –
И сердце так уныло бьется,
И всюду хмурая тоска.*

*Молчит корабль в тиши залива,
На мачте красный огонек.
А черный берег молчаливо
Манит, таинственно-далёк.*

17. I. 1921. Бизерта. «Кронштадт»

Наконец, ноги Ирины ступили на африканскую почву, на которой она прожила четыре с половиной года. Начался новый этап ее жизни, очень сложный и богатый впечатлениями. Здесь ей удалось закончить свое среднее образование, правда, не обычным, школьным, путем. Эти годы, может быть, самые спокойные и беззаботные в нашем беженстве, дали ей возможность как-то устояться, оглядеться, внутрен-

не окрепнуть. Здесь она много читала стихов современных поэтов, изучала их и подражала им (как музыкант пишет фуги под Баха и проч.), но в то же время росло ее техническое стихотворное мастерство, которое стало находить общее признание.

Пребывание в Африке для Ирины имело вообще большое значение. За четыре с половиной года жизни в Бизерте она из девочки превратилась во взрослую девушку. Здесь, пожалуй, окончательно сложился ее характер в зависимости от обстановки, так не похожей на харьковскую. Наследственное ее свойство – застенчивость не могла быть побеждена общением с людьми, по духу чуждыми. Прошло несколько лет, пока я сам обжился и привык к своему окружению. Это мне досталось с большим трудом, нечего уже говорить об Ирине, которая не только смотрела на все нашими глазами (как будет сказано далее, она была в это время особенно близка со своею матерью), но была особенно горда своим положением одиночества, которое и отвечало ее жертвенному настроению. Эту маску одиночества, по правде сказать, она носила в значительной степени благодаря своей застенчивости, побороть которую было ее самолюбию очень трудно.

По мере ее роста вставал вопрос об ее образовании. Детей среди нашего офицерского состава набиралось человек пятнадцать, но самого разного возраста. Я пытался, было, устроить школу, даже поставили для ее нужд палатку, – но ничего не вышло: уроки организовывались с трудом, по-любительски, забот было у всех достаточно, и школа расстроилась; между прочим, палатку после одной бури сорвало с оттяжек, и после этого ее уже и не ставили. Через несколько месяцев, однако, вопрос об учебе детей встал серьезно. Некоторые мальчики поступили в лицей в Бизерту, кое-кто поступил в Корпус, а девочкам французы предложили определиться в пансион при монастыре Сионской Божьей Матери, имевшем свое отделение в Бизерте. Как ни неприятно было для нас с женой решиться на этот шаг, но положение в Сфаяте, особенно в первый год, в материальном отношении было плачевное, недостаточное питание грозило здоровью, – и вот 31 мая Ирина вместе с другими девочками из нашего лагеря были отправлены в Бизерту, в монастырь. Жизнь в лагере в убогой беженской обстановке, при очень скудном пайке, была настолько непривлекательна, что Ирина вос-

приняла этот переход в монастырь сравнительно легко, даже с некоторым интересом, особенно напирая на возможность изучения французского языка. Верная своей поэтической риторике, Ирина отметила этот переезд в стихотворении:

*Прощай Сфаят, прощай свобода!
Прощай последний майский день,
Где все мольбы и все невзгоды
Сошли в таинственную тень.*

*Передо мною блещут дали,
Где я, молитву сотворя,
Сойду под вечный свод печали
В глухих стенах монастыря.*

*Но в душиной клетке заточенья
Меня, я знаю, также ждут
И там счастливые мгновенья,
Волненья, жизнь, борьба и труд.*

*Но нет тревоги, нет невзгоды,
Ни грозных бурь, ни злобных дней,
Ни упоительной свободы
Разгульной юности моей.*

31. V. 1921.

В автомобиле по дороге в монастырь.

В монастыре всех постигло некоторое разочарование. Прежде всего, оказалось, что там можно было выучиться языку лишь в очень медленном темпе, потому что на разговоры там смотрели довольно холодно, оставались только уроки. Русские девочки между собою разговаривали, конечно, только по-русски. Моральное состояние Ирины было тоже неважное – она постоянно беспокоилась о нас, что видно из ее дневника. Когда мы ее посещали в Бизерте, то она частенько плакала. Впрочем, у нее в голове были свои «думки», которые она точно сформулировала так: «До октября – в монастыре. Приложить все усилия к изучению языка, а в октябре, что бы ни случилось, – бросить монастырь и заниматься – пройти курс пятого класса». Эта поставленная задача придавала ей силы и бодрости. Она так настойчиво

проводила свою идею, что мы, несмотря на наше, поначалу, сопротивление ее желанию выйти из монастыря, принуждены были взять ее оттуда. (Между прочим, я лично долго противился этому, видя здесь лишь линию наименьшего сопротивления со стороны Ирины). Выход из монастыря вызвал в сфаятском обществе осуждение: там сочли это за малодушие, за блажь, и на Ирину стали смотреть косо. Но она и без того всегда держалась замкнуто.

Теперь, с ее возвращением из монастыря, встал вопрос об ее образовании. При отсутствии школы, оно должно было свестись к самообразованию. Но наличие в Корпусе прекрасных преподавателей и мои хорошие отношения с ними давали возможность частных уроков, чем и воспользовалась Ирина. Таким образом, благодаря любезности моих коллег, Ирина начала проходить гимназическую программу параллельно с кадетами. Прохождение общих курсов привело ее к сближению с кадетами. Они помогали ей по математике, а она не раз писала для них сочинения по русскому языку, потому что в этом отношении ее развитие и склонность к литературе давали ей значительное преимущество перед кадетами, у которых в эти времена грамотность несколько хромала.

Верная своей привычке закреплять в стихах «дни своей жизни», Ирина умела как-то извлекать поэтическое настроение и из занятий по наукам. Вот, например, ее стихотворение, написанное в связи с ее занятиями по космографии с кадетом Вадимом Матвеевым.

НА ЗАВТРА

*На завтра – космография:
Зенит, склоненье, азимут,
И толстая тетрадь.
Раскрою, молча взяв ее,
Гоня скуку праздную,
И стану изучать.*

*Пусть много непонятного,
Все формулы решительно
Запомню наизусть.
Пусть много неприятного,*

*Работа утомительна,
Трудна, так что же? Пусть!*

*Из формул математики
Легко искать нетленное
Хоть до потери сил...
А вечером слагать стихи
Про вечную вселенную,
Про шествие светил...*

13. III. 1924. Сфаят

ВСЕЛЕННАЯ

В.Матвееву

*Небесный свод – к земле склоненный плат,
Грозящий мир тысячеглазый,
В немую гладь ничей пытливый взгляд
Еще не проникал ни разу.*

*Глухая даль, где каждая звезда –
Великий мир, предвечный и нетленный,
И мы – песчинки – падаем туда,
В пасть ненасытную Вселенной.*

*И только мысль меня одна мирит,
Что все великое от века и до века, –
Пространство, вечность, времена, миры –
Живут в сознание человека.*

9. IV. 1924. Сфаят

Так, мало-помалу, год за годом, Ирина прошла гимназический курс (за исключением латыни), и в 1924 году по моей просьбе специальная комиссия при Морском Корпусе экзаменовала ее по программе средне-учебных заведений, что по существу соответствовало курсу реального училища. Экзамены она выдержала блистательно, получив в этом официальное свидетельство, которое в Париже, в академических французских кругах, было признано соответствующим, в смысле прав, свидетельству об окончании русской средней школы. Так, к чести Ирины, она добилась осуществления поставленной ею цели, даже более того – получила, в сущности, «аттестат зрелости».

Бизерта, Сфаят, Джебель-Кебир, окрестные форты – беженские лагеря – вот африканская география Ирины за четыре с половиной года. Ирина стала взрослой, нелюдимой, по характеру скрытной, застенчивой до болезненности. Может быть, при этой застенчивости она казалась неприветливой и нелюбезной с другими. Эта черта осталась у нее на всю жизнь. Многие считали её поэтому гордой, ломучкой, невоспитанной и т. д. Это было, конечно, неверно. Стоило только как-то суметь подойти к ней, и она вся раскрывалась, делалась веселой и простой. Надо признаться, что среда, в которой мы жили, по своему духу не была нам близкой, т. е. мне. Мои политические убеждения нередко вызывали конфликты, которые иногда сильно отдаляли меня от нашего сфаятского общества, наша семья тогда сразу как бы замыкалась, и, конечно, Ирина, будучи всегда с нами (т. е. со мной и матерью), очень страдала и гордо переносила свое одиночество. И то надо сказать, что подруг ее возраста в нашем лагере было очень мало, так что и дружить-то ей было не с кем. Больше всех, пожалуй, она дружила с Наташей Кольнер, которая была на несколько лет моложе ее. Ей посвящено стихотворение «Спасибо, друг»:

*Спасибо, друг; за то, что вижу снова
К себе доверие, и ласку, и покой,
За первое приветливое слово,
За первый взгляд, невинный и простой.*

*Зато, что здесь, к печальной, одинокой,
Среди унынья, пошлости и зла,
В чужой толпе, бесчувственной, далекой,
Ты, первая, несмело подошла.*

*За первый миг навекного счастья,
За тихий миг, несмелый и живой,
За все участие, робкое участие
Со всей наивной, детской простотой.*

12. V. 1921. Сфаят

Всю силу своей любви, нарастающей потребности делиться своими молодыми горем и радостью Ирина отдала своей матери, которая в то время была для нее поверенной

ее тайн, лучшей подругой в полном смысле этого слова. Когда я вспоминаю наши африканские дни, нашу «дачку», стоявшую у обрыва, над маслинной рощей, где висел гамак, и те изумительные летние вечера перед закатом солнца, когда всех невольно тянуло гулять, – я как сейчас вижу, как Ирина с матерью, обнявшись, как две сестры, уходили на прогулку и возвращались усталые, но тихие и умиротворенные. «Мамочке» посвящено Ириной много стихотворений того времени, целый цикл. Приведу некоторые.

*Все не сидится, все тревожится,
В душе холодный яд.
Пойдем со мной до раздорожицы,
Потом – назад.*

*Какой тоской к земле приколота?
Дай руку, говори!
О, посмотри, как много золота
В лучах зари.*

*О глянь, какая кровь на западе...
А мы с тобой – вдвоем.
Мне душно, душно в тихой заводи!..
Давай уйдем?*

8 V. 1924. Сфаят

*Я одна. Мой день бесцветен.
Жизнь моя пуста.
Тяжело на этом свете
Дышит пустота.*

*Кроме жалоб и печали,
Больше песен нет.
Тихим стоном прозвучали
Восемнадцать лет.*

*Но моей глухой тревоги,
Милая, не тронь.
Слишком много, слишком много
Брошено в огонь.*

*Не разгонишь, не развеешь
Пепел темных дней.
Тихой лаской не согреешь
Холода ночей.*

*Будет тише, будет лучше,
Все пройдет, как чад.
То, что больно, то, что мучит,
Не придет назад.*

*Нет, не встанет на дороге
Мой ретивый конь!
Только много, слишком много
Брошено в огонь.*

17. IV. 1924

*Ты, как призрак, встала предо мной,
Я сквозь сон тебя лишь угадала.
Белая, с мигающей свечой
Надо мной ты, тихая, стояла.*

*Крепкий сон и крепкая тоска –
Все слилось с твоей улыбкой милой.
Я спала. И бледная рука
Надо мной задумчиво крестила.*

7.I.1925. Сфаят

В африканский период жизни Ирины стал крепнуть и устанавливаться ее поэтический талант. Как она сочиняла, писала свои стихи – я почти не замечал, да это и трудно было заметить, потому что она почти никогда именно не «сочиняла» свои стихи, у нее почти не бывало черновиков: она брала свою записную книжку и просто записывала туда стихи, которые перед этим как-то складывались у нее в голове. Словом, она писала стихи сразу, набело, почти никогда не отделявая их. По поводу этого я говорил с Бальмонтом, и он мне сказал, что это «ни хорошо, ни плохо», а является «свойством дарования». Как правило, все ее стихотворения я переписывал в тетради, которые сохранились.

Давши ей первые уроки стихосложения, я чувствовал себя, как руководитель ее в этом отношении, все более и

более беспомощным: она становилась поэтом, которому требовалось уже специальное руководство.

...Я начал выписывать из Парижа книги поэтов – Блока, Гумилева, Ахматову, Цветаеву и др., которых Ирина пристально «изучала». После поэтов-классиков, которых Ирина знала по школе и по дому, ей теперь пришлось ознакомиться с представителями «новой», современной поэзии. Она внимательно изучала преимущественно стихотворную технику знаменитых поэтов, усваивая их манеру письма и проч. Следы этих влияний можно проследить очень легко по ее стихам. Бальмонт, например, оглушил ее звоном своих стихов и эффектом неожиданных словообразований. Его влияние (очень недолгое) видно в первом ее стихотворении, напечатанном в парижских «Последних Новостях».

*В холодной кабинке, и темной и тесной,
Мы молча сидели в тоске неизвестной,
И это молчанье нам было понятно.
На небе порой колыхались зарницы,
Как будто бы крылья невидимой птицы
Дрожа отряхали кровавые пятна.*

*И сумрак дрожал молчаливым забвеньем,
Скользили загадочно – лунные тени;
Как будто шептали о чем-то тревожном,
Какая-то истина мысли сковала...
И лунно-красивая сказка пропала...
И что-то безумное стало возможным.*

*Загадка пропала. Все стало понятно,
И даже молчанье нам было приятно...
Ведь часто приятными кажутся муки.
Мы будем молчать еще долгие годы,
И в столах неволи, и в песнях свободы
Нам будут звучать похоронные звуки.*

*Кровавые тайны нам стали известны,
И не было страшно раскрывшейся бездны,
Лишь как-то неровно дрожали ресницы...
Прозрачные тени лениво скользили,
И лунные сказки задумчиво плыли...
Далеко, над морем, дрожали зарницы.*

21.I.1923. Сфаят

Когда Ирина прочла бальмонтовские «Сонеты солнца, меда и луны», ей очень захотелось овладеть этой новой для нее формой стихотворений, и она стала довольно много писать сонетов, пока не набила на них руку. Привожу два.

*Мне снилось легкое, родимое, больное,
Что? – то слова не могут передать:
Нет этих чутких слов, чтоб рассказать
Все, что видало сердце молодое.*

*Мне вспомнилось далекое, родное,
Терзанья совести мне вспомнились опять...
Но для чего былое вспоминать,
Когда насмешкой кажется былое.*

*Бесплодное, погубленное семя.
В бесцельности утрачены года,
В них сон, бессмысленность, безумие, мечта...*

*На совести лежат они, как бремя...
Лишь узел дружбы связан навсегда –
Его не разовьет безжалостное время.*

24. X. 1922. Сфаят

*Когда рыдает ветер за стеной
И тихий стон звучит не умолкая,
То мысли, сон тяжелый разгоняя,
Смущают сердце странною мечтой.*

*Окутаны бесцветной темнотой,
Теснятся стены, давит ночь немая,
В душе слова поют не умолкая,
Слова... слова... волненье и покой.*

*И верю я: тревога юных лет
Пройдет, как сон, как взлет воображенья,
Я вспомню молодость с улыбкою смущенья*

*И жизни я потребую ответ:
Достойны ль те года тоски и сожаленья?
И жизнь ответит: Нет!..*

29. IX. 1922. Сфаят

Но самое большое впечатление на Ирину произвел Блок. Он был для нее настоящим откровением. Она вчитывалась в каждую его строку, и его стиль оказал на ее стихи несомненное влияние.

*На развалинах старого храма
Подняла улыбку весны...
Я люблю Прекрасную Даму,
Разлюбив свои мертвые сны.*

Блок остался одним из любимых поэтов для нее на всю жизнь. Едва ли этому можно удивляться: ведь это была любовь целого поколения.

БЛОКУ

*Когда в вещании зарниц
Предвижу я тоску и муки –
В знакомом шелесте страниц
Ловлю я трепетные звуки.*

*В них я ищу тоски моей
Беззвучный взгляд и холод зыбкий
И в черном бархате ночей
Любимый образ без улыбки.*

*И в вечный сон, и в мощный стон
Слились печаль и боль сомненья,
И от страниц, где думал он, –
Ищу спасенья.*

21. IV. 1923

Поэзия акмеистов после короткого бальмонтовского головокружения сделала свое дело – стихи Ирины стали более простыми. В сущности, это отвечало вообще ее манере письма и содержанию ее стихов, связанных с серыми буднями

ее сфаятского времени. Ахматова в этом отношении только подкрепила направление лирики Ирины, указав на ее возможности. Конечно, изучая Ахматову, Ирина не раз писала «под нее», но довольно обычное мнение, сложившееся в кругу поэтов о подражательности стихов Ирины вообще, совершенно несправедливо. И без Ахматовой, как утверждала Ирина, у всех поэтесс в их стихах есть что-то специфически женское. Во всяком случае, быть всегда, так сказать, «в тени» Ахматовой впоследствии ее очень волновало.

*Мы – забытые следы
Чьей-то глубины.
А. Блок*

*Не широка моя дорога,
Затерянная в пыльной мгле...
Да что ж? Я не одна. Нас много,
Чужим живущих на земле,*

*Нам жизнь свою прославить нечем,
Мы – отраженные лучи,
Апостолы или предтечи
Каких-то сильных величин,*

*Нас неудачи отовсюду
Затопчут в грязь, швырнут в сугроб.
Нас современники забудут,
При жизни заколотят в гроб.*

*Мы будем по углам таиться,
Униженно простершись ниц...
Лишь отражением зарницы
Сверкнем на белизне страниц.*

*И, гордые чужим успехом,
Стихами жалобно звеня,
Мы будем в жизни только эхом
Вдали рокошущего дня.*

23. II. 1924.Сфаят

Смерть помешала ей окончательно доказать свою поэтическую оригинальность.

Не прошла Ирина и мимо Марины Цветаевой, стихи которой поразили ее свободой рифм и вообще освобождением стиха. В одном из своих стихотворений («Больше дерзаний! Смелей вперед!»), написанном «за Марину Цветаеву», есть такая строфа:

*Нелепость? Что ж!
Долой размеры!
Есть чувство меры –
Не упадешь!*

Потом, уже в Париже, на одном вечере Марины Цветаевой, ее стихи, особенно манера их чтения, произвели на Ирину потрясающее впечатление (см. стихотворение «Цветаевой», помещенное, кажется, в «Звене»). Но, несмотря на это, Марина Цветаева менее всех оставила след в творчестве Ирины: «простой, обыкновенной душе» Ирины было чуждо стихотворное «искусство» Цветаевой. Мелодичность, напевность Ирины не вязалась с оригинальными, надуманными рифмами знаменитой поэтессы.

Как я уже говорил, я сознавал, что не могу быть руководителем Ирины в ее профессиональном мастерстве. Первое время, в Африке, когда мы еще переписывались с Россией, Мих. Пав. Самарин, ко вкусам которого в поэзии я привык прислушиваться еще в Харькове и который являлся пестуном Ирины в ее стихотворном пути, в своих письмах к нам касался ее стихов и давал очень ценные советы. Но нужно было здесь, в эмиграции, найти опору Ирине в дальнейшем развитии ее дарования, которое я, да и многие, считали бесспорным. В 1924 году я задумал съездить в Париж. Приближалась ликвидация Морского Корпуса, и нужно было что-то предпринять для устройства нашей будущей жизни. Я взял с собою тетрадку стихотворений Ирины, чтобы показать в Париже кому-либо, между прочим – Бальмонту. В Париже Бальмонта на квартире я не застал, но тетрадку оставил, а потом сговорился с ним о встрече. В назначенный час я пришел к нему на ул. Кассини. Он сам открыл мне дверь, провел в свою комнату и сейчас же бросился разыскивать Ирину тетрадку в груде книг, лежащих на стуле. Найдя

ее, он подсел ко мне, предложив папиросу, и начал говорить, что стихи Ирины еще юношеские и т. д., что ей следует вообще много работать и проч. Я его попросил указать на какие-нибудь определенные технические недочеты ее стихов. Тогда Бальмонт сказал, что у нее слишком много глагольных рифм. Я теперь жалею, что не попросил его указать примеры в ее тетрадке, потому что у Ирины в этом отношении известный этап технического мастерства был уже пройден и как раз глагольных-то рифм у нее было совсем мало. Я этого не сделал, но понял, что Бальмонт ее тетрадку не смотрел. Делать было нечего. Разговор перешел на общие темы об умении писать стихи, причем, коснувшись Пушкина, Бальмонт сказал, что если она сейчас не занимается им, то займется потом. Между прочим, я спросил Бальмонта, что он думает о манере Ирины писать стихи прямо набело, на что он ответил, что это «ни хорошо, ни плохо», а это просто «свойство поэта». Уже в прихожей, узнав, что фельетоны в «Последних Новостях» о Карфагене принадлежат мне (под буквой «К»), он стал ко мне более внимателен. По-видимому, он чувствовал по отношению ко мне некоторую неловкость. Впоследствии, когда он посылал Ирине свои книги, в нескольких своих письмах к ней он предостерегал ее от неряшливости «неточных рифм» во вкусе Марины Цветаевой и т. д. Посылая мне поклон, он писал: «Я жалею, что мы с ним свиделись так бегло, и я был тогда пасмурный... С истинной радостью прочел в свое время его хороший очерк обо мне». Дело в том, что я привез в Париж статью о Бальмонте под заглавием «Пламенник, божества наместник» (выражение Бальмонта), которая составила у меня отчасти после моей лекции о поэте, прочитанной мною в Сфаяте. Этот очерк я хотел поместить в «Последних Новостях», но Андрей Левинсон перехватил и просил уступить его для «Звена», которого он был техническим редактором.

Испытав неудачу с Бальмонтом, я через «Последние Новости» познакомился с А.Левинсоном, которому и передал тетрадку стихов Ирины, как человеку, хоть и не поэту, но близко стоявшему к искусству вообще. Здесь прием оказался совершенно иной. Левинсон отнесся к стихам Ирины очень внимательно, определив с первого же взгляда степень влияния поэтов, но признал несомненное ее дарование и взял в «Звено», кажется, два или три стихотворения из тетрадки.

А. Левинсон впоследствии признавал, что Ирина на литературном поприще является его «крестницей». Почти одновременно Ирина начала печататься в «Последних Новостях», где вскоре была помещена ее «Баллада о двадцатом годе», встречающая очень лестную оценку читателей.

Нельзя не упомянуть еще об одном факте. Напомню, каким образом к нам попал номер «Эоса», небольшого литературного журнала, издаваемого в Самокове, в Болгарии. Ирина послала туда несколько своих стихотворений и довольно скоро получила ответ. Редакция писала, что обычно у них присланные стихи ожидают своей очереди, но что стихи Ирины «настолько хороши», что редакция помещает их в ближайшем номере. И впоследствии редакция «Эоса» была очень благосклонна к Ирине. Надо сказать, к чести Ирины, что это идущее с разных сторон признание ее дарования отнюдь не вскружило ей голову. Это была дорогая для нее поддержка, укрепившая в ней веру в свое дарование, и заставила серьезно относиться к самому писанию стихов. И впоследствии Ирина была очень строга в оценке своих стихов, и если подчас давала в печать стихи слабые, то это происходило не от пониженной литературной ответственности, а от недостаточно еще окрепшего литературного развития: ведь ей, когда она приехала в Париж из Африки, едва исполнилось 18 лет.

*Мне в тридцать пятом номере «Звена»,
Вчера полученного нами,
В глаза страница бросилась одна
С моими робкими стихами.*

*Я в первый раз прочла свои слова
И ощутила горькую утрату:
Зачем, зачем другим я отдала,
Что мне одной лишь было надо?*

6.X. 1923.Сфаят

В середине мая 1925г. мы покинули Африканские берега. Это были дни, с одной стороны, полные надежды на будущее, особенно, у молодых, с другой стороны, окрашенные тихой грустью. Как-никак, годы, проведенные нами около Бизерты, в истории нашего беженства были, может быть,

самыми спокойными и беззаботными. Там мы действительно отдохнули физически, в материальном отношении, особенно, в последние годы, было совсем не плохо, и, так сказать, успели прийти в себя и осмотреться после всего пережитого на родине. Ирина, верная своей склонности поэта-летописца, очень трогательно выразила свои чувства в своей «Балладе о ликвидации», из которой привожу два последних стихотворения.

V

*Все в прошлом. Веселые шумы,
На стеклах – сплетенье лучей.
Тревожные, тихие думы
Холодных дождливых ночей.*

*Тоски моей, душной и томной,
Мне, кажется, сделалось жаль,
Обиды, казалось, огромной,
Огромной, как синяя даль.*

*Так было. И сердце дрожало,
И взгляд был тревожен и строг,
И в сердце возникло не мало
Больших, ненаписанных строк.*

*Мне жалко вас: книги на полке,
Катушки вдоль белой стены,
И куклы бумажные с елки,
И страшные, нервные сны...*

*Вот пачка бумаги, тетрадок,
Я все отнесу и сожгу.
Мой мир был здесь жалок и гадок,
Он – новый – на том берегу.*

*Большой, равнодушный, угрюмый,
Без слез и без ярких лучей,
Без вас, мои грустные думы,
Под шум однозвучных дождей.*

VI

*За морем – новая тревога,
Большой, тревожный и новый мир...*

*Совсем заглохшею дорогой
Мы поднимались в Джебель-Кебир.*

*Места знакомые, родные,
И каждый камень в белой пыли,
Быть может, ближе, чем Россия,
Родней и ближе родной земли.*

*Пустые стены и казематы,
Мертво и пусто, тихо, темно...
Здесь помещался класс когда-то...
Здесь танцевали... не так давно...*

*В конце глухого коридора,
Где в церкви лился дрожащий свет, –
В душе сплеталось столько споров,
Так много мыслей... Теперь их нет...*

*Молчат арабы часовые,
По коридорам тюремный мрак...
И воскрешают дни былые
Здесь каждый камень и каждый шаг.*

*И там, за входом - яркость моря,
Куда-то тянет морская даль...
Здесь было счастье и много горя,
И много мыслей, которых жаль.*

11. V. 1925. Сфаят

ПАРИЖ

Мы приехали из Бизерты в Париж в мае 1925 г. Начался большой, сложный и роковой этап в нашей жизни. Может быть, только моя жена боялась Парижа, предвидя все затруднения в поисках заработка и проч., тогда как в Африке мы были сыты, и о завтрашнем дне можно было не заботиться. Я, лично, не боялся Парижа, – я знал, что там получу журнальную работу, встречу хороших знакомых, необходимую поддержку, буду иметь возможность заниматься наукой и т. д. Словом, мое настроение было радостное. Предварительная разведка в Париже хотя и не дала конкретных деталей, но, во всяком случае, питала большие надежды.

Что же касается Ирины, то, конечно, для нее, после нашего африканского быта, Париж должен был представляться городом величайших для нее возможностей. При том нужно сказать, что она ехала туда уже с некоторым литературным именем. Ее стихи печатались не только в «Последних Новостях», что можно было объяснить моими личными отношениями с редактором, но и в ряде других журналов: «Эос», «Перезвоны», «Студенческие Годы», «Своими путями». Конечно, самое большое значение в этом отношении имели «Последние Новости», которые, будучи серьезным русским органом, имели очень большое распространение среди русской эмиграции. В Париже, встречаясь с людьми из разных стран, мы были удивлены определенной известностью Ирины: многие читатели не только обратили внимание на ее стихи, но собирали их и т. д. Это было время, когда только что нарождалась русская эмигрантская литература, которая дала очень сильных представителей русского словесного искусства за рубежом, которое создавалось и росло параллельно с советским и, хотя по неоспоримым законам истории должно было иметь после известного рода взлета и свой естественный конец, – эмиграция не может быть вечной, – однако безотносительно эмигрантская литература может занимать в истории русской культуры солидное место.

Ирина относилась к своему призванию очень серьезно: оно поднимало ее в собственных глазах и давало ей смысл ее жизни. В ее дневнике есть место, где она формулирует свое осознание «литератора». После получений «Студенческих Годов» и других журналов она пишет: «Глядя на журналы, на письма от родных и близких, я была счастлива. Я чувствовала себя настоящим человеком, а не «сфаятской барышней»... И снова я почувствовала, что я вернулась домой из дальних странствий. Может быть, действительно, я вернулась в семью из своих ультра-личных переживаний?»

Но ее будущее было неопределенно, она как бы стояла перед закрытой дверью, одна, как прежде... Это чувство, окутанное лирической грустью, выражено ею в одном из первых стихотворений, написанных в Париже.

*Шумят мне ветвистые клены
В широкую прорезь окна.
Под сенью сфаятской иконы,
Опять я осталась одна.*

*Гляжу – огоньки в отдаленье,
Как звезды на небе горят,
И пахнет лиловой сиренью
Туманом окутанный сад.*

*И было ли грустно – не знаю,
Но было мучительно жаль.
Далеко визжали трамваи
И плыли в дождливую даль.*

*Какой же неожиданной тревогой,
Какой же тоской одаришь
Ты, серый, холодный и строгий,
Так долго желанный Париж?*

22. V. 1925. Париж – Севр

Мы поселились под Парижем, в Севре, на улице Пуан де жур, на вилле известного бельгийского виолончелиста Жаккобса, где сняли в верхнем этаже две комнаты (одна была темная). На той вилле жили наши соседи по Сфаяту – лейтенант Жук с женой, впоследствии небезызвестной певицей, и с маленьким сыном. Столовались вместе. Из комнаты был прекрасный вид на окрестности. Комната была небольшая, но настоящая, с деревянным полом, с камином – все это после земляных полов Сфаята казалось уже значительным шагом вперед по пути культурного устройства.

Начались обычные поиски знакомых, бесконечные справки о работе и первые знакомства с городом.

Помнится, чуть ли не в первый день приезда в Париж, я поехал в «Последние Новости» и взял с собою Ирину, чтобы представить ее как «сотрудницу» в редакции. Там я застал П.Н.Милюкова, И.П.Демидова, Н.К.Волкова. Это посещение оставило очень хорошее впечатление – все приняли мою Ирину очень приветливо и радушно, ее сотрудничество в газете было обеспечено, что потом породило большую зависть среди некоторых «молодых поэтов». Позже, когда мы играли у Милюкова в квартете, он как-то бросил: «Приводите вашу барышню, если она не особенно дикая». П.Н., по-видимому, сразу подметил у Ирины черту феноменальной застенчивости, которую она, вместе с большой долей пессимизма, получила от меня по наследству...

Вскоре произошло, при очень удачных обстоятельствах, и вступление Ирины в сферу «поэтической» литературной жизни Парижа. 6 июня мы с Ириной отправились на вечер Молодых поэтов, 79, ул. Данфер-Рошро, в помещении Протестантской церкви. Пришли мы рано, еще не было открыто помещение, но председатель «Союза молодых поэтов» Ю.К.Терапьяно уже находился в воротах дома. Мы познакомились и разговорились. Когда он узнал, что Ирина пишет стихи и хочет поступить в Союз, он выразил свое согласие и указал, как все это можно устроить.

Стала собираться публика – маленькая комнатка, одна из комнат капеллы, была набита до отказа. Возможно, что доклад Б.К.Зайцева о Блоке и выступление Н.А.Тэффи собрали полную аудиторию. В публике оказался бывший гардемарин Морского Корпуса в Бизерте, мой ученик, Н.В.Баранов, принимавший большое участие в наших литературных начинаниях. Оказалось, что он состоит в Союзе.

Доклад Зайцева был построен на отрицательном отношении к большевистской тактике Блока, что в то время было вполне естественно. Большое удовольствие доставила Тэффи своими юмористическими стихотворениями, на которые она была такой мастер. После этой, как бы официальной, части, после перерыва, начались выступления поэтов. Они читали с места, в отчаянной тесноте (помню, что председатель провозгласил: «Поэты, выступайте... если здесь вообще можно... выступать!») Тогда мы впервые услышали чтение молодых парижских поэтов с их невероятной завывающей манерой чтения стихов. Вдруг встает Баранов и говорит: «Господа, здесь находится поэтесса Ирина Кнорринг». Председатель зацепился, стал глазами искать Ирину. Публика требует чтения. Ирина говорит, что у нее ничего с собою нет, но ей кричат: «А вы наизусть!» Ирина вопросительно смотрит на меня: «Что прочесть?» Не помню, что я ответил, но она встала и громко и отчетливо прочла «Мысли вслух»:

*Ахматова сказала раз:
«Мир больше не чудесен!»
Уже теперь никто из нас
Не станет слушать песен.
И день настал, и пробил час,
И мир покрыла плесень.*

*И Гиппиус в статье своей
С тоской твердит в газете,
Что все поэты наших дней –
Сплошь – бездарь или дети,
Что больше нет больших людей,
Нет красоты на свете...*

*Скребутся мыши. Ночь молчит,
Плывет в тоске бессвязной.
Несмелый огонек свечи
В углу дрожит неясно...
О, злое сердце, не стучи:
Жизнь больше не прекрасна!*

Полу шуточное, остроумное стихотворение так подошло к настроению, что вызвало шумное одобрение. Тэффи очень любовно посмотрела на юную поэтессу. Просили прочесть еще что-нибудь, и Ирина прочла «Портрет», в котором «старушке» оказывается «только восемнадцать лет». Встречено оно было так же, как и первое, бурными аплодисментами. Успех Ирины был полный и несомненный. Сейчас же, после вечера, к Ирине подошел секретарь Союза Монашев, записал ее в члены, начались знакомства, комплименты и проч. «Я была центром внимания, – записала она в дневник, – мне казалось, что я, наконец, попала, куда следует, нашла то, о чем так долго думала в Сфаяте. Когда обратно мы ехали на метро, а затем от самого Лувра на трамвае, мимо Конкорд и выставки – я была, скажу без преувеличения, счастлива. Я говорила – началось. А теперь мне кажется – было ли это когда-нибудь?»

Через день или два был новый вечер, на котором читал доклад Георгий Адамович на тему «Ошибки поэзии», в котором проводилась излюбленная его тенденция о «простоте» в поэзии, причем «досталось» молодым поэтам. Первым читал стихи Георгий Иванов, а после очередь была Ирины. Она кое-что приготовила, но после доклада и Георгия Иванова она, быстро ориентируясь, отбросила нарочито приготовленное и прочла наизусть «Неширока моя дорога» и «Неведомому другу». Первое стихотворение понравилось, второе многим показалось манерным. Когда мы (все трое) сходили по лестнице, какой-то господин сказал Ирине: «Хорошо, хорошо, барышня! По пер-

вому продолжайте, не по второму – второе плохо, не ломайтесь. Первое очень хорошо, по первому идите. Так и Адамович сказал». – «Я совсем растерялась, – записала она в дневнике, – неужели «Неведомому другу» – ломанье?» Здесь недоумение Ирины было полное, потому что в этом стихотворении не было никакого ломанья, оно было как раз тем, чем Ирина в то время жила и что ее тревожило!

Здесь необходимо остановиться на одном моменте в физическом развитии ее натуры, который играл огромную роль в ее жизни, занял большое место в ее стихах и даже, может быть, был в некоторой степени причиной ее болезни и ранней смерти.

Половая зрелость застала Ирину в условиях, очень тяжелых для ее переживания. Из-за нашей скитальческой жизни, она была лишена обычных для ее среднего возраста условий: у нее были отняты гимназические годы ее юности и связанное с ними нормальное школьное обучение, культурная атмосфера среды, в которой мы жили, круг наших знакомых и, наконец, – дружески-любовная связь группы подруг, что, при ее сильной привязанности к людям, особенно ее угнетало. В семье она росла одна, и характерно в одном месте ее дневника горькое сожаление, что ее братец, Глебочка, умер ребенком, и она осталась одна, без такой поддержки. Как все дети, растущие одиноко, в особенности, даровитые, Ирина, предоставленная в значительной степени самой себе в своих впечатлениях, жила в мечтах и фантазиях. Отсюда ее тяга к дневнику, поверенному ее тайн, куда она записывала не только повседневные факты (к чему я усиленно склонял ее всегда), но и оценку их, и всевозможные рассуждения в силу своего отроческого опыта. В этом отношении кипение в собственном соку особенно тяжело сказывается с наступлением половой зрелости. Конечно, всякая девочка мечтает о любви и проч., но в обычных условиях жизни эти любовные фантазии не занимают преобладающего места – умственное и культурное нормальное развитие дает достаточно работы организму. Влияние семейных знакомых и подруг смягчает эти душевные кризисы – они растворяются в жизненном русле. У Ирины в этом отношении было много осложнений.

В Африке, в лагере Морского Корпуса, она была поневоле окружена толпой мальчишек и молодых людей разного домашнего воспитания, взглядов, моральных понятий, молодых людей, у которых этот же переходный возраст проходил в той же обстановке, не менее мучительной, чем у Ирины.

*Кроме жалоб и печали
Больше песен нет.
Тихим стоном прозвучали
Восемнадцать лет.*

В эти годы всякая девушка мечтает о своем суженом. У Ирины, благодаря ее поэтической натуре, это чувство выливалось неудержимым потоком в ее стихах, в дневниках, в бесконечных увлечениях, влюбленности, которые в ее холодном анализе иногда представлялись любовью. Вообще, тема о «неведомом друге» с момента пробуждения этого чувства проходит красной нитью через множество стихотворений Ирины в тот период ее жизни.

*Мой странный друг, неведомый и дальний,
Как мне тебя узнать, как мне тебя найти?
Ты мне предсказан думою печальной,
Мы встретимся на вьющемся пути.*

*Обещанный бессолнечными днями,
Загаданный печалью без конца,
Ты мне сверкнул зелеными глазами
Случайного, веселого лица.*

*Прости за то, что самой нежной лаской
Весенних снов и песен был не ты.
Прости, прости, что под веселой маской
Мне часто чудились твои черты.*

Несмотря на то, что упоминаемые здесь «зеленые глаза» принадлежали определенному лицу, объекту ее очередных увлечений, все же все стихотворение обращено к будущему. Положительно удивительно, как эти стихи, прочитанные на упомянутом собрании поэтов в Париже, могли посчитаться «ломаньем».

*Как тяжесть страшного недуга,
Тоска все шире и темней,
Тебя, неведомого друга,
Опять я видела во сне.*

*Пусть страшен день и ночь тревожна,
Ведь в жизни – пусто и темно.
Душа, в тоске о невозможном,
Все чаще просится на дно.*

*И все сильнее запах тленья
От комьев вспаханной земли.
И, как безумные виденья,
В даль уползают корабли.*

*И все мучительней и чаще
Я вижу чувственные сны...
Ты будешь мне вином пьянящим,
Дурманным воздухом весны.*

*Так что ж? Люби, целуй, замучай,
Сотри в моих глазах испуг,
И будь мне радостью певучей,
Загадочный, далекий друг!*

16.I. 1925. (Бизерта). Сфаят

Это стихотворение, из цикла «Трепет», между прочим, послужило поводом для разговоров с матерью (разговоры на эту тему, конечно, у нас были часты). Вот что она записала в дневнике 9 февраля 1925 г. (еще в Сфаяте).

«Сейчас глаза болят от слез. Много плакала. Читала мамочке последние стихи, в том числе «Трепет». Она после долгого размышления сказала: «Да. У тебя сейчас есть только одно желание, оно сильно обнаруживается в тебе»... – «Ни одного!» – «Нет. Желание любви». Через несколько секунд я в слезах пришла в свою комнату. Мамочка всячески меня успокаивала, убеждала пить бром, нервничала сама, чуть не довела себя до истерики. О, стихи мои, горе мое! Все это правда, хотя немного уже и отстала. И что я могу еще желать? Стихи я люблю больше любви, а ведь больше я ничего не знаю. Ведь жизнь, ту настоящую жизнь, о которой гово-

рит мамочка, я знаю только по книгам. Господи, что будет, что будет дальше?!»...

Не часто это бывает, чтобы любовь, любовные волнения вызывали не радость, а слезы. Бедная Ирина! Не легко ей далось это пробуждение Эроса – ее всегда больно ранили стрелы Амура

...Необходимо подчеркнуть, что у девочки, уехавшей из России в четырнадцать лет, представления о родине были очень узки и ограничены. Эти отрывочные сплетения памяти и случайные черты того смутного времени очень характерно выражены ею в стихотворении, к заглавию которого она прибегала не раз.

РОССИЯ

*Россия – плетень, да крапивы,
Ромашка и клевер душистый;
Над озером вечер сонливый.
Стволы тополей серебристых.*

*Россия – дрожащие тени:
И воздух прозрачный и ясный,
Шуршание листьев осенних,
Коричневых, желтых и красных.*

*Россия – гамаши и боты,
Гимназии светлое здание,
Оснеженных улиц пролеты
И окон замерзших сверканье.*

*Россия – базары и цены,
У лавок голодные люди,
Тревожные крики сирены,
Растущие залпы орудий.*

*Россия – глубокие стоны
От пышных дворцов до подвалов,
Тревожные цепи вагонов
У душных и темных вокзалов.*

*Россия – тоска, разговоры
О барских усадьбах, салазках...
Россия – слова, из которых
Сплетаются милые сказки.*

1924

Через два года Ирина подходит к этой теме чисто романтически, отбрасывая реальные черты, и создает образ родины стилизованно по картинам художника.

Но время шло, Ирина подрастала, училась и много думала не только над своей судьбой, но и над судьбой близких ей людей, стараясь разобраться в создавшейся политической обстановке беженского окружения. Конечно, в шестнадцать лет она не могла создать собственных взглядов в этом отношении, но она много слышала разговоров на самые жгучие темы современности, особенно, в своей семье. Без сомнения она там и подслушала те мотивы, которые вскоре зазвучали в ее стихах. И, прежде всего, это коснулось самого больного для нее вопроса: жива Россия или погибла? Благоприятный ответ на этот вопрос для Ирины явился величайшим праздником ее сознания. Оно выражено ею в восторженном стихотворении.

*Покою нет. Степная кобылица
Несется вскачь.
А. Блок*

*Вокруг меня тоска и унижение,
Где человек с проклятьем на лице,
Забыв давно земное назначенье,
Мечтает о конце.*

*Но где-то есть она, страна родная,
Она не умерла...
Напрасно сквозь снега, в тоске рыдая,
Гудят колокола.*

*Пройдут тревоги долгого страданья,
Пройдут они,
Из темноты-тоски и ожиданья
Другие вспыхнут дни.*

*Пусть не для нас грядущие сплетенья
Ее игры...
Мы для нее слагаем песнопенья,
Для той поры.*

*Она возрастет, величием играя,
Пора тревог прошла,
И в новой радости поют колокола:
Она жива, родная.*

1923

Эти оптимистические настроения в отношении своей родины у Ирины продолжают расти.

*Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далекой ночной дорогой.*

*Я верю в Россию. Там жизнь идет,
Там бьются скрытые силы;
А здесь – у нас – темных дней хоровод,
Влекущий запах могилы.*

*Я верю в Россию. Не нам, не нам
Готовить ей дни иные.
Ведь все, что свершится, так только там,
В далекой святой России.*

1924

Рядом с верой в будущее России, у Ирины появляется критическое отношение к тем настроениям, которые она наблюдала в Морском Корпусе. Размышляя дальше в этом направлении, она приходит к мысли о бесплодности эмигрантского существования вообще и мысленно возвращается на родину с психологией побежденного. Вот стихотворение, которое не только по содержанию и горечи чувства, но и по музыке размера напоминает аналогичное стихотворение эмигранта 40-х годов XIX в. Владимира Печерина.

*После долгих лет скитаний
С искаленной душой,*

*Полны смутных ожиданий,
Мы вернемся в дом родной.*

*Робко станем у порога,
Постучимся у дверей.
Будет странная тревога,
Солнце станет холодней.*

*Нас уныло встретят стены,
Тишина и пустота.
Роковые перемены,
Роковое «никогда».*

*Жизнь пойдет другой волною,
В новый гимн сольются дни,
И с измученной душою
Мы останемся одни.*

*Наше горе не узнают,
Нас понять не захотят,
Лишь клеймо на нас поставят
И, как нищих, приютят.*

1923

Эти переживания Ирины по времени совпадают с эпохой признания Францией Советов, что в какой-то мере отразилось в ряде ее стихов, например, в «Балладе о двадцатом годе». Но особенно яркое выражение этого подавленного настроения Ирины сказалось в одном ее стихотворении, которое она вложила в письмо в Россию к одной своей подруге, Наташе П.

*Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.*

Анна Ахматова

*Я девочкой уехала оттуда,
Нас жадно взяли трюмы корабля,
И мы ушли – предатели-Иуды,
И прокляла нас темная земля.*

*Мы здесь все те же. Свято чтим обряды,
Бал задаем шестого ноября.
Перед постом – блины, на праздниках – парады –
«За родину, за веру, за царя».*

*И пьяные от слов и жадные без меры,
Мы потеряли счет тоскливых лет,
Где ни царя, ни родины, ни веры,
Ни даже смысла в этой жизни нет.*

*Еще звенят беспомощные речи,
Блестят под солнцем Африки штывы,
Как будто бы под марш победный легче
Рассеять боль непрошеной тоски.*

*Мы верим, ничего не замечая,
В свои мечты. И если я вернусь
Опять туда – не прежняя, чужая, –
И снова к желтой двери постучусь, –*

*О, сколько их, разбитых, опаленных,
Мне бросят горький и жестокий взгляд, –
За много лет, бесцельно проведенных,
За жалкие беспомощные стоны,
За шепоты у маленькой иконы,
За тонкие, блестящие погоны,
За яркие цветы на пестрых склонах,
За дерзкие улыбки глаз зеленых,
За белые дороги, за Сфаят.*

*И больно вспоминая марш победный,
Я поклонюсь вчерашнему врагу,
И если он мне бросит грошик медный –
Я этот грош до гроба сберегу.*

1924. Сфаят

Интересно, что после этого узко-эмоционального стихотворения на другой день она написала стихотворение в объективном аспекте.

*В глухой горячке святотатства,
Ломая зданья многих лет, –*

*Там растоптали в грязь завет
Свободы, равенства и братства.*

*Но там восстанет человек,
Восстанет он для жизни новой,
И прозвучит толпе калек
Еще несказанное слово.*

*И он зажжет у алтаря
Огонь дрожащими руками.
И вспыхнет новая заря,
Как не оплеванное знамя.*

8. V. 1924

Ирине было 19 лет. Ее захватила с головой текущая жизнь: надо было как-то «устроиваться», определить, что надо делать, найти работу и т. д. Встал вопрос о дальнейшем образовании, а с ним потекли студенческие годы с их заботами и соответствующим времяпрепровождением. Потом она заневестилась, потом вышла замуж, появился ребенок. К этому же времени пришла и болезнь... Со всеми этими заботами Ирине пришлось справляться с трудом в тяжелых условиях эмигрантской жизни.

Поэзия, любовь к стихам и крепнувший талант поддерживали ее дух в эти трудные моменты ее жизни. Литературная среда давала ей все, что требовалось поэту для развития его профессионального мастерства, а появление сборников ее стихов и общее признание ее дарования давали ей утешение и удовлетворение.

Но тут стало обнаруживаться не только у нее одной, но у всех молодых поэтов и писателей ее поколения роковое последствие слишком раннего отрыва от родины. Этот процесс шел медленно, постепенно и незаметно, как скрытая болезнь. Всякому поэту и писателю необходима почва родной страны, с которой он связан своим языком, как живописцу – краски родной природы, чтобы изобразить в задуманной картине идею во всей полноте ее окружения. Старые деятели русского искусства, жившие подолгу за границей, могли творить свои произведения вдали от отечества, потому что они хорошо знали свою родину, но «дети страшных лет России», выехавшие из родины, кто в юности, кто в младен-

честве, не могли иметь о ней прочных представлений, тем более о том, что там происходило. Поэтому их словесный материал в этом отношении оказывался нежизненным, бледным, чисто литературным. Еще большая трагедия заключалась в том, что круг их художественных наблюдений и интересов был далек от русского писателя. Оттого и произошло странное на первый взгляд явление: молодым русским писателям, очутившимся за рубежом, крайне затруднительно было писать о России, не зная хорошо всех оттенков того, что там происходило, – им оставалось или писать о русском заграничном быте, который они знали, или писать на иностранные сюжеты, т. е. делаться иностранными писателями, пишущими на русском языке.

Создавалась и другая угроза, особенно для поэтов: они уходили в свою личную, интимную жизнь, в описание своих душевных переживаний, что приводило к замкнутому творчеству, к сокращению их поэтических возможностей. Нечто подобное произошло и с Ириной. Нужно подчеркнуть, что Ирина была «беженкой», а не «эмигранткой», потому что по своему возрасту она не могла серьезно заниматься какой-либо политической деятельностью. Если даже у нее и сложились, под влиянием, главным образом, семьи, какие-либо взгляды на текущие политико-исторические моменты, то никакого действенного значения они иметь не могли в той обстановке, в которой она очутилась в Париже, и она была слишком честна сама с собой, чтобы увлечься в этом направлении какой-либо доступной ей политической игрой. И она стала замыкаться в своем творчестве, в узком кругу своих личных переживаний, куда ее неудержимо тянула сила текущей жизни – «жизни мышья беготня». Этот процесс она замечала, и он ее угнетал. Вот характерное стихотворение.

*Должно быть так всегда бывает,
Я лучшей доли не ищу.
Пустая жизнь бесследно тает,
Подобно летнему дождю.*

*Проходят в будничных заботах
За часом час, за годом – год.
И лишь порой взметнется где-то,
Тревогой сердце захлестнет.*

*Мир станет узким, скучным, серым,
А там, за тридевять земель –
Какие дикие размеры!
Какая огненная цель!*

*Но, как мираж, неуловимы,
Тоской маниящею полны –
В спокойной жизни – мимо, мимо
Плывут волнующие сны.*

*И снова день – больной и трудный,
Обвитый множеством забот,
Торжественный, привычный, будний,
Затянет в свой круговорот.*

1934

Так шли дни за днями, то окрашенные радостью, то обыденными монотонными впечатлениями, наполненные всегда очередной заботой. В политической жизни Европы, в частности России, наступил длительный период дифференциации, в котором на долю таких, как Ирина, являлась возможность

*Быть только зрителем безмолвным,
Смотреть на мир, и наблюдать,
Как море воздвигает волны
И волны рушатся опять.*

и т; д.

Оставалось «Быть странником, без жалоб и без стонов», и как-то «пережить» это время в ожидании лучшего будущего, когда можно будет развернуть свои потенциальные возможности. Но «пережить» оказалось невероятно трудно, и она грустно сознается в этом.

*Не те слова, не те, что прежде,
Когда в азарте молодом
Мы глупо верили надежде,
И думали: «переживем!»*

*Что ж? Пережили? Своевольем
Сломили трудные года?
И что ж? В тупой, обидной боли
Тупое слово: «никогда».*

*И с лихорадочным ознобом
Приподнятая сгоряча,
Рука, дрожащая от злобы,
Бессильно падает с плеча.*

*И в безалаберном шатанье
Судьба - уже в который раз! -
За безрассудные желанья
Так зло высмеивает нас.*

*И все, что нам еще осталось,
Все, чем душа еще жива, –
Слова, обидные, как старость,
Как жизнь, жестокие слова,*

*О том, что не нашли мы рая,
О том, что преданы в борьбе,
О том, что стыдно умираем
От горькой жалости к себе.*

Через две недели это настроение выражается в полном отчаянии:

*Так или иначе, а жизнь ушла.
Так или иначе, мы постарели.
Дневные, торопливые дела
Нас отвлекли от самой главной цели.*

*А может быть, и не было ее?
А может быть, – все миф и наваждение –
Все это бессловесное кружение,
Все это жалобное бытие?*

*Так или иначе... В годах глухих
Мы сами стали сдержанней и строже.
Уже нам стали не нужны стихи,
Уже любить мы разучились тоже.*

*И стала жизнь трагически-тиха.
И только разум сетует порою,
Что не было еще грешней греха,
Чем примиренье с горькою судьбою.*

Последняя строфа – настоящая трагедия, которая полностью раскрыта в стихотворении «О России», где безысходным ужасом звучит признание:

*Туда – никогда не поеду,
А жить без нее не могу.*

После этого оставалось только жить, вернее – доживать, ожидая своего конца, питаясь теми радостями, которые ей давало материнство и игра на ее поэтическом инструменте – ее стихи, в которых, не переставая, ставились неразрешимые вопросы:

*Сами ли мы в нашей судьбе виноваты;
Только прошли стороной...*

Теперь я возвращаюсь к началу этого экскурса. Эти переживания Ирины, которые я проследил по ее стихам, были свойственны, конечно, не одной ей. Успех ее стихов на собраниях поэтов (особенно публичных), несмотря на подчас придиричивую их профессиональную критику, любовь читателей к ее стихам, отклики которой разными путями доходили до автора, говорили о том, что в какой-то степени стихи Ирины, неширокие по темам, но трогательные по лирике и до предела искренние, были близки и дороги многим русским «в рассеянии сущим», потому что были им созвучны в бытовом отношении, и отражали их чувства к родине. Разумеется, я не говорю, что Ирина была единственным поэтом в этом роде за рубежом, но что ее личная лирика является, в то же время, отражением чувств и переживаний целого поколения русской молодежи, и вообще многих русских людей этой эпохи на чужбине, в этом, я думаю, убедится всякий читатель ее стихов в этой книге.

В конце концов, это не только мое личное мнение, эту черту отметили многие критики, и эпитет «поэт изгнания» как будто довольно прочно устанавливается за Ириной в работах литературоведов, писавших и пишущих о русских эмигрантских поэтах...

Необходимо отметить, что стихи Ирины получали лестную оценку и сами по себе у специалистов – об этом, например, говорит конкурс стихотворений, объявленный «Звеном». Всего было прислано на конкурс 382 стихотворения! Хотя приза Ирина не получила (голоса подавали подписчики газеты), но ее стихотворение, посланное на конкурс (под девизом: «Терпи, покуда терпится»), было напечатано в числе

пяти или десяти (уже не помню) отобранных и признанных достойными премии. Вот это стихотворение:

*Клубится дым у печки круглой,
Кипит на керосинке чай,
Смотрю на все глазами куклы, –
Ты этих глаз не замечай!*

*Все так же ветер в парке стонет,
Все та же ночь со всех сторон.
А на стене, на красном фоне –
Верблюды, и бедуины, и слон.*

*Ведь все равно, какой печалью
Душа прибита глубоко.
Я чашки приготовлю к чаю,
Достану хлеб и молоко.*

*И мельком в зеркале увижу,
Как платье синее мелькнет,
Как взгляд рассеян и принижен
И нервно перекошен рот.*

Между прочим, по специфическим чертам и тембру этого стихотворения многие сразу же угадали его автора.

Все эти стихотворные дела, конечно, занимали Ирину – можно сказать, что она этим жила, это была ее духовная пища по существу. Но «служенье муз не терпит суеты», ее образование далеко не было закончено, а ее талант требовал серьезной школы и усидчивой работы над собой. В наших условиях жизни это было не легко. Разумеется, профессиональное общение поэтов друг с другом, указания влиятельных критиков (Г.Адамовича, В.Ходасевича и др.) имели немалое значение для Ирины, предохраняя ее от вульгарности, заставляя внимательно следить за чистотой русского языка и т.д. Ее бесспорное дарование требовало развития не в направлении стихотворной техники, которой Ирина владела в достаточной степени, а в сторону углубления ее поэтического служения. Было ясно, что быть летописцем своих переживаний – явление вполне нормальное для лирического поэта, но остановки на этом этапе творчества могут быть оправ-

даны лишь у крупнейших поэтов. Между прочим, в детские годы ее занимали самые различные сюжеты, не только личные; теперь же, чтобы выйти из круга интимной лирики, требовалась уже значительная культура и оригинальность. Как общее мнение критики – Ирину упрекали в подражании Ахматовой. Сама Ирина признавала некоторое однообразие своей лирики, не отрицала своей близости к Ахматовой, но совершенно отрицала подражание: ведь роковая печать ее поэзии являлась в ее жизни не простой копией, не выдуманной манерностью или оригинальничаньем, а возникла в результате ее сложившейся биографии – беженства, – это в начале, – а потом многих сердечных разочарований и, наконец, ее сокрушающей болезни. Но можно сказать с уверенностью, что будь она здоровой, в ее стихах окрепли бы те бодрые оптимистические ноты, которые у нее стали звучать после ее замужества и, особенно, после рождения сына. Ведь по натуре она не была мрачной, а очень живой и веселой...

Для характеристики ее отношения к Ахматовой приведу стихотворение, написанное в тонах африканских красок.

АННЕ АХМАТОВОЙ

*Над горами – спокойные вспышки зарниц.
На столе – карандаш и тетрадь.
Ваши белые книги и шелест страниц, –
И над ними – дрожанье косматых ресниц –
Разве все это можно отдать?*

*И пушистую прядь золотистых волос,
И туманное утро в росе,
И шуршанье колючих цветущих мимоз,
И гортанные песни, что ветер разнес
По безлюдным и гулким шоссе.*

*Разве можно не помнить о юной тоске
В истомленный, полуденный зной,
О шуршании шины на мокром песке,
О беззвучности лунных ночей в гамаке
Под широкой, узорной листвой;*

*Это первое лето в мечтах и слезах,
И злоеющее солнце в крови,
И какой-то наивный, ребяческий страх –
Все лежит в Вашем имени, в тихих стихах,
В непонятной тоске о любви.*

1926

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ

С первых же шагов, по приезде в Париж, Ирина вошла в круг русской молодежи – и в Союзе Молодых Поэтов, и на курсах французского языка в Сорбонне. Вскоре открылся Франко-русский Институт социальных и политических знаний, во главе которого встал П.И.Милюков. Этот институт, где читались лекции, главным образом, на русском языке, открывал для Ирины культурные горизонты, способствовал ее образованию и умственному развитию, являясь как бы продолжением ее среднего образования. В практическом отношении он едва ли что мог ей дать, т.е. подходящей специальности в смысле рабочей профессии, дающей возможность в чужой стране найти прочный материальный базис для существования. Но она любила бывать в институте, слушать русских известных ученых: Милюкова, Вышеславцева, Гурвича и др. Это требовало, конечно, частого посещения Парижа. В связи с этим разворачивалась для Ирины обычная студенческая жизнь товарищеских кружков, которая в таком городе, как Париж, имеет особую прелесть. Талантливая, живая, недурная собой, хотя и не красавица, простая и веселая, застенчивая, но не ломучка, Ирина в кружках молодежи оказалась всеми любимым товарищем. «Там, где Кнорринг, там всегда много смеха и веселья», – говорили про нее. Вместо мальчишек-школьников, как в Африке, здесь она очутилась в окружении молодых людей самых разнообразных и по образованию и по воспитанию. Свобода, лекции, заседания кружков и проч., пряная и раздражающая обстановка кафе – после африканской жизни, конечно, Ирину ошеломили, и она завертелась в кругу этих впечатлений. По правде сказать, мне нравилась эта студенческая жизнь, и мне, старому московскому студенту, хотелось, чтобы и Ирина ее испытала. Но условия нашей эмигрантской жизни в этом отношении таили большие

опасности. Начались частые посещения после лекций кафе, тех парижских кафе Латинского квартала, которые имеют традиционную известность и действительно привлекательны своей оригинальной, имеющей свою историю, обстановкой, как, например, «Ротонда» и др., в которых так приятно было посидеть за кружкой пива в уютных залах, увешанных картинами различных художников, среди старых посетителей кафе, в тесной компании друзей в вечерние часы, а потом бродить до поздней ночи по расцвеченному огнями Парижу. Конечно, это было приятно, особенно попервоначально, но требовало значительных физических сил и более-менее здоровых нервов. Я охотно знакомился с ее студенческой компанией, приглашая к нам, в Севр, на нашу виллу, в одной из комнат которой мы ютились. С грустью вспоминаю я эпизоды, служившие поводом для родительских вмешательств и нередко семейных ссор. Приедет, бывало, к нам, в Севр, целая компания студентов; повеселятся, а потом, на ночь глядя, начнут собираться в Париж. Для Ирины эти увлекательные поездки оказывались очень утомительными, и мы с женой начинаем уговаривать отказаться. Молодые ее друзья не всегда бывали склонны поддерживать нас в этом, считая все это родительскими причудами и проч. Нередко это кончалось семейными конфликтами, со слезами и т.д.

Если учебные лекции требовали в большинстве случаев утренних часов (хотя много лекций, в силу эмигрантских условий, читалось по вечерам), то литературная жизнь молодых поэтов имела склонность складываться в богему, с сиденьем в кафе, с курением папирос, легкой выпивкой, с блужданием по ночному Парижу в поисках всевозможных впечатлений и, в результате, иногда, благодаря опозданию на последний поезд, с поздним возвращением домой. В общем, критические мозги Ирины подмечали довольно ясно слабые стороны этой какой-то искусственной, невсамделишной жизни русской литературной молодежи в изгнании, всю эту мелочную, подчас очень нездоровую, литературную шумиху с неизбежными столкновениями самолюбий, тщеславия, зависти и проч. Но вращаться в этом кругу для Ирины было неизбежностью – нужно было всем этим переболеть. В наших же беженских условиях такой распорядок времени требовал больших физических сил и значительного свободного времени, а в этом отношении у нас дело было не так просто.

Сейчас же, чуть ли не с первого дня приезда в Париж, Ирине пришлось искать работу, как и мне с женой. Жизнь на готовом пайке в Африке связывалась с моей педагогической работой в Морском Корпусе. Нужно было искать в Париже работу. Лично для меня это оказалось делом довольно трудным. Имея узкую специальность «русского» историка, я должен был довольствоваться нерегулярным заработком в газете и некоторым количеством уроков на курсах для взрослых в Народном Университете. Жена сначала работала на фабрике духов «Убиган», затем в мастерских – занималась вышиванием модным тогда «киевским швом», потом, наконец, остановилась на кукольной мастерской. Пройдя известные стадии рукоделья, Ирина устроилась в той же мастерской, где работала и мать. Если случалась спешная домашняя работа, то нередко приходилось сидеть до глубокой ночи, и тогда я читал им вслух какую-нибудь книгу и этим облегчал их работу. Непривычная к такой утомительной работе, Ирина стала сильно уставать, и показались тревожные симптомы. Вообще ее здоровье уже в Африке стало возбуждать некоторые опасения, но тогда это касалось, главным образом, нервной системы. Теперь же, с общим недоеданием и недосыпанием, Ирина становилась вялой, появилась сонливость, и, в заключение, рентген показал затемнение в бронхах. «Это туберкулез», – сказал доктор Манухин, который и начал лечение по своему способу просвечивания селезенки. Это делалось один раз в неделю (на другой день нужно было лежать в кровати до двенадцати часов дня) и требовало усиленного питания, особенно, всякого рода кашами. С таким режимом образ жизни Ирины совместить было невозможно. Требовалось прибавление в весе, и когда, однажды, Ирина, придя на очередной сеанс к доктору, обнаружила потерю в весе на килограмм за несколько дней, Манухин прямо заявил, что при таких условиях он не может продолжать лечения. Курс лечения у д-ра Манухина закончился все же прибавлением в весе, хотя не в такой степени, как обычно у него бывало.

Кое-как покончив с затемнением в бронхах, Ирина встретилась с новым заболеванием, более страшным.

Вдруг мы заметили, что Ирина начала заметно худеть (в это время, между прочим, она уже заневестилась). Усиленное питание не помогало. Появилась сильная жажда и крайняя усталость.

ЖЕЛАНИЯ

*Я двух желаний не могу изжить,
Как это ни обидно и ни странно;
Стакан наполнить прямо из-под крана
И крупными глотками воду пить.*

*Пить тяжело и жадно. А потом
Сорвать с себя замызганное платье
И, крепко вытянувшись на кровати,
Заснуть глубоким и тяжелым сном.*

1928

Я вспоминаю эти жуткие моменты, когда Ирина, придя вечером домой, подходила к умывальнику и стакан за стаканом начинала пить воду из крана, так и не утолив жажды. Катастрофическое падение веса и неутолимая жажда очень нас обеспокоили и заставили сделать анализ. До сих пор помню озабоченный вид аптекаря, который на мой вопрос сказал: «Очень, очень больна!», указав на огромный процент сахара. Я ничего не знал о сахарной болезни, и поначалу мы думали, что усиленное питание и принятые меры лечения скоро поставят Ирину на ноги, но как громом меня поразили слова доктора М.А.Дельбари, сказавшего: «Я не скрою, что здоровье вашей дочери меня сильно беспокоит...» Скоро мы узнали, что эта болезнь неизлечимая. Помню, как я был убит встречей с М.В.Вишняком, в ограде русской церкви, когда М.В. спросил меня о здоровье дочери и, узнав, что у нее диабет, схватился за голову: «Диабет!», и рассказал про своих знакомых, у которых дети заболели этой болезнью и «все умирали», – так и сказал он.

Но у меня все-таки теплилась некая надежда на чудо. Вскоре Ирина была принята профессором Ляббе в госпиталь «Питье». Началось лечение инсулином, который сразу стал действовать чудесным образом. Ирина стала прибывать в весе буквально не по дням, а по часам, что приводило нашего аптекаря в полное изумление. «Это невероятно!» – говорил он каждый раз, отмечая после взвешивания огромную прибавку в весе. Профессор, лучший специалист по диабету во Франции, в несколько дней поставил Ирину на ноги – она окрепла и физически и морально. Но она каждый

день должна была ходить в госпиталь на уколы инсулина: без инсулина она не могла жить... Потом диабетикам стали давать инсулин на руки, и больные научились сами делать анализы и пикюры и, таким образом, следить за своею болезнью. И с тех пор инсулин сделался неизменным спутником ее жизни... Гораздо труднее было устроиться с режимом питания – без сахара и без мучного! – это легко сказать: не есть сладкого, пирожных, булок, хлеба и проч. И за каждое нарушение этого режима платиться появлением в анализе сахара и страшных ацетонов... Но как-никак с инсулином Ирина примирилась, могла вести нормальную жизнь и совершать впоследствии со своим мужем длительные экскурсии по Франции на велосипеде. Применение инсулина, этого изумительного средства при диабете, и более-менее строгое выполнение режима питания давало возможность Ирине существовать, не особенно тяготясь своею болезнью, даже порою ее не замечая. Но... так могло быть только в условиях более-менее спокойной и нормальной жизни...

Некоторые явления – осложнения – этой болезни, например, ложная кома, или кожные осложнения – заболевания своим страшным видом очень пугали. Ложная кома появлялась в результате несоответствующей дозы инсулина. Ирина теряла сознание; если не удавалось привести ее в чувство, приходилось везти в госпиталь в бессознательном состоянии. Несмотря на то, что эти приступы повторялись довольно часто – к ним невозможно было привыкнуть. Нельзя забыть этих минут (хотя и ставших бытовым явлением в нашей семье), когда, бывало, ночью нас с женой будили торопливые шаги босых ножек Игоря, который вбегал к нам в комнату с жуткими словами: «Бабушка, маме плохо!» Картина была обычная: Ирина лежала в полубессознательном состоянии, тяжело дышала, иногда стонала. И трудно было решить, какая это кома – настоящая или ложная? В первом случае нужно было впрыснуть инсулин, а во втором, наоборот, влить сахар в рот... Установить это может только анализ. И вот мы все около ее постели стараемся привести ее в чувство, обращаясь к ее сознанию всяческими способами – прибегаем к логическим доводам, чуть не крича ей в ухо, называем ее нежными словами... Обычно, через полчаса – час она начинала приходить в себя, а иногда приходилось вызывать карету скорой помощи или самим везти ее в госпиталь.

Каковы были причины появления диабета у моей дочери, когда о наследственности здесь не может быть и речи? Сказать невозможно. Вероятно, это было результатом ее крайне нервного состояния, сопряженного с большим переутомлением, тем более что это совпало с периодом ее жизни, когда она сделалась невестой.

Своего «суженого» Ирина нашла благодаря своим стихам. Печатаясь в нескольких периодических изданиях, в том числе, студенческих, в «Последних Новостях», которые расходились в тысячах экземпляров по всем странам эмиграции, Ирина скоро нашла значительный отклик среди многочисленной русской эмиграции. Ее стихи, выросшие на почве нашей беженской трагедии, по своей лирике, жизненной правде были, конечно, очень близки каждому из эмигрантов: в ее жалобах они находили частицу своих переживаний. На одном из собраний поэтов был и ее будущий муж, который работал в Монтаржи. С этим городком, связанным с именем Мирабо, очень красиво расположенном в сети каналов, у меня, лично, связано много воспоминаний. Работая в Народном Университете в Париже, я выступал в различных городах Франции в качестве лектора, обычно я читал на исторические темы.

Мы, лекторы, приезжали в назначенное место и на перроне вокзала искали человека с «Последними Новостями» в бортах пальто. Это было условленно. Увидев такового человека, удостоверившись, что он русский, мы сразу связывались с местной русской колонией, куда иногда приезжали по несколько раз. Именно таким городом для меня оказался Монтаржи. Помимо лекций я там даже прогостил с женой несколько дней в среде очень любезных соотечественников.

На первой же лекции, прошедшей, между прочим, с большим успехом, в перерыве ко мне подошел среди других слушателей молодой человек, оказавшийся председателем местного русского культурного кружка. После комплиментов по моему адресу, я был приглашен зайти к нему после лекции. Это был Юрий Борисович Бек-Софиев со своим товарищем. Пока этот последний растапливал у него в комнате железную печку, мы с Юрием разговорились. Между прочим, он меня спросил, не родня ли мне Ирина Кнорринг.

Оказалось, что Софиев тоже поэт, и с большим смущением он просил меня прослушать его стихотворные опыты. Мне было интересно. Он начал читать свои стихи, которые произвели на меня большое впечатление своею свежестью и отсутствием шаблонности. По-видимому, мой отзыв имел для него некоторую ценность. Так мы познакомились, а через некоторое время эти мои новые знакомые перебрались в Париж и поселились в Медоне. В Париже на каком-то собрании мы встретились, и я пригласил их обоих к нам, в Севр, в гости.

Мы провели очень интересный и приятный вечер. Надо сказать правду – оба они произвели на нас весьма благоприятное впечатление, они показались вдумчивыми и интеллигентными молодыми людьми. Юрий читал свои стихи, которые понравились жене, а на Ирину они произвели столь большое впечатление, что она считала, что, как поэт, этот ее новый знакомый забьет и Ладинского, и Терапиано. Новые знакомые стали бывать у нас довольно часто, а с Ириной встречались то на лекциях в институте, то на собраниях поэтов. Юрий сумел заинтересовать Ирину своим вдумчивым отношением к поэзии и ко многим жгучим вопросам жизни вообще. И понемногу Ирина стала с ним сближаться. Все это, как на фотографической пленке, отразилось в ее стихах. По искренности, оригинальности и музыкальности эти стихи ее любовного периода являются одними из самых лучших в ее любовной лирике вообще. В них действительно горело ее сердце, и светилась любовь. Между прочим, они связаны с Версалем, который явился как бы территориальной эмблемой их любви.

Как-то, в ноябре 1926 г., исполняя какое-то поручение по работе, ей пришлось ждать в Версале поезда три с половиной часа, и она, чтобы скоротать время, с чемоданчиком, коробкой и портфелем отправилась в парк. «Там было замечательно, – пишет она в дневнике, – Почти никого. Деревья уже совсем без листьев, и туман, туман...»

Через три дня они с Юрием вдвоем были в Версале. «Сидели в пустом кафе, пили грог, потом неистово целовались»

*Ты принес мне стихи о Версале,
О Версале под сеткой дождя:*

*Вечерели свинцовые дали,
Старый парк оголел, обнищал.*

*Это правда: промокли до нитки,
Все бродили под мелким дождем.
Уже заперли в парке калитки,
И пошли мы окружным путем.*

*Мне сутулила плечи усталость,
Все мерецился прежний, другой.
И сама я себе показалась
Нехорошей, жестокой, дурной.*

*Разве сердце не грызла тревога,
Разве боль не томила остро
За бокалом горячего грога
В небольшом, опустелом бистро?*

*Ты читал мне стихи о цыганах,
Как цыганка варила ежа...
Помню – было и смутно, и странно,
Билось сердце и голос дрожал.*

*Мы друг другу так мало сказали,
Но понятен был каждый намек...
Ты принес мне стихи о Версале –
Бледно-синий, блокнотный листок.*

*Вот спасибо; мне долго не спится,
Что-то помнится, бьется, звенит...
Этой первой Версальской страницей
Начались мои новые дни...*

19.I.1927

Через полгода, в мае 1927 г. они, уже жених и невеста, провели в том же Версале целый день. Ему посвящено стихотворение, которое Ирина очень любила.

ВЕРСАЛЬ

*Мы миновали все каналы,
Большой и Малый Трианон.*

*Над нами солнце трепетало
И озаряло небосклон.*

*Мы отходили, уходили,
Под сводом сросшихся ветвей,
Не слышали автомобилей,
Не видели толпы людей.*

*И там, в глуши, у статуй строгих,
Под взглядом их незрячих глаз,
Мы потеряли все дороги,
Забыли год, и день, и час...*

*Мы заблудились в старом парке –
В тени аллей, в глуши веков.
И только счастье стало ярким,
Когда рванулось из оков.*

27.V. 1927

Кажется, только в цикле стихов этого периода и встречается несколько раз слово «счастье», только теперь она испытывает не «влюбленность», а «любовь».

*О любовь моя, нежная сказка,
Моя тихая сказка-быль!*

Но тут же звучит грозный лейтмотив всей ее поэзии: «Я знаю, что буду несчастна...»

Это сознание крайнего пессимизма (черта, может быть, наследственная), обреченности, предопределенности, «исполнения чьего-то проклятия» и проч. встречается во многих ее стихотворениях, становясь иногда каким-то литературным атрибутом ее поэзии.

*С каждым днем все больше в жизни красок,
С каждым утром – радостней рассвет.
И часы, похожие на сказку,
Тяготеют радостью примет.
Мысли мимолетны и случайны,
Стынет смех в углах веселых губ,
Только грусть, волнующую тайно,
Для чего-то в сердце берегу,
Оттого, что больше нет ненастья,
Оттого, что ничего не жаль,*

*И легко рассказывать печаль,
И так трудно говорить, о счастье.*

29.V. 1927

Еще сильнее это выражено в стихотворении, написанном через два дня после приведенного выше.

СЧАСТЬЕ

*Больше не о чем мне тосковать,
Неспокойные дни миновали.
И счастливое сердце опять
Задрожало тоской о печали.*

*Счастью нет ни конца, ни преград,
Счастье тянется няниной сказкой.
Так смешно про него говорят.
Я надену веселую маску
На цветистый его маскарад.*

*Помню: ветер, бараки, оливы...
Помню: мост, и туман, и огни...
Непривычны мне светлые дни.
Я не верю, что стала счастливой.*

*И, когда-нибудь в пьяной мечте,
Задыхаясь, сжимая запястье, –
Упаду на последней черте
Моего невозможного счастья.*

31. V. 1927

Почему-то это прекрасное стихотворение не вошло ни в один сборник ее стихов. Оно очень характерно для всего мирозерцания Ирины.

Эта черта – неверие в бескорыстие даров судьбы и постоянное ожидание худшего – у Ирины, отчасти, фамильная: она очень выражена, между прочим, у меня. Я хорошенько не знаю, откуда у меня этот врожденный пессимизм в натуре (меня иногда считали не столько пессимистом, сколько маловером вообще), но у меня действительно очень развита склонность к предвидениям, преимущественно в худую сто-

рону. В жизни вообще, особенно в моей административной практике, эта черта имела и хорошие стороны, в смысле предупреждения дурного оборота дела, но в личной моей жизни она являлась очень мучительной, доходя в этом отношении до гипертрофии. Захворает ли кто в семье – я уже себя готовлю ко всевозможным осложнениям болезни. Запоздает ли кто – я уже беспокоюсь, не случилось ли что-нибудь и т. д. Поэтому я всегда являлся слабой поддержкой жене в тяжелых обстоятельствах семейной жизни (например, болезни детей и т. д.), наоборот, я сам сильно нуждался в поддержке. Больше всего, конечно, страдала от этого моего беспокойного характера моя жена, которая всегда, и с большим основанием, конечно, упрекала меня в самовнушении, в накликивании, в отсутствии настоящей веры и проч. Она была права, но мне всегда было трудно утешать в том, в чем я сам не был уверен. Всякая ложь, хотя бы «во спасение», мне была чужда... Весьма возможно, что Ирина, которая очень любила своих родителей и прислушивалась к их мнениям, унаследовала от меня эту черту и, по своему обыкновению, ее культивировала.

Но, конечно, многое она себе «вбивала в голову». Хотя бы, эта фраза: «я знаю, что буду несчастна», которая появилась у нее задолго до ее роковой болезни, по существу ничем не вызывалась, – Ирина была захвачена своей любовью.

*Зацветают в Париже каштаны,
Как венчальные строгие свечи.
Опускается вечер туманный –
По-весеннему дымчатый вечер.*

*За оградой туманного сада
Сумрак полон томленьем и ленью.
Лиловеют за ржавой оградой
Чуть расцветившие кисти сирени,*

*А уж сердце быть прежним не может,
Стало новым, взволнованно-странным
Оттого, что в аллеях каштаны
На венчальные свечи похожи.*

25. IV. 1927

В это время она была готова с полной искренностью, уже будучи больной, писать на больничной койке:

*И пусть меня возьмут в круговорот
Глухие, нарастающие грозы.
Я не боюсь, что счастье отцветет –
На столике больничном – темной розой.*

И, наконец, у нее появляется как будто подлинная «Воля к жизни»:

*В низких тучах, нависших уныло,
В нежных думах веселой любви,
В нарастанье потерянной силы
Мне послышалось слово: живи!*

*И как крик у разверзнутой бездны,
Как раскаты звериной грозы,
Как бодрящий напев Марсельезы –
Этот бешеный к жизни призыв.*

*Я теперь поняла: не недели, –
Месяцы потерялись в бреду...
И еще поняла, что дойду
К настоящей, единственной цели.*

*Что, как прежде, горят маяки
Не обманным и радостным светом,
И за ночью последней тоски
Есть звериная радость рассвета.*

7. VI. 1927

В одном из своих прекрасных стихотворений Ирина установила свой выбор словами глубокого чувства.

*Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.*
Анна Ахматова

*Ночью слишком натянуты нервы.
Проступают виденья и лица.*

*Дорогой, отчего ты не первый
В этой смутной, немой веренице?*

*Слишком много рассказано было,
Много брошено ласки на ветер.
Был ты первый, второй или третий –
Я не знаю. Не помню. Забыла.*

*Много нежных растратила слов я,
Притворяясь влюбленной и нежной,
Называя печаль неутешной,
Называя влюбленность – любовью.*

*Отчего же тебя не нашла я
В эти годы тревоги и муки?
Взял бы ты мои слабые руки
И сказал мне: родная...*

*Ты один, на других не похожий –
Не уйдешь, не отдашь, не обманешь.
Что ж сказать тебе, милому, что же,
Если все уже сказано раньше?*

*Ты не первый, так будь же последним!
Пусть теперь перестанут мне сниться
Эти – слишком любимые – тени,
Эти – памятью стертые лица.*

16. II. 1927

После этого апофеоза любовного чувства я приведу стихи, в которых Ирина, в ее точной изобразительной манере, выразила другую сторону этой муки-любви, в значительной степени определявших причину ее будущих переживаний.

*Чуть проступают фонари из тьмы,
Глухие улицы сдавили стены.
Прохожие. Автобусы. И мы –
Два неврастеника – над черной Сеной.*

*Я слушала взволнованную речь,
В воротнике лицо пугливо пряча.*

*И только по дрожанию нервных плеч
Ты угадал, что я бессильно плачу.*

*В гранит плескала мутная вода.
В ней огонек, как золотые нити.
Направо – бледный камень Нотр-Дам,
Откуда нас благословлял Мыслитель.*

*Ты побледнел, и постарел ты, – вот
За два часа. Глаза совсем больные.
А у меня кроваво-красный рот
Сломала безобразно истерия.*

*Стояли мы, не поднимая глаз,
Бессильные и жалкие, как дети.
И уж ничто не разделяло нас –
Двух неврастеников – ничто на свете.*

3.III.1927

Через несколько дней после появления этого стихотворения Юрий пришел к нам с официальным признанием. Мы тогда жили на ул. Курноль. Ирины дома не было. Как я уже говорил, мы Юрия полюбили, видели их сближение и, в сущности, давно ждали этого визита. Он очень волновался, и начал говорить несколько путано, внося кое-какие рассуждения, мало идущие к такому моменту – видимо, он готовился к этому выступлению. Но скоро эти рациональные рассуждения уступили место искреннему выражению подлинных чувств... Мы обнялись... Он скоро ушел, а когда пришла Ирина (она уже все знала!), то застала нас обоих, по ее словам, – «счастливыми и нежными. Мамочка начинает говорить о Юрии, о том, как он ей нравится, какой он славный, умный, тонкий и т. д. Папа Коля что-то шутит, но вижу, что и он очень взволнован. А сама я – даже не ждала – осталась совсем спокойной. Испытывала что-то вроде неловкости – прижалась к мамочке, и только улыбалась. А она говорила о том, что она счастлива. Должно быть, все ее страхи и сомнения относительно моей любви прошли. Господи!...»

Между прочим, можно отметить, что эти «любовные» дни Ирины проходили в атмосфере экзаменов. Институт, по ее

собственному признанию, занимал в ее жизни того периода тоже не последнюю роль. Мне вообще очень хотелось, чтобы Ирина получила какое-либо высшее образование, а не ограничилась бы какими-нибудь курсами по прикладной специальности. В нас с женой еще крепко держалась эта интеллигентская тяга к высшему образованию общего характера. Я всегда вспоминал с большою признательностью свои университетские годы, а жена – время, проведенное на Высших курсах. Этих переживаний молодости мы желали и Ирине. Может быть, Франко-Русский Институт в этом отношении немного давал Ирине (в основном, это был Институт юридических и общественных наук, правда, там читалась и история), но здесь огромное значение имела наличность известных ученых. Для Ирины с ее недостаточной, по существу, подготовкой было несколько трудно слушать лекции и особенно сдавать экзамены, и я очень боялся за нее в этом отношении. Но она, по своей привязчивой натуре, скоро вошла и в институтскую студенческую жизнь и, в общем, сдавала экзамены, как средний студент. Как часто бывает, студенты во время подготовки к экзаменам глубже вникают в предмет – это случалось и с Ириной. Она готовилась добросовестно, поскольку это было в ее возможностях, обычно занимаясь с кем-нибудь. «Экзамены – редкая и большая вещь, – записывает она в дневник, – а успех, конечно, сильно поднял настроение, может быть даже вскружил голову, во всяком случае, не удивительно, что я о нем столько говорю и пишу. Но я поймала себя на другом: меня опять потянуло к Институту, и даже студенты, которые так раздражали меня в последнее время, стали опять как-то ближе. Мне даже захотелось как-нибудь на той неделе пойти на экзамен, посмотреть, как он проходит, как сдает такой-то, такая-то...» Это признание с ее стороны вызывает даже ревность по отношению к своему жениху. Во всяком случае, свою студенческую жизнь, как все в своей жизни, Ирина воспринимала не без трагических настроений, разрушительно влиявших на ее нервы...

Но самое, может быть, роковое в этом отношении – это был период ее жениховства. Моя жена всегда подчеркивала, что этот период в жизни девушки часто бывает очень далек от безоблачных переживаний и, при длительности, может привести даже к катастрофе. Ирина заневестилась

в марте 1927 года, а повенчалась лишь в январе 1928г.! При крайней впечатлительности ее натуры, склонной к мучительному самоанализу, эти месяцы были полны беспокойств, бесконечных волнений, ненужных инцидентов, семейных ссор и проч. Как-то жутко вспоминать, что свадьба откладывалась по чисто экономическим причинам – необеспеченность работой, жилищный вопрос и т.д. При слабом здоровье Ирины времяпрепровождение между домом (имея в виду работу-зарплату), Институтом, Союзом поэтов, и женихом – оказалось для нее трудно переносимым: ее физические силы сдавали, нервы не выдерживали. А болезнь уже держала свою жертву в своих когтях. Ирина каждый день ходила в госпиталь делать впрыскивание инсулина. Тогда еще нам казалось, что это лишь временное лечение и как-то не хотелось верить, что инсулин сделается необходимым атрибутом ее существования.

Наконец, наступил день свадьбы. К этому времени мы уже переехали из Севра в Париж, где на улице Мсье ле Пренс сняли в отеле довольно хороший номер, в котором свободно поместились втроем. Вскоре рядом освободилась совсем маленькая комнатка, в которую переехал Юрий.

По французским законам церковному браку должен предшествовать брачный союз, заключенный в мэрии того аррондисмана, где живет жених. Стали наводиться справки, началась борьба с нехваткой денег и проч., наконец, небольшая группа русских из нашего отеля отправилась попросту, не свадебным кортежем, как французы, на площадь Сен-Сюльпис, в мэрию. Я был в качестве свидетеля. Мы оказались номером первым – за нами еще пар десять. Началась длинная процедура расписывания в большой книге, а затем в «Семейной книге» Ирина впервые проставила свою новую фамилию. Потом все брачующиеся проследовали в главный парадный зал, где мэр, с национальной лентой через плечо, после прочтения соответствующих статей узаконения, объявил: «Вы муж и жена», и, – вручив документы, протянул сразу обе руки и пожал молодым руки, и служитель объявил, что «церемония окончена». В коридоре молодые перецеловались, и дома были встречены шампанским.

На другой день, придя на обычный пикюр в госпиталь, Ирина была встречена госпитальным персоналом возгласами: «Слава новобрачным!» Начались поздравления и по-

желания, причем усиленно подчеркивалось: «Здравствуйте, мадам!», «До встречи, мадам» и т.д.

Церемония в мэрии не внесла никаких перемен в жизнь молодых. Начались приготовления к церковному браку, и венчание было назначено на 20 января. У молодоженов еще не было комнаты, что было причиной многих волнений, ссор и слез. Наконец, недалеко от нашей улицы, была найдена комната без отопления, в старом отеле, помнящем, вероятно, еще времена революции. По собственному признанию Ирины, ей было страшно уезжать из нашего отеля и «грустно уходить из семьи». Все эти волнения ее совсем измучили, и накануне своей свадьбы она заканчивает свой дневник печальной фразой: «Кажется, самое лучшее – лечь в госпиталь».

Мы с женой старались как-нибудь озаглавить предстоящую церемонию. Жена шила «подвенечное» платье, не белое, но шелковое (практичнее) и (запись) «хочет купить туфли». Все это в пределах наших беженских возможностей...

20 января, вечером, мы благословили Ирину нашей сфаятской иконой – «Радость странным» – и поехали в церковь. Все участники этой брачной церемонии поехали в метро. Этот свадебный кортеж оказался в некотором роде традиционным: мы с женой ехали в Москве венчаться... на конке. В церковной ограде сошлись шаферы: со стороны Ирины – Костя и Обоймаков, а со стороны жениха – Карпов и Андрей (Войцеховский). Карпов и Обоймаков были студенты-коллеги. Карпов принес великолепный букет белых цветов.

Из церкви всей оравой отправились домой в автобусе. По пути в автобус зашел профессор В.Б.Эльашевич, лекция которого в Институте должна была быть как раз в этот вечер. Профессор, увидев группу своих студентов, улыбался, думая, что все едут на его лекцию. Потом поздравил молодых...

Дома, в нашем номере, было весело – пили вино, пели песни.

Засиделись за полночь. «Сначала ушли гости, – записывает Ирина, – потом я. Это был тяжелый момент – уходить из дому».

«ЛЮБОВЬ ПО КНУТУ ГАМСУНУ»

Прошли свадьбы. Наступили будни, и жизнь молодоженов должна была вступить в новую полосу. Ирина как-то странно, фаталистически верила в эту новую жизнь вдвоем; желанную, долгожданную, которая должна была бы внести покой в ее душу, утешить все тревоги, словом, разрешить все поставленные перед нею проблемы ее внутренней жизни, но как-то извне, помимо ее самой. К сожалению, этого не случилось, и это была подлинная трагедия всей ее жизни, всего ее существования. Рушились все надежды привести в ясность ее жизненные цели, осмыслить их и более-менее прочно установить свой быт. Уже в начале февраля, т. е. через несколько дней после свадьбы, она «бывает одинока». «Страшная и опасная мысль для медового месяца!» – прибавляет она в дневнике. А мысли ее опять возвращаются к прежним, печальным думам своих стихов. В это время она и написала стихотворение, которое считала самым лучшим из своих стихов, в которое сама была «влюблена», лучше которого, как ей казалось, она никогда не напишет.

*Я пуглива, как тень на пороге
Осторожно раскрытых дверей.
Я прожгла напряженной тревогой
Много ярких и солнечных дней.*

*Оплету себя вдумчивой грустью,
Буду долго и страшно больна,
Полюблю эту горечь предчувствий
И тревожные ночи без сна.*

*И когда-нибудь, странно сутулясь,
В час, когда умирают дома,
Я уйду по расщелинам улиц
В лиловатый, вечерний туман.*

*Где я буду в тот матовый вечер?
Кто мне скажет, что я умерла?
Кто затеплит высокие свечи
И завесит мои зеркала?*

*Так исполнится чьё-то проклятье,
И не день – и не месяц – не год –
Будет мир сочетанием пятен
И зияньем злоеющих пустот.*

6. II.1928

И со свойственной ей пытливостью Ирина принялась тщательно искать причины такого настроения, состояния ее сознания. Прежде всего, она обратилась к анализу их отношений с мужем, которого она любила «безумно». (Потом она возвратилась к этой любви и сделала очень любопытные определения). Сравнивая интересы Юрия со своими, она пыталась объяснить, почему ей «скучно». «Юрий занимается политикой, историей, а меня это не трогает», и ей уже начинает казаться, что она ничего не может дать своему мужу: «ему нужно поговорить, поделиться своими мыслями о прочитанном, а это все далеко от меня, как Китай». Это признание нельзя понимать буквально. Она вовсе не была чужда интеллектуальным интересам. Не говоря уже о литературе, в которую она вносила суждения, свойственные ее поэтическому дарованию, она была способна увлекаться наукой вообще и очень дорожила своим увлечением. Свой постепенный отход от Института в результате ее общей болезненной усталости, она переживала с большой болью. «Что бы я отдала за свои былые увлечения Институтom, – пишет она, – за эту бодрость и неутомимость, с которой я ездила каждый день из Севра! За тетрадки с записями лекций! За смех, которым я могла смеяться только в Институте». Учиться в Институте с усилением ее болезни и осложнением жизненных условий вообще становилось для Ирины все более затруднительно.

Юрий это понимал, и сказал ей прямо и откровенно, что она вообще заниматься не будет, причем, он мотивировал это довольно своеобразным признанием: «Потому что ты настоящий поэт», – «В этом твоя трагедия, но в этом и твое творчество». В этом суждении заключалась жестокая правда подлинной подоплеки печальной поэзии Ирины, во всех ее «стихах о себе».

Необходимо все же отметить одно свойство натуры Ирины. За исключением ее поэтического ремесла, ее мало что-либо интересовало и захватывало серьезно. Она в свое

время занималась музыкой, обнаруживая при этом способности, с большим вниманием и страстностью слушала музыку на симфонических концертах, на которые я ее водил, имея возможность, как музыкальный критик, с не меньшим интересом могла прослушать доклад, например, о Киеве на «Вечерах Русской Культуры» и т.д., но личной инициативы, или лучше сказать, напористости в этом направлении не проявляла. Тем не менее, у нее имеется и такая запись: «Когда я думаю о музыке, о том, что я могла бы быть недурной пианисткой – мне всегда хочется плакать. Я не жалею, что жизнь выбила меня из нормальных условий, мне жаль только моей музыки. Я бы отдала все мои стихи – настоящие и будущие – чтобы быть хорошей пианисткой...» Ее личная судьба, оторванность от своей привычной среды способствовала замыканию в себе; маленькой девочкой попавшая в водоворот беженской (политической) жизни, она многое не могла понять в окружающей обстановке и старалась ее осмыслить наедине сама с собой (общее свойство всех пишущих дневники). Те же условия жизни привели и усилили у нее сознание какой-то личной неприкаянности, что впоследствии сказывалось в ее самоощущении лишнего человека, неудачника, «человека второго сорта» и т. д. Ее талантливость, как поэтессы, объективно признанная, давала ей некоторое право считать себя в какой-то мере выше других, но, с другой стороны, всякие неудачи на этом пути отражались на ее психике очень тяжело. Мы видели, как мучительно складывалась ее личная женская судьба. Любовь дала Ирине огромную энергию, но требовала и постоянно поддержки. Но беженские, материальные условия нашей эмигрантской жизни не могли этого делать полностью. Юрий зарабатывал немного, а работал много – уходил рано утром, а приходил поздно вечером. По натуре человек общительный, с большой тягой к общественной деятельности, пытливый и вообще одаренный, он старался заполнить духовную пустоту своего существования участием в политической жизни эмиграции, саморазвитием и проч. Придя домой, он нередко брал книгу, или делился с женой своими мыслями, которые мало занимали Ирину. С другой стороны, целый день ожидая мужа, проделав работу по хозяйству, преодолев в этом отношении много трудностей, она шла к нему со своими житейскими горестями, жалуясь обычно на свою усталость, как следствие развивающейся болезни.

Разумеется, эти жалобы были всегда довольно однообразны, скучны – от них всегда хотелось поскорее отмахнуться. Но они были мучительно реальны и нарушали счастье молодоженов. Юрий все время в деятельности, – «волнуется, говорит без умолку... на него весело смотреть» – пишет Ирина в дневнике, – «А я его совсем как-то не вижу. Все вечера он уходит: понедельник – семинар, вторник – на Милюкова, среда – дома, четверг – на семинар Эльяшевича, пятница – к поэтам, суббота – «Трибуна». Вижу я его на короткое время за ужином, когда он приходит с работы усталый немножко и распускается, и правда – устает, а потом поздно вечером, когда я уже совершенно устаю и сплю... А тут еще весна начинается, воздух весенний, и сон – готова спать все сутки напролет». – «Но разве моя вина, – добавляет Ирина, – что я потушила свой маленький огонек, если он был когда-нибудь; что мне нечем жить, только им одним, отдать целиком всю свою жизнь и всю себя ему». Однажды Юрий сказал: «Какое счастье, что мы с тобой оба поэты. Это было бы страшной трагедией, если бы один из нас горел этим, а другой – нет». Ирина, приведя эти слова, несколько изменяет ситуацию: «Один из нас – социалист и горит этим, а другой – нет. Страшная трагедия? – спрашивает она, и добавляет: - Я думаю, что это трагедия одинакова для нас обоих».

Достаточно всех этих выписок и признаний, чтобы представить себе, если не подлинную трагедию, то, во всяком случае, семейный очаг, в котором не все благополучно. Недаром ее близкая подруга, Наташа (Кольнер), заметила, что «вся жизнь Ирины свелась к одной точке, и от этой точки тянется тоненькая, тоненькая ниточка». Можно было всегда опасаться, что эта ниточка временами будет рваться.

Замечательно, что, анализируя свои супружеские отношения, свою любовь к Юрию, Ирина удивительно верно их охарактеризовала. В одном месте своего романа «9-е термидора» Алданов говорит, что каждый человек известной эпохи любит «по какому-нибудь писателю». Например, герой его романа – Шталь «любит по Карамзину». – А мы, – говорит Ирина, – несомненно, любим по Кнуту Гамсуну». Это определение чрезвычайно верно. Кто наблюдал их жизнь, читал их стихи и особенно ее дневник, памятник раскрытия человеческой души, тот должен согласиться, что во взаимных отношениях этой четы очень много невольной «игры в героев Кнута Гамсуна»...

Почва для этой «игры» была крайне разнообразна. Прежде всего, их душила материальная нужда. В буквальном смысле они не голодали, хотя бывали случаи, что у Ирины не оказывалось денег на завтрак, но это случалось очень редко, а затем – это, столь обыденное явление в наших условиях, не таило ничего трагического: всегда можно было занять у нас или знакомых. А там, смотришь, порвались подошвы, протекают туфли и т. д. А денег нет. Ирина отчаянно экономила на еде, пытаясь свести до минимума свои расходы, даже в госпиталь ходила пешком, что ее очень утомляло. Иногда подходили такие непредвиденные обстоятельства, как обмен удостоверений личности. Начиналась ужасно сложная и крайне утомительная процедура – доставание всякого рода свидетельств, удостоверения о жительстве, о работе. Начиналась беготня по различным учреждениям, стояние в префектуре в огромных очередях, иногда не бывало денег на саму карту. Все это очень нервировало и утомляло... А болезнь шла и усиливалась своим чередом. Диабетический режим – очень суровый, тяжелый и жестокий. Нельзя съесть ни вкусной булки, ни пирожного, ни выпить сладкого кофе; ни сладкого, ни мучного, даже молоко ограничено. Человека молодого этот режим действительно может довести до отчаяния. Ирина поначалу стойко сопротивлялась бесконечным искушениям, думая, что болезнь пройдет, но потом поняла, что болезнь неизлечима... и можно себе представить ее состояние при мысли, что так жить, так питаться и делать каждый день уколы инсулина она осуждена до могилы! Неудивительно, что на нее иногда находило отчаяние, и она тогда делала как бы своеобразную передышку, т.е. допускала некоторое нарушение режима. Иногда это проходило даром, а иногда вызывало сильные реакции, до того, что приходилось ложиться в госпиталь, который для диабетиков в Париже являлся как бы их вторым домом.

Пришлось думать и о работе. Домашняя, ответственная работа, например, шитье платьев, ей была совершенно не под силу, нужно было искать работу в какой-либо мастерской. К счастью, такая нашлась, где работала ее мать – мастерская кукол под названием «Фавор». Ее содержала очень милая семья наших знакомых (Фаусеков). Работа в этой мастерской в прекрасных условиях, рядом с мамочкой, конечно, Ирину устраивала. Кроме того, в конце мая удалось

устроить молодоженов в нашем отеле, где они получили номер рядом с нашим. Но трещины в ее жизни не зарастали. Прежде всего, эта работа в мастерской окончательно отдаляла Ирину от института. Хотя там большинство лекций читалось по вечерам, ввиду занятости русской молодежи на работе, – однако и эти вечерние часы были для Ирины совершенно невозможны: после обычных часов в мастерской она приходила домой усталая, а ей еще нужно было готовить ужин и т. д. С Институтом Ирина была связана отнюдь не практическими соображениями, которые это учебное заведение едва ли и преследовало, но поступление в Институт являлось с ее стороны идейной пробой себя на каком-либо серьезном поприще, чтобы почувствовать себя, так сказать, крепким человеком. И теперь она горько чувствовала, что ее обещание не выполнимо. Мысль об Институте ее преследовала горьким кошмаром, она пыталась, было, подать прошение о разрешении держать экзамены «с тем курсом», и написала трогательное стихотворение о своей тоске по Институту.

*В вечер синий и благословенный,
В городской звенящей тишине,
На мосту, над почерневшей Сеной –
Генрих вспоминает обо мне.*

*Зданья в мглу безлунную зарыты,
Свет скользит с шестого этажа,
Поднял конь железные копыта,
Тяжело и крупно задрожал.*

*А в кафе, под звонкий лязг бокалов,
В глубине, у крайнего стола,
Облик мой – веселый и усталый –
Сонно вспоминают зеркала...*

*А на скамьях милых и тяжелых,
Под сияньем свешенных огней,
В темном зданье коммунальной школы
В этот час не помнят обо мне.
И никто не видит, как смущенно,
В опустевшей, тихой темноте,*

*Там, на лестнице неосвященной,
Притаилась плачущая тень...*

6.VI.1928

Как всегда у Ирины это сознание несбывшихся надежд, мысль о «просроченных сроках» и «несдержанных обещаниях» нашло свое яркое отражение в ее стихах. Эта тема в ее словесном отражении становится даже одной из главных в ее творчестве – она так гармонирует с ее печальными думами. Месяца через три после свадьбы она написала стихотворение, в котором уже намечается и как бы заранее переживается крушение ее надежд и идеалов – оно, между прочим, произвело на мужа очень тяжелое впечатление.

*Я накопила приметы
Много тревожных примет:
Будет холодное лето,
Матовый, облачный свет.*

*Будут задорные блески
В землю опущенных глаз,
Ветер запутает дерзко
Смысл недослышанных фраз.*

*Не повторенные встречи,
Не утаенная грусть,
Слабые, узкие плечи
Примут непрошенный груз.*

*В новой приниженной жизни,
В неумолимой борьбе
Будут рассказы о ближних,
И никогда о себе.*

*Длинные, цепкие руки
Сдавят до боли виски.
Мир потускнеет от скуки
И небывалой тоски.*

*Встанут забытые лица,
Кто и зачем – не пойму.*

*Дом, где так трудно забыться,
Станет похож на тюрьму.*

*Будут бессонные ночи –
Много тревожных ночей –
И неразборчивый почерк
При осторожной свече.*

*В полдень томленья и лени,
Как и в былые года,
Вдаль от парижских строений
Будут скользить поезда.*

*И на поляне в Медоне,
У белоствольных берез,
Сердце впервые застнет
От накопившихся слез.*

*Горечь – обиды – и цели –
Кто их сумеет нести?
И не услышанный лепет:
«Было. Не будет. Прости!»*

3.IV.1928

А русская жизнь в Париже продолжалась своим чередом: происходили собрания поэтов, где Ирина часто выступала, обычно, с большим успехом, она бывала на собраниях «Дней», на которых были интересные доклады на политические темы, она посещала собрания «Зеленой-Лампы» – у Мережковских, и такие, как «День Русской Культуры» (эмигрантский ежегодный праздник). Все это ее интересовало и занимало. Но все это не могло заглушить ее темной тоски, и когда Ирина приходила домой, в свой «дом», эта «игра в Кнута Гамсуна» продолжалась. Юрий за книгой или за газетой. «За окном дождь. В комнате тикают часы, да скрипит на бумаге перо. Иногда шуршала газета. И – все. Так ползут вечера. А жить нечем, нечем, нечем. Переоценила я себя. Не сумела построить жизнь». Прочтя эту цитату, изображающую мирную картину, почти идиллию, читатель может быть в недоумении – отчего тоска? Ответа нет.

Развивая подобные настроения, Ирина, естественно, приходила к весьма трагическим заключениям. Вот ей ка-

жется: «Наступает то время, когда мне надо как-то уйти от жизни, т.е. приближается та грань, за которую я никогда не заглядывала». Казалось ей, что с ее «исчезновением» все «вопросы», стоящие перед ней, вообще исчезнут, и смерть является в роли роковой неизбежности, логического конца ее болезни. Мысль о самоубийстве в стихах Ирины встречаются сравнительно редко и является скорее своеобразным литературным приемом. Так, например, появилось стихотворение, написанное на втором месяце беременности:

*Час пробьет торжественно и звонко –
Час последней гибели. И я
Побреду последней собачонкой:
Вдоль чужого, темного жилья.*

*Буду думать, что не все – чужое,
Буду горько плакать, и в ответ
Я услышу трижды роковое,
Трижды унижительное «нет!»*

*Ни тоски, ни ада и ни рая –
Уж не будет больше ничего.
Кто-то пожалеет, приласкает
В мир подкинутое существо.*

*А потом – потом сожжет, закрутит
Медленный, губительный пожар.
И на шее обовьется туже
Ранним утром разноцветный шарф.*

27.XI.1928

Очень редко, но все же, может, быть, под влиянием ее маленьких удач, у Ирины появлялось желание пересмотреть обычную пессимистическую оценку своей жизни. Так, в 1927 г., т. е. до замужества, она определенно говорила, что ей хочется

*– до боли жить,
Чтобы не кланя, не хмуря брови,
Весь этот подлый мир любить
Слегка кощунственной любовью,*

В конце концов, она как бы примиряется со своей судьбой:

*Быть странником, без жалоб и без стонов,
Пьянеть простором незнакомых мест,
Увидеть новый мир в окно вагона, –
Ведь это никогда не надоест.*

Появляются подобные настроения и после замужества, когда она пытается отнестись к себе критически. Так, в марте 1928 г. она записывает: «В сущности, я могла бы сегодня назвать себя счастливой. Но вот обнаружилось, что мои «неизносимые» подошвы изнашивались, и опять во всей остроте встал вопрос о безвыходности. И еще – Институт. Об этом лучше не думать. А так – все хорошо. Погода хорошая, солнце светит, не очень холодно, все постирано и поштопано, в комнате относительная чистота, даже и чувствую себя относительно сносно. Чего же еще?

*И жизнь до ужаса простая –
Не выбита из колеи...*

*Не назовешь ее ошибкой –
Все знает место, срок и цель...*

Да, действительно, жизнь как-то выровнялась и потекла «тоненькой ниточкой». И может быть, стала в десять раз нужнее и полезнее...»

Я не могу без мучительного волнения приводить эти жалобные строки. Бедная моя Ирина! Как мало надо было ей, чтобы почувствовать себя счастливой!

Она готова винить себя во многом. «А Юрия я скоро сделаю совсем несчастным. Я требую от него какого-то постоянного внимания, утешения, разрешения моих тяжелых и путаных настроений. Я недовольна, когда он читает книгу, занимается, когда пишет, и отталкиваю его, когда он ласков и нежен: «...Напрасная нежность, такая смешная...»

Это-то и плохо, что такая наивная, детская нежность становится смешной... Что же это такое? Господи, помоги и укрепи!»

А болезнь шла своим чередом, осложняя мелкие неудачи и разрушая тело, которое, сопротивляясь ей по инерции,

уже не находило силы для борьбы и жизни. В стихах Ирины все чаще и чаще начали встречаться жалобы на непреодолимую усталость. Безнадежным отчаянием звучит ее страшное стихотворение:

*Ты пойми, что я устала,
Я совсем больна.
Зданья старого квартала
Скрыла тишина.*

*Ни вопросов, ни исканий, –
Только б отдохнуть.
Не стереть мне эти грани,
Не перешагнуть.*

*Сколько раз от близкой цели
Кто-то уводил.
Ты пойми, что в этом теле
Не осталось сил;*

*Что по пропастям бездонным
Жизнь меня вела;
Что из пальцев с легким звоном
Падает игла.*

*И боюсь я ночи темной,
Снов и пустоты.
Но не надо ничего мне,
Да пойми же ты!*

*Заметен туманом разум,
И стучит в мозгу
Жалкая, смешная фраза:
«Больше не могу!»*

6.XI.1928

МАТЕРИНСТВО

«Пока не грянула гроза... А гроза эта грянула», – так начинает Ирина свою запись в дневнике 6 сент. 1928 г. У нее проявились признаки беременности. С этого момента у ди-

абетичек начинаются страшные дни. Дело в том, что при этой болезни беременность противопоказуется. Как правило, диабетичкам не полагается родить: роды для них являются смертельной опасностью – в огромном большинстве они кончаются заражением крови. Можно себе представить сознание Ирины, когда она почувствовала, что стала на этот путь. Поехали с мужем в госпиталь, посоветовалась с Марсель, симпатичной инфермьеркой, которая ее несколько успокоила, что-де, мол, в самом начале аборт еще не так опасен и проч. Началось хождение по докторам, и здесь обнаружилась вся серьезность положения. Во Франции аборт вообще запрещены, тем более почти невозможно найти врача, согласившегося бы сделать аборт диабетичке. Назывались, правда, врачи-шарлатаны и требовались большие деньги. С чувством большой благодарности нужно вспомнить русскую женщину – врача Л.А.Каминскую, которая все время поддерживала Ирину своим участием и добрыми советами. После беготни по докторам и бесконечных консультаций Ирине пришлось-таки открыться Ляббе, своему профессору, под наблюдением которого она лечилась в госпитале Питье. Ляббе, к большому счастью всех нас, отнесся к этому обстоятельству серьезно, спокойно и без всякой паники. Он, прежде всего, заявил, что на аборт он решится только в крайнем случае и только на седьмом месяце беременности, а до того примет все меры, чтобы роды прошли благополучно, и что он надеется, что ребенок будет здоров и т.д. Моя жена сама отправилась к Ляббе, который подтвердил, что самая пустая операция при диабете является опасной. Он признался, что беременность будет тяжелой и что Ирине придется на какое-то время лечь в госпиталь, но он подбодрил, что вовсе не обязательно, чтобы ребенок был также диабетиком. «Я сильно ошарашена и озадачена, – записывает Ирина, – надо переделывать, переламявать, как-то по-новому устроить жизнь».

Начиналась новая глава ее жизни. Как и сказал профессор, – беременность Ирины протекала очень тяжело, анализы были очень плохие и все время увеличивались дозы инсулина; она страшно уставала, нервничала и подчас впадала в отчаяние.

Наша жизнь до конца декабря была полна всевозможными событиями. В ноябре жене пришлось перенести опе-

рацию, несколько дней она пролежала в русском госпитале. Хотя операция не давала повода к большому беспокойству, но все же мы с Ириной очень волновались.

Большим событием этих дней был приезд в Париж в командировку из России моего лучшего друга В.В.Каврайского (ныне покойного). Это было словно с того света. Как много было сказано и узнано нового – много говорили, расспрашивали, спорили. Ирина, жившая в соседней комнате, конечно, была в курсе всех наших настроений.

Литературные дела шли своим чередом – в них Ирина принимала большое участие, без конца волновалась делами «Союза Поэтов», выступая на очередных собраниях, с чтением своих стихов.

Были и семейные неприятности. При своем состоянии Ирина, конечно, стала чаще прибегать к мамочке, своей постоянной советнице по женским делам, и чаще засиживалась у нас в комнате, что вызывало ревность мужа и приводило к раздражению сторон. Такая жизнь утомляла Ирину, анализы делались все хуже и хуже, и 19 декабря она принуждена была лечь в госпиталь, который во все время ее беременности сделался для нее как бы вторым домом. Там она очень скоро в обществе больных (диабетички быстро сходились друг с другом), познакомилась с жизнью соседок по койкам, сама поведав им свою историю и участвуя в своеобразных проказах молодых больных, которые, например, делая сами себе анализы, иногда в записях утаивали неприятные показания и т.п. Как ждущая ребенка, она вызывала к себе большое участие, и некоторые из ее больничных подруг стали вязать для ее будущего ребенка одеяльца и другие вещи.

В госпитале диабетички вообще довольно скоро восстанавливали свои силы, и после первых дней, отдохнувши, чувствуя себя хорошо физически, томились от безделья. Ирина много читала (я работал в Тургеневской Библиотеке, и Ирина в книгах не нуждалась) и не переставала интересоваться литературными делами, тем более что ее муж, в это время председатель Союза молодых поэтов, был очень занят выпуском первой книжки стихов членов Союза, и Ирина, конечно, принимала близкое участие в её выходе, держала корректуру и проч. Это ее развлекало и возвращало к жизни, недаром она после прочитанной одной статьи Ходасе-

вичка записала, что «он все-таки свернул ее мысли в другую сторону от докторов, анализов и беспросветной тоски по дому».

А по дому она очень тосковала. Приближались рождественские праздники, Новый год, который мы привыкли встречать дома все вместе. Она очень рвалась из госпиталя, тем более что силы несколько окрепли, но все-таки в первый раз в жизни ей пришлось встретить Новый год не в своей семье. «Вечером, под Новый год, – заносит Ирина в свой дневник, – я написала стихотворение – очень паршивое... вот оно».

С НОВЫМ ГОДОМ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

*Сон, полумрак и покой.
Ходит бесшумно сиделка.
Слиться спешит с часовой
Злая минутная стрелка.*

*Год задувает огни.
Неравноценные дни...
Неравномерные части...
– Новый, тревожный, верни
Мне мое старое счастье!*

31.XII. 1928. «Питье» госпит.

17 января 1929 г. Ирина вернулась домой. Но это не принесло ей радости. «Вот и дома. Вчера вернулась. Думала – буду визжать и плакать от радости, но вместо этого – тихое и грустное состояние. То, что я нашла дома, оказалось так невесело, что меня сразу же охватили самые печальные мысли. Оба – мамочка и папа Коля – без работы в полном смысле этого слова. В лучшем случае едят в день по селедке, да пьют чай без сахара. Юрий берет аванс, чтобы как-нибудь помочь им. Из моих 200 франков, которые я набрала месяц тому назад, столько работая и экономя – сегодня 84 фр. заплатила в госпиталь, поделилась немножко с нашими – они хоть сахару и картошки купили, купила кое-что из еды себе – и осталось совсем немного. Ту неделю, или хоть половину ее, как-нибудь вытянем, а там хоть опять в госпиталь».

Читая эти строки сейчас, я, по правде сказать, не помню, чтобы у нас было такое плохое положение, – мы часто, как говорится, сидели без денег, но, в сущности, не голодали.

Мало-помалу жизнь Ирины стала налаживаться. «Сначала хотелось только есть и спать, потом появилось желание вымыть посуду и убрать, потом вообще что-то делать. Сегодня даже немножко постирала и устала очень. Все-таки страшно слаба. И подумать не могу о том, чтобы пойти, например, в Люксембургский сад или к Сене. Много сплю». Этих строк достаточно, чтобы понять состояние, выраженное ею в стихах:

*Отошло, отпело, отзвенело.
Жизнь замедлила неровный шаг.
До смешного изменилось тело
И смешно состарилась душа...*

Характерно для этого периода ее обращение к мужу:

*Склоним устало ресницы
В сумерках синего дня.
В комнатах будем томиться,
Не зажигая огня.*

*И за большим самоваром
Возле оплившей свечи,
Может быть, вспомним о старом,
И, повздыхав, замолчим.*

*Бросим нескладные фразы,
Полные дряхлой тоски.
Взглянем в пространство, – и сразу –
Вместе – поймем: старики...*

9.XI.1929

Но удивительно, что в этом стихотворении, обращенном к будущему, не слышится, что его автор борется за свою жизнь и за жизнь своего будущего ребенка, о котором она два месяца перед этим написала:

*Я брошу все: стихи, слова и строки,
Мечты о том, чего на свете нет,*

*И матовый, встревоженный рассвет,
Такой любимый и такой далекий.*

*И все мои печали и упреки
Пустых, тяжелых и напрасных лет,
И стыд за все просроченные сроки,
И прозвище надменное – поэт.*

*Мне ничего не жаль. И я готова
Закрыть навек заветную тетрадь,
Чтоб больше никогда не раскрывать
Дневник существования пустого
– За тихое, коротенькое слово,
За самое простое слово – мать.*

18.XI.1928

Но и теперь, возвратясь из госпиталя, Ирина стала усиленно и с любовью шить и собирать для своего маленького, доставала деньги, покупала шерсть для вязания и с нетерпением ждала, когда ее госпитальные приятельницы кончат начатые вещи. «Мне уже хочется начать играть в куклы. В этом вся моя радость», – пишет она. Большую моральную поддержку в это время ей оказала ее мать, которая уже работала, и днем ее не было дома. «Мне очень без нее скучно, – пишет Ирина, – сейчас она самый близкий, самый необходимый мне человек. Когда она не работала, мы вместе ездили в госпиталь, так что и она уже как-то вошла в эту жизнь. Теперь я ей рассказываю все госпитальные новости. Мне всегда есть о чем с ней поговорить, может быть, просто по-женски. Она больше всех из всей семьи ждет и любит моего ребенка».

Кончался восьмой месяц ее беременности, а самочувствие ее становилось все хуже в связи с увеличением в анализе ацетонов. 5 марта Ляббе признал положение очень серьезным и потребовал, чтобы она лежала в госпитале до родов. «Когда я сказала мамочке, – записывает она, – она заплакала. Да и могло ли быть иначе. Так обе и плакали. И мне же пришлось ее утешать, уверять, что я бодра и не плачу, что это, в конце концов, не так долго, как-нибудь перетерпим. А какое же «недолго», когда осталось 9 недель! Буду

работать для маленького, буду шить распашонки, научусь вязать и свяжу одеяльце. Только бы он был, для него я готова все перетерпеть». Это желание Ирины быть матерью все крепло в ней и, может быть, оно и было главной причиной благополучного исхода.

Никогда я не забуду этих девяти недель! Жена заходила к Ирине в госпиталь по вечерам, идя с работы – на это было получено официальное разрешение, остальные приходили в обычные часы приема (во Франции часы приема каждый день). А вечером, после ужина, когда мы с женой оставались одни и в тишине соседней комнаты ясно чувствовалось отсутствие Ирины, невольная жуть и страх за ее жизнь сжимали сердце. Когда становилось совсем непереносимо, мы с Марусей выходили из отеля и шли гулять. Обыкновенно мы обходили по решетке кругом Люксембургского сада. Эта прогулка за это время стала для нас необходимой нормой. Мы шли, тесно прижавшись друг к другу, думая об одном. Мы знали, что процент благополучия родов в этом случае крайне низок... Выпадет ли на нашу долю этот счастливый жребий?! Из всех сил мы старались подбодрить друг друга, находили всякие мелочи, чтобы на них построить оптимистические расчеты. Такие моменты все-таки были, и мы возвращались домой успокоенные, с твердой верой и в организм, все же молодой Ирины, и авторитет Ляббе, и в помощь Бога.

В госпиталь мы ходили по-прежнему – Маруся по вечерам, я – на обычные приемы, причем почти каждый день я приносил ей кофе. Обстановка последних дней пребывания Ирины в госпитале была довольно беспокойная. Поступило несколько больных в очень тяжелом состоянии, проходили мучительные ночи, и было жутко, приходя на прием, видеть, как некоторые кровати заставляются белыми ширмами. Но надо сказать, что эти смерти, кажется, производили впечатление больше на посетителей, чем на больных, которые к этим зрелищам как-то привыкают и относятся к ним с философским спокойствием.

У Ирины настроение в эти последние дни перед родами было очень нервное и напряженное: она готова была плакать по самому пустяшному поводу. Чтобы заполнить время, она читала, вязала, интересовалась литературными новостями. Погода стояла весенняя, и она со своими больничными под-

ругами очень охотно ходила на прогулку в маленький садик госпиталя.

За пять дней до родов Юрий, уходя с приема, спросил:

– Как же ты назовешь девочку?

– Наташей.

– А я никак не могу сыну придумать, не знаю, кем он будет.

– А я назову или Игорем или Алексеем.

(Впоследствии этим, вторым, именем будет назван ее внук).

19 апреля я, как обычно, пришел на прием и принес кофе. Войдя в палату, я сразу заметил, что ее койка пуста, и понял, что, очевидно, начались роды. Я поставил кофе на столик, а соседки принялись мне объяснять, что она уже в родильной. Я побежал туда. Меня не пустили, и я мог только подойти к растворенному окошку и увидеть Ирину, которая ходила по комнате, корчась и изгибаясь. Мы с нею перекинулись несколькими словами, она, зная, что я поеду к мамочке, просила ее не волновать. После меня пришел Юрий, который пробыл у нее в комнате некоторое время...

Я немедленно поехал в мастерскую и там, среди наших хороших знакомых, сообщил эту новость. Мы с Марусей пробыли дома до вечера, а потом поехали в госпиталь, где в бюро нам сообщили радостную весть, что родился мальчик, что роды прошли очень хорошо и роженица чувствует себя вполне удовлетворительно, что, словом, все благополучно. Не передать те чувства, с которыми мы возвращались домой. Утром, через Юрия, узнали дополнительные сведения: Ирина чувствует себя хорошо, ребенок здоров...

В своем дневнике Ирина потом рассказывала о своих родах с мельчайшими подробностями. Ее настроение выражено в прекрасном стихотворении:

*Шепчет ночь, колдунья и пророчица,
Шепчет ночь тревожные слова.
Больше думать ни о чем не хочется,
Но от дум пылает голова.*

*Синий сумрак в незнакомой комнате,
Смесь теней и шорохов глухих.*

*И всю жизнь, должно быть, буду помнить я
Эти ночи, мысли и стихи.*

*Шепчет ночь слова такие страшные,
Припадает к синему окну.
Вот оно – хорошее, желанное,
Свято окрылившее весну.*

*Только б это сердце не устало бы,
Если б только жизнь не солгала...
Вторит ночи тоненький и жалобный
Детский плач из темного угла.*

27.IV.1929

1 мая Ирина была уже дома. Мы поменялись комнатами, уступив свою, большую, которую предварительно вымыли и вычистили пылесосом. Началась новая, совсем новая наша жизнь. Благополучный исход наших волнений нашел отклик у всех наших знакомых. Сколько было искренних поздравлений! Жена говорила, что если кто хочет видеть счастливого человека, пусть посмотрит на нее. И все радовались нашему счастью. С величайшей благодарностью вспоминаю я, с какой отзывчивостью знакомые, и даже малознакомые, присылали для маленького пеленки, белье, носильные вещи, прислана была великолепная кроватка (между прочим, она принадлежала сыну одного из великих князей). Этого сочувствия и моральной поддержки со стороны знакомых я никогда не забуду... Дальнейший период жизни Ирины связан, конечно, с ее материнством, которое нелегко ей далось, и которое она склонна была рассматривать как награду, за все ее переживания и неудачи.

НАГРАДА

*За то, что у меня нет друзей,
И с детства я была одинокой, –
За то, что за морем, в стране далекой,
Осталось так много ненужных дней, –*

*За то, что нечего мне терять, –
За то, что звонкий смех разлюбила,*

*За то, что днем ваюсь на кровать
Без мыслей, без слов, без слез, без силы –
За больные стихи, за эту тетрадь, –
За сжатые губы и взгляд унылый, –*

*За горечь длинных, пустых недель, –
За сердце холодное в терпкой злобе –
Дана мне тихая колыбель,
Глаза голубые и детский лобик.*

4.IX.1929

При всей литературности и преувеличениях, смысл этого стихотворения ясен. Любовь к сыну наполнила жизнь Ирины новым содержанием, и хотя болезнь ее продолжала развиваться, эта любовь спасала ее в тяжелые моменты ее жизни.

*Я знаю, как печальны звезды
В тоске бессонной по ночам,
И как многопудовый воздух
Тяжел для слабого плеча.*

*Я знаю, что в тоске слабея,
Мне темных сил не одолеть,
Что жить во много раз труднее,
Чем добровольно умереть.*

*И в счастье – призрачном и зыбком –
Когда в тумане голова,
Я знаю цену всем улыбкам
И обещающим словам.*

*Я знаю, что не греют блески
Чужого, яркого огня,
Что холодок, сухой и жесткий,
Везде преследует меня.*

*Но мир таинственно светлеет,
И жизнь становится легка,
Когда, скользя, обхватит шею
Худая детская рука.*

9.XI.1932

Вместе с радостным оживлением вошли в жизнь и разные заботы, связанные с маленьким Игорем. Между прочим, Юрий оказался «пренесносным отцом»: он питал к нему чувство какой-то неврастенической, ревнивой любви. Все ему казалось, что ребенок болен, особенно, когда он кричал по ночам, что его не так пестуют, что все недостаточно внимательны и т.д., и т.п. На этой почве происходили, конечно, обычные недоразумения и ссоры с Ириной, с тещей, материнский опыт которой ему казался недостаточно авторитетным... А у маленького Игоря было много неполадок: то простуда, то насморк, то грыжа, то нелады с желудком. Его часто носили к доктору (была очень милая и знающая женщина – врач Власенко), постоянно взвешивали и вообще чутко прислушивались ко всякому его недомоганию. Но, в общем, все консультации сводились к заключению, что все идет нормально. – «Как я люблю моего Капельку! Даже когда он ночью так мучительно орет, а взглянешь на него и подумаешь: «и откуда тебе такое счастье?»»

Очень трудно привести к одному плану жизнь Ирины за этот период. Здесь все перепуталось – и болезнь, и материальная нужда, и общественная, литературная работа, и сложные семейные отношения, и заботы об Игоре... Приведу одну выдержку из ее дневника. Как-то Ирина пошла на консультацию к Ляббе, а вместо него стал принимать Каррье – внимательный и симпатичный.

– «Очень тяжелый диабет», – сказал он после осмотра. Увеличил прививку. Меня это огорчило больше всего из-за материальных соображений; когда в прошлый раз я пришла за месячной порцией инсулина, сюрвейантка спросила, не буду ли я платить. Сказала: «На этот раз я вам дам, а там скажу, что дальше делать». Вот теперь и объясняй ей, что мне надо не 15 ампул, а больше! Только это меня и беспокоит. А такое слово, как тяжелый – меня больше не пугает. Слова! Ну, а слабость! а боль в коленях и в пояснице? а бессонница? Это последнее и предельное – «нет сил»?! Нет силы нагнуться и вылить Игорев тазик!.. В «Последних новостях» стихов не печатают – а деньги очень нужны...»

Небольшое отступление. Порядок (с пикюрами инсулина) по выходе из госпиталя, у Ирины был следующий: утром она уходила в госпиталь, Юрий и моя жена – на работу, а я оставался с Игорем в совершенно непривычной для меня роли

няньки. Я всегда считал из всех «прислуг» эту должность самой тяжелой, но в данном случае было вполне естественно мне оставаться с моим внуком. Пока он спал, я сидел около него, но когда он просыпался, да еще мокрый, и начинал кричать, я иногда не знал, что мне делать. Обычно я его брал на руки и начинал ходить по комнате, успокаивая, напевая разные песенки. Никогда я не нянчил в таком смысле своих детей и оттого, может быть, моя любовь к Игорю – особая, в некотором роде, выстраданная. Но моя роль няньки прекратилась сравнительно очень скоро: в госпитале инсулин стали давать на руки, теперь больные стали сами себе делать уколы, а также и анализы. Конечно, это было очень удобно, но, с другой стороны, сколько было затруднений со шприцами, с кипячением иглол и проч., в заключение, при недостаточной гигиене в этом отношении появлялись нарывы и т. д. – и Ирина все это испытала, испив до дна чашу диабетических осложнений.

Болезнь Ирины шла довольно бурными скачками: то анализы были сносные, и болезнь как бы стабилизировалась на некоторое время, то появлялось опять много сахара и ацетонов, которых диабетики боятся больше сахара. В общем, при соблюдении необходимых предосторожностей Ирина могла нести этот свой крест, приспособляясь к своему режиму. Таким образом, если не было острых приступов болезни, приводивших ее в госпиталь, Ирина могла вести сравнительно нормальный образ жизни в смысле обслуживания в хозяйственном отношении своей семьи, ухода за ребенком и занятия своими литературными делами. В этих последних она даже стала принимать более близкое участие, войдя в Правление Союза в качестве секретаря.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Парижская литературная жизнь «молодых (они старели с каждым годом!) поэтов» была неповторимо своеобразна. Поэтов там набралось довольно много – эмиграция вообще была богата интеллектуальными силами, но беда была в том, что органов печати, в которых можно было бы поместить всю поэтическую продукцию «русского Парижа», было сравнительно не много. Самый серьезный и большой журнал «Современные Записки» выходил книгами объема старых журналов (вроде, напр., «Русского Богатства») очень редко.

Всего вышло 63 номера. Были попытки издания других журналов, но они, обычно, кончались довольно скоро. С «Современными Записками» могла конкурировать разве только парижская «Воля России». Разумеется, в эти журналы «молодые» поэты попадали сравнительно редко, обычно в специальных номерах, посвященных литературной молодежи вообще. Первые же места занимали старые поэты: Бальмонт, Гиппиус, Ходасевич и др. Больше всего молодым поэтам уделялось место в четверговых номерах большой русской парижской газеты «Последние Новости». Но и туда попасть было трудно. Конечно, все поэты довольно пристально следили друг за другом, проявляя при этом большую ревность. Появились отдельные группировки, в большинстве случаев не по идеологическим признакам, а скорее – по личным. Рядом с Союзом молодых поэтов возникла организация «Перекресток», – так назывался и первый их сборник стихотворений, который был встречен довольно сдержанно, с одной стороны, и восторженно – с другой. Между этими двумя литературными группировками установились враждебные отношения, приведшие к определенному разрыву. В «Перекресток», имевший довольно высоких покровителей среди «мэтров», начали перебегать поэты из Союза, что привело к выходу из Союза некоторых его членов, в том числе Ю.Софиева и И.Кнорринг. Теперь мне кажется, что здесь было проявлено много излишней щепетильности. Поэты Союза по-прежнему собирались в подвале-кабачке около бульвара Сен-Мишель с нарочито-богемной обстановкой. Там происходило чтение стихов, разбор их. Еще до «объявления войны» «Перекрестку» Ирина так характеризовала в то время эти собрания: «В ... обстановка создается поганая. Атмосфера «дружеской критики». Раньше, когда «Ля Болле» посещали так называемые «мэтры» и ругали всех, трудно было услышать хоть одно сочувственное слово, уж всегда находили какой-нибудь недостаток и копались в нем. И руготня была ожесточенная, грызлись, как собаки. Теперь другая крайность. Собирается одна «молодежь», друг друга знающая очень близко, и какая-либо отрицательная критика считается чем-то неприличным. Зато слова «прекрасно», «великолепно», «я восхищен», «я не знаю, как выразить свой восторг» – так и сыпятся. Слушать тошно! Сколько раз мне хотелось выступить наперекор всему, да как-то все решимо-

сти не хватает (припомним, кстати, ее феноменальную застенчивость. – Н.К.). А жаль! Уж если бы я и наговорила глупостей, так не больше, чем все остальные. Сама там никогда не читаю, я считаю, все-таки, что я уже достигла какого-то «положения», которое избавляет от обязательного чтения в «Ля-Болле». Хотя Ирина почему-то называет это «снобизмом», несомненно, в этом сознании не было самохвальства. Ирина в этот период своей стихотворной жизни прошла уже некоторую критическую школу, стала серьезнее относиться к стихам, как своим, так и чужим. В это время она выступила и как критик с рецензиями на некоторые сборники стихов (между прочим, на «Перекресток» и на сборник Ладинского). К сожалению, газета, где печатались эти ее отзывы, – чикагский «Рассвет» – была изданием мало интеллигентным, весьма провинциальным, которое пробаивалось больше перепечаткой из других изданий, в значительной степени из «Последних Новостей» (кстати сказать, не выплачивая авторам ни гроша, хотя об этом и поднимался вопрос неоднократно). Во всяком случае, Ирина была, безусловно, права, что достигла известного положения среди парижских поэтов – у неё образовалась определенная манера, сложилась своя поэтическая физиономия, которую знали читатели, – среди них было много ее подлинных почитателей. Словом, дело подходило к тому, чтобы оправдать положение Ирины, как поэтессы, появлением сборника ее стихотворений, что было бы проявлением ее поэтической зрелости. И она приступила к подготовке издания сборника своих стихов.

Нужно было, прежде всего, устроить материальную сторону этого дела. Своих денег не было. И вот начались поиски мецената, который согласился бы дать 1000 фр. на это предприятие, в коммерческом отношении совершенно не выгодное. Помню, что одно время у меня была надежда получить эти деньги от Н.К.Рериха, с которым у меня были некоторые связи через знакомых. Рерих принципиально обещал, но в Париж он наезжал сравнительно редко, видеть его лично мне не удалось, словом, надежда на него рухнула. Но мы не отчаялись и начали копить деньги. Юрий сделал копилку из какой-то коробки, в дырочку которой можно было бросать деньги. Копилка имела успех. Обычно туда опускалась мелочь, но попадали и крупные бумажки. Через несколько месяцев ее вскрыли, и в ней оказалось несколько сот франков.

Торжественно отнесли эти деньги в издательство «Москва», магазин которого (фирма Н.Карбасникова и Бреннера) находился недалеко от нашего отеля. Копилка, которую тоже захватили с собой, произвела большое впечатление на Бреннера, заведовавшего магазином, – он и оказался издателем книги Ирины. Он предложил очень выгодные условия: внести 800 франков, а остальные в долгосрочный кредит – по мере распродажи. Книга в 4 печ. листа в 300 экземпляров, причем 50 нумерованных на люксовой бумаге. Цена – 5 фр. и 25 фр.

Начались дни веселые, возбужденные, с подбором текста и т. д. Очень удачную обложку сделал художник Гладков (этот тип обложки остался и для других книг Ирины). Бумагу пришлось купить нам самим, причем нумерованные экземпляры были напечатаны на меловой бумаге. 12 марта 1931 г. рукопись была сдана в печать, и через месяц первые 15 экземпляров были у автора. Книжка была издана очень изящно и по внешности производила прекрасное впечатление. Ирина назвала этот первый свой сборник «Стихи о себе». Это очень удачное название соответствовало существу сборника. Вообще, по общему признанию, Ирина очень удачно подбирала названия для сборников своих стихов.

Выход из печати книги, да еще первой, конечно, для автора является праздником. И у Ирины это был незабываемый праздник.

Первая книжка стихов – это вроде как «аттестат поэтической зрелости» – по крайней мере, так это понималось в «русском Париже» того времени. Красивая по внешности, книга «Стихи о себе» стала красоваться в витринах книжных магазинов. Она рассылалась с соответствующими надписями друзьям и, конечно, влиятельным в литературном мире людям, рецензии которых ожидалась с гнетущим нетерпением. В данном случае от рецензентов (а таковыми в первую очередь были Адамович и Ходасевич) зависела в значительной степени судьба и книжки и поэта. Правда, в отношении парижских молодых поэтов значение этих рецензий несколько ослаблялось, потому что мнения «мэтров» о молодых поэтах были более-менее известны по критическим выступлениям на собраниях и по рецензиям на сборники. В данном случае от рецензента ожидалась более точная формулировка его взглядов: книга стихов – это не

случайно прочитанное стихотворение в Ля Болле, а в значительной степени положительное явление литературы. Вскоре в «Последних Новостях» появился отзыв Адамовича в ряде отзывов о вышедших книгах вообще (ждать отдельной статьи было, конечно, немислимо). Адамович начал с того, что признал в Ирине Кнорринг «несомненный поэтический дар». От более подробного разбора он воздержался и не подчеркнул их характерную музыкальность и «доходчивость» до читателя. Помнится, в этой рецензии повторялось мнение, становящееся господствующим среди литераторов, о духовном родстве поэзии Ирины с Ахматовой. Кажется, об этом намекал и Ходасевич. Но Ирина, привыкшая к строгому (и часто несправедливому) отношению к себе, была «в конце концов, довольна, хотя мог бы и меньше язвить» – заметила она в дневнике. В общем, сборник имел несомненный успех, отзывы в большинстве случаев – печатные и устные – были благоприятны, и положение Ирины, как поэтессы, ее известность упрочились в русских зарубежных кругах. Как всё, вышедшее в эмиграции, до родины ее книжка не дошла. В одном из номеров «Красной Газеты» (21.V.1928) в статье Гайна Адовца среди обзора стихов зарубежных поэтов было приведено несколько строк из стихотворения Ирины, напечатанных в «Последних Новостях».

С выходом книги у Ирины как будто кончилась, если можно так выразиться, ее литературная суета. Она почти не выступала на собраниях поэтов и высказывала даже тягость от этих сборищ поэтической богемы в парижских кафе. Отражением этого служит ее стихотворение «Монпарнас», в котором с горькой иронией подчеркивается, что там «сказать-то друг другу было нечего». Вообще, с выходом «Стихов о себе» Ирина как бы устоялась в литературном своем деле, и отношение к ней собратьев-поэтов стало ровнее, чем раньше. Но, выступая редко, она иногда получала триумф. Так, например, в феврале 1932 в одном из больших собраний в «Ля Болле», на котором присутствовал приехавший из Болгарии в Париж профессор Е.В.Аничков, Ирина читала свои стихи, из которых «Я знаю, как печальны звезды» – имело исключительный успех.

О РОССИИ

История одного стихотворения

Как-то в Эрзувилле, где Ирина гостила у Бориса Афанасьевича Подгорного, зашел разговор об отношениях парижских поэтов к России. Узнав, что Довид Кнут натурализовался, Подгорный очень огорчился и сказал: «И Кнут, и Кнорринг совершенно безответственно произносят такие большие слова, как Россия». Это суждение, конечно, несправедливо. Покойный Кнут очень любил Россию, любил, как еврей, и в своих очерках и стихах, говоря про свою Бессарабию и Кишинев, очень тепло вспоминал «тот особый еврейско-русский воздух – Блажен, кто им когда-либо дышал!»

Что же касается Ирины, то этот упрек вдвойне несправедлив. Достаточно прочесть ее первые тетради дневников, чтобы убедиться, какая душевная драма происходила у Ирины после того, как она покинула Россию. Она уехала оттуда четырнадцати лет, и, конечно, ее воспоминания о родине связаны с ее детскими восприятиями. Подрастая, она уже не могла питаться только детскими впечатлениями, и образ России у нее стал складываться под влиянием русских художников и литературы. Образцом такого восприятия является ее стихотворение «Россия».

РОССИЯ

(Вариации на старое)

Там чудеса, там леший бродит...

А.Пушкин

Там лес, и степь, и тишина,

И серо-дымчатые дали.

И медной денежкой луна

На темно-голубой эмали,

Там пятна серых деревень.

Собачий лай. Печаль. Безлюдье.

Там серый, бледный, тихий день.

Таким он был. Таким он будет.

Там не боятся, не бранят,

Не вспоминают, не тоскуют.

*Ночами филины кричат,
С зарею лешие бунтуют.*

*Там златоглавый монастырь
Весь полон светлым перезвоном.
И тихо стонет птица Вирь,
Сливаясь с шорохом зеленым.*

*Там в зачарованных снегах
Стоит изба на курьих ножках,
Где дремлет старая Яга
У освещенного окошка.*

*А дальше тихие скиты,
И перезвоны колоколен,
Где не боятся темноты,
Где день печален и безболен.*

*И листья медленно шуршат,
Сливаясь в жалобы и стоны,
И кротко теплится душа
Грошовой свечкой у иконы.*

*И липа белая цветет,
И пахнет ель смолою клейкой.
И бабьим голосом поет
В лесу пастушачья жалейка.*

*И в глушь лесов, и гор, и дол
Тропинка узкая змеится.
По ней Иван-Царевич шел
За несказанною Жар-Птицей.*

*И седовласый богатырь,
Непобедимый, хмурый, строгий
Все в ту же даль, все в ту же ширь,
Все той же маленькой дорогой.*

*Такой мне встала на пути,
Такой в мои стихи пустые
Сошла с Билибинских картин
Ползабытая Россия.*

З.Х.1926

Ирина сделалась взрослой и осталась русской: росла в русской семье, живущей исключительно русскими интересами, говорила хорошо только по-русски и... была русским поэтом. Поэтому фраза Подгорного ее сильно задела, и вот что она записала в своем дневнике 20 мая 1933 года:

«Почти до трех часов вчера не могла заснуть и все из-за Бориса Афанасьевича. Уж очень он меня задел тем, что я не имею права говорить о России.

– «В вашей книге не чувствуется, что Россия вам нужна». А если бы он был внимательнее, если бы он подумал о том, что заставило меня писать все эти стихи о «пустоте и скуке», он бы понял, что красной нитью через всю книжку проходит «память о страшной утрате». Что стихи эти типично эмигрантские, что в России они не могли бы быть написаны; что когда я заканчиваю стихотворение словами:

Глупый друг, ты упустил одно:

Что не будет главного: России.

Я могу это говорить, ибо без России не только «малинового варенья», но и вообще нет ничего. Другой родины у меня нет, а первая потеряна. У меня в жизни была только одна «страшная утрата», одна поистине роковая ошибка, которая навсегда выбила меня из колеи и раздавила мою жизнь. Жизнь моя – какая-то не настоящая. Конечно, я не могу говорить о России, потому что я ее не знаю, ни старую, ни тем более новую, я ее не чувствую, но я очень чувствую ее отсутствие, ее потерю, эту «утрату», я это сильно чувствую, и в этом смысле я могу и имею право говорить о России. И когда я думаю об Игоре – мне становится почти физически больно, что его жизнь, как и моя, пройдет вне России. У меня даже этой зимой была сумасшедшая мысль – поехать с Игорем в Россию. Это почти равносильно смерти. Это значит, бросить мужа, отца и мать, бросить все воспоминания о прежней жизни, уничтожить все стихи, все дневники, все письма, ни с кем из эмигрантов не переписываться и сделать Игоря комсомольцем. Ведь думала же я об этом совершенно серьезно. И тогда я поняла, – честно сама перед собой, что сделать этого я не могу, и я поняла, что Россия для меня потеряна навсегда и безвозвратно. Написала ночью стихотворение, посвященное Подгорному...»

*Я в жизни своей заплутала,
Забыла дорогу домой.
Бродила. Смотрела. Устала.
И быть перестала собой.*

*Живу по привычке, без цели.
Живу, никуда не спеша.
Мелькают, как птицы, недели,
Дряхлеет и гибнет душа.*

*Однажды, случайно, от скуки
(Я ей безнадежно больна)
Прочла я попавшийся в руки
Какой-то советский журнал.*

*И странные мысли такие
Взметнулись над сонной душой.
Россия! Чужая Россия!
(Когда ж она стала чужой?)*

*Россия! Печальное слово,
Потерянное навсегда
В скитаньях напрасно суровых,
В пустых и ненужных годах.*

*Туда – никогда не поеду,
А жить без нее – не могу,
И снова настойчивым бредом
Сверлит в разъяренном мозгу:*

*Зачем меня девочкой глупой,
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли?!*

13.VII. 1933.Эрувиль.

«КРУЖЕНИЕ СЕРДЦА»

Ирина до конца своей жизни очень любила своего мужа. Как-то, в один из моментов душевных смятений она записала в дневнике:

«...Могла ли бы я порвать с Юрием и связать свою жизнь навсегда с другим – я до сих пор отвечаю – нет». Это крепкое чувство много раз выражено ею в стихах.

*Тебе – без упрёка и лести,
Тебе, мой доверчивый друг,
За наше усталое «вместе»,
За лед не протянутых рук.*

*За ночи у детской кровати
(Покорное тельце в огне),
За ночи в больничной палате,
В пустой, в неживой тишине.*

*За то, что по-разному верим,
И разное видим вокруг,
За радости и за потери –
Тебе, мой обманутый друг.*

*Мое не прощенное счастье,
Мое поражение в борьбе...
Без боли, без гнева, без страсти,
Последнее слово – тебе.*

1939

Но по характеру они были различны: Ирина была до крайности застенчива, чрезвычайно замкнута в себе, инстинктивно боялась всякой рисовки, лишних, громких слов и всякой аффектации. Она не требовала для себя ни шумных развлечений и вообще была очень скромна в своем времяпрепровождении, довольствуясь небольшим кругом своих близких друзей. И к своему мужу она относилась, как к близкому другу, поверенному своих чувств и переживаний, которого несколько эгоистически всегда хотела иметь около себя. Может быть, в этом отношении она предъявляла к нему слишком большие требования, которые целиком

выполнять ему, по своему характеру, было очень трудно. В своих стихах она довольно резко проводила разницу между собой, у которой «простая, обыкновенная душа», и мужем, который вместе с другими «строил большие храмы» и «давал ход кораблю» (см. стихотворение «Двум Юриям»). В своем дневнике она не раз возвращается к его характеристике. «Он на голову выше всех, кого я знаю. Это делает его одиноким. У него много почитателей и покровителей, но нет друзей. «Друзей» в том смысле, как я это слово понимаю, а не в том, какое значение ему придают: друзей-то у него пропасть, внешне он никогда не останется один. Но внутренне он очень одинок, и временами это его сильно мучает. Я ему не помощь, я не могу быть его другом. У меня за всю мою жизнь не было ни одного друга, даже внешнего. Юрий весь в общении. Ему нужны люди, общество, разговоры, споры, социальные проблемы... Он любит людей, а не человека. В обществе он незаменим. В семье часто бывает невыносим. До сих пор не может сказать хозяину, что у нас стул сломан. А почему? А потому, что это разговор неприятный, тут и поругаться надо, и вообще можно испортить отношения. Это очень характерно. Недаром же у него со всеми наилучшие отношения и с ним даже «невозможно ссориться» (фраза Кельберина)...»

Здесь довольно роковые и печальные признания. Сама Ирина была очень неглупым человеком, умела очень хорошо внутренне чувствовать правду, но она была совершенно не светским человеком, кроме того, она была формально недостаточно образована, а природная ее совестливость и застенчивость не позволяли ей смело высказать свои мысли – эрудиция собеседников всегда ее подавляла. Вот тут-то и была ее драма. Ей недоставало друга, равного ей по психике и по мироощущению. Но она его все время искала...

Но это была неутолимая и недостижимая мечта всей ее жизни, может быть, особое состояние ее сознания, выражаемое в своеобразной литературной форме, какой-то внутренним надлом ее натуры. Вообще, в детстве она была хорошей подругой, в зрелом возрасте у нее были женщины-друзья (по правде сказать, очень немного) и были друзья-мужчины, дружба с которыми, может быть, невольно, иногда переходила в более сильное чувство, что смущало ее самое, и бывало причиной многих огорчений. Я уже гово-

рил об ее характерной черте – влюбчивости. Если человек ей нравился, она начинала его любить, не так, как любят, например, хороших знакомых и друзей, а как-то надрывно, – ей начинало казаться, что это какая-то особая любовь, своего рода обожание, подобно тому, как гимназистки любят своих учителей, артистов и проч. В таком аспекте Ирина любила многих людей, которые ей нравились (за некоторых она даже молилась), причем она могла быть «влюблена» в человека, лично ей незнакомого, с которым она не сказала ни одного слова, как, например, в детстве она признавалась в своем дневнике в своей любви к Колчаку.

Как всегда, все свои платонические (и патологические) увлечения Ирина подвергала тщательным анализам в своем дневнике, в котором, также как и в стихах ее, имеется богатый материал в этом отношении. И вот по поводу этого вопроса я позволю себе остановиться.

Обычно принято думать, что дневники являются самым искренним свидетелем душевной жизни человека, зеркалом его внутренних переживаний – ему поверяются самые интимные глубины души и проч. Это и верно, и не верно. Конечно, дневник фиксирует известное настроение, мысли и т.д. и в этом отношении он, как хронологический источник, незаменим. Но эта запись ценна только для данного момента: на основании только дневниковых, случайных записей рискованно делать обобщающие выводы и заключения. Кроме того, в некоторых случаях самая искренность дневниковых записей может быть взята под сомнение – и это самое главное. Кто из тех, кто вел дневники в ранние годы, не знает, сколько фантазии, сочинительства, всевозможных размышлений и рассуждений выливается на эти страницы бумаги, которая действительно «все терпит». Особенно это «сочинительство» в дневниках сказывается у лиц, обладающих литературным даром, который, как известно, не всегда послушен автору, а очень часто владеет им, увлекая его изложение в сторону, может быть, случайно пришедших в голову тезисов и положений. (Припомним, фразу – кажется Михайловского – что «есть и писатели, пером владеющие, и писатели, пером владеемые».) Таким образом, дневник нередко переходит в литературную форму, в изложение, в котором автор незаметно становится объектом писательского творческого процесса, в котором описательные детали ка-

жутся более жизненными и правдивыми, потому что они, якобы, взяты непосредственно из личного опыта автора... Эти оговорки и поправки надо всегда иметь в виду при оценке соответствующих признаний Ирины в ее стихах, и тем более, в ее дневнике...

Но как бы то ни было, искание «неведомого» и трудно определимого «друга» и в замужестве давало порой некоторые осложнения в их «любви по Кнуту Гамсуну». Был период - попытка своеобразной «дружеской любви» в жизни Ирины, может быть, самый требовательный и трудный в любовной практике Эроса. Может быть, здесь и явился Асмодей, о котором говорит Мегера в «Фаусте» Гете:

*...Дай им пожениться,
И я с несоответствием пустячным
Испорчу жизнь счастливым новобрачным.
...Всегда желанья с разумом боролись,
Довольство не спасает от фантазий,
В привычном счастье есть однообразие,
Дай людям солнце - захотят на полюс.*
(Перевод Пастернака.)

С авг. 1933-го по окт. 1934 года Ирина почему-то не вела дневника.

Возвращаясь к нему, она на нескольких страницах упоминает о тяжелых событиях прошедшего года. Смерть тестя после продолжительной болезни и связанных с ней мучительных осложнений, болезни сына, из которых одна кончилась полуторамесячным пребыванием в госпитале и, наконец, ужасные осложнения в течении ее собственной болезни. На почве диабета у нее появилась страшная экзема на ногах, при которой она не могла ни ходить свободно, ни лежать. После нескольких недель безрезультатного лечения ей пришлось лечь в госпиталь, где, пролежав три недели в очень хороших условиях, удалось преодолеть это ужасное осложнение диабета, но оно вскоре появилось опять и очень мучило несчастную Ирину.

В этот период нашей жизни Ирина сблизилась с семьей Б.Г.У., будущего профессора русского языка и литературы во Франции, особенно, с его женой Еленой Ивановной, и часто бывала там со своим мужем. Там же она познакомилась

с М.С-м, одним из редакторов пражского журнала «Воля России». Это был молодой журналист и критик, стоявший на позициях познания Советской России; он производил очень приятное впечатление на литературных выступлениях и был вообще приятным собеседником. Большое впечатление произвело на Ирину его выступление на докладе Ильи Эренбурга, который осенью 1934 г. приезжал в Париж и читал доклад на тему о советской литературе. Но еще за два дня до этого доклада Ирина сделала в своем дневнике «запись, которую перед смертью надо будет уничтожить. Я, кажется, влюбилась в С., влюбилась, как девчонка, как дура». По дневнику видно, что встречи с С. были редки и никаких «свиданий» у них не было. Но тут начинается «воображение», которое приводит Ирину к очень знаменательной и характерной для нее записи, в которой она пришла к заключению, что «даже воображаемый роман может иметь совершенно реальные последствия. Кажется, ничего нет, кроме глупой влюбленности (да и то, в миф), а результаты налицо. Все время мысли вертятся около вымысла, который становится как бы второй жизнью. Все время я живу в воображаемых событиях, и в зависимости от того, до чего я сегодня додумалась, бываю весела, зла или грустна, бывает, что и плачу. И иногда мне начинает казаться, что все это уже не вымысел, а действительность. Целый день я занята собой и своим «воображаемым собеседником»... хожу по улицам и сама с собой разговариваю или лежу на диване и все плету свой «воображаемый роман». А до чего запелась – один Бог знает. Писать об этом я уже не буду».

Какая удивительная, почти патологическая, картина ее «влюбчивости»! В дальнейшей записи это состояние обрастает подробностями уже критического свойства. «Комната не убрана, сын заброшен, муж обманут и предан (ибо воображаемая измена – есть уже измена), сама я все время нахожусь в каком-то истерическом, болезненном состоянии, мне кажется, что и мои удушья того же нервного происхождения – и из-за чего? того, чего никогда не было и не будет. «Воображаемый роман» и «воображаемый собеседник».

А я еще не считала себя фантазеркой!» – «Жизнь пошла вразлад и врозь» – констатирует она, и через несколько дней она написала замечательное стихотворение, одно из блестящих и убедительных свидетельств искренности ее «стихов о себе», утверждения в них своей личности.

ИЗМЕНА
(Воображаемому собеседнику)

*Измены нет. И это слово
Ни разу не слетало с губ.
И ничего не стало новым
В привычно-будничном кругу.*

*Измены нет. Но где-то втайне,
Там, где душа совсем темна,
В воображаемом романе
Она уже совершена.*

*Она сверкнула жгучей новью,
Жизнь подожгла со всех сторон.
Воображаемой любовью
Реальный мир преображен.*

*И каждый день, и каждый вечер –
Томленье, боль, огонь в крови.
Воображаемые встречи
Несуществующей любви.*

*А тот, другой, – забыт и предан.
(Воображаемое зло!)
Встречаться молча за обедом
Обидно, скучно, тяжело.*

*Круги темнее под глазами.
Хмельнее ночь, тревожней день.
Уже метнулась между нами
Воображаемая тень...*

*А дом не убран и заброшен.
Уюта нет. Во всем разлад.
В далекий угол тайно брошен
Отчаяньем сверкнувший взгляд...*

*Так, – проводя, как по указке,
На жизни огненный изъяз, –
Ведет к трагической развязке
Воображаемый роман.*

13.XII.1934. Ночь

К своему «воображаемому собеседнику» Ирина возвращается не раз в своем дневнике, уточняя и поясняя свою идею. «Воображаемый собеседник» не обязательно должен быть, например, «любовник»; в ее воображении это «друг добрый и бескорыстный, который мог бы меня просто, по-человечески пожалеть, «по головке погладить», даже в самом буквальном смысле, которому я бы могла довериться – всю себя рассказать – с болью и кровью, и услышать в ответ какие-то настоящие слова, от которых на душе стало бы тепло, и один только такой разговор, – и мне больше ничего не надо». Здесь мы видим перед собой человека, у которого на душе лежат какие-то камни и мучительные томленья, для облегчения которых требуются специальные меры. Здесь недостаточно участия мужа, матери или отца, к которым любящая их Ирина обращалась за советом в тяжелых случаях своей жизни (в записях Ирины часто встречаются упоминания о душевных разговорах с мужем, в которых улаживались ссоры и многие интимные недоразумения) Нет, подобные душевные томления требуют вмешательства именно «друга», – часто в таких случаях приходят на помощь сестра, брат, любимая подруга, а для верующего человека (особенно нервного и экзальтированного) в религиозной среде – хороший духовник, священник, отшельник...

Отчасти так и было в то время. Вздолнованная своими переживаниями и вопросами, высказанными в стихотворении «Измена», Ирина под Рождество 1935 года пошла к исповеди, предварительно подав листок «о здравии» (в котором в конце списка поставила имя... Марка, ошибочно думая при этом, что христианство не допускает моления за иноверцев). Судя по ее записи, она пошла за своим облегчением не по тому адресу, а, главное, не в подходящей обстановке. Что мог сказать ей в утешение священник, которому она не открывала, да и не могла, пожалуй, открыть в той формальной обстановке, в которой обычно происходят у нас исповеди, – все сложные причины своего душевного томления и смятения, и в таком случае, что же мог сделать священник, как, «отпустив грехи» и узнав, что она не была на исповеди десять лет, наложить обет исповедоваться хотя бы не менее двух раз в год. Такая исповедь ее не облегчила, несмотря на то, что она жаждала искупления, и «было бы лучше, если бы священник не допустил даже ее к

причастию». Она хотела «исповедоваться у человека безжалостно-строгого, но внимательного и справедливого» (опять «воображаемый собеседник»). Но такая исповедь требовала другого духовника и иной обстановки, а, главное, подхода к обряду с религиозным сознанием и бескорыстной верой, а не так, как идут к доктору хотя бы и с верой, что его лекарство обязательно поможет... К сожалению, к тому времени умер отец Георгий Спасский, который хорошо знал всех нас и очень любил Ирину; он был очень чуткий священник и хороший психолог...

В таком настроении Ирина опять обращается к старому образу «неведомого друга» с чувством отчаяния, что «такого собеседника-друга на свете нет», но вера, что «кто-то должен прийти» – остается. А, в конце концов – трагическое признание: «Чего хочу? И сама не знаю...»

И все эти волнения Ирины происходят на фоне обострения ее диабета.

Нельзя без горькой жалости читать в ее дневнике записи о своих страданиях.

«Усталость. Апатия. Неубранные комнаты. Я ненавижу свое тело (кроме рук) – больное, болящее. Ненавижу мои ноги, и ночью, чтобы перевернуться на другой бок, я долго сначала собираюсь; мне хочется взять их руками и переложить, они болят от основания до пяток. А мои растрескавшиеся пятки, которые больно задеть, а по утрам, кажется, нет возможности наступить. Ненавижу мою не проходящую экзему..., все, все, всю свою нижнюю половину тела, и все, что с ней связано! Господи, за что?!..»

А тут... Запись 21 марта 1935 г. – «На свете весна. Весна самая настоящая с прозрачной синевой, с солнцем и сухим, бодрящим – и расслабляющим, – воздухом. Даже я как будто проснулась от долгой спячки, будто вышла из состояния оцепенения. Даже энергия поднялась, – окна, натирка полов, стирка, мечты о летних пуловерах для Игоря и проч. Но... ненадолго... Тут же начинается и трагедия больной двадцатидевятилетней женщины... Посмотрела на себя в зеркало, в самое обыкновенное, материальное зеркало, оглядела себя со всех сторон и – поняла, что уже никого (а тем более себя) не обманешь: молодость и вправду прошла. Все тело болит, от зубов до пяток, экзема не проходит, ничего не помогает и, видимо, безнадежно. Уже радуешься, что не хуже. А как

это противно и как больно! Ведь я совсем измучена! Я завидую каждой встречной женщине – у нее все в порядке, ей не больно ходить, мне каждый шаг – боль. Посмотрела хорошенько и на свою физиономию. Морщины, кожа хвора, уже дряблая, вид потрепанный. Даже глаза – единственное, что было во мне интересного – стали какие-то маленькие, отеки, даже ресницы повывезли будто. И вдруг – первый раз в жизни – мне стало жаль себя, как женщину. В молодости казалось: успеем! А что успеем? Черт его знает! А вот прошло десять лет, у меня муж, сын, которого я очень люблю, и, несмотря ни на что, мне вдруг захотелось чуть ли не пошленького романчика, вдруг стало страшно, что никогда и никого я больше, как женщина, не заинтересую. Должно быть, тут-то и начинается самая отвратительная авантюра...»

*Уж все равно никак не спрячешь
Предательских морщин у глаз.
И все дороже Богу платишь
За каждый день, за каждый час.*

*И как еще не надоело,
Дивишься иногда себе –
Влачить свое больное тело
Навстречу медленной судьбе!*

*Ведь ничего не совершится –
Не будет ни добра, ни зла,
Жизнь перекрашивает лица,
Глядишь – а молодость прошла.*

*Глядишь – а мир, чужой и строгий,
Тебя при жизни позабыл.
А жить осталось так немного,
И то уж – из последних сил.*

22.III.1935

В этот период в Сорбонне защищал диссертацию на степень доктора филологии, на тему о русском языке, наш соотечественник, семья которого дружила с нашей, и Ирина с ним часто встречалась. Молодой ученый, очень скром-

ный и серьезный человек, по-видимому, мало склонный к любовным приключениям, и не совсем понятно, почему он оказался объектом Ирининых «воображений». Этот ее «воображаемый роман» протекал несколько в иных условиях, чем она думала, что в ее годы (29 лет!) она уже достаточно застрахована от «какой-то любви» и проч. , и что этот флирт ее только «забавлял» и т.д. Но он тянулся несколько месяцев и, хотя не привел к «трагической развязке», но был очень мучителен для обеих сторон, тем более что протекал в рамках жизни двух семей, близких друг к другу.

*Что будет дальше – все известно,
Уж так в веках заведено.
И потому, неинтересно
Скользить на илистое Дно.*

*Ни слез, ни гнева, ни упреков.
Душа прозрачна, как стекло.
В романе, конченном до срока,
Все так привычно одиноко,
И так безрадостно светло.*

*В нем все намечено заранее;
Ничто не обмануло нас:
Усталость, разочарованье
От поцелуев на диване,
От слишком откровенных глаз.*

*И подсознательная жалость,
Что жизнь не повернет назад,
Что света было слишком мало,
И что игра не оправдала
Всех, ею созданных утрат.*

25.V.1935

Между прочим, весь этот сложный инцидент (правда, в конце концов, довольно невинный) совершенно не отразился на отношениях между Ириной и женой Б.У., ее старой подругой, с которой она продолжала встречаться и, судя по записям в дневнике, обе они не казались друг другу соперницами.

В заключение, в течение изживания всех этих волнений, у Ирины все более поднималось чувство к своему мужу, в котором она видела защитника ее от нее самой, И знаменательно, как в стихах этого периода чувства к Б.У. и к Юрию идут параллельно, даже не вступая в борьбу: «Я вас люблю запретно и безвольно», - пишет она одному; «И что б в жизни моей не случилось, / Никогда ты не станешь чужим», - пишет она другому.

«ВЛАСТЬ ДОРОГ»

*Никогда не могу не поддаться
Притягательной власти дорог!*

*Как люблю я дорожные карты,
Шорох шин, и просторы, и тишь...*

В августе 1935 г. Юрий купил Ирине велосипед. Началась новая эра ее жизни. Велосипед (он уже доставлял ей огромное удовольствие в Африке) в значительной степени облегчил им обоим загородные прогулки, которые давали им большую радость. Прекрасные окрестности Парижа, помимо эстетического удовольствия, давали много исторических познаний и проч. Впоследствии, когда Игорь подрос, прогулки делались втроем на небольшие дистанции.

С введением во Франции оплачиваемых отпусков прогулки Юрия с Ириной стали делаться в различные районы страны – в Бретань, Прованс, Нормандию и задолго до отъезда согревали Ирину. Приятно было смотреть, как намечались цели путешествия, устанавливались маршруты, начинались всевозможные справки, покупались путеводители, проверялись фотоаппараты, дорожные костюмы и т. д. Как было ново и заманчиво увидеть музеи, храмы.

*И каждый новый промелькнувший город,
И в Сен-Мало торжественный прибой,
И силуэты башен над водой,
И кружева Руанского собора...*

Останавливаться в различных гостиницах или спать под открытым небом, переживая все приятные неудобства

«кампирования», даже некоторые велосипедные катастрофы, следы которых можно было увидеть на фотоснимках. Конечно, появился целый цикл стихов об этом.

*Считать толково километры,
На карте намечая путь.
Учесть подъемы. Силу ветра.
Что посмотреть. Где отдохнуть.*

*Решить внимательно и строго,
Что нужно брать с собой, что – нет.
Вязать пуловеры в дорогу.
И чистить свой велосипед.*

*Мечтать о воздухе хрустальном,
О тишине лесов и рек,
О городке провинциальном,
Где будет ужин и ночлег.*

*И в настроении прекрасном
На карту заносить пути,
Пока не станет слишком ясно,
Что больше некуда идти.*

20.II.1937

К этому времени Ирина оправилась от своей экземы (очень помог русский доктор Гуфнагель), почувствовала себя значительно окрепшей и, в общем, очень хорошо переносила эти экскурсии, имея с собой запас инсулина для ежедневных пикюров. Обычно, некоторое расстояние до намеченных пунктов они делали в поезде, что значительно сэкономило время. Две-три открытки с видами давали нам возможность знать, как чувствуют себя путешественники. Возвращались они оба загорелые, усталые, замызганные, но веселые и бодрые.

Начиналось составление альбомов-фотографий, интересные рассказы о всевозможных приключениях и встречах и еще долгие-долгие переживания воспоминаний. Приведу своего рода поэтическую «фотографию» этого момента.

*Вечер пыльных, далеких дорог.
В.Мамченко*

*Тоскуем над картою рваной:
– Отсюда свернули сюда,
Вот здесь проезжали рано
Поселки и города.*

*– А помнишь – вот тут отдыхали,
Какая была тишина,
А дали, осенние дали,
А воздух, пьянее вина!*

*И снова, как за победой,
За радостной новизной,
Скользили велосипеды
Под гору дорогой лесной.*

*За каждым крутым поворотом,
За каждым холмом вдалеке,
Манящее, новое что-то,
Так чуждое зимней тоске.*

*– Да, да. Ну, а вспомни, как зябли,
Как кутались в полы плаща.
Как били холодные капли
Безжалостного дождя!*

*Навстречу ветрам из Ламанша
Не ехали даже, а шли!..
...А все-таки–дальше, дальше.
Компъень... Бове... Андели...*

*Как милы названия эти...
– А помнишь? вот здесь, за Маньи,
Презрев всех жандармов на свете.
Мы даже костер развели...*

*И снова шины шуршали.
Был в сердце задорный угар.
Над Сеной вечерней блуждали,
Взбирались на замок Гэйяр.*

*Снимались у темных развалин,
Снимались в густых камышах.
И не было больше печали,
По-детски светилась душа.*

*Париж нас неласково встретил.
Мы снова тихо живем.
Нам кажется милым и ветер,
И самый трудный подъем.*

*Теперь нам осталось немного:
Лишь карта на темной стене,
Да черною ниткой - дорога,
И пестрые флаги на ней.*

7.XI.1935

В этих поездках Ирина как бы ощущала всю полноту существования.

*Вот все бы так, без слез, без смеха,
– Не находить, не покидать, –
А просто ехать, ехать, ехать...
И никуда не приезжать!*

Но, словно не допуская такого счастья, она через две недели несколько переделала всё стихотворение, прибавив новые строфы, и, между прочим, вместо приведенной конечной строфы написала:

*Ведь так легко, теряя память,
Среди безжизненных полей
Нестись спокойно и упрямо
Навстречу гибели своей.*

Предчувствие печального исхода слышится и в других стихах этого цикла. Она словно хочет полнее использовать данное ей судьбой время.

*Этим летом опять поедем
Вдоль далеких дорог – ты и я.
Снова будем на велосипеде
Проезжать чужие края.*

*Мы должны побывать в Бретани.
Мы должны... но скорей, скорей!
Как нам страшно в мерзлом тумане
У мигающих фонарей.*

*Ведь потом ничего не будет.
Мы должны еще много узнать.
Ведь уходят и годы, и люди,
Торопись, торопись не отстать!*

*Мы должны... но молчи об этом!
Только лето у нас с тобой.
Больше мы не увидим света,
Никогда не вернемся домой.*

*Это наше последнее лето
Перед смертью или войной.*

12.II.1936

Война началась через три года, и Ирина с Юрием успели побывать и на океане, и в Нормандии и, уже во время самой войны, им удалось побывать в Бретани, но уже радость этой поездки была омрачена тяжелыми впечатлениями войны.

*О чем писать? О лете, о Бретани?
О грузном море у тяжелых скал,
Где рев сирен (других сирен!) в тумане
На берегу всю ночь не умолкал.*

*О чем еще? О беспощадном ветре,
О знойной и бескрайней синеве,
О придорожных столбиках в траве,
Считающих азартно километры?*

*О чем? Как выезжали утром рано
Вдоль уходящих в новизну дорог?*

*И как старик, похожий на Бертрана,
Тащился в деревенский кабачок?*

*Как это все и мелко и ничтожно –
В предчувствии трагической зимы.
И так давно, что просто невозможно
Поверить в то, что это были мы.*

*Теперь, когда так грозно и жестоко,
Сквозь нежный синевеющий туман,
На нас – потерянных – летит с востока
Тяжелый вражеский аэроплан.*

22.X.1939

Поездка в Реймс –Эперней была для Ирины последней. В сущности, она ее сделала через силу – война давила ее беспощадно. Предполагалось даже, что Юрий поедет один. Но Ирине это было так грустно, что я со своей стороны сделал все возможное, чтобы она все-таки поехала. Она воспрянула духом, собрала все свои силы, и экскурсия прошла сравнительно благополучно. Появились бодрые ноты:

*Километр за километром,
Бодро с самого утра,
Против бешеного ветра,
По горам, да по горам.
По крутым холмам Шампани,
Где везде – следы войны,
(Той и этой), где в тумане
Дали смуглые видны.*

*Где бескрайние просторы,
По дорогам скрип телег.
И еще совсем не скоро –
Скудный ужин и ночлег.*

*Но сильней всего на свете
Я люблю такие дни.
Впереди подъем и ветер.
Делать нечего! Гони!*

19.III.1941

Это был последний выезд Ирины. Летом 1942 года, когда пришло время Юрьева отпуска, нечего было и думать о поездке вдвоем. Она была очень плоха, но усиленно уговаривала Юрия не терять своего отпуска и поехать одному... В память прежних экскурсий было решено, что Ирина сделает вместе с Юрием предварительную поездку по железной дороге до города Труа и оттуда вернется одна. Они поехали.

Ирина вернулась очень скоро, скорее, чем мы предполагали, вернулась расстроенная и очень раздраженная. На все наши вопросы, почему так рано вернулась, она отвечала недовольно и коротко...

Все стало понятно! Как было ее, родную, жаль в эти минуты!..

Милая моя Ириночка!..

ИГОРЬ

Сын, само появление которого было несколько неожиданно, явился для Ирины наградой за все ее жизненные горести.

*Я знаю, как печальны звезды
В тоске бессонной по ночам,
И как многопудовый воздух
Тяжел для слабого плеча.*

*Я знаю, что, в тоске слабея,
Мне темных сил не одолеть,
Что жить во много раз труднее,
Чем добровольно умереть.*

*И в счастье – призрачном и зыбком –
Когда в тумане голова,
Я знаю цену всем улыбкам
И обещающим словам.*

*Я знаю, что не греют блёстки
Чужого, яркого огня,
Что холодок, сухой и жесткий,
Везде преследует меня...*

*Но мир таинственно светлеет,
И жизнь становится легка,
Когда, скользя, обхватит шею
Худая детская рука.*

1932

*Я люблю заводные игрушки
И протяжное пенье волчка.
Пряди русых волос на подушке
И спокойный огонь камелька.*

*Я люблю в этом тихом покое,
После бешеной сутолки дня,
Свое сердце, совсем ледяное,
Хоть немножко согреть у огня.*

*Я люблю, когда лоб мой горячий
Тронет ласково чья-то ладонь.
А в углу – закатившийся мячик
И бесхвостый, облупленный конь.*

*Позабыв и тоску, и усталость,
Так легко обо всем говорить...
Это все, что мне в жизни осталось,
Все, что я научилась любить.*

1934

Конечно, все детские праздники у нас справлялись очень торжественно и весело, особенно – рождественские. К елке готовились задолго, покупались игрушки, выбиралось дерево (обычно, на базаре у Нотр-Дам), клеились картонажи и, как всегда бывает в таких случаях, взрослые радовались не меньше детей.

*Пока горят на елке свечи
И глазки детские горят,
Пока на сгорбленные плечи
Не давит тяжестью закат,*

*Пока обидой, злой и колкой,
Не лжет придушенная речь*

*И пахнет детством, пахнет елкой
И воском разноцветных свеч, –*

*Я забываю все волненья
И завтрашний, тяжелый день,
И от веселой детской лени
Впадаю в старческую лень.*

*Смотрю на детскую улыбку,
Склоняюсь к. нежному плечу,
Не называю все ошибкой
И даже смерти не хочу.*

29.XII.1936

Ребенок рос сравнительно в нормальной обстановке, насколько ее можно было создать в нашем эмигрантском быту. Конечно, няньки у него не было, и в этом отношении он был всецело предоставлен матери и, разумеется, в известной степени бабушке, которая его любила какой-то «болезненной любовью». Над ним, конечно, как говорится, «дрожали», тем более что его не обходили различные болезни, доставляя всем нам мучительные огорчения. Приведу один эпизод во время болезни Игоря. В начале 1934 года он заболел гриппом. Давали ему какую-то микстуру, которую он пил, когда еще был совсем маленький. – «И вот, однажды вечером, – записывает Ирина в дневнике, – Юрий пошел за углем, я, укладывая Игоря спать, дала ему столовую ложку микстуры, он проглатывает, я кладу ложку на камин и вдруг вижу, что я ему дала не микстуру, а перекись водорода. В первый раз в жизни я обезумела, по моему виду Игорь понял, что что-то произошло.

– Мама, что случилось?

И я ему сказала. Стоит на кровати в длинной рубашонке, глаза испуганные.

– Мама! Я теперь умру?!

– Не знаю.

До какого нужно было дойти состояния, чтобы так ответить ребенку! Бросилась вниз к Липеровскому (доктор) – нет дома. У него жили Примаки. – «В чем дело? «И я сказала, и побежала вверх к моему перепуганному мальчику. Реву, конечно.

– Игорь, молись Богу!

Через минуту вбегает Владимир Степанович Примаков.

– Говорил по телефону с Липеровским, еле застал его. Ничего страшного, дайте ему теплого чая, и очень сладкого, чашки четыре.

Пришла Нина Ивановна. Грела и студила чай. Игорь пил покорно чашку за чашкой. После третьей чашки его вырвало. Так все кончилось благополучно, только после этого он целые сутки непрерывно, не останавливаясь, кашлял – должно быть, было сильно обожжено горло...»

Когда подошли школьные годы Игоря, оказалось, что у него слабые легкие и прививки на туберкулез (Пирке) давали положительные реакции. Это заставляло помещать его в разные летние колонии (напр., Земгора) и даже впоследствии отправить на шесть месяцев в детскую санаторию в Андаи, на границе Испании. Были использованы и заграничные возможности; он три раза был в санаторных условиях в Швейцарии. Все эти выезды Игоря из родного гнезда требовали от Ирины особенного напряжения энергии. И тут она была изумительной матерью. Начинались хлопоты, прежде всего – денежные. Их материальные ресурсы были настолько слабыми, что даже отправка Игоря в колонию за несколько километров от Парижа бывала затруднительна. Деньги приходилось доставать всячески, главным образом, в русских благотворительных учреждениях – беженских, литературных и проч. Устроивши денежный вопрос, она начинала собирать мальчишку в дорогу, шить костюмы, готовить белье. Она начинала готовиться к отъезду задолго до срока, ни одна мелочь не ускользала от ее внимания. Нечего говорить, какой теплотой звучат ее записи в дневнике о проводах маленького путешественника. Вот стихотворение, написанное после одних таких проводов, с эпиграфом из Лермонтова: «Стану думать, что скучаешь Ты в чужом краю...»

*Помню – поезд бесшумно рвануло.
Твой последний, рассеянный взгляд...
(Средь вокзального шума и гула
Ничего не воротишь назад).*

*Пустота и безжизненность улиц...
(Что мне делать с такой пустотой?)*

*Об игрушки твои споткнулась,
В темноте вернувшись домой.*

*Вот опять – дожди, непогоды,
Гнет ничем не оправданных дней...
Вот опять – пустота и свобода,
Уже горько знакомые мне.*

*На лазурно-седом океане
Ты во сне встречаешь зарю...
И я слышу твое дыханье,
На пустую кроватьку смотрю.*

*Твои письма всего мне дороже,
(Не читать их, – любовно беречь),
Хоть не сам ты их пишешь, быть может,
Хоть мертва в них французская речь.*

*И мне чудится, как вечерами,
Среди мирно уснувших детей,
Ты тоскуешь о доме, о маме,
Об уютной кровати своей.*

1936

Предполагалось, что Игорь пробудет на берегу океана три месяца, но оказалось нужным продлить его пребывание в колонии. Чтобы утешить Ирину, удалось устроить ее поездку в Андай на свидание с сыном.

АНДАЙ

*Ревет вечерний океан.
Таинственная даль темнеет,
И в нарастающий туман
Вершины прячут Пиренеи.*

*Мигают ярко маяки
На каменных, отвесных кручах.
А небо все в тяжелых тучах,
Полно тревожной и летучей,
Нечеловеческой тоски.*

*Безжизненность пустынных дач,
Пустые улицы, аллеи...
И гул прибоя, будто плач,
Взывает к темным Пиренеям,*

*А в лиловеющей дали,
Над гладью сонного залива,
На узкой полосе земли,
В горах, раскинутых лениво,*

*Смешались в прихотливом танце
Огни Испании и Франции.*

15.III.1936

Начальные школьные годы Игоря были очень благополучны. Мальчик он был спокойный, тихий, воспитанный и легко уживался в школе с детьми, учился хорошо. Но напряженно-нервная атмосфера дома иногда вызывала конфликты, которые тщательно анализировались в дневнике. Телесное наказание, конечно, в систему воспитания не входило, – конфликты скоро изживались, – впрочем, их было не больше, чем в каждой другой семье русского Парижа. Приведу две записи. Когда Игорь был совсем еще маленький (трех с половиной лет), он что-то натворил и Ирина – «рассердилась, раскричалась. Он: «Мама!» – «И не называй меня больше мамой! Я тебе больше не мама! Мне стыдно, что у меня такой сын, не зови меня мамой!» И много еще безжалостных слов. Уложила его спать и, не поцеловав, вышла. Потом, немного погодя, под каким-то предлогом вошла посмотреть, как он лежит. И вдруг слышу тоненький голосок из-под одеяла: «Ирина Николаевна!» Я как зареву...»

А вот другой инцидент, когда Игорю было 8 лет, и он брал уроки на скрипке (и очень успешно). – «В четверг утром Игорь довел меня до самой настоящей истерики. Я дошла до того, что держалась обеими руками за голову, выла, орала: «а-а-а», и не могла остановиться. Игорь страшно перепугался. На урок музыки я его отправила одного. В первый раз. Он говорил: «Мамочка, я не могу идти!», и хватался за горло: видимо, схватывали спазмы. Я все-таки его отправила, думала – на воздухе пройдет, успокоится. Сама, однако, не успокоилась, и слегка прибрал комнату, пошла в Потену

(магазин), а оттуда к Елизавете Алексеевне. У нее урок, дети сидят за столом.

– А что же Игорь не пришел?

– Как не пришел? – Я так сразу и ослабела вся. Домой почти бежала. Он, конечно, дома. Сначала начал было врать, что опоздал, потом сказал, что дошел до калитки и пошел назад. Почему, объяснить не мог. ...Весь этот день после этого я была, конечно, сама не своя. Мамочки весь день не было дома. Папа-Коля застал только эпилог, не знаю, поняли ли что-нибудь...»

...С болью в душе вспоминаю я эти предвоенные годы. Мы все делали какими то нервно-больными, словно ненормальными... Ирина часто думала о смерти...

Что скажу я маленькому сыну?

Чем себя посмею оправдать?

*– Если я сейчас тебя покину,
Значит, я была – плохая мать.*

*Значит, сердцу было очень больно,
Значит, силы не хватало жить.
Значит, сердце стукнуло – довольно!
Как же быть?*

*Я оставляю небольшую память
(Жизнь моя большою не была).
Вспоминая о покойной маме,
Будешь думать: «мама не могла»,*

*Не согнись от первого страданья
(Еще много горя впереди).
А когда большим и сильным станешь –
Слабую меня не осуди.*

1937

С рождением сына Ирина связывала и свою судьбу, – в нем она видела себя самое.

*В нем всё понятно, всё похоже,
В нём жизнь кончается моя.*

*...И всё любимое, родное,
Всю душу темную мою,
Всё, не содеянное мною,
Ему сейчас передаю.*

*Всё, чем жила, чего хотела,
Всю жизнь без завтрашнего дня,
И это маленькое тело
Всё – продолжение меня.*

*А я? А все мои – затеи?
О чем грустить? О чем молчать?
Чем старше он, чем он сильнее, –
Тем больше умирает мать.*

Ирина видела в сыне свое оправдание, свою защиту и в настоящем и в будущем. В тяжелые минуты она как бы поверяет ему свои жалобы, когда пишет, что «... робкому мальчишке все стихи и слезы отдала...»

С ним она, разговаривая, словно думала вслух. Вот, например, трогательное стихотворение, полное мрачных предчувствий.

*Мы опять с тобой одни остались.
К нам никто сегодня не придет.
Вновь – дневная, грубая усталость,
Тишина (уже который год?)*

*Ты устал, набегался немало.
Спать тебя в кровать уложу.
Заверну пушистым одеялом,
Сказку про медведей расскажу.*

*Хорошо, что ты не понимаешь
Этой бедной жизни. Ведь и ты
Никогда, должно быть, не узнаешь
Жизненной счастливой полноты.*

*Никогда! А сердце жадно бредит
Только этим – долгие года.*

*Ты во сне увидишь трех медведей,
Я – тупое слово – никогда.*

*Никогда... А вечер длинный, длинный,
Тишина придет меня пытаться.
В лампе нет, наверно, керосина
И придется свечку зажигать.*

*И под пламенем белесоватым
Стану я опять сама собой –
Слабой, одинокой, виноватой,
С жалкой и обиженной душой.*

5.III.1993

Чувствуя близость неизбежной разлуки («где-то – тяжелым молчаньем – уже недалекая смерть») Ирина все больше и больше озабочивалась его судьбой. Ее заветы сыну выражены в ряде трогательных стихотворений. В одном из них (вскоре после рождения Игоря) она говорит:

*Отойду, к прошедшему остыну,
Замолчу, исчезну в мутной мгле,
Завеялая маленькому сыну
Мысль о счастье и любовь к земле.*

Эта «любовь к земле» у Ирины была органическим ощущением. Она «любила простую землю до боли огненной», «пшеничные поля», с радостью видела, «как жизнь играет», «как ветер лижет шторы и солнце плещется в траве». Одно свое стихотворение она заканчивает так:

*Я всё люблю: лесную тишину,
И городов широкое движенье.
И, пережив последнюю весну,
Я в жизни ничего не прокляну,
Но и отдам ее без сожаленья.*

И, думая о сыне, она говорит:

*И взлюбив, как бесценное благо,
Землю, землю под твердой ногой,*

*В жизнь войдешь ты бездомным бродягой
С беспокойной и жадной душой.*

В эпоху нашего беженства такие неопределенные напутствия, пожалуй, только и могли быть реальностью. Но так было до поры до времени. Вскоре, когда вступила в войну Россия, вопрос о будущем Игоря стал на очень конкретную, и даже срочную, почву. Как известно, русская эмиграция в подавляющем большинстве, особенно в той части русской общественности, к которой принадлежали мы, была определено оборонческой. Начальные неудачи России вызвали чувство глубокой обиды, уязвленного национального сознания и патриотического подъема. Это, в конечном счете, приводило, хотя к осторожному, но, во всяком случае, сближению с советской действительностью. Тезисы о том, что русская зарубежная молодежь, не знающая режима царской эпохи, найдет общий язык с советской молодежью, тоже этого режима не знающей, были очень распространены в русском обществе Парижа, писались статьи, читались доклады, собирались группы. Русская передовая мысль, выраженная в передовых русских изданиях, как бы закипела, и остаться в стороне от этого движения могли только те, для которых дело русской, культуры стало почти чужим. Что же касается нашей семьи, в которой все были связаны с русской историей и литературой, где отец и мать Игоря были русские поэты, где вообще была связь лишь с французским бытом, а не с культурой, т.е. в нашей семье этот вопрос вообще не должен был бы и подниматься, однако он возник в отношении Игоря.

В одном из своих стихотворений Ирина говорит об Игоре:

*Ты не вспомнишь уютного детства,
Знал ты только сумбур и хаос.
Без любви к обстановке и месту,
Будто в таборе диком ты рос.*

*Без понятия о родине даже
(Кто ты? Русский? Француз? Апатрид?)
Никогда ты не встанешь на страже
У могильных торжественных плит.*

Эти жесткие слова могли вылиться у Ирины только в момент полного отчаяния, отказа от самой себя. Но они обязывали, потому что сама-то Ирина была на все сто процентов продукт русской культуры и по воспитанию и по мирозерцанию. Отъезд из России надломил ее психику, но ни в какой степени не связал ее с французской культурой – она осталась русской, да еще носительницей самой большой национальной ценности – языка. Чего же она хотела для Игоря? Задавленная нуждой, она, прежде всего, хотела, чтобы Игорь был «полноправным гражданином своей страны, а не апатридом». Но какой «своей»? В связи с общим патристическим настроением, вопрос о возвращении на родину начал ставиться сам собой. Но, чтобы сделать Игоря русским человеком, по ее мнению, надо было отвезти его в Россию. Принципиально Ирина не возражала против этого, только лично она боялась России: судьба Марины Цветаевой была у всех перед глазами. Возвращение в те времена было сопряжено с целым рядом условий, очень мучительных, даже унижительных – «нужно выслужиться» – пишет она в дневнике...

Мысль о натурализации Игоря очень сильно подогревалась многими из близких знакомых Ирины, – им казалось, что невозможно обрекать детей на бесправное положение апатридов. Был еще момент, влиявший на это решение, связанный с войной, о котором будет сказано в следующей главе. Была тут и задняя мысль: придя в совершеннолетие, Игорь мог сам выбрать свое подданство. (Как оказалось потом, исполнение этого закона очень упорно оспаривалось французами). А с обычной «житейской» точки зрения, эта натурализация, прошедшая как-то «под шумок», очень мало изменила уклад русского быта во Франции.

Впрочем, как я уже говорил, Ирина готова была принести жертву ради сына. «Сама я в Россию не поеду, – заносит она в дневник, – но Игоря отдам отцу. Может быть, там ему будет действительно лучше. Но в тот же день, когда он уедет – я кончу самоубийством». Это заключение, жестокое, прежде всего, по отношению к самому сыну, было по-своему логично и психологически понятно...

Да, судьба не была милостива к Ирине, – Ирина не дождала до Указа Верховного Совета 1946 года, так безболезненно разрешившего эту нашу беженскую трагедию... Через десять лет после смерти Ирины умерла ее мать (уже советской гражданкой) и мы все возвратились на родину...

Незадолго до своей смерти Ирина все стихи, относящиеся к сыну, собственноручно переписала в отдельную тетрадь под общим заглавием: «Стихи о тебе». Эта тетрадь является самой ценной реликвией, оставленной ею своему любимому Игорю.

*Пойдешь один дорогой незнакомой
Навстречу странной и слепой судьбе...*

*Пойдешь один. И будет жизнь твоя
Полна жестоких испытаний тоже.
Пойми: никто на свете (даже я!)
Тебе найти дорогу не поможет.*

*Жизнь прошла, отошла, отшумела,
Всё куда-то напрасно спеша.
Безнадёжно измучено тело
И совсем поседела душа.*

*Больше нет ни желаний, ни силы.
Значит, кончено всё. Ну, и что ж?
– А когда-нибудь, мальчик мой милый,
Ты стихи мои все перечтешь.*

*После радости и катастрофы, –
После гибели, – после всего –
Весь мой опыт – в беспомощных строфах.
Я тебе завещаю его.*

21.X.1940

ВОЙНА

Конечно, мы все ожидали и рассматривали войну, как катастрофу. Прелюдия с Чехословакией, дипломатическая капитуляция Франции, и мы, русские парижане, в это время искренне болели за Францию. «Франция идет на самоубийство, – пишет Ирина в своем дневнике в марте 1939 года, – страна сдает все позиции, и, возможно, что народ в массе, из-за страха войны, предпочтет рабство свободе и

независимости». Многие высказывали мнение, что Франция платит за свое «мещанство», что в этом отношении она получит по заслугам, но Ирина очень любила Францию, и ее несчастья переживала, как свою личную трагедию. «Франция – страна, где я живу, это единственная страна, где я могу жить, я ее люблю, я, лично, обязана ей очень многим, например, двенадцатью годами жизни, я уже с ней связана органически, – не по крови, и не по паспорту, а как-то всей своей жизнью». Францию Ирина ощущала, как свою вторую родину, – ее детские воспоминания заслонялись все больше малопонятной для нее современной Россией. Между прочим, считая себя обязанной Франции, Ирина испытывала к ней какое-то горькое чувство жалости, и натурализация Игоря в значительной степени явилась как бы некой оплатой за все то, что она получила от этой страны...

А вот как представляла себе Ирина последствия войны для нашей семьи: «Если будет война (а это единственная возможность спасти престиж и честь Франции), то, ведь, я-то сама теряю все. Из всей нашей семьи (пятерых) есть надежда спасти только Игоря. Он будет эвакуирован со школой, и, может быть, переживет эту катастрофу (подумать об этом, конечно, страшно). Юрий – на фронт (а ведь современная война – на уничтожение), я – если меня куда и увезут из Парижа, – я погибну без инсулина, погибну без маски (иностранцам ведь маски не раздают – первая острая обида!) – Старики – едва ли и они переживут войну. Очень уж все это страшно».

Ирина себя подбадривает и хочет смотреть на все «трезво и как будто спокойно, хотя подозрительная сыпь на руках и выдает как будто иное состояние моих нервов», – признается она. И дальше идет характерная для нее запись – войну она рассматривает, как какой-то «выход из положения» ее жизни. «В конце концов, – признается она, – если уж быть до конца честной, – надо признаться самой себе, что где-то, в глубине души, я жду войну. Сознывая ясно всю катастрофу и все безумие войны, я втайне надеюсь, что лично для меня это будет какой-то выход из тупика. Я найду себе настоящее дело (во время войны все и вся пригодится, даже я) и все мои личные чувства и переживания отойдут куда-то не только на второй, но и на самый последний план. И, наконец, я верю в то, что во время войны в людях проснутся

не «центробежные», «центростремительные» силы – я верю в какое-то «братство» войны, где я не буду больше одинока».

(Это впоследствии ею выражено в стихотворении «Войной навек проведена черта»). Практически для себя Ирина находила выход сделаться «инфермьеркой», т.е. сестрой милосердия. Для этого она записалась на соответствующие курсы Народного Университета, посещала лекции по пассивной обороне, перевязкам и проч., – в ее архиве сохранились тетрадки лекционных записей.

Как и для многих людей, война являлась, несмотря на все ее ужасы и последствия, фактическим переломом в жизни. Для Ирины это было, безусловно, так, хотя она не ждала, да и не могла ждать, от войны ничего хорошего: она прекрасно понимала, что едва ли ее усталый и изнуренный организм может перенести все жизненные осложнения, вызванные войной, но она готова была ко всему, даже к самому печальному концу. «Может быть, – пишет она, – в один прекрасный вечер мы ляжем спать, да так больше и не проснемся, даже сирены не услышим. Это тоже, конечно, выход». И она готова была к такому исходу и даже, как будто, ничего против него не имела.

Мне вспоминается один момент. Это было в один из налетов немецких аэропланов, к которым мы уже настолько привыкли, что при «алертах» (alerte – тревога) даже не спустились в «абри» (abris – убежище). Ирина стояла у окна, наблюдала за кружащимися в небе аппаратами и прислушивалась, как били защитные пушки и стучали по крышам, как град, обратные осколки гранат. Я подошел к окну, Ирина мне говорит: «Знаешь, о чем я сейчас думала? Вот, думаю, может же случиться, что какой-нибудь снаряд попадет в это самое окно... И тогда – конец... И вдруг мне сделалось так радостно на душе...» И она заплакала...

За несколько дней до войны, когда напряжение достигло крайнего предела, поднялся вопрос, как укрыться от воздушных налетов. Правда, готовились убежища, но наш район, поблизости к монпарнасскому вокзалу, признавался, в смысле опасности бомбардировки, угрожающим. Лучше всего было бы уехать куда-нибудь в провинцию, в глушь. Большого выбора у нас не было. Решено было, что Ирина

с Игорем уедут в Шартр, к ее подруге по Институту, Лиле Раковской. Впрочем, Розере (предместье Шартра), где жила Лиля, в военном отношении был столь же опасным местом, как и вокзал наш в Париже, потому что в Шартре были расположены ангары военных аэропланов, и они действительно оказались мишенью для целого ряда воздушных налетов немцев.

Но раз Ирина переехала в Шартр, нужно было как-то устраиваться там. С Лилей они были старые приятельницы и очень любили друг друга.

Из Шартра Ирина ездила в Париж довольно часто. В один из приездов ей стало плохо. Начала задыхаться. Сделали анализ – четыре «креста»! «На другой день, – записывает она, – еще хуже. Лежу – сердце колотится так, что хочется держать его руками. Дышу с трудом». Знакомая докторша впрыснула камфару. Но от госпиталя Ирина долго упиралась («А кто будет Игорю скрипку носить?»), но, наконец, ее убедили. В госпитале над ней много возились – это был один из тяжелых случаев: делали вливание серума. «Все это помогло. Я ожила. И тут только я поняла, – пишет она, – как недалеко я была от смерти».

*Войной навек проведена черта.
Что было прежде – то не повторится.
Как изменились будничные лица!
И все – не то. И жизнь – совсем не та.*

*Мы погрубели, позабыв о скуке.
Мы стали проще, как и все вокруг.
От холода распухнувшие руки
Нам ближе холеных, спокойных рук.*

*Мы стали тише, ничему не рады,
Нам так понятна и близка печаль
Тех, кто сменил веселые наряды
На траурную черную вуаль.*

*И нам понятна эта жизнь без грима,
И бледность просветленного лица,
Когда впервые так неотвратимо,
Так близко – ожидание конца.*

12.I.1941

...Если до войны Ирина кое-как боролась со своей болезнью, все-таки устраивая свою жизнь по своему желанию и вкусу, то война ее окончательно выбила из колеи, перепутала все ее счета и расчеты.

Сама эта катастрофа пришла для нас, как какое-то чудовище, и задавила, как лавина. Переживши «свою» войну, революцию, затем эпоху беженства и эмиграции, мы, русские, с ужасом увидели, что перед нами, как на экране, начинают показываться давно нам знакомые картины... Мобилизация. Париж сразу сделался военным лагерем. Войска группировались на больших площадях, а затем стали непрерывным потоком двигаться на восток. Улица дю Шато, где мы жили, была большой проезжей дорогой, пересекающей город с запада на восток. Из наших окон днем и ночью можно было видеть, как проходили воинские части разного рода оружия. Французская армия, после войны 1914 г., считалась едва ли не самой сильной в мире: германскую военную мощь узнали потом – создание ее проглядели. Всем казалось, что опыт первой войны использован Францией до конца, линия Мажино сделала страну неприступной, а новая доктрина войны – наступление, связанное с ее вождем Гамлетом, давала веру в победоносный исход войны... Прорыв через Бельгию (линия Мажино не была доведена до моря) и последующая битва – были ошеломляющим ударом для Франции. Скоро вопрос о Париже стал вполне реально на очередь. Началась эвакуация столицы...

Новые картины, как на экране, прошли перед глазами. Вместо воинских частей бодрой и сильной армии, уверенно и с надеждой идущей в бой, поползли бесконечной вереницей, беспорядочно нагруженные всяким скарбом, камионы, автомобили, появились какие-то допотопные экипажи, сильно затруднявшие вообще движение на улицах. Кажется, пущено было в ход все, что было на колесах, вплоть до детских колясок и троттинеток. Из наших окон можно было наблюдать потрясающие картины, как, например, шли люди, толкая перед собой чуть ли не игрушечную коляску, из которой торчали самые разнообразные вещи – до примуса и граммофона включительно. Нам, русским, пережившим все ужасы разных эвакуаций, это бегство потерявших голову французов, уходивших от врага в какое-то неизвестное пространство, внушало самое искреннее чувство горь-

кого сожаления. Можно было представить, что будет в пути с этими несчастными, да еще при той разрухе, которая уже начиналась в стране...

«В городе, – пишет Ирина о Шартре, – творится что-то невообразимое. Автомобили бегут непрерывно, и это – такой ужасный вид, что я иду и ревмя реву. Маленький грузовик, видимо, с фермы. Торчит детская коляска и детская головка. Хорошая машина. На крыше тюфяки. Внутри человек десять и узлы. Двое спящих детей... Грузовик с прицепкой, в прицепке узлы и из узлов торчит голова старухи в платочке... Мотоциклетка. Впереди – муж, сзади – жена. Между ними – сверху них одеяло и узел... На коленях у них – девочка лет 3–4. Она обнимает их и узлы. Узлы – тюфяки – дети – велосипеды... Сегодня появились и велосипедисты, тоже с одеялами и узлами. Ужас! И пусть Игорь все это видит, пусть знает, что война – не романтика. Я до гражданской войны этого не знала. А наши дети должны это знать, как это ни жестоко, и только в этом случае им, может быть, удастся поставить войну вне закона».

Нам же, лично, о какой бы то ни было эвакуация из Парижа и думать, конечно, было невозможно – для этого у нас не было ни материальных возможностей, ни энергии, ни, главное, веры в её необходимость и спасительность. В этом отношении мы были правы: когда, после прекращения военных действий во Франции, жители стали возвращаться к своим покинутым очагам, многих из ушедших мы не увидели вновь...

Впрочем, как замечает Ирина в одном месте своего дневника, «приказа об эвакуации не было, но положение было такое, что «уйти» оказалось чуть ли не гражданским долгом... Я поймала себя на том, что и сама готова пойти...»

Вскоре после мобилизации, начались воздушные налеты. Розере, где жили Раковские, – местечко на окраине города, и, в случае тревоги, не было убежища, где можно было бы укрыться, поэтому жители просто шли в поле и там дожидались приятного сигнала, означавшего конец тревоги. В таких случаях, когда завывали сигналы, Ирина собирала свой маленький «архив» – паспорта и нужные бумаги, мешочек с инсулином, часы, и все уходило в поле. Была весна, было еще холодно, в полях ветер, укрыться негде, дети заспанные, разбуженные ночью, второпях одетые как попало, томились и плакали.

*Просыпались глухими ночами
От далекого воя сирен.
Зябли плечи и зубы стучали.
Беспросветная тьма на дворе,*

*Одевались, спешили, балдели,
И в безлюдье широких полей
Волочили из теплой постели
Перепуганных, сонных детей.*

*Поднимались тропинкою в гору,
К башмакам налипала земля.
А навстречу – холодным простором –
Ледяные, ночные поля.*

*В темноте, на дороге пустынной,
Зябко ежась, порой до утра,
Подставляя озябшую спину
Леденящим и острым ветрам...*

*А вдали еле видимый город
В непроглядную тьму погружен.
Только острые башни собора
Простирались в пустой небосклон,*

*Как живая мольба о покое,
О пощаде за чью-то вину,
И часы металлическим боем
Пробуравливали тишину.*

*Да петух неожиданно-громко
Принимался кричать впопыхах.
А в руке ледяная ручонка
Выдавала усталость и страх...*

*...Так – навеки: дорога пустая,
Чернота неоглядных полей,
Авионов пчелиная стая
И озябшие руки детей.*

23.I.1941

Так как Шартр становился частым объектом бомбардировок, то Ирина решила уехать в Париж. Некоторое время она колебалась: «Если сегодня будет тревога – завтра еду, – сказала она самой себе». После лица, и музыки повела Игоря стричься. Только парикмахер постриг ему затылок – сирена! Так и помчались с полу обстриженной головой, со скрипкой, нотами, книгами и – велосипедом в собор. Там очень хорошо, народу полно, но спокойно. Потом опять побежали в парикмахерскую достригаться. После ужина я сказала Лиле о своем намерении ехать, и она со мной согласилась. Игорь сначала обрадовался, а потом заплакал. Это был последний момент колебания.

– Ну, хочешь остаться?

– Нет, мама, поедем. Будем все вместе...»

Проехать в Париж, не имея пропуска, было довольно затруднительно, но они каким-то чудом проскочили (чиновник, проверявший в автобусе документы, отойдя от Ирины, которая стала копошиться в карманах, к ней больше не вернулся). В Париже всяких хлопот было, конечно, не меньше, но она «ни минуты не жалела, что вернулась в Париж), тем более что, по письму Лили, налеты на Шартр не прекращались и бомбы падали совсем около Розере.

Как ни любила Ирина Францию, все же она была для нее не «первая», а «пусть ненавистная, пусть злая, / Вторая родина моя...»

По отношению к Франции у нее было чувство благодарности за гостеприимство, но не было чувства патриотизма, Мало того, некоторые моменты отношения к иностранцам оскорбляли нас. Например, нам было отказано в получении противогазовых масок, с которыми в Париже «ходили все, в том числе и проститутки». Формальное отношение в этом вопросе доходило до того, что наш знакомый П.П. Греков не мог получить маску, как иностранец, хотя четыре его сына были мобилизованы и на фронте...

По приезде в Париж Ирина пошла доставать маску для Игоря, «и не получила: он не француз. Меня это так обидело и обозлило (главным образом, обидело), что я ревела всю дорогу и весь день дома. Потом пошла хлопотать о скорейшей натурализации (наивно думая, что маска спасет Игоря от

воздушных налетов. – Н.К.). – Вас известят. Не волнуйтесь! – Как же не волноваться, когда у ребенка до сих пор маски нет! – Я ничего сделать не могу. Вас известят. Сволочи!»

Военные несчастья Франции все-таки не вызывали у нее потребности жертвы, которой загорались многие русские, поступавшие добровольцами во французскую армию. Первое стихотворение, написанное ею во время войны (до оккупации и до войны с Россией), говорит об ее тогдашних настроениях.

*Пасьянс не сошелся. Я снова одна.
За плотную ставней большая луна
Ясней фонарей освещает весь город.
Все в доме уснули. И полночь скоро.*

Как трудно подумать: война.

*Я знаю, что надо бороться и жить.
Почти – против силы. Почти – против воли.
Что многое надо принять и простить.
Ну, что ж? Я прощу. Я приму – поневоле.*

*Я знаю, что надо быть твердой, как сталь,
Что нужно поднять непокорные руки.
И трепет – быть может, последней – разлуки
Бесследно нести в равнодушную даль.*

Так надо. Я знаю.

*А я – я готова без счета платить
За зыбкое счастье не бывшего рая,
За ветошь почти нелюбимого дома –
Любим пораженьем, позором, разгромом –*

.....
*Конечно, об этом нельзя говорить
Я знаю.*

30.IX.1939. Шартр

Только чудо может спасти Францию – было общее мнение. Падение Парижа приближалось...

«...Они (т.е. немцы) пришли в пятницу, 14 июня, утром». Два дня в Париже стоял черный туман. На западе стоял столб черного дыма – то взрывали мосты на Сене и склады с нефтью. Курсы сестер милосердия закончились после второй лекции. Из запасов продовольствия «осталось два кило макарон и чечевицы, но нет самого главного: картошки, молока, масла, сала.

Юрий не был мобилизован. Париж не был подвергнут бомбардировке, и остался без исполнения приказ Манделя (насколько верны были слухи): в ночь на субботу арестовать всех «белых» русских от 17 до 55 лет».

Начался режим оккупации, относительно спокойная, определенная жизнь, и вместе с этим начали меняться взгляды на положение вещей вообще и у русских, и у французов.

Через месяц после оккупации Ирина записывает в дневнике: «Первое время мне было ужасно жаль Францию, потом – нет. Ничего не жалко, и – всех. Ну, пусть отдадут колонии, пусть половина Франции отойдет к Германии – не все ли равно. Чем скорее сотрутся всякие национальные границы – тем лучше. Жалко людей! Беженцев, которые погибли на дорогах. Матерей, которые прятали в чемоданы трупы своих детей. Солдат, погибших в этой бессмысленной и преступной войне. Солдат, «пропавших без вести» (как один из сыновей Грекова). Лильку, которую увезли неизвестно куда. Вот этого простить нельзя. А все остальные национальные унижения и прочее – какая ерунда! Год назад я еще серьезно принимала понятие «честь», а теперь вижу всю относительность таких понятий!»

Французская катастрофа поразила многие умы. Политическая обстановка того времени была очень сложна и в некоторых отношениях мало понятна и, конечно, Ирина не могла в ней разобраться. В Париже пестрели плакаты: «Германия побеждает на всех фронтах!» Наступил угрожающий момент трагических испытаний политических идеологий, в частности, для многих русских общественных и политических деятелей. Заключение пакта о ненападении между Гитлером и Сталиным вызвало подавленное настроение. Пакт рассматривался, по выражению Бурцева, как «союз двух гангстеров». И только, кажется, один П.Н.Милюков, к ужасу большинства, с прозорливостью опытного полити-

ка-историка определил положительное значение этого акта. Как-то, в разговоре со мной по этому вопросу он сказал: «А я очень рад, что этим соглашением Россия развязала себе руки в Европе...»

Все эти события, связанные с последствиями оккупации, усилили и без того подавленное настроение Ирины. Отсюда ее мрачные взгляды на свою дальнейшую судьбу и на судьбу Игоря, отсюда ее космополитизм, полный отчаяния как бы выброшенного из жизни человека.

«Первые дни я чувствовала себя француженкой, даже более роялисткой, чем сам король, а теперь – иностранкой, и – иностранкой всегда и везде. Я бы хотела, чтобы Игорь всегда и везде чувствовал себя дома. Пусть для него не будет существовать понятие «родина». Самые существенные изменения произошли в нашем быту: конец русской эмиграции, той самой русской эмиграции, от которой я так отреклась, которую так ругали, но которая была единственно родным бытом, единственной «родиной». Когда не стало русской газеты, всяких литературных и прочих собраний, когда куда-то исчезли, разбредились все друзья, с которыми хоть изредка можно было перекинуться словом на русском языке – очутилась пустота. А когда рассеются последние (а это несомненно, так как скоро нам здесь житья не будет), в сущности, и с Францией меня связывать ничего не будет (кроме, увы, инсулина). Я даже готова на новую эмиграцию, мне только Игоря жалко, хотя, может быть, это-то и сделает его космополитиком». Эта выдержка из последних страниц дневника. От нее веет мрачным отчаянием. Темы этих страниц очень ярко выражены Ириной в ряде ее стихотворений, посвященных сыну и написанных через несколько дней после этих записей. Эти стихи полны глубокой грусти.

*Жизнь прошла, отошла, отшумела,
Все куда-то напрасно спеша.
Безнадежно измучено тело,
И совсем поседела душа,*

*Больше нет ни желаний, ни силы,
Значит, кончено все. Ну, и что ж?*

*– А когда-нибудь, мальчик мой милый,
Ты стихи мои все перечтешь.*

*После радости и катастрофы, –
После гибели, – после всего –
Весь мой опыт – в беспомощных строфах.
Я тебе завещаю его.*

21.X.1940

Это не были просто литературные выражения, а совершенно правдивое изображение истинной правды. «Значит, конечно все...» С крушением «русского» Парижа – русской эмиграции, рушился для Ирины ее дом, хотя и «неуютный», но который все же был ее духовным убежищем на земле. «Разбилось на мелкие части / О маленьком счастье мечта...»

Для какой бы то ни было борьбы за лучшее существование уже не было сил. Осталось – «Всю жизнь бродить по обреченным странам...»

И в этом отношении – «Америка или Россия – / О, Боже, не все ли равно?»

Победа Германии нанесла сокрушительный удар вообще русскому делу в Париже. Немцы обнаружили явно антирусские и антиславянские тенденции – они довольно откровенно уничтожали русские духовные ценности, – русские библиотеки, газеты. Люди русской культуры рассеивались, а вместе с ними рушилась и та «родина», о которой говорит Ирина. Отсюда и ее космополитизм отчаяния. Увезенная из России девочкой, она внешне была связана с родиной: благодаря русской среде, в которой жила, она была, кроме того, русская писательница, и ее духовная крепкая связь с Россией и русской культурой мало зависела от места и внешних условий. Ее творчество, свойство ее натуры, было органически связано с русским языком, питалось им, где бы она ни была, она бы всегда оставалась русской писательницей.

В этом отношении для нее космополитизм был неопасен. Другое дело – ее сын. В заветах ему: «Иди везде, ищи в стране любой, / Будь каждому попутчиком желанным...» и т. д. заключалась опасность для нее самой. Ведь можно было допустить, что ее сын, будучи, например, увезен в какую-либо другую страну, где вне русской среды мог забыть свой

недостаточно прочно усвоенный родной язык настолько, что не смог бы даже читать стихи своей матери. И тогда ее последняя, заветная мечта, что «после гибели», «после всего» ее «мальчик милый» прочтет все ее стихи – могла бы быть невыполнимой...

В дневниках Ирины есть признание: «Больше всего я боюсь возвращаться в Россию». Да, Ирина этого боялась. Но следует сказать, что в этом отношении у нее были свои веские причины и оправдания. Самый отъезд из России, как мы видели, был для Ирины катастрофой. Ее детские, патриотические стихи против виновников, по ее мнению (и по мнению ее среды), несчастий России полны искренней скорби за родину. Эта боль не была изжита. Дело в том, что, живя в эмигрантской среде определенного политического направления, она не могла выйти из круга этих понятий. У нее были основания для этого. Годы военного коммунизма оставили в ней тяжелые воспоминания. До нас, за рубежом, доходили мрачные рассказы о тяжелой жизни на родине. Еще раз можно напомнить, что возвращение в Россию в тех условиях (еще до войны с Германией) было почти нереальной возможностью, а судьба Марины Цветаевой показала, что оно даже не оправдывается действительностью. Кто будет возражать, что едва ли творчество Ирины могло бы развиваться на родине так же свободно, как за рубежом.

*Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию.
«Новую жизнь» все равно уже мне не начать...*

Но это признание было для русской поэтессы настоящей, подлинной трагедией. Наша семья была насквозь русская, так и не сумевшая десятки лет жизни вне родины найти себе духовного пристанища за границей. Ирина не дожила до конца войны, когда вопрос о «возвращении» так просто и легко стал перед нами. И опять, сознавая свой тупик в вопросе о родине, Ирина возвращается к своим роковым стихам:

*Зачем меня девочкой глупой,
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов –
В двадцатом году увезли?*

«ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ»

*А жить осталось так немного,
И то уж, – из последних сил.*

Последние 6–7 лет жизни Ирины были сплошной борьбой с разными болезнями. Какими только болезнями ни болела она за это время!

Записи в дневнике становились все реже, пока совсем не прекратились. Эти редкие заметки полны невероятной тоской и горькими жалобами... «Я больше не могу...» – это роковое признание повторяется все чаще и чаще и в дневнике, и в стихах.

*Господи, как я устала,
Как я хочу отдохнуть.*

«Всеми способами отдохнуть!». «Я устала. Хожу, спотыкаясь» и т. д.

*Есть такое слово: «не могу».
Глупое такое слово.
Словно стон, оно слетает с губ
В тишине отчаянья глухого.*

*«Не могу»... и слезы на глазах,
Жалкие, беспомощные слезы.
И отчаянье, и стыд, и страх,
И кому-то скрытая угроза.*

*Руки жалобно спадают с плеч
И висят безжизненно, как плети...
– Значит, больше нечего беречь,
Кроме призрачной мечты о смерти.*

*Но в каком-то дьявольском кругу
Сердце бьется и тоскует снова...
Глупенькое слово: «не могу»,
Грустное такое слово.*

8.VII.1937

Тело Ирины разрушалось, но талант ее отнюдь не ослабевал и не тускнел, наоборот, стал крепче и устойчивее. Об этом сказала вторая книга ее стихов. «Окна на север» – ее

литературный «последыш». Эта книга вышла в Париже в 1939 г. в цикле «Русские поэты». В том же издании появилась антология русской зарубежной поэзии – «Якорь», где были помещены и стихи Ирины, что уже было настоящим официальным признанием ее как поэта.

«Окна на север» в отношении стихов сильнее ее первой книги. К сожалению, она вышла в конце 1939 г., уже во время войны, когда все русские издания и вообще русская эмигрантская пресса были разгромлены немецкими оккупантами и, таким образом, ни в одном издании не могла появиться рецензия на эту книжку, которая на читателей произвела очень большое впечатление. Действительно, «Окна на север» – жуткая книга. Всякий, кто ее прочтет, скажет, что она – последняя, предсмертная. Вся она насыщена близостью конца и является как бы «прощаньем с жизнью молодой».

*Я Богу не молюсь и в церковь не хожу.
России не люблю, не плачу об утрате.
Нет у меня друзей... И горько я слежу,
Как умирает день на медленном закате.*

*Как умирает жизнь, – спокойно, не спеша
Как каждый день ведет навстречу смерти белой.
Умрут мои стихи. Умрет моя душа.
Зароют глубоко истерзанное тело.*

*Конец? – так что ж? Ведь мне себя не жаль,
Последней тайный стон последней тайной грусти:
О чем моя тоска? О ком моя печаль?
Зачем моя любовь и боль ночных предчувствий?*

*От неподвижных дней, от равнодушных встреч
– Одна лишь пустота, усталость и досада.
Мне нечего жалеть, и нечего беречь,
И некуда идти, и ничего не надо.*

9.XII.1938

Иногда все же ожидание конца принимает у нее мягкие, примирительные формы:

*Проходят дни – во сне, как наяву.
И с каждым днем устало стынет сердце.
Ласкает солнце влажную траву.
А я все равнодушнее живу
И все спокойней говорю о смерти.*

*Шумит в лесу весенняя листва
Над золотом неяркого заката.
Слетают с губ усталые слова...
Мне холодно. И руки без перчаток
По-зимнему я прячу в рукава.*

*Сгорают медленные дни.
И вдруг
Приходит неожиданная старость...
– За дни любви, за немоцный недуг,
За очертания любимых рук,
За все слова... Еще за слово: «друг».
За все, что у меня еще осталось...*

*Я всё люблю: лесную тишину,
И городов широкое движенье.
И, пережив последнюю весну,
Я в жизни ничего не прокляну,
Но и отдам ее без сожаленья.*

Несмотря на все свои жалобы и неудачи, Ирина вообще очень любила жизнь и «до боли огненной» – землю. И в одном из своих последних стихотворений, которое трудно читать без волнения, болезненно звучит щемящая мольба о жизни.

*Еще лет пять я вырву у судьбы.
С безумием, с отчаянием и болью.
Сильнее зова ангельской трубы –
Неумирающее своеволие.*

*Еще лет пять, усталых, грустных лет,
Все, что прошу, что требую у Бога,
Чтоб видеть солнечный, веселый свет,
Еще смотреть, еще дышать немного.*

*Чтобы успеть кому-то досказать
О жизни торопливыми словами...
Чтоб все, что накопила, растерять
Под не прощающими небесами.*

*Еще лет пять хотя бы...
А потом –
Тяжелый воздух городской больницы,
Где будет сердце стынуть с каждым днем,
Пока совсем не перестанет биться.*

17.XII.1939

Целым ряд трогательных стихов сборника, полных сбывшихся прогнозов, обращен к ее мужу.

*Мои слова о верности и боли,
Мои слова, нежней которых нет,
Не растеряй в своей слепой неволе,
Мои слова, похожие на бред.*

*От жарких слез опухнувшие веки,
Стихи о том, что невозможно жить...
Я знаю, как жестоко в человеке
Желание – все поскорей забыть.*

*Припомни все в короткий миг утраты,
Когда в вечерний, в неурочный час,
Притихшею больничною палатой
Пройдешь ко мне. Уже в последний раз.*

Во время многократных пребываний в госпитале Ирина до мельчайших подробностей изучила госпитальные порядки и, наблюдая много раз, как умирали ее соседки по палате, – самую смерть, ее жуткую процедуру. Поэтому она с поразительной точностью нарисовала картину собственной смерти.

*День догорит в неубранном саду.
В палате электричество потушат.
Сиделка подойдет: «уже в бреду».
Посмотрит пульс – все медленней и глуше.*

*Сама без сна, мешая спать другим,
Не буду я ни тосковать, ни биться...
Прозрачный синий полумрак, шаги...
А жизни-то осталось – в белом шприце.*

*Еще укол. В бреду иль наяву?
Зрачки расширяются, окостенеют...
Должно быть, – никого не позову.
Должно быть, – ни о чем не пожалею...*

*Так ночь пройдет. Блеснет заря вдали.
Туман дома окутает, как саван.
И в это утро я уйду с земли.
Безропотно. Бестрепетно. Бесславно.*

Так это и было...

В самые последние годы Ирина прекратила вести свой дневник – 24 сентября 1940 г. – последняя запись. Что заставило ее сделать это – трудно сказать. Может быть, это случилось в результате ясного сознания близкого конца ее жизни и, при этом, все другие вопросы ее земного существования – как бы отпадали? ...Приблизительно за семь месяцев до смерти она перестала писать стихи...

Настроение за эти годы у нее было очень мрачное, она стала очень раздраженной и склонной к резким выпадам по отношению ко всем нам. С мучительной болью и стыдом вспоминаю я, как мы иногда ссорились, не выдержав ее болезненных выступлений. Знаменательно, что Ирина свое ожидание конца переживала внутри себя, очень гордо, не жалуясь открыто, не стремясь вызвать к себе жалость или сострадание; она сама никогда не говорила о своей близкой смерти, и в дневнике и в стихах писала об этом сухо, без всяких сентиментальных высказываний, – сдержанно и строго. Но всем нам было ясно видно, что она постоянно думает о смерти и по-своему готовится к ней. Часто можно было ее видеть в столовой, за столом, когда она переписывала свои стихи в тетради под заголовками – для сына – «Стихи о тебе», а для мужа – «Стихи о нас». Это было ее наследство...

Еще помню я один момент, который произвел на меня потрясающее впечатление. Однажды Ирина подошла в сто-

ловой к круглой печке и стала жечь старые письма своей детской подруги Тани Гливенко. Когда я попытался возражать против этого, она ответила в том смысле, что не хочет, чтобы кто-нибудь другой прикасался к этим дорогим для нее реликвиям ее детства. Помню, как защемило мое сердце...

Смерть шла на Ирину открыто. Мы все знали ее атрибуты, но у нас у всех жива была надежда на спасительную силу инсулина и на госпиталь, который не раз спасал Ирину в очень тяжелых положениях. Только нужно было не запустить болезнь, не опоздать вовремя лечь в госпиталь. И тут произошло роковое стечение обстоятельств, приведших, или, во всяком случае, ускоривших, катастрофу. И это в значительной степени благодаря войне. Оккупационный режим внес в жизнь Парижа много изменений и осложнений. До минимальных размеров сократился автомобильный транспорт, такси сделалось редким явлением, – их нужно было искать, ловить. Появились на улицах даже рикши.

В один из тяжелых моментов осложнений болезни, чтобы отвести Ирину в госпиталь, пришлось вызвать карету скорой помощи. Но шофер и медицинский персонал кареты отказались везти Ирину в ее госпиталь Сент-Антуан, где концентрировались диабетические больные, а предложили везти в госпиталь Бруссэ, как находящийся в нашем районе, недалеко от нашей квартиры.

В этом госпитале Ирина пробыла довольно долго, перенося мучительные нарывы на теле; эти осложнения при диабете довольно опасны и требуют внимательного хирургического вмешательства. Поправлялась она очень медленно. Но, главное, в этом госпитале не было специалистов по диабету, и, хотя обычные уколы инсулином применялись, но все же отсутствие персонала, давно знающего Ирину и ее болезнь, весьма сказывалось на лечении. Затем, Ирина лежала в палате недалеко от туберкулезного больного, и, может быть, независимо от этого, у нее начал развиваться туберкулез, этот обычный грозный спутник диабета...

Не помню точно, как это случилось, но однажды вечером Ирина вернулась из госпиталя домой, усталая, по виду еле живая. Она сидела в нашей комнате на диване, рассказывая про свои мытарства и какие-то внешние неприятности при выходе из госпиталя. Я смотрел на нее, такую жалкую, и заплакал. Она мне сказала: «Что ты плачешь? Плакать ты потом будешь»...

Вызвали В.М.Зернова, русского знакомого врача. Он, как и следовало ожидать, признал положение очень тяжелым и говорил о необходимости лечь в госпиталь, а не оставаться дома, как хотелось Ирине. (Надо сказать, что Ирина, несмотря на хорошие госпитальные условия, всегда очень неохотно ложилась в госпиталь). Зная, как трудно будет нам убедить ее в этой необходимости, мы попросили доктора самому сказать ей об этом. Никогда не забуду этой сцены. Выслушав все доводы доктора, она горько-горько, как-то особенно беспомощно, по-детски заплакала и, словно махнув рукой, сказала: «Ну, везите!..» Ей, утомленной в госпитале, хотелось отдохнуть в домашних условиях, в семье. А тут, без отдыха – на новые страдания...

На другой день, утром я в такси отвез Ирину в госпиталь Сент-Антуан. Она уже свыклась с этой мыслью и была спокойна. Когда мы от Данфер-Рошро свернули на бульвар Бланки, нас прямо в лицо встретили лучи яркого взошедшего солнца. Это нас как-то ободрило, и Ирина мне сказала: «А, знаешь, я даже рада, что еду в мой госпиталь...»

В Госпитале ее встретили, как старую знакомую; началась обычная процедура приема больной и устройства ее в палате. Сразу же назначили лечение и усиленное питание. Потом уже старшая сестра говорила: «Ну, как можно было так запустить болезнь, так запустить!..»

Поначалу все шло как будто хорошо. По диабетической части были приняты срочные меры, и у нас появилась надежда на благополучный исход. Мы посещали Ирину каждый день, и нам казалось, что ее настроение как будто поднимается: она интересовалась всем, что делается за стенами госпиталя, ее посещали друзья. На Новый Год я, по обычаю, принес ей новую ажанду, несколько иной конструкции, чем в «Aux Printemps». Она любовно посмотрела книжку, отложила ее, но ничего в ней не писала. Госпитальная жизнь шла своим чередом. К Ирине применяли экстренные меры, и скоро по диабетической линии был установлен известный эквивалент (устойчивое положение).

Но появилась и грозно встала другая опасность. Однажды Ирина мне сказала про своего доктора: «По-видимому, он подозревает у меня что-то скверное», а через некоторое время мы не нашли Ирину на ее месте – ее перевезли в туберкулезное отделение.

Началось применение пневмоторакса, очень мучительное для ее состояния. Жутко было смотреть, как она снаряжалась для этой лечебной манипуляции. Но в этом была единственная надежда. Сначала она и сама верила в это средство, но, видимо, хороших результатов не было, и она слабела с каждым днем.

Когда мы с женой в приемные часы входили в палату, то при взгляде на ее кровать сразу определяли состояние Ирины. Согласно правилам французских госпиталей, больные в часы приема должны были находиться в кровати. Ирина сначала бодро сидела на кровати, дожидаясь посетителей, издали улыбалась, увидев нас, и мы проводили этот час в разговорах на различные темы, даже стараясь не останавливаться на ходе болезни. И постепенно можно было наблюдать, как падало ее настроение, как она все чаще замыкалась в себе, не реагируя на темы наших разговоров, как наши разговоры и прежний смех сменялись мрачным молчанием и какими тягостными казались эти минуты так ожидаемого свидания. Мы наблюдали, как, сначала бодро сидя на кровати, она постепенно сползала вниз, находясь в полулежачем положении, и, наконец, уже не могла сидеть и лежала пластом.

Начались страшные дни, о которых вспоминаю с щемящим ужасом. Она стала равнодушной ко всему, что ей говорили, и все чаще стало замечаться ее забытие, переходящее в коматозное состояние...

Помню наш, может быть, последний приход к ней: она уже не реагировала на обращенные к ней слова. Я сидел около нее на стуле и плакал.

Об одном обстоятельстве мне хочется здесь сказать... Ирина умерла без напутствия священника. Сколько раз мне приходило в голову предложить ей исполнить этот обряд, но у меня не хватало смелости это сделать, другими словами – самому сказать ей, что она умирает. Бог ей простит, а я эту вину принимаю на себя...

Вечером, 23 января 1943 г. пришел Юрий и сказал, что Ирина едва ли переживет ночь. Он, по обыкновению, вечером был у нее в госпитале. Юрий застал Ирину без сознания. Он держал ее голову и что-то говорил – может быть, она что-нибудь и слышала... Нужно было быть готовым к последнему моменту.

Эту ночь я спал, как почти всегда, крепко, но часов около 7–8 меня словно что кольнуло – я проснулся, и у меня защемило сердце. Встали, как обычно, Юрий поехал на службу... Игорь в школу...

Часов около 11-ти стук в дверь – мальчик приносит извещение из госпиталя... Кончено... Обнялись мы с женой и заплакали...

Я побежал сказать Юрию по телефону. Условились, что он поедет в госпиталь, устроит все с телом, которое должны перенести в мертвецкую – там мы должны встретиться...

Ужасно было ожидание момента, когда придет Игорь из школы и как сообщить ему эту весть. Наконец, он пришел, и первый вопрос был о мамочке. Когда мы сказали, что она умерла, он как-то неуверенно опустился на диван и беспомощно и жалостно заплакал...

Поехали в госпиталь. В мертвецкой еще не все было приготовлено; с невероятно тяжелым чувством зашли в палату, где уже на ее месте была другая больная... В мертвецкой она лежала прибранная, с разглаженными волосами. Последнее прощание. – Можно мне мамочку поцеловать? – спросил Игорь, не привыкший к такой обстановке и впервые вообще видевший мертвых...

Начались приготовления к похоронам. Были панихиды в церкви рю Люрмель, у матери Марии (тоже поэтессы). На одной из них случился Ладинский, который первый и принес эту весть поэтам.

Во время немецкой оккупации «наши» газеты не выходили, и извещение о смерти и похоронах можно было поместить только в «Парижском Вестнике», органе русских пораженцев. Отпевал Ирину молодой священник Вл.Клепинин, впоследствии погибший в одном из лагерей в Германии.

Похороны были трогательные. Пришли бывшие в Париже ее друзья с цветами. Все плакали...

*Пустая церковь, тихо хор поет,
Цветы в гробу и бледных свеч мерцанье.
И где-то рядом мечется мое,
Еще живое, четкое сознание.*

Похоронили Ирину на кладбище Иври. На могиле ее стоит скромный памятник: каменный крест с прикрепленным на нем деревянным восьмиконечным.

В СВЕТЕ КРИТИКИ

Ирина считала свою жизнь неудавшейся, но себя – человеком одаренным, которому, во всяком случае, что-то дано и с которого что-то спросится. Она вошла в эту жизнь с большими надеждами, хотя смутными и неясными. Она была молода и начинала жизнь с иллюзиями, на которые имела некоторое право. Но эта жизнь, давши ей некоторые авансы вначале, потом, особенно с появлением неизлечимой болезни, беспощадно разрушила все ее надежды и иллюзии. Всю ее короткую жизнь ее преследовало сознание какой-то неисполненной ею жизненной миссии, какого-то не раскрытия своей индивидуальности. Этот ее внутренний процесс шел всю ее жизнь и приводил к сознанию своей «опустошенной души».

*Вот прошла я, подобная многим,
(Так легко, ведь, идти за толпой)
По прямой и бесславной дороге,
С одинокой и бедной душой.*

*Жизнь прожить хорошо не сумела,
Ничего не оставила в ней,
Волоча свое слабое тело
Через толщу бессмысленных дней.*

*И печаль мое сердце тревожит,
Сердце, ставшее камнем давно:
– Что же я донесу Тебе, Боже,
Если мне ничего не дано?*

4.VIII.1937

Следующее стихотворение, написанное в тот же день, что и первое, открывает нам отчасти ту почву, на которой происходит личная трагедия Ирины.

*К чему теперь высокомерье,
Мой честный, безупречный путь?
Кого и в чем я разuverю,
Кого сумею обмануть?*

*И кто найдет меня прекрасной
В недостижимости такой,
С такой непогрешимо-ясной
И слишком трезвою душой.*

*И для чего теперь певучий,
Мой правильный, чеканный стих,
Когда я знаю, что не лучше
Таких же тысячи других.*

*Когда я знаю (в тайне где-то,
Наедине сама с собой),
Что жизнь моя была согрета
Одной бессмысленной мечтой.*

Эта «бессмысленная мечта» Ирины, по-видимому, была связана с литературой.

Как всякий настоящий поэт, Ирина очень высоко ставила свое призвание. Она довела свои стихи до значительного совершенства в смысле певучести, но в отношении тематики ей много не хватало. Она постоянно оставалась в сфере личных переживаний – своей жизни, довольно бледной по содержанию. Ирину упрекали часто в узости тем, что ее стихи становятся похожи на интимный дневник. Это было справедливо, но Ирина не бралась за другие темы, которые могли требовать от нее более серьезного образования и эрудиции, которых ей не доставало. Она это сознавала в глубине своей «обыкновенной души», но, будучи всегда очень «честной с собой», она не пыталась в этом отношении перестроиться на новый лад и упорно продолжала идти своей дорогой, встречая, таким образом, на своем пути немало терний, обид и огорчений.

Круг русских молодых поэтов в Париже все расширялся, и литературная среда все больше требовала новизны и оригинальности. Этого Ирина не могла дать в условиях существования при ее болезни, которая продолжала подтачивать ее силы. Не будь этой болезни, прожили Ирина дольше, может быть, она нашла бы себя окончательно, прекрасно владея своим поэтическим инструментом.

Так Ирина стала постепенно охладевать к своей литературной среде, стала даже избегать выступлений в кружках,

в то же время подчеркивая свое одиночество. Кроме того, у нее появилось некоторое разочарование вообще русским парижским «Монпарнасом», в котором люди начинали мельчать, варясь в собственном соку, повторяясь в своих встречах и разговорах, скользящих иногда просто в сторону литературных склок и сплетен.

*Я ненавижу нервом каждым
Уныло равнодушный зал,
Где каждый верил, что сказал
О самом главном, самом важном.*

*В душе тоска от мелких ссор,
От слов о красоте, о Боге...
Но я не знала до сих пор,
Что нет из тупика дороги.*

Так постепенно Ирина стала отходить от литературы, с которой была связана органически своим талантом.

*Я никому не читаю стихов,
Я не срываю похвал.
Я разлюбила угар вечеров,
Душный, наполненный зал.*

*Но никому – ни за что – никогда –
Я не поведаю, – нет –
Чем для меня в те живые года
Было название: поэт.*

Эта мысль ее гложет, и она грустно вздыхает:

*Верно, мне не сделаться поэтом,
Никогда, должно, быть, никогда...*

В конце своей жизни, сжатая в тисках болезни, она приходит к полному отчаянию: «Я человек второго сорта...» Приходит даже к мрачному желанию: «Я хочу, чтоб меня позабыли...» Но в глубине ее души продолжает жить гордое сознание: «Кто-то жизнь мою горько возвысил...»

Для меня и до сих пор остается не вполне раскрытой эта тайна «бессмысленной мечты» Ирины. Очень скромная, бесконечно застенчивая, хороший товарищ, может быть, она мечтала о какой-то славе (это понятие в личном отношении не встречается у Ирины ни в ее стихах, ни в дневниках), к которой она шла упорным, раз выбранным ею путем, без всякой фальши и аффектации, но настойчиво добиваясь признания именно этого намеченного ею пути, с которым было связано органически ее творчество. Но нужно сказать по справедливости: эти жалобы Ирины на ее литературную неудачу, может быть, сильно преувеличены.

Ее охотно и много печатали и, как человека, очень любили. Что же касается критики (т.е. ответственных журналистов), то здесь, правда, была известная сдержанность в оценке ее стихов, свойственная вообще всем ответственным журналистам. Так это отразилось, например, в рецензии Г.Адамовича на ее первую книжку стихов, – этот влиятельный в Париже критик, признав «несомненный поэтический дар» в авторе сборника, как бы уклонился от конкретной оценки, указав, как это вошло вообще в обычай относительно Ирины, на близость ее к Ахматовой и проч. Но тот же Г.Адамович, поэт, вышедший из школы Гумилева, в рецензии на один из сборников молодых поэтов, сказал следующее: «Ирина Кнорринг уступает Одоевцевой в оригинальности, Присмановой – в пафосе. Зато у нее есть та простота, та бесстрашная непосредственность речи, без которой поэзия остается игрой блестящей, очаровательной, а все-таки игрой. Может быть, одного того, что есть у Кнорринг, для творчества мало, но и без этого ничего человеческого в литературе или в искусстве создать нельзя».

Как это нередко бывает, довольно полную характеристику своего творчества (о которой, может быть, и мечтала всю жизнь) Ирина получила после смерти, в некрологах и отчетах о ее последней (посмертной) книге стихов – «После всего».

Глеб Струве, в своей книге «Русская литература в изгнании», отмечая, между прочим, что «почти все женщины-поэты этого поколения испытали влияние Ахматовой», признает, что «это влияние (на Ирину) не шло дальше чисто внешнего и отразилось главным образом в стихах, тема которых – отношения между женщиной и мужчиной. Но это

не главная тема Кнорринг. Поэзия ее очень личная – едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе. Через нее проходит тема тяжелой эмигрантской доли (с 1920 – жены и матери), безысходной усталости, неприкаянности. Тема эта трактуется ею без всякой позы, без всяких, формальных поисков».

В.Александрова в статье «Лирика в рассеянии сущих» говорит, что «характерной особенностью дарования Кнорринг является ограниченность ее лирического самораскрытия:

*Я не умею говорить слова,
Звучащие одними лишь словами...*

Да, за «словами» поэтессы всегда что-то большее, привычные детали эмигрантского быта, как тихо звенящие кольца, соединяются в целую цепь неповторимой жизни... Глубоко в душе спрятаны детские воспоминания о родине, но живая связь с ней – не по вине этих юных – с каждым годом все слабеет.

*Забывать нас стали там, в России,
После стольких, безрассудных лет.
Даже письма вовсе не такие,
Даже теплоты в них больше нет!*

Дело не только в убывающей теплоте писем оттуда, есть что-то большее и страшное: отлив чувств, отлив внимания к маленькой, но неповторимой личности человека. Он предоставлен самому себе, он один должен биться, ища путей в огромный мир.

В этот всемирный час отлива – на илистом дне воспоминаний и переживаний, в упорной работе над родным стихом и проходит своя жизнь поэтессы с ее редкими радостями, счастьями, горестями и вечным чувством одиночества...»

Касаясь стихотворения Ирины «Роза Иерихона», обозреватель говорит: «И все же ее «роза», как свидетельствует ее томик, – зацвела. Лучшие «листки» в ней о Париже страшных дней войны».

«После всего» – одна из самых грустных книг в нашей зарубежной поэзии, которую нельзя читать без волнения, – пишет поэт Ю.Терапиано. – Это как бы запись, человеческий документ, повесть о суровой прозе эмигрантской жизни, о беспощадном крушении надежд, о всем том, чего хотели бы и чего не имели люди эмигрантского поколения, о безвыходности, о любви, о горе, о смерти, которая близка, которую

нечем отстранить и, быть может, даже и отстранять неза-
чем. Я сказал «человеческий документ», но стихи Кнорринг
никак не подходят на тот специальный, нарочито-заданный
себе жанр «исповеди», которым увлекались перед войной
многие иностранные и русские поэты и поэтессы. Кнорринг
отнюдь не ставила своей задачей литературную исповедь,
но она жила стихами, поэзия для нее была единственной
возможностью понять себя и объяснить себе происходящее
с нею и с другими; говоря о себе и о своем, она чувствова-
ла и стремилась осознать то же самое, что чувствовали и
стремились преодолеть люди ее трагически безнадежно об-
реченного поколения. Она была искренней, а не стремилась
показать искренность, как некоторые другие литераторы, и
эта искренность определяла для нее содержание ее поэзии.

Кнорринг не была сильной, действенной натурой (да и
как она могла стать действенной при такой болезни?), не
ставила своей целью разрешение каких-либо формальных
задач в поэзии, довольствовалась средней стихотворной
техникой своей эпохи, но голосом – музыкальным, ритмич-
ным, несколько приглушенным – сумела сказать по-своему о
том, что было для нее самым важным и главным, с благопо-
лучной ясностью и с подкупающей простотой».

Покойный С.В.Яблоновский в своем отзыве (нигде не на-
печатанном – не помню, почему), останавливаясь на сти-
хотворении «Роза Иерихона», пытается ответить на вопрос,
который невольно всегда ставился многими, знакомыми с
ее стихами, – откуда этот ее пессимизм? «Откуда эта ни на
минуту не покидающая, зачеркивающая жизнь безнадеж-
ность?.. Вряд ли только болезнью можно вполне объяснить
этот, ничем не нарушимый пессимизм... Не объяснить его
ни отрывом от родины, ни жизненными невзгодами».

Может быть, пишет С.В.Яблоновский, этот пессимизм
«вложил в ее сознание тот ангел, который нес ее душу в
мир?» На памятнике А.Мюссе у Французской Комедии в Па-
риже выгравировано: «Лучшие песни – грустные песни»

«Правильнее было бы сказать, - пишет Яблоновский, - что
лучшими песнями могут быть и грустные, и восторженные,
созданные и теми, над которыми сияет вечное, лазурное
небо, и теми, кто не перестает ощущать шевелящийся под
всею иллюзорной гармонией хаос. Любящий поэзию оцени-
вает ее не этими признаками. Для него нужно, чтобы поэт

был не копией с перекопии, а внес свое слово, чтобы слово это было ненадуманно, чтобы он владел формой. Всем этим требованиям Ирина Кнорринг удовлетворяет в большой степени. Маленькое и будничное она рисует как будто бы маленькими и будничными словами, но они так приближают мир пишущего к миру воспринимающего, что заражают, а это и есть задача искусства. О ней не скажешь «нытик»: она не жалуется, в ней нет навязчивости, она даже не повторяется. С вами беседует в сумерки человек, через несколько минут беседы вы чувствуете, что этот человек вам близок, что его тихая, нетребовательная неудовлетворенность имеет много общего с вашей неудовлетворенностью; вам хочется слушать его еще и еще.

Грустные стихи Ирины – о сером, но это не серые стихи. Она просто не увидела в сумеречной комнате, что «серый комочек» ее «Иерихонской розы» расцвел и цветет и после ее смерти...

Только один голос из среды критиков и поэтов после выхода книжки «После всего» прозвучал резко, грубо и раздраженно. Это заметка И.Берберовой, появившаяся (под инициалами Н.Б.) в «Русской Мысли» (1.VII.1949, Париж) – органе непримиримых антисоветских настроений. Заметка озаглавлена «Поэзия скуки». «Есть люди мрачного мировоззрения, есть люди грустных настроений. Есть люди, угнетенные жизнью, пережившие большие горести и погруженные в настоящую печаль. Но что сказать, когда скука, одна скука и ничто другое делается источником вдохновений поэта? Причем, судьба дала этому поэту не существование в глухой провинции, но жизнь в Париже между 1920 и 1940 гг.» «Содержание стихов есть как бы квинтэссенция жалоб «лишнего человека», только этот лишний человек – не герой книги, а ее автор, и не живет в безвременье, но в напряженную, ответственную эпоху – которой не слышит и не чувствует... Неужели она, для которой революция прошла на заре ее юности, не была подготовлена именно к этой бурной, серьезной и никогда не скупной жизни?»

Здесь Н.Берберова, сама талантливая писательница и поэтесса, стала в критике на путь довольно примитивного, дешёвого и вульгарного подхода к творчеству поэта, прожившего очень сложную, полную больших страданий, жизнь, в которой было много разбитых надежд и разочарований,

но никогда не было скуки (да и скучать-то было некогда!) Правда, в одном из стихотворений Ирина упоминает о скуке, «которой она безнадежно больна», но каждому читателю ясно, не говоря уже о лицах, знавших Ирину (а к таковым принадлежала и Берберова), что здесь под неудачным выражением подразумевается не обычное ощущение Скуки, а тоска, неудовлетворенность и т.д. Но, кроме того, в заметке Н.Берберовой имеется упрек, стоящий на почве «гражданственности» и политики. Со стороны этого автора мне лично слышать это было очень странно. Я и Ирина – мы работали много лет в одной газете с Берберовой, и я никогда не слышал от нее ни таких настроений, ни таких позиций, которые так ярко зазвучали в приводимой рецензии, причем явно в раздраженном и вызывающем тоне. В чем дело? А вот в чем.

В годы немецкой оккупации, после разгрома «Последних Новостей», в эпоху войны с Россией, Н.Берберова была вовлечена в русло определенной антирусской политики, она работала с немцами в той, очень небольшой, части русской эмиграции, которая свою политическую ставку делала определенно на Гитлера. Неожиданно она сделалась политической деятельницей с яркой окраской, резко выступая в антисоветских процессах. После войны одно время ее не было слышно. В возникших «Русских Новостях» (просоветской газете, приемыше «Последних Новостей») Берберова, конечно, сотрудничать не могла и стала работать во враждебной мне прессе. После принятия мною советского гражданства мы с нею при встречах старались не узнавать друг друга. И когда появилась ее статья о книге моей дочери, всем было ясно, что эта стрела была пущена, в сущности, в меня путем недостойного приема критики стихов покойницы. Следует прибавить, что эта рецензия об умершей поэтессе, хорошо знакомой всей русской колонии, была встречена очень холодно даже в среде моих политических противников.

И через несколько лет поэт Н.В.Станюкович в статье «Ирина Кнорринг – поэт изгнания» начал свое изложение с ответа по адресу Н.Берберовой, назвавшей Ирину Кнорринг «поэтом скуки, лишенным больших тем».

«Когда такие категорические высказывания касаются живых, – пишет он, – их принято называть (справедливо ли?) полемическими, но когда они порочат мертвых, то вос-

становление справедливости становится уже повелительной моральной необходимостью. Строки эти и являются, – говорит Н.В.Станюкович, – попыткой защитить память русской женщины – поэта: страдалицы, жертвы изгнания, бездомности, сумевшей в точных, благородно-скромных, до конца искренних, стихах рассказать нам и тем, кто придет за нами, что значит потерять Родину... Не «скукой», а неизбывной тоской по России веет со страниц этих трех книжек, а это ли не большая тема?! И многие ли сумели так просто раскрыть людям свою страдающую душу, обнажить сердце с такой покорностью и мужеством? И другой теме – о смерти – одной из вечных и неисчерпаемых тем подлинной литературы, посвящены многие страницы сборников Ирины Кнорринг, поражающие читателя введением смерти в повседневное течение жизни. Вестница ухода обращена в спутницу дней и ночей поэта. В этих стихах раскрывается страшная судьба не одной И. Кнорринг, но многих тысяч русских женщин, брошенных в чужой мир и задыхающихся в жалких, смрадных отелях, в убогих, сырых каморках городской бедноты. Это особая тема – не изживаемая женская потребность в достойном, прочном очаге развита у нее исчерпывающе»...

Эта сторона стихов Ирины, отмеченная Н.В.Станюковичем, дает некоторое пояснение к «ахматовскому» влиянию на ее творчество. «Творчество было ее жизнью, – пишет этот автор. – Ее строки предельно искренни и правдивы, но это не поэтическая честность, не бесстрашное обнажение самых интимных переживаний, а нечто неизмеримо большее: стихи эти есть самые переживания. Ирина Кнорринг – человек – опустошена поэтом. Поэтому-то так плотна и совершенно лишена того, что принято называть «водою», ткань ее стихов. Читая ее, как бы соприкасаешься живого человека. И это соприкосновение не может оставить равнодушным. Единственная награда поэта – встречное волнение читателя – ей обеспечена».

В заключение Н.В.Станюкович на стихи Ирины: «И в это утро я уйду с земли / Безропотно. Бестрепетно. Бесславно», – возражает:

«Нет! – Не бесславно:

И в синий холод вечеров глухих,

Когда устанем мы от снов и вздохов,

*Мы будем медленно читать стихи,
Ведь, каждый, как умеет, славит Бога.*

Да, мы будем читать стихи Ирины Кнорринг, ее книжки: живой голос русской женщины-изгнанницы, ее нищего быта и редкого, разрывающего грудь, воздуха. Когда-нибудь они станут читаться и в России и станут верным свидетельством неразрывности национальных уз, равно священных для тех, кто пережил русское лихолетье дома или был выброшен во внешний мир, где «тьма и скрежет зубовный».

Очень лестную и верную оценку творчества Ирины в том же журнале, где напечатана статья Н.В.Станюковича, дал поэт, ныне покойный, Георгий Иванов, вышедший из школы Гумилева:

«Покойная Ирина Кнорринг всегда, в последние годы жизни особенно, стояла в стороне от пресловутого «Монпарнаса», не поддерживала литературных связей, одним словом, не делала всего необходимого для того, чтобы печатали, упоминали в печати. Поэтому даже ее последняя книга почти никем не была отмечена со вниманием и сочувствием, которые она заслуживает... Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Ее скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оцененные, будут, я думаю, так же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить многие, более «блестящие» книги ее современников. И возможно, что, когда иные из них будут давно «заслуженно» забыты, – бледноватая прелесть стихов покойной И. Кнорринг будет все так же дышать тихой, не яркой, но неподдельной благоуханной поэзией».

К этому можно добавить и теплые строки Г.Адамовича, поэта и литературного зарубежного критика: «Стихи женственны и безыскусственны. Подчеркивая это, я далек от мысли назвать их неумелыми: нет, но усилия в этих легких и грустных строках не заметно, они, по-видимому, возникли в сознании Ирины Кнорринг сами собой, и вдохновению своему она доверяла, не стремясь ничего причудливого или пряного у него исторгнуть. В стихах чувствуется острый музыкальный слух: сцепление звуков всегда органично, почти всегда безошибочно-выразительно. Есть поэты, которые добивались большего, чем Ирина Кнорринг, но о ней наверно можно сказать, что она поэтом родилась, а не сделалась им

по случайной прихоти. Ее стихи «поют»: это то, что каждый волен ценить или не ценить, но чему едва ли можно научиться.

Печальной, всегда молчаливой, скромной, чуть-чуть застенчивой она прошла среди нас в пестрой толпе русско-парижских стихотворцев, до сих пор еще по привычке называемых «молодыми». Прошла сторонкой, не принимая участия в спорах, еще менее в каких-либо ссорах, тихая, будто чему-то навеки удивленная или испуганная. Кажется, все без исключения любили ее стихи, при том любили без ревности или зависти, часто-часто омрачающих литературные отношения. Прочтя «После всего», все, наверно, вспомнят о ней с благодарностью, смешанной, может быть, с безотчетной болью».

Ирина Кнорринг с подругами

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСПОЩАДНАЯ ПОВЕСТЬ (предисловие)	5
КНИГА ПЕРВАЯ	29
(Харьков-Ростов-на-Дону, Кавказ, Крым. 1914-1920)	
«О, печаль! Ты опять навестила меня...»	30
Рождество Христово	30
«О, муза, муза! Вдохновеньем...»	31
«То был волшебный сон...»	31
На башне	32
«Мне долина приснилася вдруг...»	33
Сказки	34
Хрустальный башмачок	35
«В тёмном небе ночью порой...»	35
Розы	36
«Воспоминанья дней былых...»	36
«Люблю тебя, заката луч прощальный...»	37
Ночь	37
Осень	38
Хризантемы	38
«Закат сторел. Последний луч умчался...»	39
Прощание	39
Аккорд	40
«Спи! Ещё ясное солнце...»	41
«Я был сотворение ада...»	41
Рабы	42
Ночью	43
Прошла пора	43
Ожидание	43
Вечер	44
«Где ты теперь? В лесу глухом...»	45
«Я верила в жизнь, но и жизнь обманула меня...»	46
«Чей глас в печальный вечер лета...»	46
«Хорошо горевать, когда сердце болит...»	46
«О, кто с ипподрома дерзнёт говорить...»	47
«Меня зовут к себе дубравы...»	47
«Тихий шёпот ветвей...»	48
«Напрасна жизнь, напрасны увлечения...»	49
Ночные грёзы	49
1. «Бесприютная, безлюдная...»	49
2. «Ночи бессонные, ночи бесстрастные...»	50

3. «Тихо, печально, угрюмо...»	50
«Молчи, певец, пускай замолкнет лира...»	50
Месть	50
«Я умереть хочу на крыльях упоенья...»	51
«Исчезли мрачные сомненья...»	51
Север	52
«Прошли те дни, когда с тобою...» (Тане Гливенко)	53
«И ничто мне теперь уж не мило...»	53
Мелодия	54
Песня	55
Чёрный демон	56
Мгновение	56
«Плачь, когда горе в душе извивается...»	57
Изгнанники	57
«Юность ли смелая, страсть безнадежная...»	57
«Там, у моря, моря дальнего...»	58
К другу	58
«Хвала тебе, о, смерть всесильная...»	59
«Напрасно ты ждёшь его ночью глухой...»	59
«Забудь печаль летучую...»	60
Мотив	60
В раю	61
«Сны – мечтанья, красивые, нежные, длинные...»	61
«О, счастлив тот, кто жил украдкой...»	62
«Бесконечная, ровная даль...»	62
Над морем (посвящается беженке Л.Р.)	63
«Не верю я красивым снам...»	64
«Скажи мне утешенье снова...»	64
Меланхолия	65
«Мне жаль надежды луч холодной...»	65
«Моё сердце уснуло, как дитя в колыбели...»	65
Север (отрывок)	66
Песня узника	67
Горе	67
Время	68
«Здесь всё мертво: и гор вершины...»	69

КНИГА ВТОРАЯ	71
(Константинополь-Бизерта (Сфаят). 1920-1923)	

«Всё кончено. Разрушены желанья...»	72
На чужбине (Отрывок. Посвящается Тане)	72
Не говори	73

«Для себя мне улыбки не нужно...»	73
«Воздух весенний бодрит и пьянит...»	74
«В тот миг, когда душа полна сомнений...»	74
В карантине	75
Песня	76
«Помнишь ту осень глухую, ненастную...»	76
«В дни моей печали смутной...»	78
Маки	78
«Что ты плачешь в тиши догоревшего дня...»	79
«Как катятся волны морские...»	79
«Скажите мне, о, звёзды золотые...»	80
«Вижу ль я девушки взор утомлённый...»	80
«В вечерней мгле рыдали звуки скрипки...»	81
Спасибо, друг (Наташе Кольнер)	81
«Прощай, Сфаят, прощай свобода!...»	82
Первая ночь в монастыре	82
Дневник	83
«Высоких монахинь зловещие тени...»	83
Корабль (посвящается русскому флоту)	84
Волна	85
«Жизнь – одно лишь ожиданье...»	85
«Песнь в душе моей слагается...»	86
«Я безумству отдал мои лучшие дни...»	86
«Тяжелы мне бездонные пропасти света...»	87
«Лениво, тихо догорает день...»	87
«Я видела мир в его вечной, безмолвной тоске...»	88
«Есть в мире люди, они унылы...»	88
«О, счастлив тот, кто понял совершенство...»	89
На корабле	89
Весна	90
Слава	91
«Шумно год пролетел, и исчез без следа...»	91
«Не увидишь ты в жизни счастливого дня...»	91
«Ненавижу, ненавижу...»	92
«Я себя ненавижу порой...»	92
Ночь	93
«Люблю мечты глухое увяданье...»	93
«Душа моя так страстно хочет жить...»	94
«В тихой безмолвной могиле, под белым крестом...»	94
«Мы пришли умирать...»	94
Хаос	95
1. «Есть место за пустынной горой...»	95
2. «Душа человека – холодное, тёмное море...»	95
3. «Промчатся года одинокие...»	96

Мечты и звуки (посвящается К.Д. Бальмонту)	96
«Мне снилось лёгкое, родимое, больное...»	97
Тоска	97
«Когда рыдает ветер за стеной...»	98
«Отчего так больно жгут воспоминанья?..»	98
Ночью	98
«Ночь молчит беззвучная. Сердце дума жжёт...»	99
«Спорили двое. Напрасно...»	99
«Холодной ночью, в бездонной мгле...»	100
«Я иду с закрытыми глазами...»	101
«Душа моя растёт...»	101
«Собрались, как безмолвные тени...»	101
«На сердце пусто, в мыслях скучно...»	102
«Всё пройдёт» - твердит мне разум...»	102
«Мне снился шум тоскующего моря...»	103
«В тишине осенней ночи...»	103
Святая ночь	104
«Вокруг меня тоска и унижение...»	104
«Я узнаю тебя, мой милый, неизвестный...»	105
Новый год	106
«День пролетает в печали осенней...»	106
Ночь	107
Утро	107
Вечер	108
«В холодной кибитке, и тёмной, и тесной...»	108
«Кончился день. Разбрелись усталые тени...»	109
Бизерта	109
«В тишине, когда ночи тоскливо звучат...»	110
«Туманны дали, как вечерний сон...»	111
«Есть в лунном вечере черта...»	111
«Гремели и падали цепи событий...»	111
Неизбежность	111
«После долгих лет скитаний...»	112
«На развалинах старого храма...»	112
«Пусть в жизни одна пустота...»	113
«В небытие, в красоте, в пустоте...»	113
«Падали сумерки. Туманились дали...»	114
Ночь	114
Ночные чары	115
«Издали пенье церковное слышится...»	116
«Я верю в то, что будет ночь...»	117
В церкви	117
Херувимская	118
Песенка	119

Лунный свет	119
Тост	120
«Ещё не раз в тревоге зыбкой...» (Лисневскому)	120
Блоку	121
«Мы – сухая, как осень, трава...»	121
«Как много брошено камней...»	121
«Лежу в траве под развесистой фигой...»	122
Минута	123
Недосказанное	123
«Песня грусти озабоченной...»	123
«Шишковцам»	124
Исповедь (посвящается мамочке)	124
Страницы из дневника	126
1. «Как тяжело желать и знать...»	126
2. «Ещё не раз с вечерними огнями...»	126
3. «Сегодня день шёл медленно и вяло...»	126
4. «Под маской кроется улыбка...»	126
5. «Никто не прочитает мой дневник...»	127
6. «Какая-то загадочная тайна...»	127
7. «Я растеряла жемчуг дней...»	127
8. «Здесь, на страницах заветной тетради...»	127
«Скрываю мученья раскола я...»	128
«Сквозь тёмноту, как призрак тайный...»	128
«Я небрежно сплетала волосы...»	129
«Я тайный час ждала давно...»	129
«Какая-то бессмысленная тайна...»	130
«Как пустынно в сердце у меня...»	130
«Не хочу я ни жалоб, ни слёз...»	131
«В комнате ленивый полумрак...»	131
«Всё больней тоска в роковых мечтах...»	131
«Дышит зноем день томительный...»	132
«Как эта ночь была светла!..»	133
«Безнадёжна озёрная гладь...»	133
На бульваре (первое впечатление от Туниса)	134
«Несётся звон далёкого костёла...»	134
«Я жить хочу, глядеть в глаза тревоги...»	135
«Бесцельный день прошёл, и снова...»	135
«Я люблю смотреть на тени...»	135
«Нас было четверо. Спокойно...»	136
«Я вижу весь мой жребий чёрный...»	137
«Я помню – мы шли тогда по дороге...»	137
Жалоба	138
«Я закрыла тихо ставни...»	138
Успенье	139

Сны	140
Триолеты (посвящается Папе-Коле)	140
«Мне осталось одно ожиданье...»	141
«Я не верю в то, что после смерти...»	141
«Дай мне песен родины далёкой...»	142
Дома	142
Смерть Гумилёва	143
«Я попала в какой-то таинственный круг...»	144
«Было солнце и ласки лета...»	144
Изгнание	145
«Подняла ленивые глаза...»	148
«В ночь, когда кишат дороги жабами...»	148
«Мне третью ночь одно и то же снится...»	149
«Я скажу тебе совсем немного...»	149
Над морем	150
«Новый месяц тонкою подковою...»	150
«Я не умею жить. Года идут...»	151
1. «Я свою жизнь разлюбила...»	152
2. «Нет у меня ничего...»	152
«Мне в тридцать пятом номере «Звена»...»	152
«Каждый день кончается болью...»	153
Октябрьское утро	153
«Набрела на тихий, белый скит...»	154
«Вокруг – мучительная тишь...»	154
Дон-Жуан	155
«Всенощная шла в пустом бараке...»	157
«Опять мне грустно и опять мне жаль...»	157
«Я хочу быть мечтою...»	158
«Из былей, небылиц и снов...»	158
«Было, пело, уходило...»	159
Мамочке	159
«Нет, не кровь в сиянии заката...»	160
«День прошёл, в Сфаяте стало тише...»	160
«Довольно! Нет ни силы, ни желанья...»	162
«Пусть страшным бременем идут года...»	162
«Я слышу, как во мне звучит струна...»	162
Кэр-Ис (Бретонская легенда)	163
Из дневника	166
«Всё отстанет, всё устанет, отойдёт...»	166
Закат	167
Картинка Сфаята	168
«На перекрёстке ветер...»	169
«В закате что-то есть неуловимое...»	169
У моря	170

«Там, над каналом, видно из Сфаята...»	174
«Всё писем жду, а писем нет...»	174
«Ведь молодость, как утро воскресенья...»	176
«Коснувшись головой дверного косяка...»	176
Портрет	177
Вечером	178
17 ноября 1919 г.	178
Вечер	179
«Заткнула пузырь чернильный...»	180
«Над таблицей логорифмов...»	180
«Лампа под зелёным абажуром...»	181
Жребий	182
«Хочу, чтобы смелым и юным...»	183
«Тихо я склонилась над работой...»	183
«Лёгкий запах никотина...»	184
Сфаят (сцены в 3-х картинах)	185
«Пришла расстроенная. Молча...»	202
«Дёргают порывы ветра ставни...»	203
«Где-то снилась радость, где-то веселье...»	203
«За стеной говорили долго...»	203
«Чад керосиновый...»	204
Эгоизм	205
«Я в этот час схожу с ума...»	206
Утешение	206
«Я помню этот взгляд пронзающий...»	207

КНИГА ТРЕТЬЯ209 (Сфаят. 1924-1925)

«Гибкий стан передничком стянут...»	210
«Сквозь глухое окошко моё...»	210
«После вечерней прогулки...»	211
Васе	212
«Глаза болят от слёз недавних...»	212
«Слишком тёмн опущенный взгляд...»	213
«Я в розы майские не верю...»	214
«Настежь дверь раскрыта...»	214
«Лежат прозрачные, лунные пятна...»	215
Новый год	216
«И голос тих, и голос глух...»	216
«Как я узнаю, что будет солнце...»	217
«С катехизисом Филарета...»	218
«За дверью – отдалённые шаги...»	219

«Последний луч скользнул по красной крыше...»	219
«Хотелось нарциссов – белых цветов...»	219
Вечер	220
Вчера	222
«Не верю. Не молюсь. Не знаю...»	223
«Расчёсывая на ночь волосы...»	223
«По-весеннему светит солнце...»	223
Ночью	224
«Хочу, чтоб совсем не завяли вот эти нарциссы...»	224
«В этой комнате убогой...»	225
«Я твёрдо знаю, что вольна сама...»	225
«Над равнодушно-серым переплётом...»	226
«Я поверила в нежную сказку...»	226
Дон-Жуан	226
Донна-Анна	228
Заповеди	229
1. «Не бойся жить. Смотри в глаза беде...»	229
2. «Верь в самого себя: душа сильна...»	229
3. «Будь в жизни прост. Будь силён сам собой...»	229
«Иду в потёмках. Мир меня страшит...»	230
«Со мной никто не говорит...»	230
«Возможно ли счастье?..»	231
«Бьются звенящие градинки...»	231
«Каждый том стихов – только новый ключ...»	232
«Что мне до вечности, до вселенной...»	232
«Ты моей души владетель тайный...»	233
«Надоело мне улыбаться...»	233
«За притворённой дверью...»	233
«Как величественный голос пророка...»	234
«Не широка моя дорога...»	234
«Ночью бродит туман...»	235
«Двенадцать дней скучала без стихов я...»	235
На завтра	236
«Тёплым солнышком согрета...»	236
Блоку	237
«Дрожащий сумрак бледен и утрюм...»	238
Мамочке	238
«Я смотрела под маски смешливые...»	238
Донна-Анна	239
1. «В своём чертоге позабытая...»	239
2. «Грубой страсти тихая жертва...»	239
Терцины	240
«Перед маленькой иконкой...»	240
На реках Вавилонских (псалом 156)	241

«Всю ночь поскрипывала дверь...»	241
«Зацветает Иудино дерево...»	242
Кошмар	242
На Венере (В.Матвееву)	243
Вселенная (В.Матвееву)	243
Блок	244
«Я ласкала чёрную кошку...»	244
«Подойди к узорной тени...»	245
«Неуютно, неряшливо смята постель...»	246
«Не о прошлом, не о мучительном...»	246
Мамочке	247
«На ромашке всё ясней...»	248
«Не тихую песню...»	248
«Слишком многое недосказано...»	249
«Я рано перестала верить...»	249
«Мне, как женщине, знакома жалость...»	250
«Я верю в Россию. Пройдут года...»	250
«Я девочкой уехала отсюда...»	251
«Как он спокоен, говорит и шутит...»	252
«В глухой горячке святотатства...»	252
Мамочке	253
«Мечтательный дактиль...»	253
«У богомольных есть красная лампадка...»	253
«Станет больно – не заплачу...»	254
«Мне не нужно горьких оправданий...»	255
«Ведь прежде – такая мука...»	255
«Рано каяться. Жизнь занесёт...»	256
«Засыпая, повторяла имя...»	256
«Больше дерзаний! Смелей вперёд!..»	257
«Я в этот мир вошла несмелой...»	257
Сонеты	258
1. «У двери, в темноте, сидела я одна...»	258
2. «Я не умею говорить слова...»	258
3. «Мне всё равно – себя или других...»	258
4. «Я видела нерукотворный свет...»	259
5. «Молчание мне сказку рассказало...»	259
В Бизерте	260
«Всё бежим – и не убегаем...»	261
Баллада о двадцатом годе	262
1. «Стучали колёса...»	262
2. «Как на острове нелюдимом...»	264
3. «Тянулись с Дона обозы...»	264
4. «Ползли к высокому молу...»	265
5. «Нет, не победа и не слава...»	266

«Ах, не надо больше душных зелий...»	268
«Когда я душу ломала...»	268
Бедуинка	269
«Нет, не простит мне этот взгляд весёлый...»	269
«Я люблю на белых страницах...»	270
«В тот час, когда опять увижу море...»	270
Неведомому другу	271
«Руки пахнут мясом после кухни...»	271
Хедди (арабский мальчик)	271
Ночь на кладбище	272
«Вечером, в грязные окна...»	272
«Шатаюсь, будто пьяная...»	273
«А с каждым вторником Сфаят пустеет...»	273
Наташе П.	274
«Эти лилии пахнут дурманяще...»	274
«Леонардо да Винчи» Мережковского	274
Что будет	275
«Не смотри в глубь расширенных глаз...»	275
«Такой скучающей и молчаливой...»	275
«Немножко сентиментализма...»	276
«Да, я лгала, как лгут все женщины...»	277
«Как я устала ждать украдкой...»	277
«Тоска по уюту, по дому...»	278
«Пела ночь голосами цикад...»	279
«Я слишком много разбросала слов...»	279
Вечер	280
Мамочке	281
«Мне хочется смелого взгляда...»	281
«Я закрыла плотно ставни...»	282
«Я только для одной себя жила...»	282
«Осень блещет зарницами...»	282
Видения будущего	283
1. «Я шла мимо ярких витрин...»	283
2. «Я прошла, на других непохожая...»	284
«Я нашла осеннюю отраву...»	285
«Слушай, сердце глупое моё!..»	285
«Опять дожди по ночам начались...»	286
«Весна в том году ничего не дала мне...»	286
Вечера (Наташе)	287
1. «Я одна в моей маленькой келье...»	287
2. «С неразгаданным именем Блока...»	287
Россия	288
Вечер	288
«Подняли неторопливо сходни...»	289

«Я их не повторю ни разу...»	289
«Забывать нас стали там, в России...»	290
Вечер	290
«Капает дождь монотонный...»	291
«Золотому петушку»	291
«Я не скажу, чего хочу...»	292
«Догорая, лампы меркли...»	293
«Меня гнетут пустые дни...»	293
«Бери меня! Целуй! Замучай!..»	294
«С Новым Годом, дожди и туманы...»	294
«За тяжёлой занавеской...»	295
Мамочке	295
Портрет	295
Трепет	296
1. «Как тяжесть страшного недуга...»	296
2. «О том, что было, и о том, что будет...»	297
3. «Я дала обет молчанья...»	297
4. «Я заснуть не могу – так взволнована...»	297
«День цветёт загадочно и просто...»	298
«Над глухими черепицами...»	298
«Ветер с запада слёзы сушит...»	299
Бизерта	300
«Так невесело под этим небом...»	301
«Я давно увидела убожество...»	301
Собаки	301
1. Чарли	301
2. Ятька	302
3. Рында	302
4. Бибка	303
5. Бимс	304
«Я пальцы себе исколола...»	304
Мысли вслух	305
«Зябко кутаясь в ночной рубашке...»	306
«Как японский флаг...»	306
Наташе П. (Пашковской)	307
«Опять дожди. Болит колено...»	308
«Я книгу раскрыла. В ней – белые дюны...»	308
«Я теперь не гляжу на зарю...»	309
«Всё бледней изломы линий...»	309
«Я люблю прошлогодние думы...»	310
«Небо, небо, улыбнись...»	310
«Сонно падают ресницы...»	311
Баллада о ликвидации	312
1. «1 мая. Сыграл горнист в последний раз отбой...»	312

2. «2 мая. Ползут по дороге тени...»	312
3. «Наступают последние дни...»	313
4. «5 мая. Как с похорон, вернулись с провод...»	314
5. «Всё в прошлом. Весёлые шумы...»	315
6. «За морем – новая тревога...»	316

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ317 (Париж. 1925-1928)

«Шумят мне ветвистые клёны...»	318
Химера на Нотр-Дам	318
«В этот мир, холодный и старый...»	319
«За рассеянный взгляд в пространство...»	319
«Да, я забыла тебе рассказать...»	320
Могила Наполеона в Инвалидах	320
«Я не знаю – тебе всё мало...»	321
«Вечер был такой пустой...»	322
В вагоне	322
«Я здесь не та. Не плачу о весне...»	323
«Нам не радуга в небе сияла...»	323
«Ты говоришь, что я живу тоскливо...»	323
«С улыбкою неотвратимых дней...»	324
«Испуганный бой часов на башне...»	324
Утро	324
«Всё медленней ночи глухие...»	324
К книжке Ходасевича	325
В вагоне	325
Мысли за работой	326
«С тёмной думой о Падшем Ангеле...»	326
«В мире тающем и старом...»	327
В вагоне	327
«В моей душе есть много пятен...»	328
«Всё беззвучнее сердце колотится...»	328
Домой	329
«Электрический свет потух...»	329
Вечер	330
«Над гуком грохотом бульваров...»	330
«Я говорю: не знаю и не помню...»	331
«Я совсем на себя не похожа...»	331
«Зачем ты бьешься и тоскуешь...»	331
Осень	332
«Нет, я не всегда была такой...»	332
«...Пуст кинематограф Гарибальди...»	333

Там	333
«Когда огни вечерние горят...»	334
«На стене леги пятном кривым...»	334
«Я старости боюсь – не смерти...»	335
«Нет больше слов о жизни новой...»	335
Стихи о Париже	336
1. «В туманно-серой, душной мгле...»	336
2. «Над рекой, под мостом, над бульварами...»	336
«Мы бездомные, глупые дети...»	337
«Кто не помнит сказку о Синей Птице?..»	337
«Наш век сухой. Наш век – пора молчанья...»	338
«И вдруг слова о чести и о праве...»	338
«Ещё мы говорим стихами...»	339
«Пусть метель захлещет душу...»	339
«Есть в жизни час, простой и яркий...»	340
«На всём лежит оцепененье...»	340
«Дням прошедшим не завидуй...»	341
«Клубится дым у печки круглой...»	341
«Я говорю о долгих ожиданиях...»	342
Рождество	343
«Отговорил, отскандаил...»	343
«Вы видели меня всегда такой...»	344
«Пусть хлынет дождь и капли застучат...»	344
«Я жизнь люблю за то, что даль темна...»	344
«Разве жизнь моя не пуста?..»	345
«Как женщина, когда её целуют...»	345
Я не помню	345
«Отчего в дыму от ладана...»	346
Старинный романс	346
Анне Ахматовой	347
«Когда в саду шуршит весна...»	348
В Россию	348
«Не в первый раз и не в последний...»	349
«Жена и мать останутся в Довиле...»	349
«Улыбка, беспечальная когда-то...»	349
«Надеть открытое, короткое платье...»	350
Цветасвой	350
«Будет утро и свет заструится...»	350
«Так что же? – плачь, неистовое плачь!..»	351
«Это будет сегодня. Я в это верю...»	351
«Пусть брошены те нежные слова...»	351
Ночь	352
«Есть верный путь к упрямой петле...»	352
«Какая грустная весна!..»	353

«Тогда цвели кудрявые каштаны...»	354
«Пусть молодая поэзия...»	354
Rue des Ecoles	355
«Там мне запомнился кричащий голос...»	355
«Дома ждёт меня бессонница...»	355
«Я буду письма писать...»	356
«Я в сумерках синих зажгу свечу...»	357
Простенькое	357
Март	358
«Не любовь, а лёгкая влюблённость...»	359
«Движение дней, трагедия борьбы...»	360
«Прежде тоска была...»	360
«Целый день я наряжаю кукол...»	361
«Что мне мешает броситься в окно...»	361
Донна-Анна (этюд)	362
О том, как кошка пропала	363
«Пусть вы не любите моих стихов...»	363
«Лежит в распахнутом окне...»	364
«Сегодня вечер слишком сух...»	364
«Тени у калиток...»	365
«Туча небо кругом обняла...»	365
В метро	366
«Слепая ночь прильнёт к земле...»	366
Ночной бред	367
1. «Фонарь отсвечивает в луже...»	367
2. Фонарь	367
3. Темнота колдует	368
4. «И всё мне чудится бессонной ночью...»	368
5. «Да, я помню этот страшный миг...»	368
6. Полу воспоминанья, полу пророчества	369
7. «Завтра я письмо получу...»	369
8. «Возвращаюсь ночью из Парижа...»	369
«И тень моя по улицам бродила...»	370
У метро	370
В кафе	370
«На этот раз никто не обманул...»	371
«Мы никогда не будем близкими...»	371
«Тосковала, дни считала...»	372
«По садам пестреют георгины...»	373
Вечер	373
«Я всё оставила, чем я жила...»	373
«Мы расстанемся тихо и просто...»	374
«Принимаю все твои упрёки...»	374
«Ещё дурманит в полдень яркий зной...»	375

«Убывают заметно дни...»	375
Россия (вариации на старое)	376
«Уйди! Я буду ревновать...»	377
«Не километры разделяют нас...»	378
«Стала жизнь наивной сказкой...» (Косте)	378
«Над площадью синяя муть...»	379
«Мне нравилось солнце и душный сирокко...»	379
«Шла я долго, злая, непохожая...»	380
«Стучались волны в корабли глухие...»	380
Юрию Бек-Софиеву	380
Трое	381
«Переполнено сердце моё...»	381
Эпилог	382
«Тревожна осенняя муть...»	382
«Снова буду терпеливо ждать...»	383
«А старушка кормила кошек...»	383
Стихи (Юрию)	384
Б.К.Зайцеву	385
«На стене – неподвижные тени...»	385
«Я не забыла тёмный свод моста...»	386
«Ты ушёл. И сгустились тучи...»	386
«Ты принёс мне стихи о Версале...»	387
«Говорят, что нежность тиха...»	388
«Ты сказал: «Что я дал тебе?»...»	388
«Проходят школьники. Стучат сабо...»	388
Pont Neut	389
«Ночью слишком натянуты нервы...»	390
В поезде	390
«Я пришла к тебе вечером...»	391
«Но кроме нас с тобой есть мир другой...»	391
X Arron dissement	392
«Чуть проступают фонари во тьме...»	392
Усталость	393
«Помню вечер: летучие мыши...»	394
Летучие мыши	394
«Стали яркими звёзды над крышей...»	394
«Зацветают в Париже каштаны...»	395
«В окно смеётся синеватый день...»	395
«Всё вспомнила, всё вновь пережила...»	395
«Казалось мне, что я и не жила...»	396
«Затуманились мглистые дали...»	396
Версаль	397
«С каждым днём всё больше в жизни красок...»	397
Счастье	398

Воля к жизни	398
«Всегда всё то же, что и прежде...»	399
«Облокотясь на подоконник...»	399
Пилигримы	401
«Я в прошлой жизни на земле была...»	402
«Я не в силах сказать: «Если надо – уйди...»	402
«Солнце тихо катится к полдню...»	402
Сентиментальное	403
I. «Ни стихов, ни боли, ни мучений...»	403
II. «Всё, что кануло в прошлом году...»	404
III. «Папоротники, тонкие берёзки...»	404
«Тихий сумрак спустился над нами...»	404
Бессонница	405
«Минут пустых и вялых не считаю...»	405
«Вот в такие минуты могу...»	406
«В расчётливом, высоком кабинете...»	406
«В душный вечер, безлунный и чёрствый...»	407
«Потянуло вечерней прохладой...»	408
«Быть только зрителем безмолвным...»	408
«Слова любви тогда цвели в душе...»	408
«Осень мутной ржавчиною метит...»	409
«Я не нашла торжественное слово...»	409
«В гостиных строгих, с душистыми коврами...»	410
«Потеряла дорогу назад...»	410
«Часто я люблю бродить одна...»	411
«Отяжелела душа...»	411
«День прошёл без меня...»	411
Из дневника	412
«Ясней и ясней синяки под глазами...»	413
«Побледневшая, встала у зеркала...»	414
«Взгляд в пролёты улиц брошен...»	414
«В Сен-Сюльпис, где всегда тишина...»	415
«За все обиды и упрёки...»	415
Перед зарёй	415
«Третью ночь нехорошее снится...»	416
«Не затем ведь мы стали врагами...»	417
«Неправда, что я жизнь свела...»	417
Утро	418
Бессонница (В.М.)	418
«Ты не бродил по набережной Сены...»	419
«Над чёрной, блестящей Сеной...»	419
«Всегда, всегда рассказывать стихами...»	420
«Должно быть, поздно. Тишина вокруг...»	420
«Я устала быть больной...»	421

«За окошком тускнеющей сталью...»	421
Ночью	422
«Я жалости не хочу...»	423
Утро	423
«Не люблю я казаться странной...»	424
«Мы – неудачники. Совсем, как дети...»	424
«Мы твёрдо знали: жизнь нас обожжёт...»	425
«Весь день болела голова...»	425
«Зажигались слова летучие...»	425
Бредовое	426
«Быть странником, без жалоб и без стонов...»	426
«Мне, как синице, моря не зажечь...»	427
«Я зубы стискиваю, ставлю точку...»	427
«Я не пишу давно стихов...»	428
«Твои стихи – подарок разума...»	428
«У меня в комнате совсем темно...»	429
На шестом этаже	429
«Я пуглива, как тень на пороге...»	430
«Тебе – без корысти и лести...»	431
Старый квартал	432
«Заставить сердце быть сухим, как камень...»	432
«Руки крестом на груди...»	432
«Ни радости многоголосой...»	433
Дни без солнца	434
«Молчанье громким словом не нарушу...»	434
«Пора, пора, мой нежный друг...»	435
«Я накопила приметы...»	436
«Воздух светлый и пряный. Осталась ли...»	437
«Сохрани мои горькие бредни...»	437
«Жизнь идёт – и, слава Богу...»	438
«Всюду пахнет мохнатой сиренью...» (Лиле)	439
«Я не спутаю строгие ритмы...»	439
«Мне о грустном хочется писать...»	440
«По тёмным расщелинам улиц...»	440
«Веди меня по бездорожью...»	441
«В вечер синий и благословенный...»	442
«Всё это было, было, было...»	442
«Так вянут медленные дни...»	443
«Ты погружён в иное бытие...»	443
«Безвольно уронены слабые руки...»	444
«Вот придёт и уткнётся в газету...»	444
«Опять печаль, опять печаль без меры...»	444
«Звенели острые дожди...»	445
«И стали дни покорны и легки...»	446

Госпиталь	446
«Не сделалась интересней...»	446
«Ты говоришь, что скуки ты не знал...»	447
Усталость	448
«Для кого я надеждой была?..»	448
Бабье лето	449
«Ещё никто ничего не видит...»	449
«Вот уже половина седьмого...»	450
«Для правнуков, которых нет...»	450
«Ещё мы любим в беглом взоре...»	450
Желанья	451
«Ночами острой тревога...»	451
«Я не спрашивала: зачем?..»	451
«И разве жизнь моя ещё жива?..»	452
«За большие крути под глазами...»	452
«Не жаловаться и не говорить...»	452
«Когда-нибудь мы вспомним этот день...»	452
«Милый друг, пока не надоело...»	453
«Ты пойми, что устала...»	453
«Я не знаю, что я люблю...»	454
«Два счётчика минут пустых...»	454
«Я брошу всё: стихи, слова и строки...»	455
«Я только повторяю – «всё равно»...»	455
«Час пробьёт торжественно и звонко...»	456
«Поняла, что больше не ребёнок...»	457
«Друг другу приходят на смену...»	457
«За просторы степей зелёных...»	458
La Bollee	458
«Говорили о злобе пожарищ...»	459
«Сон, полумрак и покой...»	460

КНИГА ПЯТАЯ461 (Париж. 1929-1933)

«Покориться неизбежности...»	462
«Я не знаю, кто был застрельщик...»	462
«С такой тяжёлой головой...»	462
«Я плачу над пёстрою маской...»	463
«Отошло, отпело, отзвенело...»	463
«Склоним устало ресницы...»	464
«Будут ночи – сквозь плотные шторы...»	464
«Молчанье ничто не нарушит...»	465
«Забыть беспомощные голые кусты...»	465

«Шепчет ночь, колдунья и пророчица...»	466
«Там завелись осторожные черти...»	466
«В Люксембургском саду, у газона...»	467
«С каждым днём, с каждым часом всё тише...»	467
«Потупив тусклые глаза...»	468
«Верно, мне не сделаться поэтом...»	469
«Я простила вздорные мечты...»	469
«Счастья было мало?...»	470
Двум Юриям	470
«Мне, как синице, моря не зажечь...» (вариант)	471
«Я думаю – о медленном конце...»	471
Дождь	472
«Я как-то сделалась старей...»	472
«Отдохнуть бы от пламенных слов...»	472
Награда	473
«Я теперь уже совсем не та...»	473
«Я смогу примириться с тоской...»	474
«Я не могу остановиться...»	474
«Я никому не читаю стихов...»	474
«Всё о том же – о мутных глазах...»	475
«Не нужно слов – один лишь голос...»	475
«Мне некогда смотреть на облака...»	476
«Отдам мои голые руки...»	476
«Не гадайте – и так знаю всё наперёд...»	476
«Я не смотрела в зареное небо...»	477
«За обыкновенные слова...»	477
«Я одна. И какое мне дело...»	478
«Я пью вино. Густеет вечер...»	478
«За мутный день у мутного окна...»	479
На завтра	479
«И вовсе не высокая печаль...»	480
«Забыть о напряжённых днях...»	480
«Ты погружён в иное бытие...» (вариант)	481
Творчество (двум Юриям)	481
«Ты мечтаешь: «Вот вернусь домой...»	482
«Всю жизнь тоскливо думать про искусство...»	482
«Без моего вниманья проживёт...»	483
«Опять о том же: о годах войны...»	483
«За то, что правда солона и зла...»	483
Колыбельная	484
Нине	485
«Считаю тихие пустые будни...»	485
«В ладони опускаю голову...»	486
«А я живу. Лениво говорю...»	486

«О всём, о чём хочешь. О средневековье...»	486
«А я не хотела танцевать...»	487
«Что я знала? Только радость – верить...»	487
«Ясней, чем весной, небеса...»	488
«Никогда ни с радостью, ни с болью...»	488
«Спокойные зарницы...»	489
Осень	489
«Третью ночь нехорошее снится...» (вариант)	490
«Мы в жизни мучительно-разные...»	490
«Можно всё друг другу рассказать...»	491
«Пар над чашками, тетрадь, вязанье...»	491
«В этом старом, убогом отеле...»	492
«Мне надоело быть простоволосой...»	492
«Печального безумья не зови...»	493
Стихотворение, в котором всё выдуманно	493
«Так – кружусь в назойливом круженье...»	494
«Я научилась терпеливо ждать...»	494
«Жизнь, это рай? Рассыпанные звёзды?..»	495
Будильник (Юрию)	495
«Губы шептали, склонялись ресницы...»	496
«Всё глубже и неотвратимей...»	496
«Ни клясть и ни благодарить...»	497
«Только клубы едкого дыма...»	498
Монпарнас	498
«Ни восторженно-звонких стихов...»	499
«Глядишь на звёзды взором вдохновенным...»	499
«Уже не девочка – жена и мать...»	499
«Просто, без слёз и проклятий...»	500
Роза Иерихона	500
Ночью	502
Мыши	503
«Надоело скитаться без цели...»	503
«Я всё ещё верила в чудо...»	504
Рассвет	505
Поэту	505
«Уж лучше на необитаемый остров...»	506
«За много дней, ушедших без меня...»	507
«Забыть про далёкие встречи...»	507
«Я знаю, как печальны звёзды...»	508
Бессонница	509
«Я до конца измучена...»	509
«Давно не говорим «спокойной ночи»...»	510
«Всегда нахмуренные лица...»	510
«Я люблю безобразные тучи...»	511

«Плакать так, чтоб никто не услышал...»	511
«Всё это – я ещё, быть может...»	512
«Я люблю заводные игрушки...»	513
«Ещё о Боге можно говорить...»	513
Что с нами будет через десять лет	514
Тишина	514
Ветер	515
1. «Навеки: вот эти обои...»	515
2. «Все эти дни беспутный ветер...»	515
В деревне (Игорю Софиеву)	516
«Стало холодно. Рано смеркается...»	517
«Всё падает в пустом осеннем сквере...»	517
«С улыбкою насмешливой и колкой...»	518
«Не спасут тебя мудрые книги...»	518
«Я стала сдержанней и суше...»	519
«Сентиментальностей не нужно...»	519
«Спасибо за жаркое лето...»	520
«Если ты никуда не уходишь...»	521
«Ещё не раз в тревоге зыбкой...»	521
«Устав от трезвости и воли...»	522
Памяти Жермэн	522
«Спи, не думай о долгах...»	523
«Всё забыто – и радость, и горе...»	523
«Мы мало прожили на свете...»	524
«Мы опять с тобой одни остались...»	524
«Я знаю: нужно верить в Бога...»	525
«Не те слова, не те, что прежде...»	526
«В этих комнатах я вечерами...»	527
«Проходили года за большими, как волны, годами...»	527
«О том, что жизнь нехороша...»	528
«Мне приснился опять ряд больничных кроватей...»	528
«Так или иначе, а жизнь ушла...»	529
«Таким, как я – физически больным...»	529
О смерти	530
Письмо (которое никогда не было послано)	530

КНИГА ШЕСТАЯ533

(Париж. 1933-1942)

«В нами не услышанных созвучьях...»	534
Белая дорога	534
I. «Книги мёртвые разлюбя...»	534
II. «Ты цветов придорожных не трогай...»	535

«Жужжит комар назойливо и звонко...»	535
О России (В.А. Подгорному)	536
Элегия	537
«Уже прошла пора элегий...»	537
Собаки	538
«Я пишу не стихи, а стишки...»	539
«Мы давно потеряли дорогу...»	540
«Всё брошено и ничего не жаль...»	540
«Будет день – мы уйдём и забудем...»	541
Тебе (вариант)	541
«Должно быть, так всегда бывает...»	542
«Я не боялась, не ждала, не знала...»	542
«О тех, кого я не любила...»	543
«Я снова верю пышным фразам...»	543
Наташе	543
О смерти	544
«Истлеет день, и будет ночь...»	545
«Всё равно ведь никто не поверит...»	545
«Забудь, что я жила без света...»	545
«Приди. Возьми. Люби. Запомни...»	546
«Писать стихи и прятать под замок...»	546
Измена (воображаемому собеседнику)	547
«Нам не радуга в небе сияла...» (вариант)	548
«Спичка. Дрожащее пламя...»	548
«Уж всё равно никак не спрячешь...»	549
«Никогда ничего не просила...»	549
«День прошёл без меня...» (вариант)	550
«Что будет дальше – всё известно...» (Б.У.)	550
«Стихи о том, что молодость прошла...»	551
«Бедность, недомоганье, усталость...»	551
«Не для счастья – для злобной тревоги...»	552
«От Бога спасенья не жди...»	552
Б.У.	553
1. «Зачем я прихожу в ваш тёмный дом...»	553
2. «Я вас люблю запретно и безвольно...»	553
«За что? За то, что слишком мало...»	554
Поэма дороги (Юрию)	554
«Такой же день, как девять лет назад...»	556
«Сегодня день – совсем вчерашний...»	556
«Помню – поезд бесшумно рвануло...»	557
«Этим летом опять поедem...»	557
Андай	558
«День догорит в неубранном саду...»	559
«Так жить. Почти ни во что не верить...»	559

«Вот стихи о смерти, о разлуке...»	560
«Будет больно. Не страшно, а странно...»	560
Provins	561
«Усталой честностью усталый друг...»	561
«Над широкой вечерней равниной...»	561
«Ты знаешь сам – таков от века...»	562
«...И каждый новый промелькнувший город...»	562
«Мои слова о верности и боли...»	563
«Я покину мой печальный город...»	563
«Я хочу, чтоб меня позабыли...»	564
«Пока горят на ёлке свечи...»	564
«Всё пережить: холодный голос...»	565
«Что скажу я маленькому сыну?...»	565
«Считать толково километры...»	566
«Проходят дни – во мне, как наяву...»	566
«Есть такое слово: « не могу»...»	567
«Лета не было в этом году...»	567
«Вот прошла я, подобная многим...»	568
«К чему теперь высокомерье...»	568
«Живу – а чем? – сама не понимаю...»	569
Мой дом	569
«Целый день, целый вечер - тревога...»	570
Лиле	570
«Растерять всех друзей и врагов не нажить...»	571
«Я – человек второго сорта...»	571
«Если эта тетрадь...»	572
«От женских слёз – до нежности мужской...»	572
«Я хочу человеческой жалости...»	573
Окно в столовой	573
«Ещё госпиталь снится ночами...»	575
«Я уж не так молода, чтобы ехать в Россию...»	575
«Я Богу не молюсь и в церковь не хожу...»	575
«Мне холодно. Мне хочется согреться...»	576
«Ещё лет пять я вырву у судьбы...»	577
«Мне всё равно – куда и от кого...»	577
«С каждым годом всё дальше и дальше...»	577
Pentecote (Юрию)	578
«Обвей мой крест плющом зелёным...»	579
«Пасьянс не сошёлся. Я снова одна...»	579
«Это значит – никогда на свете...»	580
«Когда сердце горит от тревоги...»	580
«О чём писать? О лете, о Бретани...»	581
«К чему, к чему упрямая тревога?...»	581
«Нас разделяют двадцать лет...»	582

«Грустно думаю. Пищу. Тоскую...»	582
«Мне всё давно уже не мило...»	582
«Ночь прошла. За окном рассвело...»	583
«Дотянуть бы ещё хоть три месяца...»	584
«В маленьком, чистом, пустынном сквере...»	584
«Ещё томят воспоминанья...»	585
«Шумный ветер деревья ломит...»	586
«Деревья редкие мелькают...» (вариант)	586
«Сбываются сны роковые...»	587
«Жизнь прошла, отошла, отшумела...»	588
«Живи не так, как я, как твой отец...»	588
«Где-то пробили часы...»	589
«Земля надела белое платье...»	590
«Войной навек проведена черта...»	591
«Только вина во многом...»	591
«Просыпались глухими ночами...»	592
«Бледной, неряшливой, очень и очень усталой...»	593
«Такие сны, что редкостный подарок...»	593
Игорю	594
«Очень большая усталость...»	594
«Километр за километром...»	595
«Ты не вспомнишь уютного детства...»	595
На вокзале	596
«Уверенный, твёрдый, железный...»	597
«Темнота. Не светят фонари...»	598
«В раскрытом окне трепетали холодные звёзды...»	599
Бессонница	599
Колыбельная, которую я тебе пела	600
НИКОЛАЙ КНОРРИНГ	
«КНИГА О МОЕЙ ДОЧЕРИ»	603

Ирина Кнорринг

ЗОЛОТЫЕ МИРЫ

Избранное

Составитель Н.Н.Кнорринг

Редактор Н.М.Чернова

Фото из семейного архива Кноррингов

На обложке иллюстрация И.Билибина

Верстка и дизайн – ТОО "Седьмая Верста"

Сдано в печать 13 мая 2014 г. Печать цифровая.

Бумага офсетная, 80 гр/м². Тираж – 50 экз.

Отпечатано в типографии "Седьмая Верста".

г. Алматы, ул. Маркова, д. 49, оф. 46

Тел.: 7 (727) 262-10-54. E-mail: 7versta@mail.ru